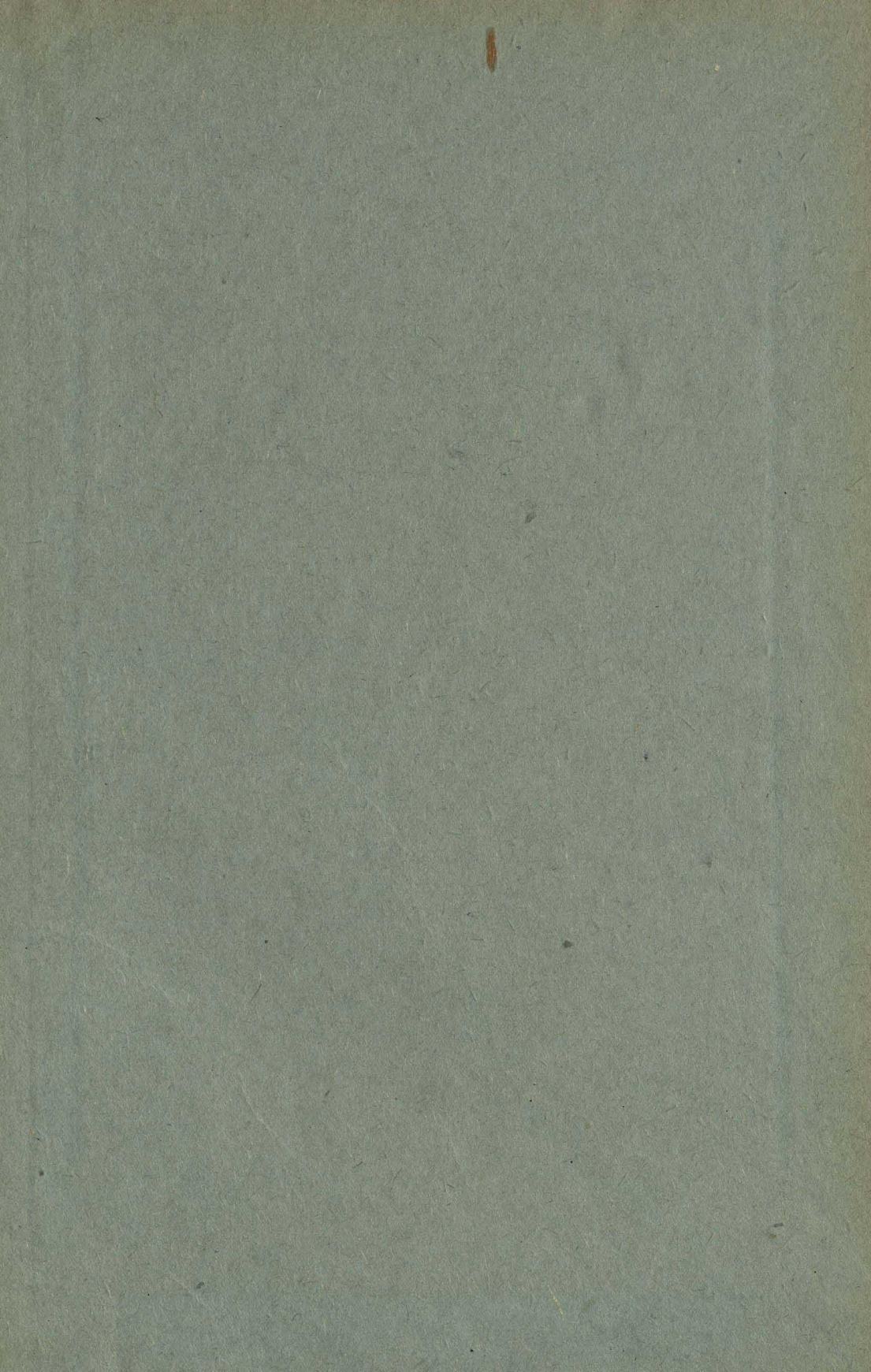
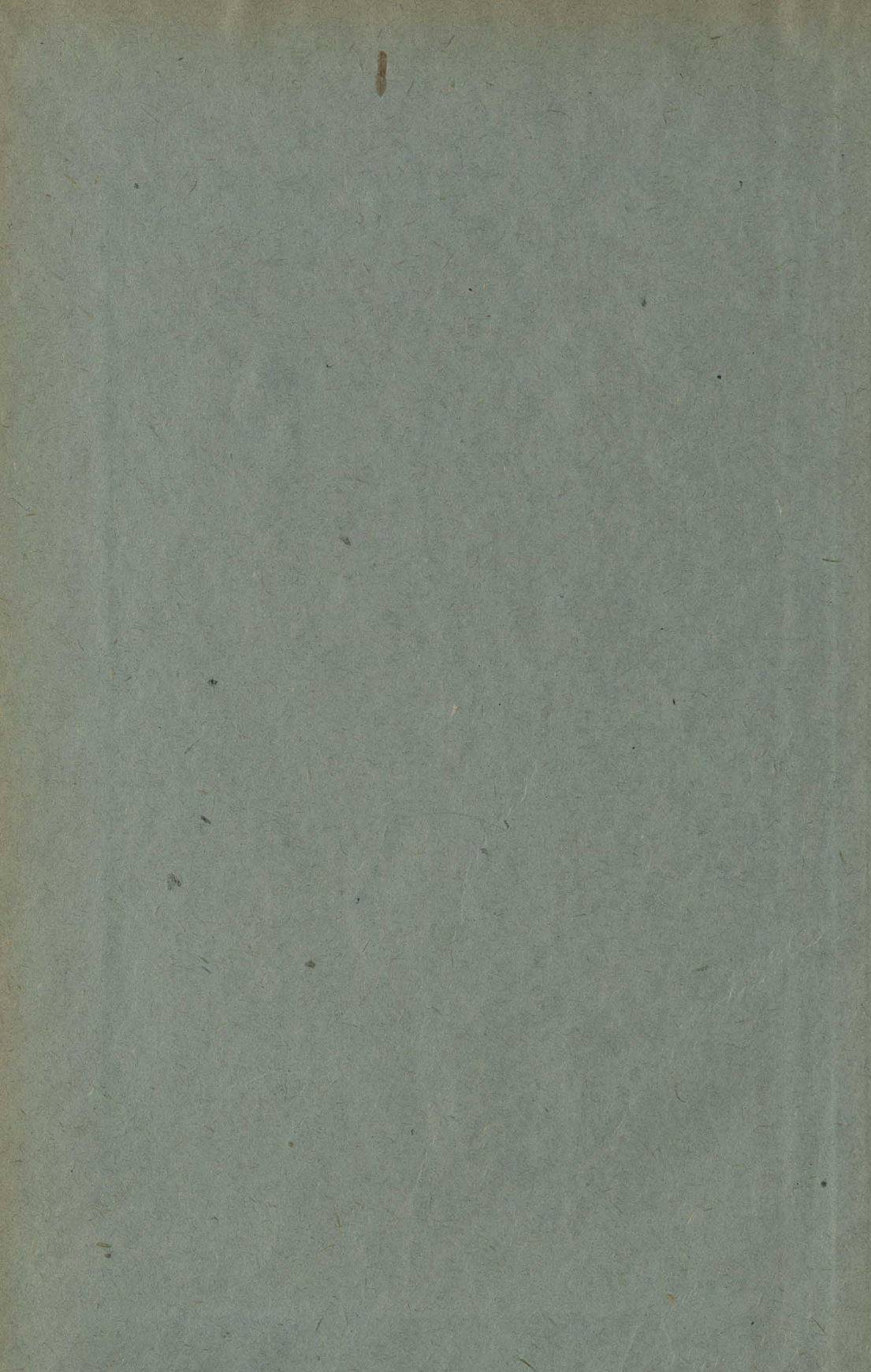

7^e wsg.
F 123
97
3-4 2.05

СѢЯТЕЛѢ

ТРЕТЬЯ КНИГА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ

К. ПУКШАШЕВИЧЪ.

— ИЗДАНИЕ

Училищнаго Совѣта при Свѣтѣйшемъ Синодѣ

125 97
Клавдія Лукашевичъ

ТРЕТІЙ (И ЧЕТВЕРТЫЙ)

ГОДЪ ОБУЧЕНІЯ

ВЪ ШКОЛѢ И СЕМЬѢ

Съ приложеніемъ церковно-славянскаго чтенія, съ толковымъ словаремъ мало-
понятныхъ словъ и со множествомъ иллюстрацій — снимковъ съ картинъ
Третьяковской галлерей и Русскаго музея Императора Александра III

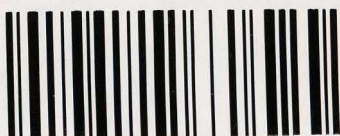
ИЗДАНИЕ 7-Е

Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Синодальная Типографія
1913

2015147674

Отдѣлъ I.

I. Молитва.

Въ минуту жизни трудную
Тѣснится ль въ сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,

И дышетъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.
Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко,—
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...

М. Державинъ.

Изреченія. *Лихо думаешь—Богу не молишься. Отъ людей утаишь, а отъ Бога не утаишь. У Бога милости много.*

2. Сила любви.

I.

Престарѣлый апостолъ Іоаннъ, любимый ученикъ Господа, пришелъ однажды въ городъ Смирну проповѣдывать. Множество вѣрующихъ вышли его встрѣчать. Всѣ толпились около него, цѣловали его старческія руки, цѣловали его одежду. Глаза святого старца свѣтились отеческою любовью, а уста его шептали:—«дѣти, милыя дѣти! любите другъ друга!»

Во время проповѣди въ толпѣ народа Іоаннъ замѣтилъ прекраснаго юношу. Въ большихъ глазахъ его свѣтилась чистая душа.

Окончивъ проповѣдь, старецъ устремилъ на юношу пристальный взглядъ. Положивъ правую руку на голову юноши, Іоаннъ обратился къ Поликарпу, епископу города Смирны, и сказалъ:

— Вѣрю тебѣ это сокровище предъ лицомъ Церкви и Господа. Позаботься о немъ хорошенько.

— Съ радостью исполню твою заповѣдь,—сказалъ Поликарпъ.

Епископъ взялъ юношу къ себѣ въ домъ и заботился о немъ, какъ отецъ. Юноша повиновался во всемъ своему наставнику и, наконецъ, удостоился святого крещенія. Епископъ полагалъ, что исполнилъ данный имъ обѣтъ, и ослабилъ свой бдительный надзоръ.

Между тѣмъ юноша познакомился съ нѣкоторыми изъ своихъ сверстниковъ. Поддаваясь мало-по-малу вліянію товарищей, онъ сталъ понемногу отдаляться отъ старца. Однажды онъ явился домой въ нетрезвомъ видѣ. Горько плакалъ юноша, когда епископъ сталъ упрекать его, напоминая объ Іоаннѣ. Но зло оболъстительно: скоро его снова потянули роскошные обѣды, веселыя рѣчи. Онъ оставилъ домъ епископа и совѣмъ подпалъ вліянію дурной молодежи.

Средствъ на веселую жизнь часто у нихъ не хватало. Молодые люди прибѣгали къ ночнымъ грабегамъ... Предводителемъ былъ молодой человекъ, вырвавшійся изъ-подъ строгаго надзора. Онъ теперь уже пользовался неограниченнымъ вліяніемъ на своихъ сверстниковъ, онъ удивлялъ ихъ своими безумными выходками; для его удали не было препятствій. Точно дикій и сильный конь, рванулся онъ съ прямого пути и, закусивъ удила, помчался въ бездну.

Скоро мелкіе грабежи по городу уже не удовлетворяли его. Онъ задумалъ сдѣлаться атаманомъ цѣлой шайки разбойниковъ. Горы и ущелья въ окрестностяхъ города стали непроходимы. Жители приходили въ ужасъ отъ свирѣпости атамана. На всю окрестную страну навела страхъ его удалая шайка.

II.

Апостолу Іоанну снова пришлось посѣтить Смирну. Попржнему, столь же радостно встрѣтили его вѣрующіе, но очи старца, казалось, были омрачены печалью и, видимо, кого-то искали... Наконецъ онъ пристально посмотрѣлъ на епископа и спросилъ его:

— А гдѣ же юноша, котораго я поручилъ твоему попеченію?

Вздохнулъ старецъ и съ грустью отвѣтилъ:

— Онъ умеръ!

— Какъ, какою смертію?—спросилъ Іоаннъ.

— Умеръ для Бога.

И епископъ разсказалъ все Іоанну.

Глубокая скорбь омрачила лицо апостола. Онъ разорвалъ на себѣ одежду.

— Коня, коня скорѣе мнѣ!—проговорилъ онъ, наконецъ.—Дайте мнѣ проводника, проводите меня въ горы...

И прежде чѣмъ опомнились вѣрные, старецъ уже мчался съ проводникомъ въ горы.

Въ горахъ разбойники схватили старца и потащили къ атаману. Но лишь только атаманъ завидѣлъ Іоанна, тотчасъ пустился бѣжать. Старецъ погнался за нимъ, простирая руки. Сѣдые волосы старца развѣвались по вѣтру, одежда спала съ плечъ; казалось, онъ ничего не видѣлъ предъ собою, кромѣ убѣгавшаго атамана.

— Милое дитя мое! Зачѣмъ ты бѣжишь отъ меня, безоружнаго старика?... Сжался надо мною, пощади мою старость... Не бойся: Господь милостивъ... Остановись... Я душу готовъ положить за тебя...—говорилъ Іоаннъ разбойнику.

Разбойникъ остановился, потупивъ взоры; затѣмъ быстро сорвалъ съ себя оружіе и бросился къ ногамъ Іоанна. Старецъ горячо обнялъ его, и, прижавъ къ груди, цѣловалъ ему лицо, проливая слезы.

— Для меня нѣтъ прощенія!—воскликнулъ разбойникъ.—Эти руки обагрены кровью.

— Дай, дай мнѣ ихъ,—воскликнулъ апостолъ и приникъ къ рукамъ разбойника своими священными устами.—Онѣ уже очищены твоимъ раскаяніемъ и слезами. Я испрошу у Бога тебѣ прощеніе!... Проси и ты: Богъ милостивъ. Только вернись со мною, сынъ мой!

И юноша вернулся. Велика была радость Іоанна. Онъ торжественно праздновалъ Пасху съ вѣрующими. Юноша возлежалъ у старца на груди, какъ нѣкогда самъ Іоаннъ на груди Господа.

И до конца дней своихъ этотъ спасенный любовію человѣкъ служилъ добрымъ примѣромъ для всѣхъ вѣрующихъ.

Изреченія: Не по грѣхамъ нашимъ милостивъ Богъ. Не устоятъ худу противъ добра. На милость образца нѣтъ.

3. Ангелъ.

По небу полуночи ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.
Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ;
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.
Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ.
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.
И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

М. Лермонтовъ.

4. Лучшее утѣшеніе въ жизни.

Знатный и очень богатый язычникъ крестился въ христіанскую вѣру. За это у него отняли всѣ имѣнія, отобрали все богатство его, даже жена и дѣти оставили его. Покинутый всѣми, онъ скитался по міру, не имѣя ни крова, ни хлѣба.

Нѣкто спросилъ его: «Какъ у тебя хватаетъ силы терпѣть столько лишеній и переносить столько горя, обидъ и людской неправды?» Онъ сказалъ на это: «Моя радость и мое счастье такъ велики оттого, что я позналъ Христа Спасителя; теперь я не чувствую ни горя, ни обиды, ни скорби».

5. Спаситель.

Любовью къ ближнимъ пламенѣя,	Тому, кто былъ и слабъ, и хромъ;
Народъ смиренью Онъ училъ;	Ему признанія не надо:
Онъ всѣ законы Моисея	Сердецъ мышленье отперто;
Любви закону подчинилъ.	Его пытающаго взгляда
Не терпитъ гнѣва Онъ, ни мщенья,	Еще не выдержалъ никто;
Онъ проповѣдуетъ прощенье,	Цѣля недугъ, врачуя муку,
Велитъ за зло платить добромъ;	Вездѣ Спасителемъ Онъ былъ,
Есть неземная сила въ Немъ:	И всѣмъ простеръ благую руку
Слѣпымъ Онъ возвращаетъ зрѣнье,	И никого не осудилъ.
Даритъ и крѣпость, и движенье	

А. Толстой.

6. Вечернія размышленія.

Какъ провелъ ты нынѣшній день? Думалъ ли ты, наслаждаясь ниспосланными на твою долю дарами Божіими,

о великомъ Подателѣ ихъ? Чувствовало ли твое сердце любовь и благодарность къ Нему? Уповалъ ли ты на Него въ несчастіи и не забылъ ли Его въ счастіи? Изгнать ли ты изъ сердца своего всякую злую мысль, всякое злое желаніе, въ него закрадывавшіяся, и лучше ли ты сдѣлался съ нынѣшнимъ днемъ?

Поставь себѣ за правило: каждый вечеръ поразмыслить въ тишинѣ о томъ, какъ ты провелъ прошедшій день; и если найдется что-нибудь такое, въ чемъ упрекнетъ тебя твоя совѣсть, запиши это въ памятную книжку. Вспоминая иногда о своемъ проступкѣ, ты будешь остерегаться, какъ бы не впасть въ него снова. Такимъ образомъ, ты съ каждымъ днемъ будешь дѣлаться лучше и, слѣдовательно, довольнѣе и счастливѣе.

Н. Гоголь.

7. Рождество Христово.

Никогда такъ сильно не ощущаются въ душѣ впечатлѣнія дѣтства, никогда такъ явственно не переносится воображеніе въ отдаленное, цвѣтущее время молодости, какъ въ дни великихъ праздниковъ Рождества Христова и святой Пасхи. Это праздники по преимуществу дѣтскіе, и на нихъ какъ-будто исполняется сила словъ Христовыхъ: *еще не будете яко дѣти, не имате внити въ царствіе Божіе.*

Для дѣтскаго ума и для дѣтскаго воображенія какъ много привлекательнаго въ святой и трогательной повѣсти о Рождествѣ Христа Спасителя. Тихая ночь надъ полями палестинскими;—уединенный вертепъ—ясли, обставленные тѣми домашними животными, которыя знакомы ребенку по первымъ впечатлѣніямъ памяти,—въ ясляхъ повитый Младенецъ и надъ Нимъ кроткая, любящая Мать съ задумчивымъ взоромъ и съ ясною улыбкою материнскаго счастья;—три великолѣпныхъ царя, идущихъ за звѣздой къ убогому вертепу съ дарами—и вдали на полѣ пастухи посреди своего стада, внимающіе радостной вѣсти Ангела и таинственному хору силъ небесныхъ. Потомъ злодѣй Иродъ, преслѣдующій невиннаго Младенца; избіеніе младенцевъ въ Виелеемѣ; потомъ путешествіе святого семейства въ Египетъ,—сколько во всемъ этомъ жизни и дѣйствія, сколько интереса для ребенка. «Старая и никогда не старѣющая повѣсть». Какъ она была привлекательна для дѣтскаго слуха, и какъ скоро сживалось съ нею дѣтское понятіе. Оттого-то, лишь только приведешь себѣ на па-

мать эту простую повѣсть, воскресаетъ въ душѣ цѣлый міръ, воскресаетъ все давно прошедшее дѣтство съ его обстановкою, со всеѣми лицами, окружавшими его, со всеѣми радостями его, возвращается въ душу то же таинственное ожиданіе чего-то, которое всегда бывало передъ праздникомъ. Что было бы съ нами, если бы не было въ жизни такихъ минутъ дѣтскаго восторга!

Таковъ вечеръ передъ Рождествомъ; вернулся я отъ всенощной и сажу дома въ той же комнатѣ, въ которой прошло все мое дѣтство; на томъ же мѣстѣ, гдѣ стояла колыбель моя, потомъ моя дѣтская постелька,—стоитъ теперь мое кресло передъ письменнымъ столомъ. Вотъ окно, у котораго саживала старуха няня и уговаривала ложиться спать, тогда какъ спать не хотѣлось, потому что въ душѣ было волненіе—ожиданіе чего-то радостнаго, чего-то торжественнаго на утро. То не было ожиданіе подарковъ—нѣтъ, — чуялось душѣ, точно завтра будетъ день необыкновенный, свѣтлый, радостный, и что-то великое совершиться будетъ. Бывало, ляжешь, а колоколь разбудитъ тебя передъ заутреней, и няня, вставши, чтобы идти въ церковь, опять должна уговаривать ребенка, чтобъ заснулъ.

Боже! Это же ожиданіе дѣтскихъ дней ощущаю я въ себѣ и теперь... Какъ все во мнѣ тихо, какъ все во мнѣ торжественно! Какъ все во мнѣ дышетъ чувствомъ прежнихъ лѣтъ,—и съ какою духовною алчностью ожидаю я торжественнаго утра. Это чувство—драгоценнѣйшій даръ неба, посылаемый среди мірскаго шума и суеты взрослымъ людямъ, чтобъ они живо вспомнили то время, когда были дѣтьми, слѣдовательно были ближе къ Богу и непосредственнѣе, чѣмъ когда-либо, принимали отъ него жизнь, свѣтъ, день, пищу, радость, любовь—и все, чѣмъ красенъ для человѣка міръ Божій.

О, великая таинственная ночь! О, свѣтлое, торжественное утро! Если я забуду тебя, если я останусь равнодушенъ къ тебѣ, если перестану слышать тѣ *речи и слова*, коихъ *гласы* слышатся въ тебѣ всякой душѣ вѣрующей,—стало быть я забуду свое дѣтство, свою жизнь и самую вѣчность... ибо что иное вѣчность блаженная, какъ не вѣчная радость младенца предъ лицомъ Божиимъ!

Изъ книги «Праздники Господни».

Пословицы: *Молись, а злыхъ дѣлъ берегись. Что Богу угодно, то и пригодно. Съ впроей не пропадешь.*

8. Свѣча предъ иконой.

Дорогъ мнѣ передъ иконой,
Въ свѣтлой ризѣ золотой,
Этотъ ярый воскъ, возженный,
Чьей—невѣдомо рукой...
Знаю я,—свѣча пылаетъ,
Клиръ торжественно поетъ:
Чье-то горе утихаетъ,
Кто-то слезы тихо льетъ;

Свѣтлый ангелъ уповаѣя
Пролетаетъ надъ толпой..
Этихъ свѣчъ знаменованье
Чую трепетной душой:
Это—мѣдный грошъ вдовицы,
Это—лепта бѣдняка,
Это... можетъ быть... убійцы
Покаянная тоска...

А. Майковъ.

9. Алей.

Въ нашей казармѣ было трое дагестанскихъ татаръ, и всѣ они были родные братья. Два изъ нихъ были уже пожилые, но третій, Алей, былъ не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, а на видъ еще моложе. Его мѣсто на нарахъ было рядомъ со мною.

Его прекрасное, открытое, умное и въ то же время добродушно-наивное лицо съ перваго взгляда привлекло къ нему мое сердце, и я такъ радъ былъ, что судьба послала мнѣ его, а не другого кого-нибудь въ сосѣди.

Вся душа его выражалась на его красивомъ, можно даже сказать, прекрасномъ лицѣ. Улыбка его была такъ доверчива, такъ дѣтски-простодушна; большіе, черные глаза были такъ мягки, такъ ласковы, что я всегда чувствовалъ особое удовольствіе, даже облегченіе въ тоскѣ и въ грусти, глядя на него.

Братья очень любили его и скорѣе какою-то отеческою, чѣмъ братскою любовью. Онъ былъ имъ утѣшеніемъ въ ихъ ссылкѣ, и они, обыкновенно мрачные и угрюмые, всегда улыбались, на него глядя, и когда заговаривали съ нимъ (а говорили они съ нимъ очень мало, какъ будто все еще считая его за мальчика, съ которымъ нечего и говорить о серьезномъ), то суровыя лица ихъ разглаживались, я угадывалъ, что они съ нимъ говорятъ о чемъ-нибудь шутливомъ, почти дѣтскомъ; по крайней мѣрѣ, они всегда переглядывались и добродушно усмѣхались, когда, бывало, выслушаютъ его отвѣтъ. Самъ же онъ почти не смѣлъ съ ними заговаривать: до того доходила его почтительность.

Сначала со мной онъ былъ только вѣжливъ. Мало-помалу я началъ съ нимъ разговаривать; въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ выучился прекрасно говорить по-русски, чего братья его не добились во все время своей каторги.

Разъ, уже довольно долго послѣ моего прибытія въ

острогъ, я лежалъ на нарахъ и думалъ о чемъ-то тяжеломъ. Алей, всегда работающій и трудолюбивый, въ этотъ разъ ничѣмъ не былъ занятъ, хотя еще было рано спать. Но у нихъ въ это время былъ свой мусульманскій праздникъ, и они не работали. Онъ лежалъ, заложивъ руки за голову, и тоже о чемъ-то думалъ.

Вдругъ онъ спросилъ меня:

— Что, тебѣ очень теперь тяжело?

Я оглядѣлъ его съ любопытствомъ, и мнѣ показался страннымъ этотъ быстрый, прямой вопросъ отъ Алея, всегда деликатнаго, всегда разборчиваго, всегда умнаго сердцемъ; но, взглянувъ внимательнѣе, я увидѣлъ въ его лицѣ столько тоски, столько муки отъ воспоминаній, что тотчасъ же нашелъ, что ему самому было очень тяжело и именно въ эту же самую минуту. Я высказалъ ему мою догадку. Онъ вздохнулъ и грустно улыбнулся. Я любилъ его улыбку, всегда нѣжную и сердечную.

— Что, Алей, ты, вѣрно, сейчасъ думалъ о томъ, какъ у васъ въ Дагестанѣ празднуютъ этотъ праздникъ? Вѣрно, тамъ хорошо?

— Да,—отвѣчалъ онъ съ восторгомъ, и глаза его просіяли:—а почему ты знаешь, что я думалъ объ этомъ?

— Еще бы не знать! Что, тамъ лучше, чѣмъ здѣсь?

— О! зачѣмъ ты это говоришь...

— Должно быть, теперь какіе цвѣты у васъ, какой рай!..

— О-охъ, и не говори лучше!

Онъ былъ въ сильномъ волненіи.

— Послушай, Алей, у тебя была сестра?

— Была. А что тебѣ?

— Должно быть, она красавица, если на тебя похожа.

— Что на меня! Она такая красавица, что по всему Дагестану нѣтъ лучше! Ахъ, какая красавица моя сестра! Ты не видалъ такую! У меня и мать красавица была.

— А любила тебя мать?

— Ахъ! что ты говоришь! Она, вѣрно, умерла теперь съ горя по мнѣ. Я любимый былъ у нея сынъ. Она меня больше сестры, больше всѣхъ любила... Она ко мнѣ сегодня во снѣ приходила и надо мной плакала.

Онъ замолчалъ и въ этотъ вечеръ ужъ больше не сказалъ ни слова. Но съ этихъ поръ онъ искалъ случая каждый разъ говорить со мной, хотя самъ, изъ почтенія, которое онъ, неизвѣстно почему, ко мнѣ чувствовалъ, никогда не заговаривалъ первый; зато очень былъ радъ,

когда я обращался къ нему. Я спрашивалъ его про Кавказъ, про его прежнюю жизнь. Братья не мѣшали ему со мной разговаривать, и имъ даже это было пріятно. Они тоже, видя, что я все болѣе и болѣе люблю Алея, стали со мною гораздо ласковѣе.

— Послушай, Алей,—сказалъ я ему однажды:—отчего ты не выучишься читать и писать по-русски? Знаешь ли, какъ это можетъ тебѣ пригодиться здѣсь, въ Сибири, впоследствии?

— Очень хочу. Да у кого выучишься?

— Мало-ли здѣсь грамотныхъ! Да хочешь, я тебя выучу?

— Ахъ, выучи пожалуйста!—и онъ даже привсталъ на нарахъ и съ мольбою сложилъ руки, смотря на меня.

Мы принялись со слѣдующаго же вечера. У меня былъ русскій переводъ Новаго Завѣта, книга, не запрещенная въ острогѣ. Безъ азбуки, по одной этой книгѣ, Алей въ нѣсколько недѣль выучился превосходно читать. Мѣсяца черезъ три онъ уже совершенно понималъ книжный языкъ. Онъ учился съ жаромъ, съ увлеченіемъ.

Однажды мы прочли съ нимъ всю Нагорную Проповѣдь. Я замѣтилъ, что нѣкоторыя мѣста въ ней онъ проговаривалъ какъ будто съ особеннымъ чувствомъ. Я спросилъ его, нравится-ли ему то, что онъ прочелъ?

Онъ быстро взглянулъ, и краска выступила на его лицѣ.

— Ахъ, да!—отвѣчалъ онъ.—Да, Иса—святой пророкъ, Иса—Божіи слова говорилъ. Какъ хорошо!

— Что же тебѣ больше всего нравится?

— А гдѣ Онъ говоритъ: «прощай, люби, не обижай, и враговъ люби». Ахъ, какъ хорошо Онъ говоритъ!

Онъ обернулся къ братьямъ, которые прислушивались къ нашему разговору, и съ жаромъ началъ имъ говорить что-то. Они долго и серьезно говорили между собою и утвердительно покачивали головами. Потомъ съ важно-благосклонною, т. е. чисто-мусульманскою улыбкою, обратились ко мнѣ и подтвердили, что Иса былъ Божій пророкъ и что Онъ дѣлалъ великія чудеса; что Онъ сдѣлалъ изъ глины птицу, дунулъ на нее—и она полетѣла... и что это и у нихъ въ книгахъ написано. Говоря это, они вполнѣ были увѣрены, что дѣлаютъ мнѣ великое удовольствіе, восхваляя Ису, и Алей былъ вполнѣ счастливъ, что братья его рѣшились и захотѣли сдѣлать мнѣ это удовольствіе.

Письмо у насъ пошло тоже чрезвычайно успѣшно.

Алей досталъ бумаги (и не позволилъ мнѣ купить ее на мои деньги), перьевъ, чернилъ и въ какихъ-нибудь два мѣсяца выучился превосходно писать. Это даже поразило его братьевъ. Гордость и довольство ихъ не имѣли предѣловъ. Они не знали, чѣмъ отблагодарить меня. На работахъ, если намъ случалось работать вмѣстѣ, они напереерывъ помогали мнѣ и считали это себѣ за счастье. Я уже не говорю про Алея. Онъ любилъ меня, можетъ быть, такъ же, какъ и братьевъ.

Никогда не забуду, какъ онъ выходилъ изъ острога. Онъ отвелъ меня за казарму и тамъ бросился мнѣ на шею и заплакалъ. Никогда прежде онъ не цѣловалъ меня и не плакалъ.

— Ты для меня столько сдѣлалъ,—говорилъ онъ,—что отецъ мой, мать мнѣ бы столько не сдѣлали: ты меня человекомъ сдѣлалъ. Богъ заплатитъ тебѣ, а я тебя никогда не забуду...

Гдѣ-то, гдѣ-то теперь, мой добрый, милый, милый Алей!...

Ф. Достоевскій.

Пословицы. Доброгъ дѣло крѣпко. Сдѣлавъ другу добро, и себѣ жди того.

10. Камень вмѣсто хлѣба.

У вратъ обители святой
Стоялъ просящій подающа,
Безильный, блѣдный и худой
Отъ глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлѣба онъ просилъ,
И взоръ являлъ живую муку;
И кто-то камень положилъ
Въ его протянутую руку.

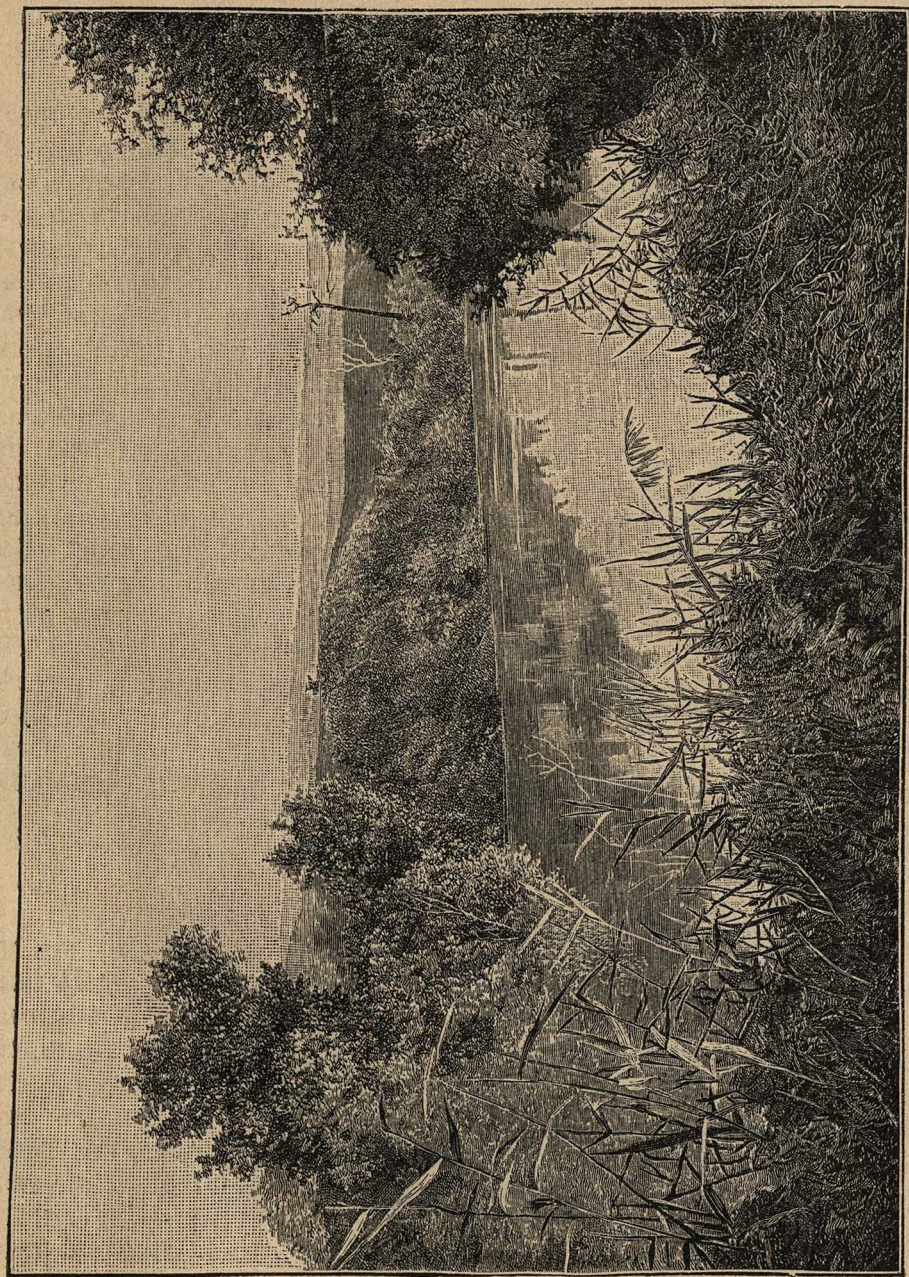
М. Лермонтовъ.

*Пословицы. Не проси у богатаго, проси у торова-
таго.*

11. Изъ путешествія по святымъ мѣстамъ.

1. Иорданъ.

Было совсѣмъ еще темно, когда мы сѣли на коней и гуськомъ потянулись на востокъ. Ъхали какими-то зарослями, перебираясь черезъ канавы, нагибаясь подъ деревьями. На востокъ заблѣлась сѣровая заря, постепенно смѣнявшаяся зеленоватыми тонами, по которымъ начали загораться лиловые и розовыя облака. Мракъ постепенно уступалъ свѣту. Любуясь игрой неуловимо тонкихъ переливовъ утренней зари, доѣхали до Иордана почти

Рѣка Іорданъ.
Мѣсто, гдѣ, по преданію, крестился Господь Іисусъ Христосъ.

незамѣтно... Воздухъ былъ сухъ и прохладенъ... Мы вступили въ узкую полосу нѣкогда сильной и пышной растительности, обрамляющей оба берега Иордана. Мелколистные *тамаринды*, колючіе кусты и жесткая густая трава были свѣжи и зелены, благодаря близости воды.

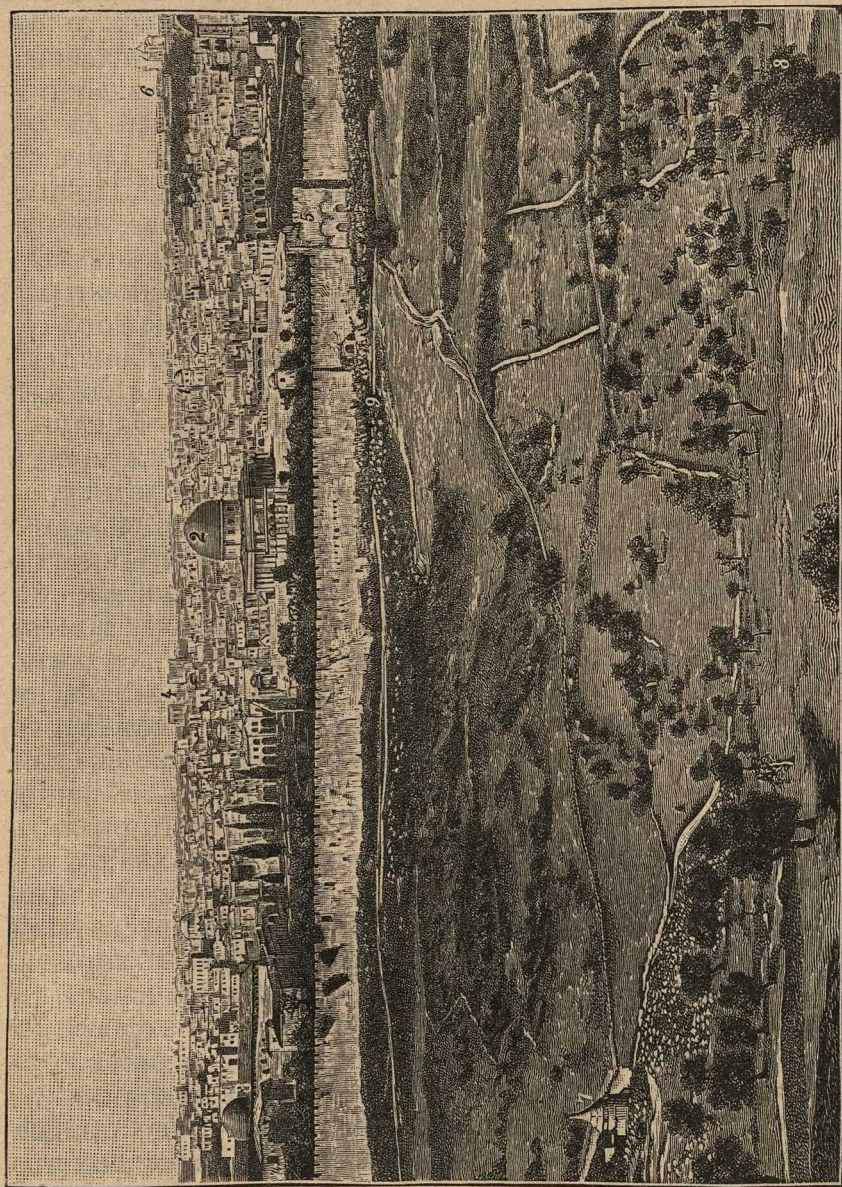
Иорданъ здѣсь образуетъ заливъ, и здѣсь обыкновенно наши паломническіе караваны погружаются въ священную рѣку. Мѣсто крещенія Спасителя издавна указывалось версты за три къ сѣверу, гдѣ Св. Елена построила церковь во имя Іоанна Предтечи; при церкви былъ устроенъ монастырь. Отъ этого монастыря вела къ рѣкѣ мраморная лѣстница, и мѣсто крещенія было означено столбомъ съ желѣзнымъ крестомъ наверху. Рѣка быстро несла свои бѣловатые воды въ Мертвое море. Хотя Иорданъ и не широкъ, но теченіе такъ быстро, что переплыть рѣку было явнымъ безразсудствомъ. Востокъ разгорался сильнѣе и ярче, и, какъ только солнечный дискъ выглянулъ изъ-за горъ, я трижды погрузился въ воду, вспоминая Солнце Правды и мысленно повторяя крещенскій тропарь: «Во Иорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи»... Русскіе люди обыкновенно опускаются въ воду въ саванахъ, берегутъ ихъ до дня кончины и въ нихъ ложатся въ могилу. Даже въ этой лужѣ, гдѣ теченіе тише, нежели въ главномъ руслѣ и глубина доходитъ только до груди, плыть очень трудно. Дно рѣки неровно и каменисто. Взявъ на память камешекъ со дна рѣки и наполнивъ бутылки иорданской водой, мы поѣхали на югъ, къ Мертвому морю.

М. Соловьевъ.

2. Иерусалимъ.

Мнѣ казалось, что я сталъ дышать свободнѣе, когда мы стали подниматься на торжественныя крутизны Іудеи. Въѣхавъ на горы, мы скоро поравнялись съ древними развалинами мѣстечка *Латрунъ*, гдѣ, по преданію, родился распятый одесною Спасителя преступникъ, которому одинъ вздохъ отверзъ двери рая. Съ крестнымъ знаменіемъ мы промчались мимо и, конечно, не одинъ изъ насъ воскликнулъ мысленно: «Помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ».

Ущелья горъ дѣлались ежеминутно тѣснѣе и живописнѣе; благовоніе розъ и незнакомыхъ мнѣ бѣлыхъ цвѣтовъ разносилось по воздуху; стада паслись по обрывистымъ скатамъ. Часа черезъ три пути мы въѣхали въ узкій *дефилей* самой дикой наружности; онъ задержалъ

Общий видъ г. Иерусалима и Иосафатовой долины съ горы Елеонской.

1. Храмъ Гроба Господня. 2. Мечеть Омара. 3. Мечеть ел-Акса (на мѣстѣ храма Соломонова). 4. Башня Давида. 5. Золотыя ворота.
6. Русскія подворья. 7. Памятникъ Авессалома въ Иосафатовой долинѣ. 8. Юго-западнй уголъ Гесиманскаго сада.

наше стремленіе. Горы Іудейскія несутъ въ себѣ отпечатокъ чего-то необычайно-вдохновительнаго. Вскорѣ нѣсколько ветхихъ маслинъ и фиговыхъ деревьевъ обозначаютъ границу земель Рамлы и Іерусалима. Раза два мы утоляли жажду свою и усталыхъ лошадей нашихъ у колодезей. Часы быстро летѣли, и я сгоралъ нетерпѣніемъ увидѣть святой городъ. Горы начали становиться диче и обнаженнѣе, но зеленый отливъ скалъ, смѣшанный съ зелеными полосками мховъ, пріятно отгѣнялъ ихъ. Путь въ иныхъ мѣстахъ едва былъ проходимъ для лошадей. Поднимаясь съ горы на гору, я былъ въ безпрестанномъ ожиданіи открыть Іерусалимъ; но горы продолжали вставать передо мною, перемѣнивъ прежній отгѣнокъ свой на красноватый. Я началъ приходить въ уныніе, что не увижу святого города при свѣтѣ дня;—я далеко опередилъ своихъ спутниковъ; въ самое это время встрѣтился мнѣ прохожій арабъ,—и конечно, пораженный написаннымъ на лицѣ моемъ грустнымъ нетерпѣніемъ, поравнявшись со мною, закричалъ мнѣ: «скоро, скоро!» Такая догадливость поразила меня удивленіемъ; я ему сказалъ все, что зналъ по-арабски нѣжнаго за радостное извѣстіе. Я поднялся на высоту,—вдругъ предсталъ Іерусалимъ. Кинувъ поводья лошадей, я кинулся на землю съ сладкими слезами. Я узналъ гору Елеонскую по ея священнымъ маслинамъ; вздохи стѣснили грудь мою. Спутники мои нагнали меня и также поверглись на землю. Въ нѣмомъ восторгѣ и не сводя глазъ съ этого священнѣйшаго мѣста земного шара, мы спускались уже пѣшіе по разметаннымъ камнямъ. Небо было облачно, покровъ печали облегалъ Іерусалимъ... Вожатый сказалъ мнѣ, что если мы не сядемъ на лошадей, то съ захожденіемъ солнца, близкаго къ горизонту, ворота Іерусалима затворятся;—это меня испугало—я убоился, чтобы святыня не скрылась отъ меня,—и я поспѣшилъ вѣхаться въ городъ.

Мы вѣхали въ укрѣпленные Виѳлеемскія или Яффскія ворота и очень скоро сошли у дверей патріаршей обители. Это было марта 13-го числа. Сынъ далекаго сѣвера, я вступилъ въ Іерусалимъ, какъ въ свою родину, близкую сердцу моему. Радостно было мнѣ посреди братій, подъ кровомъ иконъ нашей церкви. Я едва вѣрилъ, что нахожусь близъ Гроба Христова, и поспѣшилъ во храмъ, но двери его, стерегомыя мусульманами, были еще заперты. Митрополитъ пригласилъ меня вмѣстѣ съ нимъ идти къ заутренѣ.

Среди тишины темной ночи, я приступилъ въ первый разъ къ величественному преддверію храма Гроба Господня. Обѣ половины огромныхъ воротъ были открыты настежь. Безчисленные огни свѣчей блистали передъ большими стѣнными иконами, изображающими снятіе со креста и погребеніе Спасителя. Тотчасъ при входѣ, въ ложѣ привратника, увидѣлъ я сидящихъ, поджавши ноги, турокъ, съ трубками во рту и играющихъ въ шахматы;—мое сердце сжалось грустью. Толпа разступилась передъ нашимъ янычаромъ; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ лежалъ на помостѣ камень, одѣтый желтымъ мраморомъ и окруженный большими свѣчами,—это тотъ самый, на которомъ благообразный Іосифъ облакалъ въ плащаницу снятое со креста тѣло Иисусово. «Господи,—сказалъ я, невольно павъ со слезами:—Страданія Твои еще не прекратились: крещенные во святое Имя Твое и искупленные Тобой владѣютъ этимъ міромъ, а нечестивые стерегутъ святилище Твое!» Но христіане не должны смущаться, что такія великія святыни находятся въ униженіи у иновѣрныхъ: Спаситель міра и Себя подвергнулъ на землѣ тяжкимъ страданіямъ. Въ смятеніи чувствъ, я не помню, какъ я дошелъ до Гроба Спасителя. Тутъ я дышалъ свободнѣе: отдѣльный придѣлъ скрываетъ погребальный вертепъ Господа. Тамъ я пролилъ слезы покаянія, и первая молитва моя была за давшихъ мнѣ жизнь и за близкихъ сердцу моему.

Не могу описывать,—и какъ выразить восторгъ, умиленіе и горестъ христіанина-грѣшника у Гроба Спасителя и, наконецъ, на Голгоѣ, у отверстія, гдѣ стоялъ крестъ, у разсѣлины распавшейся скалы!

Началась заутреня. Не только помостъ храма былъ весь покрытъ народомъ, но всѣ придѣлы, всѣ хоры, всѣ галереи и даже нѣкоторые карнизы имѣли своихъ богомольцевъ или зрителей. Нынѣшній годъ для всѣхъ христіанъ Пасха приходилась въ одинъ и тотъ же день. Зрѣлище этой необъятной толпы, чьи лица рѣзко изображали представителей всѣхъ частей свѣта,—поразительно. Глухой шумъ слитыхъ голосовъ сначала удивляетъ и беспокоитъ европейскаго христіанина, привыкшаго къ благочестію храмовъ Божіихъ; но при видѣ непоколебимаго и ничѣмъ неразвлекаемаго благочестія многихъ истинно молящихся людей—этотъ шумъ кажется шумомъ бурной стихіи. Возженіе свѣчей, съ принятіемъ вай, вдругъ обнаружило несмѣтное число нашихъ единовѣрцевъ. Весь ходъ напра-

вился, съ хоругвями и съ пальмовыми ваіями въ рукахъ, отъ греческаго алтаря, сквозь царскія двери, прямо ко Гробу Христову, который находится на противной сторонѣ оконечности храма. Впереди священнаго хода шелъ мусульманскій привратникъ храма и съ крикомъ разгонялъ бичемъ напирающую толпу. Вотъ какъ изображено смиренное шествіе Искупителя въ Іерусалимѣ.

Изъ путешеств. Норова.

12. Сельская церковь.

Въ сторонѣ отъ большихъ городовъ,
Посреди безконечныхъ луговъ,
За селомъ, на горѣ невысокой,
Вся бѣла, вся видна при лунѣ,
Церковь старая чудится мнѣ,
И на бѣлой церковной стѣнѣ
Отражается крестъ одинокій.
Да! я вижу тебя, Божій домъ!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла съ мечомъ,
Облаченнаго въ свѣтлую ризу.
Поднимается сторожъ-старикъ
На свою колокольню-руину;
На тѣни онъ громадно великъ:

Пополамъ пересѣкъ всю равнину
Поднимись!—и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гудѣнье!
Въ тишинѣ деревенскихъ ночей
Этихъ звуковъ властительно пѣнье:
Если есть въ околоткѣ больной,
Онъ при нихъ вострепнется душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудетъ на мигъ свои муки;
Одинокій ли путникъ ночной
Ихъ заслышитъ—бодрѣе шагаетъ;
Ихъ заботливый пахарь считаетъ
И, крестомъ осѣняя въ полуснѣ,
Проситъ Бога о ведряномъ днѣ.

Н. Некрасовъ.

13. Крестъ.

Гдѣ сердце любить, гдѣ страдаетъ,—
И милосердый Богъ нашъ тамъ:
Онъ крестъ даетъ, и Онъ же намъ
Въ крестѣ надежду посылаетъ.

Козловъ.

Пословица. *Все на свѣтъ къ лучшему.*

14. Надежда.

Не говори, что нѣтъ спасенія,
Что ты въ печаляхъ изнемогъ:
Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды;
Чѣмъ глубже скорбь, тѣмъ ближе Богъ!...

А. Майковъ.

Пословица. *Не все ненастье, проглянетъ и солнышко.*

15. Свѣтлая ночь Воскресенія.

Пришелъ великій вечеръ. Огни погашены. Въ домѣ настала тишина. Всѣ улеглись на покой въ ожиданіи торжества. Шумъ на улицахъ умолкъ: и тамъ все чего-то ждетъ, къ чему-то готовится. Только въ моей комнатѣ

свѣтитъ еще огонекъ, и изъ тишины, которая окружаетъ меня, слышатся голоса таинственной ночи, голоса далекаго и близкаго прошедшаго.

Какъ много говорятъ они мнѣ—нѣтъ, не просто говорятъ, а шепчутъ, лаская чувство, и будятъ одно за другимъ воспоминанія дѣтства и юности. Завтра «Христосъ Воскресъ!», завтра праздникъ! и никогда не понять взрослому, сколько прелести для ребенка въ одномъ этомъ словѣ: «праздникъ».

Первая заутреня! Боже мой, какъ билось сердце, когда наконецъ въ первый разъ мать рѣшилась взять съ собою дитя свое къ свѣтлой заутренѣ. Укладываютъ спать, спать не хочется—и только ждешь, когда, часъ за часомъ, наступитъ желанное время. Вотъ наступило оно послѣ тишины, въ которую погрузился цѣлый домъ, поднимается внизу и вверху и во всѣхъ углахъ его радостный шумъ приготовления къ заутренѣ. Одѣтый по праздничному, ночью идешь по темной еще улицѣ—не звонили еще, въ церкви темно, но она уже полна народомъ; всякій спѣшитъ занять свое мѣсто, и стоятъ всѣ одѣтые по праздничному, съ новыми свѣчами, и носится по всему храму таинственный шепотъ ожиданія. — Зажигаютъ свѣчи въ паникадилахъ, которыя никогда, кажется, не зажигали. Какъ стало свѣтло, какъ полна народомъ церковь, какъ весело всѣ глядятъ, и какъ весело глядѣтъ на всѣхъ! И вотъ вдругъ кто-то возлѣ перекрестился, слышавъ ударъ соборнаго колокола: въ самомъ дѣлѣ—ударили; другой—третій, и понеслись хоромъ чудные, таинственные звуки, и вотъ, наконецъ, нашъ, *родной* колоколъ своимъ густымъ гудѣньемъ покрылъ весь хоръ и поглотилъ всѣ звуки. Какъ хорошо, Боже мой! Какъ хорошо стоятъ возлѣ матери и братьевъ и сестеръ и слушать таинственные голоса и смотрѣтъ во всѣ глаза вокругъ себя, и ждать, ждать всѣмъ существомъ своимъ. А дальше—дальше цѣлый міръ новыхъ ощущеній для взволнованнаго ребенка.

Вынесли изъ алтаря старыя, гдѣ-то далеко стоявшія иконы, которыхъ никогда еще не видывалъ, сняли съ мѣста хоругви, которыхъ еще ни разу не видывалъ въ движеніи—и запѣли «Воскресеніе Твое, Христе Спасе», и тронулся крестный ходъ. И вотъ, затворились двери, церковь полна народу, и всѣ зажгли свои свѣчи, у всѣхъ такія спокойныя, важныя лица, и всѣ стоятъ тихо, тихо, не говоря ни слова. Чудно становится ребенку, — смотреть

онъ вокругъ себя—возлѣ старая няня стоитъ съ зажженнымъ огаркомъ и молится и плачетъ,—и братья, и сестры, и мать смотрятъ прямо въ глаза и не улыбаются,—и тихо все такъ, какъ будто никого нѣтъ въ церкви, и надъ этой тишиной только носится тотъ же торжественный гулъ колоколовъ. Боже—что будетъ—хорошо и странно! Но вотъ за дверями послышались отрывистые звуки возгласовъ священника и отвѣты хора,—и толпа зашевелилась, люди крестятся и молятся и шепчутъ. Вдругъ отворились двери и раздалось громкое «Христосъ Воскресе!» И въ отвѣтъ ему народъ загудѣлъ свое стоязычное: воистину! И скоро вся церковь запѣла вмѣстѣ съ хоромъ радостныя пѣсни воскресенія.

О, святія пѣсни, всякому знакомыя, всякому милыя! Кто изъ русскихъ людей не знаетъ и не поетъ васъ и не отвѣчаетъ на ваши звуки всѣмъ своимъ сердцемъ! И ребенокъ, въ первый разъ заслышавъ васъ, чувствуетъ трепетъ праздничной радости, и старикъ, много разъ проводившій Пасху на вѣку своемъ, когда услышитъ васъ, какъ будто снова дѣлается ребенкомъ и празднуетъ Христу дѣтскою радостью.

Свѣтъ воскресенія Христова открылъ святую истину жизни и будущее слилъ съ настоящимъ и прошедшимъ въ одномъ сознаніи счастья безконечнаго. О, когда бы навсегда удержать въ душѣ эту гармонію, и начать бы жить и не кончить жить—съ однимъ этимъ словомъ, съ однимъ этимъ чувствомъ: «Христосъ Воскресе! Христосъ Воскресе!»

Изъ книги «Праздники Господни».

16. «Человѣкъ за бортомъ».

Глава I.

Дневная жара начинала спадать. Солнце стояло уже низко. Подгоняемый вѣтеркомъ корабль спокойно плылъ по морю. Пусто кругомъ: куда ни взглянешь, все та же безбрежная водная равнина, окруженная со всѣхъ сторонъ прозрачной синевой безоблачнаго купола. Море да небо, небо да море, и только...

— Дозвольте, ваше благородіе, пѣсенникамъ пѣсни пѣть?—спросилъ унтеръ-офицеръ, подходя къ офицеру.

Офицеръ далъ свое согласіе, и черезъ минуту стройные звуки деревенской пѣсни разнеслись по синему морю.

Пѣсня лилась за пѣсней и напоминала матросамъ да-

лекую родину съ ея снѣгами и морозами, полями и лѣсами и черными избами, съ ея близкими сердцу бездольемъ и убожествомъ.

Хорошо поютъ пѣсенники. Голоса подобрались все молодые, свѣжіе и чистые, и спѣлись отлично. Особенно всѣмъ нравился чудесный голосъ матроса Шутикова.

Наконецъ, пѣніе и пляска кончились. Когда Шутиковъ, сухощавый, стройный чернявый матросъ, вышелъ изъ круга и пошелъ курить, его провожали одобрительными замѣчаніями.

Шутиковъ улыбался, скаля свои бѣлые ровные зубы изъ-подъ добродушныхъ пухлыхъ губъ.

Шутиковъ пользовался общей пріязнью. Всѣ любили его, и онъ всѣхъ, казалось, любилъ.

Послѣ того, какъ Шутиковъ ушелъ, вдругъ торопливо выскочилъ на палубу плотный пожилой матросъ Игнатовъ.

Блѣдный и растерянный, съ непокрытой, коротко остриженной, круглой головой, онъ сообщилъ злобнымъ и взволнованнымъ голосомъ, что у него украли золотой.

Игнатовъ былъ рулевымъ, служилъ исправно, стараясь ладить со всѣми, былъ грамотенъ и старательно скрывалъ, что у него водятся деньжонки.

— Это безпремѣнно Прошка. Никто, какъ онъ,—злобно говорилъ Игнатовъ.—Даве онъ все вертѣлся на палубѣ, когда я ходилъ въ сундукъ. Что жъ теперь дѣлать, братцы?—спрашивалъ онъ стариковъ.—Неужто я такъ и рѣшусь денегъ... Вѣдь деньги-то у меня кровные... Сами знаете, братцы, какія у матроса деньги... По грошамъ собиралъ...

Прохоръ Житинъ былъ человѣкъ лѣтъ за тридцать, мягкотѣлый, неуклюжій, съ несоразмѣрнымъ туловищемъ на короткихъ ногахъ. Прошка съ самаго начала плаванія не полюбился товарищамъ. Всѣ имъ помыкали: унтеръ-офицеры походя, и за дѣло, и такъ, здорово живешь, ругали и били Прошку, приговаривая: «у, лодырь!» И онъ никогда не сердился за это, а съ какой-то тупой покорностью забитаго животного переносилъ побои. Послѣ нѣсколькихъ мелкихъ кражъ, въ которыхъ онъ былъ уличенъ, съ нимъ почти не разговаривали и обращались съ пренебреженіемъ. Всякій, кому не лѣнь, могъ безнаказанно обругать его, ударить, послать куда-нибудь, поглумиться надъ нимъ, словно бы иначе и нельзя было обра-

щаться съ Прошкой. И Прошка такъ, казалось, привыкъ къ этому положенію всеми презираемаго, что и не ждалъ иного обращенія и переносилъ свою каторжную жизнь, повидимому, безъ особенной тягости.

Когда, вслѣдъ за Игнатовымъ, Прошка подошелъ, все разговоры смолкли. Матросы тѣснѣ сомкнулись, и глаза всехъ устремились на вора.

— Признавайся, ты у меня золотой изъ сундука укралъ?—закричалъ Игнатовъ.

— Я денегъ твоихъ не бралъ!—тихо отвѣчалъ Прошка. Игнатовъ пришелъ въ ярость.

— Ой, смотри... До смерти изобью, коли ты добромъ не отдашь денегъ!—сказалъ Игнатовъ и сказалъ такъ злобно и серьезно, что Прошка подался назадъ.

И со всехъ сторонъ слышались непріязненные голоса.

Тогда Игнатовъ пожелалъ испробовать послѣднее средство и вдругъ мягко заговорилъ. Теперь онъ не угрожалъ, а просилъ Прошку отдать деньги.

— Тебѣ ничего не будетъ... Слышишь?... Отдай только мои деньги... Тебѣ вѣдь пропить, а у меня семейство... Отдай же,—почти молилъ Игнатовъ.

— Обыщите меня... Не бралъ я твоихъ денегъ!

— Такъ ты не бралъ? Не бралъ?!—воскликнулъ Игнатовъ съ побѣлѣвшимъ отъ злобы лицомъ.—Не бралъ?

И съ этими словами онъ, какъ ястребъ, налетѣлъ на Прошку.

— А, можетъ, это и не онъ, — вдругъ тихо сказалъ Шутиковъ.

То же, казалось, подумалось и другимъ матросамъ.

— Не онъ! Впервые ему, что ли? Это безпремѣнно его дѣло... Воръ извѣстный.

Игнатовъ, взявъ двухъ человѣкъ, ушелъ обыскивать Прошкины вещи.

Глава II.

Ночь быстро спустилась надъ моремъ.

Матросы спали на палубѣ,—внизу было душно...

Въ эту ночь, съ полуночи до шести, на караулъ довелось быть той смѣнѣ, въ которой были Шутиковъ и Прошка.

Шутиковъ отправился покурить. Выкуривъ трубку, онъ пошелъ, осторожно ступая между спящими, и, раз-

глядѣвъ въ темнотѣ Прошку, одиноко притулившагося у борта и поклевывавшаго носомъ, тихо окрикнулъ его:

— Это ты, Прошка?

— Я!—встрепенулся Прошка

— Что я тебѣ скажу,—сказалъ ему Шутиковъ тихимъ, ласковымъ голосомъ:—вѣдь Игнатовъ, самъ знаешь, человекъ какой... Онъ тебя вовсе избьетъ на берегу... безъ всякой жалости. Я, братецъ, вѣрю, что ты не бралъ... Слышишь, вѣрю, и пожалѣлъ, что тебя занапрасно давеча били, и Игнатовъ еще грозитъ бить... А ты вотъ чего, Прошка: возьми ты у меня десять рублей и отдай ихъ Игнатову... Богъ съ нимъ! Пусть радуется на деньги. А мнѣ когда-нибудь отдашь,—приневоливать не стану... Такъ-то будетъ аккуратнѣй... да, слышь, никому не рассказывай! —сказалъ Шутиковъ.

Прошка былъ рѣшительно озадаченъ и не находилъ въ первую минуту словъ. Если бы Шутиковъ могъ разглядѣть Прошкино лицо, то увидалъ бы, что оно смущено и необыкновенно взволновано. Еще бы! Прошку жалѣютъ и мало того, что жалѣютъ, еще предлагаютъ деньги, чтобъ избавить его отъ битья. Все это Прошкѣ было въ диковину.

Молча стоялъ онъ, опустивъ голову.

— Спасибо тебѣ, добрая твоя душа,—отвѣчалъ Прошка дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ и вдругъ рѣшительно прибавилъ:—Только твоихъ денегъ, Шутиковъ, не нужно... Я все же чувствую и не хочу передъ тобой быть подлецомъ... Не желаю... Я самъ уже отдамъ Игнатову его золотой.

— Такъ, значитъ, ты...

— То-то я!—чуть слышно промолвилъ Прошка.— Никто бы не дознался... Деньги-то въ пушкѣ запрятаны...

— Охъ, Прохоръ, Прохоръ!—упрекнулъ только Шутиковъ грустнымъ голосомъ и покачалъ головой.

Утромъ, послѣ смѣны, Прохоръ принесъ Игнатову золотой.

Съ той памятной ночи Прошка беззавѣтно привязался къ Шутикову и былъ преданъ ему, какъ вѣрная собака.

И лодырничать сталъ Прошка меньше, работая безъ прежняго лукавства. Бить его стали рѣже, но отношеніе къ нему оставалось попрежнему пренебрежительное.

Глава III.

Утро стояло солнечное, блестящее, но прохладное. Дулъ свѣжій, ровный вѣтеръ, и по небу проносились бѣлоснѣжныя

облака. Плавню раскочиваясь, корабль тихо плыль по синему морю.

Вдругъ раздался отчаянный крикъ: «Человѣкъ за бортомъ!» Не прошло послѣ этого нѣсколькихъ секундъ, какъ снова пронесся зловѣщій крикъ: «Еще человѣкъ за бортомъ!»

На мгновеніе все замерло на кораблѣ. Многіе въ ужасѣ крестились.

Съ первымъ окрикомъ всѣ офицеры выскочили наверхъ. Капитанъ и старшій офицеръ, оба взволнованные, уже были на мостикѣ.

— Онъ, кажется, схватился за буюкъ!—проговорилъ капитанъ.—Сигнальщикъ, не спускай ихъ съ глазъ!..

— Есть... Вижу!

— Скорѣй... скорѣй, идите, спускайте баркасъ!—нервно, отрывисто торопилъ капитанъ.

Но торопить было нечего. Понимая, что каждая секунда дорога, матросы рвались, какъ бѣшеные. Черезъ восемь минутъ корабль остановился, и баркасъ съ людьми, подъ начальствомъ офицера, тихо спускался въ воду.

— Съ Богомъ, — напутствовалъ капитанъ. — Ищите людей!.. Да не заходите далеко!—прибавилъ онъ.

Упавшихъ въ море уже не было видно даже и въ трубу. Въ эти восемь минутъ корабль убѣжалъ уже далеко.

— Кто это упалъ?—спросилъ капитанъ старшаго офицера.

— Шутиковъ.

— А другой?

— Житинъ! Бросился за Шутиковымъ.

— Житинъ? Этотъ трусъ и рохля?—удивился капитанъ.

— Я самъ не могу понять!—отвѣчалъ офицеръ.

Между тѣмъ, всѣ смотрѣли на баркасъ, который медленно удалялся отъ корабля, то скрываясь, то показываясь среди волнъ. Наконецъ, онъ совсѣмъ скрылся отъ глазъ, и кругомъ было видно одно волнующееся море.

На кораблѣ царила угрюмая тишина. Изрѣдка лишь матросы перекидывались словами вполголоса. Капитанъ смотрѣлъ на море. Старшій штурманъ и два сигнальщика также смотрѣли въ подозрныя трубы.

Такъ прошло долгихъ полчаса.

— Баркасъ идетъ назадъ!—доложилъ сигнальщикъ.

И снова все́ взглянули на море.

Баркасъ подходилъ все ближе и ближе.

— Оба въ баркасѣ!—весело крикнулъ сигнальщикъ.

Радостный вздохъ вырвался у все́хъ. Многіе матросы крестились. Корабль словно ожилъ. Снова пошли разговоры.

— Счастливо отдѣлялись,—проговорилъ капитанъ, и на его серьезномъ лицѣ появилась радостная, хорошая улыбка.

Улыбался въ отвѣтъ и офицеръ.

— А Житинъ-то... трусъ, трусъ, а, вотъ, подите!..— продолжалъ капитанъ.

— Удивительно... И матросъ-то лодырѣ, а бросился за товарищемъ... Шутиковъ заступался за него,—сказалъ офицеръ въ поясненіе.

И все́ дивились Прошкѣ.

Черезъ десять минутъ баркасъ подошелъ къ борту и благополучно былъ поднятъ на корабль.

Мокрые, вспотѣвшіе и красные, тяжело дыша отъ усталости, выходили гребцы изъ баркаса. Вышли Шутиковъ и Прошка, отряхиваясь, словно утки, отъ воды, оба блѣдные, взволнованные и счастливые.

Все́ съ уваженіемъ смотрѣли теперь на Прошку, стоявшаго передъ подошедшимъ капитаномъ.

— Молодецъ, Житинъ!—сказалъ капитанъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на этого неуклюжаго, невзрачнаго матроса, не пожалѣвшаго жизни для спасенія товарища.

Съ этого дня Прошка пересталъ быть прежнимъ занганнымъ Прошкой и обратился въ Прохора.

К. Станюковичъ.

17. Не унывай.

Когда угодно было Богу,
Чтобы, родившись бѣднякомъ,
Ты пролагалъ себѣ дорогу
Терпѣньемъ тяжкимъ и трудомъ,—
То будь покоренъ, терпѣливъ,
Неутомимъ, трудолюбивъ,
На помощь свыше уповай
И никогда не унывай!
Когда по волѣ Провидѣнья,
Трудясь всю жизнь и день, и ночь,
Ты не встрѣчаешь одобренья,
И трудъ тебѣ уже не въ мочь,—
Преодолюй строптивый гнѣвъ

И, руки къ Господу воздѣвъ,
Его на помощь призывай
И никогда не унывай!
Вѣрь,— всеблагое Провидѣнье,—
Свидѣтель правыхъ дѣлъ твоихъ,
Желаній, помысловъ, терпѣнья,—
Оно воздастъ тебѣ за нихъ.
Надѣйся, вѣруй и люби,
Труды твои усугуби,
Въ нихъ все́ надежды полагай
И никогда не унывай!
Когда, по волѣ Бога Слова,
За правду будешь ты гонимъ—

Иди во слѣдъ за нею снова,
Любовью къ ней руководимъ.
Гонителей своихъ прости,
За вѣроломство имъ не мсти,
За зло добромъ имъ воздавай
И никогда не унывай!
Когда Божественная благодать

За трудъ и вѣру наградить:
Подастъ тебѣ здоровье, радость,
Богатствомъ, счастьемъ одарить,—
Смиреньемъ кроткимъ оградясь
И сердцемъ къ Богу обратясь,
Ему въ щедротахъ подражай,
Твори добро, не унывай!

Архiep. Иннокентій.

18. Флоръ Силинъ.

1. По сіе время не могу я безъ сердечнаго содроганія вспомнить того страшнаго года, который живетъ въ памяти у низовыхъ жителей подъ именемъ голоднаго.

Я жилъ тогда въ деревнѣ близъ Симбирска, былъ еще ребенкомъ, но умѣлъ уже чувствовать, какъ большой человѣкъ, и страдалъ, видя страданіе моихъ ближнихъ. Въ одной изъ нашихъ сосѣднихъ деревень жилъ въ то время Флоръ Силинъ, трудолюбивый поселянинъ, который всегда лучше другихъ обрабатывалъ землю, всегда болѣе другихъ собиралъ хлѣба и никогда не продавалъ всего, что собиралъ, а потому на гумнѣ у него всегда стояло нѣсколько запасныхъ скирдовъ (большихъ копенъ).

2. Пришелъ худой годъ, и всѣ жители той деревни обнищали, всѣ, кромѣ осторожнаго Флора Силина. Но осторожность была не единственною его добродѣтелью. Въмѣсто того, чтобы продавать хлѣбъ свой по дорогой цѣнѣ, пользуясь несчастьемъ ближнихъ, онъ вдругъ созвалъ бѣднѣйшихъ изъ жителей своей деревни и сказалъ: «послушайте, братцы, вамъ теперь нужда въ хлѣбѣ, а у меня его много,—пойдемъ на гумно, пособите мнѣ обмолотить скирда четыре и возьмите себѣ, сколько вамъ надобно на весь годъ». Крестьяне остолебенѣли отъ удивленія.

Слухъ о благодѣяніи Флора Силина разнесся въ окрестности. Бѣдные изъ другихъ деревень приходили къ нему и просили хлѣба. Добрый Флоръ называлъ ихъ братьями своими и ни одному не отказывалъ. «Скоро мы раздадимъ весь хлѣбъ свой», говорила ему жена. «Богъ велитъ давать просящимъ», отвѣчалъ Флоръ.

3. Небо услышало молитву бѣдныхъ и благословило слѣдующій годъ плодородіемъ. Поселяне, одолженные Флоромъ Силинымъ, явились къ своему благотворителю и отдавали ему то количество хлѣба, которое у него взяли, и еще съ лихвою. «Ты спасъ насъ и дѣтей нашихъ отъ

голодной смерти», говорили они: «одинъ Богъ можетъ заплатить за твое доброе дѣло, а мы возвращаемъ съ благодарностью то, что у тебя заняли».—«Мнѣ ничего не надобно», отвѣчалъ Флоръ: «у меня много новаго хлѣба. Благодарите Бога: не я, а Онъ помогъ вамъ въ нуждѣ». Напрасно приступали къ нему должники его. «Нѣтъ, братцы», говорилъ онъ: «нѣтъ, я не возьму вашего хлѣба; а когда у васъ есть лишній, такъ раздайте его тѣмъ, которые въ прошлую осень не могли обсеять полей своихъ и теперь нуждаются: въ нашемъ околоткѣ немало такихъ найдется... Поможемъ имъ, и Богъ благословитъ насъ».—«Хорошо», сказали тронутые поселяне: «будь по-твоему; мы раздадимъ этотъ хлѣбъ нищимъ и скажемъ, чтобы они вмѣстѣ съ нами молились за тебя Богу. Дѣти наши будутъ также за тебя молиться».

Н. Карамзинъ.

19. Д о б р а я п а м я т ь .

Каждый годъ, какъ наступитъ весна,
И зальются поляны водою,—
Вся деревня идетъ на погостъ,
На могилу—подъ липой густою.

Съ уваженьемъ колѣни народъ
Передъ этой могилой склоняетъ;
Шлютъ молитву простымъ сердца
За того, кто въ землѣ почиваетъ.

Въ ней схороненъ простой мужичокъ,
Цѣлый вѣкъ боронившій, пахавшій,
Но высокой души человѣкъ,
Ни корысти, ни злобы не знавшій.

Былъ онъ другомъ всѣхъ бѣдныхъ людей,
И, за cadaго сердцемъ страдая,
Цѣлый вѣкъ прожилъ онъ для другихъ,
Для другихъ самъ себя забывая.

Разлилася широко рѣка,
Все, что ветхо, водой подмывая...
Онъ погибъ въ золотую весну,
Погибавшихъ малютокъ спасая.

Съ той поры, каждый годъ по веснѣ,
Какъ зальются поляны водою,
Вся деревня идетъ на погостъ,
На могилу—подъ липой густою.

Н. Некрасовъ.

20. П ѣ с н я п т и ч к и .

1. Въ тѣсной, крѣпкой тюрьмѣ большого венгерскаго города сидѣлъ бѣдный заключенный. Злые люди заковали его въ цѣпи и бросили въ тюрьму.

Въ тюрьмѣ было сыро, темно и холодно. Вмѣсто постели ему бросили мокрую солому. Ему носили только хлѣбъ и воду. Онъ сидѣлъ тамъ много лѣтъ—блѣдный, больной, грустный. Солнце рѣдко свѣтило въ его узкое окошко, свѣжій воздухъ не проходилъ въ тюрьму. Печально думалъ онъ о своихъ милыхъ родныхъ, о маленькихъ дѣтяхъ своихъ; думалъ, что, можетъ быть, давно уже всѣ забыли его, считая умершимъ. Что-то дѣлается на землѣ, на родинѣ!

2. Однажды онъ подошелъ къ окну. Былъ чудный лѣтній день. Солнце садилось уже за лѣсомъ, освѣщая красноватымъ свѣтомъ его вершины; люди шли и ѣхали по улицамъ. Тюрма была высоко, и люди казались маленькими. Онъ закричалъ имъ, но никто его не услышалъ. Въ синемъ небѣ летали птицы. Передъ окномъ тихо пролеталъ орелъ.

— Орелъ, орелъ!—закричалъ ему заключенный:—сядь ко мнѣ на окошко, Расскажи, что дѣлается на землѣ, пропой мнѣ пѣсню.

— «Нѣтъ»,—отвѣчалъ орелъ:—«окно твое очень мало—мнѣ негдѣ сѣсть. Я не расскажу тебѣ, что дѣлается на землѣ, потому что рѣдко спускаюсь на землю. Я вью гнѣздо свое на высочайшихъ скалахъ и старыхъ дубахъ, подальше отъ злыхъ людей, чтобы они не разорили моего гнѣзда. Я не спою тебѣ пѣсни, потому что никогда не пою на землѣ. Я поднимаюсь высоко, высоко, и мои пѣсни слышать только вѣчное солнце..»

И могучими взмахами широкихъ крыльевъ орелъ гордо поднялся къ небу и скрылся изъ глазъ.

3. Заключенный увидѣлъ лебедя.

— Лебедь, лебедь! Расскажи, что дѣлается на землѣ; пропой мнѣ пѣсню.

— «Нѣтъ»,—отвѣчалъ лебедь:—«я не расскажу тебѣ, что дѣлается на землѣ; я плаваю всегда на водѣ,—чистой, прозрачной водѣ, между зелеными камышами. Когда вода утромъ, на зарѣ, покроеся розовымъ блескомъ, я громко кричу зарѣ: здравствуй. Я не спою тебѣ пѣсни, я спою пѣсню, когда стану умирать...» И лебедь поплылъ по воздуху, блистая бѣлыми крыльями.

4. За окномъ заключеннаго зачирикали воробы.

— Воробышки, воробышки! сядьте на окошко, расскажите, что дѣлается на землѣ! Спойте пѣсенку,—попросилъ узникъ.

— «Чиликъ, чиликъ! Намъ некогда! Намъ еще нужно

поклевать зернышекъ, которыя нечаянно рассыпалъ мельникъ»...

5. Но вдругъ вспорхнула стѣренькая птичка, повертѣлась передъ окномъ и сѣла на желѣзную рѣшетку.

— Здравствуй, соловушка! Спасибо тебѣ, милая птичка, что навѣстила меня. Расскажи, что дѣлается на землѣ, спой мнѣ пѣсенку.

— «Я расскажу тебѣ, что дѣлается на землѣ, я спою тебѣ пѣсенку», началъ соловушка.

И полились такіе звуки, что бѣдный заключенный заплакалъ отъ радости, упалъ на солому—и все плакалъ и все слушалъ.

«Вчера утромъ на зарѣ»,—пѣлъ соловушка,—«было такъ свѣтло и прохладно! Я прилетѣлъ къ твоему домику, сѣлъ на зеленый орѣховый кустъ передъ открытымъ окошкомъ и все пѣлъ и пѣлъ. Въ колыбелькѣ былъ твой малютка,—онъ раскрылъ большіе, свѣтлые глазки и спрашиваетъ: «гдѣ папа, гдѣ папа?» и слушалъ мои пѣсни... Твои родные плачутъ, вспоминая о тебѣ. Они тебя любятъ, очень любятъ, очень хотятъ тебя увидѣть. Не унывай. Богъ видитъ, какъ ты невиненъ; выпустятъ тебя, и ты опять выйдешь на волю, на свѣтъ, на свѣжій воздухъ!»

«Дѣти твои будутъ тебя ласкать и цѣловать. Будетъ тихій, лѣтній вечеръ, длинныя тѣни потянутся отъ деревьевъ, на солнцѣ засверкаютъ стекла окошекъ; ты будешь на крыльцѣ рассказывать дѣтямъ, какъ ты страдалъ».

«Будешь ихъ учить, чтобы они, когда вырастутъ, не давали злымъ людямъ дѣлать злыя дѣла, чтобы они не сердились на злыхъ людей, а просили бы Бога, чтобы всѣ люди любили другъ друга, какъ братья. И дѣти твои послушаютъ тебя. Когда они вырастутъ, ты увидишь ихъ добрыми, честными, увидишь, какъ они будутъ помогать бѣднымъ. Ты будешь жить долго, долго! Волосы твои посѣдѣютъ, но сердце будетъ радостно биться».

«И когда ты умрешь, всѣ будутъ о тебѣ плакать и молиться и понесутъ тебя на зеленое кладбище, въ свѣтлый, солнечный день. Надъ могилой твоей посадятъ розовый кустъ, и я буду по зарямъ пѣть надъ твоей могилой»...

Андерсенъ.

21. Копеечка.

(Разсказъ каторжника).

Я возвращался съ работы одинъ съ конвойнымъ. Навстрѣчу мнѣ прошла мать съ дочерью. Дочь была дѣвочка

лѣтъ девяти. Я уже видѣлъ ихъ разъ. Мать была солдатка, вдова. Мужъ ея былъ подъ судомъ и умеръ въ больницѣ, въ арестантской палатѣ. Въ то время и я тамъ лежалъ больной. Жена и дочь приходили въ больницу прощаться съ покойнымъ; обѣ ужасно плакали.

Увидя меня, дѣвочка покраснѣлась и пошептала что-то матери. Мать тотчасъ же остановилась, отыскала въ узелкѣ что-то и дала дѣвочкѣ. Дѣвочка бросилась бѣжать за мной. Она всунула мнѣ въ руку монетку и сказала: «На, несчастненькій, прими Христа ради копеечку!» Я взялъ копеечку, и дѣвочка возвратилась къ матери совершенно довольная.

Эту копеечку я и теперь храню у себя.

Ф. Достоевскій.

22. Одинъ день на полѣ сраженія.

Угрюмый, измученный возвращался Павелъ Савельевъ съ позиціи, съ трудомъ передвигая ноги и опираясь на ружье. Одна штанина повыше колѣна была изорвана, и изъ-подъ нея выглядывала грязная, закорузлая отъ запекшейся крови повязка, сквозь которую время отъ времени просачивались капли свѣжей крови.

До перевязочнаго пункта было всего какихъ-нибудь версты три; раненому Савельеву эти три версты казались десятью. Съ каждымъ шагомъ боль въ ранѣ все усиливалась, силы быстро покидали Савельева, и онъ съ ужасомъ замѣчалъ, какъ раза два его словно бы что-то подхватывало, кружило и несло; вѣки смыкались, въ головѣ подымалась какая-то горечь, а ни на минуту не замолкавшій звонъ въ ушахъ переходилъ въ набатъ. Въ эти минуты все исчезало изъ его глазъ, и онъ долженъ былъ останавливаться, широко разставляя ноги и изо всей силы упираться въ ружье, чтобы не упасть. Дорога свернула вправо. Съ обѣихъ сторонъ потянулись виноградники, окружавшіе покинутую деревушку.

Савельевъ остановился и сталъ соображать. Ему пришла мысль, бросивъ дорогу, идти цѣликомъ черезъ виноградники. Онъ зналъ, что тутъ навѣрное поблизости есть или ручей или колодезь; можно будетъ напиться, обмыть и перевязать рану. Съ трудомъ подавляя стоны, слѣзъ Савельевъ въ канаву и, перебравшись кое-какъ на ту сторону, пошелъ по тропинкѣ. Пройдя нѣсколько сажень, Савельевъ остановился. Ему почудилось, что изъ глубины

виноградниковъ раздался чей-то слабый стонъ. Онъ прислушался. Стонъ раздался громче и отчетливѣй.

— «Должно-быть раненый»,—подумалъ Савельевъ,—посмотрѣть нешто!—Онъ остановился въ раздумьи, идти ли своей дорогой, или пойти разыскивать раненаго.—«Мало ли ихъ тутъ, все равно помочь нечѣмъ, самъ еле на ногахъ стою».—И Савельевъ двинулся далѣе.

Но раненый, должно быть, въ свою очередь, слышалъ шаги Савельева. ибо, только что тотъ побрелъ дальше, раздался снова мучительный стонъ и чей-то голосъ, видимо, съ усиленіемъ тоскливо прохрипѣлъ:

— Кто тамъ? помогите Христа-ради!

«Свой!» подумалъ Савельевъ и, уже не разсуждая болѣе, торопливо двинулся въ кустарники. Не далѣе какъ шагахъ въ десяти отъ тропинки, Савельевъ увидѣлъ трупъ лошади. Около него, лицомъ вверхъ, лежалъ совсѣмъ еще молоденькій вольноопредѣляющійся, въ юнкерскомъ гусарскомъ мундирѣ. Лицо его было блѣдно, какъ у мертвеца, дыханіе съ трудомъ вырывалось, вмѣстѣ со стономъ, изъ стиснутыхъ губъ.

Савельевъ подошелъ къ лежавшему и участливо наклонился надъ нимъ.

— Вторые сутки лежу... Вчера раненъ... Силъ нѣтъ двинуться,—прохрипѣлъ юнкеръ.

— Скверны твои дѣла,—проворчалъ Савельевъ,—однако, дѣлать-то нечего, надо какъ-нибудь выбираться. Ты вотъ что: обопрись на мое плечо, я какъ-нибудь подниму... вдвоѣмъ авось, дотащимся...

Савельевъ подхватилъ юнкера за талию и, бережно поддерживая его рукой, другой изо всей силы оперся на ружье и поднялся на ноги.

— Ой, больно! ой, не могу! больно!—отчаянно заговорилъ юноша, переступивъ два-три шага.

— Что жъ, братъ, дѣлать! потерпи малость,—ободрялъ его Савельевъ, самъ забывая свою боль и изо всѣхъ силъ поддерживая раненаго, безпомощно повисшаго у него на плечѣ.

Утѣшая, такимъ образомъ, новаго товарища, Савельевъ осторожно подвигался шагъ за шагомъ. Юнкеръ все стоналъ, порывался лечь и тѣмъ еще болѣе затруднялъ путь выбившемуся изъ силъ Савельеву.

— Охъ, баринъ, баринъ!—укоризненно качалъ тотъ головой,—ну, какой ты послѣ этого солдатъ? Немного по-

терпѣть не можешь, для своей же пользы; ну, еще чуточку только пообтерпи, скоро и на перевязочный придемъ...

Но какъ ни крѣпился юнкеръ, силы быстро покидали его, и Савельевъ ясно видѣлъ, что ему не дойти. Къ тому же собственная рана Савельева разболѣлась еще болѣе; повязка ослабла, кровь снова засочилась сквозь закорузлыя лохмотья.

Боясь, что, свалившись въ виноградникахъ, они останутся долго незамѣченными, Савельевъ поспѣшилъ vybrаться на дорогу.

— Авось, санитары попадутся,—надѣялся онъ; но дорога была пустыня.

— Не могу, воля твоя, не могу!—простоналъ юнкеръ, и, раньше, чѣмъ Савельевъ успѣлъ удержать его, онъ быстро сдернулъ свою руку съ его плеча и тяжело опустился на землю.

— Ишь ты, оказія какая!—покачалъ головой Савельевъ.—Ну, дѣлать нечего,—обратился онъ къ юношѣ,—если не можешь идти, посиди тутъ у канавки; а я побреду, авось, доберусь до санитаровъ, тотчасъ же носилки пришлю, будь безъ сумлѣнія. Такъ идти что-ль?

Раненый безпомощно махнулъ рукой, и Савельевъ побрелъ дальше. Но не прошелъ онъ и двухсотъ шаговъ, какъ почувствовалъ, что повязка ползетъ съ ноги; онъ наклонился, чтобъ поправить ее, но въ ту же минуту словно бы что шлепнуло его по темени: голова закружилась, все поплыло мимо,—деревья, дорога, даже само голубое, безоблачное небо... Савельевъ тихо ахнулъ и упалъ навзничь.

«Охъ, голова закружилась, теперь шабашъ — не встану», мелькнула у него тоскливая мысль, и онъ потерялъ сознание.

Долго ли пролежалъ Савельевъ въ безпамятствѣ, онъ не зналъ. Когда онъ очнулся, солнце уже садилось, и въ воздухѣ вѣяло вечерней прохладой.

— Эй, братикъ, живъ?—раздался надъ нимъ чей-то хриплый голосъ.

Савельевъ поднялъ глаза и увидѣлъ подлѣ себя двухъ санитаровъ съ носилками. Одинъ изъ нихъ наклонился надъ нимъ и взялъ его за плечо.

— Ложись, братъ,—участливо произнесъ онъ,—снесемъ; ложись.

Савельевъ охотно принялъ предложеніе и даже перекрестился отъ радости, что вотъ его нашли и сейчасъ

унесутъ съ поля; но въ эту минуту онъ вспомнилъ объ юнкерѣ.

— Стой-ка, братцы,—заговорилъ онъ взявшимся было за него санитарамъ,—не троньте... тутъ вотъ недалеко, у канавки, юнкеръ такой молоденькій лежитъ... Вы сходите, посмотрите... если онъ тамъ еще, такъ вы лучше сперва его снесите, а послѣ ужъ и меня... Онъ слабѣе...

Санитары переглянулись, потолковали и, поднявъ носилки, пошли дальше, а Савельевъ снова остался лежать на дорогѣ. Пыль и песокъ, попавъ въ рану, причиняли нестерпимую боль; онъ чувствовалъ во всемъ тѣлѣ такую слабость, что едва могъ шевельнуться. Вскорѣ раздалися шаги: это возвращались санитары. Они несли кого-то и, подойдя къ Савельеву, окликнули его.

— Тотъ, что ли?—спросилъ одинъ изъ нихъ, опуская носилки вровень съ лицомъ слегка приподнявшагося Савельева.

Савельевъ заглянулъ и увидалъ вытянутое во всю длину, повидимому, безжизненное тѣло молодого гусара. Глубокая жалость наполнила сердце Савельева.

— Живъ еще?—тихо спросилъ онъ.

— Живъ! —увѣренно отвѣчалъ санитаръ,—только обезпамятовалъ. Ну, такъ мы понесемъ.

— Несите, несите, —заторопилъ Савельевъ, — только, братцы, ради Бога осторожнѣй, въ ногу,—не трясите...

— Знаемъ ужъ...

— То-то жъ... Да вотъ что, сердяги: про меня-то, голубчики, не забудьте, пожалуйста; очень ужъ мнѣ не въ моготу становится...

— Ладно, придемъ; духомъ обрабатываемъ,—успокоили его санитары и двинулись дальше.

Опять остался одинъ Савельевъ.

Стемнѣло. Тихо такъ кругомъ, словно умерло. Медленно плывутъ по глубокой синевѣ ночного неба обрывки темныхъ тучекъ; то тамъ, то сямъ вспыхиваютъ золотыя звѣздочки.

Заглядѣлся Савельевъ на небо, и легче ему стало; задумался онъ... Слышитъ онъ, ноетъ его рана, но онъ какъ бы забылъ о ней.

«Что-то тамъ?»—думаетъ онъ, глядя во всѣ глаза на мигающія звѣзды...

«А что, если я умру?»—подумалъ Савельевъ, и мысль эта нисколько не испугала его. Онъ зналъ, что душа наша безсмертная и что по кончинѣ должна идти въ рай или въ адъ, смотря, что заслужила... «Вотъ, должно быть, тамъ,

на этихъ звѣздахъ,—этотъ самый рай и есть»,—думалъ онъ. —«А высоко, ухъ, какъ высоко!.. Кабы можно было оттуда на нашу землю взглянуть, какая бы она показалась... А вотъ Богъ-то видитъ; Богъ и меня видитъ».

Отъ усиленнаго думанья голова его кружится, и онъ чувствуетъ, какъ словно бы волны подхватили его и несутъ куда-то. Тихо-тихо звенить вдали что-то: колокольчикъ не колокольчикъ, а только что-то нѣжное, ласкающее слухъ. Стараются прислушаться Савельевъ, а звонъ то усиливается, какъ бы приближается, то снова удаляется и звенить откуда-то издалека... Чувствуетъ Савельевъ, что что-то теплое, липкое, течетъ по ногамъ...

«Должно, кровь опять потекла»,—подумалъ онъ: но это его нисколько не беспокоитъ; ему хорошо,—такъ хорошо, какъ никогда хорошо не было, легко такъ...

Яркій свѣтъ рѣзнулъ его глаза; онъ удивленно поднялъ голову.

— Откуда этотъ свѣтъ? Весь край неба горитъ, переливаясь тысячею огней.

«Словно люминація»,—проносится въ головѣ Савельева.

А свѣтъ все ярче, все причудливѣй; и ничего не видитъ Савельевъ, кромѣ этого свѣта да какихъ-то зеленыхъ волнъ, по временамъ застилающихъ свѣтъ. А звонъ все громче, все назойливѣе...

— Подымай, что ли!—слышится надъ нимъ чей-то голосъ.

— Кажись, померъ!—отзывается другой.

— Померъ и есть. Ну все равно: тащи на перевязочный, тамъ разберуть.

Трупъ Савельева положили на носилки, голова его откинулась. Казалось, онъ и мертвый все еще не хотѣлъ оторваться мутнымъ, помертвѣлымъ взоромъ отъ темно-синей глубины ночного неба, усыпаннаго тысячами ласково мигающихъ звѣздъ.

Пословица. Больше той любви не бываетъ, коль другъ за друга умираетъ.

23. Высшій подвигъ.

Подвигъ есть и въ сраженъи,
Подвигъ есть и въ борьбѣ,—
Высшій подвигъ въ терпѣнъи,
Онъ въ любви и мольбѣ.
Если скорби земныя
Жаломъ въ душу впились,—

Съ вѣрой бодрой и смѣлой
Ты за подвигъ берись:
Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на нихъ
Безъ труда и усилъя
Выше скорбей земныхъ.

А. Хомяковъ.

24. Подъ Краснымъ Крестомъ.

Семь дней, семь ночей я дрался на Балканахъ,
Безъ памяти поднять былъ съ мерзлой земли;
И долго, въ шинели изорванной, въ ранахъ,
Меня на скрипучей телѣгѣ везли.

Въ какомъ-то баракѣ очнулся я, снятый
Съ телѣги, и — понялъ, что это баракъ;
День ярко сквозилъ въ щели кровли достатой,
Но день безотраднѣе былъ хуже, чѣмъ мракъ...
Прикрытый лишь тряпкой, пропитанной кровью,
Въ грязи весь лежалъ я, прильнувъ къ изголовью,
И, самъ искалѣченный, тупо глядѣлъ
На лица и члены истерзанныхъ тѣлъ.

И пыльный баракъ нашъ весь день растворялся:
Вносили однихъ, чтобъ другихъ выносить;
Съ носилками блѣдныхъ гостей тамъ встрѣчался
Завернутый трупъ, что несли хоронить...

А вотъ подошла и сестра милосердія,
Волнистой косы ея свѣсилась прядь.
Я дрогнулъ. — Къ чему молодое усердье?
«Безъ крика и плача могу я страдать.

Оставь ты меня умереть ради Бога!»
Она жъ поглядѣла такъ кротко и строго,
Что далъ я ей волю и раны промыть —
И раны промыть, — и бинты наложить.

И вотъ надъ собой слышу голосъ я нѣжный:
«Подайте рубашку!» Я слышу отвѣтъ,

Отвѣтъ нерѣшительный, но безнадежный:

«Всѣ вышли, и тряпки нестиранной нѣтъ!»

И мысля я: Боже! какое терпѣнье!
Я, дышавшій трупъ, я одно отвращенье
Внушаю; но нѣтъ его въ этихъ чертахъ
Прелестныхъ, и нѣтъ его въ этихъ глазахъ!

Не долго я былъ терпѣливъ и послушенъ:

Настала унылая ночь, — громъ гремѣлъ,

И трупами пахло, и воздухъ былъ душенъ...

На грязномъ полу кто-то сонный храпѣлъ...

Кой-гдѣ ночники, догарая, чадили,

И умиравшіе тихо молились

И бредили, даже кричали «ура!»

И молча покойники ждали утра...

То грезилъ я, то у меня дыбомъ волосъ

Вставалъ; то въ холодномъ поту я кричалъ:

«Рубашку, рубашку!..» и долго мой голосъ

Въ ту ночь истомленныхъ покой нарушалъ.

Притихъ я, смотрю: среди призраковъ ночи

Сидитъ, въ красноватомъ мерцаньи огня,

Знакомая тѣнь, и безсонныя очи,

Какъ звѣзды, сквозь сумракъ глядятъ на меня.

Вотъ встала, идетъ и лицо наклоняетъ
Къ огню и одну изъ лампадъ задуваетъ...
И чудится, будто одежда шуршитъ,
По бѣлому темное что-то скользить.
И странно, въ тотъ мигъ, какъ она замелькала,
Какъ духъ, надъ которымъ два бѣлыхъ крыла
Взвились,—я подумалъ: бѣдняжка устала,
И, еслибъ не крикъ мой, давно бы легла!
Но вотъ снова шорохъ и—снова въ одеждѣ
Простой (въ той, въ которой ходила и прежде)
Она изъ укромнаго вышла угла
И свѣтлымъ видѣньемъ ко мнѣ подошла,
И съ дрожью стыдливой любви мнѣ сказала:
«Привстань! я рубашку тебѣ принесла»...
Я попятъ: она на меня надѣвала
Бѣлье, что съ себя потихоньку спjala.
И плакалъ я. Дѣтское что-то, родное
Проснулось въ душѣ, и мое ретивое
Такъ билось въ груди, что пророчило мнѣ
Надежду на счастье въ родной сторонѣ...

Л. Полонскій.

25. Забытая пушка.

Нѣсколько лѣтъ назадъ мнѣ привелось путешествовать по Кавказу. Цѣлые дни одолѣвалъ я крутизны и ущелья Дагестана, то спускаясь въ прохладныя чащи, притаившіяся у потоковъ, то вползая на пустынные, обнаженные вершины, гдѣ на самомъ темени ихъ порой мнѣ попадались развалины старыхъ ауловъ.

Ночевать случалось то подъ открытымъ небомъ, сіявшимъ многочисленными звѣздами, то въ убогой и грязной саклѣ.

Тишина была такая, что воображеніе невольно начинало работать, и старыя воспоминанія, позабытыя было, воскресали въ чудесныхъ образахъ и яркихъ краскахъ передо мною. Я самъ родился и выросъ здѣсь. Долгіе годы и безчисленные встрѣчи въ иныхъ краяхъ стерли изъ моей памяти прошлое, но теперь оно возвращалось назадъ и я узнавалъ то одинокую башню на голомъ утесѣ, то брошенную крѣпость въ горномъ узлѣ...

На восьмой день поѣздки, съѣзжая по крутому спуску въ глубокую долину, гдѣ пѣнилась рѣченка и смутно обрисовывались оставленные укрѣпленія, я наткнулся на забытую горную чугунную пушку. Она одиноко чернѣла посреди цѣпкой отовсюду поднимавшейся поросли. Голубые цвѣты баятъ-ханы (здѣшней колючки) наполняли жаркій воздухъ благоуханіемъ. Дикая гвоздика съ невиданной

Сестра милосердія *).
(Снимокъ съ группы Диллонъ, удостоенной преміи).

*) Предложить ученику написать небольшое сочиненіе на тему этого рисунка и сообразуясь со стих. «Подъ Краснымъ Крестомъ».

роскошью поднимала темно-красные вѣнчики у жадной пасти навсегда замолкшаго орудія. Въ немъ, въ этомъ зловѣщемъ жерлѣ, мерещилось что-то. Я наклонился и взглянулъ,—тамъ было гнѣздо какой-то птички.

Птицы вывелись и улетѣли, и оно осталось одно здѣсь среди всеобщаго безмолвія окрестностей.

Черный воронъ прилетѣлъ откуда-то, сѣлъ на минуту на сухой стебель кизилеваго куста и высматривалъ оттуда въ долину.

И тутъ когда-то кипѣли бои, звенѣли штыки, слышались перебѣгающая дробь выстрѣловъ, глухое роко-таніе барабановъ и оглушительные удары горныхъ пушекъ.

Умирали и убивали подъ этимъ нѣжнымъ, кроткимъ небомъ, улыбающимся безоблачною лазурью и такъ ясно говорящимъ человѣческой душѣ о вѣчномъ мирѣ и благо-воленіи.

Слышались стоны и крики страданій тамъ, гдѣ было мѣсто только ласковой пѣснѣ да умиленной молитвѣ.

Природа лучше распорядилась съ остатками человѣческой вражды. Она заставила птицъ вить гнѣзда въ жерлахъ брошенныхъ орудій, вырастила кругомъ цвѣты и подъ ихъ роскошью скрыла сломанные лафеты.

Благословляя страданіе, она за каждую каплю крови подняла изъ земли робко и сладко благоухающую фіалку и навѣки схоронила жестокое прошлое, чтобы и люди забыли, наконецъ, ненависть и злобу.

— Живите для любви и добра,—внятно говорить она образами, красками и звуками...

В. Немировичъ-Данченко.

Пословица. Воины воюютъ, а дома горюютъ.

26. Свѣтлое будущее.

Придетъ пора—исчезнетъ злоба,—
Одной ликующей семьей
Подъ знамя свѣта и свободы
Стекутся мирные народы;
И надъ воскресшею землей
Утихнетъ гулъ борьбы кровавой,
Угаснетъ пыль вражды навѣкъ,
Иною доблестью и славой
Гордиться будетъ человѣкъ:
То будетъ доблесть думъ высо-
кихъ,

То будетъ слава добрыхъ дѣлъ,
И тамъ, гдѣ въ мракѣ смутъ же-
стокихъ
Сверкала сталь и цитѣ звенѣлъ,
На тучныхъ нивахъ въ чистомъ
полѣ
Высокій колосъ зашумитъ,
И пѣсня пахаря на полѣ
Отрадой свѣтлой зазвучитъ!..

С. Фрунъ.

Отдѣль II.

27. Святые братья-просвѣтители славянъ — Кириллъ и Меѳодій.

1. Всѣ славяне теперь исповѣдуютъ вѣру христіанскую. Но долгое время они были язычниками, поклонялись и приносили жертвы ложнымъ богамъ, а истиннаго Бога не знали. О христіанской вѣрѣ они узнали отъ греческихъ и латинскихъ проповѣдниковъ, и это было уже спустя болѣе 800 лѣтъ послѣ Рождества Христова. Славянамъ очень нравилось христіанское ученіе, обряды и церковное пѣніе. Объ одномъ они тужили: никто не могъ проповѣдать имъ Христово Евангеліе и служить церковную службу на ихъ родномъ, славянскомъ языкѣ. Греческіе проповѣдники служили по-гречески, латинскіе по-латыни, а эти языки славянамъ были непонятны.

Есть славянская земля, называемая Моравіей. Въ ней христіанскую вѣру проповѣдывали латинскіе проповѣдники, пришедшіе отъ римскаго папы. Они служили на латинскомъ языкѣ, и моравскіе славяне той службы не понимали. И вотъ, князь моравскій Ростиславъ задумалъ завести въ своей землѣ славянское богослуженіе. Онъ снарядилъ пословъ съ письмомъ къ греческому царю Михаилу. Вотъ что въ томъ письмѣ было писано: «Нашъ народъ бросилъ поганое язычество и принялъ законъ христіанскій. Но нѣтъ у насъ такого учителя, который бы на нашемъ языкѣ объяснилъ намъ святую вѣру и на-

ставилъ насъ на божественный законъ. Умоляемъ тебя, государь: попейся о нашемъ спасеніи, пришли намъ такого учителя. Отъ васъ, грековъ, во всѣ земли всегда добрый законъ исходитъ».

Царь прочиталъ письмо и обратился къ патріарху и къ собору архіереевъ за совѣтомъ: что дѣлать, какого учителя послать къ моравскимъ славянамъ? И общимъ совѣтомъ рѣшили: послать къ нимъ ученаго мужа, по имени Константина, по прозванію Философа, и брата его Мееодія.

2. Константинъ и Мееодій были родные братья, уроженцы греческаго города Солуня. Мееодій былъ старшій братъ, Константинъ—младшій. Они были изъ знатнаго и богатаго рода, но не захотѣли быть знатными и богатыми, а рѣшили посвятить себя на служеніе Богу. Мееодій поступилъ было на военную службу и былъ даже назначенъ воеводой. Но онъ послужилъ только лѣтъ десять и ушелъ въ монахи, въ любимый монастырь на горѣ Олимпѣ. А младшій братъ, Константинъ, съ малыхъ лѣтъ полюбилъ книжное ученіе, и такъ изучилъ всѣ науки, что слава о немъ пошла по всей землѣ и его прозвали Философомъ, т. е. мудрымъ. Царь Михаилъ любилъ его и назначилъ его начальникомъ главной цареградской библиотеки. Но Константинъ-Философъ не любилъ городской жизни и все стремился въ монастырское уединеніе. Наконецъ онъ ушелъ изъ Царь-града къ своему брату. Такъ, два брата жили въ одномъ монастырѣ.

3. Царь и патріархъ вызвали Константина-Философа изъ монастыря и рассказали ему, какое письмо пришло отъ князя Ростислава. Царь сказалъ Константину: «Этого дѣла никто лучше тебя не сдѣлаетъ. Иди въ Моравію и возьми съ собою брата Мееодія. Вѣдь, вы родомъ изъ Солуня, а солуняне всѣ чисто говорятъ по-славянски».

Дѣйствительно, въ г. Солунѣ жило много славянъ, и святые братья съ малыхъ лѣтъ хорошо знали славянскій языкъ. Константинъ былъ слабаго здоровья, а путь въ Моравію былъ неблизкій. Но велика была его любовь къ славянамъ, ищущимъ истинной вѣры. И онъ отвѣтилъ царю: «Я слабъ тѣломъ и нездоровъ, однако съ радостью пойду къ славянамъ»... Потомъ онъ спросилъ царя: «А есть ли въ славянскомъ языкѣ буквы? Если нѣтъ, то какъ я могу учить безъ буквъ? Учить безъ буквъ все равно, что писать слова на водѣ!»

Тогда царь сталъ просить Константина-Философа,

чтобы онъ изобрѣлъ для славянскаго языка азбуку: «Если ты помолишься, Богъ умудритъ тебя: Онъ всѣмъ, просящимъ съ вѣрою, даетъ и толкующимъ отверзаетъ». И сталъ Константинъ-Философъ молиться Богу, и молился и постился 40 дней, чтобы Господь помогъ ему составить для славянъ азбуку.

4. Славяне всѣ были неграмотны. Они были неграмотны потому, что у нихъ и грамоты не было; они не умѣли записывать звуки буквами, потому что и самыхъ буквъ у нихъ не было. А если что-нибудь надо было имъ записать, то мѣтили зарубками и надрѣзами на деревянныхъ палкахъ. Но Богъ умудрилъ Константина-Философа составить славянскую азбуку. Константинъ-Философъ составилъ 38 славянскихъ буквъ и каждой буквѣ далъ славянское названіе. Первую букву онъ назвалъ *азъ*, вторую букву назвалъ *буки*, третью *вѣди*.

Тогда стало просто и возможно славянскую рѣчь записывать буквами и писать на славянскомъ языкѣ книги. Святой Константинъ-Философъ позаботился и о томъ, чтобы написать для славянъ священныя книги славянскою рѣчью. И началъ переводить съ греческаго языка на славянскій святое Евангеліе.

5. Когда царь Михаилъ узналъ, что святой Константинъ-Философъ составилъ славянскую азбуку и началъ переводить для славянъ священныя книги, онъ обрадовался и благодарилъ Бога. А святой Константинъ съ братомъ Меѳодіемъ собрались въ путь, въ Моравію. Царь самъ проводилъ ихъ и далъ имъ письмо къ князю Ростиславу. Князь Ростиславъ встрѣтилъ святыхъ братьевъ Константина и Меѳодія съ великою честью. И велѣлъ поскорѣе набрать отроковъ, чтобы учились у святыхъ братьевъ. Константинъ и Меѳодій учили ихъ новымъ письменамъ и въ то же время продолжали переводить и писать для славянъ книги. Они перевели: Часословъ, Псалтирь и другія богослужебныя книги. И услышали, наконецъ, славяне церковную службу на своемъ родномъ языкѣ.

6. Латинскіе проповѣдники негодовали на святыхъ братьевъ Константина и Меѳодія. Они говорили, что въ церкви можно служить только на трехъ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ, а на славянскомъ языкѣ служить нечестиво. И написали жалобу на Константина и Меѳодія къ папѣ Николаю. Папа Николай по этой жалобѣ вызвалъ святыхъ братьевъ въ Римъ. Они пошли. Но

въ то время, когда шли туда, папа Николай умеръ. Новый же папа Адрианъ встрѣтилъ славянскихъ просвѣтителей съ честью, похвалилъ ихъ за переводъ священныхъ книгъ на славянскій языкъ и разрѣшилъ совершать богослуженіе на языкѣ славянскомъ.

7. Въ Римѣ святой Константинъ заболѣлъ. И было ему отъ Бога откровеніе о близкой кончинѣ. Онъ съ радостью принялъ это откровеніе.

Готовясь къ смертному часу, онъ принялъ монашество и названъ при этомъ Кирилломъ. Пятьдесятъ дней лежалъ онъ въ постели и ожидалъ смерти. Передъ самою кончиною онъ призвалъ брата Меѳодія и сказалъ ему: «Братъ! мы были съ тобой на нивѣ Божіей, какъ два вола, впряженные въ одинъ плугъ. И вотъ я падаю на бороздѣ. Ты остаешься одинъ. Знаю я, какъ ты любишь святую гору Олимпъ. Но умоляю тебя: ради нея не оставляй начатаго дѣла, возвратись къ славянамъ и утверждай ихъ въ святой вѣрѣ». И въ самый смертный часъ святой Кириллъ молился Богу о славянахъ: «Господи! услыши молитву мою: сохрани вѣрное Твое стадо, къ которому Ты приставилъ меня, недостойнаго раба». Съ молитвою на устахъ святой Кириллъ мирно скончался 14 февраля 869 года на 42 году жизни.

8. По смерти брата, святой Меѳодій рѣшилъ возвратиться въ славянскія земли. Передъ отправленіемъ изъ Рима онъ былъ посвященъ въ архіерейскій санъ и назначенъ епископомъ моравскимъ.

Онъ много лѣтъ мудро управлялъ своею славянскою епархією; перевелъ еще много книгъ на славянскій языкъ; терпѣлъ разныя гоненія отъ нѣмецкихъ и латинскихъ проповѣдниковъ; обличалъ еретиковъ, возстававшихъ на Христову Церковь, и скончался въ глубокой старости въ 885 году, 6-го апрѣля.

Славянская грамота распространилась по всѣмъ славянскимъ землямъ. И всѣ славяне прославляютъ своихъ просвѣтителей Кирилла и Меѳодія.

(Изъ «Школьнаго Листка».)

28. Священные книги.

Измученный жизнью суровой,
Не разъ я себя находилъ
Въ глаголахъ Предвѣчнаго Слова
Источникъ покоя и силъ.
Какъ дышатъ святыя ихъ звуки

Божественнымъ чувствомъ любви,
И сердца тревожнаго муки
Какъ скоро смиряютъ они...
Здѣсь все въ чудно-сжатой картинѣ
Представлено Духомъ Святымъ:

И міръ, существующій нынѣ,
И Богъ, управляющій имъ,
И сущаго въ мірѣ значенье,
Причина, и цѣль, и конецъ,
И вѣчнаго Сына рожденье,

И крестъ, и терновый вѣнецъ.
Какъ сладко читать эти строки,
Читая, молиться въ тиши,
И плакать, и черпать уроки
Изъ нихъ для ума и души!

И. Никитинъ.

29. Евангеліе.

Когда отрада упованья
Въ тебѣ погаснетъ безъ слѣда,
И будутъ тяжелы страданья,
И за бѣдой придетъ бѣда,—
Тогда бери ты книгу эту!
Здѣсь на страницахъ ты ея
Найдешь призывъ къ добру и

И на страданіе твое
Здѣсь чудный голосъ отзовется
Всепокоряющей любви;
Онъ надъ тобою пронесется:
«Страдай! Терпи! Люби! Живи!»
И этотъ голосъ чудной силой
Больную душу оживитъ:
Она не дрогнетъ предъ могилой

свѣту, И горе жизни побѣдитъ.

30. Какія книги были въ старину.

Въ самыя древнія времена люди уже умѣли писать, т. е. начертанными условными знаками передавать другимъ свои мысли и желанія. Сначала, въ древнѣйшемъ письмѣ, еще не было буквъ и словъ. Въмѣсто словъ рисовали разные предметы, и такія изображенія предметовъ служили условными знаками. Напримѣръ, изображеніе *стрѣлы* означало войну; изображеніе *собаки*—вѣрность и т. д. Потомъ вмѣсто рисунковъ и картинокъ стали писать условные значки; и каждый значекъ обозначалъ собою цѣлое слово. У cadaго народа были свои условные значки. Наконецъ, былъ изобрѣтенъ алфавитъ. Алфавитъ состоитъ изъ буквъ, и каждая буква обозначаетъ собою звукъ человѣческой рѣчи. Изъ буквъ, какъ изъ звуковъ, можно составить любое слово.

Древніе люди писали свои картинки и значки не перомъ на бумагѣ, какъ пишемъ теперь мы. Бумаги тогда еще не было. Они вырѣзывали и начертывали свои письмена на камняхъ, на стѣнахъ своихъ храмовъ и дворцовъ.

Долго ученые люди трудились надъ тѣмъ, чтобы разгадать, что писали своими значками древніе люди. И многое разгадали, и прочитали, и объяснили другимъ.

На стѣнахъ египетскихъ пирамидъ, усыпальницъ и храмовъ ученые прочитали множество преданій; и узнали по нимъ исторіи цѣлыхъ народовъ.

Въ развалинахъ древнихъ городовъ было найдено много глиняныхъ плитокъ, испещренныхъ какими-то знаками. Ученые разобрали и ихъ. Тутъ были и ученныя со-

чиненія, и историческія, и рассказы, легенды, стихотворенія.

Видно, въ старину изъ такихъ глиняныхъ книгъ составлялись цѣлыя бібліотеки. Читатели приходили въ эти бібліотеки и требовали книги по номерамъ; только домой уносить ихъ не могли. И въ давно прошедшія времена люди стремились къ свѣту знанія и любили читать. Но книгъ было очень мало, онѣ были и дороги, и тяжелы, и неудобны.

Египтяне первые научились писать на папирусѣ. У нихъ, около стоячихъ водъ, росло болотное растеніе папирусъ; изъ сердцевины этого растенія они умѣли вырѣзывать тонкія длинныя полосы. Высушенные на солнцѣ, эти полосы становились прочными и твердыми. На нихъ можно было писать, какъ на бумагѣ. Хотя эта папирусная бумага была несравненно удобнѣе и дешевле глиняныхъ и деревянныхъ досокъ, но она всетаки была дорога. Цѣна ея иногда очень повышалась, если случался неурожай папируса. Писаніе на папирусѣ стало быстро распространяться въ древности и перешло изъ Египта въ Грецію и Римъ.

Рукописи-папирусы не были похожи на наши книги. Писецъ бралъ длинную полосу или ленту папируса и писалъ на ней короткими строками, писалъ на одной сторонѣ: изнанка оставалась бѣлая. Когда исписывалъ одну полосу, то приклеивалъ къ ней другую. Иная рукопись бывала въ нѣсколько аршинъ длиною. Оконченную рукопись навертывали на деревянную скалку и получался *свитокъ*. Такой свитокъ, большой и толстый, заключенъ былъ въ футляръ, къ которому привѣшивали ярлычки съ обозначеніемъ заглавія рукописи. Въ бібліотекахъ и книжныхъ лавкахъ читатель могъ видѣть заглавіе сочиненія, не развертывая папируса. Книжные лавки обыкновенно были любимымъ мѣстомъ, гдѣ собиралось много народу: ученые, писатели и читатели. Тамъ была особая комната, гдѣ за небольшую плату можно было читать книги.

Другимъ матеріаломъ для писанія книгъ въ древности былъ пергаментъ. Его выдѣлывали изъ кожъ. Пергаментъ былъ еще дороже папируса. Но зато онъ былъ прочнѣе и удобнѣе. На пергаментѣ писали съ двухъ сторонъ. И книга изъ пергамента имѣла такую же форму, какъ и теперешнія книги, т. е. состояла изъ листовъ. Но кожаная, пергаментная книги тоже были очень дороги.

Книги въ то время переписывали. Для того, чтобы переписать какое-нибудь сочиненіе въ нѣсколькихъ копіяхъ (экземплярахъ), надо было затратить много времени и труда. Переписка въ древности составляла ремесло, которымъ занимались особые писцы. Каждый книгопродавецъ имѣлъ около себя сотни писцовъ. Иногда переписывать книги заставляли рабовъ, которые корпѣли надъ этой работой весь вѣкъ. Очень много книгъ переписывали монахи.

Переписка требовала очень много времени. Иногда одну книгу приходилось переписывать годы. Книги стоили очень дорого, и покупать ихъ могли только богатые люди. Богатые люди и были образованными, а бѣдные были темными и непросвѣщенными.

Въ библіотекахъ и читальныхъ залахъ, чтобы сохранить дорогія книги отъ похищенія,—ихъ приковывали желѣзными цѣпями. Очень немногіе могли пользоваться такой «прикованной книгой». Нужно было освободить книгу отъ цѣпей, и пустить ее, свободную и доступную, гулять по бѣлу свѣту на счастье людей. Такое великое освобожденіе книги совершилъ Іоганнъ Гутенбергъ—изобрѣтатель книгопечатанія.

*«Мысли нѣмья письмо облакаетъ и тѣломъ, и словомъ;
Говорящій листокъ ихъ потомству несетъ».*

(Шиллеръ).

31. Л а р ч и к ъ .

Случается нерѣдко намъ
И трудъ и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ стоить только догадаться
За дѣло просто взяться.

Къ кому-то принесли отъ мастера ларецъ.
Отдѣлкой, чистотой ларецъ въ глаза кидался;
Ну, всякій ларчикомъ прекраснымъ любовался.
Вотъ входитъ въ комнату механики мудрецъ.
Взглянувъ на ларчикъ, онъ сказалъ: «Ларецъ
съ секретомъ;

Такъ, онъ и безъ замка;
А я берусь открыть; да, да, увѣрешъ въ этомъ.
Не смѣйтесь такъ исподтишка!
Я отыщу секретъ и ларчикъ вамъ открою:
Въ механикѣ и я чего-нибудь да стою».
Вотъ за ларецъ принялся онъ:
Вертить его со всѣхъ сторонъ
И голову свою ломаетъ,—
То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.
Тутъ, глядя на него, иной
Качаетъ головой,

Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой.
Въ ухахъ лишь только отдается:
«Не тутъ, не такъ, не тамъ!» Механикъ пуще рвется.
Потѣлъ, потѣлъ, но, наконецъ, усталъ,
Отъ ларчика отсталъ.
И, какъ открыть его, никакъ не догадался,—
А ларчикъ просто открывался.

И. Крыловъ.

32. Иоганнъ Гутенбергъ, изобрѣтатель книгопечатанія.

1. Иоганнъ Гутенбергъ родился въ 1400 году въ г. Майнцѣ (въ Германіи). Онъ происходилъ изъ старинной, знатной, хотя и обѣднѣвшей, семьи и получилъ хорошее образованіе.

Иоганнъ былъ юноша умный, энергичный, работающій. Очутившись на чужбинѣ, безъ средствъ и знакомствъ, онъ не упалъ духомъ. Чтобы добыть кусокъ хлѣба родителямъ и себѣ, онъ брался за всякую предложенную работу и, наконецъ, устроился въ мастерской у ювелира. Здѣсь онъ шлифовалъ драгоценные камни и зеркала. Зеркала въ то время цѣнились очень дорого. Кроме того юноша работалъ надъ тисненіемъ металлическихъ рамъ для зеркалъ.

Иоганнъ Гутенбергъ.

Умъ Гутенберга былъ живой и пытливый: даже въ своей ювелирной работѣ онъ находилъ новые способы, которые облегчали и совершенствовали трудъ.

Во время этихъ работъ надъ тисненіемъ рисунковъ для зеркальных рамъ,—въ гениальной головѣ Иоганна Гутенберга созрѣвало и великое изобрѣтеніе.

Какъ человѣкъ образованный, онъ хорошо понималъ цѣну просвѣщенія; онъ видѣлъ недостатокъ книгъ и не-

достатокъ знаній; окружающее невѣжество глубоко печалило его. Мысль о дешевомъ и быстромъ печатаніи книгъ не выходила у него изъ головы.

И вотъ, въ головѣ этого человѣка зародилась свѣтлая мысль: сдѣлать отдѣльныя подвижныя буквы, которыя можно складывать, разбирать; ими можно было печатать разныя книги. Мысль эта была по истинѣ великая—она создала книгопечатаніе.

Послѣ тяжелаго дня работы въ ювелирной мастерской, Гутенбергъ уходилъ на отдыхъ въ загородный монастырь къ знакомымъ монахамъ.

Отдыхъ его былъ своеобразенъ. Цѣлыя ночи онъ надъ чѣмъ-то трудился, что-то обдумывалъ. Въ монастырской кельѣ, въ тишинѣ ночи, совершалось великое освобожденіе книги отъ цѣпей.

Вотъ Гутенбергъ одинъ въ своей кельѣ... Онъ нарѣзалъ изъ дерева маленькія плитки, по числу буквъ азбуки; всѣ плитки одинаковой величины, на каждой вырѣзана выпуклая буква въ обратномъ видѣ (какъ представлялась она въ зеркалѣ). Иоганнъ сложилъ буквы вмѣстѣ, скрѣпилъ ихъ ниткой, чтобы онѣ не распадались... Онъ намазалъ буквы краской... Едва сдерживая волненіе, онъ накладываетъ на нихъ сверху бумагу, осторожно прижимаетъ ее, потомъ снимаетъ... О, счастье, о, радость, — оттискъ азбуки вышелъ превосходно.

Честь и слава генію пытливаго ума человѣческаго, честь и слава труду и знанію!

2. Тайна книгопечатанія была открыта. Гутенбергъ былъ безгранично счастливъ... Но скоро за этимъ счастьемъ пришли горькія разочарованія. Гутенбергъ былъ очень бѣденъ: у него не было средствъ, чтобы производить опыты, расширять и совершенствовать свое открытіе. Онъ сталъ искать сочувствующихъ людей, просить помощи у богатыхъ. Но никто не вѣрилъ ему и не желалъ рисковать своими средствами. Гутенбергъ вернулся въ свой родной Майнцъ простымъ ремесленникомъ. Здѣсь онъ снова всюду искалъ денегъ, просилъ, убѣждалъ повѣрить въ его открытіе. Наконецъ, послѣ пяти лѣтъ просьбъ и борьбы съ нуждою, онъ нашелъ двухъ компаніоновъ—Фуста и Шеффера, которые согласились дать денегъ и вмѣстѣ съ нимъ открыть типографію.

Гутенбергъ во все время поисковъ, борьбы и лишений не переставалъ трудиться надъ своимъ изобрѣтеніемъ.

Онъ замѣнилъ деревянные буквы металлическими, изобрѣлъ особый валикъ для скорости печатанія и придумалъ типографскій станокъ.

Первая книга, которую напечаталъ въ типографіи Гутенбергъ въ 1450 году, была латинская грамматика. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ на пробу своего искусства. Завѣтною его мечтою было—напечатать Библію. И съ настойчивостью и энергіей онъ выполнилъ это предпріятіе.

Когда вышелъ первый листъ Библіи изъ-подъ типографскаго станка, то великій изобрѣтатель зарыдалъ отъ радости и счастья. Первая Библія печаталась пять лѣтъ и появилась въ свѣтъ въ августѣ 1455 года. До нашего времени сохранилось всего 16 экземпляровъ этой книги.

Между тѣмъ дѣла типографіи Фуста и Шеффера шли плохо и прибылей не давали, а требовали большихъ тратъ. Фустъ былъ недоволенъ, упрекалъ постоянно Гутенберга и, опасаясь за свой капиталъ, который товарищъ не могъ ему выплатить, подалъ на него въ судъ. Судъ присудилъ, чтобы Гутенбергъ отдалъ всю типографію Фусту.

Много несчастій, горя, обмановъ вытерпѣлъ Гутенбергъ. Три раза устраивалъ онъ типографію и три раза лишался ея. Ему не вѣрили, мѣшали работать, обвиняли въ колдовствѣ и смѣялись надъ нимъ. Въ то время думали, что не можетъ одинъ человѣкъ напечатать книгу сразу во многихъ экземплярахъ, что ему помогаетъ нечистая сила. Даже слава и честь великаго изобрѣтенія Гутенберга чуть было не досталась другому, такъ какъ Фустъ намѣревался присвоить ихъ себѣ и печаталъ объ этомъ на своихъ изданіяхъ. Но Шефферъ, не желая присвоить себѣ чужія заслуги, напечаталъ на нѣкоторыхъ книгахъ, вышедшихъ изъ его типографіи, слѣдующія надписи: «Въ 1450 году въ Майнцѣ изобрѣтено талантливимъ Гутенбергомъ удивительное типографское искусство, улучшенное и распространенное трудами Шеффера и Фуста».

Такимъ образомъ имя Гутенберга было увѣковѣчено. Самъ великій изобрѣтатель не думалъ ни о славѣ, ни о почестяхъ. До глубокой старости онъ жилъ одинокимъ, въ трудѣ и лишеніяхъ. Его радость, его слава были въ томъ, что книгопечатаніе облетѣло весь міръ, книги стали дешевле, и больше становилось грамотныхъ и образованныхъ людей.

Умеръ Гутенбергъ въ 1468 году, любимый всѣми за свой добрый нравъ, за свое неутомимое трудолюбіе. Особенно глубоко сожалѣли о немъ наборщики его новой

типографіи. Ихъ все называли «дѣти Гутенберга». И онъ, безсемейный, одинокій, дѣйствительно былъ имъ отецъ.

Имя Гутенберга навѣки сохранится въ памяти чело-вѣчества. Великолѣпные памятники теперь поставлены ему во многихъ городахъ. Но самые прекрасные, несокруши-мые памятники Гутенбергу—это печатныя машины. По всему міру онѣ шумятъ и гудятъ и разносятъ славный плодъ трудовъ своихъ—печатное слово. И плодъ этотъ даетъ людямъ свѣтъ знанія, правды, добра, мира и любви.

33. П а м я т н и к ъ .

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
Къ нему не зарастетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.
Нѣтъ! весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ,—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ пиитъ.
Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгусъ, и другъ степей—калмыкъ.
И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславиль я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

А. Пушкинъ.

34. Иванъ Ѳедоровъ, первый русскій печатникъ.

1. Въ Россіи книгопечатаніе появилось, при царѣ Іоаннѣ Грозномъ, спустя болѣе, чѣмъ 100 лѣтъ послѣ его изобрѣтенія Гутенбергомъ.

Царь Іоаннъ Грозный рѣшилъ ввести въ Россіи книго-печатаніе и въ 1553 г. повелѣлъ построить первую типо-графію. Это былъ, такъ называемый, «печатный дворъ въ Москвѣ». Его строили 10 лѣтъ. Въ то же время царскіе слуги искали въ Москвѣ печатника. Выбраны были два мастера: діаконъ Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Мстиславецъ.

Московскій печатный дворъ былъ построенъ на Ни-кольской улицѣ (гдѣ теперь стоитъ синодальная типо-графія).

Первую книгу—Дѣяній Апостольскихъ, начали печатать въ апрѣлѣ 1563 г., а окончили въ мартѣ 1564 г. Послѣ нея былъ напечатанъ еще Часословъ.

Между тѣмъ, по поводу печатанія въ народѣ стали

ходить невѣроятные слухи, что это дѣло нечистой силы, что печатать на машинѣ священные книги грѣшно. По всей вѣроятности эти толки шли отъ переписчиковъ, которые лишились работы. Темные люди этимъ толкамъ повѣрили и обвиняли первыхъ печатниковъ въ ереси, въ колдовствѣ и въ связи съ нечистой силой. Возмущенная толпа сожгла и разграбила типографію. А печатники, спасаясь отъ разъяренной толпы, тайно бѣжали къ гетману великаго княжества Литовскаго Григорію Ходкевичу.

2. Вотъ что Иванъ Ѳеодоровъ самъ рассказываетъ о своей судьбѣ въ послѣсловіи къ Апостолу, отпечатанному въ 1574 г.:

«Гетманъ принялъ насъ любезно, удовлетворяя нашу потребность. Еще онъ подарилъ мнѣ деревню. Мы устроили типографію и стали работать по волѣ Господа нашего Іисуса Христа и слова Его разсѣвать по вселенной».

«Когда гетманъ сталъ дряхлѣть и болѣть, то повелѣлъ намъ прекратить работу, пренебrecь художествомъ рукъ нашихъ и заняться въ деревнѣ обработкой земли».

«Однако же невозможнымъ показалось мнѣ коротать жизнь за плугомъ и сѣяніемъ сѣмянъ. Мѣсто работы плугомъ заступало для меня книгопечатаніе; вмѣсто житныхъ сѣмянъ, надлежало мнѣ разсѣвать сѣмена духовныя. Многіе нуждались въ духовной пищѣ».

И вотъ Иванъ Ѳеодоровъ покидаетъ добраго «гетмана», спокойную деревню и, сопровождаемый всякими скорбями и бѣдами, пробирается въ городъ Львовъ. Нищимъ пришелъ онъ въ незнакомый городъ. Онъ долго искалъ помощниковъ въ своемъ дѣлѣ, просилъ и унижался передъ богатыми людьми, но никто не хотѣлъ помочь ему. Онъ говоритъ: «И плакалъ я горькими слезами и горячо молился: вразуми меня, Господи! Испытаю законъ Твой. И не отними отъ меня словесъ истины ради братій моихъ и ближнихъ».

Нѣкоторые изъ духовенства и небогатые граждане помогли Ѳеодорову устроить маленькій, ручной печатный станокъ. И тогда, бѣдствуя и голодая, онъ счумѣлъ отпечатать второе изданіе Апостола.

Но крайняя нужда заставила его покинуть городъ Львовъ и переселиться въ городъ Острогъ. Здѣсь ему удалось отпечатать свою знаменитую «Острожскую» Библію, первую полную Библію на церковно-славянскомъ языкѣ. Умеръ первый русскій печатникъ въ 1583 г. въ страшной бѣдности, посвятивъ всю свою жизнь, всѣ силы любимому дѣлу.

35. С ѣ я т е л ь.

Шелъ сѣятель съ зернами въ полѣ и сѣялъ,
И вѣтеръ повсюду тѣ зерна развѣялъ.
Одни при дорогѣ упали; порой
Ихъ топчетъ прохожій небрежной ногой,
И птицъ, изъ окрестныхъ степей пролетая,
На нихъ нападаетъ голодная стая.
Другія на камень безплодный легли,
И вскорѣ, безъ влаги и корня, взошли;
И въ пламенный полдень дневное свѣтило
Былинку палящимъ лучомъ изсушило.
Средь терній упало иное зерно,—
И въ тернии дикомъ засохло оно.
Напрасно шелъ дождь, и съ прохладной зарею
Поля освѣжались небесной росой:
Одни за другими проходятъ года,—
Отъ зеренъ тѣхъ нѣтъ и не будетъ плода.
Но въ добрую землю упавшее сѣмя,
Какъ жатва настанетъ въ урочное время,
Готовя стократно умноженный плодъ,—
Высоко и быстро, и сильно растеть,
И блещетъ красою, и жизнью дышитъ:
Имѣющій уши, чтобъ слышать, да слышитъ!

(Притча, стих. Жемчужникова).

Пословицы. *Днемъ раньше поспѣешь, недѣлей раньше пожнеешь. Хоть голодать, да добрымъ съменемъ заспать.*

36. Въ сельской школѣ.

1. Вечерній урокъ начинается обыкновенно еще сумерками. Учитель становится или садится посрединѣ комнаты, а толпа размѣщается вокругъ него амфитеатромъ: кто на лавкахъ, кто на столахъ, кто на подоконникахъ. Всѣ вечерніе уроки, а особенно первый, имѣютъ совершенно особенный отъ утреннихъ характеръ спокойствія, мечтательности и поэтичности. Придите въ школу сумерками,—огня въ окнахъ не видно, почти тихо, только вновь натасканный снѣгъ на ступени лѣстницы, слабый гулъ и шевеленье за дверью, да какой-нибудь мальчуганъ, ухватившись за перила, черезъ двѣ ступени шагающій наверхъ по лѣстницѣ, доказываютъ, что ученики въ школѣ.

Войдите въ комнату. Уже почти темно за замерзшими окнами; старшіе, лучшіе ученики прижаты другими къ самому учителю и, задравъ головки, смотрятъ ему прямо въ ротъ. Дворовая самостоятельная дѣвочка съ озабоченнымъ лицомъ сидитъ всегда на высокомъ столѣ, такъ и

кажется—каждое слово глотаешь; поплосе ребята, мелкота, сидятъ подальше: они слушаютъ внимательно, даже сердито, они держатъ себя, какъ большіе. Кто навалился на плечи другому, кто вовсе стоитъ на столѣ. Рѣдко кто оглянется на васъ. Когда идетъ новый разсказъ, — всѣ замерли, слушаютъ. Когда повтореніе, — тутъ и тамъ раздаются самолюбивые голоса, не могущіе выдержать, чтобы не подсказать учителю. Впрочемъ, и старую исторію, которую любятъ, они просятъ учителя повторять всю своими словами и не позволяютъ перебивать учителя. «Ну, ты, не терпится? Молчи!»—крикнули на выскочку. Имъ больно, что перебиваютъ разсказъ учителя.

2. Послѣднее время это была исторія жизни Христа. Они всякій разъ требовали разсказать ее всю. Ежели не всю имъ разсказывали, то они сами дополняли любимый конецъ исторію отреченія Петра и страданія Спасителя. Кажется, все мертво, не шелохнется, — не заснули ли? Подойдешь въ полутьмѣ, взглянешь въ лицо какому-нибудь маленькому, — онъ сидитъ, впившись глазами въ учителя, сморщивши лобъ отъ вниманія, и десятый разъ отталкиваетъ съ плеча навалившуюся руку товарища. Вы щекотите его за шею — онъ даже не улыбнется, согнетъ головку, какъ будто отгоняясь отъ мухи, и опять весь отдается таинственному и поэтическому разсказу: какъ сама разорвалась церковная завѣса, и темно сдѣлалось на землѣ...—Ему и жутко и хорошо.

Но вотъ учитель кончилъ разсказывать, — и всѣ поднимаются съ мѣста и, толпясь къ учителю, перекрикивая одинъ другого, стараются пересказать все, что удержано ими. Крикъ поднимется страшный, — учитель насилу можетъ слѣдить за всѣми. Дѣти приступаютъ къ другому учителю, нѣтъ — къ товарищамъ, къ постороннему, къ истопнику даже, ходятъ изъ угла въ уголъ по двое, по трое, прося каждого ихъ послушать. Рѣдко кто разсказываетъ одинъ.

Они сами отбираются группами, равными по силамъ, и разсказываютъ, поощряя, поджидая и поправляя одинъ другого. «Ну, давай съ тобой», говоритъ одинъ другому, но тотъ, къ кому обращается, знаетъ, что онъ ему не по силамъ, и отсылаетъ его къ другому. Какъ только повисказались, успокоились, приносятъ свѣчи, и уже другое настроеніе находитъ на мальчиковъ.

Л. Н. Толстой.

*Пословицы. Не выучитъ школа, а выучитъ охота.
Наука учитъ того, кто хочетъ.*

37. За книгой.

Кудрявый мальчуганъ въ избушкѣ, при огнѣ,
Надъ книгою одинъ склонившись въ тишинѣ,
Сидитъ за чтеніемъ—и жадно за строками
Въ волненіи слѣдитъ блестящими глазами.
А за окномъ гудитъ сердитая мятель...
И полночь близится, пора бы и въ постель!
Но мальчикъ сонъ забылъ: въ восторгѣ, удивленный,
Какъ будто замеръ онъ, весь въ книгу углубленный.—
О! сколько въ книгѣ той чарующихъ картинъ
Рисуетъ передъ нимъ художникъ-властелинъ!
И все замачивѣй являются страницы,
И новыхъ мыслей въ немъ рождають верепицы...
Давно ужъ за полночь... Но взоръ горячій свой
Жаль оторвать ему отъ книги дорогой...
Уча его добру, путь зпашьемъ освѣщая,
Зоветь она впередъ, зоветь, не умолкая...

Ө. Гавриловъ.

Пословица. Хорошая книга—лучшій другъ.

33. Нашъ новый учитель.

Нашъ новый учитель высокій, безъ бороды, съ длинными сѣдыми волосами, съ прямой морщиной посреди лба; у него грубый голосъ, и онъ пристально глядитъ на каждого изъ насъ, точно хочетъ прочесть, что внутри насъ творится, и совѣмъ не смѣется.

Я думалъ: «Вотъ первый день. Еще девять мѣсяцевъ учиться. Сколько уроковъ, сколько работы впереди!»

Когда мы входили въ классы, новый нашъ учитель сидѣлъ уже на своемъ мѣстѣ. Къ дверямъ подходили, проходя мимо насъ въ третье отдѣленіе, то тотъ, то другой изъ его прошлогоднихъ учениковъ, чтобы поздороваться съ нимъ.

Нѣкоторые ученики входили, брали его за руку и потомъ убѣгали. Видно было, что они любили его и хотѣли бы остаться съ нимъ. Учитель говорилъ всѣмъ: «Здравствуйте!»—и пожималъ руки, которыя протягивались къ нему, но лицо оставалось попрежнему серьезнымъ и грустнымъ.

Потомъ онъ внимательно осмотрѣлъ всѣхъ насъ, одного за другимъ. Затѣмъ онъ сталъ диктовать урокъ, и, диктуя, ходилъ между партъ. Увидавъ мальчика съ лицомъ совѣмъ краснымъ отъ сыпи, онъ пересталъ диктовать и, взявъ его за голову, заботливо его осмотрѣлъ;

потомъ онъ спросилъ, что съ нимъ было, и положилъ ему руку на лобъ, чтобы узнать, не горяча ли голова. Въ это время одинъ мальчикъ сзади всталъ на парту и сталъ представлять «петрушку». Учитель вдругъ обернулся, и мальчикъ быстро сѣлъ, опустивъ голову, ожидая наказанія. Учитель положилъ ему руку на голову и сказалъ: «Не дѣлай такъ впередъ». И больше ничего. Потомъ онъ подошелъ къ столу и продолжалъ диктовку. Окончивъ ее, онъ посмотрѣлъ на насъ съ минутою молча, а потомъ совсѣмъ тихо заговорилъ грубоватымъ, но добрымъ голосомъ:

— Послушайте, что я скажу вамъ. Намъ придется провести вмѣстѣ цѣлый годъ; постараемся же провести его хорошенько. Учитесь и ведите себя хорошо. У меня нѣтъ семьи: вы все будете моей семьей. Въ прошломъ году у меня была еще мать; теперь она умерла. Теперь у меня никого на свѣтѣ нѣтъ, кромѣ васъ, моихъ учениковъ; нѣтъ никакой иной привязанности, иной думы, какъ о васъ. Вы будете моими дѣтьми. Я буду любить васъ, полюбите и вы меня. Мнѣ не хотѣлось бы наказывать кого-нибудь. Покажите мнѣ, что вы славные мальчики—тогда наша школа будетъ одной семьей, и вы будете моимъ утѣшеніемъ и моею гордостью. Я не прошу васъ общать мнѣ это на словахъ; я увѣренъ, что въ сердцѣ своемъ вы уже сказали мнѣ: «да», но послѣ на дѣлѣ покажите мнѣ это.

Въ эту минуту вошелъ сторожъ и позвонилъ. Мы все стали очень тихо выходить изъ класса, а тотъ мальчикъ, который представлялъ «петрушку», подошелъ къ учителю и сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Простите меня, господинъ учитель!

Учитель поцѣловалъ его въ лобъ и сказалъ:

— Ступай, мальчикъ, играй!

Э. Амичисъ.

39. Школьный походъ въ Нилову пустынь.

1. Въ сѣверной половинѣ Смоленской губерніи особенно чтится память преподобнаго Нила Столбенскаго. Трудно найти въ нашихъ краяхъ пожилого человѣка, не побывавшаго хоть разъ въ жизни въ Ниловой пустыни. Въ извѣстныя времена года—Великимъ постомъ, раннимъ лѣтомъ,—почти изъ каждой деревни отправляются къ угоднику кучки богомольцевъ.

Но въ этихъ богомоляхъ лишь весьма рѣдко принимаютъ участіе дѣти. Смоленская губернія обширна. Пустынь отстоитъ верстъ на сто отъ границы; богомольцы дорожатъ временемъ и къ тому же считаютъ долгомъ потрудиться: они совершаютъ переходы, дѣтямъ непосильные, верстъ пятьдесятъ, шестьдесятъ въ сутки, неся при томъ съ собою сухари на дорогу и узелокъ съ чистую одеждою и сапогами.

2. Мнѣ пришло на мысль сводить своихъ ребятъ въ Нилову пустынь, и я совершилъ это паломничество съ шестидесятью учениками. Для подобнаго предпріятія Татевская школа представляетъ особыя удобства. Существуетъ она двадцать шесть лѣтъ, и прежніе ея ученики сохраняютъ съ нею самыя тѣсныя связи. Она никогда не закрывается, ибо лѣтомъ въ ней постоянно готовятся къ учительской должности крестьянскіе мальчики, окончившіе курсъ въ школахъ нашего околотка, гостятъ молодые, холостые учителя и воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній, начавшіе ученіе въ нашихъ школахъ. Мы все время отъ времени испытываемъ потребность стряхнуть съ себя школьную пыль, забыть о дѣленіи и падежахъ, подышать полною грудью, услышать другое пѣніе, чѣмъ наше собственное, помолиться на досугъ, съ размышленіемъ о прошломъ, съ думою о будущемъ.

3. Для путешествія мы избрали середину іюня, ибо тутъ наступаетъ краткій перерывъ въ лѣтнихъ полевыхъ работахъ, коимъ и принято у насъ пользоваться для хожденія на богомолье. Чудное время: лѣса еще сохранили всю свѣжесть своей весенней листвы, и въ тѣнистыхъ ихъ закоулкахъ доцвѣтаютъ послѣдніе ландыши, а въ поляхъ уже появляются первые васильки; въ нетронутой травѣ луговъ сіяютъ и рдѣютъ, благоухаютъ и колышутся тысячи едва распустившихся цвѣтовъ; и все это заливаютъ потоками свѣта почти незакатное солнце, ибо ночи нѣтъ: блѣдный пурпуръ заката разгорается въ пурпуровое золото утренней зари. Едва проглядываютъ въ свѣтлой лазури звѣзды ночныя.

Девятаго іюня, въ день, назначенный къ выступленію въ походъ, школа загудѣла, какъ улей, изъ котораго готовится вылетѣть рой. Еще наканунѣ собралось въ ней челоуѣкъ сорокъ паломниковъ: къ школьной семьѣ присоединились мальчики изъ сосѣднихъ деревень. Въ теченіе всего утра прибывали со всехъ сторонъ новые спутники.

Къ двѣнадцати часамъ всѣ паломники были въ сборѣ. Общество наше составилось изъ 46-ти ребятъ, трехъ возчиковъ, двухъ взрослыхъ пѣвцовъ нашего хора и лѣтней школьной семьи: двѣнадцати учителей и учительскихъ помощниковъ, двухъ живописцевъ и одного семинариста.

Наконецъ все готово. Мы всѣ отправляемся въ церковь служить молебенъ о путешествующихъ и прямо изъ церкви, не заходя въ школу, пускаемся въ путь.

Погода съ утра стояла пасмурная и тихая. Во время молебна шелъ довольно сильный дождь. Но надъ нами уже разорвалась сѣрая дымка, и быстро рѣдѣла, а за нею показывалось голубое небо. Широко раскинулась передъ нами голубая, неоглядная даль, манившая насъ изъ Таева. Надъ нами чистая лазурь. Становится жарко. Ребята завалили телѣгу своею верхнею одеждою и идутъ въ однѣхъ рубашкахъ. Они идутъ слишкомъ скоро, забѣгаютъ впередъ. Ихъ манитъ и нудитъ эта лазурная даль.

Насъ дразнятъ своею кажущеюся близостью меженинскія рощи, синеватою массою возвышающіяся надъ болѣе близкими перелѣсками.—«Сколько верстъ до Меженинки?»—Десять, восемь, семь...—«Да помилуйте, вотъ она, Меженинка, рукой подать».—Глазамъ-то видно,—отвѣчаетъ мудрый дѣдъ въ деревнѣ Корелкѣ,—да ногамъ обидно.

Небо становится все живописнѣе и тревожнѣе. Даль мѣстами исчезаетъ за сѣрою занавѣскою дождя; на тучахъ появляются клочки радуги. Но вотъ и послѣдняя деревня, вотъ усадьба батюшки, вотъ церковь и рядомъ съ нею—гостепріимная меженинская школа. Зашумѣли крупныя, рѣдкія капли. Едва успѣли всѣ ребята столпиться подъ навѣсъ крыльца, и дождь хлынулъ, какъ изъ ведра.

Нашъ Михеюшка убѣждалъ въ Меженинку за два дня до нашего выступленія въ походъ, чтобы приготовить школу къ приему многочисленныхъ гостей. Въ школѣ мы нашли самовары шипящими, столы покрытыми, соломѣю постланною для ночлега ребятъ. Началось угощеніе на славу. Всего было наварено и напечено въ изобиліи. Милыя хозяйки пришли въ школу угощать налетѣвшую на нихъ саранчу, и каждому было сказано доброе слово, и сердечный ихъ привѣтъ еще возвысилъ общее радостное настроеніе. Михеюшка хлопоталъ неутомимо, сіялъ отъ радости, самъ забывалъ ѣсть и пить.

Ужинъ кончился. Дождь прекратился и школа озарилась блѣднымъ золотомъ вечерней зари. Торжественно и стройно прозвучали въ полумракѣ высокой, просторной классной комнаты тропари Троичные...

Ребята завалились на солому.

4. Мы встали рано и послѣ обильнаго завтрака выступили въ путь веселые и бодрые.

Идемъ мы мѣстами высокими. Хлѣбныя поля чередуются съ лугами, душистыми и цвѣтущими. Ребята жадно рвутъ прелестныя цвѣты, окаймляющіе дорогу. Всякій несетъ мнѣ цвѣтки, которые почему-либо кажутся ему заслуживающими моего вниманія. Разбѣгаться по сторонамъ мы имъ не позволяемъ. Но около деревни Боярской насъ поражаетъ возмутительное зрѣлище: большой воронъ вцѣпился въ пѣтушка, неосторожно отважившагося выйти въ поле.

Мигомъ летятъ на выручку всѣ ребята: пѣтушокъ спасенъ, воронъ съ гнѣвнымъ карканьемъ улетаетъ, и ребята возвращаются на дорогу, запыхавшись и ликуя. Но вотъ дорога начинаетъ постепенно опускаться. Передъ нами серебристый занавѣсъ близкаго дождя. Открывается прелестная долина Туда: широкая дуга многоводной рѣки, и усадьба, потонувшая въ зелени липъ, и крутые, лѣсистые берега, и двѣ церкви. Всѣ мы спускаемся къ мельницѣ и дѣлаемъ привалъ: мы отошли двѣнадцать верстъ, полъпути до Пыжей, гдѣ мы намѣрены обѣдать. Достаемъ свой черный хлѣбъ и весело закусываемъ, запивая чистою водою Туда.

По утлымъ кладямъ перебираемся на другой берегъ, надъ шумнымъ водопадомъ, образуемымъ плотиною. А по ту сторону Туда еще лучше: говорливые ручейки, цвѣтущій шиповникъ, огромные валуны, заросшіе мхами. Насъ увѣряютъ, что для сокращенія пути намъ слѣдуетъ, не доходя до Кожухова, свернуть направо и идти лѣсомъ. Дорога идетъ въ гору прелестными лѣсными полянками. Но она постепенно становится менѣе явственною и, наконецъ, теряется въ сплошной высокой травѣ. Боясь заблудиться, мы со стыдомъ возвращаемся на прежнюю дорогу; но нѣкоторыхъ изъ старшихъ спутниковъ, бѣжавшихъ впередъ на развѣдки, мы уже не можемъ вернуть.

По прошествіи шести-семи верстъ намъ начинаютъ попадаться прикрѣпленные къ кустамъ и изгородямъ бумажки съ вѣсточками о нашихъ развѣдчикахъ. Они-таки

выбрались на краткую дорогу, и мы находимъ ихъ у деревни Свисталово, спокойно отдыхающими на бревнышкахъ. До Пыжей уже недалеко. Еще перелѣсочекъ, — и тамъ передъ нами пыжовская церковь.

5. Отдохнувъ и полюбовавшись хорошенькою земскою школою, мы выступили въ походъ часу въ шестомъ. Небо совершенно прояснилось; наша дорога стала идти подъ гору, и мы вышли на такъ называемый большакъ, соединяющій Ржевско-Бѣльскую дорогу съ Ржевско-Осташковскою.

Солнце заходило. Послѣдніе лучи его заливали огнемъ небольшую полянку, всю заросшую смолянкою въ полномъ цвѣту. Какъ рубины, рдѣли пурпурныя метелки на темномъ фонѣ густого сосенника. Всѣ ребята кинулись рвать заманчивые цвѣточки, и всѣ перепачкали себѣ пальцы объ ихъ липкіе стебли.

Вскорѣ показалась деревня Боровыя Нивы, мѣсто нашего ночлега. Мы попросились ночевать въ прекрасную, крытую тесомъ избу. Хозяина не было дома. Хозяйка, крѣпкая старуха съ суровымъ, повелительнымъ лицомъ, приняла насъ не очень привѣтливо. Ребята, послѣ поздняго обѣда, не захотѣли ужинать. Мы имъ дали по куску хлѣба и приступили къ вечерней молитвѣ въ чистой и свѣтлой горницѣ, намъ отведенной. Я стоялъ у окна. На улицѣ собрались бабы и дѣти. Немногіе крестились, всѣ слушали съ величайшимъ вниманіемъ. Во время пѣнія лица дѣтей озарялись; но они, очевидно, не понимали, что происходитъ молитва. Въ этой деревнѣ народъ сплошь безграмотный, въ томъ числѣ и сыновья нашей богатой хозяйки. Церковь и школа далеко — за двѣнадцать верстъ. Ребятѣмъ не то что въ школѣ, въ церкви бывать не приходится. Кончилась молитва и мы уложили ребятъ спать въ сараѣ, на сѣнѣ. Хозяйка наша вдругъ стала привѣтлива и радушна: принялась хлопотать о самоварѣ, о нашемъ размѣщеніи на ночь.

— Молиться-то мы лѣнны, — промолвила она, — да и некогда: ну вотъ, хоть вы помолились за насъ грѣшныхъ!

6. Мы подвигаемся довольно медленно по сыпучему песку. Но до Оковцевъ еще семь верстъ, и мы добираемся туда лишь въ десятомъ часу.

Отъ Оковцевъ до Селижарова двадцать пять верстъ. Дорога идетъ мѣстами высокими, каменистыми и безводными. Еще въ Оковцахъ мы заставили всѣхъ ребятъ обуться, — накануне они предпочли идти босикомъ по свѣ-

жей травѣ и мягкой дорогѣ, а сегодня на каждомъ шагѣ попадаются острые камни.

Дорога продолжаетъ идти въ гору. Опять песокъ и камень, и дальніе виды, величавые и строгіе. Солнце склоняется къ западу, и съ сѣвера подулъ холодный вѣтерокъ. Мы проходимъ еще нѣсколько деревень, небольшой лѣсокъ. Вдругъ открывается передъ нами долина Волги, и уже недалеко Селижарово. Нѣкоторые изъ старшихъ убѣждали впередъ, чтобы приготовить намъ ночлегъ. Доходимъ до Селижарова уже въ десять часовъ.

7. Селижарово—небольшой посадъ, выросшій около древняго живописнаго монастыря.

Намъ приготовили ночлегъ въ просторномъ постояломъ дворѣ. Приняли насъ радушно, накормили ребятъ хорошо. Во время вечернихъ молитвъ подъ нашими окнами собралось много народа; всѣ усердно молились вмѣстѣ съ нами. Улеглись поздно и уснули мертвымъ сномъ.

Утренняя молитва, завтракъ, чай протянулись до семи часовъ. Въ половинѣ восьмого мы выступили въ походъ. Утро было сѣренькое, свѣжее. Идти было легко и весело.

Отъ Селижарова до Осташкова идетъ настоящій большакъ съ верстовыми столбами. Мѣряныя версты оказались гораздо короче немѣряныхъ. Все чаще и чаще встрѣчали и перегоняли мы большія и малыя партіи богомольцевъ.

8. Вообще, начиная отъ Селижарова, мы вступили въ область, составляющую достояніе преподобнаго Нила. Тутъ онъ уже не «угодникъ», а «нашъ батюшка» или просто «онъ». Тутъ о немъ говорятъ, какъ о живомъ человѣкѣ, дорогомъ и близкомъ. Его молитвами живетъ весь край, его заступничествомъ спасается отъ бѣдъ. Онъ распоряжается тепломъ и холодомъ, дождями и росами. Ему лично принадлежатъ монастырскія имѣнія. Его мельница красуется на рѣкѣ Сиговкѣ, его коровки пасутся на его лугахъ, его сѣно убирается усердными богомольцами, съ радостью соглашающимися покосить денекъ-другой для «нашего батюшки», который за то сытно ихъ кормитъ. Самыя воды Селигера, съ ихъ рыбными ловлями, принадлежатъ ему. Онъ кормитъ своею рыбою прибрежныхъ крестьянъ, коимъ хлѣбопашествомъ не прокормиться. Да, для всѣхъ жителей этого края и для безчисленныхъ богомольцевъ, посѣщающихъ пустынь, угодникъ живъ до сихъ поръ.

Чѣмъ объяснить эту неугасающую живучесть, это ося-

заемое безсмертіе человѣка, жившаго исключительно жизнью внутренней? Блѣдны и скудны сказанія, сохранившіяся объ его житіи въ Прологѣ и Минеяхъ. Сверхъ общихъ чертъ строгаго отшельническаго подвижничества, едва обозначаются черты индивидуальныя: тонкое чутье нравственной чистоты, свойственное высокимъ натурамъ, любовь къ нетронутой рукою человѣческой задумчивой природѣ нашего бѣднаго сѣвера—и только. Не тутъ нужно искать его біографіи, а въ простыхъ рѣчахъ темныхъ жителей селигерскаго края, въ любви, съ коею произносится его имя въ гостепріимной обители, царящей надъ водами причудливаго озера и уже три вѣка дающей душамъ миллионовъ то, что имъ на потребу,—молитвенный отдыхъ отъ суеты житейской, временное отрѣшеніе отъ праха земного.

9. Все ближе и ближе, направо отъ дороги, мелькаютъ между лѣсомъ воды Селигера, а надъ лѣсомъ показывается высокая бѣлая церковь. За нею луга и пашни и береженный монастырскій лѣсъ. Подъ его защитою мы на нѣсколько минутъ отдыхаемъ отъ захватывающаго дыханіе вѣтра. Дорога, съ уступа на уступъ, поднимается на высокую гору. Отсюда при хорошемъ освѣщеніи прелестный видъ: весь Осташковъ, за нимъ—извилистое озеро, и надъ однимъ изъ лѣсистыхъ мысовъ, врѣзающихся въ его воды, бѣлокаменные громады Ниловой пустыни. Но до города еще восемь верстъ утомительной песчаной дороги. Ребята притихли и съ трудомъ плетутся за мною. Становится темно и вѣтеръ все усиливается. Въ верстѣ отъ города насъ встрѣчаютъ высланные впередъ гонцы, чтобы привести насъ на мѣсто нашего ночлега. Какъ длинна эта послѣдняя верста! Но вотъ, наконецъ, городъ. Вдругъ ребята останавливаются въ изумленіи. Мы вышли на самый берегъ озера. Другого берега въ темнотѣ не видно. Тускло озаренная вечернею зарею, катятся намъ навстрѣчу тяжелыя волны и съ грохотомъ и пѣною разбиваются у подножія Вознесенскаго монастыря. Но пора на ночлегъ. Уже одиннадцатый часъ. Еще нѣсколько поворотовъ, и передъ нами постоялый дворъ, просторный и чистый, съ олеандрами и геранями на окнахъ, и радушная хозяйка, и готовый, обильный ужинъ. Ребята наѣдаются до-сыта, но падаютъ отъ усталости. Мы укладываемъ ихъ спать послѣ сокращенной до крайности молитвы.

Мы рѣшили отдохнуть основательно въ Осташковѣ и

поэтому ребятъ не будили. Пароходъ изъ Осташкова въ Нилову пустынь ходитъ два раза въ день: къ поздней обѣднѣ и къ вечернѣ. Переѣздъ въ Нилову пустынь отложили до второго рейса.

Не спѣша встали ребята, принарядились и совершили утреннюю молитву, не спѣша напились чаю. Погода все стояла такая вѣтреная и холодная. Напившись чаю, мы отправились взглянуть на городъ и озеро.

Послѣ сытнаго обѣда мы собрались въ путь. Насъ впустили на пароходъ, хорошенькій и уютный, носящій имя угодника. Въ распоряженіе ребятъ была отдана монахомъ-капитаномъ каюта второго класса. Но они тамъ не усидѣли и, не смотря на холодный вѣтеръ, все время переѣзда простояли на палубѣ. Все это было такъ ново и чудно! И таинственная машина, двигавшая пароходъ, и клубы пара, и свистки, и обширное озеро, и быстро удалявшійся отъ насъ Осташковъ съ своими высокими колокольнями и зеленымъ мысомъ Житнаго острова, и легкая качка, производимая противнымъ вѣтромъ. Передъ нами съ лѣваго берега озера выдвинулся широкій мысъ, заросшій сосновымъ лѣсомъ. Вотъ пароходъ сталъ огибать этотъ мысъ, и вдругъ изъ-за темнаго бора величаво выплыла, уже близкая, бѣлокаменная масса церквей и башенъ, высокихъ палатъ и густой зелени, увѣнчанная шпилемъ многоярусной колокольни, Нилова пустынь!... Всѣ разговоры замолкли, всѣ головы обнажились, всѣ взоры обратились на плывшую намъ навстрѣчу святыню. Пароходъ замедлилъ ходъ и, разгоня своимъ свисткомъ множество лодокъ и лодочекъ, снующихъ по всѣмъ направленіямъ, плавно подбѣжалъ къ пристани.

С. Рачинскій.

40. Школьные товарищи.

Мнѣ вспомнились лица товарищей милыхъ...

Куда вы дѣвались, друзья?

Иные далеко, а тѣ ужъ въ могилахъ.

Разсѣялась наша семья!

Одинъ мнѣ всѣхъ памятный. Кротко свѣтились

Глаза его; былъ онъ не смѣлъ;

Когда мы, бывало, шумѣли, рѣзвились,

Онъ молча въ сторонкѣ сидѣлъ

И лишь улыбался, но добраго взора

Съ игравшей толпы не спускалъ.

Забитый, больной,—онъ дружилъ нескоро,

Зато ужъ друзей не мѣнялъ.

Двухъ лѣтъ сиротой онъ остался; призрѣла
Чужая семья бѣдняка.
Попреки, толчки онъ терпѣлъ то и дѣло,
Безъ слезъ не ѣдалъ онъ куска.
Плохой онъ работникъ былъ въ домѣ, но жадно
Читалъ все и ночью, и днемъ,
И что бы ни вычиталъ въ книжкахъ, такъ складно,
Бывало, расскажетъ потомъ.
Расскажетъ, какія на свѣтѣ есть страны,
Какіе тамъ звѣри въ лѣсахъ,
Какъ тянутся въ знойной степи караваны,
Какъ ловятъ акулу въ моряхъ.
Любили мы слушать его, и казался
Другимъ въ тѣ минуты онъ намъ:
Нежданно огнемъ его взоръ загорался,
И кровь прилиwała къ щекамъ.
Онъ, добрый, голодному нищему-брату
Отдать былъ послѣднее радъ
И часто дивился: зачѣмъ тѣ богаты,
А эти безъ хлѣба сидятъ?
Что случилось съ тобою? Свела ли въ могилу
Бѣднягу болѣзнь и нужда?
Иль ихъ одолѣлъ ты, нашелъ въ себѣ силу
Для честной борьбы и труда?
Быть можетъ, пустился ты въ дальнія страны
Свободы и счастья искать;
И все ты увидѣлъ, что стало такъ рано
Ребяческій умъ твой плѣнять.

А. Плещеевъ.

Пословицы. *Новыхъ друзей наживай, старыхъ не теряй. Кто другъ правдивый, тотъ братъ родимый. Другъ дороже денегъ.*

41. Больной учитель.

Вчера, возвращаясь изъ школы, я зашелъ навѣстить своего больного учителя. Онъ заболѣлъ оттого, что очень ужъ усиленно занимался. Пять уроковъ у него днемъ, потомъ три часа въ вечерней школѣ,—шутка сказать! Онъ мало спалъ, мало ѣлъ, всегда наспѣхъ, и утомлялся не въ мѣру,—вотъ онъ и разстроилъ себѣ здоровье. Такъ говоритъ мама. Она осталась подождать меня у крыльца, а я поднялся одинъ по лѣстницѣ и позвонилъ въ квартиру учителя, въ четвертомъ этажѣ.

Грустно такъ стало у меня на душѣ, когда служанка ввела меня въ бѣдную, полутемную комнату, гдѣ лежалъ мой бѣдный учитель. Онъ лежалъ на узенькой желѣзной кровати; борода его сильно отросла. Онъ приложилъ руку

ко лбу, чтобы разглядѣть лучше, и воскликнулъ своимъ ласковымъ голосомъ:

— А, Васильевъ!

Я подошелъ къ постели; учитель положилъ мнѣ руку на плечо и сказалъ:

— Ну, спасибо тебѣ! Хорошо сдѣлалъ, что пришелъ навѣстить своего больного учителя. Дѣла мои плохи, какъ видишь, милый мой Васильевъ. А какъ у васъ въ школѣ

Больной учитель *).

(Съ картины Н. Богданова-Бѣльскаго).

всѣ? Какъ товарищи твои поживаютъ? Хорошо вѣдь идетъ все, не правда ли, безъ вашего стараго учителя?

Я хотѣлъ сказать: нѣтъ, но онъ перебилъ меня:

— Ну, полно, полно! Я знаю, что вы любите меня,—и онъ вздохнулъ.

Я посмотрѣлъ на фотографическія карточки, развѣшанныя по стѣнамъ.

— Видишь? — сказалъ онъ. — Это все карточки моихъ учениковъ; нѣкоторыя висятъ тутъ уже больше двадцати

*) Предложить ученикамъ написать небольшой рассказъ къ этому рисунку.

лѣтъ. Славные мальчики были. Это лучшія мои воспоминанія. Когда я буду умирать, то послѣдній взглядъ мой упадетъ на этихъ мальчиковъ, среди которыхъ я провелъ всю свою жизнь. Вотъ, когда кончишь начальную школу, такъ и твою карточку я здѣсь повѣшу—хочешь?

Потомъ онъ взялъ съ ночного столика апельсинъ и далъ его мнѣ.

— Больше мнѣ нечѣмъ угостить тебя.

Я смотрѣлъ на учителя, и еще грустнѣе у меня стало на сердцѣ.

— Ну, смотри...—заговорилъ онъ снова,—я надѣюсь поправиться, а если не поправлюсь... такъ, смотри, припалягъ на ариѣметику: это твое слабое мѣсто, сдѣлай усиліе надъ собой, важно первое серьезное усиліе, потому что иногда мальчикъ плохо учится не оттого, что онъ вправду не способный, а просто забьетъ себѣ въ голову, что нѣтъ у него способностей, и такъ и будетъ дурно учиться.

Учитель дышалъ съ трудомъ; видно было, что ему нехорошо.

— Опять лихорадить начало,—сказалъ онъ со вздохомъ.—Дѣло дрянъ. Ну, ужъ до свиданья, милый! Итакъ, на ариѣметику приналягъ, на задачи... Не удастся сразу,—ну, отдохни немного, да снова. Опять не удастся,—еще отдохни, да опять за то же. Такъ и продолжай, да спокойнѣе, не отчаяваясь, не забивая себѣ въ голову, что у тебя нѣтъ способностей. Иди теперь. Кланяйся своей мамѣ отъ меня. И не лазай ужъ больше сюда ко мнѣ по лѣстницѣ,—увидимся въ классѣ. А если не увидимся больше, то вспоминай иногда о своемъ учителѣ, который такъ любилъ тебя.

При этихъ словахъ его у меня невольно выступили слезы!

— Наклонись ко мнѣ,—сказалъ онъ.

Я наклонилъ голову къ самой подушкѣ, и онъ поцѣловалъ меня. Потомъ онъ сказалъ: «Ступай!» и повернулся лицомъ къ стѣнѣ. А я уже мчался со всѣхъ ногъ по лѣстницѣ, потому что мнѣ захотѣлось поскорѣй къ мамѣ—передать ей поклонъ отъ учителя и рассказать о немъ.

Э. Амичисъ.

42. Завтра.

Подъ окошкомъ смуглый маль-
чикъ,
Пригорюнившись, сидитъ;

Передъ нимъ раскрыта книжка,
Но въ нее онъ не глядитъ.
Тихо въ комнатѣ... лишь слышенъ

Ровный маятника стукъ,
Да мурлычить разжирѣвшій
Котъ, взобравшись на сундукъ.
Мать пошла къ сосѣдямъ въ гости
Посидѣть часокъ-другой;
Прикурнула няня, къ печкѣ
Прислонившись головой,
И упалъ съ колѣнъ старушки
Недовязанный чулокъ.
Вотъ закрылъ букварь малютка:
Знать, неидетъ на умъ урокъ.
Что мудренаго! Въ окошко
Смотритъ солнышко съ небесъ;
Манитъ въ даль, въ поля и рощи
Ихъ лазуревый навѣсъ!
Славно въ полѣ! Тамъ бумажный
Вьется змѣй подъ небеса,
И товарищей веселыхъ
Раздаются голоса!
Ужъ какое тутъ ученье!
Развѣ тутъ до букварей:
Въ головѣ одна забота—
Какъ бы въ поле поскорѣй!
И не выдержало сердце
Грамотея моего:
Онъ вскочилъ... Блестятъ глазенки
Нетерпѣвья у него.
Подойдя съ боязнью къ нянѣ,
Заглянулъ онъ ей въ лицо:
«Спитъ!» сказалъ и осторожно,
Тихо вышелъ на крыльцо.
На дворѣ собачку Жучку
Отъ конурки отвязавъ,
За ворота шалунишка
За нею бросился стремглавъ.
Минувалъ онъ огороды
И сосѣдніе сады...
Вотъ и поле,—мальчикъ думалъ:

«Завтра выучу склады!»
Няня старая проснулась;
Изъ гостей вернулась мать...
«Гдѣ же Вася? Ахъ, лѣнливецъ!
Ужъ опять успѣлъ удрать!
Погоди же, на орѣхи
Я задамъ тебѣ потомъ;
Съ утра до ночи ты завтра
Просидишь за букваремъ!»
Поздно вечеромъ вернулись
Вася съ Жучкой. На крыльцѣ
Мать сидѣла, сокрушаясь
О пропавшемъ бѣглецѣ.
Вотъ вбѣжалъ онъ, залыхавшись
На колѣни къ ней вскочилъ:
«Посмотри», вскричалъ онъ, «мама,
Что жуковъ я наловилъ!»
Глазки радостью свѣтились,
И, пунцовый, какъ піонъ,
Хохоча, жуковъ на волю
Выпускалъ изъ шапки онъ.
Разноцвѣтны на головкѣ
У него вѣнокъ пестрѣлъ;
Тотъ вѣнокъ схватилъ онъ быстро
И на мать свою надѣлъ.
Замеръ выговоръ невольно
На устахъ ея. Она
Говоритъ себѣ: «Ужъ завтра
Распеку я шалуна!
А сегодня расцѣлю»...
И цѣлуетъ безъ конца,
И свести не можетъ взора
Съ загорѣлаго лица...
А старушка няня смотритъ
Въ дверь съ сіяющимъ лицомъ
И грозитъ, смѣясь лукаво,
Мальчугану букваремъ.

А. Плещинскій.

43. Тенеко и олени.

Въ училище одного изъ сѣверныхъ губернскихъ городовъ привезли мальчика; ему было лѣтъ десять, но по росту онъ казался не больше шести лѣтъ. Это былъ маленький самоѣдъ. Онъ былъ въ двухъ оленьихъ шубахъ, сшитыхъ вмѣстѣ: нижняя, шерстью къ тѣлу, служила вмѣсто бѣлья; другая, шерстью вверхъ, составляла шубу; шапка и сапоги, соединявшіеся съ платьемъ, были тоже изъ оленьей шкуры. Въ этомъ платьѣ онъ былъ, какъ толстый обрубокъ въ мѣшкѣ; только одно открытое лицо показы-

вало, что это живое существо. Онъ былъ дикъ и молчаливъ; въ продолженіи трехъ дней начальники и товарищи едва могли добиться, какъ его зовутъ. Звали его Степанъ Тенеко, т. е. Лисичка. Второе имя было языческое, самоѣдское, но онъ очень любилъ его и охотно откликался, когда его звали Лисичкой.

Въ школѣ онъ всему дивился и всего боялся: поставятъ его гдѣ-нибудь—стоитъ, посадятъ—сидитъ, а самъ не тронется съ мѣста, ни къ чему не прикоснется. Мальчики сначала надъ нимъ посмѣивались, тормошили его, а потомъ начали чувствовать жалость къ маленькому дикарю. Мало-по-малу онъ сталъ привыкать къ школѣ и принимать участіе въ занятіяхъ, но ученіе давалось ему съ большимъ трудомъ.

Одному изъ начальниковъ заведенія знакомый его прислалъ въ подарокъ пару оленей. Никому не пришло въ голову сказать объ этомъ Тенеко. Разъ онъ, по обыкновенію, ѣздилъ по двору на лыжахъ и какъ-то особенно разыгрался. Вдругъ, изъ раствореннаго сарая показалась голова оленя съ вѣтвистыми рогами. Тенеко взглянулъ,—оторопѣлъ и остановился, не вѣря собственнымъ глазамъ; потомъ вдругъ застоналъ хриплымъ, тяжелымъ стономъ, метнулся съ мѣста на лыжахъ, какъ ястребенокъ подлетѣлъ къ сараю, кинулся оленю на шею, обхватилъ его обѣими руками, началъ его цѣловать и ласкать и, трепля его по шеѣ и спинѣ и ероша его шерсть, говорилъ что-то по-самоѣдеки; а у самого слезы въ два ручья; потомъ увидѣлъ онъ другого оленя—и съ тѣмъ то же. Чтобы хорошенько насмотрѣться на оленей, онъ ловко взялъ ихъ обоихъ подъ морды, вывелъ изъ сарая, поставилъ рядомъ, сталъ передъ ними и смотритъ имъ въ глаза, и говоритъ имъ родною рѣчью, и плачетъ отъ тоски и радости. Съ тѣхъ поръ онъ началъ печалиться и задумываться. Онъ совершенно бросилъ ученіе и не хотѣлъ браться за книгу; а когда его сажали за нее насильно, онъ не видалъ въ ней ничего; вмѣсто буквъ и словъ въ книгѣ, ему представлялись вѣтвистые рога, глаза, исполненные тихой кротости и покорности; вмѣсто всякихъ толкованій и объясненій, ему лишь слышалось очаровательное для него хорканье *) оленей. Онъ сталъ попрежнему необщителенъ, отбился опять отъ всѣхъ товарищей. Пойдетъ, бывало, въ сарай,

*) Крикъ оленя, похожій на звукъ хоръ-хоръ.

станетъ подлѣ оленей и молча ласкаетъ, цѣлуетъ ихъ, а потомъ, поласкавши, прижметъ къ нимъ и глубоко задумается. Дѣти видѣли это, и они не смѣялись надъ маленькимъ самоѣдомъ: они понимали его тоску и жалѣли своего маленькаго товарища.

Носиловъ.

45. Квартетъ.

Проказница мартышка,

Оселъ,

Козелъ,

Да косолапый Мишка

Затѣяли сыграть квартетъ;

Достали нотъ, баса, альтъ, двѣ скрипки

И сѣли на лужокъ подъ липки

Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.

Ударили въ смычки—деруть, а толку нѣтъ.

—«Стой, братцы, стой!» кричитъ мартышка: «погодите!

Какъ музыкѣ идти? Вѣдь вы не такъ сидите.

Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альтъ,

Я, прима, сяду противъ вторы;

Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:

У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!»

Разсѣлись, начали квартетъ;

Онъ все-таки на ладъ нейдетъ.

—«Постойте жъ, я сыскалъ секретъ»,

Кричитъ оселъ: «мы, вѣрно, ужъ поладимъ,

Коль рядомъ сядемъ».

Послушались осла: усѣлись чинно въ рядъ;

А все-таки квартетъ нейдетъ на ладъ.

Вотъ, пуще прежняго, пошли у нихъ разборъ

И споры,

Кому и какъ сидѣть.

Случилось соловью на шумъ ихъ прилетѣть.

Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье:

—«Пожалуй», говорятъ: «возьми на часъ терпѣнье,

Чтобы квартетъ въ порядокъ нашъ привести:

И ноты есть у насъ, и инструменты есть;

Скажи лишь, какъ намъ сѣсть!»

—«Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье

И уши вашихъ понѣжнѣй»,

Имъ отвѣчаетъ соловей:

«А вы, друзья, какъ ни садитесь,

Все въ музыканты не годитесь».

И. Крыловъ.

46. Птичьи елки.

(Изъ жизни).

На востокъ уже весело заиграла ярко-красная зорька
поздняго зимняго утра, разгоняя сумракъ долгой ночи.
Предо мною лежалъ десятиверстный путь до села Авдю-

нина. Сытая лошадка, подбадриваемая крѣпкимъ морозцемъ, весело затрусила по наѣзженной дорожкѣ. Вонъ, быстро промелькнулъ пятиглавый храмъ села Ивкова и ряды убогихъ домишекъ, по застрѣхамъ которыхъ какъ-то жалобно чирикали топорщившіеся отъ холода воробушки... Холодно, голодно бѣднымъ маленькимъ птичкамъ...

Но вотъ я уже за селомъ. Въ пяти верстахъ отъ него лежало другое село Кошкино. Близилось и оно.

Мой случайный ямщикъ, замурлыкавшій было какую-то пѣсенку, стихъ, и, обратившись ко мнѣ, съ приближеніемъ села Кошкина, проговорилъ: «дальніе будете?»

— Дальній... Московскій,—отвѣтилъ я.

— Такъ... А въ Авдюхинѣ-то бывали когда?

— Нѣтъ. Впервые пробираюсь туда.

— Такъ. Стало быть и села Кошкина не знаете?—продолжалъ разговаривать не желавшій униматься добродушный, словоохотливый возница.

— Нѣтъ.

— Такъ. Стало быть и учителя нашего Михаила Кузьмича не знаете?

— Нѣтъ.

— А у насъ его почитай всѣ знаютъ... И по округѣ-то знаютъ!—Меня заинтересовало упоминаніе объ учителѣ. Почему, въ самомъ дѣлѣ, этотъ бородачъ ямщикъ заговорилъ объ учителѣ?.. Словно на селѣ и по округѣ ужъ и не было болѣе важной персоны, кромѣ учителя?

— А чѣмъ же это извѣстенъ-то вашъ Михаила Кузьмичъ?—поддержалъ на этотъ разъ я разговоръ съ собесѣдникомъ.

— Да ужъ больно онъ у насъ разумный. Вотъ теперича, къ примѣру, Рождество Христово. Тамъ, на Москвѣ-то у васъ, поди, елокъ что нарубили, гостинцевъ разныхъ накупили. А онъ-то, Михаила Кузьмичъ, не особо долюбиваетъ такія елки... Вотъ развѣ что сучковъ въ лѣсу съ ребятишками нарубить съ ельника, да шkolку имъ разукрасить... А елка у него особая—на все село... Да у него и все какъ-то по-особому... И служба Божія хороша же у насъ... Больно Михаила Кузьмичъ пѣтъ съ ребятишками мастеръ. Онъ съ ребятами, почитай, круглый годъ возится. И лѣтомъ все это съ ними на огородикѣ, въ поляхъ, да въ лѣсахъ. За то и ребятишки полюбили жъ его... Да и нельзя не любить... Потому шибко заботится онъ объ нихъ...

«Такъ вотъ чѣмъ любѣ тебѣ, бородачъ, твой Михайла Кузьмичъ, — подумалъ я. — Вотъ чѣмъ создалась его известность»...

— А какая же это у него на все село елка? — снова обратился я къ возницѣ.

— Птичья, баринъ, птичья...

Я не понималъ, въ чемъ дѣло. Но скоро все разъяснилось. Еще не успѣлъ мой ямщикъ докончить свою рѣчь, какъ мы были уже въ селѣ.

— Вотъ, посмотрите, — обратился онъ ко мнѣ при самомъ вѣздѣ въ село. — Вонъ елочки-то — это вѣдь все птичьи елочки...

— Какъ такъ?

— Да такъ. Михайло-то Кузьмичъ понасадилъ самъ съ ребятами чуть не всѣ эти елочки. Нельзя, говорить, и тварь Божію забывать, и для нея пріютъ нуженъ. Ну, у кого дѣтишки-то есть, онъ значитъ приходитъ къ этому домику, да и посадить елочку. Подсохнетъ одна — другую посадить. Вонъ ихъ сколько теперь...

Дѣйствительно, по селу тянулась цѣлая аллея кудрявыхъ елочекъ, на которыхъ чирикали воробышки.

— Да ты посмотри, баринъ, вѣдь на елочки-то эти и кормъ птицъ Божьей кладутъ: и зиму, и осень, и весну — все по немногу питаютъ ихъ, а вотъ на святкахъ, такъ у насъ настоящій птичій праздникъ. Корму тутъ ужъ не жалбуютъ...

Я поглядѣлъ на елочки. На каждой изъ нихъ висѣло по нѣскольку дощечекъ, на которыя, повидимому, сыпались зерна. Кое-гдѣ виднѣлись пучки необмолоченной ржи.

— Это имъ все для праздника, — какъ бы поясняя мой наблюденія возница. — Ужъ такой обычай здѣсь повелся: каждый изъ малышей еще съ осени припрячетъ снопикъ другой, а послѣ и кормить имъ Божью птичку... Затѣйникъ нашъ Михайла Кузьмичъ; «не только Бога и людей любить должно», рассказываетъ нашей дѣтворѣ учитель-то, «а и природу... Крѣпче полюбишь природу, да птичекъ Божіихъ, — и Бога любить больше станешь, потому что все отъ Бога... А птичка — творенье незлобивое и людямъ полезное: червячковъ разныхъ, да мошку поѣдаетъ»... Ну и взялась дѣтворы. Слышь, какъ чирикаютъ на своемъ праздникѣ воробышки-то...

Я попросилъ ямщика остановиться. Мнѣ захотѣлось пройти подъ елочками, поближе посмотрѣть затѣю Ми-

хайла Кузьмича. У первой же елочки висѣли разныя приспособленія для корма птичекъ. Около нея весело прыгала и оживленно чирикала кучка воробышковъ. И такъ у каждой елочки. А у нѣкоторыхъ,—гдѣ подобрѣ хозяинъ, тамъ ихъ была цѣлая стая... Здѣсь имъ и крупицъ подсыпають. То-то празднуютъ.

На пути моего слѣдованія я встрѣтилъ нѣсколькихъ мальчугановъ и дѣвочекъ съ пучками полновѣсныхъ колосѣвъ.

— Куда это вы?—обратился я къ дѣтямъ.

— Да вотъ къ елочкамъ. Птицамъ колосья несемъ — отвѣтили мнѣ.

Выйдя за село, я снова сѣлъ въ свои санки, и снова затрусила лошадка.

— Ну что, баринъ, видѣлъ птички елочки-то?—какъ-то самодовольно, словно гордясь затѣей учителя, спросилъ мой возница.

— Видѣлъ,—отвѣтилъ я.—Хорошее это дѣло. Любовь къ твари оживляетъ любовь и къ Творцу...

— Да какъ же не хорошее,—продолжалъ мою мысль бородачъ.—Лѣтъ пять назадъ, до поступленія Михайла Кузьмича, помню, бывало, сколько ребята этихъ пташекъ-то загубили. Лѣтомъ гнѣзда разоряли, да птенцовъ маленькихъ губили. А нынче и въ поминѣ нѣтъ этого у насъ. Михайла Кузьмичъ страхъ не одобряетъ этого. Божья, говоритъ, тварь птичка. И на нашихъ огородахъ-то какъ будто стало лучше отъ этой затѣи. Спасибо Михайлу Кузьмичу, спасибо. Добру учить...

Въ разговорѣ я быстро доѣхалъ до Авдюнина. Рассчитавшись съ добродушнымъ ямщикомъ, я снова велѣлъ пріѣзжать ему за мной черезъ два дня.

Вскорѣ я снова возвращался въ Кошкино. Птичій праздникъ здѣсь все еще продолжался. Не смотря на рѣзкій вѣтеръ и порошившій снѣжокъ, воробышки по прежнему порхали и оживленно чирикали на своихъ елочкахъ, а около нихъ и вмѣстѣ съ ними рѣзвились и счастливыя дѣти.

— А вонъ и самъ Михайла Кузьмичъ,—произнесъ мой возница, снимая шапку и дѣлая низкій поклонъ по направленію стоявшаго на улицѣ учителя.

Я взглянулъ на него. Около него стояли дѣтишки, оживленно говорившія о чемъ-то со своимъ любимымъ учителемъ. Я уловилъ только общій обликъ пріятнаго,

добраго лица учителя, и мнѣ почему-то такъ и хотѣлось сказать ему и свое «спасибо», которое не однажды срывалось по дорогѣ съ устъ моего возницы.

И, когда я оставилъ далеко за собою честнаго труженика на нивѣ дѣтскихъ сердецъ, мнѣ показалось, что этотъ, незнаемый мною и многимъ безвѣстный, но, очевидно, любимый сельчанами, учитель почему-то дорогъ и мнѣ. Отчего, почему это? Не оттого ли, что я увидѣлъ въ Михайлѣ Кузьмичѣ какъ бы живое воплощеніе истиннаго учительскаго подвига, при которомъ—и зимою, и лѣтомъ, и въ школѣ, и среди мирной сельской природы, и словомъ, и примѣромъ—онъ сумѣлъ вложить въ школьное дѣло живую душу и внушить дѣтямъ добрый, благородный заветъ?.. За это-то, несомнѣнно, полюбилъ его и добрый простой народъ.

И какъ же зацвѣла бы ты, православная Русь, если бы каждый изъ насъ животворилъ свое посильное дѣло, если бы каждый влагалъ въ него свою душу!...

Введенскій.

Пословица. Учись доброму—худое на умъ не пойдетъ.

47. Осель и соловей.

Осель увидѣлъ соловья
И говорить ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище:
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услыша пѣнье,
Велико ль, подлинно, твое умѣнье?»
Тутъ соловей являть свое искусство сталъ:
Защелкалъ, засвисталъ,
На тысячу ладовъ тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по роцѣ разсыпался....
Скончалъ пѣвецъ. Осель, уставясь въ землю лбомъ,
«Изрядно»,—говорить:—«сказать не ложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ наострился,
Когда бы у него немножко поучился».
Услыша судъ такой, мой бѣдный соловей
Вспорхнулъ—и полетѣлъ за тридцать полей.

И. Крыловъ.

48. Письмо отца къ сыну.

(Изъ дневника школьника. Де-Амичисъ).

Милый сынъ мой, ты пишешь, учитель былъ нетерпѣливъ, не въ духѣ. А подумай, какъ часто ты самъ бываешь нетерпѣливъ. И съ кѣмъ:—съ отцомъ, съ матерью... Это ужъ выходитъ не просто нетерпѣніе, а дурное дѣло.

У учителя бываетъ много причинъ для нетерпѣнія.

Сколько лѣтъ онъ трудится для дѣтей! Конечно, встрѣчаются между ними и ласковыя, и добрыя; но сколько же неблагодарныхъ,—такихъ, что снисходительность учителя употребляютъ во зло и трудовъ его не цѣнятъ... И вообще, всѣ вы больше доставляете ему горя, чѣмъ радости.

Сколько разъ учитель идетъ въ школу больной, чтобы не пропускать урока, значитъ,—не бережетъ своего здоровья, не обращаетъ вниманія на свою болѣзнь. Онъ и нетерпѣливъ потому, что боленъ, а вы не замѣчаете, и ему отъ этого еще тяжелѣй.

Люби твоего учителя, сынъ мой, уважай его: твой отецъ его любитъ и уважаетъ. Учитель отдаетъ свою жизнь на благо дѣтей... А они его забываютъ...

Люби: онъ просвѣщаетъ твой разумъ, воспитываетъ твою душу. Ты вырастешь,—ни учителя, ни меня не будетъ уже въ живыхъ... Но его образъ явится тебѣ рядомъ съ моимъ; тебѣ вспомнится выраженіе его горя и усталость на добромъ лицѣ благороднаго человѣка—то выраженіе, на которое теперь ты не обращаешь вниманія,—и тогда тебѣ станетъ больно и стыдно!

Много лѣтъ пройдетъ, но останется тоска, что ты не любилъ его, какъ слѣдуетъ, не былъ хорошъ съ нимъ.

Люби учителя: онъ—изъ многочисленной семьи преподавателей, разбѣянныхъ по всему земному шару; онъ—изъ числа дѣтскихъ родителей по духу; онъ одинъ изъ скромныхъ тружениковъ, которые своими великими трудами готовятъ изъ васъ дѣльныхъ и честныхъ людей для своей родины. Твоя любовь ко мнѣ не можетъ меня радовать, если тебѣ не милы всѣ, кто тебѣ дѣлаетъ добро. Изъ нихъ первый—твой учитель. Люби его: онъ—братъ твой.

Люби за ласку и за наказаніе,—онъ справедливъ; люби, когда онъ веселъ и привѣтливъ, и еще больше, когда онъ печаленъ.

Всегда съ уваженіемъ говори слово «учитель»,—это благороднѣйшее и высшее имя, которое можетъ дать человѣку человѣкъ.

Твой отецъ.

49. Святая премудрая великомученица Екатерина.

(Память празднуется 24 ноября).

При императорѣ Максиміанѣ, въ IV-мъ вѣкѣ, жила въ городѣ Александріи дѣвица царскаго рода, по имени Екатерина. Мать ея была христіанка, но скрывала вѣру свою, потому что въ то время жестоко гнали христіанъ. Екатерина была дѣвица рѣдкой мудрости и красоты. Восемнадцати лѣтъ она уже была всѣмъ извѣстна своею великою ученостію: знала книги философовъ и стихотворцевъ, изучила науку врачеванія.

Богатые князья искали руки прекрасной дѣвушки. Мать и родные уговаривали ее вступить въ супружество; но она отказывала женихамъ и говорила близкимъ своимъ: «Если хотите, чтобы я вышла замужъ, то найдите мнѣ юношу, который былъ бы мнѣ равенъ во всемъ». Такой юноша не встрѣчался. Были между сынами царскими женихи знатные и богатые; но красотою и мудростію они не могли равняться съ Екатериной.

Въ окрестностяхъ города скрывался въ это время пустынникъ, человѣкъ свѣтлаго ума и праведной жизни. Онъ былъ духовнымъ отцомъ Екатериной матери. Мать повела къ этому пустыннику единственную дочь свою для того, чтобы онъ далъ ей благіе совѣты. Старецъ, видя мудрость дѣвицы, рѣшилъ обратить ее къ познанію истиннаго Бога и сказалъ:

— Я знаю одного чуднаго Отрока, Который превосходитъ тебя во всемъ: красота Его свѣтлѣе солнечнаго сіянія; мудрость Его управляетъ всѣмъ міромъ; богатство Его раздѣляется безпрестанно, но не уменьшается отъ этого; благородство Его неизреченно; нѣтъ Ему подобнаго.

Екатерина спросила, можно ли ей видѣть чудеснаго Юношу.

Старецъ сказалъ, что она увидитъ Юношу, если исполнитъ его повелѣнія. Онъ далъ дѣвѣ икону Пресвятой Богородицы съ Божественнымъ Младенцемъ и велѣлъ ей провести дома ночь въ молитвѣ предъ этою святою иконою. «Тутъ изображена Мать того Юноши, о Которомъ я гово-

рилъ тебѣ. Зовутъ Ее Дѣвою Маріей. Помолись Ей съ вѣрою, и я уповаю, что Она исполнитъ желаніе твое, и ты увидишь лицо Сына Ея», прибавилъ старецъ.

Екатерина послушалась старца. Во время молитвы своей отъ утомленія она заснула и увидѣла чудный сонъ. Ей приснилось, что Царица Небесная стоитъ передъ ней и держитъ на рукахъ младенца, отъ Коего исходятъ какъ бы солнечные лучи; но напрасно старалась Екатерина взглянуть въ лицо Младенца: Онъ отвращалъ отъ нея Свой свѣтлый ликъ. Чудный сонъ глубоко поразилъ дѣвицу. Какъ только настало утро, она пошла къ старцу, ушла къ ногамъ его и просила его помощи и совѣта. Старецъ подробно раскрылъ ей истины вѣры Христовой, говорилъ о райскомъ блаженствѣ, о погибели грѣшниковъ. Мудрая дѣва скоро поняла истину, увѣровала всѣмъ сердцемъ во Христа и приняла отъ старца крещеніе.

Екатерина возвратилась домой, обновившись душою. Долго молилась она, много плакала и снова заснула среди молитвы, и снова увидѣла во снѣ Богоматерь; но теперь лицо Божественнаго Младенца уже было обращено къ ней: Онъ кротко и милостиво смотрѣлъ на дѣвицу.

Екатерина проснулась съ неизвѣстною радостью въ сердцѣ. Съ этихъ поръ она совсѣмъ измѣнилась: она уже не думала о земномъ, душа ея была полна любви божественной.

Въ то время прибылъ въ Александрію царь—злой гонитель христіанъ. Онъ разослалъ вѣстниковъ по всѣмъ городамъ, сзывая народъ на языческій праздникъ. Вскорѣ городъ наполнился толпою пришельцевъ; каждый принесъ, что могъ, для жертвоприношенія, и началось празднество. Екатерина много жалѣла о такомъ безуміи царя и народа: взявъ съ собою нѣсколько служителей, она пошла въ языческій храмъ и остановилась у порога. Въ храмѣ совершалось жертвоприношеніе. Всѣ обратились къ дѣвѣ, дивясь красотѣ ея. Царь подозвалъ ее. Екатерина поклонилась ему и сказала: «Не стыдно ли тебѣ, царь, молиться мерзкимъ идоламъ! Боги, которымъ вы кланяетесь, ничтожныя статуи. Познайте истиннаго Бога, безначальнаго и безконечнаго: Имъ цари царствуютъ и весь міръ стоитъ. Онъ сошелъ на землю и сдѣлался Самъ человѣкомъ для спасенія нашего. Не любитъ Онъ жертвъ, не радуется закланію животныхъ, но хочетъ, чтобы мы жили по свѣтымъ Его заповѣдямъ».

Царь разгнѣвался, но велѣлъ продолжать жертвоприношеніе и сказалъ, что послѣ поговорить еще съ дѣвою. Когда праздникъ кончился, онъ велѣлъ привести къ себѣ Екатерину, съ изумленіемъ смотрѣлъ на ея красоту и спрашивалъ, кто она, какъ называются ея родители и какое ученіе она проповѣдуетъ.

— Мое имя Екатерина,—отвѣчала дѣвица,—я дочь князя, который царствовалъ прежде тебя. Я изучила всю человѣческую премудрость, но познала суетность земного ученія и сдѣлалась невѣстою Христа Бога. Тѣ же боги, которыхъ вы почитаете,—ничтожны и ложны и влекутъ ваши души въ погибель».

Царь разсердился. «Не хули боговъ, имѣющихъ безсмертную славу», сказалъ онъ.

Екатерина отвѣчала: «Если хочешь только отрясти мракъ, затемняющій умъ твой, то познаешь суету своихъ боговъ и уразумѣешь истиннаго Бога».

Царь не хотѣлъ продолжать спора съ Екатериною и сказалъ ей: «Не подобаетъ царю входить въ споры съ женщиною, но я соберу мудрецовъ,—пусть они докажутъ тебѣ твои заблужденія».

Вслѣдъ затѣмъ царь велѣлъ стеречь Екатерину и послалъ за мудрецами и учеными, чтобы опровергнуть слова дѣвицы и обличить ее въ неправдѣ. Пятьдесятъ мудрецовъ прибыло въ городъ. Одинъ изъ нихъ особенно отличался остроуміемъ и ученостью. Множество народа собралось послушать преніе о вѣрѣ. Послали за дѣвой. Сердце ея было спокойно и твердо, ибо ей явился архангелъ Михаилъ и сказалъ, что Господь дастъ ей силу побѣдить мудрецовъ и многихъ обратить къ истинной вѣрѣ.

Началось состязаніе. Языческій мудрецъ защищалъ своихъ ложныхъ боговъ. Кроткая дѣва отвѣчала ему. Сначала доказывала она ложность языческихъ боговъ словами философовъ и стихотворцевъ; потомъ объяснила тѣ мѣста въ ихъ сочиненіяхъ, гдѣ было видно какъ бы предчувствіе или предсказаніе новаго истиннаго ученія; наконецъ, повѣдала присутствующимъ объ Иисусѣ Христѣ. «Онъ милуетъ грѣшныхъ», говорила дѣвица, «прощаетъ кающихся. Онъ зоветъ: «пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ». Увѣруйте въ Него, и вы будете спасены».

Съ удивленіемъ слушалъ мудрецъ и, наконецъ, при-

зналъ себя побѣжденнымъ. Всѣ прочіе отказывались продолжать споръ. Напрасно царь гнѣвался, грозилъ мученіемъ и смертью. Мудрецы исповѣдывали истиннаго Бога, Которому поклонялась Екатерина. Они приняли мученическую смерть и съ радостью услышали отъ дѣвы, что мученіе имъ будетъ вмѣсто крещенія и откроетъ для нихъ царство небесное.

Царь не оставлялъ однако намѣренія своего какъ-либо убѣдить Екатерину. Чудная красота ея внушала ему любовь; онъ предлагалъ ей до полуцарства, старался прельстить ее дарами и обѣщаніями почестей, славы; но дѣва отвѣчала, что одежда мученицы для нея краше царской багряницы. Напрасно царь убѣждалъ Екатерину различными обѣщаніями и потомъ угрожалъ страшной казнью. Она сказала, что страданія приведутъ ее къ Богу. Тогда царь велѣлъ жестоко бить ее и мучить. Били ее нещадно, такъ что все тѣло ея покрылось ранами, и потомъ заключили въ темницу.

Долго была въ заключеніи святая мученица; хотѣли замучить ее голодомъ, но Господь не оставилъ ея. Каждый день голубица влетала къ ней и приносила ей пищу. Чудное видѣніе Господа Иисуса Христа укрѣпило ея вѣру.

Между тѣмъ царь по дѣламъ удалился изъ города. Царица Августа, жена его, много слышала о красотѣ и мудрости Екатерины и давно желала ее видѣть. Она сказала о своемъ желаніи Порфирію, сотнику и другу царскому. Порфирій самъ повелъ ее ночью въ темницу, гдѣ была заключена святая. За ними шли многіе воины. Свѣтлое, прекрасное лицо Екатерины всѣхъ поразило. Царица упала къ ея ногамъ и воскликнула: «Счастлива я, что наконецъ узрѣла тебя; не буду жалѣть, если даже потерю за то жизнь и царство. Блаженна ты и достойна хвалы!»

Святая отвѣчала ей: «И ты блаженна, царица; я вижу надъ главою твоею вѣнецъ, поддерживаемый руками ангеловъ. Ты получишь этотъ вѣнецъ за немногія мученія, которыя вытерпишь, и пойдешь къ истинному Царю въ вѣчное царство».

— «Боюсь мученій, боюсь особенно жестокаго супруга», говорила царица.

Тогда святая объяснила всѣмъ присутствовавшимъ ученіе Христово и сказала, что нельзя и выразить тѣхъ радостей, которыя Господь преблагій и человеколюбивый уготовалъ любящимъ Его и исполняющимъ Его заповѣди.

Дѣва говорила такъ умно и краснорѣчиво, что царица, Порфирій и воины, ихъ сопровождавшіе, увѣровали во Христа и благоговѣнно простились съ нею.

Когда царь возвратился, то снова послалъ за Екатериной. Сіяніе красоты ея удивило его. Онъ спрашивалъ, какимъ образомъ долгое заключеніе и голодъ не измѣнили ея вида, хотѣлъ наказать стражей и привратниковъ; но Екатерина сказала, что не рука человѣческая питала ее, а Самъ Богъ. Царь опять просилъ ее быть его женой и раздѣлить съ нимъ царство.

Непреклонный отказъ Екатерины возбудилъ ярость и злобу царя; онъ велѣлъ принести колесо съ острыми зубцами и грозилъ дѣвицѣ привязать ее къ этому страшному орудію казни, если она не поклонится богамъ. Угрозы не устрасили дѣвицу. Тогда царь велѣлъ предать ее ужаснымъ мученіямъ.

Царица Августа, услышавъ о случившемся, вышла изъ дворца и громко стала упрекать царя въ томъ, что онъ смѣетъ бороться съ живымъ Богомъ и мучить рабовъ Его. Царь страшно разгнѣвался, обратилъ ярость свою на царицу, замучилъ ее и осудилъ на смертную казнь.

— Раба истиннаго Бога,—говорила царица, обратясь къ Екатеринѣ передъ смертью своею,—сотвори обо мнѣ молитву.

— Иди съ миромъ,—отвѣчала Екатерина,—и да царствуешь вѣчно со Христомъ.

Царицѣ отсѣкли мечомъ голову.

Порфирій въ ту же ночь вмѣстѣ съ увѣровавшими воинами похоронилъ честное тѣло царицы; потомъ они пошли къ царю и объявили, что и они—христіане, воины истиннаго Бога. Ихъ всѣхъ казнили. Екатерину тоже приказано было позорно казнить.

Когда вели ее на мѣсто казни, за нею шло множество народа. Всѣ плакали и жалѣли о ней. Молодые жены и дѣвицы говорили: «Зачѣмъ ты губишь свою молодость и красоту? Иди лучше къ царю, послушайся его».

— Не плачьте обо мнѣ, — отвѣчала святая, — но радуйтесь со мною: сегодня увижу я Іисуса Христа, Творца и Спасителя моего.

Предъ смертію святая молилась. «Господи Іисусе Христе!» говорила она, «благодарю Тебя, что Ты поставилъ ноги мои на камнѣ терпѣнія и указалъ мнѣ истинный путь. Простри пречистыя руки Твои, на крестѣ изранен-

няя, и прими душу мою, которую приношу Тебѣ, какъ жертву любви моей. Помяни, Господи, немощь человѣческую и прости согрѣшенія мои, сдѣланныя по невѣдѣнію. Да омоетъ ихъ кровь, которую я проливаю за имя Твое».

Воинъ отсѣкъ святой голову.

Святая Екатерина считается покровительницею учащихся. Много храмовъ въ честь ея построено на св. Руси.

Память св. великомученицы Екатерины празднуется церковію 24 ноября.

По А. Бажметовой.

50. ШКОЛЬНИКЪ.

Ну, пошелъ же, ради Бога!

Небо, ельникъ и песокъ—

Невеселая дорога...

Эй, садись ко мнѣ, дружокъ!

Ноги босы, грязно тѣло

И едва прикрыта грудь...

Не стыдися! Что за дѣло?

Это многихъ славныхъ путь.

Вижу я въ котомкѣ книжку;

Такъ, учиться ты идешь...

Знаю, батка на сынишку

Издержалъ послѣдній грошъ.

Знаю, старая дьячиха

Отдала четвертачокъ,

Что проѣзжая купчиха

Подарила на чаекъ.

Или, можетъ, ты дворовый

Изъ отпущенныхъ?.. Ну, что жъ!

Случай тоже ужъ не новый,—

Не робѣй, не пропадешь!

Скоро самъ узнаешь въ школѣ,

Какъ архангельскій мужикъ,

По своей и Божьей волѣ,

Сталъ разумень и великъ.

Не безъ добрыхъ душъ на
свѣтѣ,—

Кто-нибудь свезетъ въ Москву,

Будешь въ университетѣ:

Сонъ свершится наяву.

Тамъ ужъ поприще широко:

Знай-работай да не трусь...

Вотъ за что тебя глубоко

Я люблю, родная Русь:

Не бездарна та природа,

Не погибъ еще тотъ край,

Что выводитъ изъ народа

Столько славныхъ,—то и знай!

Н. Некрасовъ.

51. ОТРОКЪ.

(Посвящено Ломоносову).

Неводъ рыбакъ разстилалъ по берегу студенаго моря.

Мальчикъ отцу помогалъ.—Отрокъ, оставь рыбака.

Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы:

Будешь умы уловлять, будешь помощникъ царямъ.

А. Пушкинъ.

52. МИХАИЛЬ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛОМОНОСОВЪ.

(Краткая біографія).

1. Двѣсти почти лѣтъ тому назадъ въ Архангельской губерніи, на берегу Бѣлаго моря, въ селѣ Денисовкѣ (около города Холмогоръ) жилъ крестьянинъ-рыболовъ, Василій, по прозванію Ломоносовъ. Жена его была изъ семьи дьячка,—

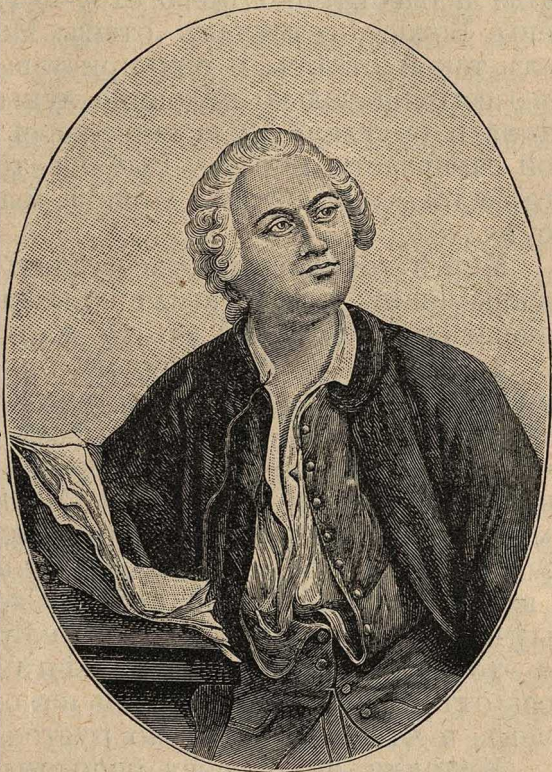
женщина простая, но умная и грамотная, что по тому времени считалось большою рѣдкостью. У этихъ-то людей въ 1711 году родился сынъ Михаилъ, которымъ по справедливости гордится вся Россія.

Миша подросталь бойкимъ, пытливымъ, здоровымъ мальчикомъ. Мать его выучила читать, и онъ съ жадностью накинудся на книги... Но, къ сожалѣнію, мальчикъ рано осиротѣлъ, и отецъ его женился на другой. Мачеха не влюбилась пасынка: постоянно его бранила, жаловалась отцу и особенно яростно преслѣдовала его за любовь къ книгамъ. По ея мнѣнію, учиться ему было незачѣмъ: они были люди достаточные, и мальчикъ долженъ былъ помогать отцу въ крестьянствѣ и рыбной ловлѣ. Но не того просилъ пытливый умъ ребенка.

Холодна и непривѣтлива родина Ломоносова: лѣто короткое, зима длинная и суровая съ безконечными выюгами и буранами. Природа кругомъ печальная: топкія болота, низкорослыя деревья и кустарники; только море, бушующее кругомъ и часто покрытое льдомъ, — прекрасно и величественно.

Маленькій Миша отъ нелюбимой мачехи убѣгалъ въ поле, въ лѣсъ, къ морю. Тамъ онъ думалъ свои дѣтскія думы и зорко наблюдалъ за тѣмъ, что происходило кругомъ въ природѣ.

Отецъ Миши велъ и крестьянское дѣло, и занимался рыбнымъ промысломъ. У него были свои суда, на кото-

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ
род. 1711 г., ум. 1765 г.

рыхъ онъ уѣзжалъ на рыбную ловлю. Часто онъ бралъ съ собой сына. Мальчикъ очень любилъ эти поѣздки и горячо привязался къ родному морю. Сидя на баркасѣ, онъ смотрѣлъ на небо, на закатъ солнца, на мигающія звѣзды, на серебристый рогъ луны. Онъ поражался и восхищался картиной сѣвернаго сіянія и пытливо закидывалъ отца вопросами: — Ахъ, тятя, что это на небѣ свѣтится и блеститъ? Отчего это? — «Такъ Богу угодно, знаменье Божіе», — отвѣчалъ отецъ. Мальчика не удовлетворялъ такой отвѣтъ, и онъ приставалъ къ рыбакамъ: «Отчего сегодня только половина луны, а намедни она была цѣлая и круглая? Куда спряталось солнышко? Отчего зимой замерзаетъ море?» — Рыбаки тоже ничего не знали и отвѣчали: — «Отвѣжись... Почему мы знаемъ. Такъ создалъ Богъ».

Мишѣ хотѣлось про все узнать, и онъ изнывалъ отъ жажды знанія и приставалъ ко всѣмъ съ разспросами. Отъ мачехи ему постоянно за это доставалось.

2. Въ селѣ Денисовкѣ былъ одинъ грамотный крестьянинъ-старовѣръ. Онъ сталъ учить мальчика грамотѣ и давалъ ему книги. Книгъ въ селѣ было очень мало. Ломоносовъ не отрывался отъ своихъ первыхъ учителей — книгъ. Псалтырь, ариѣметику Магницкаго и грамматику Смотрицкаго онъ читалъ и перечитывалъ много разъ. И вездѣ, какъ хлѣба, искалъ онъ знаній и просилъ, молилъ у всѣхъ что-нибудь почитать. Скоро онъ перечиталъ и выучилъ все, что было можно найти въ селѣ Денисовкѣ. За это чтеніе и страсть къ книгамъ ему часто доставалось отъ мачехи и отца. Они находили, что сынъ и такъ ученъ, а чтеніе книгъ дѣло пустое, нестоющее.

Михаилу Ломоносову исполнилось восемнадцать лѣтъ. Родители задумали его женить и пристроить къ дѣлу. Отецъ сказалъ объ этомъ. Вдругъ парень повалился въ ноги отцу и сталъ слезно просить:

— Не неволь меня, батюшка, къ женитьбѣ. Я хочу учиться... Отпусти меня въ Москву...

Отецъ разсердился:

— Глупыя рѣчи не стану и слушать... Куда тебѣ въ Москву? И какъ ты въ 18 лѣтъ будешь учиться?

— Отпусти, батюшка... Бывалые люди сказываютъ, что въ Москвѣ есть ученые, которые все знаютъ... Я тоже хочу все знать. Не житье мнѣ безъ науки!

— И слышать ничего не хочу! И не говори объ этомъ!

Никуда я тебя не пушу. Мы люди не бѣдные. Дома работы по горло...—отвѣчали отецъ и мачеха, и заставляли парня работать съ утра до ночи, отнимали отъ него книги и насмѣхались надъ его желаніемъ учиться.

3. Не вытерпѣлъ Михаилъ Ломоносовъ и темной морозной ночью, крадучись, съ маленькимъ узелкомъ въ рукахъ, въ которомъ были связаны его любимыя книги, съ нѣсколькими рублями за душой,—убѣжалъ изъ родительскаго дома. Что-то сильное и могучее тянуло его въ далекій и невѣдомый путь. Дорогой онъ присталъ къ обозу съ рыбой и съ нимъ кое-какъ добрался до Москвы. Дорога была долгая, мучительная: пришлось терпѣть холодъ, голодъ и страшную усталость.

Въ Москвѣ Ломоносовъ бродилъ, какъ растерянный, по огромному незнакомому городу. Всѣхъ и каждого онъ допрашивалъ, гдѣ тутъ есть училище и какъ туда попасть. Всѣ почти смѣялись, узнавъ, что въ 19 лѣтъ онъ хочетъ учиться, но помочь никто не хотѣлъ.

Наконецъ, уже послѣ долгихъ скитаній, юноша встрѣтилъ земляка. Онъ служилъ гдѣ-то приказчикомъ, отнесся къ нему сочувственно и взялся похлопотать за него у знакомыхъ монаховъ Заиконоспасскаго монастыря.

Вскорѣ Ломоносовъ былъ принятъ въ число учениковъ Заиконоспасскаго училища. И двадцатилѣтній юноша сѣлъ на школьную скамью съ малышами. Кончились одни страданія, начались другія: науки, которымъ обучали въ этомъ училищѣ, были трудныя,—а Ломоносовъ только умѣлъ читать. Приходилось и день и ночь сидѣть за книгами и тетрадями, одолѣвать разомъ и писанье, и ариѣметику, и латинскій, и греческій языки. А чуть юноша покажется въ классѣ, на него со всѣхъ сторонъ сыпались насмѣшки, обидныя прозвища.

Но ничто не могло поколебать твердой рѣшимости великаго труженика! Науки онъ одолѣвалъ, на насмѣшки же не обращалъ вниманія. Вскорѣ онъ прошелъ все, чему учили въ Заиконоспасскомъ училищѣ. И всегда, во всѣхъ наукахъ былъ первымъ ученикомъ и отъ всѣхъ учителей заслуживалъ самыя лестныя похвалы.

4. Когда въ Заиконоспасскомъ училищѣ все уже было выучено, Ломоносовъ сталъ проситься въ Кіевскую академію, гдѣ проходились другія науки. Его перевели туда; только одинъ годъ пробылъ онъ тамъ и окончилъ академію. Послѣ этого его отправили въ Петербургъ гдѣ

онъ тоже приобрѣлъ славу необыкновенно способнаго ученика и труженика. Черезъ два года начальство командировало его за границу, въ Германію, и тамъ у самыхъ лучшихъ профессоровъ онъ изучилъ химію, физику, минералогію и другія науки. Профессора удивлялись трудолюбію, выносливости и необыкновеннымъ способностямъ русскаго студента.

Пять лѣтъ пробылъ Михайлъ Васильевичъ за границей, прошелъ много наукъ и вернулся въ Россію самымъ образованнымъ, самымъ ученымъ человѣкомъ. Ему въ это время было уже 32 года.

Ломоносовъ неутомимо учился 15 лѣтъ, не обращая вниманія на бѣдность и голодъ, которые преслѣдовали его всюду, не боясь никакихъ трудностей въ наукахъ, преодолевая ихъ всѣ терпѣніемъ и любовью. Ничто не могло остановить Ломоносова,—такъ велика была его любовь къ наукѣ.

Когда Михайлъ Васильевичъ Ломоносовъ возвратился въ Россію, онъ занялъ почетное мѣсто между самыми учеными людьми; его назначили профессоромъ Академіи Наукъ въ Петербургѣ, и онъ сталъ обучать русское юношество всему тому, что самъ зналъ.

Онъ написалъ много ученыхъ сочиненій, которыя даже за границей считались весьма важными, кромѣ того написалъ грамматику, нѣсколько учебниковъ, и въ свободное время писалъ стихи. Его стихи приводили въ восторгъ современниковъ. До него никто не умѣлъ писать такъ звучно и красиво.

Жизнь Ломоносова была сплошнымъ трудомъ. За занятіями онъ проводилъ цѣлыя ночи. Это былъ человѣкъ прямой, правдивый,—онъ никогда ни передъ кѣмъ не унижался, не кривилъ душой. У него было много враговъ, которые завидовали ему, хотѣли повредить. Однажды ему сказали, что его отставятъ отъ Академіи. Ученый крестьянинъ гордо и спокойно отвѣтилъ: «Развѣ что Академію отставятъ отъ меня».

И онъ былъ правъ. Всю жизнь онъ боролся за просвѣщеніе родины и рѣзко возставалъ на гонителей просвѣщенія. Его стихотвореніе о наукахъ извѣстно каждому образованному человѣку и вошло уже въ пословицу.

Усиленные занятія и разныя несправедливости и огорченія надорвали желѣзное здоровье Ломоносова. Сознывая приближеніе смерти, онъ только и жалѣлъ о томъ, что не

успѣлъ окончить своихъ трудовъ для пользы отечества и науки. Умирая, онъ спокойно говорилъ окружающимъ: «Я не тужу о жизни: я пожилъ и настрадался... Мнѣ отраднo сознaвать, что дѣти отечества меня пожалѣютъ».

Ломоносовъ скончался въ 1765 г. 54-хъ лѣтъ отъ роду. Почти весь Петербургъ провожалъ его тѣло въ Александрo-Невскую лавру. Имя этого великаго труженика и знаменитаго ученаго, боровшагося безъ устали за насажденіе просвѣщенія въ то далекое и темное время, никогда не будетъ забыто потомствомъ.

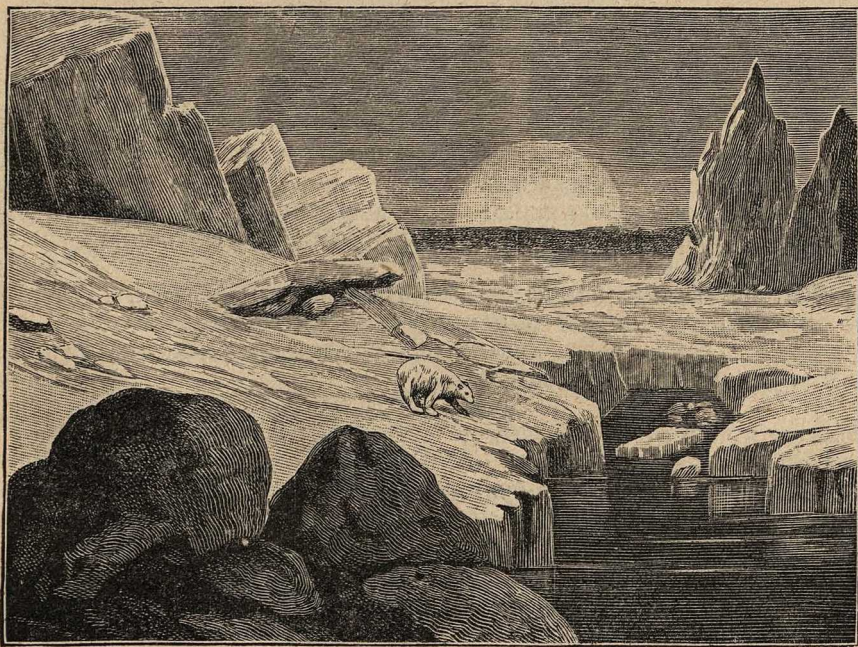
53. На у к а.

Науки юношей питаютъ,
Отраду старцамъ подають,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай бере-
гутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха

И въ дальнихъ странствахъ—
не помѣха.
Науки пользуют вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынь,
Въ градскомъ шуму и на единѣ,
Въ покоѣ сладкомъ и трудѣ...

М. Ломоносовъ.

Пословица. *Наукой свѣтъ стоитъ, ученьемъ люди живутъ.*

Сѣверное море.

Отдѣль III.

54. Опять на родинѣ.

1. ...Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провель
Отшельникомъ два года незамѣ-
ныхъ.

Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ
поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо,
И кажется,—вчера еще бродилъ я
Въ этихъ рощахъ...

2.—Вотъ опальный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею
моей.

Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣ-
ною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ...

А вечеромъ, при завываньи бури,
Ея рассказовъ, мною затвержен-
ныхъ

Отъ малыхъ лѣтъ, но никогда не
скучныхъ...

Вотъ холмъ лѣсистый, надъ кото-
рымъ часто

Я сиживаль недвижимъ и гля-
дѣль

На озеро, вспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны...

Межъ нивъ златыхъ и пажитей
зеленыхъ

Оно, синѣя, стелется широко;
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбацкъ и тянетъ за собою
Убогій неводъ. По берегамъ отло-
гимъ

Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу
крылья

Ворочая при вѣтрѣ...

3.—На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ
томъ,

Гдѣ въ гору поднимается дорога,
Изрытая дождями, три сосны

Стоять: одна поодаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко; здѣсь,
когда ихъ мимо

Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ
лунной ночи,

Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ
вершинъ

Меня привѣтствовалъ. По той
дорогѣ

Теперь поѣхаль я и предъ собою

Увидѣлъ ихъ опять; опѣ все тѣ	Младое, незнакомое! Не я
Все тотъ же ихъ знакомый слуху	Увижу твой могучій поздній воз-
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,	расть,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,	Когда перерастешь моихъ зна-
Теперь младая роща разрослась;	комцевъ
Зеленая семья кругомъ тѣснится	И старую главу ихъ заслонишь
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А	Отъ глазъ прохожаго. Но пусть
вдали	мой внукъ
Стоить угрюмый ихъ товарищъ,	Услышитъ вашъ привѣтный
Какъ старый холостякъ, и вокругъ	шумъ, когда,
него	Съ пріятельской бесѣды возвра-
Попрежнему все пусто.	щаясь,
4.—Здравствуй, племя	Пройдетъ опѣ мимо васъ во
	мракѣ ночи
	И обо мнѣ вспоминать...

А. Пушкинъ.

Изреченія. *Своя сторона всякому мила. На чужой сторонѣ и весна не красна. Родныхъ нѣтъ, а по родимой сторонѣ сердце ноетъ.*

55. Посѣщеніе матери.

Только-что минула Святая недѣля. Яркое солнце льетъ косые лучи въ нашу классную комнату, а у меня, въ моей маленькой комнаткѣ въ пансіонѣ, сидитъ гостья. Я тотчасъ узналъ эту гостью, какъ только она вошла: это была мама. Мы сидѣли вдвоемъ, и я странно къ ней приглядывался. Потомъ, уже много лѣтъ спустя, я узналъ, что она тогда прибыла въ Москву на свои жалкія средства единственно, чтобъ со мной повидаться. Съ ней былъ узелокъ, и она развязала его: въ немъ оказалось шесть апельсиновъ, нѣсколько пряниковъ и два обыкновенные французскіе хлѣба. Но къ гостинцамъ я даже не притронулся. Апельсины и пряники лежали предо мной на столікѣ, а я сидѣлъ, потупивъ глаза. Кто знаетъ, можетъ-быть, мнѣ очень не хотѣлось показать матери, что посѣщеніе ея, такой бѣдной, меня даже передъ товарищами стыдить. Искоса только я оглядывалъ ея темненькое старенькое платице, довольно грубыя, почти рабочія руки, со всѣмъ уже грубые ея башмаки и сильно похудѣвшее лицо.

Она поднялась, наконецъ, уходитъ. Вдругъ вошелъ Тушаръ (начальникъ пансіона) и спросилъ ее, довольна ли она успѣхами своего сына. Мама начала благодарить его; стала просить «не оставить сиротки», и со слезами на глазахъ поклонилась ему глубокимъ поклономъ. Наконецъ, мама обернулась ко мнѣ и со слезами, блеснувшими

на глазахъ, проговорила: «Прощай, голубчикъ», и поцѣловала меня. Ей, видно, хотѣлось бы и еще поцѣловать меня, обнять, прижать; но совѣстно ли стало ей самой при людяхъ, или отъ чего-то другого горько, или ужъ догадалась она, что я ея устыдился, но только она поспѣшно, поклонившись еще разъ, направилась выходить.

Я спустился за мамой, мы вышли на крыльцо. Я зналъ, что они (товарищи) тамъ смотреть теперь изъ окошка. Мама повернулась къ церкви и три раза глубоко перекрестилась; губы ея вздрагивали; густой колоколъ звучно и мѣрно гудѣлъ съ колокольни. Она повернулась ко мнѣ и не выдержала,—положила мнѣ обѣ руки на голову и заплакала надъ моей головой.

— Маменька, полноте-съ... стыдно... вѣдь они изъ окошка теперь это видятъ-съ...

Она векинулась и заторопилась.

— Ну, Господь... ну, Господь съ тобой... ну, храни тебя ангелы небесные... Господи, Господи!—скороговоркой повторяла она, все стараясь чаще и больше положить крестовъ.—Голубчикъ ты мой, милый ты мой! Да постой, голубчикъ!

Къ сыну *).

(Съ картины проф. К. Лебедева. Оригиналъ находится въ Третьяковской галлерей въ Москвѣ.)

*) Письменная работа: описать этотъ рисунокъ.

Она поспѣшно сунула руку въ карманъ и вынула платочекъ, синенькій, клѣтчатый платочекъ, съ крѣпко завязаннымъ на кончикѣ узелочкомъ, и стала развязывать узелокъ... но онъ не развязывался.

— Ну, все равно, возьми и съ платочкомъ; пригодится, можетъ; четыре двугривенныхъ тутъ; можегъ, понадобятся; прости, голубчикъ, больше-то какъ разъ сама не имѣю... прости, голубчикъ!

Я взялъ платочекъ, и она, наконецъ, ушла.

Прошли цѣлые полгода. Я про маму совсѣмъ забылъ. И вотъ, какъ-то разъ, въ вечернія сумерки, сталъ я перебирать для чего-то въ моемъ ящикѣ и вдругъ въ уголкѣ увидалъ синенькій платочекъ ея. Я вынулъ его, тотчасъ прижалъ его къ моему лицу и вдругъ сталъ его цѣловать. «Мама, мама», шепталъ я, вспоминая, и всю грудь мою сжимало, какъ въ тискахъ. Я закрывалъ глаза и видѣлъ ея лицо съ дрожащими губами, когда она крестилась на церковь, крестила потомъ и меня, а я говорилъ ей: «Стыдно, смотреть». Мамочка, мама, гдѣ ты теперь, гостя ты моя далекая? Покажись ты мнѣ хоть разочекъ теперь, приснись ты мнѣ хоть во снѣ только, чтобъ только я сказалъ тебѣ, какъ люблю тебя, только чтобъ обнять тебя и поцѣловать твои глазки, сказать тебѣ, что я совсѣмъ тебя ужъ теперь не стыжусь и что я тебя и тогда любилъ, и что сердце мое ныло тогда. Не узнаешь ты, мама, никогда, какъ я тебя тогда любилъ! Мамочка, гдѣ ты теперь?

Ө. Достоевскій.

*Днемъ денна моя печальница, въ ночь ночная бо-
гомолница.*

56. М а т ь.

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя,
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя...
Увы!—утѣшится жена,
И друга лучший другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна,
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ,

И всякой пошлости, и прозы,
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя искреннія слезы,—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей...

Н. Некрасовъ.

*Пословица. Молода жена плачетъ до росы утренней,
сестрица—до золота кольца, мать—до вѣку.*

57. Любовь отца.

(Историческій разсказъ).

1. Когда царь персидскій Камбизъ завоевалъ Египетъ и полонилъ царя египетскаго Псаменита, онъ велѣлъ вывести на площадь царя Псаменита съ другими египтянами и велѣлъ вывести на площадь двѣ тысячи человекъ, съ ними вмѣстѣ Псаменитову дочь, приказалъ одѣть ее въ лохмотья и выслать съ ведрами за водой; вмѣстѣ съ ней онъ послалъ въ такой же одеждѣ и дочерей самыхъ знатныхъ египтянъ. Когда дѣвицы съ воемъ и плачемъ прошли мимо отцовъ, отцы заплакали, глядя на дочерей. Одинъ Псаменитъ не заплакалъ, а только потупился. Когда дѣвицы прошли, Камбизъ выслалъ сына Псаменита съ другими египтянами. У всѣхъ ихъ вокругъ шеи были обвязаны веревки, а во рту были удила. Ихъ вели убивать.

Псаменитъ видѣлъ это и понялъ, что сына ведутъ на смерть. Но такъ же, какъ и при видѣ дочери, когда другіе отцы плакали, глядя на своихъ дѣтей, онъ лишь потупился.

2. Потомъ прошелъ мимо Псаменита прежній товарищъ его и родственникъ.

Онъ прежде былъ богатъ, а теперь, какъ нищій, просилъ милостыню по войску. Какъ только Псаменитъ увидалъ его, онъ назвалъ его по имени, ударилъ себя по головѣ и зарыдалъ. Камбизъ удивился тому, что Псаменитъ сдѣлалъ, и послалъ спросить его такъ:

«Псаменитъ! Господинъ твой Камбизъ спрашиваетъ: отчего, когда дочь твою осрамили и сына вели на смерть, ты не плакалъ, а нищаго, и вовсе не родного, такъ пожалѣлъ?»

Псаменитъ отвѣчалъ:

«Камбизъ! Мое собственное горе такъ велико, что о немъ и плакать нельзя; а товарища мнѣ жалко стало за то, что онъ въ старости изъ богатства попалъ въ нищету».

3. Былъ при этомъ другой плѣнный царь—Крезъ. Когда онъ услышалъ эти слова, ему больнѣе показалось свое горе, и онъ заплакалъ—и всѣ персы, что тутъ были, всѣ заплакали.

И на самого Камбиза нашла жалость: онъ велѣлъ вернуть назадъ Псаменитова сына, а самого Псаменита привести къ себѣ. Но сына не застали живымъ—онъ уже былъ убитъ, а самого Псаменита привели къ Камбизу, и Камбизъ помиловалъ его.

Л. Толстой.

58. Отцовскій очагъ.

Гдѣ пылалъ огонекъ вечеркомъ,
Ходить вѣтеръ теперь, завывая,
И безъ крыши стоитъ отчій домъ,
И запущена нива родная.

Вотъ онъ, вотъ нашъ родной уго-
локъ!

Мать, бывало, прядеть у окошка
И за прялкой поетъ, а у ногъ

Ея дремлетъ, мурлыкая, кошка.
Здѣсь на стулѣ отецъ нашъ си-
дѣлъ;

Уважать онъ училъ насъ стра-
данья,

Что на свѣтѣ всѣхъ добрыхъ
удѣлъ;

Старины воскрешалъ намъ пре-
данья.

Только ужинъ мы кончимъ, ста-
рикъ

Свою библию вынетъ, бывало;
Благодать, намъ казалось въ тотъ
мигъ,

Въ нашу хижину съ неба сле-
тала.

Убаюкаетъ мать насъ, дѣтей,
На ночь пѣсенкой нашей любимой

И до розовыхъ утра лучей
Затихаетъ очагъ нашъ родимый.

А. Плещеевъ.

*Пословица. Ищи добра на сторонѣ, а свой домъ
люби по старинѣ.*

59. Отецъ и сынъ.

(Быль).

На одномъ кораблѣ общимъ любимцемъ былъ двѣ-
надцатилѣтній мальчикъ, сынъ матроса. Онъ выросъ на
морѣ. Отецъ научилъ его своему дѣлу, и мальчикъ зналъ
службу не хуже взрослого матроса. Онъ умѣлъ ловко вска-
рабкаться на самую верхушку мачты; онъ не боялся ни
качки, ни бури, и плавалъ, какъ рыба. Матросы называли
его: «нашъ маленькій морякъ».

Однажды на кораблѣ случилось несчастье. Одна ма-
ленькая дѣвочка неосторожно подошла къ краю палубы,
оступилась и упала въ море. Отецъ нашего мальчика пер-
вый увидалъ паденіе ребенка и бросился спасать его.
Волны уже сомкнулись надъ дѣвочкой, но матросъ ныр-
нулъ и вытащилъ ребенка. За это время корабль, который
не сразу остановили, ушелъ впередъ, и матросу надо было
проплыть порядочное разстояніе. Онъ былъ уже недалеко,
какъ вдругъ раздался съ корабля крикъ: «Акула!» Страш-
ное чудовище вынырнуло изъ волнъ и устремилось на
человѣка. На кораблѣ всѣ замерли отъ ужаса: жизнь не-
счастливаго матроса и дѣвочки висѣла на волоскѣ. Но въ
ту минуту, какъ акула готова была схватить свою добычу,
случилось что-то странное: животное вдругъ затрепетало,
перевернулось, и вода вокругъ него окрасилась кровью:

кто-то ранилъ чудовище. «Ото нашъ маленькій морякъ», — закричали матросы. И дѣйствительно, это былъ мальчикъ: увидавъ, что матросъ въ опасности, онъ бросился въ воду, подплылъ къ акулѣ и всадилъ ей въ брюхо острый ножъ. Раненое животное оставило свою первую жертву и бросилось на мальчика, а тотъ, къ удивленію всѣхъ, поплылъ въ сторону отъ корабля. «Назадъ, назадъ!» — кричали ему матросы. Но онъ повернулъ назадъ только тогда, когда увидалъ, что отецъ его на палубѣ. Только тогда мальчикъ поплылъ къ кораблю, ловко увертываясь отъ чудовища: не даромъ онъ былъ искусный пловецъ. Сильнымъ ударомъ ножа онъ еще разъ пронзилъ акулу въ бокъ, а самъ ухватился за веревку, которую бросили ему съ корабля. Черезъ нѣсколько минутъ ребенокъ былъ на палубѣ, и отецъ со слезами на глазахъ обнималъ своего спасителя.

«Зачѣмъ ты сначала поплылъ прочь отъ корабля?» — спрашивали мальчика. «Я хотѣлъ, чтобы акула погналась за мной и чтобы отецъ успѣлъ спастись въ это время», — отвѣчалъ отважный ребенокъ.

Е. Станюковичъ.

Пословица. Родительское благословеніе въ огонь не горитъ и въ воду не тонетъ.

60. Разсказъ мужика о томъ, за что онъ своего старшаго брата любитъ.

Я и такъ брата люблю, а больше за то, что онъ за меня въ солдаты пошелъ. Вотъ какъ было дѣло: стали бросать жребій. Жребій палъ на меня, мнѣ надо было идти въ солдаты, а я тогда недѣлю, какъ женился. Не хотѣлось мнѣ отъ молодой жены уходить.

Матушка стала выть и говорить: «Какъ Петрухѣ идти, онъ молодъ». Дѣлать было нечего, стали меня собирать. Сшила мнѣ жена рубахи, собрали мнѣ денегъ и на завтра надо было идти на ставку въ городъ. Матушка убивалась — плакала, а я, какъ подумаю, что идти надо, такъ сердце сожмется, точно на смерть иду.

Собрались мы вечеромъ всѣ ужинать. Никому и ѣсть не хотѣлось. Старшій братъ, Николай, лежалъ на печи и все молчалъ. Молодайка моя выла. Отецъ сидѣлъ сердитый. Какъ матушка поставила на столъ кашу, такъ никто ее и не тронулъ. Матушка стала звать Николая съ печи ужинать. Онъ сошелъ, перекрестился, сѣлъ у стола, да и говоритъ: «Не убивайся, матушка, я пойду за Петруху въ

солдаты, я старше его. Авось не пропаду. Отслужу, да и приду домой. А ты, Петръ, покой батюшку съ матушкой и жену мою не обижай». Я обрадовался, матушка тоже перестала убиваться, стали собирать Николая

Поутру, когда я проснулся, какъ пораздумалъ, что за меня братъ идетъ, стало мнѣ тошно. Я и говорю: «Не ходи, Николай, мой чередъ, я и пойду». А онъ молчитъ и собирается. И я собираюсь. Пошли мы оба въ городъ на ставку. Онъ становится и я становлюсь. Оба мы ребята хорошіе, стоимъ—ждемъ, не бракують насъ. Старшій братъ посмотрѣлъ на меня—усмѣхнулся и говоритъ: «Будетъ, Петръ, ступай домой. Да не скучай по мнѣ, я своей охотой иду». Заплакалъ я и пошелъ домой. А теперь какъ вспомню про брата, кажется, жизнь бы за него отдалъ.

Л. Толстой.

Пословица. *Братская любовь лучше каменныхъ стѣнъ.*

61. Наслѣдство.

Не осталось
Мнѣ отъ батюшки
Палатъ каменныхъ,
Слугъ и золота;

Онъ оставилъ мнѣ
Кладъ наслѣдственный:
Волю твердую,
Удалъ смѣлую;

Съ ними молодцу
Всюду весело:
Безъ казны богатъ,
Безъ почета гордъ.

Въ горѣ, въ черный день,—
Соловьемъ поешь;
При нуждѣ, въ бѣдѣ—
Смотришь соколомъ.

На распашку груди!
Противъ недруга,
Подъ грозой, въ бою—
Улыбаешься.

И мила душѣ
Доля всякая,
И весь бѣлый свѣтъ
Раемъ кажется!

И. Никитинъ.

Пословицы. *Дѣтямъ жить отцовскимъ умомъ, а не отцовскими деньгами. Глупому сыну не въ помощь богатство.*

62. Груня.

Отецъ Груни достатки имѣлъ хорошіе и жилъ душа въ душу съ молодой женой, не нарадуясь на подрастающую Груню. Дѣти у нихъ не жили, одну ее сохранилъ Господь, и крѣпко любили родители бѣлокурую дочку.

Поѣхали отецъ съ матерью къ Нижній на ярмарку,—тамъ у нихъ лавка въ щепяномъ ряду,—взяли и дочку съ собой въ городъ. Годъ былъ тяжелый: холера валила на ярмаркѣ народъ. Разомъ у Груни отецъ съ матерью забо-

лѣли, и свезли ихъ въ больницу, тамъ они и отдали Богу душу. Одна-одинешенька, среди чужихъ людей, осталась девятилѣтняя Груня.

Взглянулъ Господь на сиротку милосерднымъ окомъ и послалъ къ ней добраго человѣка. Провѣдалъ одинъ прѣзжій торговецъ изъ-за Волги, что въ щепяномъ ряду выморочная лавка явилась, и въ ней малый ребенокъ одинъ остался. Бросилъ свое дѣло добрый человѣкъ и пустился на розыски. Отыскалъ онъ Груню у воротъ больницы и взялъ сиротинку въ свой домъ. Вспоилъ, вскормилъ ее и воспиталъ наравнѣ съ родными дочерьми, ни на волосъ ихъ отъ богоданной дочки не отличая. То былъ Потапъ Максимовичъ Чепуринъ.

Разумомъ острая, сердцемъ добрая, ко всѣмъ жалостливая, нрава тихаго, кроткаго,—росла и красой полнилась Груня. Не было человѣка, который бы, разъ-другой увидавши дѣвочку, не полюбилъ ея.

Только что Груня заневѣстилась, сталъ Потапъ Максимовичъ присматривать хорошаго человѣка, за котораго бы безъ страха можно было выдать богоданную дочку.

На ту пору овдовѣлъ Иванъ Григорьевичъ Заплатинъ. Оставила ему жена троихъ дѣтокъ, малъ-мала меньше. Бѣдовое ему настало время: извѣстно,—вдовецъ дѣткамъ не отецъ, самъ круглый сирота. Нѣтъ за дѣтьми уходу, ни призору. Бѣда, горе великое дѣткамъ безъ матери! Понималъ эго горемычный Иванъ Григорьевичъ, и тоской разрывалось сердце его, глядя на сиротокъ.

Заѣхалъ разъ Иванъ Григорьевичъ къ Потапу Максимовичу размыкать горе свое въ совѣтной бесѣдѣ съ другомъ извѣданнымъ. Пора была вечерняя.

Въ передней горницѣ вся семья за чаемъ сидѣла.

— Вотъ живу я, кумушка, — говоритъ Заплатинъ Акинѣ Захаровнѣ, женѣ Потапа Максимовича,—одинъ, какъ перстъ! Слова не съ кѣмъ молвить; умрешь,—поплакать, помянуть некому!

— Что ты, батенька,—возразила Акинѣя Захаровна:—дѣтки по родительской душенькѣ помянники.

— Что дѣтки! Малы они еще, неразумны. Пропавшія они дѣти безъ матери. Не глядѣлъ бы... нестройно, нескладно въ дому у меня. Да что домъ? Не домъ крушить меня,—сироты мои бѣдные. Какъ расти имъ безъ матери? Ни приласкать, ни приглубить... Призору нѣтъ! Прѣдешь изъ города: дѣти не умыты, не чесаны, грязныя, оборван-

няя; того и гляди, грѣшнымъ дѣломъ, искалѣчатеся... Горькое житіе мое, кумушка!

И, склонивъ голову на руку, тяжкимъ вздохомъ вздохнулъ Иванъ Григорьевичъ: слезы на глазахъ засверкали.

Пристально смотрѣла на плачущаго вдовца Груня. Жаль ей стало сиротокъ. Вспомнила, какъ сама бродила голодная по чужому городу.

Долго толковали про бѣдную участь Ивана Григорьевича. Онъ уѣхалъ. Акинья Захаровна по хозяйству вышла. Груня стояла у окна и задумчиво обрывала сухіе листья у розанели. На глазахъ у нея—слезы.

Потапъ Максимовичъ замѣтилъ это и спросилъ ласково:

— Что съ тобой, Грунюшка?

— Сиротокъ жалко мнѣ, тятя!—трепетнымъ голосомъ отвѣтила дѣвушка, припавъ къ плечу названнаго родителя.—Сама сирота, разумѣю... Пошлетъ ли имъ Господь родную мать, какъ мнѣ послалъ? Голубчикъ, тятенька, жалко мнѣ ихъ!.. Какъ бы сиротокъ-то устроить? Я бы, кажись, жизнь за нихъ отдала.

Молчалъ Потапъ Максимовичъ, глядя съ любовью на Груню. Она продолжала:

— Сама сиротой была, Богъ тебя мнѣ послалъ, оттого и неспознала я горя сиротскаго. Ничѣмъ не заплатитъ мнѣ за твою любовь, не воздать мнѣ за ваши милости... А ужъ если вамъ не воздать, Богу-то какъ воздать?

— Добрыми дѣлами, Груня, воздать,—сказалъ Потапъ Максимовичъ, глядя по головѣ дѣвушку.—Молись, трудись; всего паче бѣдныхъ не забывай.

— Слушай, тятя, что я скажу,—быстро поднявъ голову, молвила съ твердостью Груня:—какъ ты меня призрѣлъ, такъ и мнѣ надо сиротъ призрѣть. Этимъ только я могу Богу воздать. Какъ думаешь ты, тятя?

— Это ты хорошо сказала, Груня, побожески.

— Жаль мнѣ сиротъ Ивана Григорьевича; я бы, кажись, была имъ матерью, какую онъ ищетъ.

— Какъ же такъ?—едва вѣря ушамъ своимъ, спросилъ Потапъ Максимовичъ,—нешто пойдешь за старика?

— Пойду, тятя!—твердо сказала Груня.—Онъ добрый... Да мнѣ не онъ... Мнѣ только сиротокъ призрѣть.

— Да вѣдь онъ старый! Тебѣ не ровня,—молвилъ Потапъ Максимовичъ.

— Старъ ли, молодъ ли,—мнѣ все одно: бѣдныхъ сиротокъ жалъ.

— Ахъ, ты, моя Грунюшка!—говорилъ глубоко растроганный Потапъ Максимовичъ.—Ангельская твоя душенька! Отецъ твой съ матерью на небесахъ на тебя радуются теперь! И коли согрѣшили въ чемъ передъ Господомъ, искупила ты всѣ грѣхи родительскіе. Чистая, святая твоя душенька!

Богоданная дочка и названный отецъ крѣпко обнялись.

На другой день были смотрины. Никого изъ постоянныхъ тутъ не было, и свахи не было; а женихъ, какъ увидалъ Груню, въ землю ей поклонился и проговорилъ, рыдая:

— Матушка! Святая твоя душа! Будь матерью моимъ сиротамъ...

— Буду!—тихо улыбаясь, молвила Груня.

Черезъ двѣ недѣли сыграли и свадьбу.

Засіялъ осиротѣлый домъ Заплата. Испоконъ вѣку народъ говоритъ: «жена добрая, домовитая во сто разъ цѣннѣй золога». Правдиво то русское слово; правду его Иванъ Григорьевичъ на себѣ спозналъ. Свѣжая, здоровая, пригожая,—Аграфена Петровна вотъ уже пятый годъ замужемъ, любитъ сѣдого мужа всею душой. Ясное, веселое лицо Груни лучше всякихъ рѣчей говоритъ, что нѣтъ у нея ни горя на душѣ, ни тревоги на сердцѣ. Всегда спокойная, краснымъ солнцемъ сіяетъ она въ мужниномъ домѣ, и, куда ни войдетъ, вездѣ ей рады, всюду внесетъ съ собой миръ, ладъ, согласіе и веселье.

Раститъ Груня и чужихъ дѣтей и своихъ, и никакой межъ ними розни не дѣлаетъ: пасынка съ падчерицами любить не меньше родныхъ дѣтей. А хозяйка какая вышла,—на удивленіе!

И прошла слава по всему Заволжью про молодую жену Заплата. Добрая слава, хорошая слава! Дай Богъ всякому такой доброй по людямъ молвы.

А. Печерскій.

Пословицы: *Добрымъ женамъ Богъ на помощь. Не устоятъ худу противъ добра. Дѣлай добро и тебѣ будетъ добро.*

63. Дѣтство веселое.

Дѣтство веселое, дѣтскія грезы—
Только васъ вспомнишь,—улыбка
и слезы...

Голову няня въ дремотѣ склонила,
На полѣ съ лежанки чулокъ уронила;

Прыгаетъ котъ, шевелить его лапкой,
Свѣчка ужъ меркнетъ подѣ огненной шапкой,

Двигается сумракъ, въ глаза мнѣ
глядить...

Зимняя вьюга шумить и гудить.
Прогнали сонъ мой рассказы старушки.

Вотъ я въ лѣсу, у порога избушки;
Ждетъ къ себѣ гостя колдунья сѣдая—

Змѣй подлетаетъ, огонь разсыпая.
Замеръ лѣсъ темный—ни свиста,
ни шума;

Смотрять деревья угрюмо, угрюмо!
Сердце мое замираетъ—дрожить...
Зимняя вьюга шумить и гудить.

Няня встаетъ и лѣнливо зѣваетъ,
На ночь постелю мою оправляетъ.
—Лягъ, мой соколикъ, съ мо-

литвой святою,
Божія сила да будетъ съ тобою...

Нянина шубка мнѣ ноги при-
грѣла,

Вотъ ужъ въ глазахъ у меня за-
пестрѣло,

Сплю и не сплю я... лампада го-
ритъ...

Зимняя вьюга шумить и гудить.
Вѣчная память, веселое время!

Грудь мою давить тяжелое бремя,
Жизнь пропадаетъ въ заботахъ о
хлѣбѣ,

Дѣтство сіяетъ, какъ радуга въ
небѣ...

Гдѣ вы, веселье, и сонъ и здо-
ровье?

Взмокло отъ слезъ у меня изго-
ловье!

Темная даль мнѣ бѣдою грозить...
Зимняя вьюга шумить и гудить.

П. Никитинъ.

64. Пріемышъ.

1. Въ бѣдной тѣсной избѣ крестьянина Степана Воронина кипѣла работа: за верстакомъ, заваленнымъ цѣлой грудой желѣзныхъ и мѣдныхъ полосокъ, готовыхъ и полуготовыхъ замочковъ, кучей нехитрыхъ инструментовъ, сидѣлъ самъ хозяинъ, далеко еще не старый человекъ, но совершенно сгорбленный и болѣзненный на видъ; подлѣ него сидѣла дочь его лѣтъ двѣнадцати, и складывала одна съ другой части замочковъ; хозяйка усердно работала тутъ же надъ совсѣмъ уже готовымъ замкомъ, подпиливая его уголки напильникомъ. Въ избѣ было душно и темно. Всѣ работали молча. Потъ крупными каплями лился съ лицъ утомленныхъ работниковъ. Вдругъ, низенькая покосившаяся дверь со скрипомъ отворилась и въ комнату вошелъ мальчикъ лѣтъ 12-ти; снимая шапку и крестясь на образа, онъ оглядѣлъ избу и спросилъ:

— Дядюшка Степанъ Воронинъ здѣсь живетъ?

— Здѣсь,—отвѣчала хозяйка, строго поглядывая на гостя.—А тебѣ что надо?

— Да вотъ къ вашей милости.... Батюшка съ матушкой къ вамъ прислали. Не откажи, дяденька!... Пожаръ у насъ въ деревнѣ былъ, погорѣли. Тятка въ Питеръ ушелъ въ маляры, мамка въ работницы къ мельнику нанялась, а меня къ вамъ послали... не оставьте, Христа ради! Вѣчно буду Бога молить!—низко кланяясь, говорилъ мальчикъ.

— Та-акъ!—протянуль дядя Степанъ, кладя напильникъ.—Жаль васъ, очень жаль! Такъ къ намъ, говоришь, послали?—И дядя Степанъ задумался.

— Ну, вотъ еще!—заворчала хозяйка.—Самимъ ѣсть нечего, съ хлѣба на квасъ перебиваемся, а тутъ еще нахлѣбника Богъ послалъ...—Она сердито бросила замочекъ на верстакъ и грозно оглядѣла мальчика.—Не по средствамъ намъ учениковъ держать, голубчикъ, да и тѣсно у насъ, самимъ повернуться негдѣ...

— Никто какъ Богъ!—сказалъ Степанъ,—справимся, только бы мнѣ вотъ здоровьемъ поправиться. Выучится Яша мастерству, смотришь, намъ же помощникомъ будетъ. Ладно, Яша, оставайся съ Богомъ у насъ, учись, работай!

2. Замочное мастерство не особенно хитрое, оно требуетъ только усидчиваго и терпѣливаго труда. Яшѣ оно легко далось. Не прошло и недѣли, какъ въ избенкѣ Степана задолго до солнечнаго восхода усаживалось за верстакъ уже четыре работника, и новый работникъ, Яша, такъ ловко справлялся съ желѣзными полосками, винтиками и шпильками, что дядя Степанъ улыбался, поглядывая на его работу, да приговаривалъ: «Не даромъ парень хлѣбъ-то ѣстъ! Толкъ изъ него выйдетъ непременно!» Хозяйка, и та уже не такъ часто косилась и ворчала на Яшу. Скоро Яша совсѣмъ освоился съ новой семьей, сроднился съ нею. Обращались съ нимъ ласково, не бранили, не били, кормили тѣмъ же, что и сами ѣли. Работа Яшѣ нравилась; скоро онъ выучился дѣлать замки, а потомъ и ножи, и даже ножницы. На первыхъ порахъ не легко ему было цѣлый день, не разгибая спины, просиживать за верстакомъ. Потомъ мало-по-малу привыкъ, и ему пріятно было думать, что и онъ можетъ сработать настоящую вещь, какъ мастеръ, что и онъ помогаетъ семьѣ, которая его приняла. А время все шло да шло. Вотъ уже больше года прожилъ Яша у дяди Степана. Настала осень хо-

лодная, дождливая. Дядя Степанъ съ лѣта прихварывалъ, а тутъ и совсѣмъ плохо ему стало: цѣлыми днями на печкѣ лежалъ подъ тулупомъ, кашлялъ, стоналъ, охалъ. Хозяйка съ дочкой печалились, работа у нихъ не спорилась, то и дѣло грустно поглядывали онѣ на печку. Яша же неумоимо работалъ, молоточекъ его проворно и бойко постукивалъ. Кабы не онъ, трудно было бы семьѣ, хоть по міру иди.

3. Въ одно ненастное утро въ бѣдной, полутемной избушкѣ было особенно тихо и тоскливо...

Вдругъ въ избу ввалился высокій паренъ.

— Письмецо вотъ тутъ есть Якову Панкратьеву,—громко сказалъ онъ, подавая Яшѣ большой конвертъ.— На, бери! изъ Питера письмо-то!

Дрожащими руками взялъ Яша письмо и началъ читать. Письмо было отъ тятки изъ Питера. Писалъ онъ, что живетъ хорошо, хозяиномъ своимъ доволенъ, денегъ зарабатываетъ не мало. Зоветъ и Яшу къ себѣ въ Питеръ, хочетъ и его къ малярному дѣлу приучить, общается и денегъ на дорогу выслать.

Прочелъ Яша письмо, задумался, прильнулъ лбомъ къ холодному стеклу оконца и долго такъ стоялъ. Призадумалась и вся семья дяди Степана. Какъ имъ безъ Яши быть?

— Нѣтъ, дядя Степанъ!—заговорилъ вдругъ Яша, отворачиваясь отъ окна и подходя къ печкѣ,—нѣтъ, дядя! не пойду я въ Питеръ, Богъ съ нимъ! Зачѣмъ мнѣ васъ покидать? Вы меня ласково приняли, какъ родного, поили, кормили, худого слова отъ васъ не слыхалъ. Мастерству еще обучили. Нѣтъ, дяденька, не пойду я отъ васъ!

Дядя Степанъ крѣпко обнялъ Яшу, отъ волненія не могъ слова вымолвить. У всѣхъ какъ камень съ души свалился, всѣ повеселѣли.

— Теперь хоть умру спокойно,—думалъ дядя Степанъ,—по міру не пойдутъ!

Сохрани ихъ Господь и помилуй!

Незвановъ.

Пословица. *Богъ далъ сиротинкѣ ротокъ, дастъ и кусокъ.*

65. Антонъ-Горемыка.

1. Въ глухой чащѣ осинника работалъ мужикъ; онъ держалъ обѣими руками топоръ и рубилъ съ плеча вы-

сокіе кусты хвороста. Наступала пора зимняя, мужикъ припасалъ топливо.

Стужа была сильная; несмотря на это, потъ ручьями катился по лицу мужика; работа, казалось, приходилась ему по сердцу.

Мужикъ былъ невысокъ ростомъ, бѣденъ грудью, сучошавъ, съ рѣдкою, рыжеватою бородою, въ которой проглядывала сѣдина. Одежда на немъ соотвѣтствовала, какъ нельзя болѣе, его наружности: все было до крайности ветхо,—отъ низенькой мѣховой шапки до коротенькаго овчиннаго полушубка, подпоясаннаго лыкомъ.

Шагахъ въ пяти стояла телѣга, припряженная къ сытенной пѣгой кляченкѣ. Поодаль, сквозь обнаженные сучья деревьевъ, виднѣлся мальчикъ, карабкавшійся на вершину старой осины, гдѣ были галочки гнѣзда.

Время отъ времени за лѣсомъ поднимался пронзительный вой вѣтра. Онъ рвался съ какимъ-то свирѣпымъ отчаяніемъ по замирающимъ полямъ, гудѣлъ въ глубокихъ колеяхъ проселка, поднималъ цѣлыя тучи листьевъ и сучьевъ, носилъ и крутилъ ихъ въ воздухѣ и, взметнувшись, наконецъ, яростнымъ шипящимъ вихремъ, ударялъ въ тощую грудь осинника. И мужикъ прерывалъ тогда работу. Онъ опускалъ топоръ, и обращался къ мальчику на осинѣ:

— Эй, Ванюшка! Ишь, куда забрался! Того и гляди, вѣтромъ снесетъ. Ступай на-земь!

— Не замай, дядя Антонъ,—откликался мальчикъ,—небось, не снесетъ!

Дядя Антонъ, успокоенный каждый разъ такимъ увѣщаніемъ, бралъ топоръ, нахлобучивалъ поглубже на глаза шапку и снова принимался за работу.

Возъ, наконецъ, наполнился до-верху хворостомъ. Вниманіе мужика исключительно обратилось къ племяннику; его упорное неповиновеніе какъ бы впервые пришло ему въ голову, и онъ не на шутку разсердился.

— Ахъ, ты, баловень!—закричалъ онъ, стучая обухомъ топора въ осину,—долго ли говорить тебѣ? Слѣзай! Вотъ я тебя, озорника!

— А вотъ же не слѣзу, коли такъ!—отвѣчалъ мальчуганъ, взбираясь все выше и выше.

— Не слѣзешь?... Ладно же, оставайся одинъ въ лѣсу,—пусть тебя волки ѣдятъ...

Угроза подѣйствовала на ребенка: онъ обхватилъ ру-

ченками коренастый стволъ дерева, приготовляясь спуститься на-земь при первой попыткѣ дяди исполнить общіаніе.

— А бить не станешь?—вымолвилъ мальчикъ, наклонивъ изъ-за вѣтки кудрявую головку и пристально глядя на дядю.

— Ну, ну, слѣзай—знай, слѣзай!..

— Взаправду, не станешь?..

— Говорятъ, не стану: ступай скорѣй!

Ваня спустился сажени на двѣ и опять повисъ на сучкѣ.

— И на лошадь, дядя Антонъ, посадишь?

— Ладно, ладно... спускайся только.

— Не обманешь?

— Говорю, посажу, чего еще?

Съ быстротою и ловкостью бѣлки проскользнулъ мальчикъ между верхними сучьями и мигомъ очутился подлѣ дяди.

Вскорѣ возъ, навьюченный красноватымъ и сизымъ хворостомъ, медленно выѣзжалъ изъ лѣсу, скрипя и покачиваясь изъ стороны въ сторону. Ваня сидѣлъ верхомъ на Пѣгашкѣ; онъ былъ вполне счастливъ. Его русыя кудряшки, развѣваясь по вѣтру, открывали поминутно свѣжее, веселое личико. Антонъ шелъ подлѣ, запустивъ одну руку за пазуху, другой опираясь на оглоблю.

2. Возъ съ хворостомъ вѣзжаетъ въ село. Посреди нѣ улицы ребятишки играютъ въ бабки. Дѣти, кажется, не замѣчаютъ стужи. Между ними нѣсколько дѣвочекъ съ младенцами на рукахъ; семи-восемилѣтнія нянюшки дуютъ въ кулаки, перескакиваютъ съ ноги на ногу, но все-таки не покидаютъ веселаго сборища.

Проѣзжая мимо, Ванюшка, начинавшій было корчиться отъ стужи, вдругъ вытянулся, пріосанился и крикнулъ, насколько хватило силенки:

— Эй! пошли прочь! Раздавлю: ишь, лошадь ѣдетъ!

Толпа дала дорогу, поглядывая съ завистью на сѣдока.

Изба Антона у самой околицы. Она бросалась въ глаза своею ветхостію: одинъ бокъ ея почти подгнилъ, отчего остальная часть зданія покачнулась и сѣла въ ту сторону. Кровля, отъ тяжести давившей ее когда-то соломой, приняла совсѣмъ другое направленіе: она сползла напередъ и грозила ежеминутнымъ паденіемъ. Трубы не

было, ее замѣнилъ глиняный горшокъ съ выбитымъ дномъ. Изба со всѣхъ сторонъ подпиралась сучковатыми плахами. Словомъ, все въ ней было и валко, и шатко, и на сторону.

И дядя Антонъ, и Ваня, и Пѣгашка, по мѣрѣ приближенія къ избушкѣ, замѣтно оживились: лица дяди Антона и Вани просвѣтлѣли привѣтливой улыбкой. Ваня никакъ даже не могъ удержаться, чтобы не крикнуть въ восторгѣ:

— Дядя Антонъ, домой пріѣхали! Ишь, дядя Антонъ, ишь, «домъ»-то, вонъ онъ! Вонъ онъ какой!

При вѣздѣ на дворъ навстрѣчу имъ выбѣжала дѣвочка лѣтъ шести; она хлопала въ ладоши, смѣялась, бѣгала вокругъ телѣги и, не зная, какъ лучше выразить свою радость, ухватила рученками за полы Антонова полушубка и повисла на немъ. Мужикъ взялъ ее на руки, указалъ ей пальцемъ на возъ, вытащилъ изъ середины его красный прутикъ вербы, подаль его ребенку и, погладивъ ее еще разъ по головѣ, снова пустил на свободу. Дѣвочка была въ неопisanномъ восторгѣ отъ подарка.

— Ну, Ваня, будетъ!—Слѣзай-ка съ лошади, да ступай скорѣе съ сестренкой въ избу, на печку,—сказалъ дядя:—небось оба и поѣсть хотите?

— Дядя Антонъ, голубчикъ, золотой, дай распречь лошадку! Я послѣ поѣмъ!—упрашивалъ дядю Ваня.

— И то замерзъ совѣмъ: гдѣ тебѣ справиться? Ишь, руки-то околѣли!

— Ничего, дядя! Право слово, ничего! Ты, Аксюша, ступай въ избу: ишь, озябла-то какъ... а я потомъ приду.

Дядя Антонъ съ Ваней распрягли лошадь, и вскорѣ всѣ трое вошли на крылечко, а оттуда—въ избу.

3. Хозяйка Антона была не одна: у стола сидѣла гостья, старуха-нищая.

— Здорово, бабушка!—сказалъ Антонъ.

— Здравствуй, кормилецъ!—отвѣчала, вздыхая, старуха.

— Варвара, чего нахохлилась? Собирай-ка обѣдъ: смерть ѣсть хочется, да, чай, и ребята-то проголодались!

— Чего я тебѣ дамъ, Антонушка? Охъ, ничего-то у насъ нѣту...

— Кажись, намедня лучку осталось?

— Нѣтъ, не осталось, ребята поѣли.

— Ну, давай хлѣба, квасу... Да полно тебѣ день-деньской хохлиться-то!

Барвара сняла съ полки чашку, нацѣдила въ кувшинчикъ кваску, потомъ вынула изъ столоваго ящика остатокъ ржаного корова, солоницу, ножъ и молча уставила все это передъ мужемъ.

— Эй, ребятишки,—крикнулъ Антонъ.—Ступайте сюда... А у меня тюря-то славная какая! Вотъ я ее всю съѣмъ... Слѣзайте скорѣе съ печи! Ну, и ты, бабука, бери ложку, садись.

— Спасибо, отецъ родной!—хозяйюшка твоя накормила, дай ей Господь Богъ много лѣтъ здравствовать...

Аксюша подбѣжала къ дядѣ, вползла къ нему на колѣни и обняла смуглую его шею тоненькими своими ручонками.

— Экая дѣвочка-то у меня ласковая какая, бабушка!—вымолвилъ мужикъ, глядя Аксюшу по головкѣ.—Сядь-ка ты сюда, плутъ-дѣвка, сядь-ка поближе къ своему дядѣ-то, да поѣшь... Оба они любви намъ больно, бабука, даромъ что племянники; безъ нихъ, кажись, и жизнь не въ жизнь была бы, а съ ними все повеселѣе!

— Что жъ, родимый,—спросила старуха:—братъ, небось, вѣсточку посылаетъ?

— Нѣтъ, съ той самой поры, какъ въ солдаты взяли,—ни слуху, ни духу. Мы лѣто-съ посылали къ нему грамотку, да денегъ полтинникъ... послѣдній отдали; никакого отвѣту.

Антонъ уперся спиною въ стѣну и пересталъ ѣсть. Долго онъ сидѣлъ, пригорюнясь и не говоря ни слова; только изрѣдка ласкалъ Аксюшу, которая положила русую головку свою на грудь дяди, да искоса поглядывалъ на жену, отъ которой онъ, видимо, старался скрыть свои тревожныя мысли.

Наконецъ, Антонъ облокотился на столъ, взглянулъ еще на жену и сказалъ старухѣ:

— Вотъ, бабушка, было времячко, живалъ, вѣдь, и я не хуже другихъ: въ амбарѣ-то бывало всего въ волю: три коровы стояли на дворѣ, двѣ лошади... Да Богъ, знать, прогнѣвался на насъ: братъ въ солдаты пошелъ, невѣстка померла, а тутъ и пошли бѣда за бѣдой... Вотъ, вѣдь, и хлѣбушка-то, что ѣдимъ, и тотъ, сказать горько, у сосѣда выпросилъ!..

Онъ оглянулся на Барвару; та сидѣла, закрывъ лицо руками и отвернувшись отъ мужа. Замѣтивъ, что слезы струились между ея пальцами, Антонъ замаялся.

— Да,—подхватилъ онъ громче прежняго,—да, бабушка, такъ вотъ оно дѣло-то какое!... Только мы съ хозяйкой не унываемъ, не гнѣвимъ Господа Бога... грѣшно; знать, ужъ такая Его воля... Да, не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь,—продолжалъ мужикъ, стараясь принять веселый видъ:—по комъ бѣда не ходила!.. Охъ, Варвара, полно тебѣ, право; ну, что ты себя понапрасну убиваешь? горю не пособишь! Богъ дастъ, поправимся! Гляди-ка, вотъ какіе помощники-то у насъ подрастаютъ.

Антонъ поднялся изъ-за стола, помолился передъ иконою, разулся, вздохнулъ нѣсколько разъ сряду и полѣзъ на полати. Ребятишки забились на печку. Старуха-нищая улеглась на лавкѣ. Варвара затушила лучину, и долго слышались ея вздохи передъ иконою и земные поклоны.

Д. Григоровичъ.

66. Дѣдъ и внучекъ.

Передъ ветхою избенкой
Старичокъ сидитъ сѣдой,
И кудряваго ребенка
Опъ морщинистой рукой
Охватилъ. Въ свой полущубокъ
Завернулъ его теплѣй,
Съ пухлыхъ щекъ и алыхъ губокъ
Не спускаетъ опъ очей.
«Охъ! не долго, внучекъ милый,
Мнѣ поняньчиться съ тобой,—
Говоритъ старикъ:—въ могилу
Мнѣ пора ужъ на покой.

Долго маялся я; много
Вынесъ горя на плечахъ;
Не легка была дорога,
Да Господь помогъ: Онъ благъ.
Хоть во многомъ былъ я грѣшенъ
И хоть часто я ропталъ,
Но подъ старость Имъ утѣшенъ—
Мнѣ Онъ радость ниспослалъ:
Знаю я, мой свѣтикъ Саша,
Веселѣй твой будетъ вѣкъ;
Доля ждетъ тебя не наша—
Будешь вольный человѣкъ!» *)

А. Плещеевъ.

67. Бѣдняки.

На берегу моря стоитъ бѣдная рыбацья избушка.— Уже ночь.— Въ избѣ темно.— Пять маленькихъ дѣтокъ спятъ на одной постели.— Не спитъ только ихъ мать Анна.— Она ждетъ мужа, а онъ уѣхалъ въ море на промыселъ.— На морѣ бушуетъ буря.— Аннѣ страшно. Она боится, не случилось ли съ ея мужемъ бѣды.

Она беретъ фонарь. Ей кажется—настала
Пора идти встрѣчать. Не тише ль море стало...
Свѣтаетъ, можетъ-быть?... Въ порядкѣ ли сигналы?
Все надо осмотрѣть.

Вотъ вышла, побѣжала...

Дождь мелкій моросить. Она идетъ въ тревогѣ.

*) Разумѣется освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Вдругъ словно выросла предъ ней, среди дороги,
Лачужка ветхая, и мрачно, безобразно
Глядитъ, убогая, изъ-подъ соломы грязной.
Темно въ ней. Дверь дрожить, и вѣтеръ, злобно воя,
Играетъ крышею дырявой, чуть живою.
И Анна вспомнила: «Сосѣдка тутъ больная—
Одна въ такую ночь... Зайду-ка къ ней, узнаю,
Не нужно ли чего. Совѣмъ о ней забыла...
Мужъ говорилъ, что ей наемни хуже было...
Провѣдать бѣдную». И Анна постучала.
Отвѣта нѣтъ. «Какъ жалъ! Больна, а дѣти малы,
И нечѣмъ прокормить... Сосѣдка, отворите!»
Все тихо. Домъ молчитъ. «Какъ вы тамъ крѣпко спите!»
Сказала Анна вслухъ.

Тутъ, словно понимая,
Сама раскрылась дверь—и черная, нѣмая,
Предстала внутренность той хижины убогой.
При свѣтѣ фонаря... И Анна у порога
Застыла въ ужасѣ. Тамъ, въ мрачномъ углубленьи,
На лавкѣ женщина лежала безъ движенья,
А рядомъ съ лавкою, гдѣ мертвая лежала,
Счастливымъ, крѣпкимъ сномъ малютокъ двое спало,—
Два крошечныхъ лица, двѣ кроткія улыбки:
Братъ и сестра—рядкомъ въ одной и той же зыбкѣ.
Мать все сняла съ себя, чтобъ имъ теплѣе было,
И, умирая, ихъ заботливо укрыла.

Что Анна сдѣлала въ лачужкѣ страшной этой?
Что подъ накидкою широкою, надѣтой
Въ защиту отъ дождя, она такъ осторожно
Несетъ къ себѣ домой? И отчего тревожно
Такъ бьется сердце въ ней, дрожать и гнутся ноги?..
Что озирается пугливо по дорогѣ?..
Что спрятала она въ постель подъ одеяло,
За занавѣскою?.. Да что жъ она украла?..
Когда она пришла домой, уже бѣлѣли
Разсвѣтомъ берега... На стулѣ у постели,
Вся блѣдная, она въ раздуміи тяжеломъ
Присѣла, стала ждать и мыслямъ невеселымъ
Невольно отдалась. Раскаянье терзало
Ей сердце бѣдное; она, дрожа, шептала
Безсвязныя слова; ей было страшно, больно...
«Что я надѣлала? Какъ будто не довольно
У мужа и безъ нихъ заботъ и горя было?...
И такъ работаетъ, бѣдняга, черезъ силу,
Чтобъ шестерыхъ кормить, а тутъ еще чужія...
Идетъ!.. Нѣтъ... никого...

И времена плохія,—
Самимъ недостаетъ... Я скверно поступила...
Ну, что жъ! прибѣтъ... пускай... Скажу: я заслужила...»
Вдругъ отворилась дверь рукою быстрой, смѣлой;
Лучъ утра въ хижину проникъ—веселый, бѣлый...
Вошелъ рыбакъ. Желѣ широко улыбнулся

И радостно сказалъ: «Ну, вотъ и флотъ вернулся!»
И Анна вскрикнула. Трепещущія губы
Прижались горячо къ его фуфайкѣ грубой.
Онъ ей глядитъ въ глаза, лаская, обнимая...
Разспросы сыплются: «Что ловля?»—«Да плохая...
Канатъ у якоря порвался... Вотъ и сѣти
Попорчены—хоть брось!.. Ну, что, здоровы ль дѣти?..
Я чуть не утонулъ... Погода страсть какая!
А ты что дѣлала?» И Анна, замирая
Отъ страха, молвила: «Я шила, поджидая
Тебя... Боялась... Всю ночь ревѣло море...
А дѣти ничего—здоровы... Знаешь, горе
Какое? Я была подъ утро у сосѣдки...
Бѣдняга умерла вчера... Остались дѣтки...»
И Анна бѣдная краснѣла и блѣднѣла,
И путалась въ словахъ, какъ будто злое дѣло
Безъ мужа сдѣлала. «Они еще такъ малы:
Дѣвчонка старшая ходитъ недавно стала...»
Задумался рыбакъ.
«Ахъ, Боже мой, какъ скверно!
Такая мелюзга... Вѣдь пропадутъ, навѣрно.
Кому охота взять такихъ на воспитанье?
Народъ все бѣдный здѣсь... Своимъ на пропитанье
Дай Богъ достать подчасъ. Вотъ мы помочь бы рады,
Да пятеро ужъ есть... Ну, что же за бѣда? Тутъ пять,
да этихъ двос—
Пусть будетъ семеро! Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ,
Чтобъ дѣти, какъ щенки, одни тамъ околѣли.
Жена, возьмемъ ребятъ! Они такъ малы—
Не объѣдятъ твоихъ... И, можетъ-быть, что Богу
Угодно будетъ дать на долю ихъ немного
Побольше рыбы намъ. А станутъ поумнѣе,
Такъ будутъ помогать... Тащи-ка ихъ живѣ!»
А Анна, приподнявъ кровати покрывало:
«Они давно ужъ здѣсь!»—тихонько отвѣчала.

А. Барыкова.

Отдѣль IV.

68. Микулушка Селяниновичъ.

(Народная былина).

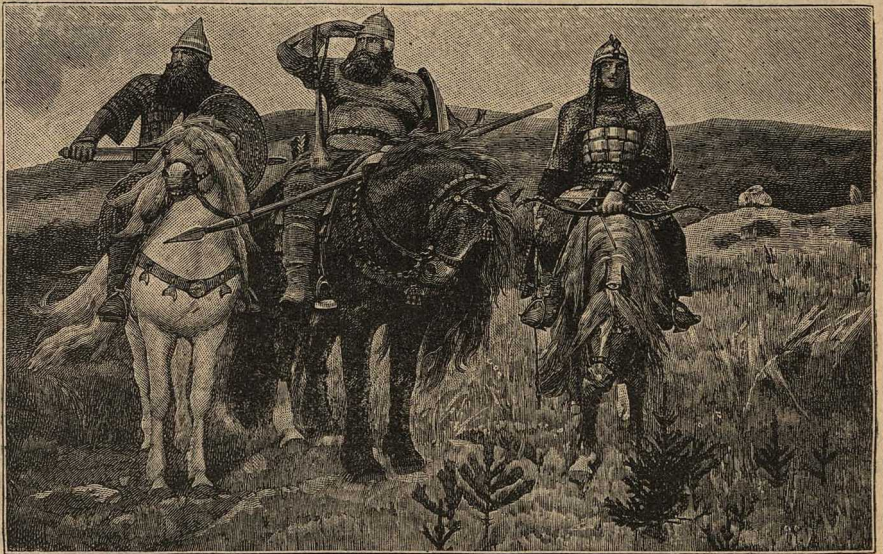
1. Выѣзжалъ ли Вольга-свѣтъ съ
дружиною
По селамъ-городамъ за получкою,
Съ мужиковъ выбирать дани-вы-
ходы;
Выѣзжалъ ли, сударь, во чисто
поле,—
Услыхалъ во чистомъ полѣ па-
харя:
Слышно—пашетъ мужикъ да по-
свистываетъ,
Сдалека, слышно, сошка поскри-
пываетъ,
Сошнички по камнямъ, слышно,
черкаютъ,
А не видно нигдѣ въ полѣ пахаря.
И поѣхалъ Вольга къ тому пахарю.
Цѣлый день ѣхалъ съ утра до
вечера,
А наѣхать не могъ Вольга пахаря.
День-другой ѣхалъ съ утра до
вечера,
А наѣхать не могъ Вольга пахаря.
Слышно—пашетъ мужикъ да по-
свистываетъ,
Сдалека слышно, сошка поскри-
пываетъ,

Сошнички по камнямъ, слышно,
черкаютъ,
А не видно нигдѣ въ полѣ пахаря.
Третій день Вольга ѣхалъ до па-
бѣды,—
Наѣзжаетъ Вольга въ полѣ пахаря:
Въ полѣ пашетъ мужикъ да по-
нукиваетъ,
Съ края въ край онъ бороздку
отваливаетъ,
Камни, корни сохой выворачива-
етъ;
Какъ заѣдетъ мужикъ - отъ въ
одинъ конецъ—
Съ другого конца и не виднушко.

2. А у пахаря сошка кленовенька,
Сошнички въ той сошкѣ булатные,
Захлеснуты гужочки шелковеньки,
А кобылка во сошкѣ соловенька.
Взговорить ли Вольга тому пахарю:
«Гой, мужикъ-пахарекъ! Божья
помощь-те,
Божья помощь пахать да кре-
стьянствовать,
Широку борозду отворачивать,
Да коренья, каменья вывертывать!»

Говорить ли мужикъ таковы слова:
«А спасибо, Вольга, благодар-
ствуемъ,—
Божья помощь, поди-тка, намъ
надобна,
Божья помощь—пахать да кре-
стьянствовать.
Самъ далеко ль ѣдешь со дружи-
нушкой?
Далеко ль Богъ несетъ, куда путь
держишь?»

Взговорить ли Вольга таковы
слова:
«А я ѣду, мужикъ, со дружи-
нушкой
По селамъ-городамъ за получкою,
Выбирать съ мужиковъ дани-вы-
ходы.
Ай, поѣдемъ со мной во товари-
щахъ!»
3. Взялъ мужикъ, воткнулъ сошку
въ бороздочку,

Богатыри: Добрыня Никитичъ, Илья Муромецъ, Алеша Поповичъ.
(Съ картины Васнецова. Оригиналъ находится въ Третьяковской галлерей).

Онъ гужочки шелковы взялъ, вы-
стегнулъ,
Взялъ изъ сошки кобылку да
вывернулъ,
На кобылку ввалился, сѣлъ охлѣ-
пью—
Со Вольгою поѣхалъ во товари-
щахъ.
Говорить ли мужикъ таковы слова:
«А не ладно, Вольга,—я въ бо-
роздочкѣ
Свою сошку оставилъ неубранну:
Какъ бы сошку съ земельки по-
выдернуть,
Съ сошниковъ какъ бы землю
повытряхнуть,

А и бросить сошку за ракитовъ
кустъ».
Посылалъ тутъ Вольга десять
молодцовъ:
Велить сошку съ земельки по-
выдернуть,
Съ сошниковъ велить землю по-
вытряхнуть,
А и бросить сошку за ракитовъ
кустъ.
Подъѣзжали ко сошкѣ тѣ молодцы,
Соскочили въ бороздку съ доб-
рыхъ коней,
Разомъ брались за сошку кле-
новеньку,—
Отъ земли этой сошки поднять
нельзя.

Они сошку за обжи вокругъ вер-
тятъ,
А не могутъ съ земли сошку
выдернуть,
Не могутъ съ сошниковъ землю
вытряхнуть,
А и бросить сошку за ракитовъ
кустъ.
А и шлетъ ли Вольга всю дру-
жинушку:
Велить сошку съ земельки по-
выдернуть,
Съ сошниковъ велить землю по-
вытряхнуть,
А и бросить сошку за ракитовъ кустъ.
Вотъ за сошку бралась вся дру-
жинушка,
Разомъ бралась за сошку кле-
новую,—
Только сошку за обжи вокругъ
вертятъ,
А не могутъ съ земли сошку вы-
дернуть,
Не могутъ съ сошниковъ землю
вытряхнуть,
А и бросить сошку за ракитовъ
кустъ.
Подъѣзжалъ тутъ мужикъ дере-
венщина:
Онъ слѣзаль съ кобылки соло-
венькой,
Подходилъ къ своей сошкѣ кле-
новенькой,
Брался ручкой одной да попехи-
валъ,
Изъ земельки онъ сошку выдер-
гиваль,
Съ сошниковъ онъ земельку
вытряхиваль,
Онъ палицей камлыжки соскре-
бываль,
А и бросилъ сошку за ракитовъ
кустъ.
На добрыхъ коней сѣли,—поѣхали.

4. Выѣзжаютъ они на дороженьку,—
Мужикова кобылка ходой идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь ужъ по-
скакиваетъ;
Мужикова кобылка рысцей пошла,
А Вольгинъ-отъ ужъ конь оста-
ваться сталъ.

Передомъ мужикъ ѣдетъ, не
тряхнется,—
Во всю прыть Вольга ѣдетъ су-
гоною.
Мужику тутъ Вольга сталъ по-
крикивать.
Мужику колпакомъ сталъ пома-
живать:
«Ты, мужикъ-пахарекъ, ты постой,
пожди,
За тобою, мужикъ, не угонишься».
На Вольгу тутъ мужикъ пригля-
нулся,
Сталъ кобылку свою укорачи-
вать,—
И поѣхали шагомъ дорожкой.
Взговорить ли Вольга таковы
слова:
«У тебя ли, мужикъ, лошадь
добрая;
Кабы лошадь твоя да конькомъ
была,
За лошадку цѣна бы пятьсотъ
рублей».
Говорить ли мужикъ таковы слова:
«А и глупъ ты, Вольга, глупо
сказываешь,
Я кобылочку взялъ изъ-подъ
матери,
За сосунчика далъ я пятьсотъ
рублей;
А конькомъ бы была—ей и смѣты
нѣтъ».
Взговорить ли Вольга таковы
слова:
«А и какъ ты, мужикъ, звать по
имени,—
Величать тебя какъ по изотче-
ству?»
Говорить ли мужикъ таковы слова:
«А я ржи напашу, во скирды
сложу,
Домой выволоку, дома вымолочу,
Да и пива сварю, мужиковъ
сзову;
И почнуть мужики тутъ покли-
кивать:
Гой, Микула-свѣтъ, ты Мику-
лушка,
Свѣтъ Микулушка, да Селяни-
новичъ!»

69. Посѣвъ.

Давно пришла пора сѣять, да время стояло вѣтряное. Мужики, хотя и говорили, что «уйдетъ пора — не воротишь», однако за посѣвъ не принимались. «А что,—спросилъ я у сосѣда Карпа,—никакъ ужъ ты двѣ недѣли справляешься сѣять?» — «Двѣ недѣли справляюсь, это правда, батюшка, да, вишь, все вѣтреное время стоитъ,—сѣять никакъ нельзя». — «Неужели такъ-таки и нельзя?» — спросилъ я опять сосѣда. — «Вѣтрено — нельзя, ужъ это дѣло извѣстное». — «Однако попробуемъ,—сказалъ я Карпу,—возьми сѣмена да лукошко и пойдемъ въ поле — вѣдь тутъ близко». Мужикъ согласился идти.

Въ полѣ я поставилъ Карпа спиною къ вѣтру, пустилъ его и сказалъ: «А ну-ка сѣй, что будетъ» Онъ прошелъ до конца поля и сталъ. «Этакъ-то можно,—сказалъ онъ,—да вотъ теперь-то какъ?» Я снова взялъ его за руку, привелъ на прежнее мѣсто, опять оборотилъ его отъ вѣтра и пустилъ. «Ну, теперь сѣять можно?» — «Можно... да этакъ тяжело, потому что одинъ конецъ попусту приходится идти?» — «Постарайся окончить свое дѣло и тогда увидишь, что ходить-то приходится не попусту». Мужикъ послушался, и въ тотъ же день засѣялъ всю полосу.

Черезъ недѣлю красная щетинка все Карпово поле покрыла, а у сосѣдей его къ тому времени еще не былъ высѣянъ свой хлѣбъ: все еще вѣтеръ мѣшалъ. Зато у сосѣдей хлѣбъ родился самъ-четверть да и поменьше, а у Карпа онъ пришелъ въ закромъ самъ-пять съ половиною.

В. Даль.

Пословица: Работа да руки — надежныя поруки.

70. Слава труду.

Пышно встали наши нивы,
Всѣ въ колосьяхъ золотыхъ.
Мать природа! — даръ счастливый
Ты несешь изъ нѣдръ своихъ...
Слава тѣмъ, кто потрудилися
Надъ кормилицей-землей, —
Кто не трутнемъ въ мѣръ родился,
А работницей-пчелой!..

День встаетъ, — твори молитву!
Просыпайся! — день встаетъ...
И съ серпомъ иди на битву,
Гдѣ не кровь, — а льется потъ.
День встаетъ, — пусть рабъ лѣ-
нивый
Спитъ еще въ его лучахъ...
Но свободный и счастливый

Честный труженикъ—въ поляхъ.
Въ день, глядишь, и нива сжата,—
Сѣно скошено въ лугахъ...
Отъ восхода до заката
Поработай на поляхъ!

Честный трудъ даетъ народу,
Вмѣстѣ съ жатвой полевой,
Смѣлость, гордость и свободу,
Въ битвѣ—пыль, въ дому—покой!

В. Немировичъ-Данченко.

Пословицы. *Лѣнь къ добру не приставитъ. На Бога уповай, а безъ дѣла не бывай. Работай до поту—и попишъ въ охоту. Станешь лѣниться,—будешь съ сумой волокаться.*

71. Милостыня.

Мнѣ видится длинный рядъ бѣдныхъ избѣ, до половины занесенныхъ снѣгомъ. По тропинкѣ съ трудомъ пробирается мужичокъ въ заплатахъ. У него виситъ холстинная сума черезъ плечо, а въ рукахъ длинный посохъ. Онъ подходитъ къ избѣ и колотитъ посохомъ, приговаривая: «Сотворите святую милостыню». Одна изъ щелей, закрытыхъ крошечнымъ стекломъ, отодвигается, высовывается обнаженная загорѣлая рука съ краюхою хлѣба. «Прими Христа ради!»—говоритъ голосъ. Краюха падаетъ въ мѣшокъ, окошко захлопывается. Нищій, крестясь, идетъ къ слѣдующей избѣ: тотъ же стукъ, тѣ же слова и такая же краюха падаетъ въ суму.

И сколько бы ни прошло старцевъ, богомольцевъ, убогихъ, калѣкъ,—передъ каждымъ отодвигается крошечное окно, каждый услышитъ: «Прими Христа ради»; загорѣлая рука не устаетъ высовываться, краюха хлѣба неизбѣжно падаетъ въ каждую подставленную суму.

И. Тургеневъ.

Пословица: *Дорого при пожарѣ ведро воды, а при бѣдности—подаваніе.*

72. Нищіе.

И вечерней и ранней порою
Много старцевъ и вдовъ и сиротъ
Подъ окошками бродитъ съ сумою,
Христа ради на помощь зоветъ.
Надѣваетъ ли сумку неволя,
Неохота ли взяться за трудъ?

Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!
Не откажутъ тебѣ въ подаваньи,
Не умрешь ты безъ крова зимой...
Жаль разумное Божье созданье—
Человѣка въ грязи и съ сумой!..

И. Никитинъ.

Пословицы. *У матушки сошки—золотые рожки. Пашешь—плачешь, а жнешь—скачешь. Кто пахатъ не лѣнится, у того и хлѣбъ родится.*

73. Крестьянскія дѣти.

І. Сироты.

У избы Ивана Парамонова стоялъ старый его Сивка, запряженный въ большую телѣгу, и въ нее безъ всякаго парада, даже безъ священника, выносили изъ избы и уставляли два домовища, два еле сколоченныхъ изъ неокрашенныхъ еловыхъ досокъ гроба, съ тѣлами хозяевъ избы. Спереди, на грядки, кое-какъ примостился и взялъ вожжи Никита *), и нехитрая процессія тронулась.

За телѣгою шли только Маша, съ ребенкомъ на одной рукѣ, и рядомъ съ ней Павлуша **). Мужики, выносившіе гробы, стояли безъ шапокъ, крестились и кланялись; въ оконцахъ избы виднѣлись головы и лица, осѣнявшія себя крестнымъ знаменіемъ и провожавшія покойниковъ вздохами и поклонами.

Подъ непривычной рукой, Сивка тихо, неохотно, едва передвигая ногами, уныло опустил голову и уши, бредетъ по пыльной проселочной дорогѣ, везя своего друга къ послѣднему жилищу на вѣчную разлуку.

Никита сидѣлъ молча, угрюмо посматривая на дорогу и на лошадь, раздумывая о будущей судьбѣ, нуждѣ и горѣ, которыя ждутъ впереди сиротокъ, и не отыскивая въ головѣ никакого слова, которое бы онъ могъ имъ сказать въ утѣшеніе. «Больно ужъ они малы остались», — размышлялъ онъ. — «Ну что, хоть бы и Машутка, — ну что — двѣнадцать годковъ? велика ли сила? Ай, трудно, тяжело имъ будетъ».

— Измаялась ты съ ребенкомъ... Далеко, вѣдь, до села-то... Дай-ка мнѣ, — я подержу; ничего, не убью, небось...

— Нѣтъ, вѣдь не пойдетъ, обречется... Ничего, я сама донесу...

— А сродственниковъ-то, кажись, нѣтъ у васъ? — продолжалъ Никита.

— Есть одна тетка... Сестра она тяткѣ-то была — сводная.

— Вотъ она, можетъ, возьметъ паренька-то... меньшинькаго-то...

— Сашку-то? — быстро спросила Маша, охватывая

*) Бѣдный крестьянинъ изъ той же деревни. Во время холеры онъ безъ страха помогать хоронить покойниковъ.

**) Родители Маши и Павлуши въ одинъ день умерли отъ холеры.

братишку свободной рукой и прижимая къ себѣ.—Почто... Нѣту, я не отдамъ... Да и она не возьметъ: больно малъ... хлопотно вѣдь съ нимъ... Не на ногахъ еще; возиться съ нимъ надо...

— Ну, такъ вотъ старшаго, Павлушу: этотъ на своихъ ногахъ и шустрый, въ работѣ скоро помогать станетъ; его возьметъ, чай, тетка-то съ радостью... Да и чужіе, кто бездѣтныя, примутъ, въ сынки возьмутъ.

— Я не пойду... Не хочу я... Я съ Машкой стану жить!—раздражительно возразилъ Павлуша...

— Не пойдешь... Радъ бы не пошелъ, да коли кормиться-то нечѣмъ будетъ... Сестренкѣ-то одной васъ не поднять: велика ли она сама-то... Вотъ братишку-то нести—смотри-ка, какъ смаялась... Скоро ли еще онъ на свои-то ноги встанетъ.

— Давай мнѣ за закорки: я понесу,—сказалъ Павлуша.

— Ну, ужъ иди, иди—одинъ-то: сама донесу.—Но Павлуша присталъ къ сестрѣ и добился того, что она отдала ему брата. Сашка былъ очень доволенъ и улыбался, сидя на спинѣ у брата.

— И Сашку не отдадимъ, и самъ не пойду... Такъ и будемъ жить всѣ вмѣстѣ... съ Машкой,—рѣшительно сказалъ Павлуша, бодро шагая около сестры.

— И батюшка наказывалъ, чтобы какъ можно дома не рѣшать,—вспомнила Маша и залилась слезами отъ новаго приступа тоски и горя.

Никита съ сочувствіемъ прислушивался къ этой дѣтской бесѣдѣ и съ грустью любовался ихъ смѣлостью и готовностью идти на борьбу съ предстоящей нуждой, лишениями и беспомощностью.

— Живите, живите, дѣтки, сиротки горемычныя,—говорилъ онъ,—живите въ одной кучкѣ, другъ за дружку держитесь крѣпче, не расходитесь, другъ дружкѣ помогайте... Нѣтъ того лучше, какъ свой уголъ, своя изба, свой, не чужой, не оговоренный кусокъ.

— Я тяткѣ съ мамкой обѣщалася, что дома рѣшать не буду и братьевъ въ своемъ дому подниму,—просто, но твердо сказала Маша.

Никита рѣшился въ душѣ предложить себя въ опекуны къ малолѣтнимъ и даже настойчиво добиваться этого на міру, но разговоръ объ этомъ съ дѣтми отложилъ до времени.

II. Опекунъ.

Въ одинъ изъ ближайшихъ праздниковъ вся деревня собралась на сходъ, чтобы осмотрѣть, сосчитать убылыхъ, сообразить, что дѣлать съ землей, оставшейся безъ хозяевъ. Унылые, печальные сходились крестьяне; ни одного веселаго, улыбающагося лица. Всѣ почти крестьянки были повязаны бѣлыми платками,—единственный трауръ, который онѣ носятъ.

— Ну, что же, православные,—началь староста:—намъ надо въ землѣ разобраться.

Староста остановился и вздохнулъ. Вздохнула за нимъ и вся сходка, точно одной грудью. Нѣсколько секундъ продолжалось полное, унылое молчаніе.

Дошла очередь и до нашихъ сиротъ.

— Объ этихъ и толковать нечего,—замѣтилъ кто-то въ толпѣ:—ни отца, ни матери не осталось и сами малолѣтки... Землю отъ нихъ всю подъ міръ, въ передѣлъ пустить, и къ нимъ опекуна избрать.

— Знамо,—подтвердило нѣсколько голосовъ.

— Да къ коему дѣлу опекуна-то приставлять безъ земли,—замѣтилъ одинъ изъ мужиковъ.—Раздать ребятъ-то по домамъ, а скотъ и дворъ съ избой продать...

Большинство схода присоединилось къ этому послѣднему мнѣнію. Тогда, неожиданно для всего міра, выступилъ Никита Кулявый *) и держалъ за руку Машу.

Кулявый раскланивался съ міромъ на все стороны; подражая ему, кланялась и Маша.

— Я къ вамъ, господа міряне,—заговорилъ онъ наконецъ, придерживаясь за плечо Маши.—Пришелъ проситься послужить обществу... Покойникъ Иванъ Парамоновъ, передъ тѣмъ, какъ душѣ съ тѣломъ разстаться, наказывалъ вотъ дочкѣ своей, Машуткѣ, чтобы дома не рѣшать, хозяйство все блюсти, отъ полосы не отказываться, и малыхъ ребятъ, братишекъ ея, на своей землѣ, въ своемъ дому поднять и мужиками сдѣлать... Машутка родителю своему въ томъ и обѣщаніе дала... И желаютъ они вотъ, ребятишки малые, землю за собой оставить, жить своимъ домомъ, въ одной кучкѣ... Вотъ помилуйте, господа міряне,—не оставьте въ томъ сиротокъ круглыхъ... Какъ Богъ, такъ и вы...

— Какъ то можетъ статься,—заговорили въ толпѣ.—Гдѣ имъ тягло вытянуть... Гдѣ имъ съ полосой управиться...

*) Прозвище.

Когда шумъ и говоръ схода поутихъ, Кулявый опять продолжалъ свою рѣчь:

— А вы, господа міряне, послушайте... и поразсудите милостиво... Извѣстно, они дѣти малыя; да они умныя, степенныя дѣти, не балованныя... Опять же сиротки: и нужды, и горя—всего много про нихъ припасено, не до баловства имъ будетъ... А для наглядки и всякаго совѣта и разсужденія, по малому ихъ разуму и мало-силью, нужно имъ опекуна приставить... Такъ вотъ, коли въ угоду міру честному, я бы послужилъ: соблюдалъ бы сиротокъ для общества и во всякомъ бы дѣлѣ и помогъ, и поучилъ, и наставилъ... Вотъ, Машутка, проси міръ честной, кланяйся.

Маша поклонилась сходу.

— Помилуйте, господа міряне, не оставьте: приставьте къ намъ дядюшку Никиту; а мы будемъ стараться изо всѣхъ силъ. Работать станемъ, какъ можно; чего не знаемъ, дядюшка Никита научить; а чего не осилимъ,—міръ православный помощь какую окажетъ... Не разводите только насъ съ братьями, дома нашего не рѣшайте... Не оставьте, господа міряне...

Маша опять поклонилась на всѣ стороны.

Міръ былъ тронутъ: на серьезныхъ, грубыхъ, сосредоточенныхъ и мрачныхъ лицахъ показалась мягкая и привѣтливая улыбка.

— Эка дѣвочка умная... Эка болѣзная... Эта не пропадетъ... По отцамъ дѣтки... Иванъ-то былъ, покойникъ, мужикъ стоящій, куда угодно... И мать баба работная была, съ разсудкомъ,—говорить нечего...

Такія и подобныя мнѣнія слышались въ толпѣ.

— Ну, коли такъ,—будь по твоему,—объявилъ староста Никитѣ рѣшеніе схода:—отдаетъ тебѣ на руки міръ ребятъ, сиротъ этихъ самыхъ. Принимай, соблюдай ихъ, учи уму-разуму, сдѣлай людьми... Богъ самого тебя за это дѣло не оставитъ... И землю у нихъ отбирать не станемъ... Хозяйствуйте съ Богомъ!

III. Трудовая жизнь.

Въ субботу ступинскіе крестьяне сдѣлали зажинъ, то-есть положили начало жнитву,—той тяжелой работѣ, которая называется страдою. Нѣсколько недѣль сряду, изо дня въ день, съ утра до вечера поздняго, будутъ теперь крестьяне съ серпами въ рукахъ стоять, нагнувшись до

земли, подрѣзать, собирать въ снопы сжатый хлѣбъ; съ утра до заката будетъ палить ихъ согнутыя спины горячее лѣтнее солнышко; начнутся боли въ поясницѣ, ломотушка въ усталыхъ рукахъ и ногахъ... Замолкнуть въ деревняхъ не только пѣсни, но даже и веселыя, шумныя рѣчи...

Страдная пора, тяжелая работа.

Маша ходила на жнитво заурядъ со всѣми ступинскими бабами. Каждое утро, послѣ того, какъ обсохнетъ роса, она клала на плечо серпъ, брала за руку Сашу и шла на свою полосу, въ сопровожденіи Павлуши, который, также съ серпомъ на плечѣ, несъ въ рукахъ черный глиняный кувшинъ съ водою для питья. И съ перваго же дня, вооружившись маленькимъ серпомъ сестры, онъ приучился жать; сначала дѣло у него шло плохо: онъ путалъ и рвалъ рожь, нѣсколько разъ обрѣзалъ себѣ пальцы,—но работалъ упорно и неутомимо.

Бабы, жившія по сосѣдству, съ улыбкой удовольствія посматривали на этихъ работавшихъ дѣтей, и, проходя мимо, каждая изъ нихъ считала долгомъ остановиться и сказать имъ ласковое, ободряющее слово.

— Ай да ребяташки, ай да работнички...—говорила одна.—Поспѣшай, поспѣшай, паренекъ,—не отставай отъ сестры-то, не отставай...

— Машутка, чай устала, дурочка? — спрашивала другая.

— Нѣтъ...

— Какъ нѣтъ: мы повыносливѣй тебя, да и то спинушка переломилась... Дай-ка, прихвачу я тебѣ...

И то та, то другая, идя въ поле или уходя съ него, сжинали въ помощь Машѣ по три, по пяти сноповъ. А молоденькія дѣвушки, ровесницы и сверстницы Маши, каждый день, возвращаясь со своей работы и находя Машу на своей работѣ, помогали ей.

Наши сиротки не знали праздниковъ и зимою. Вотъ какъ проходилъ ихъ день. Рано утромъ, пока еще не начинало свѣтать сквозь замерзшія окна избы, прежде всѣхъ поднималась Маша, будила старшаго брата, и тотчасъ же оба, накинувши на плечи кафтанъ или шубенку, принимались за дѣло. Маша брала коромысло съ двумя ведрами и отправлялась къ колодцу, а Павлуша вооружался веревкой или корзиной и шелъ въ сарай за кормомъ для скота. При скрипѣ отворявшихся дверей и воротъ, они

оба съ удовольствіемъ слушали ржанье Сивки, мычанье Буренки, блеянье овцы, которыя привѣтствовали пробудившихся хозяевъ и напоминали о себѣ. Хозяева привѣтливо откликивались каждый своему любимцу.

Самая тяжелая работа предстояла Машѣ. Колодезь стоялъ на серединѣ деревни, далеко отъ ихъ избы; за ночь вѣтромъ надуло сугробовъ, въ которые ноги уходятъ выше колѣнъ; около колодца налитая вода обледенѣла, нога скользитъ по ней: того и смотри, упадешь, особенно подъ тяжестью двухъ налитыхъ водою ведеръ.

Пока наносили воды, натаскали корма, уже совѣмъ разсвѣло; Павлуша раскладываетъ кормъ по яслямъ, по корытамъ, Маша доитъ Буренку. Потомъ она торопится стряпать, чтобы поскорѣе управиться, пока не протопилась печь.

Нужно было раза два въ недѣлю замѣсить хлѣбъ,—опять работа тяжелая, требующая большихъ усилій.

Управившись со стряпней и давши въ руки проснувшемуся Сашкѣ кусокъ хлѣба, Маша садилась за станъ, а Павлуша въ это время, подъ наблюденіемъ и по указанію сестры, кормилъ Буренку. Его же дѣло было въ то же время водиться съ Сашей...

Такъ проходили дни за днями, какъ двѣ капли воды похожіе одинъ на другой; праздники отличались только тѣмъ, что Маша не ткала и давала Павлушѣ больше времени и свободы баловаться на улицѣ съ ребятами.

IV. Мірская «помочь».

— Ну, Машутка, припасайся,—завтра придемъ къ тебѣ ячмень жать. Надо вамъ, сироткамъ, пособить!—говорили вечеромъ въ субботу бабы.

— За неоставленіе ваше благодаримъ покорно,—отвѣчала Маша, кланаясь,—только не забудьте,—припасъ-то у меня больно плохъ!

— Ну-ка, отстань! Чего съ тебя спрашивать по сиротству твоему! Не все для угощенія, надо и для Бога постараться.

Маша еще разъ поклонилась, поблагодарила бабъ и побѣжала совѣтоваться съ Кулявымъ. Тотъ надоумилъ Машу обратиться къ бабушкѣ Офросинѣ съ просьбой пособить въ «помочи». Бабушка охотно согласилась. Поставили квашню на пироги и хлѣбъ, Павлуша нарылъ кар-

тофелю на огородѣ, бабушка Офросинья промыслила гдѣ-то кислой капусты. А Кулявый куда-то ушелъ,—и воротился веселый и довольный: онъ принесъ нѣсколько фунтовъ гороху и велѣлъ его разварить.

Рано утромъ, до восхода солнышка, всѣ были на ногахъ.

— Вотъ что, Машутка,—сказалъ Кулявый,—ты ступай-ка на полосу да сама стань съ бабами-то жать: имъ охотнѣе съ хозяйкой-то будетъ. А какъ пироги испекутся, я съ Павлушей принесу пополдничать, а обѣдать-то попозже будемъ.

— Не осердились бы, что долго ждать-то,—сказала Маша.

— Ну, ужъ, иди, иди,—тамъ видно будетъ. Я самъ приду.

Маша пришла на полосу, когда бабы устанавливались для жнитва.

— Али и сама хочешь пожать?—встрѣтили ее бабы.—Ужъ полно, отдохнула бы, и безъ тебя нажнемъ.

— Покорно благодаримъ на неоставленіи вашемъ, а мнѣ зазорно: вы будете про меня работать, какъ же я-то буду стоять да смотрѣть! Нѣтъ ужъ дозвоьте и мнѣ!

— Ну, ну, становись! И то сказать, хозяйка! Господи, благослови на сиротскую прибыль.

Серпы зашуршали по соломѣ. Солнышко еще было не высоко; въ воздухѣ стояла утренняя прохлада; жалось скоро и весело.

— Ай да Машутка! ай да дѣвонька, умница! Смотри-ка, изловчилась жать-то, ровно большая,—говорили бабы, ласково улыбаясь.—Спина-то болитъ ли, Машутка?—отъ времени до времени перекидывались вопросомъ бабы, приподнимаясь, чтобы свить поясокъ для снопа изъ ржаной соломы или связать и принести въ пятокъ сжатый снопъ.

— Побаливаетъ,—отвѣчала Маша.

— А руки-то да ноги ноютъ?

— Ноютъ.

— То-то, ласковая!—жалостливо приговаривали бабы.—Ото такая наша работка. Не до тебя доведись,—малаго человѣка, а и у нашей сестры, и то иной разъ, что рученьки, что спинушка,—такъ и не слышишь,—ровно не свои! Всю разломить! Всѣмъ-то отъ Отца Небеснаго свое дѣло указано: ты вотъ, баба, жни; земля—хлѣбца роди;

съ неба солнышко свѣтитъ, дождичекъ идетъ. Никто не живетъ безъ дѣла: курочка и та яички несетъ, человѣку служить.

Пришло время, стали жнеи поглядывать на солнышко, — ѣсть захотѣлось. Но Кулявый не дремалъ. Бабы скоро увидали его съ Павлушей и догадались, что несутъ завтракъ. Но никто и виду не показалъ, что замѣтилъ приближеніе Куляваго, — всѣ работали еще прилежнѣе прежняго.

— Богъ на помощь, бабоньки! — сказалъ Кулявый.

— Богъ спасетъ! — отвѣчали бабы, не переставая жать.

— Ну, хозяйюшка, — обратился Кулявый къ Машѣ, — не пора ли жнеюшкамъ-то перекусить? Кланыяся-ка, да проси!

— Пожалуйте, не обезсудьте! — проговорила Маша, кладя серпъ на плечо и кланаясь. — Бабы тотчасъ же прекратили работу и стали усаживаться въ кружокъ.

— Машута, рѣжь пироги-то съ Павлушкой, — сказалъ Кулявый, — да подавай.

Бабы всѣ были очень довольны оказаннымъ отъ сиротъ вниманіемъ, очень повеселѣли и рѣшили, что какъ никакъ, а надо до обѣда сжать сиротамъ весь ячмень.

За обѣдомъ онѣ были снова удивлены! Сверхъ всякаго ожиданія, поданы были два варева: щи съ горохомъ и горохъ самъ по себѣ; а въ заключеніе — на столъ была поставлена чашка съ медомъ. Помочанки совсѣмъ развеселились, обѣщали помощью и овесъ выжать.

— Покорно благодаримъ, Машутка! Никита Ларивонычъ! бабушка Офросинья! Много довольны! Надѣйтесь напредки, только бы маленечко-маленечко со своимъ хлѣбомъ управиться! Опять придемъ, надѣйтесь!

Этотъ день былъ праздникомъ и для сиротъ: они давно не лакомились такими вкусными кушаньями, какія ѣли съ помочанами.

А. Потьгинъ.

Пословицы и изреченія. *Плохо жить безъ работы, худо безъ добраго слова. Не работа сушитъ, а забота. Хочешь псть калачи — не лежи на печи.*

74. Крестьянскія дѣти.

I.

...Кто часто ихъ видѣлъ,
Тотъ, вѣрю я, любитъ крестьян-
скихъ дѣтей.

Счастливый народъ! пи науки, пи
нѣги
Не вѣдаютъ въ дѣтствѣ они.

Я дѣлывалъ съ ними грибные
набѣги,
Раскапывалъ листья, обшаривалъ
пни;
Старался примѣтить грибное мѣ-
стечко,
А утромъ не могъ ни за что оты-
скать.
«Взгляни-ка, Савося, какое ко-
лечко».
Мы оба нагнулись да разомъ и
хвать
Змѣю! Я подпрыгнулъ: ужалила
больно!
Савося хохочетъ: «попался спро-
ста!»
Зато мы потомъ ихъ губили до-
вольно
И клали рядкомъ на перила
моста:
Должно-быть, за подвиги славы
мы ждали...

У насъ же дорога большая была,
Рабочаго званія люди сновали
По ней безъ числа:
Копатель канавъ, воложанинъ,
Лудильщикъ, портной, шерсто-
бить;
А то въ монастырь горожанинъ
Подъ праздникъ молиться катить.
Подъ наши густые, старинные
вязы
На отдыхъ тянуло усталыхъ людей.
Ребята обступятъ; начнутся раз-
сказы
Про Кіевъ, про турку, про чуд-
ныхъ звѣрей.
Иной подгуляетъ, такъ только
держиса,—
Начнетъ съ Волочка, до Казани
дойдетъ;
Чухну передразнить, мордву, че-
ремиса,
И сказкой потѣшитъ, и притчу
вернетъ.

II.

Ухъ, жарко! До полдня грибы
собирали;
Вотъ изъ лѣсу вышли,—навстрѣ-
чу какъ разъ
Синѣющей лентой, извилистой,
длинной,
Рѣка луговая; спрыгнули гурьбой,
И русыхъ головокъ надъ рѣчкой
пустынной,
Что бѣлыхъ грибовъ на полянкѣ
лѣсной!
Рѣка огласилась и смѣхомъ, и
воемъ:
Тутъ драка—не драка, игра—не
игра...

А солнце палить ихъ полуден-
нымъ зноемъ.
Домой, ребятишки, обѣдать пора!
Вернулись. У каждого полно лу-
кошко;
А сколько рассказовъ! Попался
«косой»,
Поймали ежа, заблудились не-
много
И видѣли волка... У! страшный
какой!
Ежу предлагаютъ и мухъ и ко-
зявокъ,
Корнѣй молочко ему отдалъ свое—
Не пьетъ! Отступились...

III.

Кто ловить пѣвочку
На лавѣ, гдѣ матка колотитъ бѣлье;
Кто нянчить сестренку, двух-
лѣтнюю Глашку;
Кто тащить на пожню ведерко
кваску;
Та въ лужу забилась, а эта съ
обновкой,—
Сплела себѣ славный вѣнокъ:

Все бѣленькій, желтенькій, блѣ-
дно-лиловый
Да изрѣдка красный цвѣтокъ.
Тѣ спать на припекѣ, тѣ пля-
шутъ въ присядку;
Вотъ дѣвочка ловить лукошкомъ
лошадку,—
Поймала, вскочила и ѣдетъ на
ней.

Грибная пора отойти не успѣла,—
Гляди ужъ чернехоньки зубы у
всѣхъ;
Набили оскому: черника поспѣла!
А тамъ и малина, брусника, орѣхъ!
Ребяческій крикъ, повторяемый
эхомъ,
Съ утра и до ночи гремитъ по
лѣсамъ.
Испугана пѣньемъ, аukanьемъ
смѣхомъ,

Взлетитъ ли тетеря, закокавъ птен-
цамъ,
Зайчонокъ ли вскочитъ—содомъ!
суматоха!
Вотъ старый глухарь съ облия-
лымъ крыломъ
Въ кусту завозился... ну, бѣдному
плохо!
Живого въ деревню тащатъ съ
торжествомъ...

IV.

Довольно, Ванюша, гулялъ ты
не мало,
Пора за работу, родной!
Но даже и трудъ обернется сна-
чала
Къ Ванюшкѣ нарядной своей сто-
роной:
Онъ видитъ, какъ поле отецъ
удобряетъ,
Какъ въ рыхлую землю бросаетъ
зерно;
Какъ поле потомъ зеленѣтъ начи-
наетъ,
Какъ колосъ растетъ, наливаютъ
зерно.
Готовую жатву подрѣжутъ сер-
пами,
Въ снопы перевяжутъ, на ригу
свезутъ,

Просушатъ,—колотятъ, колотятъ
цѣпами,
На мельницѣ смелютъ и хлѣбъ
испекутъ.
Отвѣдаетъ свѣжаго хлѣбца ребе-
нокъ
И въ поле охотнѣй бѣжитъ за от-
цомъ.
Навьютъ ли сѣнца: «полѣзай, по-
стрѣленокъ!»
Ванюша въ деревню въѣзжаетъ
царемъ...
Играйте же, дѣти! Растите на
волѣ!
На то вамъ и красное дѣтство
дано,
Чтобъ вѣчно любить это скудное
поле,
Чтобъ вѣчно вамъ милымъ каза-
лось оно.

Н. Некрасовъ.

Изреченія. *Дѣтки растутъ, какъ грибки. Дитя ху-
денъко, а отцу и матери миленько. Дай Богъ дѣтей
вспоить, вскормить, добру научить.*

75. Крестьянскій огородъ и садъ.

Съ деньгами въ карманѣ или съ хлѣбомъ въ амбарѣ
съ голоду не умрешь. Да не у всякаго въ карманѣ де-
нежки водятся; не каждый годъ и амбаръ полонъ бы-
ваетъ: въ сухое лѣто не только что хлѣба, но и лебеды
въ полѣ не вырастаетъ.

Вотъ въ такую-то годину хорошій огородъ отъ го-
лодовки спасетъ. Вырастить овощи не такъ трудно и въ
сухое лѣто, — воды для огорода хватитъ въ колодцѣ, въ
ручѣ, въ запрудѣ; а овощи—хлѣбу замѣна. Хорошо съ

огородомъ и въ урожайный годъ: въ посты безъ овощей, кромѣ хлѣба, и ѣсть нечего, а капуста да картофель хорошій приварокъ дадутъ; съ огурцомъ да съ рѣпой, съ лукомъ да съ рѣдкой и хлѣбъ вкуснѣе. А свежи овощи на базарѣ, такъ и лишняя копейка въ карманѣ заведется: безъ овощей, какъ и безъ хлѣба, не прожить горожанину; купить ихъ и всякій безземельный работникъ.

Хорошо съ огородомъ хозяину жить, а еще лучше, какъ при огородѣ хотъ небольшой садъ разведенъ. Пыльно и душно безъ деревьевъ въ лѣтнюю пору въ деревнѣ. Черныя избы стоятъ безъ защиты отъ жгучаго солнца. Скучные огороды позади избъ окружены, какъ заборомъ, высокимъ бурьяномъ. Сѣмена сорныхъ травъ летятъ въ огородъ, и хозяйка не успѣваетъ выпалывать гряды. Полу-денный вѣтеръ гуляетъ безъ помѣхи, сушитъ въ огородѣ землю. Попади, храни Богъ, въ сухое время куда-нибудь искра, и въ одинъ часъ огонь слижетъ всю деревню.

Совсѣмъ другое дѣло, когда возлѣ избъ да по задворкамъ, на мѣстѣ бурьяна и крапивы, и по огороду посажены фруктовые деревья. Деревня тогда кажется зеленымъ садомъ,—весело въ нее и вѣхаться. Подъ тѣнью деревьевъ нѣтъ духоты и зноя. Деревья охраняютъ на огородѣ ночную росу, оберегаютъ въ землѣ влагу,—и огороды свѣжи и урожайны. Да и пожаръ тогда не такъ страшенъ: густолиственные зеленые деревья—хорошая отъ огня защита. Мѣста деревья занимаютъ мало, а красоты и пользы отъ нихъ много.

Фруктовые деревья и лишній рубль въ карманъ хозяину положить: съ одной хорошей яблони въ урожай рубля три выручить можно. И уходу за деревьями немного: вскопать вокругъ землю, подсыпать перегною, вырѣзать сушь, обобрать весной гусеницу—не великое дѣло.

Сколько поту положить въ иныхъ мѣстахъ крестьянинъ на свою десятину, а хлѣбъ все плохо родится; въ огородѣ и въ саду легче работа, а прибыли часто бываетъ больше. Во многихъ деревняхъ по Волгѣ при каждомъ крестьянскомъ домѣ хотъ пятокъ яблоней посажено. И на поляхъ теперь, мѣстами, стали сажать фруктовые деревья.

Загадки. *Какое дерево мѣрз освѣщаетъ, крикъ утишаетъ, больныхъ исцѣляетъ, чистоту соблюдаетъ? Одни паны скинули кафтаны, а другіе не скинули.*

76. Пѣсня труженику.

«Ахъ, зачѣмъ, пѣвунья птичка,
Птичка рѣзавая моя,
Ты такъ рано прилетѣла
Въ наши дальніе края!
Заслонили солнце тучи,
Небеса заволокли,
И камышъ сухой и желтый
Клонить вѣтеръ до земли.
Вотъ и дождикъ, посмотри-ка,
Хлынулъ, словно изъ ведра;
Скучно! Холодно! Какъ будто
Не весенняя пора».
— Не для солнца, не для неба
Прилетѣла я сюда.
Въ камышахъ сухихъ и звонкихъ
Не совью себѣ гнѣзда.
Я совью его подъ кровлей
Горемыки-бѣдняка;
Богомъ я ему въ отраду
Послана издалека.

Въ часъ, какъ онъ, вернувшись съ
поля
Въ хату ветхую свою,
Ляжетъ грустный на солому,
Пѣсню я ему спою.
Для него я эту пѣсню
Принесла изъ-за морей,
Никогда ее не пѣла
Для счастливыхъ я людей.
Въ ней повѣдаю я много
Про иной чудесный свѣтъ,
Гдѣ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ,
Ни тревогъ, ни горя нѣтъ.
Эта пѣсня примиренье
Въ грудь усталую прольетъ,
И съ надеждою на Бога
Бѣдный труженикъ заснетъ.

И. Никитинъ.

77. Черный день пахаря.

Въ жизни пахаря, которая протекла такъ же покойно и тихо, какъ песокъ стеклянныхъ часовъ, было, однако жъ, одно сильное потрясеніе. На семью его пала рекрутская очередь. Его не предупредили объ этомъ, слова не сказали: думали сдѣлать лучше. Но разъ ночью пришли къ нему въ избу и захватили одного изъ сыновей его, перваго, который попался (говорятъ, потомъ объ этомъ онъ сказывалъ, что сердце его въ эту минуту сдѣлалось вдругъ тяжелымъ, какъ пудъ, и словно окаменѣло). Но случай этотъ поразилъ его такъ сильно только по своей неожиданности. Придя въ себя, старикъ побѣждалъ въ контору и просилъ, чтобы ему самому предоставили выборъ дѣтей. На другой день онъ отвезъ всѣхъ трехъ сыновей въ городъ.

До сихъ поръ еще многимъ лицамъ, присутствовавшимъ на ставкѣ, памятна сцена, когда, послѣ произнесенія очередного имени, въ дверяхъ присутствія явился вдругъ сѣдой шестидесятилѣтній старикъ.—«Ваше благородіе!—сказалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ членамъ присутствія,—очередь за моею семьею. У меня три сына... пытался—не могу выбрать; всѣ равно дороги!... Соблаговолите позвать всѣхъ трехъ... выбирайте ужъ лучше сами!...»—Въ ком-

нату вошли три парня, одинъ краше другого. Двое стали по правую руку отца, одинъ по лѣвую. Старикъ обнялъ поочередно всѣхъ трехъ и произнесъ, положивъ имъ сперва руку на голову: «Всѣ милы!... всѣ дороги!... всѣ хороши!...» Тутъ дыханіе стѣснилось въ груди его; онъ остановился, покачалъ головою, тяжело вздохнулъ и вдругъ залился слезами. Присутствующіе, тронутые его положеніемъ, стали его успокаивать. Онъ попросилъ позволенія кинуть жребій. Вынувъ изъ кошелька три мѣдные гроша, онъ подаль ихъ дѣтямъ, внимательно потомъ осмотрѣлъ каждый грошъ, положилъ на каждомъ знакъ зубами и велѣлъ бросить въ шапку.

— Вамъ, ваше благородіе, — сказалъ онъ, обратясь опять ко всѣмъ, — вамъ, я вижу... вы о нихъ также жалѣете... Прикажете ужъ лучше позвать какого ни-на-есть человѣка, который не видалъ меня съ ними... Пускай ужъ лучше онъ жеребій вынетъ... — Позвали солдата. Старикъ сказалъ ему: «Какъ вынешь жеребій, никому не показывай, мнѣ отдай». Жеребій вынутъ. Старикъ взялъ грошъ у солдата, отошелъ къ окну, взглянулъ на него, дрогнулъ, но тотчасъ же оправился, перекрестился и возвратился къ дѣтямъ. «Вася, — вымолвилъ онъ, обращаясь къ младшему, — Вася... голубчикъ мой! Подойди ко мнѣ», — онъ снова положилъ ему руку на голову, съ минуту глядѣлъ на него молча и, наконецъ, произнесъ: «ты былъ... да, былъ ты мнѣ хорошимъ сыномъ... будь же хорошимъ солдатомъ царю нашему!...» Онъ обнялъ его, благословилъ и, закрывъ лицо ладонью, пошелъ къ двери, плача какимъ-то дѣтскимъ плачемъ.

Д. Григоровичъ.

Пословица. *Который палецъ ни уколи — все больно.*

78. Демьянова уха.

«Сосѣдушка, мой свѣтъ,
Пожалуйста, покушай!»
— «Сосѣдушка, я сытъ по-горло». — «Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!»
— «Я три тарелки съѣлъ!» — «И, полно, что за счеты;
Лишь стало бы охоты, —
А то во здравье: ѣшь до дна!
Что за уха, да какъ жирна,
Какъ будто янтарею подернулась она.
Потѣшь же, миленькій дружочекъ!

Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!

Еще хотъ ложечку! Да кланяйся, жена!»

Такъ потчевалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку

И не давалъ ему ни отдыха, ни сроку;

А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.

Однакоже еще тарелку онъ беретъ,

Сбирается съ послѣдней силой

И очищаетъ всю. «Вотъ друга я люблю!»

Вскричалъ Демьянъ: «зато ужъ чванныхъ не терплю.

Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!»

Тутъ бѣдный Фока мой,

Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,

Схватя въ охапку

Кушакъ и шапку,—

Скорѣй безъ памяти домой,

И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

И. Крыловъ.

Пословица. *Что поставятъ, то и кушай, да хозяина въ домъ слушай.*

79. Свой и чужой хлѣбъ.

Много горя пришлось пережить подъ старость Глѣбу Саввичу. Старшіе сыновья отдѣлились, ушли съ семьями въ чужую сторону. Любимый младшій сынъ въ солдаты пошелъ. Остался Глѣбъ Саввичъ съ Григоріемъ-приемышемъ; но и отъ него старикъ видѣлъ одно только горе. Григорій былъ разгуленъ и непослушенъ, и работалъ только по принужденію. Женилъ Глѣбъ Саввичъ Григорія на Дунѣ, дочкѣ дѣдушки Кондратія (сосѣда рыбака), но и съ женой Григорій неладно жилъ: обижалъ часто ее. И при семьѣ жилъ Глѣбъ Саввичъ, а все какъ будто одинъ.

Дѣдушка Кондратій въ хатѣ своей, на озерѣ жилъ; не весело живетъя одинокому. Взгрустнется когда старику, сходитъ онъ къ Дунѣ, попѣстуетъ внушка, проведетъ тамъ денекъ,—совсѣмъ мало силы стало у него.

И надумалъ Глѣбъ Саввичъ переманить къ себѣ на житье дѣдушку Кондратія; пошелъ на озеро и сталъ уговаривать старика.

— Перебирайся-ка ты ко мнѣ,—говорилъ Глѣбъ Саввичъ:—лучше дѣло-то будетъ. Жили мы съ тобой почти двадцать лѣтъ по-сосѣдски, ладно и безобидно. Да ты намъ не чужой: дочка твоя живетъ въ моемъ домѣ,—по-роднились!

— Спасибо, Глѣбъ Саввичъ, на добромъ словѣ,—ласково сказалъ дѣдушка Кондратій:—говоришь ты со мной

по душѣ, потому и я долженъ съ тобой по душѣ говорить. Худъ буду я человѣкъ, если тебя послушаю; неправильно поступлю, согрѣшу противъ совѣсти! Вотъ ты говоришь: приходи жить ко мнѣ! Хорошо: польщусь я на твое доброе слово,—приду. Значитъ, стану только даромъ хлѣбъ ѣсть, за «спасибо» стану объѣдать тебя!.. Положимъ, ты не взыщешь по добротѣ своей,—такъ люди осудятъ. А пуще того—попрекнетъ своя совѣсть... Послушаю я тебя,—неудное сотворю передъ Господомъ! Пока Господь грѣхамъ терпитъ, не отнимаетъ рукъ, пока глаза видятъ, долженъ всякъ человѣкъ пробавляться самъ собою. Всякая тварь на землѣ,—муравей, мошка какая-нибудь, и та трудится; а человѣкъ долженъ и подавно! Коли трудишься,—радуешься за жизнь, доволенъ ею. Труды—наша благодарность Господу за Его великія для насъ милости! Святые отцы, Глѣбъ Саввичъ, въ трудахъ жили! Апостолы Христовы также трудились,—были, какъ и мы, рыбаки!

— Развѣ я говорю: приходи, дядя, ко мнѣ даромъ хлѣбъ ѣсть? Зову тебя къ себѣ на подмогу: станешь мнѣ подсоблять. Въ чемъ не осилишь,—ну Богъ съ тобою! Попрекать да понукать не стану: не тотъ ты человѣкъ,—неохотникъ сидѣть сложа руки.

— Самъ посуди,—сказалъ добродушно дѣдушка Кондратій,—какая я тебѣ помога? Лишняя тягота, лишніе зубы при хлѣбѣ.

— Да вѣдь кормиться-то надо же: человѣкъ безъ хлѣба не живетъ! Придетъ пора, силы-то совсѣмъ не станутъ, тогда что?

— Пока буду трудиться по мѣрѣ силъ своихъ: по силѣ и трудъ, по труду и пропитаніе,—сколько поработаю, столько и съѣмъ; а тамъ, что Богъ дастъ! Самую что ни на-есть мелкую птичку—и ту не оставляетъ Господь безъ призрѣнія! Не мало и добрыхъ людей посылаетъ Господь на помощь неимущему! Тогда къ тебѣ приду, Глѣбъ Саввичъ!

— Чѣмъ тогда кланяться, ступай лучше теперь: самъ зову!

— Нѣтъ, кланяться и тогда не стану: земля землѣ не кланяется. А такъ, зная твою добрую душу, приду и скажу:—«не подъ силу, молъ, достать хлѣбецъ своими трудами; дай уголокъ, помереть спокойно...» Только и скажу!

Такъ и остался дѣдушка Кондратій въ своей хатѣ на озерѣ.

Д. Григоровичъ.

80. Внезапное горе.

Вотъ и осень прошла. Убранъ хлѣбъ золотой..
Все гумно у сосѣда завалено.
У меня только смотритъ оно сиротой:
Ничего-то на немъ не поставлено!..
А ужъ я ль свою силу для пашни жалѣть?
Быль лѣннѣ за любимой работою,
Иль, какъ надо, удобрить ее не успѣлъ,
Или началъ посѣвъ съ неохотою?
А ужъ я ли кормилицѣ, теплой веснѣ,
Не былъ радъ и обычая стараго
Не держался,—для гостѣи, съ людьми наравнѣ,
Не затеплилъ свѣчи воску яраго?
День и ночь все я думалъ: авось, молъ, дождусь!
Стану осенью рожь обмолачивать,—
Все, глядишь, на одежду дѣтишкамъ собьюсь
И оброкъ буду впору уплачивать.
Не дозрѣла моя колосистая рожь,
Крупнымъ градомъ до корня побитая!
Ужъ когда же ты, радость, на дворъ мой войдешь?
Охъ, бѣда ты моя непокрытая!
Посидятъ, вѣрно, дѣтки безъ хлѣба зимой,
Безъ одежды натерпятъ холоду..
Привыкайте, родимыя, къ долгѣ худой!
Закаляйтесь въ кручинушкѣ смолоду!
Всѣмъ не стать—пировать... къ горькимъ горе идетъ,
Съ ними всюду какъ другъ уживается,
Съ ними сѣть и жнеть, съ ними пѣсню поетъ,
Когда грудь по частямъ разрывается!.

И. Никитинъ.

Пословицы. *Всякому своя бѣда горька. Чужая бѣда не даетъ ума. То не горе, коли безъ хлѣба не сужи-
валъ.*

81. Переселенцы.

Наступила послѣдняя ночь. Семья переселенца Тимо-
ея рѣшила выѣхать поутру. Всю эту ночь Катерина и
Маша не смыкали глазъ, хотя всѣ пожитки давно были
уложены на подводу, которая стояла подъ навѣсомъ. Какъ
только забѣлѣло на востокѣ, Катерина сказала: «Ну, пой-
демте всѣ въ поле,—пойдемте поглядѣть, можетъ въ по-
слѣдній...» Она не договорила и быстрыми шагами вышла
на улицу.

Поле занимало вершину одного изъ холмовъ, которые
окружали деревню. Катерина опустилась на колѣни, раз-
ложила платокъ и принялась накладывать въ него комки
земли.

— Это ты зачѣмъ, матушка?—спросила Маша.

— А то какъ же, дитятко, какъ же?.. Съ собою возь-
мемъ въ дальнюю чужую сторону... Память по родинѣ
землѣ останется...

Лицо Катерины приняло выраженіе тоски, и она за-
плакала, когда послѣдній разъ взглянула на поле.—«Про-
щай, мать сыра-земля, кормилица наша!»—сказала она,
не переставая креститься,—«прощай!.. Вскормила ты, взро-
стила меня и всѣхъ дѣтей моихъ... Не привелъ Господь
святымъ хлѣбцемъ твоимъ питаться до скончанія вѣка
нашего. Прости, кормилица!..»

Полчаса спустя, передъ избой Тимоеея стояла поря-
дочная толпа. Ворота заскрипѣли, заскрипѣла подвода, и
раздались глухія, сдержанные рыданія. Дорога шла черезъ
лугъ. Вскорѣ гумна стали закрывать улицу села. Семья
переселенца остановилась и въ послѣдній разъ взглянула
на свою родину. Всѣмъ было горько и больно: вѣдь ро-
дина то же, что мать родная—иногда и бьетъ она, а все
же крѣпко ее любишь.

Д. Григоровичъ.

*Пословицы: И за горами люди живутъ. И хлѣбъ по
своей сторонѣ скучаетъ.*

82. Жена ямщика.

Скоро будетъ полночь...

Тишина въ избѣ;

Только вѣтеръ воетъ

Жалобно въ трубѣ,

И горитъ лучина,

Издавая трескъ

И вокругъ дрожащій

Разливая блескъ.

Въ старомъ зипунишкѣ,

Прислонясь къ стѣнѣ,

Дремлетъ подлѣ печки

Мальчишъ на скамьѣ.

Слабо освѣщаетъ

Блѣдный огонекъ

Дѣтскую головку

И румянецъ щекъ.

Съ дремлющимъ малюткой

Рядомъ мать сидитъ

И, лаская сына,

Кротко говорить:

«Ты бы легъ, касатикъ,

Вѣдь ужъ ночь давно;

На-ка вотъ шубенку,

Вишь, какъ холодно».

— «А зачѣмъ же, мама,

Ты сама сидишь

И вечеръ все пряла

И теперь не спишь?»

— «Охъ, мой ненаглядный,

Прясть-то нѣтъ ужъ силъ,—

Что-то такъ мнѣ грустно,

Божій свѣтъ не милъ!

Пятая недѣля

Вотъ къ концу идетъ,

А досель отецъ твой

Вѣсточки не шлетъ.

Ну, Господь помилуй,

Если съ мужикомъ

Грѣхъ какой случился

На пути глухомъ:

Дѣло мое бабѣ,

Какъ тогда мнѣ быть?

Кто насъ, горькихъ, станетъ

Одѣвать, кормить?..»

— «Полно плакать, мама!»

Грустно сынъ сказалъ
И, поднявъ головку,
Тихо съ мѣста всталъ.

И къ щекѣ родимой
Онъ прильнулъ щекой,
И, заплакавъ горько,
Мать обнялъ рукой.

«Я не стану плакать;
Лягъ, усни, дружокъ,—
Я тебѣ соломки
Принесу снопокъ.

Постелю постельку,
А Господь пошлетъ—
Твой отецъ гостинецъ
Скоро привезетъ.

Новыя салазки
Сдѣлаетъ опять,
Будетъ въ нихъ сыпочка
По двору катать»...

И дитя забылось...
Снова мать прядетъ,
Ей отъ думъ-заботы
Сонъ на умъ нейдетъ.

Дымная лучина
Чуть въ свѣтцѣ горитъ,
Только вьюга какъ-то
Жалобнѣй гудитъ.

Мнится, будто стонетъ
Кто-то у крыльца,—
Словно провожаютъ
Съ плачемъ мертвеца..

Вотъ въ сѣняхъ избушки
Кто-то застучалъ.

— «Ахъ, отецъ!» проснувшись,
Мальчикъ закричалъ.

— «Вишь, морозъ какъ крѣпко
Дверь-то прихватилъ!»
Грубо гость знакомый
Вдругъ заговорилъ.

И мужикъ рукою
Сильно дверь рванулъ,
Въ избу вшелъ, снялъ шапку,
Съ платья снѣгъ стряхнулъ.

Осѣнивъ три раза
Грудь свою крестомъ,
Почесалъ затылокъ
И сказалъ потомъ:

— «Здравствуешь, сосѣдка!
Какъ живешь, мой свѣтъ?..
Экая погодка!
Слѣду въ полѣ нѣтъ!

Ну, не съ доброй вѣстью
Я къ тебѣ пришелъ:
Я лошадокъ вашихъ
Изъ Москвы привелъ».—

«А мой мужъ?» спросила
Ямщика жена,
И бѣлье снѣга
Сдѣлалась она.

— «Да, въ Москву пріѣхавъ,
Вдругъ онъ захворалъ,
И Господь бѣднягъ
По-душу послалъ.

На дворѣ съ нимъ вмѣстѣ
Мнѣ пришлось стоять,—
И меня лошадокъ
Упросилъ онъ взять».

Горько зарыдала
Бѣдная вдова,
Выслушавъ сосѣда
Первыя слова.

Опустивъ ручонки,
Сынъ ея стоялъ—
Блѣдный и всѣмъ тѣломъ
Въ ужасѣ дрожалъ.

«Вишь, какая притча,—
Думалъ такъ мужикъ:—
Вѣрно я не впору
Развязалъ языкъ.

А вѣдь жалко бабу,
Что и говорить.
Скоро ей придется
По міру ходить».

— «Полно горевать-то,—
Вслухъ онъ ей сказалъ:—
Стало, неча дѣлать—
Богъ, знать, наказалъ!

Лошади-то ваши
Тутъ вотъ у двора:
Такъ поди, возьми ихъ,
Мнѣ домой пора.

Да! вѣдь эка память,
Все сталъ забывать,—
Вотъ отецъ сынишкѣ
Крестъ велѣлъ отдать.

Самъ онъ черезъ силу
Съ шеи его снялъ,
Въ грамоткѣ мнѣ отдалъ
Въ руки и сказалъ:

«Вотъ благословенье
Сыну моему:
Пусть не забываетъ
Мать, скажи, ему».

А тебя-то, видно,
Крѣпко онъ любилъ,—

По смерть твое имя,
Бѣдный, все твердилъ».

И. Никитинъ.

Пословица. *Чужую бѣду руками разведу, а къ своей ума не приложу.*

83. Ось и чека.

Тѣхалъ извозчикъ Семенъ съ кладью, глухой дорогой, по голому, ровному, степному мѣсту. Вдругъ у него задымилась ось; а до деревни далеко. Какъ онъ ни бился, что ни дѣлалъ—нѣтъ, ничѣмъ не уймешь; кладь тяжелая, а коли ужъ разъ загорѣлась ось, то извѣстно, хоть брось сейчасъ. Зальетъ, засыплетъ землей, бьется одинъ, какъ рыба объ ледъ; наконецъ, справился кое-какъ,—съ версту проѣхалъ,—опять стой, опять то же.

Наѣзжаетъ сзади, шажкомъ, другой извозчикъ, Архипка, по пути. Семенъ оглянулся, а у того ось запасная съ боку привязана. Крѣпокъ заднимъ умомъ русскій человѣкъ,—догадался Семенъ нашъ, что надо было бы и ему возить съ собой запасную ось. Обрадовавшись находкѣ, снимаетъ онъ шапку, кланяется товарищу и проситъ: «Уступи, братъ, ось запасную, сдѣлай милость, вотъ и деньги сейчасъ отдамъ; что хочешь бери, только уступи!» Тотъ подошелъ, поглядѣлъ: «да», говоритъ, «неладно у тебя дѣло; пожалуй возьми, коли хочешь, за два цѣлковыхъ».

У бѣднаго Семена волосъ дыбомъ сталъ, и обѣ руки полѣзли въ затылокъ. Онъ сказалъ, какъ слышали: «что хочешь возьми, только продай», да онъ, видишь, думалъ, что съѣхался съ православнымъ, что Господь ему послалъ помощь, а не бѣду; думалъ, что тотъ отдастъ ось, какъ слѣдуетъ въ такомъ случаѣ, за свои деньги, похристіански:—не разживаться же чужой бѣдой; а тутъ вышло не то. «Помилуй», говоритъ, «да она, гдѣ хочешь возьми ее, больше полтинника не стоитъ!»—«За моремъ телушка—полушка», сказалъ тотъ, «да рубль перевозу. Поди да купи, коли нашелъ за полтинникъ». А самъ—было и поѣхалъ дальше. Семенъ за нимъ, и проситъ и кланяется,—нѣтъ: два цѣлковыхъ, да и полно. Кинулъ мужикъ нашъ шапку объ земь,—такъ ему жаль было денегъ,—да дѣлать нечего, не почевать тутъ; досталъ рублевики и отдалъ. «На», говоритъ, «землякъ, Господь съ тобою! дай тебѣ Богъ разжиться съ легкой руки этими рублями».—«Не видалъ я твоихъ рублей», молвилъ тотъ: «нешто я тебя

неволю что ли? На, возьми ихъ, да подай сюда ось; я при своемъ буду, а ты при своемъ». — «Нѣтъ, землякъ, не ты неволишь, бѣда неволить: быть такъ, ступай съ Богомъ; спасибо, что устроилъ, а то пролежалъ бы я здѣсь сутки. Пособи, пожалуйста, поднять передокъ да подвести ось». Тотъ пособилъ; справились и поѣхали вмѣстѣ.

Только-что тронулись, Архипка хватъ—чеки нѣтъ на задней оси: колесо скатилось, телѣга лежитъ на боку. «Стой!» кричитъ онъ Семену: «стой, братъ: какъ тутъ быть? Чеки-то у меня запасной нѣтъ, а тутъ вокругъ ни прута. Да вотъ что, землякъ, погоди, мы справимся: у меня топоръ есть; подай-ка сюда, пожалуйста, обломокъ оси твоей, вѣдь ужъ она у тебя никуда не пойдетъ, я какъ-разъ вытешу чеку, да и поѣдемъ вмѣстѣ».

— Пожалуй, — говоритъ Семень, — возьми, только ты мнѣ за нее три цѣлковыхъ подай.

— Съ ума, что ли, ты, братъ, спятилъ? Три цѣлковыхъ за чеку, за обломокъ оси? Да она и гроша не стоитъ!

— Вольному воля, — сказалъ Семень, — при тебѣ деньги, при мнѣ товаръ. Поди, можетъ статься, гдѣ купишь и за грошъ.

Ударилъ Архипъ руками объ полы: хоть пропадай; не велика штука чека, а безъ нея не уѣдешь; либо сядь да сиди, либо подай три цѣлковыхъ. Досталъ онъ мошну, вынулъ деньги, чуть не заплакалъ, и отдалъ Семену.

Вл. Даль.

84. Волеъ и котъ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ,

Не въ гости, но животъ спасая;

За шкуру онъ свою дрожалъ:

Охотники за нимъ гнались и гончихъ стая.

Онъ радъ бы въ первыя ворота, тутъ шмыгнуть

Да то лишь горе,

Что все ворота на запорѣ.

Вотъ видитъ волкъ мой на заборѣ

Кота

И молить: «Васенька, мой другъ, скажи скорѣе,

Кто здѣсь изъ мужиковъ добрѣе,

Чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ?

Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ?

Все это вѣдь за мной». — «Преси скорѣй Степана:

Мужикъ предобрый онъ», — котъ Васька говоритъ.

— «То такъ, да у него я ободралъ барана».

— «Ну, попытайся жъ у Демьяна».

- «Боюсь, что на меня и онъ сердитъ:
Я у него унесъ козленка».
— «Бѣги жъ, вонъ тамъ живетъ Трофимъ».
— «Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ:
Онъ на меня съ весны грозится за ягненка!»
— «Ну плохо жъ! Но, авось, тебя укроетъ Климъ
— «Охъ, Вася! у него зарѣзаль я теленка»...
— «Что вижу, кумъ! Ты всѣмъ въ деревнѣ насолил!»
Сказаль тутъ Васька волку:—
— «Какую жъ ты себѣ защиту здѣсь сулилъ?
Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало толку,
Чтобъ на свою бѣду тебя спасли они.
И правы,—самъ себя вини:
Что ты посѣялъ, то и жни!»

И. Крыловъ.

Пословицы. *Не рой другому яму, самъ попадеши.
Какъ аукнется, такъ и откликнется.*

85. Бѣдность.

Не всѣмъ тепло и сытно живется зимою на бѣломъ свѣтѣ. Есть бѣдность непокрытая по деревнямъ, у которой ни угла теплаго, ни куска сытнаго нѣтъ. Холодно зимою въ нетопленной избѣ сидѣть. Холодъ и голодъ гонять старика изъ дому. Тяжело ему таскаться подъ окнами да Христа ради вымаливать кусокъ хлѣба; но голодъ да холодъ не свой братъ... Нѣтъ у бѣдняка теплаго угла, нѣтъ и теплой одежды; лаптишки худы, армякъ въ дырахъ—вѣтромъ шить, нищетою подбитъ, шляпа въ клочьяхъ. Холодъ до костей пробираетъ старика, голосъ его дрожить и прерывается, глаза слезятся, руки, ноги трясутся. Помогите бѣдному человѣку! Не дайте помереть ему на старости лѣтъ отъ голода и холода!

Пустите отогрѣться бѣдняка, накормите его и успокойте, подайте ради Христа, что можете, и онъ благословитъ васъ на счастье.

86. В л а с ь.

Въ армякѣ, съ открытымъ воро-	На щекѣ—глубокой шрамъ,
томъ,	Да съ желѣзнымъ наконечникомъ
Съ обнаженной головой,	Палка длинная въ рукѣ...
Медленно проходитъ городомъ	Говорятъ, великимъ грѣшникомъ
Дядя Власть,—старикъ сѣдой.	Былъ онъ прежде. Въ мужикѣ
На груди—икона мѣдная:	Бога не было; побоями
Проситъ онъ на Божій храмъ;	Въ гробъ жену свою вогналъ;
Весь въ веригахъ, обувъ бѣдная,	Промышляющихъ разбоями,

Конокрадовъ укрываль;
У всего сосѣдства бѣднаго
Скупить хлѣбъ, а въ черный годъ
Не повѣрить гроша мѣднаго,
Втрое съ нищаго сдереть!

Бралъ съ родного, бралъ съ убо-
гаго,
Слылъ кашею-мужикомъ;
Нрава былъ крутого, строгаго...
Наконецъ, и грянулъ громъ:

Власу худо; кличетъ знахаря,—
Да поможешь ли тому,
Кто снималъ рубашку съ пахаря,
Краль у нищаго суму?
Только пуще все неможется.
Годъ прошелъ, а Власъ лежитъ
И построить церковь божится,
Если смерти избѣжить.

Говорятъ,—ему видѣніе
Все мерещилось въ бреду:
Видѣлъ свѣта преставленіе,
Видѣлъ грѣшниковъ въ аду...
Власъ увидѣлъ тьму кромѣшную
И послѣдній далъ обѣтъ...
Внялъ Господь—и душу грѣшную
Воротилъ на вольный свѣтъ.

Роздалъ Власть свое имѣніе,
Самъ остался босъ и голъ,
И собирать на построеніе
Храма Божьяго пошелъ.
Съ той поры мужикъ скитается
Вотъ ужъ скоро тридцать лѣтъ,
Подаяніемъ питается,—
Строго держить свой обѣтъ.
Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла:
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была...
Полонъ скорбью неутѣшною,
Смуглолицъ, высокъ и прямъ,
Ходитъ онъ стопой неспѣшною
По селеньямъ, городамъ.

Нѣтъ ему пути далекаго:
Былъ у матушки-Москвы,
И у Каспія широкаго,
И у царственной Невы.
Ходитъ съ образомъ и съ книгою,
Самъ съ собой все говоритъ
И желѣзною веригою
Тихо на ходу звенить.
Ходитъ въ зимушку студеную,
Ходитъ въ лѣтнія жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары,—
И даютъ, даютъ прохожіе.
Такъ изъ лепты трудовой
Вырастаютъ храмы Божіи
По лицу земли родной!

Н. Некрасовъ.

87. На подмосковной фабрикѣ.

Къ фабрикѣ съ трехъ сторонъ стекаются непрерывныя вереницы людей, и распахнутыя двери точно втягиваютъ въ себя эти живые потоки. По широкой каменной лѣстницѣ поднимаются мужскія и женскія фигуры въ верхніе этажи, а входящіе снаружи быстро снимаютъ верхнюю одежду; старики крестятся, молодежь зѣваетъ; всѣ спѣшатъ къ своимъ станкамъ. Лица озабоченныя, сумрачныя; говора не слышно. Сегодня понедѣльникъ—заработки, т.-е. начало работъ послѣ праздничнаго перерыва,—тутъ не до смѣха.

Рабочіе прибываютъ непрерывно; въ теченіе 10—12-ти минутъ двѣ тысячи человѣкъ уже распредѣлились около станковъ, которые занимаютъ огромное, въ шестьдесятъ слишкомъ сажень длины, пятиэтажное зданіе. Я поднимаюсь во второй этажъ, въ одно изъ отдѣленій ткацкой. Это огромная зала въ 9 сажень ширины, въ 25 длины, потолокъ которой поддерживается нѣсколькими рядами чугунныхъ колоннъ. Несмотря на порядочные размѣры оконъ, зала посрединѣ днемъ темна, благодаря большой ширинѣ. Она тѣсно заставлена рядами станковъ, а подъ потолкомъ подвѣшена цѣлая система желѣзныхъ валовъ со шкивами, и съ cadaго шкива къ каждому станку спускается безконечный ремень. Желѣзные валы и ремни опутываютъ все помѣщеніе какъ бы гигантской черной сѣтью. Деревянный полъ залы грязенъ и выбитъ. Побѣленные стѣны давно стали темносѣрыми отъ пыли и копоти.

На заработкахъ не слышно болтовни и смѣха; всѣ сумрачны и заняты дѣломъ. Послѣ краткаго воскреснаго отдыха, спросонокъ, однообразная, опостылѣвшая работа кажется еще скучнѣе, чѣмъ обыкновенно; но, хочешь—не хочешь, приниматься за нее надо; надо осмотрѣть станокъ, заправить челнокъ и т. п. Почти всѣ уже на своихъ мѣстахъ, но покамѣстъ чувствуется отсутствіе жизни: паровая еще не пошла.

Огромное цѣлое, колоссальный организмъ, именуемый фабричнымъ корпусомъ, имѣетъ свой жизненный центръ, свое сердце—паровую машину. Это сердце помѣщено въ особой просторной пристройкѣ. Въ противоположность всей остальной фабрикѣ—здѣсь все блещетъ необычайной чистотой. Начиная отъ крупныхъ частей этого стального сердца, отъ 4-саженнаго махового колеса, отъ главнаго вала толщиною чуть не въ человѣческое туловище, вплоть до маленькихъ вентиляхъ въ масленкахъ,—все какъ жаръ горитъ. Полъ выложенъ замысловатымъ узоромъ изъ разноцвѣтныхъ плитокъ и ежедневно протирается мокрыми швабрами. Стѣны покрашены свѣтлой масляной краской; лѣстницы и лѣсенки снабжены затѣйливыми перильцами.

Теперь это стальное чудовище молчитъ и не шелокнется; спокойно повисли стальные канаты, связывающіе его маховикъ съ главными валами каждаго этажа зданія, и вся фабрика стоитъ недвижима. Но вотъ по всѣмъ мастерскимъ раздаются сигнальные звонки, предупреждающіе о томъ, что паровая сейчасъ будетъ пущена въ ходъ. Проходитъ одна-двѣ минуты; слышенъ второй звонокъ, и велѣдъ за нимъ, вмѣстѣ съ первымъ поворотомъ махового колеса, главный валъ нашей ткацкой приходитъ въ движеніе. Какъ бы по мановенію волшебнаго жезла огромная зала, вмѣщающая болѣе 300 станковъ съ двумя тысячами рабочихъ, загудѣла и ожила. Неумолчное, рѣзкое хлопанье «погонялокъ», перекидывающихъ челноки съ уткомъ съ одной стороны основы на другую со скоростью 120—150 разъ и болѣе въ минуту, лязгъ различныхъ металлическихъ частей,—все это сливается въ какой-то неопредѣленный, но очень сильный, непрерывный трескъ. Разговоръ дѣлается невозможнымъ; ткачи понимаютъ другъ друга по губамъ; но я, плохо постигшій это искусство, долженъ нагибаться къ уху и кричать полнымъ голосомъ, когда мнѣ приходится кому-нибудь сказать слово.

потомъ принялась за шитье. Скоро готово у нея было новое платье съ кофтой, на которой я и былъ, собственно, правымъ рукавомъ.

«Недурно жилось мнѣ первое время. Берегла моя хозяйка свое новое платье и надѣвала его только въ торжественные дни, и въ большіе праздники ходила въ немъ на веселыя деревенскія гулянья съ пѣснями и хороводами.

«Но это было не долго!.. Все чаще и чаще стала она наряжаться и однажды такъ загрязнила платье, что уже не повѣсила его, какъ прежде, въ чистой горницѣ, а прямо бросила въ корыто, обварила кипяткомъ и такъ жамкала, что брызги кругомъ летѣли, и мыло стояло бугромъ. А на другой день полоскала она свое платье и такъ колодила, что оно пицало подъ валькомъ. И съ тѣхъ поръ все чаще и чаще стало повторяться это мытье и полосканье. Особенно доставалось намъ, рукавамъ!.. Всѣ алыя розы съ меня сбѣжали, и, наконецъ, меня вырвали изъ кофты совсѣмъ и стали мной и пыль съ лавки стирать, и самовары чистить, а кончили тѣмъ, что заткнули щель въ разбитомъ окошкѣ. И вотъ долго обдувалъ меня вѣтеръ въ оконной щели, пока, наконецъ, соскучившись, не выскочилъ я изъ окна и былъ отнесенъ тѣмъ же другимъ вѣтромъ къ забору. Здѣсь мужикъ какой-то такъ придавилъ меня сапожищемъ, что совсѣмъ почти съ грязью сравнялъ; и подумалъ я тогда, что придется мнѣ сгнить подъ заборомъ; но случилось иначе.

2. «Вотъ вижу я однажды, подходитъ къ забору оборванный мальчикъ съ мѣшкомъ за плечами и, наклоняясь, что-то разсматриваетъ въ грязи. «Чего это онъ ищетъ?» подумалъ я, а онъ вдругъ схватилъ меня за кончикъ, вытащилъ изъ земли и сунулъ въ мѣшокъ, и хорошъ же я былъ въ это время! Впрочемъ, не лучше меня выглядѣли и сосѣди мои въ грязномъ мѣшкѣ. И чего, чего тутъ не было!.. Гвозди, тряпки, сломанныя подковы, стоптанныя подошвы, кости и прочее. Долго собиралъ мальчикъ по улицѣ всякія никому ненужныя вещи, и когда мѣшокъ былъ наполненъ, онъ отнесъ его въ мелочную лавку, гдѣ и получилъ нѣсколько копеекъ за весь свой грязный товаръ.

«Въ лавкѣ уже было много мѣшковъ, наполненныхъ тряпьемъ. Я попалъ туда же и вмѣстѣ съ другими былъ отправленъ въ огромное зданіе со множествомъ оконъ и трубъ, которое называется «писчебумажной фабрикой».

Въ одной изъ большихъ комнатъ насъ вытрясли изъ мѣшковъ и разложили по разнымъ ящикамъ или ларямъ. Затѣмъ все ситцевое тряпье, въ томъ числѣ и меня, положили въ большую машину съ зубчатымъ барабаномъ внутри и ситомъ внизу и трубой наверху. Въ этой машинѣ насъ отлично вытрясли: соръ весь вышелъ сквозь сито, а пыль улетѣла черезъ трубу на воздухъ. Потомъ насъ мыли въ нѣсколькихъ горячихъ ваннахъ съ известковымъ щелокомъ, затѣмъ прополаскивали въ водѣ. Но это было только начало терзаній!.. Еще хуже досталось, когда насъ побросали снова въ горячую ванну и опять съ зубчатымъ барабаномъ. И такъ быстро завертѣлся этотъ барабанъ, такъ ловко началъ трепать насъ, что я оглядѣться не успѣлъ, какъ всѣ мы, тряпки, расползлись на отдѣльныя ниточки, потомъ на тончайшія волокна, и затѣмъ, чѣмъ быстрѣе вертѣлся барабанъ, тѣмъ мельче становились волокна, пока, наконецъ, въ ваннѣ изъ тряпья не образовалась густая каша. Отъ такого быстрого вращенія я лишился чувствъ и очнулся уже гладкимъ бѣлымъ листомъ въ самой верхней тетрадкѣ цѣлой стопы бумаги.

«Какъ произошло превращеніе мое изъ каши въ бумажный листъ, я узналъ уже послѣ, наблюдая за работами на фабрикѣ, гдѣ не мало времени мнѣ пришлось лежать съ другими листами бумаги. Такую же кашу, изъ какой и я образовался, нѣсколько дней бѣлили известкой и еще однимъ веществомъ, которое называется хлоромъ. Потомъ нѣсколько разъ сливали кашу въ ванну съ зубчатымъ барабаномъ, пока, наконецъ, не образовался изъ нея жидкій и бѣлый кисель. Кисель этотъ сливали въ чанъ, близъ дна котораго была проведена трубка.

«По этой трубкѣ бумажный кисель очень тонкимъ слоемъ стекалъ на гладкое мѣдное полотно, края котораго были обтянуты ремнями, чтобы кисель не стекалъ на полъ. На воздухѣ бумажная масса сгущалась, а для того, чтобы она просохла и выровнялась, ее пропускали между тяжелыми, гладкими и горячими мѣдными валами, откуда ее и вытягивали уже въ видѣ бѣлой бесконечно-длинной бумажной полосы. Полосу эту наматывали на валы, рѣзали и сгибали въ листы, затѣмъ укладывали въ тетрадки, по шести листовъ въ каждую.

«Четыре такихъ тетрадки составляютъ дестъ, а двадцать дестей стопу.

3. «Съ фабрики попалъ я въ большую бумажную лавку. Въ этой лавкѣ насмотрѣлся я на разныя красивыя вещи: ножички, ручки, перья, разноцвѣтную бумагу, пеналы, абажуры,—все это было различныхъ сортовъ и цѣнъ. Изъ покупателей сюда приходило больше дѣтей. Ахъ, какія забавныя были эти дѣтишки! Мнѣ такъ, бывало, и хочется прыгнуть съ полки къ нимъ въ руки: «Возьмите меня, унесите съ собой!» И вотъ желаніе мое исполнилось. Купила меня съ тремя другими листами маленькая хорошенькая дѣвочка. Сшила она себѣ изъ насъ тетрадку, обложила розовой бумагой и каждый день носила въ сумочкѣ въ школу. Вынетъ меня, бывало, изъ сумки и начнетъ старательно выводить букву за буквой, слово за словомъ.

«Но вотъ страничка за страничкой... и стала у моей хозяйки Вѣрочки тетрадка къ концу приходить, и скоро ее дѣвочка совсѣмъ исписала. Мама посовѣтовала ей меня вымѣнять; дѣвочка всѣ листы вынула изъ обложки и отнесла въ мелочную лавку, гдѣ ей дали взаменъ два листа чистой грошевой бумаги. Взяла она ихъ и побѣжала, подпрыгивая, какъ ни въ чемъ не бывало, а я волей-неволей остался лежать на грязномъ прилавкѣ.

«Впрочемъ, лежалъ я здѣсь не долго; въ этотъ же день пришелъ въ лавку мальчикъ и спросилъ фунтъ сѣраго мыла. Лавочникъ вырвалъ меня изъ тетради, завернулъ мыло и отдалъ мальчику. Я—было обрадовался сначала, думая, что опять попаду къ дѣтямъ, но не тутъ-то было. Мальчикъ принесъ меня сюда и отдалъ этой женщинѣ, что стираетъ бѣлье, а она бросила меня подъ лавку, гдѣ я съ тобой и встрѣтился. Вотъ и вся моя исторія»,—закончилъ лоскутъ бумаги.

— Исторія назидательная, — отвѣтилъ насмѣшливо паукъ, — но, признаюсь, я не желалъ бы быть на твоёмъ мѣстѣ: очень ужъ хлопотливо!.. То ли дѣло мушками лакомиться!

Бумажный лоскутъ брезгливо отвернулся отъ паука, назвалъ его лѣнтяемъ, обжорой и крѣпко задумался о томъ, что-то его ожидаетъ впереди...

Между тѣмъ стало темнѣть... Изъ сосѣдней комнаты прачкинъ сынъ попросилъ себѣ свѣчку. Прачка, замѣтивъ на полу лоскутокъ бумаги, завернула въ него свѣчку и, вставивъ въ подсвѣчникъ, отнесла въ другую комнату. Здѣсь передъ столомъ сидѣлъ мальчикъ лѣтъ десяти и

читалъ книгу. Долго читалъ онъ. Вотъ уже и ночь наступила, но онъ не отрывался отъ книги; наконецъ, голова его опустилась на столъ, и онъ крѣпко заснулъ. А лоскутокъ бумаги былъ радъ, что пришлось ему еще разъ послужить тому, кого онъ такъ любилъ. Вдругъ лоскутокъ почувствовалъ, что ему стало очень жарко, и не успѣлъ онъ опомниться, какъ былъ охваченъ пламенемъ свѣчки и быстро сгорѣлъ. Свѣча задымила и потухла. Черный пепелъ отъ сгорѣвшаго лоскутка разсыпался по столу и по бѣлой страницѣ раскрытой книги... Кругомъ было темно и тихо; затихла и жизнь бумажнаго лоскутка скитальца...

Изъ «Дѣтскаго Чтенія».

90. Щука и Котъ.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ:
Ихъ дѣло не пойдетъ на ладъ.

Зубастой Шукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю, завистью ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ,—
Но только вздумала Кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту,
Мышей въ амбарѣ половить
— «Да полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?» —
Сталъ Шукѣ Васька говорить:
— «Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится».
— «И, полно, куманѣкъ! Вотъ невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей».
— «Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!» Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся Котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ.
А Щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,
И крысы хвостъ у ней отѣли.
Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумѣ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.
И дѣльно! Это, Щука,
Тебѣ наука—
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить!

И. Крыловъ.

Изреченіе и пословица. Свой хлѣбъ сытнѣе. Всякъ куликъ на своемъ болотѣ великъ.

91. Портной.

Низко склонившись надъ спѣшной работой,
Съ впалою грудью, усталый, худой,
Цѣлую долгую ночь безъ разгиба
Шьетъ онъ, махая проворно иглой.
Спѣшное дѣло кончаетъ онъ въ срокъ;
Думой отъ дѣла онъ бѣдный далекъ...
Эй, торопись, попроворнѣй махай! Шей-пошивай!
Завтра хозяинъ потребуетъ утромъ,—
Дѣло свое ты сдавай молодцомъ...
Что же дрожать твои блѣдныя руки,
Блѣденъ ты сталъ, съ исхудалымъ лицомъ?
Бодрости прежней ужъ нѣтъ и слѣда,—
Видно, съ тобой, братъ, случилась бѣда!
Скучно, такъ пѣсенки пой-попѣвай;—шей-пошивай!
Дума о дѣткахъ-сироткахъ тревожитъ;
Съ кѣмъ они, какъ?.. Ну, да что говорить?
Время не ждетъ, да и дѣло не шутка,
Ночь не долга вѣдь, такъ надо спѣшить!
Помни, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей,
Нѣтъ и у Бога—сиротокъ-дѣтей!
Честно лишь дѣло свое исполняй, шей-пошивай!

Ив. Блюсовъ.

92. Ванька.

Ванька Жуковъ, девятилѣтній мальчикъ, отданный три мѣсяца тому назадъ въ ученье къ сапожнику Аляхину, въ ночь подъ Рождество не ложился спать. Дождавшись, когда хозяйева и подмастерья ушли къ заутренѣ, онъ досталъ изъ хозяйскаго шкапа пузырекъ съ чернилами, ручку съ заржавленнымъ перомъ и, разложивъ передъ собой помятый листъ бумаги, сталъ писать. Прежде чѣмъ вывести первую букву, онъ нѣсколько разъ пугливо оглянулся на двери и окна, взглянулъ на темный образъ, по обѣ стороны котораго тянулись полки съ колодками, и прерывисто вздохнулъ. Бумага лежала на скамьѣ, а самъ онъ стоялъ передъ скамьей на колѣняхъ.

«Милый дѣдушка, Константинъ Макарычъ!—писалъ онъ.—И пишу тебѣ письмо. Поздравляю Васъ съ Рождествомъ и желаю тебѣ все отъ Господа Бога. Нѣту у меня ни отца, ни маменьки, только ты у меня одинъ остался».

Ванька перевелъ глаза на темное окно, въ которомъ мелькало отраженіе его свѣчки, и живо вообразилъ себѣ своего дѣда, Константина Макарыча, служащаго ночнымъ сторожемъ у господъ Живаревыхъ. Это маленькій, то-

щенкій, но необыкновенно юркій и подвижной старикашка, лѣтъ 65-ти, съ вѣчно смѣющимся лицомъ. Днемъ онъ спитъ въ людской кухнѣ, ночью же, окутанный въ просторный тулупъ, ходитъ вокругъ усадьбы и стучитъ въ свою колотушку... Теперь, навѣрное, дѣдъ стоитъ у воротъ, щуритъ глаза на ярко красныя окна деревенской церкви и, притоптывая валенками, балагуритъ съ дворней. Колотушка его подвязана къ поясу.

«Табачку нешто вамъ понюхать?» говоритъ онъ, подставляя бабамъ свою табакерку. Бабы нюхаютъ и чихаютъ. Дѣдъ приходитъ въ неописанный восторгъ и заливается веселымъ смѣхомъ. Даютъ нюхать табаку и собакамъ. Каштанка чихаетъ, крутитъ мордой и обиженная отходитъ въ сторону. Вьонъ же изъ почтительности не чихаетъ, а вертитъ хвостомъ. А погода великолѣпная. Воздухъ тихъ, прозраченъ и свѣжъ. Ночь темна, но видно всю деревню съ ея бѣлыми крышами и струйками дыма, идущими изъ трубъ, деревья, посеребренные инеемъ, сугробы. Все небо усыпано весело мигающими звѣздами.

Ванька вздохнулъ, обмакнулъ перо и продолжалъ писать:

«Милый дѣдушка! сдѣлай Божескую милость, возьми меня отсюда домой, на деревню... Нѣту никакой моей возможности... Кланяюсь тебѣ въ ножки и буду вѣчно Бога молить, увези меня отсюда...»

Ванька покривилъ ротъ, потеръ своимъ чернымъ кулакомъ глаза и всхлипнулъ.

«Я буду тебѣ табакъ тереть,—продолжалъ онъ.—Богу молиться... А ежели думаешь, должности мнѣ нѣту, то я Христа ради попрошусь къ приказчику сапоги чистить али вмѣсто Оежки въ подпаски пойду. Дѣдушка милый! нѣту никакой возможности, просто смерть одна. Хотѣлъ было пѣшкомъ бѣжать, да сапоговъ нѣту, мороза боюсь. А когда вырасту большой, то за это самое буду кормить и въ обиду никому не дамъ, а помрешь, стану за упокой души молиться, все равно какъ за мамку Пелагею.

«А Москва—городъ большой. Дома все господскіе, и лошадей много, а овецъ нѣту, и собаки не злыя. Со звѣздой тутъ ребята не ходятъ, и на клиросъ пѣть никого не пускаютъ, а разъ я видалъ въ одной лавкѣ на окнѣ,—крючки продаются прямо съ леской и на всякую рыбу, очень стоящіе; даже такой есть крючокъ, что пудового сома удержитъ. И видалъ лавки, гдѣ ружья всякія на ма-

неръ бариновыхъ, такъ что, небось, рублей сто каждое... А въ мясныхъ лавкахъ и тетерева, и рябцы, и зайцы, а въ которомъ мѣстѣ ихъ стрѣляютъ, про то сидѣльцы не сказываютъ.

«Милый дѣдушка, а когда у господъ будетъ елка съ гостинцами, возьми мнѣ золоченый орѣхъ и въ зеленый сундучокъ спрячь. Попроси у барышни Ольги Игнатьевны, скажи, что для Ваньки».

Ванька судорожно вздохнулъ и опять уставился въ окно... Онъ вспомнилъ, что за елкой для господъ всегда ходилъ въ лѣсъ дѣдъ и бралъ съ собою внука. Веселое было время!.. Бывало, прежде чѣмъ вырубить елку, дѣдъ выкуриваетъ трубку, долго нюхаетъ табакъ, посмѣивается надъ озябшимъ Ванюшкой... Молодые елки, окутанныя инеемъ, стоятъ неподвижно и ждутъ, которой изъ нихъ помирать. Откуда ни возмись, по сугробамъ летитъ стрѣлой заяцъ... Дѣдъ не сможетъ, чтобъ не крикнуть: «Держи, держи... держи! Ахъ ты, куций!» Срубленную елку дѣдъ тащилъ въ господскій домъ, а тамъ принимались убирать ее... Больше всѣхъ хлопотала барышня Ольга Игнатьевна, любимица Ваньки. Когда еще была жива Ванькина мать Пелагея и служила у господъ въ горничныхъ, Ольга Игнатьевна кормила Ваньку леденцами и отъ нечего дѣлать выучила его читать, писать, считать до ста и даже плясать кадрили. Когда же Пелагея умерла, сироту Ваньку спровадили въ людскую кухню, къ дѣду, а изъ кухни—въ Москву, къ сапожнику Аляхину...

«Пріѣзжай, милый дѣдушка,—продолжалъ Ванька.—Христомъ Богомъ тебя молю, возьми меня отсюда! Пожалѣй ты меня, сироту несчастную: скука такая, что и сказать нельзя, все плачу... А еще кланяюсь Алень, кривому Егоркѣ и кучеру, а гармонію мою никому не отдавай. Остаюсь твой внукъ Иванъ Жуковъ. Милый дѣдушка, пріѣзжай!»

Ванька свернулъ вчетверо исписанный листъ и вложилъ его въ конвертъ, купленный наканунѣ за копейку... Подумавъ немного, онъ обмакнулъ перо и написалъ адресъ:

«На деревню дѣдушкѣ».

Потомъ подумалъ и прибавилъ:

«Константину Макарычу».

Довольный тѣмъ, что ему не помѣшали писать, онъ надѣлъ шапку и, не набрасывая на себя шубейки, прямо въ рубахѣ выбѣжалъ на улицу...

Ванька добѣжалъ до перваго почтоваго ящика и сунулъ драгоцѣнное письмо въ щель...

Убаюканный сладкими надеждами, онъ, часъ спустя, крѣпко спалъ... Ему снилась печка. На печи сидитъ дѣдъ, свѣсивъ босыя ноги, и читаетъ письмо кухаркамъ... Около печи ходитъ Вьюнъ и вертитъ хвостомъ.

А. Чеховъ.

93. Дядюшка Яковъ.

Домъ—не телѣжка у дядюшки Якова.
Господи Боже! Чего-то въ ней нѣтъ!
Сѣденькій самъ, а лошадка каракова;

О феня-коробейникъ. *)

(Съ картины Н. Кошелева. Оригиналъ находится въ Третьяковской галлерей).

Вмѣстѣ обоимъ сто лѣтъ.

Вздитъ старикъ, продаетъ понемногу.

Вздитъ,—кричитъ то и знай:

«У дядюшки Якова

Сбоина макова

Больно лакома—

На грошъ—два кома.

Эй, малолѣтки!

Пряники рѣдки,

Всякія штуки:

Окуни, шуки,

Киты, лошадки!

Посмотришь—любы,

Раскусишь—сладки,

Оближешь губы!

Мальчикъ-сударикъ!

Купи букварикъ!

Отцы почтенны!

Книжки нецѣнны;

По гривнѣ штука—

Дѣткамъ наука!»

*) Описать этотъ рисунокъ и сравнить устно со стихотвореніемъ.

Молча крѣпилась Оеклуша сиротка,
Глядя, какъ пряники дѣти жуютъ;
А какъ увидѣла въ книжкахъ картинки,
Такъ на глаза навернулись слезинки.
Сжалился, далъ ей букварь старина:
«Коли бѣдна ты, такъ будь ты умна!»
Экой старикъ! Видно добрую душу!
Будь же ты счастливъ! Торгуй, наживай!
«По грушу, по грушу!
Купи, смѣняй».

Н. Некрасовъ.

94. Ярмарка.

Флагъ поднять. Ярмарка открыта.
Народомъ площадь вся покрыта.
Изъ лавокъ (хитрая приманка)
Высматриваютъ кушаки
И разноцвѣтные платки,
И разноцвѣтная серпанка.
Тутъ груды чашекъ и горшковъ,
Корчагъ, боченковъ, кувшиновъ;
Тамъ—лыки, ведра и ушаты,
Лотки, подойники, лопаты.
Здѣсь давка: спорять мужики

За клячу пѣгую купцы,
И Лазаря поюгъ слѣпцы,
Сбирая мѣдными грошами.
Веселый говоръ, крикъ торговли,
Пискъ дудокъ, пѣсни мужиковъ
И ранній звонъ колоколовъ—
Все въ гулъ слилось. Межъ тѣмъ
оглобли
Приподнялись поверхъ возовъ,
Какъ лѣсъ безъ вѣтокъ и листовъ.

И. Никитинъ.

95. Безпроигрышная лотерея.

(Разсказъ старика).

Вотъ какъ меня разъ одурачили на старости лѣтъ.
Продаль я въ городѣ на ярмаркѣ лаптей на рубль на
восемь гривенъ. Цѣлую зиму надъ ними копался. Про-
далъ лапти и думаю: надобно моей старухѣ калачъ ку-
пить,—сколько она, бѣдная, одной лучины мнѣ нацепала,
пока работалъ! А то и сама сидитъ со мной и лучину
держитъ—свѣтитъ. Глаза-то у меня плохи: высоко во-
ткнуть—не вижу. Вотъ я и думаю: «надо старухѣ калачъ
купить!»

Иду къ калачамъ, а на встрѣчу мнѣ малый-молодой
несетъ на ремнѣ черезъ плечо коробокъ открытый, а въ
коробкѣ—всякія вещи. «Не угодно ли, — говоритъ, — по-
играть на счастье? Билетъ стоитъ три копейки, и всегда
что-нибудь выиграешь; а не понравится, — вещь верни,
прибавь двѣ копейки, и опять играй!»

А тутъ какъ на грѣхъ, какъ разъ на моихъ глазахъ,
одинъ нашъ же знакомый мужикъ кошелекъ выигралъ
кожаный, и никакъ не меньше пятидесяти копеекъ тотъ
кошелекъ стоитъ. «Ахъ, думаю, ежели бы мнѣ кошелекъ-

то выиграть! Деньги у меня есть, положилъ бы я ихъ въ тотъ кошелекъ, и было бы у меня на душѣ повеселѣй,— все я въ родѣ какъ хозяинъ».

Беру билетъ,—вышло кольцо. «Ни къ чему, говорю, мнѣ кольцо. Дай другой билетъ!» Взялъ другой,—вышла булавка! У, это ужъ и совсѣмъ не надо! Взялъ третій, гляжу—цѣпочка; опять не по мнѣ! Да и пошелъ... Стоитъ у меня въ головѣ кошелекъ, хоть что хочешь! Бралъ-бралъ билеты,—глазъ съ кошелька не спускаю. Хватъ, а денегъ ужъ ни копейки, а въ рукахъ грифель! Ударило меня, братцы мои, въ слезу! И хватилъ я этотъ грифель о-земь. «Не угодно ли еще попытать счастья?»—«Нѣтъ, говорю, будетъ».

Пошелъ; и самъ не знаю, куда иду... Иду-иду, ничего не помню; а какъ вспомню, такъ въ волосы себѣ и вцѣплюсь... Что я теперь старухѣ скажу? Сидитъ она, бѣдная, денегъ ждетъ и калачика въ подарокъ; а я, дуракъ старый, всѣ деньги-то въ лотерею прожертвовалъ. Мучился-мучился, забрался въ лѣсъ, сѣлъ на пенъ, думаю: «ничего не подѣлаешь! Надо опять работать! Приду домой, скажу старухѣ всю чистую правду! сяду работать дни и ночи, все ворочу!» И будто легче стало.

Шелъ это я такъ, шелъ, и вдругъ меня опять злость забрала: съ чего это я такого дурака сломалъ? Должна быть тому причина! А причина этому котъ, вотъ кто: не даромъ онъ мнѣ, какъ выходилъ я изъ дому, на порогъ въ ноги сунулся. Озвѣрѣлъ я на кота, бѣгомъ бѣгу домой, думаю: «я жъ тебя, варвара, убью!» Бѣгу-бѣгу, вижу—и деревня наша показалась.

Образумился я. «Нѣтъ, думаю, грѣхъ мнѣ кота бить: не котъ тутъ виноватъ! Живи, другъ любезный!»

Пришелъ я домой еле живъ. Старуха ждетъ меня. «Купилъ, Савельичъ, калачика?» Сѣлъ я на порогъ и молчу. Поглядѣла на меня старуха и тоже молчитъ: поняла старая, что грѣхъ приключился. Такъ и промолчали мы съ ней до вечера.

Подошелъ вечеръ. «Чтожъ, говорю, Матвѣевна, по-свѣти мнѣ!» Зажгла она лучину, сѣла около меня, а я опять за лапотъ...

Загадки: Зимой и лѣтомъ однимъ цветомъ: кругло, а не мясяцъ, зелено, а не дубрава, съ хвостикомъ, а не мышъ. Семьдесятъ одежекъ, все безъ застежекъ.

96. Купецъ.

«Поди-ка, братъ Андрей!

Куда ты тамъ запалъ? Поди сюда скорѣй,

Да подивуйся дядѣ!

Торгуй по-моему, такъ будешь не въ накладѣ».

Такъ въ лавкѣ говорилъ племяннику купецъ.

«Ты знаешь польскаго сукна конецъ,

Который у меня такъ долго залежался,

Затѣмъ, что онъ и старъ, и подмоченъ, и гниль?

Вѣдь это я сукно за англійское сбывъ!

Вотъ, видишь, сей лишь часъ взялъ за него сотняжку:

Богъ олушка послалъ».

— «Все это, дядя, такъ»,—племянникъ отвѣчалъ:

«Да въ олухи-то, я не знаю, кто попалъ;

Вглядишь-ка: ты вѣдь взялъ фальшивую бумажку».

И. Крыловъ.

97. Какъ правда теряется.

Въ городѣ нашемъ жилъ страстный охотникъ до собакъ всякаго рода. Однажды разнеслась по городу нашему странная новость, будто къ этому охотнику мальчикъ принесъ собаку о двадцати головахъ. Это говорилъ человѣкъ, слышавшій о томъ отъ жены своей. Съ удивленіемъ разспрашивали всѣ у ней, правда ли это.

— Да,—отвѣчала она,—совершенная правда.

— Вы видѣли это собственными глазами?

— Нѣтъ, мои милые, не собственными, но все равно, мнѣ сказывалъ на рынкѣ одинъ купецъ; онъ бываетъ въ домѣ у этого собачьяго охотника.

Вотъ любопытные пошли къ этому купцу, и спрашивали у него: о двадцати ли головахъ была собака?

— Я ея не видалъ,—отвѣчалъ онъ:—да я и не говорилъ о двадцати головахъ, а только о десяти. Это правда, мнѣ сказывалъ дворникъ изъ того дома.

Нѣкоторые изъ любопытныхъ побѣждали къ дворнику, спрашивали его, гдѣ это чудо, и просили показать имъ собачку о десяти головахъ

— Кто это выдумалъ о десяти головахъ?—заворчалъ сердито Андрей.—Я сказалъ только о двухъ.

— Такъ кто же выдумалъ, что о десяти?

— Да ужъ не я же,—отвѣчалъ угрюмый Андрей:—я слышалъ, какъ говорили, что принесли собаку о двухъ головахъ, а больше я ничего не знаю. Да я еще и не ходилъ посмотрѣть на эту диковинку: работы столько, что вздохнуть некогда.

Какъ быть! Добрались до самого охотника и ну просить его показать имъ собаку о двухъ головахъ. Удивился онъ такой сказкѣ и никогда не добрался бы, кто сочинилъ ее, еслибы не вошла въ эту минуту жена его и не объяснила дѣла.

— Добрые люди,—сказала она,—у насъ нѣтъ никакой ни двадцатиголовой, ни двухголовой собаки; я говорила только мальчику, который принесъ намъ обыкновенную собачку, дворняжку, выброшенную въ рѣку, только вчера покрывшуюся льдомъ: развѣ онъ о двухъ головахъ, что пускается ходить по такому тонкому льду? А это должно быть не дослышали, переврали, а другіе еще переврали, такъ и вышла собака о двадцати головахъ.

98. Любопытный.

— «Пріятель дорогой, здорово! Гдѣ ты былъ?»

— «Въ кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ;

Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,

Повѣришь ли, не станеть ни умѣнья

Пересказать тебѣ, ни силъ!

Ужъ подлинно, что тамъ чудесь палата!

Куда на выдумки природа таровата!

Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!

Какія бабочки, букашки,

Козявки, мушки, таракашки!

Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ кораллы!

Какія крохотны коровки!

Есть, право, менѣ булавочной головки!»

— «А видѣлъ ли слона? Каковъ собой на взглядъ?

Я чай *), подумалъ ты, что гору встѣтилъ!»

— «Да развѣ тамъ онъ?»

— «Тамъ».

— «Ну, братецъ, виновать:

Слона-то я и не примѣтилъ».

И. Крыловъ.

99. Правда и Кривда.

(Народная сказка.)

Живутъ у насъ на землѣ Правда да Кривда: живетъ Правда и во дворцѣ, и въ барскихъ хоромахъ, и въ крестьянской избѣ; молвитъ народъ, что она у Бога живетъ; мыкается и Кривда всюду: и по царскимъ палатамъ, и по боярскимъ теремамъ, и по бѣднымъ лачугамъ. О Кривдѣ народъ молвитъ, что привилась она къ землѣ, и по ней стелеть и мелеть, и вретъ и плететь.

*) Я полагаю, думаю, мнѣ кажется.

Вотъ разъ идетъ по землѣ Правда, чище краснаго солнца: люди ея сторонятся, шапки снимаютъ, чувствуютъ; а она каждому изъ своихъ ясныхъ очей привѣтомъ въ очи свѣтитъ. Вотъ и идетъ эта Правда по землѣ, ни шатко, ни валко, ни на сторону, прямо какъ стрѣла. Навстрѣчу ей изъ косога переулка идетъ Кривда, ковыляя да пошатываясь; заслонила рукой глаза, прищурилась на Правду; а Правда—что солнышко: на нее Кривдѣ во все глаза не глянуть!

— Ба, ба, ба!—говоритъ себѣ подъ носъ Кривда;—да это никакъ святая душа на костыляхъ, что люди Правдой зовутъ. Ужъ куда какъ мнѣ эта Правда надоѣла: какъ глянетъ въ лицо, то словно горькій дымъ глаза ѣстъ! Хотѣ бы какъ ни на есть извести ее, постылую!

Кривдѣ за худымъ дѣломъ не далеко ходить: какъ надумала, подковыляла она, щурясь, къ Правдѣ, низенько ей поклонилась, и говоритъ сладкимъ голоскомъ:

— Что тебя, золотая Правда, давно не видать? Аль заспесивилась? А еще про твою милость народъ молвитъ, что безъ тебя люди не живутъ, а маются. По моему жъ худому разуму, такъ дѣло-то наоборотъ (прости на правдивомъ словѣ): съ тобой люди маются, а со мной душа въ душу сживаются, и наше житье-бытье идетъ, какъ по маслу.

Глянула Правда Кривдѣ въ подслѣпныя очи, да и говоритъ:

— Нѣтъ, Кривда, худо тому, кто съ тобой сдружится; съ тобой весь свѣтъ пройдешь, да назадъ вернешься! Ложь не живуча!

Какъ разсердится Кривда за правдивое слово, да, оцѣтнясь, закричитъ, зашипитъ на все свои голоса:

— Вишь, что выдумала—я ль не живуча! А знаешь поговорку: «соврешь—не помрешь»?—Да я на людей сошлюсь, что со мной жить лучше, чѣмъ съ тобой!

Правда покачала головой, сказала: «Нѣтъ!» и пошла своимъ путемъ. Она въ увертки да извороты не пускается, много словъ не раздастъ, у нея либо «да», либо «нѣтъ».

Увязалась Кривда за Правдой, зацѣпила клюкой и не пускаетъ.

— Давай,—говоритъ,—объ закладъ биться, что людямъ со мной лучше ужиться!

— Давай,—говоритъ Правда;—вотъ сто рублей. Смотри, Кривда, проспоришь!..

— Ладно, посмотримъ, чья возьметъ! Пойдемъ судиться къ третьему кому-нибудь, вотъ хоть къ писарю; онъ недалеко живетъ.

— Пойдемъ,—сказала Правда.

И пошли. А Кривда тѣмъ временемъ стянула у прохожаго бумажникъ да платокъ изъ кармана и спрятала къ себѣ въ карманъ. Вотъ пришли онѣ къ писарю; стала Правда свое дѣло сказывать, а Кривда тѣмъ временемъ кажетъ писарю изъ-подъ полы деньги да платокъ. А писарь человѣкъ бывалый, какъ разъ догадался, что дѣлать; вотъ и говорить:

— Пропорила ты, Правда, свои денежки: въ наше время лучше жить кривдой: сытѣй будешь!

Нечего дѣлать, отдала Правда сто рублей сполна, а сама все стоитъ на своемъ, что лучше-де жить правдой.

— Экая ты неугомонная!—подзадоривала ее Кривда,—давай опять обзакладъ биться: я ставлю тысячу рублей въ конъ, а ты, коли денегъ нѣтъ, ручайся глазами своими.

— Хорошо,—сказала Правда.

Вотъ и пошли онѣ опять судиться, теперь ужъ къ боярину. Выслушавъ ихъ, бояринъ вздохнулъ и говорить:

— Ну, матушка Правда, пропорила ты ясныя очи свои: хороша святая Правда, да въ люди не годится.

Заплакавши, Правда боярину слово молвила:

— Не ищи же ты, бояринъ, Правды въ другихъ, коли въ тебѣ ея нѣту!

А Кривда зацѣпила Правду клюкой и повела изъ города вонъ. Идетъ Правда, слезку за слезкой роняетъ: горько ей, что люди чествовать чествуютъ ее, а правдой жить не могутъ.

Вотъ вывела ее Кривда въ поле, выколола ей глаза, да еще толкнула, такъ что Правда упала ничкомъ на землю. Отдохнувъ, она поползла ощупью, а куда ползетъ—и сама не знаетъ. Вотъ она схоронилась въ высокой болотной травѣ и пролежала тамъ до ночи.

Вдругъ, въ полночь, налетѣла со всѣхъ сторонъ недобрая сила и стала другъ передъ другомъ хвалиться, кто больше зла надѣлалъ.

— Я,—говоритъ одинъ,—мужа съ женой поссорилъ!

— Я,—говоритъ другой,—научилъ дѣтей не слушаться отца съ матерью!

— А я,—кричалъ третій,—весь день училъ дѣтей лгать да лакомства красть!

— Ока невидаль — ребенка сдѣлать воромъ да лгуномъ! — кричитъ Кривда. — А я такъ всѣхъ васъ за поясъ заткну: я переспорила Правду, взяла съ нея сто рублей, да еще выколола ей глаза! Теперь Правда ослѣпла, стала тою же Кривдой!

— Ну! — крикнулъ набольшій, — далеко кулику до Петрова дня! Правда живуча, на водѣ не тонетъ, на огнѣ не горитъ; стоитъ ей только очной травкой глаза потереть — сейчасъ же все рукой сниметъ!

— Да гдѣ жъ она добудетъ этого зелья?

— Травы этой на горѣ, по залежамъ не оберешься. Лежитъ Правда въ осокѣ, къ рѣчамъ прислушивается; а какъ только разлетѣлась недобрая сила, то она поползла въ гору, на заброшенную старую папню, сѣла на залежъ и стала травку за травкой срывать да къ очамъ прикладывать. Вотъ и добралась она до очной травы, потеряла ею глазокъ, — прозрѣла; потеряла другой, — и другимъ прозрѣла!

«Хорошо», думаетъ она, «наберу-ка я этой травы; авось и другимъ понадобится».

И нарвала она цѣлое беремея, навязала въ пучечки и пошла домой.

Въ долгѣ ли, въ короткѣ ли, въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, ослѣпла у царя единственная дочь; и ужъ чего ни дѣлали, какъ ни лечили царевну, — ничего не беретъ! Велѣлъ царь по своему и по сосѣднимъ царствамъ кличь кликнуть: кто его царевну вылечитъ, тому онъ половину своей казны отдастъ, да еще полцарства въ придачу накинеть. Вотъ и сошлись отовсюду лекаря, знахарки, лекарки, взялись лечить; лечатъ - полечать, а вылечить не могутъ!

Разсердился царь, велѣлъ всѣхъ помеломъ со двора прогнать, а самъ сталъ думать да гадать, какъ своему горю пособить. Думалъ царь, думалъ, — ничего не надумалъ.

Приходятъ разъ слуги и докладываютъ ему, что пришла вѣщая странница, величаетъ-де себя Правдой, а беретъ царевну вылечить за одно царское спасибо, а казны-де ей не надо.

Подивился царь и велѣлъ нянюшкамъ - мамушкамъ чудную знахарку къ царевнѣ свести.

Вошла Правда въ царевнинъ теремокъ, на иконы помолилась, царевнѣ поклонилась, вынула очную травку, потеряла ею одинъ глазокъ, — царевна однимъ глазомъ про-

зрѣла, да, прозрѣвши, какъ вскочить отъ радости, да бросится въ отцовы палаты, стучить, бренчить, по переходамъ бѣжить; а за нею тьма тьмушая нянюшекъ, мамушекъ, сѣнныхъ дѣвушекъ, въ догонку спѣшать. Какъ вбѣжала она къ отцу, да прямо ему въ ноги:

— Царь-государь, вижу тебя, родитель мой! вижу тебя яснѣе прежняго!

Царь до слезъ обрадовался, обнялъ дочь, цѣлуетъ, милуетъ ее, самъ о вѣщей знахаркѣ спрашиваетъ; а Правда ужъ тутъ и царю правдивымъ привѣтомъ въ очи свѣтитъ.

— Чѣмъ тебя, вѣщая, наградить? — спрашиваетъ царь: — хочешь казны? всю возьми! Хочешь царствовать? полцарства отдамъ!

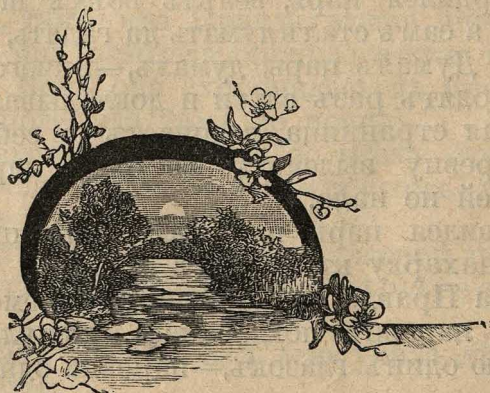
Поклонилась Правда царю и говоритъ:

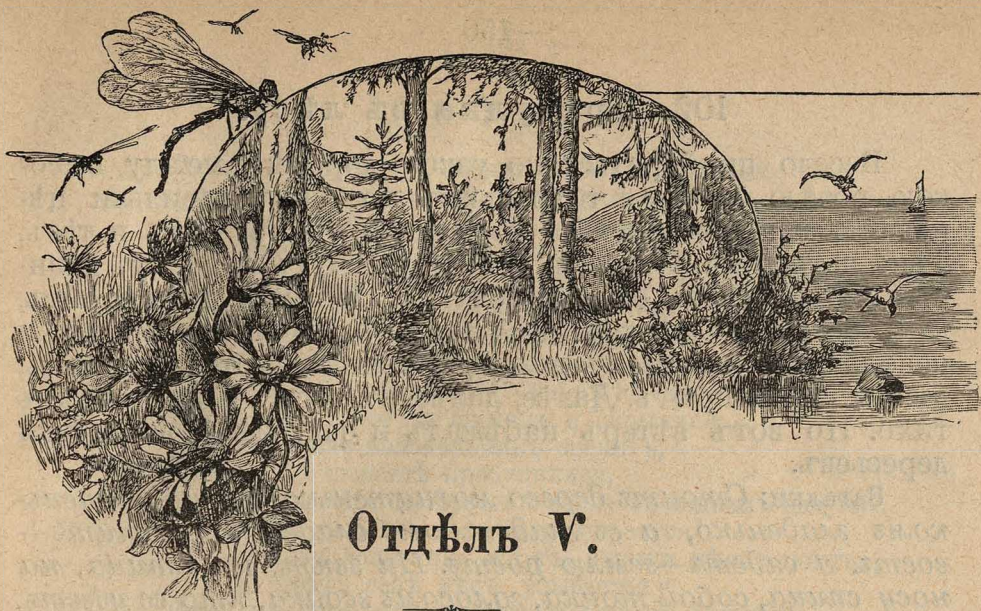
— Не надо мнѣ ни царства твоего, ни казны твоей; а если хочешь жаловать, такъ пожалуй меня въ твои старшіе судьи, чтобы безъ меня во всемъ царствѣ судьи твои ни одного дѣла не вершили.

Царь съ радостью согласился; ударили по рукамъ, — и съ тѣхъ поръ Правда поселилась въ этой землѣ, невѣрныхъ судей смѣнила, праведныхъ посадила, уму-разуму да чести научила; а Кривдѣ таково житье пришло, что она безъ оглядки оттуда бѣжала.

Пословицы и изреченія. *Лучше на гривну убытку, чѣмъ на алтынъ стыда. За совесть да за честь — хоть голову снести. Совесть безъ зубовъ, а загрызаетъ. Не боюсь богатыхъ грозъ (угрозъ), боюсь убогихъ слезъ.*

Не ищи правды въ другихъ, коли въ тебѣ ея нѣтъ. За правое дѣло стой смѣло. Лучше умереть, чѣмъ неправду терпѣть.

Отдѣль V.

100. Гимнъ природѣ.

Благословляю васъ, лѣса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубыя небеса!
И посохъ мой благословляю,
И эту бѣдную суму,
И степь отъ края и до края,
И солнца свѣтъ, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,

По коей, нищій, я иду,
И въ полѣ каждую былинку,
И въ небѣ каждую звѣзду!
О, если бѣ могъ всю жизнь смѣ-
шать я,
Всю душу вмѣстѣ съ вами слить!
О, если бѣ могъ въ мои объятья
Я васъ, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!

А. Толстой.

Пословицы. *Земля мать—подаетъ кладъ. Миръ, что огородъ, все на немъ растетъ.*

101. Божіе величіе.

Въ образованіи червя и мошки видно несравненно болѣе искусства, нежели въ лучшихъ произведеніяхъ ума человѣческаго. Многіе сооружаютъ великолѣпныя зданія, изобрѣтаютъ удивительныя машины, строятъ огромные корабли; но сильнѣйшіе и остроумнѣйшіе изъ нихъ могутъ ли образовать ползучее насѣкомое, летающую птичку, зеленѣющую травку или даже составить песчинку? Воистину великъ Богъ! И единъ Онъ великъ и въ великомъ и маломъ земли.

Митрополитъ Филаретъ.

Изреченіе. *Небо—престолъ Божій, земля—подножіе ногъ Его.*

102. Прогулка въ лѣсу.

Весело пробираться по узкой дорожкѣ, между высокою рожью. Колосья тихо бьютъ по лицу, васильки цѣпляются за ноги, перепела кричатъ кругомъ! Вотъ и лѣсъ. Тѣнь и тишина. Статныя осины лепечутъ наверху, длинныя вѣтви березъ едва шевелятся... Могучій дубъ стоитъ, какъ боецъ, подлѣ красивой липы. Большія желтыя мухи неподвижно висятъ въ воздухѣ; мошки выются столбомъ; птицы мирно поютъ. Далѣе, далѣе, въ лѣсъ... Кругомъ такъ тихо. Но вотъ вѣтеръ набѣжалъ и зашумѣли верхушки деревьевъ.

И. Тургеневъ.

Загадки: *Стоитъ дерево мохнатенько, на мохнатенькомъ гладенько, а въ гладенькомъ сладенько. Летитъ—воетъ, а сидитъ—землю роетъ. Ни звѣрь, ни птица, на носу спица, собой тонка, голосомъ звонка, кто ее убьетъ, свою кровь прольетъ.*

103. Обитатели лѣса.

Въ лѣсахъ живутъ самыя разнообразныя животныя. Въ большихъ хвойныхъ лѣсахъ находятъ себѣ убѣжище самыя большіе наши хищные звѣри—медвѣди; тамъ же водятся кровожадные рыси, пасутся большіе и красивые лоси. Въ лѣсахъ скрываются сѣрые волки, хитрыя лисицы и хорьки, скачутъ по деревьямъ рѣзвые бѣлки. Въ лѣсахъ попадаются также ежи, которые безъ всякаго для себя вреда преслѣдуютъ ядовитыхъ змѣй-гадюкъ.

Не менѣе разнообразно пернатое населеніе лѣса. Въ большихъ лѣсахъ устраиваютъ свои гнѣзда и охотятся за зайцами и другими животными самыя большія наши птицы—хищные орлы; въ чащѣ лѣса скрываются днемъ совы и другія ночныя хищныя птицы. Въ лѣсахъ кукуютъ кукушки, лазаютъ по стволамъ деревьевъ и долбятъ ихъ своимъ клювомъ пестрые дятлы; распѣваютъ свои пѣсни клесты и многія другія мелкія птички. Въ лѣсахъ же водятся тетерева и рябчики, за которыми охотятся ради ихъ вкуснаго мяса.

Въ лѣсу встрѣчаются безвредныя ящерицы и самыя разнообразныя насѣкомыя; тамъ устраиваютъ свои жилища дикія пчелы и дѣлаютъ свои замысловатыя постройки муравьи.

Загадка. *Всѣ паны скинули кафтаны, а одинъ панъ не скинулъ кафтанъ.*

104. У т р о.

Звѣзды меркнутъ и гаснутъ. Въ огнѣ облака;
Бѣлый паръ по лугамъ разстилается;
По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка,
Отъ зари алый свѣтъ разливается.
Дремлетъ чуткій камышъ. Тишь—безлюдье вокругъ!
Чуть примѣтна тропинка росистая.
Кусть задѣнешь плечомъ,—на лицо тебѣ вдругъ
Съ листьевъ брызнетъ роса серебристая.
Потянулъ вѣтерокъ,—воду морщить, рябить;
Пронеслись утки съ шумомъ и скрылися;
Далеко-далеко колокольчикъ звенить;
Рыбаки въ шалашѣ пробудились,
Сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ...
А востокъ все горитъ, разгорается.
Птички солнышка ждуть, птички пѣсни поютъ,
И стоитъ себѣ лѣсъ, улыбается.
Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашень блеститъ,
За морями ночлегъ свой покинуло;
На поля, на луга, на макушки раки
Золотыми потоками хлынуло.
Вдѣтъ пахарь съ сохой, ѣдетъ—пѣсню поетъ,
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли ты, душа, отдохни отъ заботъ!
Здравствуй, солнце да утро веселое!

И. Никитинъ.

105. Емеля-охотникъ.

Три дня бродилъ Емеля по лѣсу съ Лыскомъ и все напрасно: оленя съ теленкомъ не попадалось. Старикъ чувствовалъ, что выбивается изъ силъ, но вернуться съ пустыми руками не рѣшался. Лыско тоже приунылъ и совсѣмъ отоцалъ.

Приходилось заночевать въ лѣсу у огонька третью ночь.

Только на четвертый день, когда и охотникъ и собака совсѣмъ выбились изъ силъ, они совершенно случайно напали на слѣдъ оленя съ теленкомъ. Это было въ густой еловой заросли, на склонѣ горы.

«Матка съ теленкомъ»,—думалъ Емеля, разглядывая на травѣ слѣды большихъ и маленькихъ копытъ,—«сегодня утромъ были здѣсь... Лыско, ищи голубчикъ».

День былъ знойный. Солнце палило нещадно. Собака обнюхивала кусты и траву съ высунутымъ языкомъ. Емеля едва таскалъ ноги. Но вотъ знакомый трескъ и шорохъ... Лыско упалъ на траву и не шевелился. Въ ушахъ Емели

стоять слова больного внука: «Дѣдко, добудь олененка... и непременно, чтобы желтенькій былъ». Вотъ и matka... Это былъ великолѣпный олень-самка. Онъ стоялъ на опушкѣ лѣса и пугливо смотрѣлъ прямо на Емелю. Кучка жужжавшихъ насѣкомыхъ кружилась надъ оленемъ и заставляла его вздрагивать.

«Нѣтъ, ты меня не обманешь...»—думалъ Емеля, вылѣзая изъ своей засады.

Олень давно почуялъ охотника, но смѣло слѣдилъ за его движеніями.

«Это matka меня отъ теленка отводитъ»,—подумалъ Емеля, подползая все ближе и ближе.

Когда старикъ хотѣлъ прицѣлиться въ оленя, онъ осторожно перебѣжалъ нѣсколько сажень далѣе и опять остановился. Емеля снова подползъ съ своей винтовкой. Опять медленное подкрадываніе, и опять олень скрылся, какъ только Емеля хотѣлъ стрѣлять.

— Не уйдешь отъ теленка,—шепталъ Емеля, терпѣливо выслѣживая звѣря въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Эта борьба человѣка съ животнымъ продолжалась до самаго вечера. Благородное животное десять разъ рисковало жизнью, стараясь отвести охотника отъ спрятаннаго олененка. Старый Емеля и сердился и удивлялся смѣлости своей жертвы. Вѣдь все равно она не уйдетъ отъ него!

Сколько разъ ему приходилось убивать такимъ образомъ жертвовавшую собою мать. Лыско, какъ тѣнь, ползъ съ хозяиномъ и, когда тотъ совсѣмъ потерялъ оленя изъ виду, осторожно ткнулъ его своимъ горячимъ носомъ. Старикъ оглянулся и присѣлъ: въ десяти саженьяхъ отъ него, подъ кустомъ жимолости, стоялъ тотъ самый желтенькій теленокъ, за которымъ онъ бродилъ цѣлыхъ три дня. Это былъ прехорошенькій олененокъ, всего нѣсколькихъ недѣль, съ желтымъ пушкомъ и тоненькими ножками; красивая головка была откинута назадъ, и онъ вытягивалъ тонкую шею впередъ, когда старался захватить вѣточку повыше.

Охотникъ съ замирающимъ сердцемъ взвелъ курокъ винтовки и прицѣлился въ голову маленькому животному.

Еще одно мгновеніе, маленький олененокъ покатился бы по травѣ съ жалобнымъ предсмертнымъ крикомъ, но именно въ это мгновеніе старикъ-охотникъ припомнилъ, съ какимъ геройствомъ защищала теленка его мать; припомнилъ, какъ его дочь, мать его внука Гришутки, спасла

сына отъ волковъ своимъ тѣломъ, отдавъ за него свою жизнь... Ребенокъ спасся какимъ-то чудомъ. Мать, пока волки грызли ей ноги, закрыла ребенка своимъ тѣломъ, и Гришутка остался живъ.

Вспомнилъ все это старый Емеля, и точно что оборвалось у него; онъ опустилъ ружье. Олененокъ попрежнему ходилъ около куста, оципывая листочки и прислушиваясь къ малѣйшему шороху. Емеля быстро поднялся и свистнулъ; маленькое животное скрылось въ кустахъ съ быстротою молнii.

— Ишь, какой бѣгунъ!..—говоритъ старикъ, задумчиво улыбаясь.—Только его и видѣлъ: какъ стрѣла... Вѣдь убѣжалъ, Лыско, нашъ олененокъ-то! Ну, ему, бѣгуну, еще надо подрасти... Ахъ ты, какой шустрый!..

Старикъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ и все улыбался, припоминая бѣгуна.

На другой день Емеля подходилъ къ своей избушкѣ.

— А, дѣдко! принесть олененка?—встрѣтилъ его Гриша, ждавшій все время старика съ нетерпѣнiемъ.

— Нѣтъ, Гришухъ... видѣлъ его..

— Желтенькiй?

— Желтенькiй самъ, а мордочка черная. Стоитъ подъ кустикомъ и листочки оципываетъ... Я прицѣлился...

— И промахнулся?

— Нѣтъ, Гришухъ, пожалѣлъ малаго звѣря... матку пожалѣлъ... Какъ свистну, а онъ, теленокъ-то, какъ скакнетъ въ чащу, только его и видѣлъ... Убѣжалъ, пострѣлъ этакiй!..

Старикъ долго разсказывалъ мальчику, какъ онъ искалъ теленка по лѣсу три дня и какъ тотъ убѣжалъ отъ него. Мальчикъ слушалъ и весело смѣялся вмѣстѣ съ старымъ дѣдомъ.

И когда легли они спать, больной мальчикъ, засыпая, нѣсколько разъ спрашивалъ старика:

— Такъ онъ убѣжалъ, олененокъ-то?

— Убѣжалъ, Гришухъ...

— Желтенькiй?

— Весь желтенькiй, только мордочка черная да копытца.

Мальчикъ такъ и уснулъ, и всю ночь видѣлъ маленькаго желтенькаго олененка, который весело гулялъ по лѣсу со своей матерью; старикъ спалъ на печкѣ и тоже улыбался во снѣ.

(Изъ разсказа Мамина-Сибиряка).

106. Утро на берегу озера.

Ясно утро. Тихо вѣетъ теплый вѣтерокъ; лугъ, какъ бархатъ, зеленѣетъ; въ заревѣ востокъ. Окаймленное кустами молодыхъ ракушекъ, разноцвѣтными огнями озеро блеститъ. Тишинѣ и солнцу радо, по равнинѣ водъ лебедей ручное стадо медленно плыветъ; вотъ одинъ взмахнулъ лѣниво крыльями,—и вдругъ влага брызнула игриво жемчугомъ вокругъ.

Привязавъ къ ракушкамъ лодку, мужики, вдвоемъ, близъ осоки, втихомолку, тянутъ сѣть съ трудомъ. По травѣ, въ рубашкахъ бѣлыхъ, скачутъ босикомъ два мальчишка загорѣлыхъ на прутахъ верхомъ. Крупный потъ съ нихъ градомъ льется и лицо горитъ; звучно смѣхъ ихъ раздается, голосокъ звенитъ. «Ну, катай на перегонки!» А на шалуновъ съ тайной завистью дѣвченка смотритъ изъ кустовъ.

«Тянутъ, тянутъ!» закричали ребяташки вдругъ: «вдоволь, чай, теперь поймали и линей, и щукъ».

Вотъ на берегъ отлогомъ показалась сѣть.—«Ну, вытряхивай-ка съ Богомъ, нечего глядѣть!» Такъ сказалъ старикъ высокій, весь, какъ лунь, сѣдой, съ грудью выпукло широкой, съ длинной бородой. Сѣть намокшую подняли дружно рыбаки; на песокъ затрепетали окуни, линьки. Дѣти весело шумѣли: «Будетъ на денекъ!» и на короточки присѣли рыбу класть въ мѣшокъ.

«Ты, подкидышь, къ намъ откуда? Не зови,—придетъ... Убирайся-ка отсюда! Не пойдешь,—такъ вотъ!..»—И подкидыша мальчишка оттолкнулъ рукой.

«Ну, за что ее ты, Мишка»,—упрекнулъ другой.

«Экій малый уродился», говоритъ старикъ:—«все бы дрался да бранился,—экой озорникъ. Ты бы внука-то маленько за вихоръ подралъ: онъ взялъ волю-то раненько!»—свату свать сказалъ.

«Охъ!.. дѣвченка надоѣла... Самъ я, знаешь, голъ; тутъ подкидыша безъ дѣла одѣвать изволь».

«Потерпи: чай, не забудетъ за добро Господь! Вѣдь она работать будетъ; Богъ дастъ подрастетъ».

«Такъ-то такъ... вѣстимо, надо къ дѣлу приучить; да теперь беретъ досада безъ толку кормить. И дѣвченка-то большая, сохнетъ, какъ трава, да все плачетъ... дрянъ такая! а на грѣхъ жива!»

Мужики потолковали и въ село пошли, вслѣдъ маль-

чишки побѣжали, рыбу понесли. А дѣвченка провожала грустнымъ взглядомъ ихъ, и слеза у ней дрожала въ глазкахъ голубыхъ.

И. Никитинъ.

107. Самозащита животныхъ.

1. У каждого звѣря, у каждой птицы, у каждого насѣкомаго найдется не мало враговъ. Каждому звѣрю, каждой птицѣ, каждому насѣкомому приходится быть постоянно насторожѣ: чуть оплошаешь,—тотчасъ угодишь на обѣдъ какому-нибудь хищнику.

Большую услугу оказываютъ животнымъ хорошія крылья, быстрыя ноги, крѣпкіе зубы, сильные плавники и хвостъ, но и на нихъ нельзя положиться. Какъ ни сильны крылья, у врага они еще сильнѣе; какъ ни быстры ноги, у врага онѣ еще быстрѣе; какъ ни крѣпки зубы, у врага они еще крѣпче, еще лучше развиты у него плавники и хвостъ.

Совеѣмъ бы плохо пришлось болѣе слабымъ животнымъ, если бы сама природа не пришла имъ на помощь. Создавъ живое существо, природа позаботилась, чтобы его родъ не прекратился, то-есть не перевелся бы и не исчезъ,—и надѣлила огромное большинство животныхъ способностью быть незамѣтными.

Какъ можно оставаться незамѣтнымъ,—объ этомъ мы сейчасъ узнаемъ.

Когда сядетъ на классную доску муха, издали ее не возможно замѣтить; но если та же самая муха сядетъ на бѣлый подоконникъ, она рѣзко выдѣляется и будетъ замѣтна издали. Чтобы оставаться всегда незамѣтнымъ, надо, чтобы цвѣтъ одного предмета сливался съ цвѣтомъ другихъ, окружающихъ его. Такъ и поступаетъ природа. Она снабдила животныхъ окраской, приближающейся, или совершенно совпадающей съ цвѣтомъ тѣхъ предметовъ, среди которыхъ они проводятъ всю жизнь. Такая окраска называется покровительственной и защитительной: при помощи такой окраски природа защищаетъ животныхъ, какъ бы покровительствуетъ имъ.

2. Каждое животное нуждается въ покровительствѣ природы, но болѣе всего нуждаются въ этомъ слабѣйшія изъ нихъ. Таковы насѣкомыя.

Какъ разъ среди насѣкомыхъ особенно сильно и распространена покровительственная окраска. И она, дѣй-

ствительно, является прекраснымъ защитительнымъ средствомъ.

Совершенно беззащитнымъ существомъ являются травяныя тли,—ни зубовъ ни жала; а средства передвиженія самыя ненадежныя. Кажется, нѣтъ ничего легче истребить всѣхъ этихъ крошечныхъ насѣкомыхъ. Однако хищникамъ далеко не такъ-то просто добраться до беззащитной тли.

Травяныя тли получили отъ природы прекрасный костюмъ: своей окраской онѣ совершенно подходятъ къ цвѣту того стебля, на которомъ ютятся эти крошечныя насѣкомыя. Замѣтить издали ихъ нѣтъ никакой возможности, и хищнику, лакомому до тли, придется много разъ прошмыгнуть, чтобы замѣтить притаившееся, словно вѣчно играющее въ прятки, насѣкомое.

3. Зеленый костюмъ и у полевого кузнечика, «травяного соловья».

Сидитъ кузнечикъ на луговинѣ и громко-громко трещитъ. Вы внимательно осматриваете окрестность,—кузнечика нѣтъ, какъ нѣтъ. Секунду тому назадъ онъ стрекоталъ именно здѣсь, подлѣ этого куста. Вы еще внимательно разсматриваете траву,—«травяного соловья» какъ не бывало. Васъ это удивляетъ и сердитъ. Вы начинаете перебирать каждый стебелекъ. Вдругъ... тррр!.. и кузнечикъ скакнулъ изъ-подъ вашей руки. Только послѣ этого вы убѣдились, что кузнечикъ не исчезалъ, а только притаился. Вы идете въ ту сторону, куда скакнулъ кузнечикъ, и точно также не находите его: такъ хорошо умѣетъ «играть въ прятки» насѣкомое! Между тѣмъ, вамъ ничего не стоило бы поймать кузнечика, если бы его костюмъ не сливался съ цвѣтомъ луговины, то-есть не имѣлъ бы покровительственной окраски.

4. Покровительственная окраска спасаетъ отъ многочисленныхъ враговъ и лягушку-древесницу. Ее называютъ также зеленой квакушей. Квакуша большую часть своей жизни проводитъ не на водѣ, а на деревьяхъ или кустарникахъ. За это и прозвали ее древесницей.

Квакуша очень ловко взбирается на деревья, даже по совершенно гладкому стволу.

Костюмъ древесницы зеленый: онъ совершенно подходитъ подъ цвѣтъ листьевъ, среди которыхъ квакуша находитъ себѣ надежный пріютъ. Обладая такимъ костюмомъ, квакуша безъ боязни можетъ задавать самые громогласные концерты.

Древесница обладает замѣчательно острымъ зрѣніемъ и тонкимъ слухомъ. Это даетъ ей возможность еще издали почуять опасность. При малѣйшемъ подозрительномъ шорохѣ квакуша плотно прижимается къ ближайшему зеленому листку—и ни съ мѣста. Блестящіе глазенки древесницы зорко слѣдятъ за врагомъ. Вотъ онъ уже близко,—кажется, надо бы удирать; но квакуша еще плотнѣе и плотнѣе прижимается. Не великъ разсудокъ у лягушки, но и она сознаетъ, что все ея спасеніе въ покровительственной окраскѣ. Лапы выдадутъ, но костюмъ нѣтъ. И древесница не покидаетъ своего убѣжища до самаго послѣдняго момента. Вы протягиваете руку къ листу, подъ которымъ притаилось несчастное, беззащитное существо, почти касаетесь его,—и только тогда, когда не остается уже совершенно никакой надежды на спасеніе, квакуша дѣлаетъ прыжокъ и снова исчезаетъ въ зеленой листвѣ.

На листьяхъ деревьевъ и кустарниковъ больше всего зеленыхъ пауковъ. Въ иной цвѣтъ окрашенъ костюмъ домовыхъ пауковъ. Эти пауки водятся, главнымъ образомъ, въ сору да въ пыли; зеленый костюмъ рѣзко выдѣлился бы и выдалъ бы домового паука; но костюмъ его невзрачный,—точь-въ-точь комочекъ сора или пыли. Среди нея такого обитателя не скоро и разглядишь.

Не зря и не случайно природа дала животному тотъ или другой костюмъ. Снабжая звѣря, птицу и насѣкомое той или другой окраской, природа прежде всего позаботилась, чтобы эта окраска защитила животное.

Н. Сковорода.

108. Водопадъ и ручей.

Кипящій водопадъ, свергаяся со скаль,
Цѣлебному ключу съ надменностью сказалъ,
Который подъ горой едва лишь былъ примѣтенъ,

Но силой славился лечебною своею:

«Не странно ль это? Ты такъ малъ, водой такъ бѣденъ,

А у тебя всегда премножество гостей?

Не мудрено, коль мнѣ приходитъ кто дивиться!

Къ тебѣ зачѣмъ идутъ?»

— «Лечиться»,

Смиренно прожурчалъ ручей.

И. Крыловъ.

109. Весеннее утро въ дорогѣ.

Знаете ли вы, какое наслажденіе выѣхать весной до зари? Вы выходите на крыльцо; на темно-сѣромъ небѣ кой-гдѣ мигаютъ звѣзды; влажный вѣтерокъ набѣгаетъ легкой волной; слышится сдержанный неясный шопотъ ночи; деревья слабо шумятъ, облитыя тѣнью.

Вотъ кладутъ коверъ на телѣгу, ставятъ въ ноги ящикъ съ самоваромъ. Пристяжныя ежатся, фыркаютъ и щеголевато переступаютъ ногами; пара только-что проснувшихся бѣлыхъ гусей молча и медленно перебирается черезъ дорогу. За плетнемъ въ саду мирно похрапываетъ сторожъ; каждый звукъ словно стоитъ въ застывшемъ воздухѣ,—стоитъ и не проходитъ.

Но вотъ вы сѣли; лошади разомъ тронулись, громко застучала телѣга. Вы ѣдете—ѣдете мимо церкви, съ горы направо, черезъ плотину; прудъ едва начинаетъ дымиться. Вамъ холодно немножко, вы закрываете лицо воротникомъ шинели: вамъ дремлется. Лошади скучно шлепаютъ ногами по лужамъ; кучеръ посвистываетъ.

Вотъ вы отѣхали версты четыре—край неба алѣетъ; въ березахъ просыпаются, неловко перелетываютъ галки; воробьи чирикаютъ около темныхъ скирдѣ. Свѣтлѣетъ воздухъ, виднѣй дорога, яснѣетъ небо, бѣлѣютъ тучки, зеленѣютъ поля. Въ избахъ краснымъ огнемъ горятъ лучины, за воротами слышны заспанные голоса. А между тѣмъ заря разгорается; вотъ уже золотыя полосы протянулись по небу; въ оврагахъ клубятся пары; жаворонки звонко поютъ; предразсвѣтный вѣтеръ подулъ, и тихо всплываетъ багровое солнце.

Свѣтъ такъ и хлынетъ потокомъ; сердце въ васъ вострепнется, какъ птица. Свѣжо, весело, 'любо! Далеко видно кругомъ. Вонъ, за рощей, деревня; вонъ, подальше, другая съ бѣлою церковью; вонъ березовый лѣсокъ на горѣ; за нимъ болото, куда вы ѣдете поохотиться.

Живѣе, кони, живѣе! Крупной рысью впередъ! Версты три осталось, не больше. Солнце быстро поднимается; небо чисто; погода будетъ славная. Стадо потянулось изъ деревни къ вамъ навстрѣчу.

Вы взобрались на гору... Какой видъ! Рѣка вьется верстѣ на десять, тускло синѣя сквозь туманъ; за ней водянисто-зеленые луга; за лугами пахучіе холмы; вдали чибиcы съ крикомъ выются надъ болотомъ; сквозь влаж-

ный блескъ, разлитый въ воздухѣ, ясно выступаетъ даль— не то, что лѣтомъ. Какъ вольно дышитъ грудь, какъ бодро движутся члены, какъ крѣпнетъ весь человѣкъ, охваченный свѣжимъ дыханіемъ весны!

И. Тургеневъ.

II. Когда волнуется желтѣющая нива.

Когда волнуется желтѣющая нива
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;
Когда росой обрызганный душистой,
Румянймъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;
Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то чудный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу *)
Про мирный край, откуда мчится онъ,—
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога.

М. Лермонтовъ.

III. Черемуха.

Одна черемуха выросла у меня въ саду среди орѣшника и заглушала лещиновые кусты. Долго думалъ я, рубить или не рубить ее. Черемуха росла не кустомъ, а большимъ деревомъ, развѣсистая, кудрявая, и вся была осыпана бѣлымъ, душистымъ цвѣтомъ. Издалека слышенъ былъ ея запахъ.

Я бы и не срубилъ ея, да одинъ изъ работниковъ безъ меня началъ рубить (я ему прежде сказалъ вырубить всю черемуху). Когда я пришелъ, онъ уже раньше врубился въ дерево вершка на полтора, и сокъ такъ и хлюпалъ подъ топоромъ, когда онъ попадалъ въ прежнюю тяпку. «Нечего дѣлать, видно судьба»,—подумалъ я; взялъ самъ топоръ и началъ рубить.

Всякую работу весело работать; весело и рубить. Весело всадить глубоко топоръ наискось, а потомъ напрямикъ подсесть подкошенное, и дальше врубаться въ дерево. Я совсѣмъ забылъ о черемухѣ, и только думалъ о томъ, какъ бы скорѣе свалить ее.

*) Сказаніе.

Работа пришла къ концу. Я положилъ топоръ, уперся съ мужикомъ въ дерево и попытался свалить его. Мы качнули; дерево задрожало листьями, и на насъ закапало съ него росой, и посыпались бѣлые, душистые лепестки цвѣтовъ. Въ то же время точно крякнуло что-то,—хрустнуло въ серединѣ дерева. Мы налегли; какъ будто заплакало, затрепало въ серединѣ, и дерево свалилось. Оно разодралось у надруба и, покачиваясь, легло сучьями и цвѣтами на траву. Подрожали вѣтки и цвѣты послѣ паденія и остановились.

— Охъ, жалко! штука-то важная,—сказалъ мужикъ. А мнѣ такъ было жалко, что я поскорѣе пошелъ къ рабочимъ.

Л. Н. Толстой.

112. Какъ и чѣмъ кормится растеніе.

Коренья растений берутъ пищу въ землѣ. Они растутъ, удлиняются, развѣтвляются и тянутъ изъ земли соки. Какую же пищу беретъ растеніе изъ земли? Песокъ и глину? Нѣтъ, безъ песку и глины растеніе могло бы еще прожить. Растеніе можно вырастить просто на войлокѣ, если поливать его водой, а въ воду класть все, что надо растенію. Что ему надо? Что оно беретъ изъ земли своими корнями? Если сжечь растеніе на огнѣ, то отъ растенія останется только одна зола. Изъ воздуха растеніе не могло всосать въ себя золы, потому что золы нѣтъ въ воздухѣ. Надо думать, что свою золу растеніе беретъ корнями изъ земли, потому что ему неоткуда больше получить золы. И вотъ почему многіе хозяева удобряютъ землю золою. И, въ самомъ дѣлѣ, вы можете вырастить растеніе, на примѣръ, бобъ, на мокромъ войлокѣ, если станете поливать его водою, а въ эту воду положите немного золы этого же самага растенія, да прибавьте немного селитры, которую можно купить въ аптекѣ. И растеніе вырастетъ, дастъ цвѣты и плоды, какъ будто бы оно росло въ землѣ, хотя здѣсь не было ни песку, ни глины. Если же вы не положите въ воду золы и селитры, растеніе зачахнетъ, не дастъ ни цвѣтовъ, ни плодовъ. Ясно, стало-быть, что корнямъ нужна зола и селитра. Но зола растеній состоитъ изъ очень многихъ веществъ. Всѣ ли эти вещества необходимы растенію?

Въ золѣ есть, на примѣръ, желѣзо. Неужели растеніе питается желѣзомъ? Такой вопросъ задали себѣ ученые. И вотъ какъ они рѣшили эту задачу. Въ нѣсколько горш-

ковъ, какъ нарисовано на рисункѣ, они посадили одинаковыя растенія. Въ два горшка направо они положили все, что нужно растенію, не исключая и желѣза, а въ горшки налѣво они положили то же самое, но въ одинъ горшокъ не положили желѣза, въ другой не положили фосфору, въ третій селитры, въ четвертый не положили поташу. И вы видите на картинкѣ, что въ правомъ горшкѣ, гдѣ положено было всего вдоволь, выросло прекрасное растеніе—высокое, сочное, со множествомъ листьевъ. А въ лѣвомъ горшкѣ, гдѣ желѣза совсѣмъ не было, растеніе выросло маленькое, чахлое. Его чуть видно. Но прибавьте въ этотъ горшокъ желѣза, и растеніе поправится. И поняли ученые,

что растенію нужно желѣзо. Конечно, растеніе питается не чистымъ, не металлическимъ желѣзомъ: оно питается желѣзною солью. Это похоже и на человѣка. Есть малокровныя больныя дѣти. Они больны и слабы. Доктора имъ прописываютъ желѣзо въ пилюляхъ, и блѣдный ребенокъ становится краснощекимъ и здоровымъ. И человѣку, и растенію нужно желѣзо. Безъ

желѣза они болѣютъ и чахнутъ. Растеніе беретъ желѣзо изъ земли своими корнями. Желѣзо, значитъ, попадаетъ и въ рожь, и въ муку, и въ хлѣбъ. Когда мы ѣдимъ хлѣбъ, мы съѣдаемъ и немного желѣза. Безъ него мы заболѣли бы, какъ болѣетъ безъ желѣза и растеніе. Къ счастью, желѣза въ землѣ очень много. Оно находится тамъ въ видѣ желѣзной ржавчины. Оно есть, напримѣръ, въ красной глинѣ, а красной глины много почти вездѣ.

Въ одномъ изъ горшковъ налѣво нѣтъ фосфору, и вы видите на картинѣ, какъ чахнетъ растеніе безъ фосфору. Такимъ образомъ, ученые узнали, что растенію нуженъ и фосфоръ, изъ котораго дѣлаютъ фосфорныя спички. Если фосфора нѣтъ, растеніе становится чахлымъ и хилымъ. Но это похоже и на человѣка. Фосфоръ нуженъ и человѣку. Фосфоръ находится и въ нашихъ костяхъ и

въ нашемъ мозгу. Это можетъ напугать васъ. Вы, вѣрно, слышали, что фосфоръ ядъ, что фосфорными спичками травятъ мышей и крысъ. И вдругъ мы ѣдимъ этотъ ядъ. А, между тѣмъ, это—правда. Мы глотаемъ его вмѣстѣ съ пищею, напримѣръ, съ хлѣбомъ, а хлѣбныя растенія берутъ фосфоръ изъ земли. Мы глотаемъ его не въ чистомъ видѣ;—если бы мы глотали его въ чистомъ видѣ и по-много, мы отравились бы.

Въ одномъ изъ горшковъ налѣво не положили поташу, и вы видите на картинкѣ, какое чахлое выросло въ этомъ горшкѣ растеніе. Безъ поташу растенію худо. Такимъ же образомъ ученые узнали, что растеніе беретъ изъ земли своими корнями еще другія вещества.

В. Вазтеровъ.

113. Рубка лѣса.

Плакала Саша, какъ лѣсъ вырубали;
Ей и теперь его жалко до слезъ.
Сколько тутъ было кудрявыхъ березъ!
Тамъ изъ-за старой, нахмуренной ели
Красныя гроздья калины глядѣли;
Тамъ подымался дубокъ молодой;
Птицы царили въ вершинѣ лѣсной;
По низу всякіе звѣри таились...
Вдругъ мужики съ топорами явились.
Лѣсъ зазвенѣлъ, застоналъ, за-
трещалъ;
Заяцъ послушалъ и—вонъ побѣжалъ.

Съ пѣснями трудъ человѣка спорился,—
Словно подкошенъ, осинникъ ва-
лился,
Съ трескомъ ломали сухой берез-
някъ,
Корчили съ корнемъ упорный дуб-
някъ.
Старую сосну сперва подрубали,
Послѣ арканомъ ее нагибали,
И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы къ землѣ прилегла поплот-
нѣй...
Трупы деревьевъ недвижно ле-
жали;
Сучья ломались, скригѣли, тре-
щали...

П. Некрасовъ.

114. Осина.

Я, признаюсь, не слишкомъ люблю это дерево—осину, съ ея блѣдно-лиловымъ стволомъ и сѣро-зеленой металлической листвою, которую она вздымаетъ какъ можно выше и дрожащимъ вѣромъ раскидываетъ на воздухъ; не люблю я вѣчное качанье ея круглыхъ, неопрятныхъ листьевъ, неловко прикрѣпленныхъ къ длиннымъ стебелямъ. Она бываетъ хороша только въ иные лѣтніе вечера, когда, возвышаясь отдѣльно, среди низкаго кустарника, приходится въ упоръ рдѣющимъ лучамъ заходя-

щаго солнца, и блеснить, и дрожить, съ корней до верхушки облитая одинаковымъ желтымъ багрянцемъ, или когда, въ ясный вѣтрeный день, она вся шумно струится и лепечетъ на синемъ небѣ, и каждый листъ ея, подхваченный стремленьемъ *), какъ будто хочетъ сорваться, слетѣть и умчаться въ даль.

И. Тургеневъ.

115. Л ъ с ъ.

(Памяти А. С. Пушкина).

Что, дремучій лѣсъ,
Призадумался,
Грустью темною
Затуманился?
Что, Бова-силачъ,
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою—
Ты стоишь—понижь,
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей-бурею?
Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ
И развѣялъ въ прахъ;
Плащъ упалъ къ ногамъ
И рассыпался...
Ты стоишь—понижь—
И не ратуешь.
Гдѣ жъ дѣвалась
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?
У тебя ль, было,
Въ ночь безмолвную
Заливная пѣснь
Соловьиная...
У тебя-ль, было,
Дни—роскошество,
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются.
У тебя ль, было,
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурей
Разговоръ пойдетъ;
Распахнетъ она
Тучу черную,

Обойметъ тебя
Вѣтромъ-холодомъ...
И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
«Вороти назадъ!
Держи около!»
Закружитъ она,
Разыграется,—
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатается...
Встрепенувшись,
Разбушуешься,—
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гуль...
Гдѣ жъ теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился;
Одичалъ, замолкъ,—
Только въ непогоду
Воешь жалобу
На безвременье...
Такъ-то, темный лѣсъ,
Богатырь-Бова!
Ты всю жизнь свою
Маялъ битвами.
Не осилили
Тебя сильные,
Такъ дорѣзала
Осень черная.
Знать, во время сна,
Къ безоружному
Силы вражи
Понахлынули;
Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову—
Не большой горой,
А соломинкой...

А. Колмовъ.

*) Т. е. вѣтромъ.

116. Липа.

Славное дерево—старая липа; листь на ней мягкій, цвѣтъ душистый, сучья широко раскинулись во все стороны,—прохладная тѣнь подъ ними. Не даромъ липовая аллея—лучшее мѣсто въ саду.

При своей красотѣ липа приноситъ человѣку и неисчислимую пользу—и цвѣтами, и древесиной, и корою.

Въ срединѣ лѣта цѣлые рои пчелъ гудятъ въ густой листьѣ липы, собирая медъ съ душистыхъ цвѣтовъ. Липовый медъ («липовецъ») бѣлъ и чистъ, какъ слеза, душистъ и пріятенъ на вкусъ. Отъ начала Руси и до нашихъ дней пчеловодство составляетъ прибыльный промыселъ, а русскій медъ и воскъ славятся и за границей. Сушеный липовый цвѣтъ въ деревняхъ завариваютъ и пьютъ, какъ чай, противъ грудныхъ болѣзней.

На постройки липа не годится, зато очень удобна для разныхъ подѣлокъ. Древесина у липы мягкая и свѣтлая, она легко и чисто рѣжется ножомъ и хорошо полируется. Изъ липы рѣжутъ иконостасы и всякія рѣзныя украшенія, готовятъ чашки, блюда, кадки, игрушки.

Но больше всего липа полезна своею корою, изъ которой добываютъ лубъ, мочало и лыки. Весною, когда легче всего отдѣляется кора отъ древесины, крестьяне цѣлыми семьями отправляются въ липовые лѣса и живутъ тамъ по недѣлямъ, терпѣливо перенося зной и непогоду, мученье отъ комаровъ и другія невзгоды. Въ лѣсу валятъ липовыя деревья, очищаютъ ихъ отъ сучьевъ и вѣтокъ, снимаютъ съ нихъ кору. На старыхъ липахъ кора тверда и деревяниста, изъ нея готовятъ только лубья. На липахъ помоложе—кора мягче, волокнистѣе,—она идетъ на мочало. Кору эту мочатъ сначала въ ручьи или болотъ, а потомъ внутренніе ея слои отдираютъ тонкими лентами, и получается свѣтлое, мягкое, крѣпкое мочало. Мочало развѣшиваютъ на шестахъ для просушки, а потомъ оно идетъ на продажу. Изъ липоваго луба дѣлаютъ кораба, вырѣзаютъ подстилки въ телѣги и деревенскія сани; лубомъ кроютъ и крыши. Изъ мочала ткутъ рогожи, дѣлаютъ кули, кульки, вяжутъ веревки и канаты. Мочаломъ набиваютъ мебель, тюфяки, подушки.

Съ молодыхъ липокъ получается лыко. Изъ лыкъ плетутъ лапти и рѣшета, вяжутъ веревки.

Милліоны народа кормятся отъ липы. Но теперь мо-

чальный промысел падаетъ съ каждымъ годомъ. Старые липовые лѣса повсюду уничтожаются безпощадно, а молодая поросль не успѣетъ на свѣжей поруби подняться, какъ ее тотчасъ вытравить скотина. Во многихъ губерніяхъ липа совсѣмъ исчезла, и нерасчетливые хозяева сами лишили себя и свое потомство прибыльнаго промысла.

Д. Кайгородовъ.

117. Д е р е в о.

Увидя, что топоръ крестьянинъ несть,
«Голубчикъ», деревцо сказало молодое:
«Пожалуй, выруби вокругъ меня ты лѣсъ.
Я не могу расти въ покоѣ:
Ни солнца мнѣ не виденъ свѣтъ,
Ни для корней моихъ простору нѣтъ,
Ни вѣтеркамъ вокругъ меня свободы:
Такіе надо мной онъ сплестъ изволилъ своды!
Когда бъ не отъ него расти помѣха мнѣ,
Я въ годъ бы сдѣлалось красою сей странѣ,
И тѣню бы моей покрылась вся долина;
А нынѣ тонко я, почти какъ хворостина»
Взялся крестьянинъ за топоръ
И дереву, какъ другу,
Онъ оказалъ услугу:
Вкругъ деревца большой очистился просторъ.
Но торжество его не долго было:
То солнцемъ дерево печетъ,
То градомъ, то дождемъ сѣчетъ,
И вѣтромъ, наконецъ, то деревцо сломило.
«Безумное!» ему сказала тутъ змѣя:
«Не отъ тебя ль бѣда твоя?
Когда бъ, укрытое въ лѣсу, ты возрастало,
Тебѣ вредить ни зной, ни вѣтры не могли:
Тебя бы старыя деревья берегли;
А если бъ нѣкогда деревьевъ тѣхъ не стало,
И время ихъ бы отошло,
Тогда, въ свою чреду, ты столько бъ возросло,
Усилилось и укрѣпилось,
Что нынѣшней бѣды съ тобой бы не случилось,
И бурю, можетъ быть, ты бъ выдержать могло!»

И. Крыловъ.

118. П а л ь м ы.

Что для насъ рожь и пшеница, то для народовъ нѣкоторыхъ жаркихъ странъ—пальма. Различныхъ породъ этого дерева насчитываютъ до тысячи. Родина пальмы—самыя жаркія страны на землѣ. По виду своему пальмы не похожи на наши деревья. У нихъ вовсе нѣтъ вѣтокъ;

отъ корня идетъ вверхъ одинъ прямой стволъ; на верхушкѣ выступаетъ нѣсколько громаднѣхъ листьевъ. Между листьями появляются цвѣты и плоды. Цвѣты пальмъ некрасивы. У нѣкоторыхъ породъ пальмъ листья имѣютъ семь сажень въ длину и болѣе трехъ аршинъ въ ширину. Высота ствола доходитъ до 11 сажень. У корня толщина ствола имѣетъ въ обхватѣ безъ малаго три аршина. Древесина пальмъ очень крѣпка. Столбы, бревна, срубы въ колодцахъ изъ пальмоваго дерева хорошо служатъ болѣе ста лѣтъ.

Въ пустыняхъ, на сухой песчаной землѣ, растетъ финиковая пальма. Если бы не это растеніе, то во многихъ жаркихъ пустыняхъ человѣкъ вовсе не могъ бы существовать. Плоды на финиковой пальмѣ растутъ большими кустами. По виду и цвѣту они похожи на крупный жолудь, но мясисты и сочны. Каждое дерево даетъ пять-семь пудовъ такихъ плодовъ. Ихъ сушатъ и дѣлаютъ муку, изъ которой пекутъ лепешки, варятъ разныя кушанья. Финики идутъ въ пищу не только человѣку, но служатъ кормомъ и верблюду, лошади и даже собакамъ тѣхъ странъ. Плоды со-

Финиковая пальма.

храняются зарытыми въ песокъ около двухъ лѣтъ. Въ Египтѣ народъ платитъ налогъ не съ земли, а съ каждой финиковой пальмы, дающей плоды. Каждый годъ въ казну поступаетъ плата съ двухъ миллионѣхъ деревьевъ. Между тамошними жителями есть хозяева,

которые имѣютъ по двѣ и по три тысячи финиковыхъ пальмъ.

Не меньшую пользу приносить человѣку кокосовая пальма. Она растетъ на берегахъ тропическихъ морей. Наверху ствола ея красуется до 20 листьевъ. По виду они похожи на громадныя перья. Каждый листъ имѣетъ сажени три въ длину и полсажени въ ширину. По народной поговоркѣ тамошнихъ жителей, кокосовая пальма годна на 99 дѣлъ. Хорошая хозяйка можетъ цѣлый мѣсяцъ готовить изъ нея каждый день новое кушанье. Стволъ даетъ отличный строительный матеріалъ. Листьями кроются крыши. Когда листья только-что показываются изъ почки, ихъ можно ѣсть вареными и жареными, какъ самую хорошую капусту. Изъ кожуры цвѣтовыхъ почекъ получаютъ сладкій сокъ—пальмовое вино. Изъ этого же сока вывариваютъ сахаръ. Плодъ кокосовой пальмы—орѣхъ, величиною въ голову ребенка. Пока орѣхъ не со-всѣмъ созрѣлъ, онъ содержитъ въ себѣ сладковатую жидкость, такъ называемое кокосовое молоко. Когда же ядро поспѣетъ, изъ его мякоти получается отличное масло; оно годно для пищи, для освѣщенія, для приготовления мыла и свѣчей. Это масло идетъ въ продажу, а выжимки являются хорошимъ кормомъ для свиней и домашней птицы. Изъ скорлупы орѣха дѣлаютъ посуду. Изъ волоконъ орѣха, ствола и листьевъ дѣлаютъ крѣпкіе канаты, корзины, рогожи, ткани, щетки, шляпы; ихъ вывозятъ на продажу въ другія страны. Кокосовую пальму видишь около каждой хижины. Шестьдесятъ такихъ пальмъ для семейства жителей тѣхъ далекихъ странъ то же, что для нашего земледѣльца поле ржи или картофеля. Кокосовая пальма можетъ жить до ста лѣтъ. На шестомъ году она уже даетъ плоды. Каждое дерево приноситъ отъ 20 до 150 орѣховъ въ годъ.

(Изъ кн. *Взрослыхъ*.)

II9. С о л о в ѣ и.

Качая младшаго сына,
Крестьянка старшимъ говорила:
— Играйте, дѣтушки, пока!
Я сарафанъ почти дошила;
Сейчасъ Буренку обряжу,
Коня навяжемъ травку кушать!
И васъ въ ту рожицу свожу—
Пойдемъ соловушекъ послушать;
Тамъ ихъ, что въ кузовѣ груздей,

— Да не мѣшай же мнѣ, проказникъ!—
У насъ нѣтъ мѣста веселѣй.
Весною, дѣти, каждый праздникъ
По вечерамъ туда идутъ
И старъ и молодъ. На полянѣ
Дѣвицы красныя поютъ,
Гудятъ старики-крестьяне.

А въ рощѣ, милые мои,
Подъ разговоръ и смѣхъ народа
Поютъ и свищутъ соловьи
Звончѣй и слаще хоровода!..
И хорошо и любо всеѣмъ.

Да только... (Климъ, не трогай Сашу!)
Чуть-чуть соловушки всеѣмъ
Не разлюбили рощу нашу:
Вѣдь нашъ-то курскій соловей
Въ цѣнѣ,—тутъ много ихъ ловили,—
Ну, испугались сѣтей
Да мимо насъ и прокатили!

Пришла,—разсказывалъ нашъ дѣдъ,—
Весна, а роща—какъ нѣмая
Стоить: гостей залетныхъ нѣтъ...
Взяла крестьянъ тоска большая.
Ужъ вотъ и праздникъ наступилъ,
И на полянѣ погуляли,
Да праздникъ имъ не въ праздникъ былъ!
Крестьяне бороны чесали.

И положили межъ собой,—
Умѣлъ же Богъ на умъ наставить!—
На той полянѣ, въ рощѣ той
Сѣтей, силковъ вовѣкъ не ставить!

И понемногу соловьи
Опять привыкли къ рощѣ нашей,
И нынче, милые мои,
Имъ мѣста нѣтъ любѣй и краше!
Туда съ сѣтями сколько лѣтъ
Никто и близко не подходитъ,
И строго-настрога запретъ
Отъ дѣда къ внуку переходить.

Зато весной—весь лѣсъ гремитъ!
Что день, то новый хоръ прибудетъ...
Подъ пѣсни ихъ деревня спитъ,
Ихъ пѣсня насъ поутру будитъ.
Запомнить надобно и вамъ:
Избави Богъ тутъ ставить сѣти!
Вѣдь надо жъ бѣднымъ соловьямъ
Дать гдѣ-нибудь и отдыхъ, дѣти...

Н. Некрасовъ.

120. Березка и дубъ.

Ты знаешь темный лѣсъ, что на краю оврага? Вчера туда я вечеромъ ходилъ... Я видѣлъ тамъ столѣтній дубъ, высокій и тѣнистый. Изъ-за разодранной его коры дупло темнѣло, и сѣрый мохъ весь стволъ его покрылъ. И тутъ же, рядомъ съ нимъ, я увидалъ березку. Свѣтлымъ пятномъ выступала ея блѣдная, нѣжная зелень на темной дубовой листвѣ. Дубъ тѣнью своею березку прикрылъ, былъ ей защитой отъ бурь, но зато ни вольнаго вѣтра порывъ, ни солнечный лучъ золотистый не пробивались сквозь листву могучаго старца.

Такъ въ покоѣ березка росла, но безъ воли, простора и свѣта, въ вѣчной тѣни и затишьи.

«Была ли довольна она?» спросилъ я себя. И березка дала мнѣ отвѣтъ.

Тихимъ шелестомъ листьевъ она мнѣ промолвила:
«Нѣтъ!»

П. Засодимскій.

121. Хинное дерево.

Всякій слыхалъ о болѣзни лихорадкѣ. Много людей хворають ею. Въ жаркихъ болотистыхъ мѣстностяхъ даже умирають отъ лихорадки. Лучшимъ лекарствомъ противъ этой болѣзни служитъ хина. Добываютъ ее изъ коры хиннаго дерева. Хинныя деревья растутъ въ жаркихъ странахъ Америки, на высокихъ горахъ. Тамъ прохладно и сыро; по ночамъ лежитъ густой туманъ; но никогда не бываетъ снѣга. Вѣчно-зеленыя хинныя деревья бываютъ нѣсколькихъ сортовъ: одни своими листьями напоминають ольху, другія вербу или иву. Цвѣты хиннаго дерева расположены пучками; они розоваго цвѣта. Стройное хинное дерево высоко поднимаетъ свою красивую вершину. Опытный глазъ туземца издали отличаетъ розовую вершину хиннаго дерева, но не всегда можно добраться до него: быстрый потокъ, глубокая пропасть, крутая скала часто загораживаютъ путь. Поэтому добывать хину тяжело и опасно. Добытчики захватываютъ запасы на долгое время; они расходятся поодионокѣ или вдвоемъ въ разныя стороны. Часто имъ приходится прокладывать себѣ дорогу ножомъ или топоромъ.

Разыскавъ хинное дерево, его срубають и снимають кору. Снятая кора высушивается на солнцѣ. Доставка

хинныхъ корокъ изъ лѣсу—самая трудная работа. Доставленные хинныя корки сортируютъ, подсушиваютъ, складываютъ въ связки и отправляютъ въ городъ. Тамъ связки корокъ зашиваютъ въ сырую кожу. Засыхая, кожа плотно стягивается. Въ такомъ видѣ хину отправляютъ на корабляхъ во всѣ части свѣта.

Много хинныхъ деревьевъ истребили такимъ способомъ. И все же хина была очень дорога и доступна только богатымъ людямъ. Но голландцы добыли сѣмена хиннаго дерева и стали разводить его.

Теперь на высокихъ горахъ жаркихъ странъ разводятъ цѣлые хинныя лѣса. Съ дерева снимаютъ не всю кору, а только съ одной стороны. Когда большое мѣсто затягивается, кору снимаютъ съ другой стороны. Послѣ двухъ разъ дерево растетъ плохо, болѣетъ: его срубаютъ и снимаютъ всю кору. Хинныхъ лѣсовъ разводятъ все больше и больше. Потому съ каждымъ годомъ хина становится все дешевле.

К. Лукашевичъ.

122. Свѣтлый праздникъ весны.

Весна пришла. Взгляни скорѣй въ оконце:
Какъ ясны и глубоки небеса,
Какъ ожили и нивы, и лѣса
Отъ взгляда ласковаго солнца.
Какъ чистый драгоценный изумрудъ,
Видна повсюду зелень молодая,
И птички, рѣзво въ воздухѣ ныряя,
Хвалебный гимнъ веснѣ поютъ.
Весна... Чу! Звонъ раздался колокольный.
Народъ изъ церкви тѣсною толпой
Выходить съ облегченною душой,
Съ душой счастливой и довольной.
«Христосъ воскресъ!» Опять весна настала,
Воскресло все отъ солнечныхъ лучей,
Воскресъ Христосъ опять въ сердцахъ людей,
И жизнь ихъ снова засіяла.

А. Вороховъ.

123. Молебствіе о дождѣ.

Въ деревнѣ страшная сушь и духота. На дорогѣ пыль столбомъ стоитъ. Скотина измаялась, совсѣмъ перестала ѣсть: все тянетъ ее къ водѣ, къ болотамъ. Зайдетъ на середину, стоитъ, понуря голову, то и дѣло отмахивается отъ мошекъ, комаровъ да оводовъ. Сильно пахнетъ горѣлымъ или, какъ говорятъ, смородомъ; кругомъ на дале-

кое пространство лѣса горять. Трава пожелтѣла и засохла; запыленные въ поляхъ цвѣты, точно сонные, опустили и наклонили свои пестрыя головки. Засуха; дождя не было съ самой Пасхи. Крестьяне смотрятъ на небо: не заноситъ ли съ какой стороны тучки. Нѣтъ: небо чистое, голубое, чуть-чуть прикрыто, словно паутиной, тонкими бѣлыми облаками.

— Дождичка бы!.. Ахъ, хорошо бы, такъ бы хорошо, кабы да дождичка,—толковали крестьяне.

— Дай-то, Господи, Пресвятая Владычица, дождичка! — крестились старухи, выглядывая въ окошко... — Наказаніе Божіе!.. Прогнѣвили Его, Создателя!.. Чего мужики-то думаютъ? надобно міромъ помолиться, иконы поднять...

Порѣшили помолиться о дождѣ и на другой же день идти въ село за образами. Чуть занялась заря,—деревня зашевелилась... Пятеро мужиковъ безъ шапокъ, въ красныхъ рубахахъ, синихъ кафтанахъ и намазанныхъ дегтемъ сапогахъ, взявши чистыя ширинки—чтобы повѣсить на образа,—отправились по дорогѣ въ село. За ними побѣжали мальчишки; поплелся блаженненькій Федюша, побрела болѣзненная старушка Савельевна, да Божій человекъ—Парасковьюшка—что оmyваетъ покойниковъ, да принимаетъ странниковъ и къ Христову дню дресвой моетъ полы въ церкви...

Черезъ нѣсколько часовъ послышался далекій гулъ благовѣста въ селѣ.—«Чу... образа идутъ!» заговорили на деревнѣ. Три бабы понесли въ поле три столика, покрытые бѣлыми скатертями, и вся деревня, разодрѣвшись въ лучшіе наряды, высыпала за околицу на встрѣчу приближающемуся шествію.

Впереди два мальчика несли два церковныхъ фонаря съ зажженными восковыми свѣчами, третій несъ деревянный крестъ; мужики, по два у каждой, держали хоругви; женщины несли образа. За иконами шли священникъ и діаконъ въ облаченіи, вмѣстѣ съ дьячками. Когда приблизился крестный ходъ, всѣ встрѣчавшіе, отъ мала до велика, пали на землю, и образа пронесли надъ ними.

Ходъ, сопровождаемый всею деревнею, направился сначала въ ржаное поле. Только-что поставили образа на столы, поднялся сильный вѣтеръ: хоругви рвало, и нужно было ихъ держать за концы; свѣтъ не было возможности зажечь, тотчасъ гасли... Когда хоръ повторялъ: «Дажь дождь землѣ жаждущей, Спасе»,—всѣ

кланялись въ землю и усердно молились... Старухи плакали.

По окончаніи водосвятнаго молебна, когда священникъ окропилъ поле и образа тронулись въ другое поле, ярое, слышался отдаленный громъ... Всѣ переглянулись съ благоговѣйнымъ изумленіемъ и посмотрѣли на небо. На краю неба двигалась черная, дождевая туча; солнышко скрылось. Во время второго молебна, въ ту минуту, когда читалась молитва и всѣ стояли на колѣняхъ, набѣжалъ вихорь,—хоругви вырвались изъ рукъ мужиковъ и развѣвались на древкахъ,—вдругъ зашумѣлъ и полился крупный и сильный дождь...

— Слава Тебѣ, Господи! Благодать Божья! Господь услышалъ грѣшную нашу молитву, — тихо повторяли, крестясь, крестьяне.

Поспѣшно, почти бѣгомъ, крестный ходъ подъ дождемъ возвращался въ деревню по свѣжимъ и ярко зеленымъ полямъ.

124. Л ѣ т о м ѣ.

Что за раздолье широкое лѣтомъ!

Все, что таилось невѣдомо гдѣ,

Вызвано теплымъ, живительнымъ свѣтомъ.

Радость, движеніе и звуки—вездѣ.

Что за могучая сила родится

Въ Божьемъ созданьи! Не чудо ль творится?..

Все обновляется, дышитъ, поетъ,

Все пробуждается, счастьемъ живетъ.

Вотъ на водѣ расширяется кругъ...

Слышишь, какъ весело плещется рыбка?

Въ рошу пойдешь ли, въ просторный ли лугъ,—

Звуки вездѣ, и привѣтъ и улыбка...

Пѣснями полонъ развѣсистый садъ,

Съ пѣснями мошки надъ озеромъ вьются...

Ржанье коня и блеяніе стада

Вечеромъ въ звучной дали раздаются...

Всѣ голоса точно слились въ одинъ;

Радостный міръ такъ глубоко спокоенъ,

И отъ земли до небесныхъ вершинъ

Мирно и счастливо весь онъ настроенъ.

И. Никитинъ.

125. Насѣкомыя и растенія.

Зачѣмъ цвѣтамъ ихъ яркій нарядъ? Зачѣмъ аромат и сладкій сокъ? Всѣ эти прелести не для насъ съ вами, а для друзей растений: бабочекъ, пчелъ, шмелей, различ-

ныхъ жуковъ и мухъ. Увидить пчела яркій цвѣтокъ или услышитъ его запахъ еще издали, зажужжитъ, полетитъ прямо къ нему, подлетитъ и запуститъ въ него свой длинный язычекъ, чтобы добыть изъ самой глубины цвѣтка сладкій сокъ. Пока она возится съ этимъ цвѣткомъ, всю ее обсыплетъ желтая цвѣточная пыль или «пыльца». Эта пыль высыпается изъ головокъ созрѣвшихъ тычинокъ. Полетитъ теперь пчела дальше, къ другому цвѣтку, за новой «взяткой», а на своихъ волосахъ понесетъ съ собою и цвѣточную пыль. Снова подлетитъ она къ цвѣтку, снова запуститъ въ него язычекъ и, навѣрное, оставитъ теперь въ этомъ второмъ цвѣткѣ нѣсколько пылинокъ, принесенныхъ съ собою. Такъ, насѣкомыя, посѣщая цвѣты, разносятъ изъ цвѣтка въ цвѣтокъ ихъ желтую пыль, а цвѣтамъ это только и надо.

Безъ пыльцы не можетъ созрѣть ни одно сѣмячко въ пестикѣ. Пылинка должна попасть на кончикъ пестика. Она должна пустить какъ бы корешокъ внутрь этого пестика. То, что находится внутри ея, должно по этому корешку спуститься въ самую глубь пестика, дойти до маленькаго зародыша сѣмячка, лежащаго въ глубинѣ. Оно должно слиться съ этимъ зародышемъ вмѣстѣ, и только тогда зародышъ начнетъ расти и мало-по-малу превращается въ зрѣлое сѣмячко.

У всякаго растенія пылинки свои, отличающіяся отъ пылинокъ другихъ растеній. Вотъ почему пылинка каждаго растенія, чтобы былъ изъ нея прокъ, должна непременно попасть на пестикъ того же растенія: пылинка гороха на пестикъ гороха, пылинка фасоли на пестикъ фасоли, пылинка картофеля на пестикъ картофеля и т. д.

Кто слѣдилъ за шмелями и пчелами, тотъ могъ замѣтить, что каждая пчела или шмель любятъ посѣщать одни и тѣ же цвѣты. Если пчела сѣла на клеверъ, то, слетѣвши съ него, она снова сядетъ на клеверъ, другая пчела будетъ перелетать съ горошка на горошекъ, третья—съ мяты на мяту,—словомъ, всегда на тѣ же цвѣты. Точно также и другія насѣкомыя не любятъ мѣнять цвѣтовъ безъ причины. Если имъ понравились одни изъ цвѣтовъ, то долго они не измѣняютъ имъ. Вотъ почему цвѣты спокойно имъ отдають свою пыль. Они знаютъ, что эта пыль достигнетъ своего назначенія: она перенесется на такой же цвѣтокъ, хотя и другого растенія, и не погибнетъ безъ пользы.

Ю. Вагнеръ.

126. Н и в а.

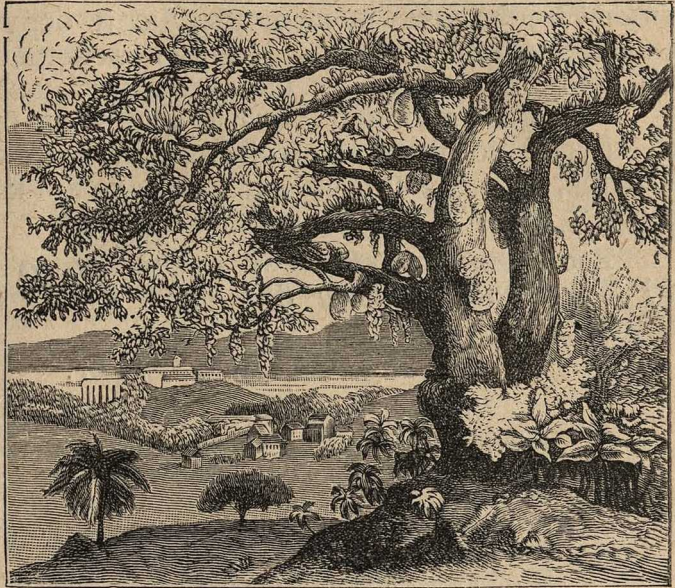
1. По нивѣ прохожу я узкою межей,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
Куда ни оглянусь—повсюду рожь густая!
Иду, съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжать колосья надо мной
И колютъ мнѣ лицо... Иду я, наклоняясь,
Какъ будто бы отъ пчель тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.
2. О, Божья благодать!.. о, какъ прилечь отраднo
Въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
И жницы и жнецы, ныряя, точно въ морѣ,
Ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;
Вонъ—на зарѣ стучать проворные цѣпы;
Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана и меда;
Вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа
На пристани кули валятся; вдоль рѣки,
Гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая
И длинной бечевою по влагѣ ударяя...
3. О, Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай,—дары святые неба,—
Но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!
Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой насаждены, повѣяла весна,
И непогодами несгубленные зерна
Пустили свѣжіе ростки свои проворно.
О, дай намъ солнышка! пошли ты ведра намъ,
Чтобъ вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ!
Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ, стариками
Придти на тучныя ихъ нивы подышать
И, позабывъ, что мы ихъ полили слезами,
Промолвить: «Господи! какая благодать!»

А. Майковъ.

127. Хлѣбное дерево.

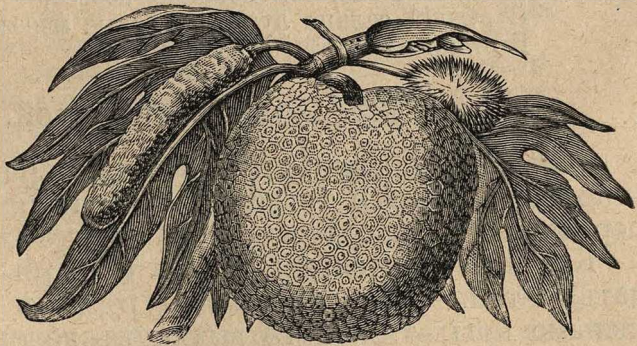
Въ жаркихъ странахъ растетъ большое дерево, которое прозвали хлѣбнымъ деревомъ. Листья на немъ крупные, вырѣзные, на стволѣ и вѣткахъ появляются плоды, величиною и видомъ они похожи на дыню. Въ тѣхъ жаркихъ странахъ наши хлѣба—пшеница, рожь—не растутъ, да тамошніе люди не умѣютъ вовсе обрабатывать землю. Когда люди изъ нашихъ земель пріѣхали туда въ первый разъ, то увидѣли, что у жителей нѣтъ вовсе домашняго

скота: ни коровъ, ни лошадей, ни козъ, ни овецъ. Трудно было бы прожить, прокормиться этимъ дикимъ, неумѣлымъ людямъ, если бы у нихъ не было хлѣбнаго дерева. Оно даетъ плоды 8 мѣсяцевъ въ году, и плодовъ на немъ столько, что двухъ деревьевъ вполне достаточно, чтобы прокормить человѣка. Кто изъ жителей на своемъ вѣку посадилъ десять хлѣбныхъ деревьевъ, тотъ можетъ считать, что обезпечилъ на всю жизнь пищу и себя и семью свою.

Хлѣбное дерево.

Хлѣбное дерево живетъ до восьмидесяти лѣтъ. Плодовъ его сырыми не ѣдятъ: когда сорвутъ плодъ съ дерева, то кладутъ его въ горячую воду или на раскаленные камни и пекутъ, какъ мы печемъ картофель. Кожа на плодѣ трескается, и сквозь нее проглядываетъ бѣлая рыхлая мякоть. Вкусомъ она похожа на мякишъ пшеничнаго хлѣба съ тертымъ варенымъ картофелемъ.

Плодъ хлѣбнаго дерева.

На то время, когда плодовъ на хлѣбномъ деревѣ не бываетъ, жители дѣлаютъ запасы. Они срываютъ спѣлые

плоды, снимають съ нихъ кожу, мякишъ толкутъ и растирають въ тѣсто. Приготовляютъ яму, выкладываютъ ее камнемъ и туда складываютъ тѣсто. Сверху такую яму покрываютъ кучей листьевъ и камней. Тѣсто въ ямѣ начинаетъ бродить и киснетъ. Люди берутъ тогда тѣста, сколько нужно на разъ, дѣлають лепешки, заворачивають въ листья и пекутъ на раскаленныхъ камняхъ.

Стволъ хлѣбнаго дерева идетъ на бревна, на доски и другія подѣлки; густой липкій сокъ дерева употребляется, какъ у насъ смола; изъ молодой коры плетутъ рожи и даже ткутъ ткани для одежды.

Пословицы. 1) *Калачъ пріѣстся, а хлѣбъ никогда.* 2) *Хлѣбушка калачу дядушка.* 3) *Не шуба грѣетъ, а хлѣбъ.*

128. О с е н ь .

Октябрь ужъ наступилъ; ужъ роца отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній хладъ; дорога промерзаетъ;
Журча еще бѣжитъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже застылъ; сосѣдъ мой поспѣшаетъ
Въ отъѣзжія поля съ охотою своею,—
И страждутъ озими отъ бѣшеной забавы,
И будить лай собакъ уснувшія дубравы.

Унылая пора! очей очарованье!
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

А. Пушкинъ.

129. Полетъ журавлей.

Сильный, переливчатый, звонкій крикъ раздался внезапно надъ нами и тотчасъ же повторился уже немного впереди... Это запоздалые журавли летѣли на сѣверъ.

Крупныя, красивыя птицы (ихъ было всего тринадцать) летѣли трехугольникомъ, рѣзко и рѣдко махая выпуклыми крыльями. Туго вытянувъ головы и ноги, круто выставивъ грудь, онѣ стремились неудержимо и до того быстро, что воздухъ свисталъ кругомъ. Чудно было видѣть на такой вышинѣ, въ такомъ удаленіи отъ всего живого, такую горячую, сильную жизнь, такую неуклонную волю. Не переставая побѣдоносно разсѣкать про-

странство, журавли изрѣдка перекликались съ передовымъ товарищемъ, съ вожакомъ,—и было что-то гордое, важное, что-то несокрушимо-самоувѣренное въ этихъ громкихъ возгласахъ, въ этомъ подоблачномъ разговорѣ: «Мы долетимъ, небось, хоть и трудно», казалось, говорили они, ободряя другъ друга.

И. Тургеневъ.

130. Отлеть птицъ.

Улетаютъ крылатые гости,
Улетаютъ на радостный югъ,
Гдѣ живетъ и цвѣтетъ все на
волѣ,
Не страдая отъ стужи и вьюгъ.
Съ каждымъ днемъ умолкаютъ
ихъ пѣсни,
Съ каждымъ днемъ оставляютъ
они
Тѣ мѣста, гдѣ готовили гнѣзда
И встрѣчали весенніе дни;

И летятъ они въ дальнія страны,
Къ Средиземному морю летятъ,
За собой оставляя туманы,
Отогрѣтся на югѣ спѣшать...
До свиданья, залетные гости,—
Лишь подснежникъ въ лѣсу рас-
цвѣтетъ,
Лишь пригрѣетъ весеннее солнце,
Снова хоръ вашъ у насъ за-
поетъ.

О. Лопатинъ.

131. Морозъ-воевода.

Не вѣтеръ бушуетъ надъ боромъ,
Не съ горъ побѣжали ручьи,
Морозъ-воевода дозоромъ
Обходитъ владѣнья свои.
Глядитъ—хорошо ли метели
Лѣсныя тропы занесли,
И нѣтъ ли гдѣ трещины, щели,
И нѣтъ ли гдѣ голой земли?
Пушисты ли сосенъ вершины,
Красивъ ли узоръ на дубахъ?
И крѣпко ли скованы льдины
Въ великихъ и малыхъ водахъ?
Идетъ—по деревьямъ шагаетъ,
Трепщетъ по замерзлой водѣ;
А яркое солнце играетъ
Въ косматой его бородѣ.
Забравшись на сосну большую,
По вѣточкамъ палицей бьетъ,

И самъ про себя удалую,
Хвастливую пѣсню поетъ:
«Метели, снѣга и туманы
Покорны морозу всегда!
Пойду на моря-океаны—
Построю дворцы изъ льда.
Задумаю—рѣки большія
Надолго упрячу подъ гнетъ,
Построю мосты ледяные,
Какихъ не построятъ народъ.
Гдѣ быстрыя, шумныя воды
Недавно свободно текли,—
Сегодня прошли пѣшеходы,
Обозы съ товаромъ прошли.
Богатъ я, казны не считаю,
А все не скудѣетъ добро;
Я царство мое убираю
Въ алмазы, жемчугъ, серебро».

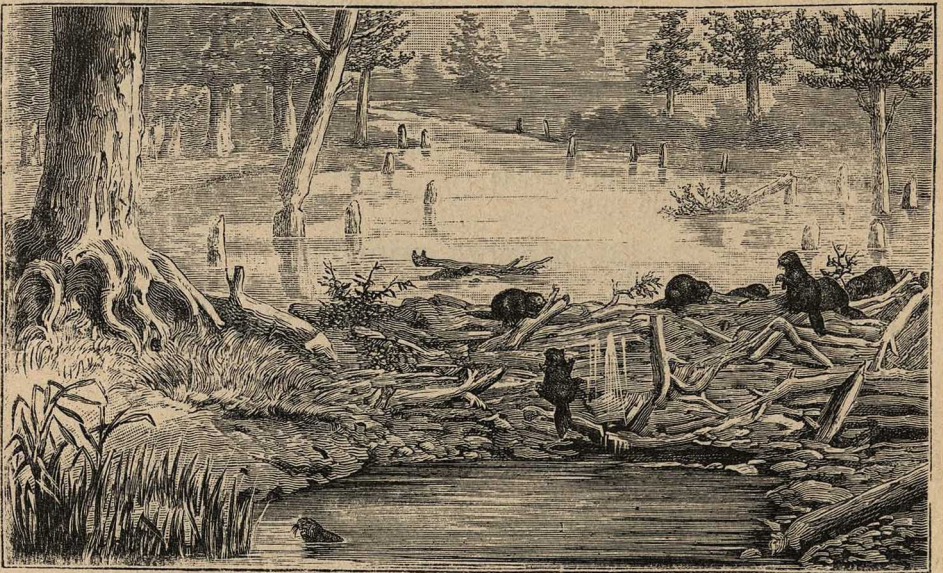
Н. Некрасовъ.

132. Грызуны.

Грызунами называютъ мышей, крысъ, бѣлокъ, зайцевъ, кроликовъ и другихъ, подобныхъ имъ, животныхъ. Называютъ ихъ такъ потому, что у нихъ во рту находятся очень острые и длинные рѣзцы, которыми они могутъ перегрызать твердую пищу. Они питаются зернами, плодами, орѣхами, объѣдаютъ древесную кору; нѣкоторые

изъ нихъ поѣдаютъ и животныхъ. У нѣкоторыхъ грызуновъ, напримѣръ у зайца и кролика, очень длинныя заднія ноги, отчего они хорошо прыгаютъ и могутъ сидѣть на заднихъ лапахъ, придерживая передними пищу. Другіе очень ловко лазаютъ, благодаря своимъ острымъ когтямъ, напримѣръ бѣлки.

Изъ грызуновъ особенно интересенъ бобръ. Это довольно крупное животное, аршина полтора длиной. Мѣхъ у него густой, теплый и дорого цѣнится. Бобры живутъ около воды, гдѣ они отлично плаваютъ; на заднихъ но-

Бобры строятъ плотину.

гахъ у бобра, между пальцами, есть плавательная перепонка, какъ у утки. Бобры очень искусно устраиваютъ свое жилище. Своими острыми зубами они ловко перегрызаютъ вѣтви деревьевъ и даже сваливаютъ цѣлыя деревья, подгрызая стволъ вокругъ. Изъ сучьевъ и кусковъ дерева они устраиваютъ подобіе круглаго шалаша; а всѣ щели между сучьями замазываютъ глиной или иломъ. Входъ въ этотъ домикъ устраивается внизу, и отъ него идетъ длинный ходъ подъ землей до самой воды. Такимъ образомъ, бобръ можетъ войти въ воду и снова вернуться домой, никѣмъ незамѣченный. Никакое другое животное не можетъ проникнуть въ это жилище, если только не умѣетъ плавать такъ же хорошо, какъ и бобръ.

Чтобы лѣтомъ вода не могла обмелѣть и открыть входы въ ихъ домики, бобры такъ же искусно устраиваютъ плотины. Они втыкаютъ на дно поперекъ всей рѣки толстыя жерди, толщиной въ руку. Верхушки жердей выходятъ на поверхность воды. Посрединѣ онѣ переплетены между собой тонкими вѣтвями. Промежутки наполнены тростникомъ, иломъ и землей. Такимъ образомъ, поперекъ всей рѣки образуется стѣна или плотина, которая держитъ воду и не даетъ ей стекать и открыть входы въ жилища бобровъ.

Для всѣхъ этихъ работъ бобры пользуются передними лапами и зубами. Рассказываютъ также, что своимъ широкимъ хвостомъ они пользуются, какъ молотомъ, забивая имъ жерди при устройствѣ плотинъ.

Бобры питаются листьями и корою деревьевъ. Они очень много портятъ деревьевъ. На зиму они собираютъ большіе запасы сучьевъ и молодыхъ деревьевъ и тащатъ ихъ къ себѣ домой. Какъ только замерзнетъ вода, бобры прекращаютъ свою работу.

Прежде въ Россіи водилось много бобровъ. Теперь же они стали очень рѣдки.

(По Купену.)

133. Орелъ въ неволѣ.

Проживалъ у насъ нѣкоторое время въ острогѣ орелъ изъ породы степныхъ, небольшихъ орловъ. Кто-то принесъ его въ острогъ раненаго и измученнаго. Вся каторга обступила его; онъ не могъ летать: правое крыло его висѣло по землѣ, одна нога была вывихнута. Помню, онъ яростно оглядывался кругомъ, осматривая любопытную толпу, и развѣвалъ свой горбатый носъ, готовясь дорого продать свою жизнь. Когда на него насмотрѣлись и стали расходиться, онъ отковылялъ, хромя, прискакивая на одной ногѣ и помахивая здоровымъ крыломъ, въ самый дальній конецъ острога, гдѣ забился въ уголъ, крѣпко прижавшись къ палямъ. Тутъ онъ прожилъ у насъ мѣсяца три и во все время ни разу не вышелъ изъ своего угла. Сначала приходили часто глядѣть на него, натравливали на него собаку. Шарикъ (имя собаки) кидался на него съ яростью, но видимо боялся подступить ближе, что очень потѣшало арестантовъ. «Звѣрь», — говорили они. — «Не дается». Потомъ и шарикъ сталъ больно обижать его;

страхъ прошелъ, и онъ, когда натравливали, изловчался хватать его за больное крыло. Орелъ защищался изо всѣхъ силъ когтями и клювомъ, и гордо и дико, какъ раненый король, забившись въ свой уголъ, оглядывалъ любопытныхъ, приходившихъ его разсматривать. Наконецъ, всѣмъ онъ наскучилъ, всѣ его бросили, и, однакожъ, каждый день можно было видѣть возлѣ него клочки свѣжаго мяса и черепокъ съ водой. Кто-нибудь да наблюдалъ же его. Онъ сначала и ѣсть не хотѣлъ, не ѣлъ нѣсколько дней, наконецъ, сталъ принимать пищу, но никогда изъ рукъ или при людяхъ. Мнѣ случалось не разъ издали наблюдать его. Не видя никого и думая, что онъ одинъ, онъ иногда рѣшался недалеко выходить изъ угла и ковылялъ шаговъ на двѣнадцать отъ своего мѣста, потомъ возвращался назадъ, потомъ опять выходилъ. Завидя меня, онъ тотчасъ же изо всѣхъ силъ, хромя и прискакивая, спѣшилъ на свое мѣсто и, откинувъ назадъ голову, разинувъ клювъ, ошетилившись, тотчасъ же приготовлялся къ бою. Никакими ласками я не могъ смягчить его; онъ кусался и бился, говядины отъ меня не бралъ, и все время, бывало, какъ я надъ нимъ стою, пристально-пристально смотритъ мнѣ въ глаза своимъ злымъ, пронзительнымъ взглядомъ.

Одиноко и злобно онъ ожидалъ смерти, не довѣряя никому и не примиряясь ни съ кѣмъ. Наконецъ, арестанты точно вспомнили о немъ, и хотъ никто не заботился и не поминалъ о немъ мѣсяца два, но вдругъ во всѣхъ точно явилось къ нему сочувствіе. Заговорили, что нужно вынести орла.

— Пусть хотъ околѣетъ, да не въ острогѣ,—говорили одни.

— Вѣстимо, птица вольная, суровая, не приучишь къ острогу-то,—поддакивали другіе.

— Знатъ, онъ не такъ, какъ мы,—прибавилъ кто-то.

— Вишь сморозилъ: то птица, а мы, значитъ, человѣки.

— Орелъ, братцы, есть царь лѣсовъ...

Разъ, послѣ обѣда, когда пробилъ барабанъ на работу, взяли орла, зажавъ ему клювъ рукой, потому что онъ началъ жестоко драться, и понесли изъ острога. Дошли до вала: человѣкъ двѣнадцать, бывшихъ въ этой партіи, съ любопытствомъ желали видѣть, куда пойдетъ орелъ. Странное дѣло: всѣ были чѣмъ-то довольны, точно отчасти сами они получили свободу.

— Ишь, добро ему творишь, а онъ все кусается,—говорилъ державшій его, почти съ любовью смотря на злую птицу.

— Отпускай его, Митька.

— Ему волю подавай, заправскую волю-волюшку.

Орла сбросили съ вала въ степь. Это было глубокою осенью въ холодный и сумрачный день. Вѣтеръ свисталъ въ голой степи и шумѣлъ въ пожелтѣлой, изсохшей клочковатой степной травѣ. Орелъ пустился прямо, махая большимъ крыломъ и какъ бы торопясь уходить отъ насъ, куда глаза глядятъ. Арестанты съ любопытствомъ слѣдили, какъ мелькала въ травѣ его голова.

— Вишь его,—задумчиво проговорилъ одинъ.

— И не оглянется,—прибавилъ другой.

— Ни разу-то, братцы, не оглянулся, бѣжитъ себѣ.

— А ты думалъ, благодарить воротится,—замѣтилъ третій.

— Знамо дѣло—воля. Волю получилъ.

— Слобода, значить.

— И не видать ужъ, братцы...

— Чего стоять-то. Маршъ,—закричали конвойные, и все молча поплелись на работу.

Ө. Достоевскій.

134. Страусъ.

Страусъ—самая большая и самая высокая изъ всехъ птицъ. Онъ живетъ въ жаркой Африкѣ, въ песчаной пустынѣ. Ростомъ онъ болѣе сажени, а вѣситъ около трехъ пудовъ. Страусъ-самецъ чернаго цвѣта, а на хвостѣ и крыльяхъ у него красивыя, бѣлыя, курчавыя перья. Самка бываетъ сѣроватая. Шея у страуса очень длинная. Ноги высокія и очень сильныя. Ударомъ ноги страусъ часто убиваетъ гіенъ и шакаловъ. На каждой ногѣ у него только два пальца. Страусъ бѣгаетъ такъ быстро, что его трудно догнать даже на хорошей лошади. Зато летать онъ совсѣмъ не умѣетъ.

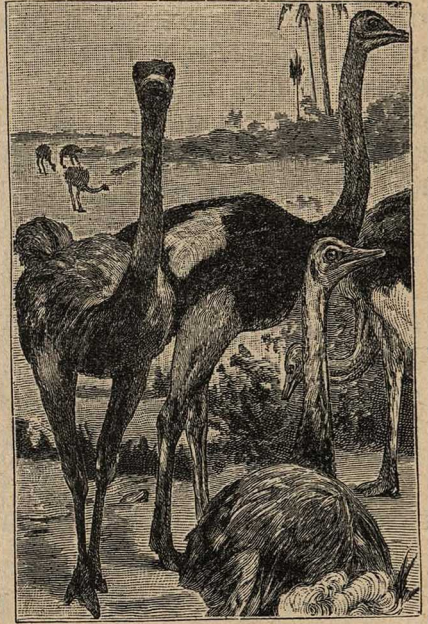
Это происходитъ оттого, что у страуса не достаетъ какъ разъ того, что служить у другихъ птицъ для полета. Кости у страуса все плотныя и тяжелыя, между тѣмъ какъ у другихъ птицъ нѣкоторыя кости пусты внутри и заключаютъ въ себѣ воздухъ. Грудные мускулы, которые приводятъ въ движеніе крылья, у страуса очень тонкіе и слабые. Грудная кость у него совершенно плоская и со-

всѣмъ не имѣетъ гребня, къ которому у другихъ птицъ прикрѣпляются эти мускулы. Перья на крыльяхъ у другихъ птицъ жесткія и хорошо разсѣкаютъ воздухъ при полетѣ; у страуса же перья на крыльяхъ всеѣмъ мягкія.

Зато перья страуса какъ на крыльяхъ, такъ и на хвостѣ, замѣчательно красивы и дорого цѣнятся. Изъ-за перьевъ многіе охотятся за страусами. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разводятъ домашнихъ страусовъ и черезъ извѣстное время выщипываютъ у нихъ перья.

На волѣ страусы живутъ стадами. вмѣсто гнѣздъ они вырываютъ въ землѣ неглубокія ямы, около аршина въ поперечникѣ. Нѣсколько самокъ вмѣстѣ кладутъ туда яйца и высиживаютъ ихъ поочередно. Днемъ онѣ часто всеѣмъ оставляютъ гнѣздо, и тогда яйца нагрѣваются солнцемъ. Яйца страусовыя очень крупны, разъ въ 25 больше куриныхъ. Каждое яйцо вѣситъ около трехъ фунтовъ. Скорлупа его такъ тверда, что изъ нея дѣлаютъ посуду.

Такъ какъ страусъ вовсе не летаетъ, а бѣгаетъ онъ очень быстро, то его называютъ *бѣгающею* птицей.

135. Колибри.

Всѣ, кому случалось видѣть живыхъ колибри, отзываются о нихъ съ большимъ восхищеніемъ. Водятся онѣ въ жаркомъ поясѣ Америки. Эти крохотныя птички, величиною съ пчелу, очень красивы и граціозны; перья ихъ яркаго цвѣта, летаютъ онѣ легко и быстро, и говорятъ, что у нихъ нѣтъ враговъ, потому что ни одной хищной птицѣ не догнать ихъ на лету. Только птенчики, оставленные матерью на время въ гнѣздѣ, дѣлаются иногда добычею какого-нибудь лазящаго хищника. Человѣка онѣ не боятся и смѣло проносятся около него, влетаютъ въ

комнаты или спокойно сидятъ на вѣткѣ, не смущаясь близостью человѣка, остановившагося подъ деревомъ, чтобъ полюбоваться на красивыхъ птичекъ. Но разсмотрѣть ихъ ему рѣдко удается. Колибри рѣдко остаются долго въ покоѣ. Отдохнувъ немного, онѣ снова летятъ, а на лету разсматривать ихъ просто нѣтъ возможности.

Вы стоите передъ деревомъ или кустарникомъ, роскошные цвѣты котораго привлекли къ нему ваше вниманіе. Вы стоите и любуетесь цвѣтами. Вдругъ передъ вами блеснуло что-то, точно камень какой драгоценный, рубинъ, сафиръ или капля золота. Вы знаете, что это колибри, и напрягаете зрѣніе, чтобъ хорошенько взглянуть на нее. Но вы не замѣчаете очертаній птички, вы видите только какіе-то сѣроватые круги и ничего больше. Вотъ блеснуло что-то въ другомъ мѣстѣ, въ третьемъ, четвертомъ,—затѣмъ блестящія звѣздочки сблизились, образуя роскошный вѣнокъ, который, минуто спустя, опять разсыпался на блестящіе камешки. Вы начинаете слѣдить за однимъ изъ нихъ, и видите, что птичка носится съ такою быстротою, такъ часто и легко мѣняетъ направленіе, что вамъ трудно услѣдить за ней. За минуто передъ этимъ вы еще видѣли ее передъ собою, около куста, но въ тотъ же моментъ ее точно швырнуло что-то высоко кверху, а тамъ, въ вышинѣ, она закружилась въ воздухѣ, точно ловкій конькобѣжецъ на ледяномъ каткѣ.

Гдѣ цвѣты, тамъ и колибри. Чуть на кустахъ и деревьяхъ появились первые цвѣты, вы можете впередъ сказать, что найдете тутъ же и колибри. Еще сегодня вы едва замѣтили у себя въ саду какую-нибудь одну, другую птичку, а завтра, глядите, ихъ уже несмѣтное множество. Когда онѣ налетѣли, откуда взялись,—нѣтъ возможности замѣтить. Онѣ появляются и исчезаютъ чрезвычайно быстро. Отцвѣтаютъ деревья, и колибри перелетаютъ въ дру-

Семейство колибри на вѣткѣ цвѣтка.

гія мѣста; но онѣ никогда не отлетаютъ такъ далеко, какъ отлетаютъ отъ насъ, напр., ласточки, утки и другія птицы. Водятся онѣ въ жаркой Америкѣ и перелетаютъ по ней съ мѣста на мѣсто, отыскивая цвѣтущихъ растений. Въ другихъ частяхъ Америки колибри водятся лишь въ небольшомъ числѣ.

Видя, что колибри любятъ цвѣты и постоянно хлопочетъ надъ ними, люди рѣшили, что она питается сладкимъ сокомъ, который высасывается изъ цвѣтовъ. Но это, оказалось, невѣрно. Птицы, сосущія сокъ, имѣютъ языкъ совсѣмъ другой формы, чѣмъ у колибри. У нихъ онъ походитъ на трубочку, а у колибри онъ длинный, острый и на концѣ раздвоенный. Питается она жучками и мошками. Прилетѣвъ къ цвѣтку, она начинаетъ быстро махать крыльями, чтобы удержаться на мѣстѣ, и дѣлаетъ это такъ искусно, что кажется, будто она повисла на воздухѣ и не шевелится. Въ то же время она запускаетъ въ чашечку цвѣтка свой длинный языкъ, обшариваетъ ее всю и, найдя что-нибудь съѣдобное, отправляетъ его въ ротъ. Вычистивъ всю чашечку, она перелетаетъ къ другому цвѣтку, къ третьему и т. д.

Носясь по воздуху, колибри ловитъ чуть замѣтныхъ мошекъ, которыми она питается. Непрочь колибри захватить муху, неосторожно запутавшуюся въ сѣти паука; но ей приходится дѣлать это очень осторожно, такъ какъ она и сама легко можетъ запутаться въ нихъ. Сразу она никогда не бросается на добычу, но сперва облетитъ паутину раза два, чтобы хорошенько осмотрѣть ее, и уже тогда только подлетитъ поближе, чтобы вытащить плѣнницу изъ опутавшихъ ее сѣтей.

Гнѣзда колибри дѣлаютъ изъ лишаевъ, засохшей травы и выстилаютъ ихъ мягкимъ хлопкомъ. Устроивъ остовъ, колибри собираетъ мохъ, лишай и т. п., сноситъ все это въ гнѣздо, усаживается въ него, начинаетъ вертѣться, чтобы обмять все хорошенько. Въ это гнѣздо кладется пара яичекъ. Пока самка сидитъ въ гнѣздѣ, самецъ носитъ ей пищу и все это время очень нѣжно и заботливо ухаживаетъ за нею. Онъ безпрестанно улетаетъ на охоту за мошками, приноситъ ей кормъ, вьется вокругъ гнѣзда, повисаетъ надъ нею въ воздухѣ, какъ надъ цвѣткомъ. Самку трогаетъ его заботливость, и она умѣетъ передать это своему хлопотливому другу. Надо видѣть, какъ онъ бываетъ счастливъ въ это время, какъ радуется ея ласкѣ и

съ какою охотою вновь пускается на охоту за добычей для своей подруги.

Какъ ни мала эта птичка, но и она не допустить васъ сдѣлать какое-нибудь зло ея семьѣ. Чуть вы подойдете къ гнѣзду поближе, колибри мигомъ встревожится и, не рѣшаясь сама напасть на внезапнаго гостя, будетъ летать вокругъ васъ съ явною готовностью не спустить вамъ, если вы соберетесь тронуть гнѣздо. Надо замѣтить, что между собою колибри часто дерутся и, значить, маленькая птичка можетъ постоять за себя.

Впрочемъ, безпокойство ея оказывается совершенно напраснымъ. Люди не дѣлаютъ вреда крохотной птичкѣ, и если подходятъ поближе къ ея гнѣзду, то только изъ любопытства. Пробовали брать ее въ комнаты, сажали въ клѣтку и держали въ неволѣ, но птички не выносили этого и очень скоро умирали. Въ комнатѣ имъ не доставало ни того простора, къ которому онѣ привыкли, ни достаточнаго количества мошекъ, а все, что давали имъ взамѣнъ ихъ, оказывалось непригоднымъ. Поэтому пришлось отказаться отъ надежды сдѣлать колибри комнатной птичкой.

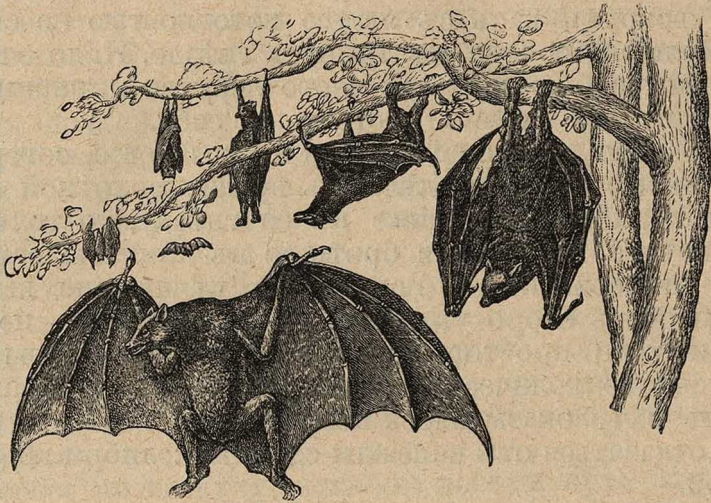
136. Летучія мыши.

Летучія мыши отличаются отъ всѣхъ другихъ млекопитающихъ тѣмъ, что летаютъ по воздуху не хуже птицъ. У летучихъ мышей очень интересно устроены переднія конечности. На нихъ по пяти пальцевъ. Четыре пальца очень длинные, и между ними натянута тонкая перепонка. Только пятый палецъ свободный и съ когтемъ. Такая же точно перепонка, какъ между пальцами переднихъ ногъ, протянута и по бокамъ туловища, а также между задними ножками и хвостикомъ. Вся эта перепонка и составляетъ крыло летучей мыши. Растянувъ перепонку и быстро махая передними ножками-крыльями, мышь несется по воздуху, дѣлая смѣлые повороты, не хуже ласточки.

На видъ летучая мышь очень непріятна. Тѣлце у нея небольшое и словно сжатое въ комочекъ. Мордочка короткая, тупая, съ широкимъ носомъ. Ротъ почти до самыхъ ушей. Уши огромныя, а глаза крошечныя, какъ бисеринки. Глаза ей почти бесполезны потому что летучая мышь—животное ночное. Зато своими, огромными ушами она слышитъ издалека даже то, какъ шелеститъ крыльями летящая бабочка. Крыло летучей мыши служить ей не

только для полета, но и для осязанія. Махая крыльями по воздуху, летучая мышь чувствуетъ разные предметы, еще не дотронувшись до нихъ.

Одинъ ученый лишилъ зрѣнія летучихъ мышей и пустилъ ихъ летать по комнатамъ, гдѣ по разнымъ мѣстамъ

были растянуты шнурки и нитки. И вотъ, слѣпыя, онѣ летали такъ быстро, какъ на волѣ, ни разу не задѣвъ ни за что.

Днемъ летучія мыши спятъ; при этомъ онѣ висятъ головой внизъ, ухватившись за что-нибудь когтями ногъ. Въ сумерки онѣ вылетаютъ и охотятся цѣлую ночь надъ прудами и болотами за насѣкомыми, которые составляютъ ихъ главную пищу.

137. Сельдь.

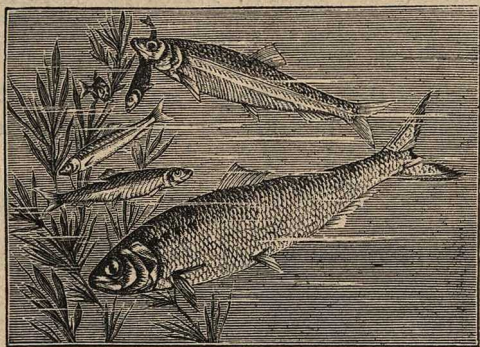
Всякая сельдь вышла изъ маленькаго яичка. Такое рыбье яичко или икринка—величиной не болѣе булавочной головки. Взрослая сельдь кладетъ неимоверное количество икринокъ: до 40.000; такъ что выросшими дѣтенышами одной селедки могли бы позавтракать всѣ жители довольно большого города.

Сельдь мечетъ икру вблизи морского берега, въ мелкихъ мѣстахъ, гдѣ вода лѣтомъ сильнѣе пригрѣвается солнцемъ, чѣмъ въ глубинѣ, и потому теплѣ. Здѣсь вылупляются изъ икринокъ крошечныя рыбки и находятъ

себѣ достаточную пищу въ морскихъ растеніяхъ и въ меньшихъ животныхъ. Зато и многія изъ селедокъ становятся добычей другихъ морскихъ животныхъ.

До наступленія зимы рыбки успѣли немного подрасти. Но вотъ уже бушуютъ сильныя вѣтры, а морозы и снѣгъ охлаждають поверхность воды. Сельди покидаютъ мелкія мѣста и переселяются въ болѣе глубокія. Онѣ живутъ преимущественно въ Нѣмецкомъ морѣ. Море мѣстами такъ глубоко, что со дна его до поверхности можно бы построить, одну на другой, десять или, пожалуй, и болѣе колоколенъ. Въ глубинѣ вода не движется отъ волненія и, кромѣ того, круглый годъ остается почти одинаково теплою. Правда, она не бѣваетъ настолько же тепла, какъ у береговъ, на отмеляхъ,

или въ тихихъ маленькихъ заливахъ между утесами; но зато и зимой вода на глубинѣ бываетъ развѣ немногимъ холоднѣе, чѣмъ лѣтомъ. Тамъ въ большомъ числѣ собираются сельди, молодая и старая. Тамъ встрѣчаютъ онѣ множество другихъ рыбъ и морскихъ живот-

ныхъ. Многія изъ этихъ животныхъ нападаютъ на маленькихъ сельдей и поѣдаютъ ихъ. Даже случается, что большія селедки пожираютъ меньшихъ. У селедки есть во рту маленькіе зубы, которыми она схватываетъ свою добычу.

Когда снова наступаетъ лѣто, и солнце начинаетъ свѣтить теплѣе, сельди собираются въ глубинѣ большими стадами и выплываютъ на поверхность моря и къ его берегамъ. Тутъ-то преимущественно нападаетъ на сельдей множество разныхъ животныхъ и поѣдаетъ ихъ въ большомъ числѣ.

Чайки и другія морекія птицы ныряютъ въ воду, схватываютъ трепещущихъ рыбокъ и пожираютъ ихъ сами или уносятъ въ свои гнѣзда, на пищу птенцамъ. Акулы, дельфины, киты и другія большія морекія животныя тѣсняются къ стадамъ селедокъ и глотаютъ ихъ по множеству за разъ. Наконецъ, являются еще и люди, на маленькихъ и большихъ судахъ, и вылавливаютъ перепу-

ганныхъ рыбокъ огромными сѣтями. Петли этихъ сѣтей имѣютъ опредѣленную величину. Въ нѣкоторыхъ странахъ величина петель точно опредѣлена законами. Самыя молодыя селедки, которыя еще очень тонки, свободно проскользаютъ сквозь петли сѣтей. Болѣе взрослые рыбы могутъ просунуть въ петлю только свою острую головку, а двинуться назадъ уже не могутъ, потому что своими жаберными крышечками зацѣпляются за веревки, изъ которыхъ сплетены сѣти. Когда рыбаки вытаскаютъ сѣти, то обыкновенно выбираютъ за разъ цѣлыя тысячи сельдей. Ихъ убиваютъ, потрошатъ однимъ порѣзомъ ножа и потомъ солятъ.

Въ такомъ видѣ сельди, закупоренныя въ бочки, привозятся къ намъ. Иногда сельдей коптятъ.

Хотя ихъ ловятъ ежегодно цѣлыми милліонами, но все-таки ихъ остается достаточно для того, чтобы изъ положенныхъ ими икринокъ въ будущемъ году опять развилось такое же множество сельдей.

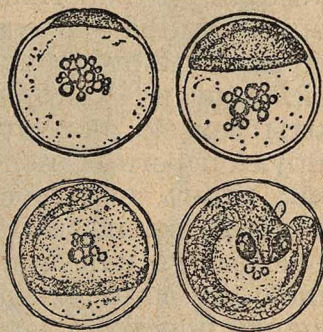
138. Какъ люди научились разводить рыбъ.

Въ маленькой французской деревушкѣ жила небогатая крестьянская семья. Отецъ промышлялъ рыбой, жена занималась по хозяйству, а сынишка ихъ Жозефъ, въ чемъ могъ, помогалъ отцу. Однажды мальчикъ увидалъ въ ручьѣ цѣлое стадо рыбъ-форелей. Рыбы метались изъ стороны въ сторону, толкали другъ друга. Мальчикъ засмотрѣлся на нихъ; вдругъ онъ увидалъ, какъ изъ одной форели потекла икра, а другія рыбы стали выпускать въ воду какую-то бѣлую жидкость. Потомъ рыбы уплыли. Мальчикъ побѣжалъ къ отцу и разсказалъ ему, что видѣлъ. Отецъ разсмѣялся и сказалъ: «Да развѣ ты не видалъ никогда, какъ рыбы мечутъ икру? Икра—это все равно, что яйца рыбъ. Изъ икринокъ выводятся маленькая рыбешка. Не будь этого, не надолго бы хватило людямъ рыбы: всю бы ее скоро выловили».

Мальчикъ выслушалъ отца и снова побѣжалъ къ ручью. Онъ хотѣлъ достать икру и посмотрѣть, какъ выводятся изъ нея рыбешки. Но икры въ ручьѣ не было видно: ее унесло теченіемъ. Мальчикъ сталъ обыскивать ручей: обшаривалъ водяную траву, поднималъ камни. Наконецъ, о, радость! Подъ однимъ камнемъ въ ямкѣ онъ нашелъ нѣсколько икринокъ. Мальчикъ помчался домой съ своей

добычей. Дома онъ выпросилъ стаканъ, налилъ его водой и бросилъ туда свои икринки. Цѣлые дни напролетъ проводилъ мальчикъ за своимъ стаканомъ. И въ самомъ дѣлѣ—чудеса творились въ немъ! Въ каждой икринкѣ росла рыбка. Сначала ее едва можно было различить,—видно было только какое-то полукольцо да глаза. Но рыбка росла въ своей икринкѣ и скоро начала шевелиться. Уже недолго оставалось ждать той минуты, когда она выйдетъ изъ икринки наружу. Но не дождался этого мальчикъ. Однажды вернулся онъ съ работы,—видитъ, что стаканъ его пустъ: кто-то выплеснулъ изъ него воду. Горько плакалъ Жозефъ: такъ и не удалось ему увидѣть, какъ выходитъ изъ икры рыба.

Прошло много лѣтъ. Жозефъ выросъ и сталъ отличнымъ рыболовомъ. Онъ любилъ свой промыселъ: промыселъ этотъ кормилъ и его съ семьей и много другихъ рыболововъ. Но вотъ сталъ замѣчать онъ, что ловля идетъ годъ отъ году хуже, рыбы становится все меньше и меньше. А въ ихъ родномъ ручьѣ и вовсе перевелась рыба: очень уже нерасчетливо вылавливали ее рыбаки. Вспомнилъ тогда Жозефъ свое дѣтство, вспомнилъ свой разговоръ съ отцомъ и свой завѣтный стаканъ.

Какъ растеть рыбка въ икринкѣ.

Вѣдь въ его стаканѣ, если бы его не выплеснули, развелась бы рыба. И пришло ему въ голову заняться самому такимъ разведеніемъ рыбы, а потомъ и пустить ее туда, гдѣ она перевелась. Задумано—сдѣлано. Пошелъ онъ туда, гдѣ водились форели, и наловилъ ихъ много; изъ однихъ онъ выдавилъ икру, а изъ другихъ бѣлую жидкость—молоки, и вылилъ все это въ родной ручей, гдѣ давно уже никто не видалъ рыбы. Опять настало для Жозефа тревожное время. Какъ въ дѣтствѣ онъ сидѣлъ надъ своимъ стаканомъ, такъ теперь онъ сидѣлъ надъ ручьемъ и ждалъ. Теперь разводять рыбу въ такихъ ручьяхъ, гдѣ ее прежде и въ поминѣ не было. Икру можно пересылать за тысячи верстъ; разведеніе рыбы стало такъ же просто, какъ разведеніе цыплятъ. Но и до простого дѣла надо додуматься, а потому честь и хвала Жозефу Реми, который первый сдѣлалъ это открытіе: большую услугу оказалъ онъ людямъ.

Изъ книги Вахтерова.

139. Червякъ-пахарь.

Есть на свѣтѣ животныя, которыя разворачиваютъ и разрыхляютъ землю, а также и удобряютъ ее. Что дѣлаетъ человѣкъ сохой и бороной, то эти животныя дѣлаютъ своимъ тѣломъ. Какія же эти животныя?

Животныя эти всѣмъ извѣстны: пахутъ и удобряютъ землю дождевые черви.

Дождевые черви водятся по всей землѣ, кромѣ странъ сырыхъ, холодныхъ и самыхъ сухихъ. Черви эти любятъ сырыя и теплыя мѣста, а холодовъ боятся. Днемъ они живутъ подъ землей, а наружу выползаютъ лишь ночью, и то въ сырую погоду. Ъдятъ они, что придется: ѣдятъ и зерна, и личинокъ разныхъ насѣкомыхъ, и мясо. Главнымъ же образомъ они питаются листьями и сухими, и свѣжими, и перегнившими. Такихъ листьевъ дождевые черви пожираютъ очень много. Еще дождевые черви пожираютъ много земли. Они могутъ питаться одной землей, если не найдутъ ничего посытнѣе. Они бываютъ сыты землею, потому что въ землѣ всегда есть сколько-нибудь перегноя; перегной перемѣшанъ съ пескомъ и глиной; этимъ перегноемъ черви и бываютъ сыты, когда глотаютъ землю, а песокъ, глину и остатки перегноя выбрасываютъ изъ кишки наружу. У нихъ нѣтъ ни глазъ, ни ушей; все тѣло мягкое; зубовъ и костей тоже нѣтъ. И при такомъ простомъ устройствѣ дождевые черви пахутъ и удобряютъ землю. И вотъ какимъ образомъ они работаютъ.

Роятъ они свои норки глубоко въ землѣ. Иныя норки тянутся въ глубину на сажень или немного меньше. На самой глубинѣ норки червякъ устраиваетъ себѣ маленькую каморку. Случается, что въ такихъ каморкахъ помещается не одинъ, а нѣсколько червяковъ.

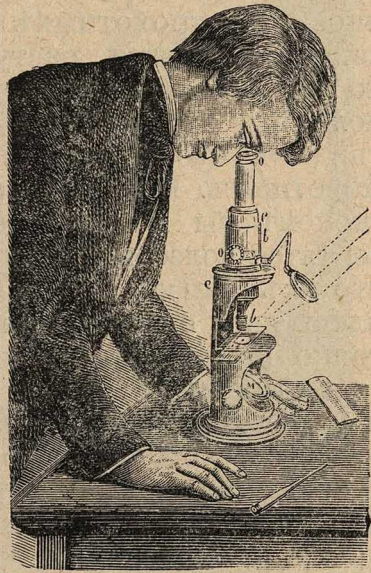
Дождевой червякъ умѣетъ устраивать себѣ жилье и въ мягкой и въ твердой почвѣ. Если почва мягкая, онъ сверлитъ въ ней норку острымъ концомъ своего тѣла. При этомъ онъ быстро ворочаетъ тѣломъ на подобіе сверла. Такимъ способомъ червяки очень быстро зарываются въ песокъ. Если же почва, гдѣ приходится рыть, твердая, то дождевой червякъ роетъ себѣ норку другимъ способомъ: онъ дѣйствуетъ ртомъ: кусокъ за кусочкомъ отламываетъ онъ землю и глотаетъ ее; сколько отламываетъ, столько и проглотитъ. Такъ онъ и уходитъ въ почву все глубже и глубже: онъ выгрызаетъ себѣ ходъ въ землѣ. Кишку

свою онъ сплошь набиваетъ землею. Земля постепенно протискивается по всей кишкѣ, а затѣмъ тутъ же выбрасывается съ другого конца кишки. Такимъ способомъ черви могутъ рыть свои норки въ очень твердой землѣ и проникаютъ въ землю глубоко. Черезъ ихъ кишку проходитъ очень много земли. Въ кишкѣ земля перетирается, дробится, размельчается и смѣшивается съ сокомъ кишекъ. Наружу она выходитъ рыхлой и плодородной.

Н. Рубакинъ.

140. Микроскопъ.

Ученые люди давно уже думали о томъ, какъ бы рассмотреть самые маленькіе предметы. Глаза у людей слабы. Мы можемъ хорошо видѣть только крупные предметы. А есть много такихъ крошечныхъ предметовъ, которыхъ никакой самый зоркій человѣкъ простыми глазами рассмотреть не можетъ. Мы не можемъ рассмотреть даже хоботка мухи, ея глазъ, ея лапокъ. Давно замѣтили, что круглый графинъ съ водою увеличиваетъ фигуру какой-нибудь букашки въ пять и болѣе разъ. Муха покажется величиною съ майскаго жука, тоненькій волосокъ покажется толщиною съ нитку. Давно стали дѣлать увеличительныя стекла. Сквозь эти стекла предметъ увеличивался еще болѣе. Но ученымъ и этого показалось мало. Они устроили трубку и вставили туда не одно, а нѣсколько увеличительныхъ стеколъ. Эта трубка называется *микроскопомъ*.

Микроскопъ.

Въ микроскопъ можно хорошо рассмотреть самые крошечные предметы, совсѣмъ невидимые простыми глазами. Въ наше время хорошій микроскопъ увеличиваетъ изображенія предметовъ даже въ тысячу и болѣе разъ. Когда смотришь въ микроскопъ на какую-нибудь крошечную букашку, то она

Блоха подъ микроскопомъ.

покажется въ 50 или болѣе разъ длиннѣе и въ 50 или болѣе разъ шире, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

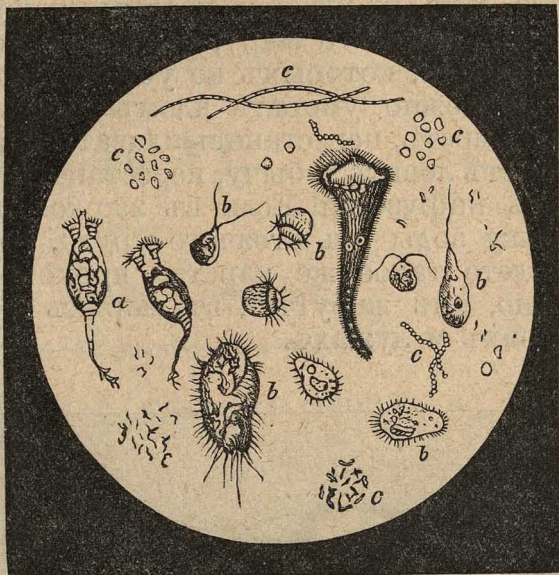
141. Капля воды подѣ микроскопомъ.

Если вамъ приведется смотрѣть въ микроскопъ, посмотрите на каплю воды изъ сѣннаго настоя. Возьмите горшокъ, положите туда сухого сѣна, налейте воды и дайте настояться водѣ дня три-четыре въ тепломъ мѣстѣ. Сѣно станетъ гнить, а въ водѣ разведется очень много крошечныхъ животныхъ. Но вы не увидите ихъ простыми глазами. Опустите въ горшокъ палочку, къ ней прилипнетъ капелька воды. Эта капелька покажется вамъ прозрачной. Однако въ ней, въ этой капелькѣ, живетъ множество крохотныхъ животныхъ. Эти жители водяной капельки рождаются, растутъ, плаваютъ, ѣдятъ и дышатъ; но мы ихъ не видимъ простыми глазами. Однако стоитъ положить эту капельку подѣ микроскопъ, и вы хорошо увидите, что въ ней плаваетъ множество крошечныхъ животныхъ. Ихъ называютъ *инфузоріями*. Подѣ микроскопомъ вы хорошо разсмотрите ихъ. Однѣ инфузоріи вертятся колесомъ и кружатся на одномъ мѣстѣ, словно кто ихъ привязалъ на веревку; другія снуютъ туда и сюда, пляшутъ и скачутъ, обгоняютъ и толкаютъ другъ друга, точно шаловливыя дѣти. Вотъ одна инфузорія гонится во всю прыть за своею добычею, но добыча увертывается и ускользаетъ отъ охотника; однако чрезъ минуту инфузорія уже догнала свою добычу, ловитъ и глотаетъ ее на вашихъ глазахъ. А вотъ неповоротливыя лѣнтяи: одни изъ нихъ ползутъ лѣниво и медленно, словно черви, а другіе неподвижно держатся на одномъ мѣстѣ, словно кто прилѣпилъ ихъ къ стеклу. И сколько ихъ въ этой маленькой капелькѣ! Это цѣлое войско, цѣлый міръ крохотныхъ, невидимыхъ простымъ глазомъ животныхъ. Имъ такъ же просторно и привольно въ каплѣ воды, какъ рыбѣ въ озерѣ. Подѣ микроскопомъ можно видѣть, какъ инфузоріи плывутъ къ берегамъ своей капельки, своего озера, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. У береговъ капельки воздуха больше.

А какъ просто устроены эти маленькія животныя. У инфузорій нѣтъ ни горла, ни легкихъ, ни груди; но это не бѣда. Онѣ дышатъ всею кожею. Вы не увидите у нихъ ни костей, ни мозга, ничего такого, что мы при-

выкли встрѣчать у другихъ животныхъ. У инфузоріи нѣтъ ни глазъ, ни ушей, ни носа. А между тѣмъ инфузорія двигается, питается и дышитъ. Можетъ быть, она даже чувствуетъ. Троньте инфузорію, и она станетъ шевелиться. Положите соли или уксуса на одну сторону капельки, и всѣ инфузоріи бросятся прочь отсюда на другую сторону: онѣ не любятъ ни соли, ни уксуса.

Пока вы смотрите на капельку воды, вода высохнетъ, и тогда инфузорія, словно рыба въ высохшемъ пруду уже не можетъ болѣе плавать; она не ловитъ добычи, ей нечего ѣсть. Вы думаете, что она умретъ отъ голода и жажды, какъ умерла бы рыба, вынутая изъ воды? Нѣтъ, ей нипочемъ и такая невзгода. Пока есть вода и пища, инфузоріямъ раздолье; но настанутъ тяжелыя времена, и инфузоріи все-таки не хотятъ умирать. Покроется тогда инфузорія толстой и плотной кожицей и лежитъ,

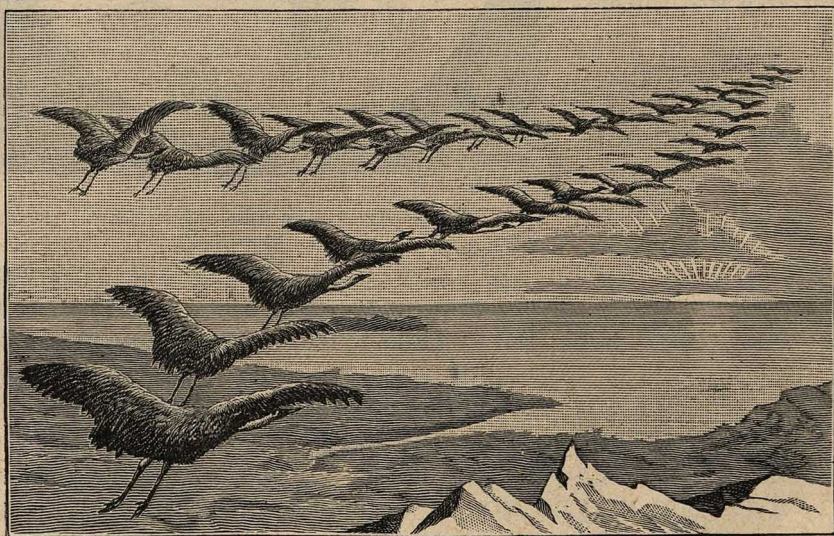

Капля гнилой воды подъ микроскопомъ.

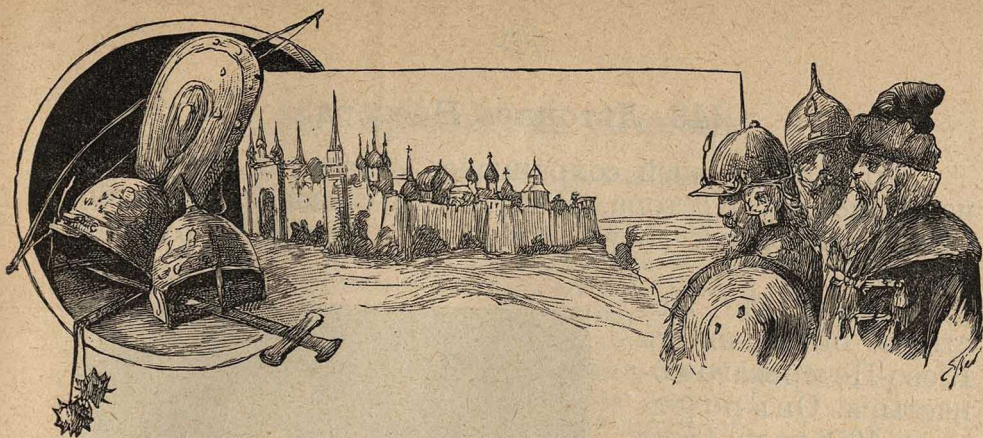
ждетъ, когда окончатся ея невзгоды. Она умѣетъ ждать долго. Если разсмотрѣть подъ микроскопомъ пыль, которая носится въ воздухѣ, то мы увидимъ въ ней частички растеній, насѣкомыхъ, обрывки волосъ, нитокъ и проч. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы увидимъ и много сморщенныхъ кружочковъ. Это — высохшія, оцѣпенѣвшія инфузоріи. Онѣ разсыпались на пылинкахъ, какъ на воздушныхъ корабляхъ, и словно ждутъ попутнаго вѣтра. Придетъ время, подхватитъ пылинку съ инфузоріею вѣтеръ и, можетъ быть, опять броситъ ее въ какую-нибудь лужу съ гнилою водою. Здѣсь инфузоріи раздолье. Она сейчасъ же оживетъ, снова станетъ плавать, кружиться, танцовать, ловить добычу. Высохнетъ и эта лужа — не бѣда. Инфузорія опять

станетъ ждать хорошаго времени. Какъ это удобно было бы и для насъ съ вами! Если настанетъ голодъ, холодъ, нужда и горе, мы могли бы заснуть и на годъ, и на два, и вновь проснуться только тогда, когда миновали бы все житейскія невзгоды... Но люди не могутъ прожить долго безъ пищи. Они не могутъ пережить. А вотъ инфузорія можетъ ждать сколько угодно. Иная инфузорія можетъ попасть въ ротъ къ человѣку или къ животному. И тутъ ей приволье, и тутъ она незамѣтно для насъ будетъ жить, расти, питаться и множиться. Инфузорія не боится и холода. Есть инфузоріи, которыя живутъ во льду. Инфузорія не боится и жару, если онъ не очень великъ. Есть инфузоріи, которыхъ не убьешь даже кипяткомъ. Инфузорію можно уморить ядомъ, а также спиртомъ, и тогда она умретъ, перестанетъ плавать, плясать, вертѣться, перестанетъ ловить добычу, перестанетъ дышать. И гдѣ только нѣтъ инфузорій! Если въ жаркое лѣто вы возьмете капельку воды изъ стоячаго пруда, то въ этой капелькѣ вы найдете такое же царство крохотныхъ животныхъ. Конечно, онѣ живутъ и въ моряхъ и въ стоячей водѣ, въ озерахъ и лужахъ.

Изъ книги Вазтерова.

Осенній перелетъ журавлей.

Отдѣль VI.

142. Изъ родной исторіи.

(Преданія, остатки старины, лѣтопись).

Въ глубокую старину у предковъ нашихъ не было грамоты, не было книгъ.

Разныя важныя событія отецъ рассказывалъ сыну, дѣдъ внуку. Такъ переходили изъ устъ въ уста преданія старины. О старинѣ пѣлось и въ народныхъ пѣсняхъ и рассказывалось въ сказаніяхъ, въ былинахъ.

О древнѣйшихъ судьбахъ нашей родины сохранились также сказанія въ письменныхъ памятникахъ сосѣднихъ народовъ, имѣвшихъ сношенія съ нашими предками, напримѣръ, у грековъ, которые вели торговлю и воевали съ русскими.

Кромѣ того, искатели старины, раскапывая землю, находили оружія, утварь, остатки домовъ, комнатъ и поселеній. Раскапывали курганы, могилы усопшихъ, разсматривали кости покойниковъ, одежду, украшенія. Ученые люди много работали надъ опредѣленіемъ этихъ памятниковъ старины, и то далекое время стало намъ понятнымъ.

Позднѣе, когда на Руси появилась грамота, нѣкоторые грамотные монахи стали записывать важнѣйшія событія нашей родины по годамъ. Такія записи назывались «лѣтопись».

143. Лѣтопись Нестора.

До нашихъ дней сохранилась замѣчательная старинная лѣтопись Нестора. Изъ нея мы узнали преданія о началѣ русскаго государства и о первыхъ русскихъ князьяхъ.

Лѣтописецъ Несторъ былъ инокъ Кіево-Печерскаго монастыря. Онъ родился въ 1056 году; 17-ти лѣтъ поселился въ этой обители, гдѣ и провелъ всю свою жизнь.

Несторъ первый собралъ преданія о томъ, какъ жили наши предки до основанія русскаго государства, какъ основалось русское государство и какъ протекали первые 248 лѣтъ. Несторъ далъ своей лѣтописи такое заглавіе: «Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда пошла русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуда русская земля стала есть».

Къ труду своему лѣтописецъ приступилъ съ молитвою, съ вѣрою въ помощь Божію, съ сознаниемъ важности дѣла. Онъ записывалъ о князьяхъ между прочимъ и преданія народныя, въ которыхъ, конечно, встрѣчались и вымыслы. Но лѣтопись эта для насъ очень дорога: до царствованія великаго князя Владиміра это единственный родной источникъ, откуда мы можемъ узнать о нашей старинѣ. Разказы Нестора очень просты, занимательны и поучительны.

Лѣтописецъ Несторъ.
(Со скульптуры Антокольскаго).

144. Лѣтописецъ. (Пимень).

Еще одно послѣднее сказанье
И лѣтопись окончена моя.
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безымянный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ;
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро,—
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я сызнова живу:
Минувшее проходить предо мною..
Давно ль оно неслось, событій полно,
Волнуясь, какъ море-океанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходить до меня,
А прочее погребло безвозвратно!..
Но близокъ день, лампада догораетъ..
Еще одно послѣднее сказанье. (Пишетъ).

А. Пушкинъ.

145. Наши предки славяне.

Болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ Россію населялъ народъ, отъ котораго и мы происходимъ. Народъ этотъ называлъ себя славянами и раздѣлялся на нѣсколько племенъ. Славянскія племена жили врозь, каждое по своему. Назывались эти племена: кривичи, древляне, поляне, радимичи, сѣверяне.

У славянъ этихъ были города: Новгородъ, Смоленскъ и Кіевъ. Городовъ было немного и состояли они изъ небольшихъ деревянныхъ хижинъ, какъ и села. Но городами назывались потому, что были огорожены валомъ, рвомъ и тыномъ.

Славянскія племена жили небольшими отдѣльными родами и разбросаны были на обширныхъ пространствахъ. Каждый славянинъ жилъ со своимъ родомъ; родъ состоялъ изъ людей, бывшихъ между собою въ родствѣ.

Старшій въ родѣ былъ главою, родоначальникомъ, и онъ назывался княземъ. Онъ долженъ былъ творить судъ и правду, и ему все родичи оказывали почетъ и уваженіе. Если случалось какое-нибудь дѣло, которое надо было рѣшить нѣсколькимъ родамъ вмѣстѣ, то созывалось «вѣче», т. е. собраніе. На площади собирались родоначальники и рѣшали дѣло міромъ, т. е. сообща, въ одинъ голосъ.

Очень часто на «вѣчѣ» родоначальники долго спорили и не могли придти ни къ какому рѣшенію, дѣло кончалось дракой, и та сторона, которая была сильнѣе, дѣлала по своему. Роды постоянно враждовали другъ съ другомъ.

Грамоты изъ нашихъ предковъ никто не зналъ; да и грамоты славянской въ то время еще не было, а потому судили и рядили по старымъ обычаямъ, порядкамъ и родовымъ преданіямъ.

146. Какъ жили славяне.

(Бытъ, нравы, занятія.)

Наши предки были народъ сильный, рослый, «лицомъ румяны, волосомъ русы». Они легко переносили и зной и стужу. Они были права добраго и очень гостепріимны. Выходя изъ дома, славянинъ никогда не запиралъ дверей и на столѣ оставлялъ разную ѣду, на случай, если зайдетъ странникъ. Съ плѣнными славяне обращались кротко, и черезъ нѣкоторое время отпускали ихъ на волю.

Жили славяне очень просто, въ бѣдныхъ избахъ, въ которыхъ дѣлали нѣсколько выходовъ, чтобы можно было скорѣй уйти отъ непріятеля. Пищу славяне ѣли простую и грубую, очень часто по нуждѣ питались и сырымъ мясомъ.

Жизнь они вели безпокойную: то враждовалъ родъ съ родомъ, то сосѣднія племена дрались между собою. Но и при своей безпокойной жизни они все же обрабатывали землю и сѣяли хлѣбъ. Земли было много, была она тучная и урожаи давала обильные. Въ тѣ далекія времена наша родина густо была покрыта дремучими лѣсами. Въ лѣсахъ водилось много пушныхъ звѣрей и охота была самымъ прибыльнымъ занятіемъ. Славяне были отличные звѣроловы-охотники. Въ лѣсахъ водилось много дикихъ пчелъ, и славяне безъ труда и заботъ собирали воскъ и медъ.

Рыбы въ рѣкахъ и озерахъ водилось тоже очень много, и славяне занимались рыболовствомъ.

Мать-природа давала имъ все въ изобиліи. Но жили они въ вѣчномъ страхѣ: по непроходимымъ лѣсамъ и болотистымъ дорогамъ вездѣ можно было натолкнуться на лихихъ людей, на грабителей. Оттого и ѣздили и торгъ вели только по большимъ рѣкамъ. Ъздили они въ небольшихъ лодкахъ на веслахъ или подъ парусами. По берегамъ большихъ рѣкъ стали селиться торговые люди, появились поселки и города, закипѣли народомъ базарныя площади. Лѣсного товара у славянъ было много. Съ нимъ по рѣкамъ они пробирались даже къ иноземнымъ народамъ.

147. Вѣра у славянъ.

Въ древнія времена всѣ славяне были язычники, идолопоклонники. Они молились кумирамъ или идоламъ и приносили имъ жертвы, иногда даже людьми. Они не знали истиннаго Бога и не понимали естественныхъ законовъ, по которымъ происходятъ явленія въ природѣ, и всѣ главнѣйшія силы и явленія природы почитали за боговъ. Одни боги были у нихъ добрые, другіе—злые.

Главнымъ богомъ славяне считали солнце. Оно давало свѣтъ, теплоту, плодородіе; весною вызывало къ жизни заснувшую природу. Солнце называлось Даждь-богъ. Ему славяне пѣли веселыя пѣсни.

Кромѣ того, они поклонялись грому—Перуну, вѣтру—Стрибогу и другимъ грознымъ богамъ, которыхъ разными жертвами и мольбами старались умиловить.

Славяне вѣрили, что главные боги живутъ на небѣ, а на землѣ много другихъ, менѣе важныхъ, напримѣръ: въ домахъ—домовые, вѣдьмы, въ лѣсахъ—лѣшіе, кикиморы, въ водахъ—водяные, русалки.

Всѣхъ этихъ боговъ славяне боялись и старались умиловить. Они дѣлали себѣ подобіе боговъ, идоловъ изъ камня, глины и дерева, и поклонялись имъ, приносили жертвы, пѣли и плясали передъ ними и украшали ихъ.

Славяне думали, что на землѣ у боговъ есть свои избранные, любимые люди, которымъ они открываютъ свои тайны. Люди эти были колдуны, кудесники, волхвы. Они были умнѣе и хитрѣе другихъ и нерѣдко обманывали довѣрчивый народъ. Славяне почитали ихъ и вѣрили, что они могутъ предсказывать будущее, могутъ насылать бѣды и избавлять отъ несчастій.

Славяне вѣрили въ загробную жизнь. Они думали, что

ихъ умершіе живутъ на томъ свѣтѣ такъ же, какъ и они: пьютъ, ѣдятъ, скучаютъ по близкимъ, иногда выходятъ изъ могилъ. Когда покойника зарывали въ землю, то съ нимъ клали его вещи, ѣду, иногда убивали его коня или даже любимую жену. Послѣ погребенія на могилѣ всегда справляли «тризну», т. е. поминки. На этой тризнѣ они хорошо угощались, пѣли и устраивали игрища.

Такъ въ старину жили славяне: въ темнотѣ, невѣжествѣ; были грубы и дики, заботились о себѣ да о своихъ близкихъ.

Свѣтъ Христовой вѣры смягчилъ нравы славянъ, научилъ добру, человѣколюбію. Свѣтъ ученія—просвѣтилъ темноту.

148. Вражда и месть между славянами.

Древніе славяне жили между собою недружно. Родъ возставалъ на родъ; племя враждовало съ племенемъ. Спорили они изъ-за земель, изъ-за городовъ, изъ-за обычаевъ. Споры между родами почти всегда кончались дракой, а между племенами—войной.

У славянъ былъ жестокій обычай мстить за обиду; прощать обиду считалось позоромъ. Мести выдумывались беспощадныя, страшныя; и чѣмъ ужаснѣе была месть, чѣмъ больше было пролито крови,—тѣмъ больше чести было мстителю. Мстили даже не одному обидчику, а всѣмъ его родичамъ. Казалось, конца не было враждѣ, ссорамъ и войнамъ. Жилось очень тяжело.

149. Призваніе варяговъ.

(862 г.)

Почти всѣ славяне платили дань сосѣднимъ народамъ, потому что тѣ были сильнѣе ихъ. Сѣверные славяне и сосѣди ихъ, финскія племена, давали дань варягамъ, народу, который жилъ за Варяжскимъ (Балтійскимъ) моремъ. Варяги заниматься землепашествомъ не любили, а разгуливали въ легкихъ лодкахъ по морю, да грабили, забираясь иногда въ дальнія страны. Славянъ варяги знали давно, потому что добывали у нихъ хлѣбъ и мѣха, и потому, что чрезъ славянскую землю лежалъ имъ путь въ Грецію, куда варяги ходили на грабежъ, или наниматься въ службу къ греческимъ императорамъ. Но, высмотрѣвши все у

славянъ, варяги вдругъ явились изъ-за моря въ ихъ владѣнія и наложили на племена сѣверныхъ славянъ дань. Племена эти подчинились варягамъ, но только платили имъ дань недолго: года черезъ два имъ удалось выгнать варяговъ за море. Избавившись отъ враговъ, они однако не нашли себѣ покоя и мира: пошли неурядицы, война, грабежи. Тогда нѣсколько племенъ стали разсуждать, какъ бы завести у себя миръ и порядокъ. Рѣшили

Варяги.

поставить князя, который бы владѣлъ ими и судилъ по праву. А чтобы князь не радѣлъ своему роду больше, чѣмъ другимъ, и не развелъ бы прежнихъ смуть и усобицъ, они положили: призвать князя чужого, изъ варяговъ.

Было между варягами одно небольшое, храброе племя, которое называлось Русь; къ этому-то племени и отправились послы. Пришедши къ Варягамъ-Руси, послы сказали имъ: «Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; приходите княжить и владѣть нами». И собрались три брата съ родичами своими, взяли съ собою всю Русь и въ 862 году пришли. Старшій братъ, Рюрикъ, сѣлъ

княжить въ Новгородѣ; второй братъ, Синеусъ, на Бѣло-Озерѣ; третій братъ, Труворъ, въ Изборскѣ. Отъ нихъ-то и прозвалась земля Русскою.

Петрушевскій.

150. Олегъ.

(907 г.)

Послѣ Рюрика сталъ княжить его родственникъ, Олегъ (сынъ Рюрика, Игорь, былъ еще малъ). Олегъ былъ князь очень храбрый и любилъ воевать. Много взялъ онъ городовъ и много набралъ дани. Гдѣ нельзя было взять силой, Олегъ бралъ хитростью. За его хитрость да за удачу народъ прозвалъ его «Вѣщимъ».

Хитростью взялъ Олегъ городъ Кіевъ. Понравился ему этотъ городъ, и онъ остался жить въ немъ, назвавши его матерью городовъ русскихъ. Кіевъ сталъ съ этихъ поръ главнымъ городомъ Русской земли. Особенно прославился Олегъ походомъ на грековъ. Съ огромнымъ войскомъ подступилъ онъ къ греческой столицѣ, Царь-граду, и взялъ съ грековъ богатѣйшій выкупъ—много золота, серебра, дорогихъ тканей. И въ знакъ побѣды прибилъ надъ воротами города свой щитъ.

Про смерть Олега народная молва сложила особое сказанье. Одинъ кудесникъ предсказалъ Олегу, что онъ приметъ смерть отъ своего коня. Олегъ повѣрилъ и отослалъ своего коня. Прошло нѣсколько времени, и спрашиваетъ Олегъ про коня. Ему говорятъ: «онъ палъ». Вспомнилъ Олегъ предсказанье кудесника, посмѣялся и захотѣлъ посмотреть на кости своего прежняго товарища. Пріѣхавъ къ холму, гдѣ лежали кости коня, князь наступилъ ногой на его черепъ и сказалъ насмѣшливо: «Не отъ этой ли кости умереть мнѣ?» Вдругъ изъ черепа выползла змѣя и ужалила Олега на смерть.

151. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ.

Какъ нынѣ собирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ хазарамъ:
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.
Изъ темнаго лѣса навстрѣчу ему
Идетъ вдохновенный кудесникъ,

Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведенный весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подѣхалъ Олегъ.

— «Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землею?

Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любого возьмешь ты коня».

— «Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ:
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ,
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ,
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава—отрада;
Побѣдой прославлено имя твое,
Твой щитъ на вратахъ Цареграда;
И волны и суша покорны тебѣ:
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

И синяго моря обманчивый вальс
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ:
Незримый хранитель могучему данъ.

Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смиренный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю;
И холодъ и сѣча ему ничего;
Но примешь ты смерть отъ коня своего».

Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачились думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладить и треплетъ по шеѣ крутой.

— «Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга!
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай, ужъ не ступить нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки-друзи, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ уздцы отведите,
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите».

И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другого коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана;
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.
«А гдѣ мой товарищъ?» промолвилъ Олегъ,
«Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Все такъ же ль легкоъ его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?»
И внемлетъ отвѣту: «На холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ».
Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: «Что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣтъ бы твое предсказанье!
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня.
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.
Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ: на холмѣ, у берега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуется надъ ними ковыль.
Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: «спи, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ!
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь...
Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!»
Изъ мертвой главы гробовая змѣя,
Шипя, между тѣмъ выползала:
Какъ черная лента вокругъ ногъ обвилась,
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.
Ковши круговые, зашѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ,
Дружина пируетъ у берега.
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

А. Пушкинъ.

Волхвы, говоритъ лѣтописецъ Несторъ, предсказали князю Олегу, что ему суждено умереть отъ любимаго коня своего. Съ этого времени онъ не хотѣлъ ѣздить на немъ. Прошло четыре года: въ осень пятаго вспомнилъ Олегъ о предсказаніи и, слыша, что конь давно умеръ, посмѣялся надъ волхвами, захотѣлъ видѣть его кости, сталъ ногою на черепъ и сказалъ: «его ли мнѣ бояться?» Но въ черепѣ таилась змѣя: она ужалила князя и герой скончался.

152. Великая княгиня Ольга.

(957 г.)

Княгиня Ольга, жена князя Игоря, осталась послѣ его смерти съ маленькимъ сыномъ Святославомъ и за малолѣтствомъ его стала править Русскою землею. Изъѣздила она сама съ дружиною всѣ свои владѣнія, узнала, сколько вездѣ творится неправды, и заводила повсюду новые порядки. Разбирала она всякіе споры, не давала слабаго въ обиду, дѣлила землю на участки, чтобы не было спору изъ-за владѣній. Указала вездѣ, сколько дани должны платить ей и намѣстникамъ, чтобы не было насилія и произвола. Поставила судей, чтобы правда водворялась въ людяхъ.

Когда Святославъ выросъ, княгиня Ольга отправилась въ Царьградъ, чтобы принять тамъ святое крещеніе. Здѣсь самъ патріархъ крестилъ ее, а греческій императоръ былъ ея воспріемникомъ.

По возвращеніи въ Кіевъ, княгиня Ольга сильно желала обратить въ христіанскую вѣру и сына своего Святослава.

— Вотъ я познала Бога истиннаго и радуюсь, — говорила она сыну. — Крестись, — ты познаешь Его и будешь радоваться, ибо вѣра Христова есть свѣтъ и радость для души.

Святославъ, однако, не исполнилъ желанія матери. Онъ все время проводилъ въ походахъ и не думалъ о перемѣнѣ вѣры.

Княгиня Ольга сильно огорчалась этимъ и усердно молилась за сына и за русскую землю.

— Да будетъ воля Божія, — говорила она. — Если Господу угодно будетъ помиловать родъ мой и народъ русскій, то Онъ возложитъ имъ на сердце обратиться, какъ даровалъ и мнѣ.

Послѣ крещенія, княгиня Ольга жила только два года и скончалась въ 969 году. Православная Церковь причислила ее къ лику святыхъ. Память ея празднуется 11 іюля.

Св. княгиня Ольга.

153. Святой князь Владиміръ.

(978—1015.)

Сынъ Святослава, внукъ Ольги, князь Владиміръ вначалѣ своего княженія показалъ себя ревностнымъ язычникомъ и поставилъ всюду идоловъ. Въ Кіевѣ, передъ княжескимъ теремомъ, поставилъ изображеніе главнаго бога Перуна, въ видѣ деревяннаго идола съ серебряной головой и золотыми усами. Такіе же идолы были поставлены и по другимъ городамъ. Идоламъ приносили обильныя жертвы, и въ честь ихъ устраивались торжества. Въ эту пору Владиміръ-язычникъ любилъ веселую жизнь.

Владиміръ Святой.

Послѣ одного удачнаго похода Владиміръ воротился въ Кіевъ съ богатою добычею и задумалъ устроить по этому случаю большое торжество. Язычники рѣшили возблагодарить Перуна даже человѣческою кровью. Бросили жребій, и онъ упалъ на христіанскаго мальчика Іоанна, единственнаго сына у отца, также христіанина, именемъ Θεодора. Послали объявить объ этомъ Θεодору. Но онъ отвѣтилъ пришедшимъ, что не можетъ отдать имъ сына, что Перунъ и идолы не боги, а бездушные истуканы, дѣло человѣческихъ рукъ, и что одинъ Богъ—Творецъ неба и земли. Посланные возвратились на мѣсто торжества и передали слова Θεодора народу. Народъ заволновался. Съ оружіемъ въ рукахъ бросилась толпа къ дому Θεодора, разметала заборъ и, ворвавшись во дворъ, стала кричать: «Подавай сына,—боги обрекли его себѣ на жертву!» Θεодоръ въ это время стоялъ, обнявъ сына, въ сѣняхъ своего дома и отвѣчалъ народу: «Если ваши боги точно боги, то пусть приплюютъ кого-нибудь изъ своихъ и возьмутъ у меня сына, а вы напрасно хлопочете». Тогда кіевляне бросились къ дому и подрубили столбы, на которыхъ держались сѣни; сѣни обрушились, и подъ развали-

нами ихъ погибли первые мученики на Руси—Еоодоръ и Іоаннъ.

Этотъ случай произвелъ сильное впечатлѣніе на князя Владиміра. Съ этой поры онъ не возлюбилъ язычества и пересталъ приносить жертвы идоламъ.

154. Крещеніе Руси

(въ 988 году).

Однажды къ русскому князю Владиміру явились болгары, вѣрою магометане, и сказали ему: «Ты князь мудрый, а не знаешь закона: вѣруй въ законъ нашъ и поклонись Богу нашему».—«А какой вашъ законъ?» спросилъ князь. Болгары рассказали ему, каковъ законъ Магометовъ, сказали, что нельзя ѣсть свинины, нельзя пить вино. Владиміръ возразилъ: «Пить есть веселье Руси, не можемъ безъ того быть»—и отослалъ болгаръ. Послѣ болгаръ пришли нѣмцы, которыхъ прислалъ римскій папа, главный архіерей латинской вѣры. Владиміръ выслушалъ ихъ и отвѣчалъ: «Идите домой, отцы наши вашей вѣры не принимали». Потомъ явились къ Владиміру евреи и стали восхвалять ему свою вѣру.—«А гдѣ земля ваша?» спросилъ князь. — «Въ Іерусалимѣ», отвѣчали евреи: «но Богъ разгнѣвался на отцовъ нашихъ и расточилъ по всѣмъ странамъ за грѣхи». Владиміръ сказалъ имъ на это: «Если бы Богъ любилъ васъ и законъ вашъ, не были бы вы разсѣяны по всей землѣ; вы хотите, чтобы и намъ то же было?» Наконецъ, греки прислали къ князю своего философа (ученаго). Онъ много говоритъ Владиміру о христіанской вѣрѣ и показалъ ему картину Страшнаго суда: праведники изображены были по правую сторону и шли въ рай, а грѣшники находились по лѣвую руку и шли въ муку вѣчную. Владиміръ вздохнулъ и сказалъ: «Добро этимъ одесную, и горе тѣмъ ошую».—«Если хочешь быть съ праведниками», сказалъ философъ: «то крестись». Владиміръ хотѣлъ о перемѣнѣ вѣры пораздумать и поразсудить со старѣйшинами, а потому отпустилъ философа, сказавши ему: «Подожду еще немного».

На другой день собралъ Владиміръ своихъ бояръ и городскихъ старцевъ, рассказалъ имъ, что говорили болгары, евреи, нѣмцы и греки, и спрашивалъ у нихъ совѣта. Бояре и старцы отвѣчали: «Самъ, князь, знаешь, что никто

не хулить своего; коли хочешь испытать гораздо, пошли разузнать, какъ кто служить Богу». Рѣчь эта полюбилась Владиміру, и онъ послалъ десять смышленныхъ мужей, сначала къ болгарамъ, потомъ къ нѣмцамъ. Когда они пришли въ Царьградъ, патріархъ велѣлъ устроить службу церковную по-праздничному и поставилъ русскихъ на просторномъ мѣстѣ, чтобы все видѣли и слышали. Русскіе изумились, хвалили службу греческую и были отпущены домой съ честью и богатыми подарками.

Владиміръ снова собралъ старцевъ и бояръ. Послы стали рассказывать: «Ходили мы къ болгарамъ, видѣли, какъ они молятся въ мечети (магометанскій храмъ); они молятся, стоя безъ пояса; поклонится, сядетъ и глядитъ по сторонамъ, какъ безумный; у нихъ не веселье, а печаль и смрадъ: не хорошъ законъ ихъ. Были мы у нѣмцевъ и видѣли въ храмахъ ихъ многія службы, а красоты не видѣли никакой. Наконецъ, пришли мы къ грекамъ, и повели насъ въ церковь, и не знали мы, на небесахъ находимся, или на землѣ,—ибо на землѣ нѣтъ такой красоты. Всякій человѣкъ, когда вкуситъ сладкаго, не захочетъ ѣсть горькаго: такъ и мы не хотимъ другой вѣры». Бояре сказали Владиміру: «Если бы не хорошъ былъ законъ греческій, не приняла бы его бабка твоя Ольга, мудрѣйшая изъ людей».—«Гдѣ же мы крещеніе примемъ?» спросилъ князь.—«Гдѣ тебѣ любо», сказали бояре.

Владиміръ задумалъ сначала одержать надъ греками побѣду, и послѣ того принять отъ нихъ новую вѣру; онъ хотѣлъ показать грекамъ, что, принявъ ихъ вѣру, останется по-прежнему вольнымъ русскимъ княземъ и не будетъ подручнымъ греческихъ царей. Для этого онъ пошелъ на греческій городъ Корсунъ въ Крыму *), и послѣ многихъ трудовъ взялъ его. Отсюда онъ послалъ сказать греческимъ царямъ, Василию и Константину, чтобы выдали за него сестру ихъ Анну; иначе онъ пойдетъ на Царьградъ. Императоры отвѣчали, что выдадутъ за него сестру, если онъ приметъ крещеніе, а за язычника христіанка пойти не можетъ. Тогда Владиміръ отвѣчалъ, что готовъ креститься. Съ трудомъ уговорили Анну ѣхать въ Русь. «Мнѣ идти туда все равно, что въ плѣнъ», твердила она: «лучше бы здѣсь умереть». Наконецъ, она согласилась, и, когда пріѣхала въ Корсунъ, Владиміръ тотчасъ крестился,

*) Развалины Корсуна или Херсонеса находятся около Севастополя.

былъ названъ въ св. крещеніи Василиемъ и послѣ крещенія пошелъ съ Анною къ вѣнцу.

Разсказываютъ, что у Владиміра передъ тѣмъ разболѣлись глаза, и что послѣ крещенія онъ тотчасъ же выздоровѣлъ, прославилъ Бога и сказалъ: «Теперь я узналъ истиннаго Бога!» Увидѣвши это, многіе изъ дружины его крестились.

Вернувшись въ Кіевъ, Владиміръ приказалъ рубить и жечь всѣ кумиры, а Перуна привязать къ хвосту коня и стащить съ горы въ Днѣпръ. Народъ плакалъ, но князю

Крещеніе кіевлянъ.

не перечилъ. Потомъ Владиміръ разослалъ по городу гонцовъ сзывать народъ на рѣку. На другой день утромъ вышелъ князь Владиміръ на Днѣпръ съ царицыными и корсунскими священниками. Народу собралось видимо-невидимо; одни стояли въ водѣ по шею, другіе по грудь; дѣти ходили, гдѣ помельче, у берега, или сидѣли у матерей и отцовъ на рукахъ, священники читали молитвы. Владиміръ, радуясь, что самъ онъ и люди его познали истиннаго Бога, произнесъ такую молитву: «Боже, сотворивый небо и землю! Призри на люди сія и даждь имъ, Господи, увѣдѣти Тебя, истиннаго Бога, якоже увѣдѣша страны христіанскія; утверди и вѣру въ нихъ праву и несовратну, и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да надѣяся на Тя и на державу Твою, побѣжду козни его».

Крестивъ кіевлянъ, Владиміръ началъ строить церкви въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли прежде кумиры; по городамъ и селамъ заставлялъ людей креститься и всюду разсылалъ священниковъ. При Владимірѣ крестилась не вся Русь; на такое большое дѣло надо было много времени и трудовъ. Но самое трудное уже было сдѣлано, и этому много помогло то, что священныя книги были уже переведены на славянской языкъ,—значить, народъ могъ молиться въ церкви на своемъ языкѣ. Книги перевели святые Кириллъ и Меѳодій, больше чѣмъ за сто лѣтъ до Владиміра, для одного славянскаго племени. Владиміръ велѣлъ переписывать эти книги (печатать тогда еще не умѣли), и такъ какъ грамотныхъ не было тогда на Руси почти вовсе, то приказалъ отбирать сыновей у лучшихъ людей и отдавать ихъ въ книжное ученье.

По Петрушевскому.

155. Владиміръ-христіанинъ.

Крещеніе кіевлянъ совершилось въ 988 году. Вслѣдъ затѣмъ обращены были въ христіанство и нѣкоторыя другія области русскія.

Принявъ крещеніе на 27-мъ году отъ роду, Владиміръ смирилъ въ себѣ противныя христіанству наклонности и порывы, сталъ кротокъ, милосердъ, снисходителенъ, пересталъ воевать изъ-за одной славы и добычи. Обратилъ онъ вниманіе на нужды народа: заботился о распространеніи и укрѣпленіи въ народѣ истинной вѣры Христовой, строилъ церкви, приказывалъ переписывать богослужебныя книги, велѣлъ священникамъ обучать дѣтей грамотѣ при церквахъ. Этимъ было положено начало народнаго просвѣщенія на Руси.

На духовенство, кромѣ просвѣщенія народа, возложена была забота о неимущихъ и немощныхъ. При церквахъ должны были находиться пріюты для бѣдныхъ, больницы, дома для принятія странниковъ. Кому негдѣ было жить—хромые, слѣпые, калѣки, отпущенные на волю безземельные рабы, безпріютныя вдовы и сироты—все эти люди были отданы княземъ Владиміромъ на попеченіе Церкви. Заботился князь и о томъ, чтобы ввести правду въ судѣ, защитить слабого отъ сильнаго и помочь бѣдствующимъ. Онъ дозволилъ всѣмъ входить на княжескій дворъ и просить всего, что кому было нужно, а для больныхъ велѣлъ

развозить по домамъ хлѣбъ, мясо, рыбу и всякія овощи, медъ и квасъ. Прежде, въ язычествѣ, Владиміръ не щадилъ своихъ враговъ и убилъ даже родного брата; а принявъ христіанство, онъ сталъ до того милостивъ и мягкосерденъ, что долго не рѣшался казнить осужденныхъ преступниковъ, говоря: «боюсь взять грѣхъ на душу». Въ хоромахъ его появились лица духовныя и ученые, съ которыми любилъ теперь бесѣдовать Владиміръ.

Князь Владиміръ оставилъ по себѣ въ народѣ добрую память: народъ прозвалъ его ласковымъ княземъ Красное Солнышко. По смерти Владиміръ былъ причисленъ Церковью къ лику святыхъ, а за подвигъ распространенія христіанства между язычниками названъ Равноапостольнымъ; празднованіе его памяти установлено 15-го іюля.

Изъ народныхъ чтеній.

156. Ярославъ Мудрый.

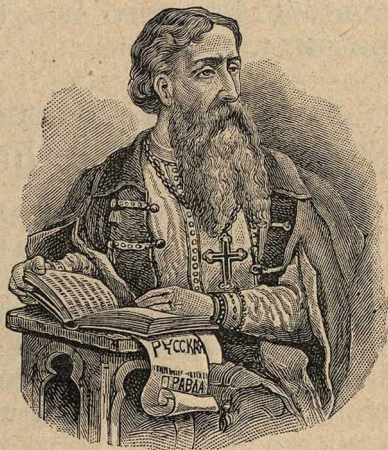
(1019—1054 г.)

Ярославъ, сынъ Владиміра, не любилъ войнъ. Онъ больше всего заботился о просвѣщеніи и устроеніи земли Русской. И была тишина на Руси въ его княженіе.

Не жалѣлъ Ярославъ денегъ на устройство церквей и монастырей; выписывалъ изъ Греціи мастеровъ-строителей, живописцевъ, пѣвчихъ. Отъ грековъ и русскіе понемногу перенимали разныя искусства.

Любилъ князь книжное ученіе. Самъ онъ читалъ книги и днемъ, и ночью. Собралъ около себя много искусныхъ писцовъ, чтобы умножить черезъ нихъ книги. А чтобы увеличить на Руси число грамотныхъ, Ярославъ заводилъ училища. Что началъ Владиміръ, то продолжалъ и умножалъ Ярославъ.

Ярославъ написалъ первые на Руси законы («Русская Правда»). Безъ писанныхъ законовъ судья творить судъ, какъ хочетъ, и никто не знаетъ ни правъ своихъ, ни

Ярославъ Мудрый.

обязанностей. Въ «Русской Правдѣ» и было написано, какъ наказывать за убійство, за увѣчье, за побои, за воровство; какъ дѣлить наслѣдство.

Судъ чинилъ самъ князь на княжемъ дворѣ, а по другимъ городамъ—наместники,—и за ними строго смотрѣлъ самъ князь.

Умножилось при Ярославѣ и богатство въ народѣ. Въ безмятежной тишинѣ занимался каждый своимъ трудомъ. Процвѣтала тогда и торговля. Иноземные и русскіе купцы съѣзжались въ Кіевъ, и на Днѣпрѣ всегда стояло множество судовъ торговыхъ.

Не любилъ Ярославъ Мудрый войны, но и не давалъ онъ Русь въ обиду сосѣдямъ. Степняки боялись его, иностранные государи почитали. Для постоянной отъ враговъ защиты Ярославъ построилъ по окраинамъ много городовъ укрѣпленныхъ.

Дожилъ Ярославъ Мудрый до глубокой старости. Предъ смертью призвалъ онъ сыновей своихъ и сказалъ имъ:—«Дѣти мои! вотъ я отхожу отъ этого свѣта. Любите другъ друга, — вѣдь вы родные братья. Если станете ссориться, то и сами погибнете, погубите и землю отцовъ и дѣдовъ нашихъ; а землю эту пріобрѣли они трудомъ великимъ. Кіевскій столъ оставляю старшему брату вашему, Изяславу; слушайтесь его, какъ отца. А если кто захочетъ обидѣть кого изъ братьевъ, ты, Изяславъ, помогай правому».

Изъ кн. Д. Тихомирова.

157. Владиміръ Мономахъ.

(1113—1125 г.)

Послѣ смерти Ярослава пошли между князьями раздоры. Княжескими усобицами пользовались дикіе степняки-половцы. Они часто нападали на Русь, грабили и жгли села и города, избивали и уводили въ неволю народъ беззащитный.

Только и вздохнула Русь при внука Ярослава—Владимірѣ Мономахѣ. Не давалъ онъ разгораться княжескимъ усобицамъ; отвадилъ и половцевъ дѣлать набѣги на Русскую землю. Посовѣтовалъ Мономахъ великому князю *) созвать на съѣздъ всѣхъ удѣльныхъ князей, чтобы полюбовно разрѣшить всѣ споры. Два раза съѣзжались князья, установили порядокъ, цѣловали крестъ, чтобы жить въ мирѣ. Усобицы понемногу стихли. Сталъ тогда

*) Великимъ княземъ былъ въ то время Святополкъ II.

Владиміръ Мономахъ замышлять походъ и на половцевъ. Пріѣхалъ онъ къ великому князю и уговорилъ его ударить общими силами на половцевъ, чтобъ оградить народъ отъ разоренія.

Собралось много русскихъ князей, и пошли въ степи. Собрались въ несмѣтномъ числѣ и половцы: было ихъ, какъ въ лѣсу деревьевъ. Но русскіе такъ стремительно ударили, что половцы не выдержали и побѣжали. Наши погнались за ними и порубили ихъ несмѣтное число. Долго потомъ не смѣли хищники показываться даже и на рубежѣ нашей земли.

Любилъ народъ Владиміра Мономаха, и всѣ князья его почитали, а потому, когда умеръ великій князь, кіевляне умолили Владиміра Мономаха быть великимъ княземъ, и никто изъ старѣйшихъ князей не сталъ тому противиться. Владиміру было тогда шестьдесятъ лѣтъ, но бодръ былъ еще князь и поспѣвалъ во всѣхъ дѣлахъ.

Былъ усерденъ Владиміръ и ко храму Божію: онъ построилъ на Руси много церквей и монастырей. Къ народу Владиміръ былъ милостивъ и правосуденъ. Щедро одѣлялъ князь нищихъ, убогихъ и всѣхъ, кто нуждался. Не давалъ онъ бѣдныхъ и слабыхъ въ обиду; строго слѣдилъ за намѣстниками и судьями по городамъ, чтобы не было неправды.

Съ князьями Владиміръ жилъ въ любви и добромъ согласіи, держалъ всегда сторону праваго, мирилъ соперниковъ, а къ сварливымъ и упорнымъ былъ строгъ: случалось,—отнималъ у такихъ и удѣлы. Былъ Владиміръ для младшихъ князей отцомъ—любящимъ, но строгимъ.

При Владимірѣ Мономахѣ на Руси было хорошо и спокойно. Послѣ же его смерти снова пошла вражда между князьями. Враги опять стали нападать на Русь и разорять ее.

Владиміръ Мономахъ оставилъ послѣ себя замѣчательную рукопись. Рукопись эту онъ назвалъ «Поученіе моимъ дѣтямъ». Надъ этимъ завѣщаніемъ Владиміръ много трудился, и въ ней вылилась честная, хорошая душа князя.

Некрасовъ.

158. Основаніе монастырей.

Послѣ распространенія на Руси православной вѣры между русскими людьми нашлись такіе усердные христіане, которые только и думали о вѣрѣ молитвѣ, праведной жизни,

помощи ближнимъ. Они удалялись въ уединенныя мѣста и тамъ молились, постились, трудились. Около нихъ собирались съ разныхъ концовъ земли Русской благочестивые люди, устраивались общежитія, и такимъ образомъ основывались монастыри. Въ то время въ монастыряхъ жизнь была строгая, благочестивая, на пользу ближнимъ и родинѣ. Изъ южныхъ монастырей особенно замѣчательна—Кіево-Печерская обитель, а изъ сѣверныхъ—Троице-Сергіевская и Соловецкая.

159. М о н а с т ы р ь.

Я живо вижу, какъ сюда
Пришелъ спастись мужъ святой
Въ тѣ времена еще, когда
Кругомъ шумѣлъ здѣсь боръ густой,
И, вѣковымъ объята сномъ,
Вся эта дикая страна
Казалась людямъ волшебствомъ
И чародѣйствами полна...
И келью самъ въ скалѣ изсѣкъ,
И жилъ пустыннымъ житіемъ
Въ той кельѣ Божій человекъ,
На козни бѣса глухъ и нѣмъ,
И, что свѣча въ ночи горитъ,
Онъ въ этомъ мракѣ просіялъ,
Училъ народъ, устроилъ скитъ,
И утѣшалъ, и просвѣщалъ...
И вотъ вокругъ валяются лѣса,
И монастырь здѣсь возстаетъ.
Надъ гробомъ старца чудеса
Пошли твориться... И растетъ

За храмомъ храмъ; встаетъ стѣна,
Встаетъ гостиницъ длинный рядъ;
И въ погреба течетъ казна,
И всюду трудъ, и всюду ладъ;
Хлопочетъ келарь, казначей:
Всечасно братья ждетъ гостей.
А эти гости—то князья,
Въ Орду идущіе съ казной;
То ихъ княгини, ихъ семья,
Въ разлукѣ плачущія злой...
И черный людъ, безвѣстный людъ,
Со всей Руси идетъ, бредетъ;
Въ грѣхахъ все каются идутъ,
Да страшный гнѣвъ свой Богъ
уйметъ.

Идутъ съ пожарищъ, съ поля
битвъ,

Ища исхода хоть слезамъ—
Подъ чтенье сладостныхъ молитвъ,
Подъ пѣнье ангельское тамъ...

А. Майковъ.

160. Святые Антоній и Θεодосій.

(Основаніе Кіево-Печерскаго монастыря 1062 г.)

Преподобный Антоній былъ родомъ изъ города Любеча (въ Черниговской области). Съ дѣтства благочестивый, онъ почувствовалъ стремленіе къ уединенной жизни и рѣшился идти на святую гору Аѳонскую, которая въ то время славилась святостью жизни иноковъ. Обходя тамошніе монастыри, онъ еще сильнѣе пожелалъ иночества и упротавилъ одного изъ тамошнихъ игуменовъ постричь его. Игуменъ, видя подвиги Антонія, сказалъ ему однажды: «Антоній, иди опять въ Русь, и да будетъ надъ тобою благословеніе святой горы: многіе иноки произойдутъ отъ тебя».

Пришелъ Антоній въ Кіевъ къ пещеркѣ, которая очень понравилась ему, и началъ онъ со слезами молиться Богу: «Господи! утверди меня на мѣстѣ семъ! да будетъ на немъ благословеніе св. горы Аѳонской и игумена, который постригъ меня!» Сталъ онъ копать пещеру, трудясь съ постомъ и молитвою. Скоро узнали о немъ люди и стали стекаться къ нему.

Однимъ изъ первыхъ пришелъ и поселился здѣсь преподобный Θεодосій. Онъ родился въ городѣ Василевѣ (близъ Кіева); родители его были христіане и люди благочестивые. Когда умеръ отецъ, Θεодосій былъ тринадцати лѣтъ отъ роду и тогда уже отличался подвигами смиренія; сталъ онъ выходить съ рабами своими въ поле и тамъ работать. Мать его часто за то бранила и даже била. Слышалъ Θεодосій о святыхъ мѣстахъ, гдѣ пострадалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и захотѣлъ идти поклониться тѣмъ мѣстамъ. Пришли въ домъ къ его матери странники; Θεодосій принялъ ихъ съ любовью и спросилъ: «Откуда вы?» Странники отвѣчали: «Отъ святыхъ мѣстъ, и если будетъ угодно Богу, идемъ опять туда же». Θεодосій сталъ просить ихъ взять и его съ собою; странники согласились. Θεодосій всталъ потихоньку ночью и ушелъ вслѣдъ за ними. Узнала объ этомъ мать и захотѣла вернуть его. Когда она догнала сына, то связала его, привела въ свой домъ, заперла въ пустую комнату и привязала тутъ. Прошло нѣсколько дней, сжалилась мать надъ Θεодосіемъ и начала его просить не уходить; Θεодосій общалъ ей это. Послѣ по-прежнему сталъ ходить въ церковь каждый день. Замѣтивъ, что иногда не бываетъ службы оттого, что некому печь просфоры, онъ вздумалъ заняться этимъ дѣломъ. Такъ прошло двѣнадцать лѣтъ.

Θеодосій, помня слова Спасителя: «Иже любитъ отца или мать паче Мене, нѣсть Мене достоинъ», и воспользо-вавшись тѣмъ, что мать уѣхала на нѣсколько дней въ поле, вышелъ тайно изъ дома. Взялъ съ собою только платье, которое на немъ было, да немного хлѣба, и пошелъ въ Кіевъ, гдѣ, какъ онъ слышалъ, было уже много монастырей.

Слышалъ Θεодосій и о святомъ Антоніи и о подвигахъ его, пришелъ къ нему, поклонился ему до земли и со слезами просилъ принять его къ себѣ. Антоній сказалъ: «Видишь эту пещеру: она мѣсто скорбное и тѣсное; ты же, кажется, молодъ и не вынесешь скорби на

мѣстѣ томъ». Θεодосій отвѣтилъ на это съ умиленіемъ: «Знай, честный отче, что Всевѣдецъ Богъ привелъ меня къ твоей святости и велитъ спасти меня; я буду дѣлать все, что ты велишь». Старецъ благословилъ его и велѣлъ постричь. И сталъ Θεодосій жить съ нимъ въ пещерѣ, проводить время въ постѣ, молитвѣ и трудахъ.

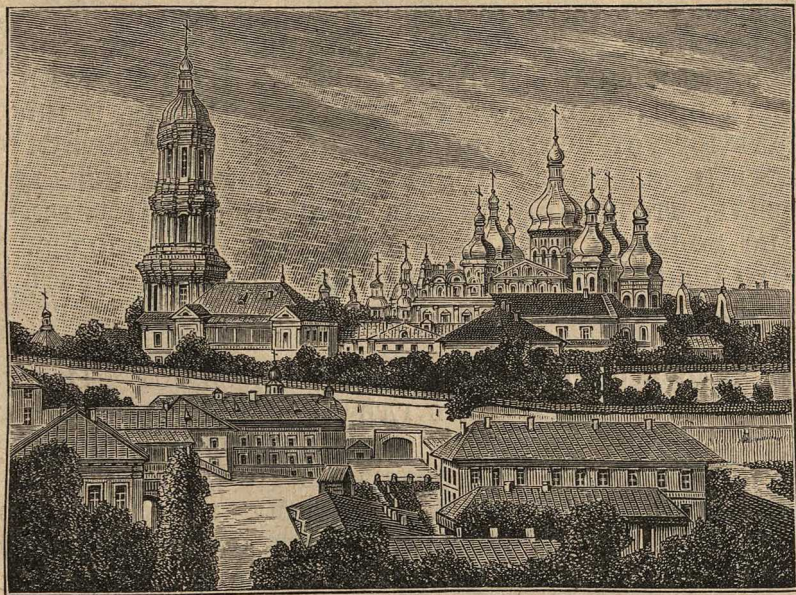
Мать долго искала Θεодосія и въ своемъ городѣ и окрестныхъ мѣстахъ, и, не находя, скорбѣла о немъ, какъ о мертвомъ. Наконецъ, узнавъ, что Θεодосій живетъ у преподобнаго Антонія, поѣхала въ Кіевъ, нашла пещеру сына и стала вызывать его. Θεодосій вышелъ къ матери. Опечалилась мать, когда увидала, какъ измѣнился сынъ отъ трудовъ и воздержанія; обняла его и такъ горько заплакала, что едва могла успокоиться. Потомъ сѣла и начала говорить Θεодосію: «Возвратись, чадо, въ домъ свой, дѣлай на волѣ, что считаешь нужнымъ для спасенія души своей, только не разлучайся со мною; когда же я умру, тогда возвращайся въ пещеру, а я безъ тебя жить не могу». Отвѣчалъ Θεодосій матери: «Если хочешь видѣть меня каждый день, то поди въ женскій монастырь и постригись; а если этого не сдѣлаешь, никогда меня не увидишь». Долго не рѣшалась мать послѣдовать совѣту сына, но потомъ постриглась въ монастырѣ св. Николая, гдѣ прожила еще много лѣтъ до мирной своей кончины.

Число поселившихся около преподобнаго Антонія все увеличивалось. Θεодосій, по благословенію Антонія, былъ рукоположенъ во священника, а самъ Антоній, не терпя шума и стремясь къ уединенію, затворился въ одной изъ келій пещеры, а игуменомъ поставилъ Варлаама. Антоній ушелъ потомъ на другой холмъ и выкопалъ себѣ пещеру, гдѣ и теперь покоятся его святые мощи. Варлаамъ же поставилъ надъ пещерою небольшую церковь во имя пресв. Богородицы, куда сходилась братія на общую молитву. Съ тѣхъ поръ всѣ начали знать Печерскую обитель.

Жизнь въ пещерѣ была тѣсная и скудная; ѣли отшельники только хлѣбъ съ водою, а въ субботу и воскресенье варили себѣ чечевицу; если ея не было, то варили зелень. Плели они изъ шерсти камилавки и клобуки и носили ихъ продавать въ городъ, покупали на эти деньги хлѣбъ въ зернахъ, который и раздѣляли между собою. Ночью каждый смалывалъ свою часть на ручной мельницѣ; потомъ пѣли заутреню. Послѣ — каждый занимался своимъ дѣломъ, кто копалъ въ огородѣ, и такъ продолжали до обѣдни. Послѣ

объдни каждый съѣдалъ немного хлѣба и шелъ на свою работу. Такъ жили въ пещерѣ. Преподобный Θεодосій былъ ревностнѣе всѣхъ: носилъ воду, дрова изъ лѣсу, ночью молился. Случалось иногда ему видѣть, что кто-нибудь изъ братіи не смолоть своего зерна и уснулъ: возьметъ за него Θεодосій и смететъ то зерно.

Когда князь перевелъ Варлаама игуменомъ въ обитель св. Дмитрія, собралась братія и выбрала себѣ въ игумены Θεодосія. Θεодосій, ставъ игуменомъ, остался по

Кіево-Печерская лавра.

прежнему смиреннымъ: помнилъ онъ евангельское слово: «кто изъ васъ хочетъ быть старшимъ, пусть будетъ меньше всѣхъ и всѣмъ слуга». Стала тогда обитель еще больше возрастать, братія все прибавлялось. Приходили многіе богатые люди просить благословенія и приносили отъ себя дары. Видя, что въ пещерѣ уже слишкомъ тѣсно, выбралъ Θεодосій мѣсто на горѣ; сподвижники его пошли къ преподобному Антонію и просили у него благословенія поставить монастырь. Антоній отвѣчалъ: «Благословенъ Богъ обо всемъ; да будетъ съ вами молитва св. Богородицы и отцевъ св. Аѳонской горы», и послалъ сказать князю Изяславу: «Богъ умножаетъ братію, а мѣста у

насъ мало, отдай намъ гору». Изяславъ отдалъ имъ гору. Поставилъ Θεодосій церковь, обнесъ оградой и построилъ много келій. Въ 1062 г. освятили новую церковь и перешли въ монастырь. Тогда же введенъ и уставъ общежительныхъ монастырей.

Много поучалъ Θεодосій своими наставленіями, еще больше поучалъ своимъ примѣромъ. Ълъ онъ только сухой хлѣбъ или вареную зелень безъ масла; пилъ только воду; ночи проводилъ въ молитвѣ; на великій постъ до Вербной недѣли уходилъ въ пещеру, которая теперь называется Θεодосіевою; въ пятницу передъ Лазаревою субботою, во время вечерни, возвращался въ монастырь и, ставъ въ дверяхъ церковныхъ, поучалъ братію. Въ работахъ онъ помогаль братіи, пособлялъ даже хлѣбы печь и никогда не зналъ ни усталости, ни отдыха, всегда чувствуя себя бодрымъ и сильнымъ. Пришелъ къ нему однажды келарь и сказалъ, что некому носить воду. Θεодосій всталъ, ни мало не медля, и началъ носить воду изъ колодца. Увидаль это одинъ изъ братіи, сказалъ другимъ,—и все при-шли помогать игумену и наносили воды даже больше, чѣмъ нужно.

Случилось разъ Θεодосію долго просидѣть у Изяслава, который въ то время былъ гдѣ-то за Кіевомъ. Такъ какъ наступила ночь, то князь велѣлъ заложить повозку и свезти преподобнаго въ монастырь. По дорогѣ слуга, не знавшій, кого онъ везетъ, и по худому платью считавшій Θεодосіа за простого монаха, сказалъ ему: «Чернорізецъ, ты всегда празденъ, а я работаю и не могу отъ усталости ѣхать на конѣ; садись ты на коня, а я лягу въ повозку». Θεодосій, не говоря ни слова, такъ и сдѣлалъ. Начинало свѣтать; стали имъ по дорогѣ попадаться бояре, которые ѣхали къ князю; бояре, узнавъ преподобнаго, сходили съ коня и кланялись ему. Тогда Θεодосій сказалъ: «Теперь уже утро: чадо, садись на коня». Увидавши, что бояре кланяются Θεодосію, испугался слуга и пересѣлъ на коня. Еще больше испугался, когда, подѣхавши въ воротамъ монастыря, увидаль, что черноризцы вышли и поклонились игумену въ ноги. Θεодосій же взялъ его за руку, велѣлъ накормить его и далъ ему еще денегъ. Разсказаль объ этомъ самъ возница; Θεодосій же никому не говорилъ о томъ. Θεодосій былъ милосердъ: близъ монастыря велѣлъ онъ построить особый дворъ съ церковью во имя первомученика Стефана и принималъ туда нищихъ, слѣ-

пыхъ, хромыхъ и прокаженныхъ, и на содержаніе ихъ отпускалъ десятую долю всего монастырскаго имущества. Каждую субботу посылалъ онъ возъ хлѣба заключеннымъ въ темницы. Милостивъ онъ былъ и къ тѣмъ, кто дѣлалъ зло обители. Разъ поймали воровъ въ монастырскомъ селѣ и привели ихъ къ Ѳеодосію. Онъ велѣлъ ихъ развязать и накормить, и сталъ поучать ихъ, чтобы впередъ они никому не дѣлали зла. Потомъ отпустилъ, надѣливъ всѣмъ нужнымъ. Всѣ несправедно обиженные шли къ Ѳеодосію, какъ къ своему заступнику.

Преп. Ѳеодосій скончался 3-го мая 1074 г. Почувствовавъ приближеніе своей кончины, онъ позвалъ братію и началъ со слезами поучать ихъ ревностно исполнять свои обязанности; потомъ благословилъ ихъ и отпустилъ. Лежа на смертномъ одрѣ, онъ сказалъ: «Да будетъ воля Божія! что угодно Богу, то и сотворитъ Онъ со мною». Сказавъ это, замолкъ и больше ничего не могъ говорить.

Когда онъ скончался, на восьмой день, тѣло его, по его завѣту, положили въ пещерѣ. Послѣ (въ 1091 г.) перенесли его святые мощи въ церковь Печерскую. Не задолго до Ѳеодосія скончался и преподобный Антоній.

Обитель Печерская осталась вѣрна наставленіямъ двухъ святыхъ своихъ основателей. Много вышло изъ нея и проповѣдниковъ слова Божія у язычниковъ, много и епископовъ благочестивыхъ. Такъ распространялась вѣра православная въ Русской землѣ вскорѣ послѣ св. Владиміра.

Изъ Христом. Воскресенскаго.

161. Нашествіе на Русь татаръ.

(1224 г.)

Въ глубинѣ азіатскихъ степей кочевало много полудикихъ монгольскихъ ордъ, которыя управлялись своими ханами и вели постоянныя войны между собою. Но въ началѣ 13-го столѣтія Темучинъ, побѣдивъ всѣхъ другихъ хановъ, соединилъ подъ своею властью множество народовъ; за это онъ получилъ прозваніе Чингисъ-хана (т.-е. великаго хана). Владѣя многочисленными ордами, задумалъ Темучинъ покорить съ ними весь міръ. Монголы знали, что на западъ отъ нихъ находятся обширныя степи, гораздо плодороднѣе азіатскихъ, и двинулись туда, по примѣру многихъ своихъ предшественниковъ: печенѣговъ, половцевъ и другихъ народовъ турецкаго происхожденія.

Двинулись они на Европейскую равнину давно извѣстнымъ путемъ: тамъ, гдѣ кончается Уральскій хребетъ, простирается до береговъ Каспійскаго моря обширная низменность; эта низменность служила во все вѣка широкою дорогою, по которой шли все кочевыя орды съ востока на западъ и наводняли Европу дикими хищниками. Этими же природными воротами двинулись и монголы (въ 1223 г.) подъ предводительствомъ двухъ полководцевъ Темучина.

Въ степяхъ Прикаспійскихъ они встрѣтили половцевъ, оттѣсненныхъ сюда Владиміромъ Мономахомъ; половцы обратились въ бѣгство и послали къ русскимъ князьямъ вѣстниковъ о нашествіи сильнаго непріятели; при этомъ половецкіе ханы просили помощи у русскихъ князей, говоря, что если татары покорятъ ихъ, половцевъ, то не сдобровать тогда и Русской землѣ. Князья русскіе, посовѣтовавшись между собою, согласились выслать рать противъ неизвѣстныхъ враговъ; но они и не подозрѣвали, какъ сильны и опасны эти враги для нихъ самихъ.

На берегу рѣчки Калки произошла въ 1224 г. первая битва русскихъ съ татарами. Она окончилась страшнымъ пораженіемъ русскихъ, какого еще никогда не бывало. Восемь князей русскихъ было убито, большая часть воинства полегла на поляхъ; а татары, разбивъ и разсѣявъ русскую рать, пошли по всей южной Руси, опустошая все на пути своемъ и не встрѣчая нигдѣ сопротивленія. Но отъ Днѣпра татары повернули назадъ и ушли снова въ Прикаспійскія степи: то были еще только соглядатаи, главные же силы татаръ оставались покуда въ Азіи, ожидая вѣстей отъ передовыхъ своихъ застрѣльщиковъ.

Когда эти вѣсти о легкой побѣдѣ надъ русскими и о богатствѣ привольной страны разошлись по безчисленнымъ ордамъ, — зашевелилось полуголодное хищное племя, поднялось все отъ мала до велика и двинулось, какъ черная туча, съ женами и дѣтьми, съ кибитками и стадами лошадей, покрывая своею массою десятки верстъ въ длину и въ ширину: шло на Русь не войско, — надвигался цѣлый народъ; шли не сражаться, а занимать страну, которую уже почитали своею.

За 13 лѣтъ промежутка между первымъ и вторымъ нашествіями татаръ, Русь не успѣла приготовиться къ оборонѣ; да мало кто и думалъ, что татары возвратятся; и потому, когда несмѣтная сила ихъ, подъ предводительствомъ Батые, направилась на сѣверо-восточную Русь,

князя, не смотря на отвагу и геройскую защиту, не могли отстоять родную землю отъ враговъ, наводнившихъ ее. Да и силы сражающихся были всегда слишкомъ не равны: русскіе выступали по частямъ—то одно княжество, то другое, а татары всюду налегали всей своей безчисленной массой и сокрушали неотступно городъ за городомъ, грабя, разоряя и предавая огню все на пути своемъ.

Обойдя такимъ образомъ сѣверо-восточную Русь, татары повернули на югъ, къ Кіеву. Въ 1240 г. они обступили «мать русскихъ городовъ» и недолго осаждали ее: кіевляне, вынужденные голодомъ, сдались...

Нашествіе татаръ. Полчища Батыя передъ Кіевомъ.

Въ три года татары разгромили всю русскую землю, обливъ ее кровью многихъ страдальцевъ — защитниковъ своей родины. Тамъ, гдѣ были когда-то многолюдные города, виднѣлись теперь только груды развалинъ: жители были перебиты или уведены въ полонъ, а которые уцѣлѣли, разбѣжались по лѣсамъ, скитаясь въ дебряхъ безъ крова и пищи.

Отъ Кіева татары направились въ Приволжскія степи и расположились тутъ на постоянное жительство. Свой необозримый станъ они назвали Золотой или Кипчакской Ордой.

(По Сиповскому).

162. Татарская неволя.

(1224—1480 г.)

Татарская Орда владѣла Русью безъ малаго 250 лѣтъ. Тяжело было Русской землѣ отъ насилія татарскаго, особенно первыя сто лѣтъ. Русь должна была платить Ордѣ дань; первое время дань эту снимали на откупъ иноземные купцы; съ ними ходили ханскіе посланцы, баскаки, съ большими толпами татаръ. Одинаково тяжело приходилось отъ этихъ баскаковъ и князьямъ и чернымъ людямъ. Татары грабили и бѣдняковъ и богачей; творили надъ ними всякое безчинство и муку; кто не платилъ, того отводили въ рабство въ Орду.

Много русскихъ людей томилось въ Ордѣ, въ неволѣ, особливо женщинъ. Татарскій полонъ былъ очень тяжекъ. Но надо про татаръ сказать и правду: они не трогали и не гнали православной вѣры. Сначала они были язычниками, а потомъ сдѣлались магометанами, стали вѣрить въ Магомета; но вѣру свою Русской землѣ не навязывали, священниковъ, иноковъ и всякій духовный чинъ оставляли въ покоѣ и даже не брали съ нихъ поголовной дани. Татары не тронули также того распорядка и обычая, подъ которымъ управлялась Русская земля. Князья, Рюриковы потомки, правили ею по-прежнему, только брали изъ Орды на свое княженіе ханскіе ярлыки (грамоты).

Петрушевскій.

163. Александръ Невскій.

(1238—1263.)

Въ 1240 году, когда татары опустошали южную Русь, задумали напасть на новгородцевъ шведы. Король шведскій послалъ зятя своего Биргера съ большимъ войскомъ на ладьяхъ въ устьѣ Невы противъ новгородцевъ и князя ихъ Александра. Получивъ извѣстіе о томъ, Александръ Ярославичъ палъ на колѣни предъ алтаремъ въ храмѣ Св. Софіи и, принявъ благословеніе епископа, бодро пошелъ навстрѣчу врагамъ. Своей малочисленной дружинѣ Александръ сказалъ:

— Насъ немного, а врагъ силенъ. Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ: идите съ вашимъ княземъ.

На Невѣ встрѣтилъ Александра съ донесеніями военачальникъ его, ижорянинъ Пелгусъ, усердный христіанинъ, и принеся князю чудную вѣсть о своемъ видѣніи.

Онъ провелъ всю ночь на берегу въ молитвѣ. Уже стало свѣтать. Тогда по широкой поверхности моря пронесся шумъ, и показалась плывущая ладья; весла тихо ударялись по волнамъ; гребцы были одѣты какъ бы мглою. Посреди ладьи стояли первые князья-мученики, сыновья равноапостольнаго Владимира—Борисъ и Глѣбъ. И сказалъ Борисъ:

— Братъ Глѣбъ, вели грести скорѣе, да поможемъ сроднику своему великому князю Александру Ярославичу.

Когда ладья пропала, Пелгусъ пошелъ отъ берега и встрѣтилъ князя.

Какъ молнія ударилъ Александръ на шведовъ, погубилъ безчисленное множество враговъ и самому военачальнику ихъ возложилъ печать на лицо острымъ своимъ копьемъ. За эту побѣду на рѣкѣ Невѣ Александръ Ярославичъ прозванъ Невскимъ.

Александръ Невскій.

Такъ же успѣшно побѣдилъ Александръ Ярославичъ и нѣмцевъ, которые разоряли Псковскую землю. Битва съ нѣмцами произошла на льду Чудскаго озера. Много враговъ погибло во время этого Ледоваго побоища. Спасъ потомъ Александръ Невскій землю Русскую и отъ литовцевъ, которые хотѣли воспользоваться нашимъ безвременьемъ.

Гремѣла слава Александра Невского по всему свѣту. Самъ Батый, наслышавшись о подвигахъ доблестнаго князя, пожелалъ видѣть его. Ханъ послалъ сказать Александру:

— Богъ покорилъ мнѣ многіе народы; ты ли одинъ хочешь противиться? Если желаешь сохранить свою землю, то приходи поклониться мнѣ.

Умный князь понималъ, что разоренная Русь не въ силахъ противиться татарамъ, и поѣхалъ въ Орду. Батый

принялъ его милостиво и наградилъ дарами. Татарскій ханъ назначилъ Александра великимъ княземъ владимірскимъ. Это было очень полезно для Русской земли. Александръ умѣлъ обходиться съ татарами и тѣмъ не разъ спасалъ русскія области отъ гибели и разоренія. Чтобы умилостивить татаръ, онъ неоднократно ѣздилъ въ Орду съ богатыми дарами, посылалъ туда и другихъ князей.

Татарскіе сборщики податей сильно притѣсняли и угнетали русскій народъ. Народъ терпѣлъ, но скоро всякое терпѣніе истоцилось. Во многихъ городахъ поднялся народъ противъ татаръ и съ безчестіемъ прогналъ ихъ. Разъярился ханъ: собираетъ онъ грозное полчище вновь громить Русскую землю.

Александръ поспѣшно ѣдетъ въ Орду съ богатыми дарами, хотъ и зналъ онъ, что гнѣвъ ханъ и можетъ снять съ него голову. Съ великимъ трудомъ снискалъ онъ милость хана, и тотъ принялъ его оправданіе. Почти цѣлый годъ держали Александра въ Ордѣ; силы его совсѣмъ ослабли, и здоровье разстроилось. Изъ Орды Александръ Невскій ѣхалъ домой уже совсѣмъ больной. Съ трудомъ могъ онъ доѣхать до Городца (село, Нижегородской губ.): здѣсь, въ монастырѣ, онъ почувствовалъ приближеніе смерти и принялъ схиму. Приобщившись Св. Таинъ, въ ночь на 14 ноября 1263 года Александръ Невскій отдалъ душу Богу.

Когда вѣсть о его кончинѣ пришла во Владиміръ, митрополитъ, служившій въ это время литургію, обратился со слезами на глазахъ къ народу:

— Чада мои милыя, закатилось солнце земли Русской!

Какъ громомъ, поразила эта вѣсть присутствовавшихъ; плачь и рыданіе поднялись въ народѣ.

— Мы погибаемъ!—повторяли всѣ.

Всѣ увидѣли, что нѣтъ теперь защитника у родной земли. Изъ Городца тѣло князя Александра привезли во Владиміръ. Церковь причислила благовѣрнаго князя Александра Невского къ лику святыхъ; память его празднуется 30 августа и 23 ноября.

Спустя слишкомъ чотыреста лѣтъ, мощи св. Александра Невского были перенесены изъ Владиміра въ Петербургъ, во вновь устроенную въ честь его Александро-Невскую лавру, гдѣ онъ находятся и въ настоящее время.

(Изъ кн. Сатарова).

164. Возвышеніе Москвы. Иванъ Калита.

Тяжело было русскимъ подъ игомъ татаръ. Русскіе князья не могли открыто сопротивляться имъ. И нѣкоторые изъ князей, какъ напр. Александръ Невскій, великій князь Новгородскій, задумали мирнымъ путемъ привести разоренныя области въ порядокъ. Чтобы умиловить татаръ, Александръ Новгородскій нѣсколько разъ ѣздилъ въ Орду, отсылалъ туда много подарковъ и всегда былъ послушенъ хану.

Но не всѣ русскіе поступали такъ благоразумно, какъ Александръ. Послѣ его смерти снова пошли между князьями смуты и споры за великое княженіе. А такъ какъ теперь все зависѣло отъ хана, то князья всячески заискивали въ Ордѣ и корили другъ друга, выслуживаясь у хана. Въ этой борьбѣ за великокняжескій престолъ въ концѣ концовъ взяли верхъ князья московскіе.

Москва въ то время не была такой большой, какъ теперь. Тогда это былъ маленькій деревянный городокъ. На той горѣ, гдѣ теперь Кремль, стояли небольшой княжескій теремъ со службами и деревянная церковь во имя Спаса. Гора кругомъ была покрыта густымъ лѣсомъ, и кой-гдѣ были расчищены мѣста для пашни, да кой-гдѣ стояли слободы или деревушки. Но, благодаря своимъ князьямъ, маленькое княжество быстро увеличивалось. Московскіе князья были очень бережливы и богаты; поэтому они старались покупать у сосѣднихъ мелкихъ князей ихъ удѣлы, и такимъ образомъ потихоньку, безъ войны и ссоръ, расширяли предѣлы Московскаго княжества. Настоящимъ основателемъ московскаго могущества былъ внукъ Александра Невскаго—*Іоаннъ Даниловичъ*, по прозванію *Калита* (Калита—значить мѣшокъ съ деньгами; Іоанна такъ прозвали потому, что онъ всегда носилъ такой мѣшокъ, чтобы подавать милостыню бѣднымъ). Онъ

Іоаннъ Калита.

всю землю свою очистилъ отъ разбойниковъ и по рѣкамъ поставилъ стражу, чтобы не грабили купцовъ и ихъ товары, и вездѣ устроилъ правильный судъ, а дѣла свои съ татарами велъ такъ, что они даже и не показывались въ его владѣнiяхъ: онъ самъ уплачивалъ дань хану. И была при немъ на Руси «тишина великая». Много народу изъ другихъ княжествъ стало переходить въ его земли. Отъ промысловъ и торговли народъ сталъ богатѣть, а самъ московскій князь черезъ это сдѣлался еще богаче и сильнѣе.

Вскорѣ и митрополичья каѳедра (мѣстожительство) изъ Владиміра была перенесена въ Москву. Іоаннъ построилъ Успенскій соборъ и нынѣшній Архангельскій соборъ; со временъ Калиты здѣсь погребались всѣ московскіе государи до Петра Великаго.

Послѣ Калиты великими князьями всегда бывали только князья московскіе; жили они всегда въ Москвѣ и никогда не переѣзжали во Владиміръ.

Іоанна Калиту называютъ «собирателемъ Русской земли».

(Изъ кн. Сахарова).

165. Святитель Петръ и князь Іоаннъ Калита.

Съ дѣтства отличался св. Петръ тихимъ нравомъ и прилежаніемъ къ слову Божію, а двадцати лѣтъ онъ ушелъ въ монастырь.

Въ монастырѣ Петръ былъ всеѣмъ слугою, исполнялъ за cadaго самыя трудныя работы. Онъ съ любовію занимался еще иконописаніемъ. Глядя на лики святыхъ, юноша проливалъ слезы о своихъ недостаткахъ. Скоро его посвятили въ священники, а потомъ братія избрала его и своимъ игуменомъ. Петръ трудился тогда еще больше, считая себя послѣднимъ изъ монаховъ. Въ монастырь приходило много богомольцевъ, и Петръ кротко всѣхъ поучалъ, въ скорби утѣшалъ, въ нуждѣ помогалъ. Если нечѣмъ было помочь, онъ отдавалъ свои иконы и послѣднюю свою власяницу.

Избрали Петра митрополитомъ всея Руси; онъ и тогда прилагалъ труды къ трудамъ. Забывая свои преклонныя лѣта и слабость здоровья, святитель часто обѣзжалъ Русскую землю, поучая всѣхъ доброй жизни, утѣшая въ скорбяхъ. Былъ онъ защитникомъ слабыхъ и обиженныхъ, отцомъ сиротъ, вдовицъ и убогихъ.

Святитель ѿзидилъ въ Орду и получилъ отъ хана милостивую грамоту, въ которой было написано: «да пребываетъ митрополитъ въ тихомъ житіи и безъ печали молить Бога за насъ и дѣтей нашихъ. Земли церковныя пусть будутъ свободны отъ всякой дани, потому что все это Божіе. Кто возьметъ что-нибудь у духовныхъ,—заплатитъ втрое; кто посмѣетъ обидѣть церковь,—да умретъ».

Скорбѣлъ святитель всѣмъ сердцемъ, что народъ жестоко страдаетъ отъ тяжелой неволи, а усобицы княжескія и въ конецъ губятъ Русскую землю. Онъ уговаривалъ князей жить въ мирѣ, именемъ Бога заклиналъ ихъ не губить земли изъ-за своей корысти. Но князья мало его слушали.

Только у московскаго князя Іоанна Даниловича Калиты и находилъ святитель отраду. Часто посѣщалъ святитель Петръ Москву и подолгу бесѣдовалъ съ княземъ объ устройствѣ земли Русской.—«Бѣдствуетъ Русь и отъ неволи, и отъ усобицъ, и отъ всякаго нестроения. Раздѣлилась, разсыпалась Русь, и нѣтъ у нея силы. Надо собрать Русь воедино, тогда и минуютъ всѣ бѣды». И совѣтовалъ святитель князю Іоанну положить начало великому дѣлу—собирать Русь воедино.

Подъ конецъ своей жизни митрополитъ Петръ со всѣмъ въ Москву переселился. Посовѣтовалъ святитель князю Іоанну построить въ Москвѣ соборъ, подобный Владимірскому, во имя Успенія Богоматери:—«Если слушаешь меня,—говорилъ Петръ,—то святители и послѣ моей смерти будутъ жить здѣсь, и станетъ Москва славнѣе всѣхъ русскихъ городовъ, и самъ ты возвысишься со всѣмъ родомъ твоимъ».—Мудрый совѣтъ святителя князь принялъ къ сердцу и приступилъ къ построению Успенскаго собора.

Но приближалась къ концу святая жизнь, и святитель приготовилъ себѣ каменный гробъ въ новомъ Успенскомъ храмѣ. Передъ кончиною святитель Петръ молился Господу за многострадальную землю Русскую, щедрую милостыню роздалъ бѣднымъ. Князя Іоанна тогда не было въ Москвѣ. Призвалъ митрополитъ близкаго къ князю боярина и передалъ князю Іоанну свое благословеніе. Благословилъ святитель и всѣхъ присутствовавшихъ, а потомъ началъ пѣть вечерню и съ молитвою на устахъ отошелъ ко Господу (въ 1326 г.). Память его совершается Церковью 21 декабря.

166. Преподобный Сергій и Троице-Сергіевская лавра.

Изъ сѣверныхъ монастырей особенно замѣчательнъ Троице-Сергіевскій.

Основателемъ его былъ преп. Сергій Радонежскій. Вареоломей (мірское имя Сергія) былъ боярскаго происхожденія. Родители его, когда онъ былъ еще ребенкомъ, переселились изъ Ростова въ мѣстечко Радонежъ. Уже съ дѣтства Вареоломей выказывалъ склонность къ строгой подвижнической жизни. До двѣнадцатилѣтняго возраста онъ удручалъ себя постомъ: въ постные дни недѣли не ѣлъ ничего, а въ другіе питался только хлѣбомъ да водою. Большую часть ночи проводилъ безъ сна, въ молитвѣ.

— Дитя мое, — увѣщевала его мать, — не сокрушай своего тѣла многимъ воздержаніемъ! Ты слишкомъ еще молодъ, — впадешь въ болѣзнь. Тѣло твое растеть и цвѣтеть. Никто въ годы твои такому посту не предается.

Увѣщанія эти не дѣйствовали на благочестиваго отрока.

Съ трудомъ ему давалась сначала грамота; но потомъ чудеснымъ образомъ открылась у него способность къ ней, и онъ сталъ бойко читать и помогать при церковной службѣ.

Рано почувствовалъ онъ призваніе къ отшельничеству. Кротость, благочестіе, доброта и любовь ко всѣмъ, — вотъ свойства, которыми отличался онъ отъ своихъ сверстниковъ.

Когда достигъ онъ юношескаго возраста, сталъ онъ проситься у родителей въ «пустыню».

— Потерпи немного, — просили его родители: — мы стары и немощны. Братья твои женились и заботятся о своихъ женахъ. У тебя же одна забота — какъ бы угодить Богу. Твоя благая часть не отнимется у тебя. Послужи намъ еще немного, а когда проводишь насъ до могилы и землей покроешь, тогда твори, что желаешь.

Когда почувствовали родители Вареоломея приближеніе смерти, они постриглись. По смерти ихъ Вареоломей отдалъ свою часть наслѣдства женатому брату и пошелъ искать въ окрестностяхъ мѣста для пустыннаго житія. Съ нимъ пошелъ и старшій братъ Стефанъ: онъ послѣ смерти жены хотѣлъ тоже посвятить себя Богу. Въ 12-ти верстахъ отъ Радонежа, въ глухомъ лѣсу, срубили они

себѣ келейки и маленькую церковь (на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ богатый Троицкій соборъ Сергіевской лавры). По просьбѣ Стефана митрополитъ послалъ священниковъ освятить церковь, по желанію Варѣоломея, во имя Святой Троицы.

Недолго прожилъ вмѣстѣ съ братомъ Стефанъ. Не вынесъ онъ скорбнаго житія среди глухого лѣса и тяжкихъ лишеній, какія приходилось переносить отшельнику; ушелъ Стефанъ въ общежительный монастырь, въ Москву. Варѣоломей принялъ постриженіе отъ игумена одного изъ монастырей, ближайшаго къ его «пустынѣ», и нареченъ былъ Сергіемъ. Ему было тогда всего двадцать три года.

Прожилъ Сергій въ лѣсу, въ своей пустынѣ, въ полномъ одиночествѣ, около двухъ лѣтъ. Среди глухого, непрогляднаго лѣса жилъ юноша-отшельникъ. Голодъ, жажда, зимнюю стужу, страхъ, уныніе приходилось терпѣть ему. Подкрѣплялъ онъ себя непрестанной молитвой.

Не разъ въ ночное время, когда бушевалъ вѣтеръ, стоналъ лѣсъ, когда стаи голодныхъ волковъ выли подлѣ его кельи, жутко ему становилось. Ужасъ одолевалъ его; слышались ему чьи-то страшныя слова: «Бѣги отсюда! Чего здѣсь ищешь? Развѣ не боишься умереть съ голоду? Душегубцы-разбойники убьютъ тебя, или звѣри плотоядные растерзаютъ тебя!»

Но Сергій превозмогъ всѣ эти страхи. Непрестанная молитва и твердая надежда на Бога давали ему несокрушимую твердость; пересталъ онъ даже бояться лютыхъ звѣрей; спокойно встрѣчался съ ними, и они не трогали

Юношество преподобнаго Сергія.
(Съ картины Васнецова).

его. Разъ Сергій, говорится въ его житіи, увидѣлъ передъ своей кельей медвѣдя. Замѣтивъ, что онъ голоденъ, Сергій вынесъ кусокъ хлѣба и положилъ его на пнѣ. Медвѣдь сталъ часто приходитъ за пищей, и пустынникъ дѣлилъ съ голоднымъ звѣремъ свою скудную трапезу; бывали случаи, что Сергій отдавалъ ему послѣдній кусокъ хлѣба, а самъ голодалъ.

Когда стало извѣстно, что въ лѣсу, близъ Радонежа, спасается отшельникъ, начали приходять къ нему монахи одинъ за другимъ и строили подлѣ его хижины свои кельи. Скоро собралось 12 человекъ. Они служили сами въ деревянной церкви заутреню, вечерню и часы, а для литургіи призывали по временамъ сосѣдняго священника. Черезъ нѣсколько времени съ большимъ трудомъ уговорили самого Сергія принять игуменство. Онъ былъ рукоположенъ въ священники и сдѣлался игуменомъ.

Таково было начало Троице-Сергіевскаго монастыря. Сначала монастырь былъ очень бѣденъ. Братіи было всего двѣнадцать человекъ. Скудость во всемъ была такая, что богослуженіе совершалось при свѣтѣ березовой лучины, богослужебныя книги были писаны на березовой корѣ, священные сосуды были деревянные, священническія ризы были сдѣланы изъ простой крашенины. Случалось, что по нѣскольку дней хлѣба не было, и братія голодала. Самъ игумень одѣвался такъ бѣдно, что его принимали иногда за нищаго; однако онъ постановилъ строгимъ правиломъ для братіи жить своимъ трудомъ, а просить милостыню было строго запрещено; позволялось принимать только добровольныя, не выпрошенныя даянія. Св. Сергій подавалъ братіи примѣръ строгой жизни, трудолюбія: самъ пекъ хлѣбы, шилъ обувь, носилъ воду, рубилъ дрова. Никогда не видали его празднымъ. Питался онъ только хлѣбомъ и водою; но крѣпкое здоровье помогало ему выносить все страшныя лишенія и труды. Денно и ночью наблюдалъ онъ, чтобы все въ его обители строго выполняли свои монашескіе обѣты.

Молва о святой жизни Сергія и его обители разносилась все шире и шире. Явились новые ревнители святой жизни, и число братіи стало расти. Сергій не иначе постригалъ новыхъ лицъ, какъ послѣ долгаго и строгаго испытанія. Много богомольцевъ стало посѣщать обитель: приходили сюда толпами и нищіе странники, и немощные, нуждающіеся въ помощи монастыря; пріѣзжали и

богатые люди, бояре, князья, и дѣлали щедрыя пожертвованія въ пользу монастыря. Обитель стала богатѣть. О Сергіи шла молва, что онъ обладаетъ даромъ предвидѣнія, что молитва его имѣетъ чудесную силу. Но смиренный подвижникъ ни въ чемъ не измѣнился: попрежнему вель онъ суровую жизнь, полную страшныхъ лишеній и тяжкихъ трудовъ; попрежнему былъ онъ простъ и добродушенъ въ обращеніи съ другими; съ тою же добротою обращался онъ какъ съ нищими, питавшимися насчетъ монастыря, такъ и съ князьями и боярами, дѣлавшими богатые вклады.

Труды преподобнаго Сергія.

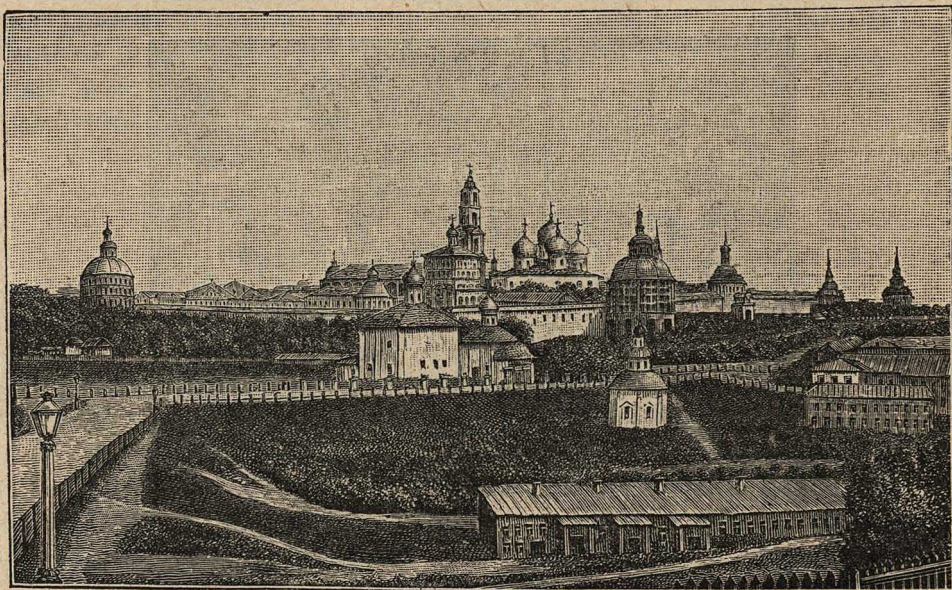
Лѣса падали кругомъ обители, раскинулись около нея пажити и луга, возникли села. Крестьяне охотно шли работать въ монастырь. Дорога къ святой обители прорубалась сквозь лѣсную чащу все шире и шире. Молва о подвижнической жизни Сергія дошла до константинопольскаго патріарха, и онъ предложилъ подвижнику ввести въ его монастырь общежительный уставъ. Митрополитъ св. Алексій любилъ Сергія, навѣщалъ его, совѣтовался съ нимъ. Чувствуя близость смерти своей, митрополитъ очень желалъ сдѣлать его преемникомъ своимъ: лучшаго блюстителя русской Церкви, по мнѣнію Алексія, нельзя было найти. Сергій рѣшительно отказался, даже не хотѣлъ принять золотого креста.

—Прости, владыко,—сказалъ онъ:—отъ юности моея

я не былъ златоношемъ, а въ старости тѣмъ паче хочу въ нищетѣ остаться.

Смирение было главнымъ свойствомъ Сергія: ему страшны были блескъ и величіе земли. Но и въ смиренномъ званіи игумена онъ принесъ большую пользу Русской землѣ.

Дивилась братія строгости жизни своего игумена, необыкновенной выносливости, его способности въ глубокой старости неустанно трудиться.

Св. Сергій скончался 78 лѣтъ, въ 1391 году. Память его совершается Церковью 25 сентября. Основанная имъ обитель имѣла такое же важное значеніе для сѣверной Руси, какъ Кіево-Печерская лавра для южной.

Въ настоящее время Троицкая лавра—одинъ изъ самыхъ богатыхъ русскихъ монастырей. Много святыни, драгоцѣнной для русскаго челоуѣка, хранится въ ней; много дорогихъ историческихъ воспоминаній связано съ нею.

В. Сиповскій.

167. Куликовская битва.

(8-го сентября 1380 года).

Великій князь Димитрій Иоанновичъ, внукъ Иоанна Калиты, слыша о наступленіи несмѣтныхъ полчищъ Мамаевыхъ, положилъ не дожидаться враговъ, а идти встрѣтить Мамаю—побѣдить или умереть. Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Москвы со слезами молился Димитрій у гроба отцовскаго, ѣздилъ на богомолье въ Троицкую обитель преп. Сергія. Не только ободрилъ его совѣтами святой мужъ, но даже далъ ему отъ себя двухъ крѣпкихъ воиновъ, иноковъ Ослябю и Пересвѣта. Нѣкогда были они бояре; потомъ укрылись въ монастырѣ, и теперь шли умирать въ битвѣ за отечество, въ одеждѣ монашеской, надѣгой сверхъ воинскихъ броней.

Димитрій перешелъ за предѣлы Русской земли и, сентября 5-го 1380 года, сталъ на берегу рѣки Непрядвы, тамъ, гдѣ она вливается въ Донъ (въ нынѣшней Тульской губерніи), и гдѣ за нею разстилается обширное поле Куликовское. На другой день прискакали конные отряды, посланные развѣдывать о Мамаѣ, и извѣстили, что онъ стоитъ только въ одномъ переходѣ отъ русскаго войска. Должно ли ожидать его, или надобно перейти Непрядву, ударить на татаръ самимъ и предупредить нападеніе Мамаю? Димитрій недоумѣвалъ, не зная, на что рѣшиться. Въ это время привезли ему письмо отъ преп. Сергія. «Мужайся», писалъ ему св. старецъ. Димитрій ободрился, велѣлъ переправляться черезъ Непрядву и пре-

Св. Сергій благословляетъ Димитрія Донскаго.

разстилается обширное поле Куликовское. На другой день прискакали конные отряды, посланные развѣдывать о Мамаѣ, и извѣстили, что онъ стоитъ только въ одномъ переходѣ отъ русскаго войска. Должно ли ожидать его, или надобно перейти Непрядву, ударить на татаръ самимъ и предупредить нападеніе Мамаю? Димитрій недоумѣвалъ, не зная, на что рѣшиться. Въ это время привезли ему письмо отъ преп. Сергія. «Мужайся», писалъ ему св. старецъ. Димитрій ободрился, велѣлъ переправляться черезъ Непрядву и пре-

клонилъ колѣна передъ образомъ Спасителя, который изображенъ былъ на черномъ великокняжескомъ знамени. Потомъ онъ поѣхалъ по рядамъ воиновъ, утѣшалъ, ободрялъ ихъ, называлъ ихъ милыми братьями, молилъ не падать жизни. «Готовы», кричали они ему въ отвѣтъ, «если падемъ за отечество, вели Церкви поминать насъ, и запиши дѣла наши на память дѣтямъ».

Въ день Рождества Богоматери, 8 сентября, нахлынули орды Мамай. Едва разсѣялся утренній туманъ, полчища ордынскія открылись на всемъ протяженіи обширнаго поля. «Богъ намъ прибѣжище и сила!» воскликнулъ Димитрій.

Началась сѣча лютая и ужасная; инокъ Пересвѣтъ мчался впереди всѣхъ. «Отцы и братья! Простите меня, грѣшнаго! Сергій! помоги мнѣ молитвою!» возопилъ онъ, бросился впередъ, сразился съ какимъ-то сильнымъ богатыремъ татарскимъ, и оба пали мертвые.

Три часа длилась битва, и ничто еще не рѣшалось. Поле Куликовское взмокло кровью на нѣсколько верстъ и завалено было тѣлами поверженныхъ. Двоюродный братъ Димитрія, Владиміръ Андреевичъ и съ нимъ искусный вождь, Димитрій Волынецъ, находились въ засадѣ. Видя, что татары одолеваютъ, во многихъ мѣстахъ гонять русскихъ и, въ ослѣпленіи побѣды, разстроили ряды свои: «Насталъ часъ!» провозгласилъ Волынецъ. Засада ударила въ тылъ врагамъ—и побѣда рѣшилась! Мамай, стоявшій вдали на высокомъ пригоркѣ, увидѣвъ пораженіе, заскрежеталъ зубами. «Великъ русскій Богъ!» простоналъ онъ и ударился бѣжать. За нимъ, въ беспорядкѣ, побѣжало все его остальное войско. Русскіе возгласили побѣду и погнались за татарами. Пораженіе ихъ было неописанное; богатая добыча досталась побѣдителямъ.

Димитрій не хотѣлъ самъ лично оставаться внѣ битвы. «Какъ могу я сказать другому: «иди впередъ», если стану скрываться?» говорилъ онъ. Великій князь бился на ряду съ простыми воинами и найденъ былъ потомъ, жестоко израненный, въ ближайшемъ лѣсу, куда укрылся онъ, истекая кровью и моля Бога о побѣдѣ. Какою радостью исполнилось сердце Димитрія, когда его окружили побѣдители и восклицали: «Радуйся, князь великій, твоя побѣда!» Забывая тягость ранъ, Димитрій выѣхалъ на поле битвы, благодарилъ всѣхъ, плакалъ отъ радости, осматривалъ раненыхъ, скорбѣлъ о смерти храбрыхъ...

Много князей, бояръ, воеводъ лежало на кровавомъ полѣ Куликовскомъ. Иноки Ослябя и Пересвѣтъ запечатлѣли побѣду своею кровью—они оба были убиты. Татаръ истреблено было безъ числа...

Честно похоронивъ убитыхъ, установивъ вѣчное поминовѣніе ихъ въ Димитріеву субботу (т. е. въ послѣднюю субботу передъ праздникомъ св. великомученика Димитрія въ октябрѣ мѣсяцѣ), Димитрій и побѣдное воинство его обратились въ возвратный походъ.

Шествіе ихъ было истиннымъ торжествомъ: всюду встрѣчали ихъ со слезами радости. Тѣла Осляби и Пересвѣта привезены въ Москву и похоронены близъ Симонова монастыря, на паперти Рождественской церкви. Общій голосъ современниковъ нарекъ Димитрія—Донскимъ, а Владиміра Андреевича—Храбрымъ.

Н. Полевой.

68. Покореніе Казанскаго и Астраханскаго царствъ.

(1552—1556 г.).

Татарская Орда раздѣлилась на три царства—Казанское, Астраханское и Крымское. Татары, особенно казанскіе, нападали на наши окраины и причиняли людямъ великое разореніе: выжигали дотла города и села, грабили и уводили жителей въ неволю. Надъ плѣнными творились всякія злодѣйства: имъ отрѣзали носы и уши, отрубали руки и ноги, тысячами продавали, какъ рабочій скотъ, на своихъ базарахъ.

Іоаннъ IV рѣшилъ покорить Казанское царство. Духовенство, бояре и простой народъ—все были этому рады. Собралъ Іоаннъ огромное войско и лѣтомъ (1552 г.) выступилъ въ походъ.

Хорошо была укрѣплена Казань. Вокругъ города поднималась высокая стѣна съ боевыми башнями, съ глубокимъ рвомъ. Много заготовлено въ городѣ и военныхъ и съѣстныхъ припасовъ, собрано отборное войско.

Наши окружили Казань. Устроили насыпи, принялись громить городъ изъ пушекъ и все ближе подвигались къ городской стѣнѣ. Но казанцы отважно защищались, дѣлали изъ города вылазки, большой уронъ намъ причиняли.

Семь недѣль ужъ стояло наше войско подъ Казанью. Наступила дождливая осень. Тогда Іоаннъ рѣшился взорвать стѣны порохомъ и взять городъ съ бою. Подкопались подъ стѣны, вкатили пороховыя бочки. Царь прика-

залъ войску приготовиться къ рѣшительной битвѣ. Всѣ исповѣдались и причастились.

Утромъ въ день Покрова Іоаннъ слушалъ обѣдню въ походной церкви. Діаконъ читалъ Евангеліе и произнесъ послѣднія слова: *И будетъ едино стадо и единъ пастырь*. Грянулъ взрывъ, дрогнула земля. Царь вышелъ изъ церкви и увидѣлъ страшное зрѣлище: глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, бревна летѣли вверхъ и падали на городъ. Загремѣлъ второй взрывъ, еще сильнѣе перваго.

— Съ нами Богъ!—крикнули наши и кинулись въ городъ.

Татары осыпали нашихъ пулями и стрѣлами, какъ частымъ дождемъ, пустили тучу камней, давили бревнами, побивая наше войско, какъ градъ бьетъ ниву. Разомъ во многихъ мѣстахъ закипѣла жестокая сѣча. Наконецъ, наши одолѣли и на башняхъ заколыхались русскія знамена.

Іоаннъ велѣлъ служить молебень и своими руками водрузилъ крестъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло царское знамя.

Черезъ четыре года, въ 1556 г., почти безъ всякаго кровопролитія, мы завладѣли и Астраханскимъ царствомъ. Отъ страшной когда-то Орды осталось одно Крымское царство, которое еще долго потомъ вредило Россіи.

Покореніе Казани и Астрахани имѣло для Россіи огромное значеніе. Наши восточныя окраины навсегда теперь спасены отъ разоренія дикихъ татаръ. Волга отъ истока до устья стала большою русской дорогой. Все богатое поволжье сдѣлалось достояніемъ русскихъ купцовъ, промышленниковъ и земледѣльцевъ. Вмѣсто суроваго и скуднаго сѣвера русскіе переселенцы потянулись теперь на Волгу и за Волгу—вплоть до Уральскихъ горъ. Не трудно уже теперь перешагнуть и за Уральскія горы, чтобы завладѣть богатой Сибирью. И въ 1582 году Сибирь дѣйствительно была покорена донскими казаками подъ начальствомъ Ермака-завоевателя Сибири—и сдѣлалась достояніемъ государства Московскаго.

169. Грозное время.

(1560—1580 г.).

Вскорѣ послѣ покоренія Казани царь Іоаннъ опасно занемогъ. Призываетъ государь приближенныхъ и объя-

вляеть всѣмъ послѣднюю свою волю: царемъ быть малолѣтнему сыну, и чтобы всѣ князья и бояре теперь же царевичу въ томъ присягнули.

Заволновались бояре, заспорили. — «Надо присягать государю-младенцу», — говорятъ одни. — «Надо отдать царство взрослому, разумному человѣку», — кричатъ другіе.

Слышитъ всѣ эти крики и споры умирающій царь и ужасается за участь супруги и сына. Велитъ имъ немедленно бѣжать въ чужія земли и тамъ искать отъ измѣнниковъ спасенія.

Испугались такихъ словъ царя бояре: — «А ну какъ государь встанетъ?» — и начали они одинъ по одному присягать царевичу-младенцу.

И, дѣйствительно, выздоровѣлъ Іоаннъ. Охлаждѣлъ онъ къ своимъ прежнимъ добрымъ совѣтникамъ (къ Адашеву и къ Сильвестру), сталъ подозрителенъ и недоувѣрчивъ къ боярамъ.

Обрушилось на Іоанна еще новое не-

счастье: умеръ наслѣдникъ-царевичъ, скончалась и царица Анастасія, которую онъ любилъ всею душою. Остался государь теперь совсѣмъ одинокимъ.

Прежніе совѣтники направляли помыслы государя на пользу народа. Теперь приблизились къ Іоанну прислужники злые, которые думали только о своей корысти. Они, то и дѣло, указывали Іоанну на его недоброхотовъ. А эти недоброхоты — родовые князья и бояре; они, дескать, все еще не забыли своего княжескаго происхожденія и все еще помышляютъ о власти.

Іоаннъ Грозный.
(Со скульптуры Антокольскаго).

И рѣшилъ царь Іоаннъ грозою сломить непокорное боярство, чтобы не напрасно говорилось въ народѣ: «Единъ Богъ на небѣ, единъ царь на землѣ». Начались жестокія казни.

Отъ постоянныхъ наговоровъ царь и вправду повѣрилъ, что бояре ищутъ его смерти. Онъ покинулъ Москву и уѣхалъ въ Александровскую слободу. Тамъ онъ построилъ себѣ дворецъ, какъ крѣпость, окружилъ себя особою стражей, страшными опричниками. Опричники имѣли особое отличіе: у нихъ были при еѣдлахъ собачьи головы и метлы. Какъ псы, будутъ они грызть царскихъ лиходѣевъ; какъ метлой, станутъ выметать измѣну. Опричники творили насилія и губили невинныхъ.

Совѣсть часто мучила Іоанна, и онъ ежедневно молился, разсылалъ по церквамъ и монастырямъ щедрыя «поминки» за упокой души «убіенныхъ». Наконецъ, онъ придумалъ обратить себя и своихъ приближенныхъ какъ бы въ монаховъ: себя назвалъ игуменомъ, опричниковъ—иноками, а самого лютаго изъ нихъ, Малюту Скуратова—звонаремъ. Поверхъ золотыхъ кафтановъ царь и опричники надѣвали черныя рясы, а на головы—скуфейки.

Все притихло передъ царскою грозою. Въ это-то грозное время раздался смѣлый голосъ митрополита Филиппа.

(Изъ кн. Д. Тихомирова).

170. Св. митрополитъ Филиппъ.

Однажды, въ день воскресный, въ часъ обѣдни, Іоаннъ сопровождаемый боярами и множествомъ опричниковъ, входитъ въ соборную церковь Успенія; царь и вся дружина его были въ черныхъ ризахъ, въ высокихъ шлыкахъ. Митрополитъ Филиппъ стоялъ въ церкви на своемъ мѣстѣ; Іоаннъ приблизился къ нему и ждалъ благословенія. Митрополитъ смотрѣлъ на образъ Спасителя, не говоря ни слова. Наконецъ бояре сказали: «Святой владыко, се государь. Благослови его». Тутъ, взглянувъ на Іоанна, Филиппъ отвѣтствовалъ: «Въ семъ видѣ, въ семъ одѣяніи странномъ, не узнаю царя православнаго, не узнаю и въ дѣлахъ царства... О, государь! мы здѣсь приносимъ жертвы Богу, а за алтаремъ льется невинная кровь христіанская. Отколѣ солнце сіяетъ на небѣ, не видано, не слыхано, чтобы цари благочестивые возмущали собственную державу столь ужасно. Въ самыхъ невѣрныхъ, языческихъ царствахъ есть законъ и правда, есть милосердіе

къ людямъ,— а въ Россіи нѣтъ ихъ. Достояніе и жизнь гражданъ не имѣють защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ убійства—и совершаются именемъ царевымъ. Ты высокъ на тронѣ, но есть Всевышній, Судія нашъ и твой. Какъ предстанешь на судъ Его, обагренный кровію невинныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ муки? ибо самые камни подъ ногами твоими вопіють о мести... Государь, вѣщаю, яко пастырь душъ. Боюся Господа единого». Іоаннъ трепеталъ отъ гнѣва, ударилъ жезломъ о камень и сказалъ голосомъ страшнымъ: «Чернецъ, доселѣ я излишне щадилъ васъ, мятежниковъ; отнынѣ буду каковымъ меня нарицаете!»— и вышелъ съ угрозою. На другой день были новыя казни. Въ числѣ знатныхъ погибѣ князь Василій Пронскій. Всѣхъ главныхъ сановниковъ митрополитовыхъ взяли подъ стражу, терзали, допрашивали о тайныхъ замыслахъ Филипповыхъ и ничего не свѣдали. Еще не смѣлъ Іоаннъ возложить руки на самого митрополита, любимаго, чтимаго народомъ болѣе, нежели когда-нибудь; готовилъ ему ударъ, но имѣлъ терпѣніе. Изобрѣли доносы, улики, представили Іоанну и велѣли митрополиту явиться на судъ. Царь, священники, бояре сидѣли въ молчаніи. Игуменъ Паисій стоялъ и клеветалъ на Филиппа съ неслыханною дерзостію. Въмѣсто оправданія бесполезнаго, митрополитъ тихо сказалъ царю: «Государь, великій князь, ты думаешь, что я боюся тебя или смерти! Нѣтъ! Достигнувъ глубокой старости безпорочно, не зная въ пустынной жизни ни мятежныхъ страстей, ни козней мірскихъ, желаю такъ и предать духъ свой Всевышнему, моему и твоему Господу. Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія сего несчастнаго времени. Твори, что тебѣ угодно. Се жезлъ пастырскій; се бѣлый клобукъ и мантия, коими ты хотѣлъ возвеличить меня. А вы, святители, архимандриты, игумены и всѣ служители алтарей, пасите вѣрно стадо Христово; готовьтесь дать отчетъ и страшитесь Небеснаго Царя еще болѣе, нежели земного». Онъ хотѣлъ удалиться. Царь, остановивъ его, сказалъ, что ему должно ждать суда, а не быть своимъ судьей; принудилъ его взять назадъ утварь святительскую и еще служить обѣдню въ день архангела Михаила. Когда же Филиппъ въ полномъ облаченіи стоялъ передъ алтаремъ въ храмѣ Успенія, явился туда бояринъ Алексѣй Басмановъ съ толпою вооруженныхъ опричниковъ, держа въ рукѣ свитокъ. На-

родъ изумился. Басмановъ велѣлъ читать бумагу; услышали, что Филиппъ соборомъ духовенства лишенъ сана пастырскаго. Воины вступили въ алтарь, сорвали съ митрополита одежду святительскую, облекли его въ бѣдную рясу, выгнали изъ церкви метлами и повезли на дровняхъ въ обитель Богоявленія.

Народъ бѣжалъ за митрополитомъ, проливая слезы; Филиппъ, съ лицомъ свѣтлымъ, съ любовію благословлялъ людей и говорилъ имъ: «Молитесь!» На другой день привезли его въ судную палату, гдѣ былъ самъ Іоаннъ, для выслушанія приговора: Филиппу, будто бы уличенному въ тяжкихъ винахъ и въ волшебствѣ, надлежало кончить дни въ заключеніи. Тутъ онъ простился съ міромъ великодушно, умирительно, не укорялъ судей, но въ послѣдній разъ молилъ Іоанна сжалиться надъ Россією, не терзать подданныхъ, вспомнить, какъ царствовали его предки, какъ онъ самъ царствовалъ въ юности ко благу людей и собственному. Государь, не отвѣтствуя ни слова, предалъ движеніемъ руки Филиппа воинамъ. Дней восемь сидѣлъ онъ въ темницѣ въ узахъ; былъ перевезенъ въ обитель Николая «Стараго», на берегу Москвы-рѣки; терпѣлъ голодъ и питался молитвою. Между тѣмъ Іоаннъ истреблялъ знатный родъ Колычевыхъ; прислалъ Филиппу отсѣченную голову его племянника, Ивана Борисовича, и велѣлъ сказать: «Се твой любимый сродникъ,—не помогли ему чары». Филиппъ всталъ, взялъ голову, благословилъ и возвратилъ принесшему. Опасаясь любви гражданъ московскихъ къ сверженному митрополиту, слыша, что они съ утра до вечера толпятся вокругъ обители Николаевской, смотрятъ на келью заключеннаго и рассказываютъ другъ другу о немъ, царь велѣлъ отвезти страдальца въ Тверской Отрочъ монастырь и немедленно избралъ новаго митрополита.

Малюта впослѣдствіи 1569 г. задушилъ Филиппа въ его кельѣ. Мощи Святителя почиваютъ въ Успенскомъ соборѣ. Память его совершается 9 января.

Карамзинъ.

171. Послѣ татарскаго ига.

Кончилось татарское иго, но недаромъ прошло оно для земли Русской. Правда, русское государство сдѣлалось за это время единымъ и сильнымъ Московскимъ княжествомъ, вмѣсто прежнихъ удѣловъ; ни татаръ, ни другихъ

враговъ оно уже не боялось, другія царства уважали наше, но простому русскому народу—пахарю, ремесленнику, торговому человѣку—жило много хуже, чѣмъ было до татаръ.

Татары, покоривъ русскихъ, ставили надъ ними русскихъ же князей, но по своему выбору, угрождавшихъ ханамъ, а не по праву наслѣдственному или выбору народному. Князья эти слушались и совѣтъ держали уже не по старинному, не съ вѣчемъ и посадниками, а съ татарскими ханами да ихъ чиновниками—баскаками. Хорошіе князья, которые все-таки случались, заступались передъ татарами за свой народъ, иногда погибали въ Ордѣ, но бывали и такіе, что приводили татаръ на своихъ же русскихъ и вмѣстѣ разоряли землю Русскую.

Народъ долженъ былъ терпѣть, повиноваться, молчать, и такъ привыкъ къ татарскимъ порядкамъ, къ подневольной жизни за 250 лѣтъ, что совсѣмъ позабылъ о старинныхъ вѣчевыхъ порядкахъ, о договорахъ съ князьями и совѣтахъ съ ними. Распространилось татарское раболѣпіе, холопство передъ сильными и богатыми, а передъ слабыми и бѣдными—гордость и жестокость. До татаръ у насъ не было тѣлеснаго наказанія, а при нихъ появился кнутъ, появились пытки, вымучиваніе податей и, наконецъ, смертная казнь. Народъ огрубѣлъ, одичалъ; о школахъ уже не было и помину. Мы знаемъ, что въ древніе годы князья заботились о просвѣщеніи народа. Ярославъ Мудрый, напр., былъ очень образованный человѣкъ, зналъ не только русскую грамоту, но и иностранные языки.

Послѣ же татаръ даже князья съ трудомъ умѣли подписать свое имя. Что же тутъ толковать о простомъ народѣ! Безъ науки, безъ просвѣщенія человѣкъ дѣлается подобенъ животному, не съумѣетъ самъ себѣ помочь, покоряется грубой силѣ и забываетъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ. Такъ на Руси и вышло, и причиною этому были татарскіе порядки, оставшіеся надолго и послѣ ига.

Бунаковъ.

172. Смутное время на Руси.

Послѣ царя Іоанна Васильевича Грознаго осталось два сына. Старшій изъ нихъ, *Теодоръ*, вступилъ на престолъ, а младшій, царевичъ *Димитрій*, считался наслѣдникомъ бездѣтнаго Теодора и жилъ въ *Угличѣ* (Угличъ—нынѣ уѣздный городъ Ярославской губерніи).

Болѣзненный царь Ѳеодоръ проводилъ время въ постѣ и молитвѣ, а управленіе государствомъ поручилъ брату своей супруги, боярину *Борису Годунову*. Годуновъ поддерживалъ начавшіяся при Іоаннѣ IV торговыя сношенія Русской земли съ иностранными государствами и основалъ при Бѣломъ морѣ городъ Архангельскъ,—пристань для иностранныхъ купеческихъ кораблей. Онъ обратилъ вниманіе также на оскудѣніе государственной казны. Причиною этого оскудѣнія была неисправная уплата податей и постоянное увеличеніе недоимокъ; недоимки же происходили оттого, что крестьяне на Руси не имѣли собственной земли. Крестьяне въ то время нанимали землю у помѣщиковъ, и подати каждый помѣщикъ долженъ былъ вносить по числу крестьянъ, которые числились живущими на его землѣ. Крестьяне имѣли право переходить отъ одного помѣщика къ другому—вначалѣ во всякое время, а потомъ въ Юрьевъ день, весною и осенью. Вслѣдствіе того, что крестьяне переходили съ одного мѣста на другое, помѣщикамъ часто приходилось платить подати за такіе участки земли, которые были покинуты крестьянами. Особенно трудно было помѣщикамъ бѣднымъ, малоземельнымъ, потому что крестьяне у нихъ жили неохотно. Поэтому малоземельные помѣщики стали жаловаться, что не могутъ исправно выплачивать податей и отбывать военную повинность.

Въ то время въ нашемъ отечествѣ не было постоянного войска; въ случаѣ войны, каждый помѣщикъ обязанъ былъ выходить на службу съ опредѣленнымъ числомъ вооруженныхъ людей. Борисъ Годуновъ, видя, что переходъ крестьянъ лишаетъ помѣщиковъ возможности исправно уплачивать подати и отбывать военную службу, уничтожилъ Юрьевъ день, т.-е. прикрѣпилъ крестьянъ къ землѣ (въ 1597 году). Въ это время и сложилась извѣстная русская поговорка: «вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!» Такъ было положено начало *крѣпостному праву*, уничтоженному 19 февраля 1861 года по волѣ Царя-Освободителя Александра II.

Въ то время, когда Борисъ Годуновъ управлялъ Русскимъ царствомъ, наслѣдникъ престола, царевичъ Димитрій, былъ убитъ, и это событіе было причиною многихъ бѣдствій для нашего отечества. Въ убійствѣ подозрѣвали Бориса Годунова: говорили, что онъ подослалъ убійцъ, чтобы самому быть царемъ. Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ

послалъ для изслѣдованія этого дѣла въ Угличъ боярина Василия Шуйскаго, который донесъ царю, что царевичъ умеръ отъ падучей болѣзни. Вскорѣ послѣ этого царь Ѳеодоръ скончался, и супруга его отказалась отъ престола и постриглась въ монахини. Тогда духовенство, бояре и народъ предложили престолъ Борису Годунову.

Царь Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ заботился о народномъ благѣ, и въ первые годы царствованія его всѣ любили. Но скорѣ на Русскую землю обрушились разныя бѣдствія: голодъ,

болѣзни, разбои; въ народѣ стали толковать, что Богъ наказываетъ царя за убійство младенца царевича Димитрія. Прошелъ слухъ, что царевичъ не умеръ, а скрылся отъ Бориса и уѣхалъ въ Польшу. Говорили, будто царевичъ тамъ выросъ, научился уму-разуму и идетъ съ небольшимъ войскомъ въ Россію, чтобы свергнуть Бори-

Царевичъ Димитрій.
(Съ картины Нестерова).

са и занять его мѣсто. Народъ нашъ такъ любитъ своихъ природныхъ царей, что очень обрадовался этому слуху, и вездѣ, куда ни приходилъ царевичъ, его встрѣчали съ хлѣбомъ-солью и переходили на его сторону. По несчастью, послѣ ужъ узнали, что это не настоящій царевичъ, а дерзкій самозванецъ, который осмѣлился назваться его именемъ. Однакожъ, онъ успѣлъ обмануть народъ. Борисъ умеръ; самозванецъ сдѣлался царемъ. Вмѣстѣ съ нимъ въ Москву наѣхало множество католиковъ; они помогали ему сдѣлаться царемъ съ тѣмъ, чтобы и онъ имъ помогалъ обратить русскихъ въ католическую вѣру. Однако, народъ очень скоро разгадалъ, что на престолѣ

самозванецъ; поднялся бунтъ. Москвичи бросились къ царскому дворцу. Самозванецъ испугался. Хотѣлъ бѣжать и выпрыгнуть изъ окна, но вывихнулъ себѣ ногу, бѣжать не могъ, и тутъ онъ былъ убитъ.

Въ то время Россія едва не соединилась съ Польшей. Царя не было; Василій Шуйскій, избранный послѣ самозванца, управлялъ царствомъ недолго; такъ наши бояре и рѣшили было отдать Россію польскому королевичу Владиславу. Тогда имъ казалось, что это всего лучше, особенно потому, что русскіе и поляки однокровные братья-славяне. Но польскій король пришелъ въ Россію съ войскомъ, какъ непріятель, хотѣлъ силой завладѣть престоломъ. Начались разбои, никто никого не слушалъ; города опустѣли, пришельцы грабили все, что попало... Можно сказать, что Россіи не было. Москва въ рукахъ поляковъ; Новгородъ присягнулъ шведскому королевичу; Казань и вятскіе города провозгласили другого царя; въ Псковѣ явился еще самозванецъ; повсюду былъ грабежъ и безначаліе. Все погибало, все рушилось; но Россія не погибла, потому что въ ней еще остались русскіе, которые всегда любятъ свое отечество.

Бунаковъ.

173. Убіеніе Димитрія царевича.

(1591 г.).

Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. На утро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ: ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ! Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
Спѣшу туда жъ,—а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяннѣ рыдаетъ,
А тутъ народъ, остервенясь, волочить
Безбожную предательницу мамку...
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣдень,
Является Иуда-Битяговскій.
«Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца...
«Покайтесь!» народъ имъ завопилъ:
И въ ужасѣ, подъ топоромъ, злодѣи
Покаялись—и называли Бориса.

А. Пушкинъ.

174. Козьма Мининъ на Нижегородской площади.

1612 г.

Темно-голубыя небеса становились часъ-отъ-часу прозрачнѣе и бѣлѣе; величественная Волга подернулась туманомъ; востокъ запылалъ, и первый лучъ восходящаго солнца возвѣстилъ наступленіе того незабвеннаго дня, въ который раздался и прогремѣлъ по всей землѣ Русской первый общій кликъ: «умремъ за вѣру православную и святую Русь!»

Рѣчь Минина народу на Нижегородской площади.

Солнце взошло, но тишина и молчаніе царствовали еще повсюду. Вдругъ прозвучалъ на соборной колокольнѣ первый ударъ колокола, за нимъ другой, вотъ третій... все чаще, все сильнѣе... Призывный гулъ промчался по всей окрестности, и все ожило въ Нижнемъ-Новгородѣ. Скоро всѣ улицы закипѣли народомъ, который торопился на городскую площадь.

Какъ бурное море, шумѣлъ и волновался народъ на городской площади. Бояре и простолюдины, именитые граждане и люди ратные—всѣ тѣнились вокругъ лобнаго мѣста; на всѣхъ лицахъ изображалось нетерпѣливое ожиданіе. Вдругъ народъ зашумѣлъ болѣе прежняго, разда-

лись громкія восклицанія: «Вотъ онъ!»—И человѣкъ среднихъ лѣтъ, весьма просто одѣтый, но осанистый и видный собою, взошелъ на лобное мѣсто. Обратясь къ соборнымъ храмамъ, онъ трижды сотворилъ крестное знаменіе, поклонился на всѣ четыре стороны—и, по движенію руки его, утихло все вокругъ лобнаго мѣста; мало-по-малу молчаніе стало распространяться по всей площади; шумъ отдалялся; глухой говоръ безчисленнаго народа становился все тише... тише... и черезъ нѣсколько минутъ на городской площади воцарилась глубокая тишина.

— Граждане нижегородскіе!—такъ началъ безсмертный Мининъ.—Кто изъ васъ не вѣдаетъ всѣхъ бѣдствій царства Русскаго? Мы всѣ видимъ его гибель и разореніе, а помощи ни откуда не ожидаемъ. Доколѣ злодѣямъ и супостатамъ напоятъ землю Русскую кровью братьевъ нашихъ? Доколѣ православнымъ стонать подъ игомъ иновѣрцевъ? Отвѣтствуйте, граждане нижегородскіе! Потерпимъ ли мы, чтобы царствующій градъ повиновался воеводѣ иноплеменному? Предадимъ ли на поруганіе пречистый образъ Владимірскаго Божіей Матери и честныя многоцѣлебныя мощи Петра, Алексія, Іоны и всѣхъ московскихъ чудотворцевъ? Покинемъ ли въ рукахъ иновѣрцевъ сиротствующую Москву?... Отвѣтствуйте, граждане нижегородскіе!

— Нѣтъ, нѣтъ!—загремѣли тысячи голосовъ.—Идемъ къ Москвѣ! Не выдадимъ святую Русь!

— Граждане и братія!—продолжалъ Мининъ.—Неужели, умирая за вѣру православную, мы пожалѣемъ наше достояніе? Нѣтъ, православные! Для содержанія людей ратныхъ отдадимъ все наше золото и серебро, а если и этого мало—продадимъ все наше имущество. Пусть выступитъ желающій купить домъ мой—съ сего часа онъ принадлежитъ не мнѣ, а Нижнему-Новгороду; и я самъ, мы всѣ, вся кровь наша—нашему отечеству, Русской землѣ!

— Отдадимъ все наше имущество! Умремъ за вѣру православную и святую Русь!—загремѣли безчисленные голоса.

Въ эту минуту открылись двери соборнаго храма Преображенія Господня, и архимандритъ Θεодосій съ многочисленнымъ духовенствомъ, во всемъ облаченіи, со святыми иконами и церковными хоругвями, вышелъ на городскую площадь. Народъ разступился, духовенство взошло на лобное мѣсто, раздался громкій благовѣстъ, іереи зашѣли соборомъ: «Царю небесный, Утѣшителю,

Душе истины!» И Мининъ, а вслѣдъ за нимъ всѣ граждане преклонили колѣна. Когда же, благословляя оружіе христілюбиваго войска, благочестивый архимандритъ Ѳеодосій, возведя глаза къ небу, возгласилъ молитву: «Господи Боже нашъ, Боже силъ, сильный въ крѣпости и крѣпкій въ бранехъ!...» то народъ палъ ницъ, зарыдалъ, и всѣ мольбы слились въ одну общую, единоклубную молитву: «да спасетъ Господь царство Русское!»

Записки.

175. Освобожденіе Москвы отъ поляковъ.

(1612 г.)

20 августа 1612 года Мининъ и Пожарскій съ войскомъ стояли подъ Москвой. Сидѣвшій въ то время въ Москвѣ польскій гарнизонъ терпѣлъ нужду въ съѣстныхъ припасахъ и былъ гораздо малочисленнѣе русскаго ополченія. Но на выручку полякамъ спѣшило свѣжее войско, подъ начальствомъ Хоткевича. Надо было сначала справиться съ Хоткевичемъ, который 22-го августа подошелъ къ Москвѣ. Онъ привезъ съ собой запасы для польскаго гарнизона и хотѣлъ пробыть въ Кремль и Китай-городъ, гдѣ сидѣли поляки. Къ счастью, это ему не удалось, благодаря храбрости и искусству Минина и Пожарскаго. Вслѣдствіе же отраженія Хоткевича, положеніе польскаго гарнизона сдѣлалось ужаснымъ; поляки страшно терпѣли отъ голода, но не сдавались. Наконецъ, 22-го октября русскія войска выбили поляковъ изъ Китай-города, и Пожарскій занялъ его. Въ этотъ же день торжественно внесли въ Китай-городъ Казанскую икону Божіей Матери и, въ память побѣды надъ поляками, дали обѣтъ выстроить церковь, которая послѣ и была построена на Кремлевской площади. Въ память этого же дня былъ установленъ 22-го октября праздникъ иконы Казанской Божіей Матери, до сихъ поръ соблюдаемый православною русскою Церковью.

Черезъ два дня засѣвшіе въ Кремль поляки сдались, всѣ кремлевскія ворота были отворены настежь: въ Кремль входили русскія войска. Впереди шелъ архимандритъ Діонисій, за нимъ—крестный ходъ, а за крестнымъ ходомъ—войско.

Н. Костомаровъ.

176. Памятникъ Минину и Пожарскому въ Москвѣ.

На срединѣ Красной площади, противъ Кремля, стоитъ вылитый изъ бронзы памятникъ гражданину Козьмѣ Минину и воеводѣ князю Пожарскому. Мининъ стоитъ предъ больнымъ княземъ Пожарскимъ, указываетъ на Кремль и, вручая ему мечъ отъ лица отечества и щитъ съ изображеніемъ Спасителя, какъ бы говоритъ: «поспѣшимъ спасти Москву и отечество!» Взоры сидящаго на

Памятникъ Минину и Пожарскому.

постели Пожарскаго обращены къ небу и выражаютъ молитву: «Боже, Спаситель нашъ! Ополчи немощную руку мою и благослови начинаніе наше!»

Подножіе памятника украшаютъ двѣ бронзовыя выпуклыя картины (барельефы). На одной представлено, какъ нижегородскіе граждане сносятъ на площадь свое имущество и ведутъ сыновей своихъ для всеобщаго вооруженія. На другой изображено бѣгство поляковъ изъ Кремля и преслѣдованіе ихъ нашими воинами.

На памятникѣ надпись: «Минину и Пожарскому благодарная Россія».

(Изъ кн. Радонежскаго.)

177. Избраніе Михаила Ѳеодоровича на царство.

(1613—1645 г.).

25 октября 1612 года отворились всѣ кремлевскія ворота, и русскіе торжественно вступили въ Кремль. Впереди съ крестами и иконами въ рукахъ шло духовенство, во главѣ котораго былъ архимандритъ Діонисій. Въ Успенскомъ соборѣ отслуженъ былъ торжественно благодарственный молебенъ. Москва была очищена отъ враговъ и стала довольно быстро обстраиваться. Теперь надо было выполнить вторую половину задачи, ради которой поднялась русская сила съ Мининымъ и Пожарскимъ—выбрать своего русскаго царя и положить конецъ всякимъ проискамъ поляковъ и шведовъ.

По всѣмъ городамъ разосланы были грамоты, чтобъ въ Москву немедленно присылали выборныхъ людей, крѣпкихъ и разумныхъ, духовныхъ лицъ, дворянъ, боярскихъ дѣтей, торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей. Когда выборные съѣхались, назначенъ былъ трехдневный строжайшій постъ. Служили по церквамъ молебны, чтобъ Богъ вразумилъ выборныхъ. Постановили прежде всего, чтобъ отнюдь не выбирать ни иноземца, ни сына Марины. Когда начались выборы, то происходило не мало смуты, но чаще всего слышалось имя юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Романовыхъ особенно любилъ народъ. Анастасія и Никита Романовичи жили въ народной памяти, вошли даже въ пѣсни народныя. При томъ родъ Романовыхъ не былъ запятнанъ въ глазахъ народа никакимъ дурнымъ дѣломъ, вынесъ много горя и напрасныхъ гоненій при Борисѣ Годуновѣ.

21 февраля всѣ выборные собраны были на Красную площадь. Сплошная пестрая толпа наполняла ее. Именитые люди взошли на Лобное мѣсто. Но имъ не довелось и говорить къ народу. Не успѣли они еще проговорить вопроса, какъ раздался громкій крикъ всего собравшагося на площади люда

«Михаиль Θεодоровичъ Романовъ будетъ царь-государь Московскому государству и всей Русской державѣ».

Михаиль Θεодоровичъ жилъ въ это время въ Костромѣ, въ Ипатьевскомъ монастырѣ, съ матерью, монахинею Мареою Ивановною. Соборъ, провозгласивши его царемъ, назначилъ нѣсколько знатныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ ѣхать къ нему и отъ имени всѣхъ чиновъ людей просить, чтобъ былъ государемъ и ѣхалъ въ Москву.

13 марта соборные послы пріѣхали въ Кострому, а на другой день пошли въ Ипатьевскій монастырь съ крестнымъ ходомъ и со всеми костромичами. Услышавши отъ пословъ просьбу ѣхать въ Москву и царствовать, Михаилъ отказался, Марѣа Ивановна говорила: «сынъ мой еще очень молодъ».

Послы долго упрашивали Михаила и мать его; наконецъ, стали грозить, что, въ случаѣ отказа, государство совершенно разорится, и Богъ взыщетъ на Михаилъ это разореніе.

Тогда Марѣа Ивановна благословила сына принять престолъ.

2 мая 1613 года Михаилъ прїѣхалъ въ Москву и 11 іюля вѣнчался на царство. Россія получила настоящаго царя.

В. Сиповскій.

178. Смерть Сусанина.

«Куда ты ведешь насъ? Не видно ни зги!»
Сусанину съ сердцемъ вскричали враги:
«Мы вязнемъ и тонемъ въ сугробинахъ снѣга,
Знать, намъ не добратся съ тобой до ночлега.
Ты сбился, братъ, вѣрно, нарочно съ пути!
Но тѣмъ Михаила тебѣ не спасти!
Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушуетъ,
Но смерти вашъ юноша-царь не минуетъ!
Веди жъ насъ—такъ будетъ тебѣ за труды,
Иль бойся—недолго у насъ до бѣды!»
Пошли. Не шелохнутся ель и береза;
Лишь воронъ порою, вспорхнувъ, прошумитъ,
И дятель дуплистую сосну долбитъ...
Все гуще и чаще становится лѣсъ;
Подъ тѣнью деревьевъ не видно небесъ,—
И вдругъ пропадаетъ тропинка предъ ними,
И частыя ели, вѣтвями густыми
Склонившись угрюмо до самой земли,
Высокою стѣною изъ сучьевъ сплели.
«Куда ты завелъ насъ?» начальникъ вскричалъ.
— «Туда, куда нужно!»—Сусанинъ сказалъ.
«Убейте вы, ляхи,—моя здѣсь могила!
Но знайте и рвитесь—я спасъ Михаила!
Предателя ждали найти вы во мнѣ:
Ихъ нѣтъ и не будетъ на Русской землѣ!
Въ ней каждый отчизну съ младенчества любить .
И душу измѣнной свою не погубить».
«Злодѣй!»—закричали враги, закипѣвъ:
«Умрешь подъ мечами!»—«Не страшень вашъ гнѣвъ!
Кто русскій по сердцу, тотъ бодро и смѣло,
И радостно гибнетъ за правое дѣло!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнувъ, умру за Царя и за Русь!»
«Умри же!»—поляки герою вскричали.
И сабли надъ старцемъ, свистя, засверкали.
«Погибни, предатель! конецъ твой насталъ!»—
И твердый Сусанинъ весь въ ранахъ упалъ.
Снѣгъ чистый чистѣйшая кровь обагрила:
Она для Россіи спасла Михаила.

К. Рылеевъ.

179. Присоединеніе Малороссіи.

Долго не могла оправиться Россія отъ тѣхъ бѣдствій и разореній, какія испытала она во время смутъ, и только со времени царя Алексѣя Михайловича Русская земля начала мало-по-малу крѣпнуть и увеличивать свои владѣнія. Въ его царствованіе произошло великое событіе: къ Московскому государству была присоединена Малороссія.

Малороссію составляли три нынѣшнія губерніи — Кіевская, Полтавская и Черниговская. Земли эти принадлежали прежде русскимъ князьямъ, но во время татарской неволи онѣ подпали подъ власть Литовскаго княжества. Князья литовскіе обращались хорошо съ русскимъ народомъ, не тѣснили православной вѣры, не трогали русскихъ нравовъ и обычаевъ и стойко защищали русскій народъ отъ набѣговъ крымскихъ татаръ. Но все это

Царь Алексѣй Михайловичъ.

измѣнилось, когда Литовское княжество соединилось съ Польшей; съ тѣхъ поръ въ русскихъ областяхъ стали властвовать поляки. Поляки всячески притѣняли русскій народъ, изнуляли его работой, налагали тяжкія подати и даже старались обратить православный русскій народъ въ католическую вѣру. Не разъ въ Малороссіи происходили возстанія; народъ поднималъ оружіе и старался избавиться отъ польскихъ притѣснителей; но всѣ эти возстанія оканчивались неудачно, потому что сила всегда была на сторонѣ поляковъ. И только при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ началось освобожденіе Малороссіи отъ власти поляковъ. Это великое дѣло совершилъ *Богданъ Хмельницкій*.

Богданъ Хмельницкій былъ казацкимъ сотникомъ и жилъ близъ города Чигирина. Одинъ изъ сосѣднихъ съ нимъ польскихъ пановъ сильно оскорбилъ Хмельницкаго и разорилъ его хуторъ. Не могъ стерпѣть этого Богданъ Хмельницкій. Онъ убѣждалъ къ запорожскимъ казакамъ, которые проживали на одномъ изъ неприступныхъ острововъ Днѣпра, и поднялъ ихъ противъ поляковъ. Скоро возсталъ вся Малороссія, и Богданъ Хмельницкій былъ избранъ гетманомъ.

Между малороссами и поляками началась ожесточенная война, которая длилась нѣсколько лѣтъ, то утихая, то опять возобновляясь. Наконецъ, не стало больше силъ у казаковъ; приходилось класть оружіе и опять терпѣть прежнія притѣсненія отъ поляковъ. Тогда Богданъ Хмельницкій обратился къ московскому царю. Онъ просилъ царя Алексѣя Михайловича принять Малороссію подъ свое подданство (1653). Царь милостиво принялъ пословъ

Богданъ Хмельницкій.

Хмельницкаго. Посовѣтовавшись съ патріархомъ, боярами и выборными людьми, онъ согласился на просьбу Богдана Хмельницкаго и отправилъ пословъ въ Малороссію. Послы московскіе прибыли въ городъ Переяславль и были встрѣчены духовенствомъ и народомъ. Вскорѣ назначена была общая рада (совѣтъ). Съ ранняго утра громадная толпа народа собралась на площади. Вышелъ гетманъ Богданъ Хмельницкій съ старшинами казацкими и послами московскими. Мертвая тишина водворилась на площади. Гетманъ сказалъ: «Казацкіе старшины, все войско запорожское и всѣ православные христіане! Вотъ уже шесть лѣтъ, какъ мы въ постоянныхъ битвахъ и кровопролитіяхъ съ врагами, поляками; они хотятъ искоренить церковь Божію, дабы имя русское не упоминалось на землѣ нашей. Мы собрали общенародную раду, чтобы

выбрать себѣ государя. Царь Московскій одной съ нами вѣры; онъ сжалился надъ нами, милостивое сердце свое къ намъ склонилъ и своихъ ближнихъ бояръ прислать изволилъ. Если мы его съ усердіемъ не возлюбимъ, то кромѣ его высокой руки иного пристанища не найдемъ. Кто же съ нами не согласенъ, тотъ пусть идетъ, куда хочетъ,—вольная дорога!» Въ отвѣтъ гетману весь народъ закричалъ: «Волимъ (хотимъ) подъ царя Московскаго, царя православнаго!»—«Всѣ ли такъ соизволяете?» спросилъ гетманъ.—«Всѣ, всѣ!» кричалъ народъ.

Поляки, однако, не хотѣли уступить добровольно Малороссію, и царю Алексѣю Михайловичу пришлось кончить это дѣло войною. Послѣ войны къ Московскому государству была присоединена половина Малороссіи, по лѣвую сторону Днѣпра, а также городъ Кіевъ. Остальная же часть была отнята у поляковъ впослѣдствіи.

Въ память великихъ заслугъ Богдана Хмельницкаго ему поставленъ въ 1888 году памятникъ въ городѣ Кіевѣ.

В. Сиповскій.

180. Патріархъ Никонъ.

(1649 г.).

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича произошло печальное событіе—начался расколъ въ православной Церкви. Патріархомъ былъ тогда у насъ знаменитый Никонъ. Сынъ крестьянина Нижегородской области, онъ еще маленькимъ научился грамотѣ. Это было въ тѣ времена рѣдкостью не только между крестьянами, но и между высшими сословіями. Затѣмъ онъ сталъ усердно читать духовныя книги и священное Писаніе и изучилъ хорошо церковную службу. За это его сдѣлали священникомъ. Но скоро Никонъ пошелъ въ монастырь и началъ вести строгую жизнь. Слава о знаменитомъ отшельникѣ дошла до Москвы, и самъ царь захотѣлъ увидѣть его. Никонъ понравился Алексѣю Михайловичу, быстро вошелъ въ милость царскую и скоро сдѣлался митрополитомъ и, наконецъ, патріархомъ.

Новый патріархъ тотчасъ принялся за разныя улучшения въ церкви. У насъ издавна уже были большіе непорядки въ церковныхъ дѣлахъ. Священники были очень невѣжественны, кто только мало-мальски разбиралъ гра-

моту, того ставили въ священники, — лучшихъ найти нельзя было. Училищъ тогда почти не было въ Россіи, и грамотѣ учились весьма немногіе. Богослуженіе совершалось не какъ слѣдуетъ, въ церквахъ во время службы не соблюдали порядка, вели себя непристойно. Никонъ сталъ все это выводить, завелъ порядокъ въ богослуженіи, требовалъ, чтобъ священники хорошо знали священное Писаніе и церковную службу, чтобы они сами жили похристіански и показывали примѣръ прихожанамъ. Священниковъ, не исполнявшихъ этого, Никонъ наказывалъ очень строго. Скоро затѣмъ новый патріархъ принялся за дѣло еще болѣе важное — за исправленіе богослужебныхъ книгъ.

Патріархъ Никонъ.

А. Острогорскій.

181. Исправленіе богослужебныхъ книгъ. Начало раскола.

Въ прежнее время, когда еще не умѣли печатать, церковныя книги переписывались. Отъ небрежности и невѣжества переписчиковъ въ нихъ вкралось много ошибокъ. При Іоаннѣ Грозномъ въ Москвѣ открыта была первая типографія, и съ этого времени книги стали печатать. Конечно, ошибки, вкравшіяся въ рукописи, перешли и въ печатныя книги. Люди свѣдущіе давно замѣчали это и давно думали объ исправленіи книгъ. Наконецъ, при Михаилѣ Феодоровичѣ приступили къ дѣлу. Но исправленіе попало въ руки людей малосвѣдущихъ, которые сами притомъ придерживались нѣкоторыхъ неправильныхъ мнѣній; на примѣръ, учили, что при знаменованіи себя крестомъ нужно складывать два пальца, а не три, произносить аллилуія во время службы также два раза, совершать обѣдню на семи просфорахъ, а не на пяти, какъ это было изстари. Эти ложные обычаи, незамѣтно вкравшіеся въ наше богослуженіе, они безъ повѣрки внесли и въ исправленныя книги. Были, однако, люди, которые понимали эти ошибки и не молчали; только голосъ ихъ

имѣлъ мало значенія, потому что на сторонѣ исправителей былъ тогдашній патріархъ. Теперь Никонъ, ставши патріархомъ, снова принялся за пересмотръ церковныхъ книгъ. Онъ приступилъ къ нему съ большой осторожностью, собралъ изъ русскихъ монастырей самыя старыя книги, выписалъ съ Аѳонской горы, изъ Іерусалима и другихъ мѣстъ старинныя рукописи. Со всѣми этими рукописями сличены были свѣдущими людьми наши мнимо исправленныя книги. Оказалось, что онѣ были испорчены. Никонъ самъ убѣдился въ этомъ. Тогда созванъ былъ соборъ, на которомъ, при участіи царя и патріарха, присутствовали митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены, протоіереи, священники и весь царскій синклитъ, т. е. бояре и сановники. Здѣсь рѣшено было вновь исправить книги, старыя же, испорченныя книги приказано было отбирать и уничтожать.

Но противъ этого возстали прежніе исправители, и во главѣ ихъ протопопъ Аввакумъ. Они начали смущать простой народъ, разглашали, что Никонъ измѣняетъ вѣру. Неразумные люди готовы были скорѣе пострадать, нежели разстаться съ старыми испорченными книгами или измѣнить старые церковные обряды. Такъ возникъ расколъ.

А. Острогорскій.

182. Просвѣщеніе.

Много тяжелыхъ испытаній послалъ Господь на Русскую землю, и трудно было русскимъ успѣвать въ просвѣщеніи; но и въ самыя тяжкія времена лучшіе люди понимали, что необходимъ для всѣхъ свѣтъ книжнаго ученія.

— Если бы меня спросили,—говоритъ ученый грекъ, митрополитъ Паисій,—какіе столпы вѣры и государства, я бы отвѣтилъ: во-первыхъ—училища, во-вторыхъ—училища и въ-третьихъ—училища.

Ученый монахъ Симеонъ Полоцкій умоляетъ царя въ своей проповѣди заводить училища, умножать учениковъ. А учиться слѣдуетъ каждому: монаху и мірянину, мужчинамъ и женщинамъ.

Ученый монахъ Епифаній говоритъ священникамъ: «Старайтесь, сколько силы станеть, вездѣ устраивать училища и за это получите отъ Бога прощеніе всѣхъ грѣховъ своихъ».

При Θεодорѣ Алексѣевичѣ въ Москвѣ была устроена Славяно-греко-латинская академія. Еще ранѣе въ Кіевѣ была Кіево-Могилянская академія. Въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ преподавались по преимуществу духовныя науки.

Что же касается свѣтскихъ наукъ, то въ нихъ у насъ былъ большой недостатокъ.

Лучшіе люди стараго времени и самъ царь Алексѣй Михайловичъ хорошо понимали, что необходимо русскимъ изучать и свѣтскія науки у образованныхъ иностранцевъ. Царскихъ дѣтей обучалъ разнымъ наукамъ ученый монахъ Симеонъ Полоцкій. Стали и бояре учить своихъ дѣтей наукамъ и языкамъ иностраннымъ. Молодыхъ людей посылали учиться и за-границу. А въ Москвѣ разрослась цѣлая большая слобода (Нѣмецкая), гдѣ жили иностранцы.

Рѣшительное сближеніе русскихъ съ иностранцами произошло при Петрѣ Великомъ, сынѣ Алексѣя Михайловича.

183. Петръ Великій.

1689—1725.

Когда умеръ старшій сынъ царя Алексѣя—Θеодоръ, царемъ былъ объявленъ 10-ти-лѣтній Петръ. Хотя у Петра въ то время былъ еще старшій братъ, 16-ти-лѣтній Іоаннъ, но онъ былъ крайне болѣзненный и не могъ править государствомъ.

Выборомъ въ цари 10-лѣтняго Петра всѣ остались довольны. Добрый Іоаннъ и не думалъ обижаться этимъ. Недовольна была только старшая сестра царевичей, властолюбивая Софья, которая за болѣзнь Іоанна разсчитывала сама править государствомъ. Она взволновала тогдашнее войско—стрѣльцовъ, и всю

Сѣятель. Кн. III.

Императоръ Петръ Великій.

власть захватила въ свои руки. Тогда Петръ удалился съ своею матерью въ село Преображенское, близъ Москвы, и не сталъ почти ни во что вмѣшиваться. Большую часть времени онъ проводилъ въ различныхъ воинскихъ забавахъ: изъ своихъ сверстниковъ устроилъ онъ двѣ *потѣшныя* роты, производилъ съ ними примѣрныя сраженія, училъ ихъ бросать снаряды, строить и брать крѣпости. А на Переяславскомъ озерѣ онъ построилъ нѣсколько небольшихъ кораблей, и такимъ образомъ явился *потѣшный* флотикъ. Въ то же время Петръ сошелся со многими иностранцами. Большею частью это были служилые военные люди и различные мастера, которые населяли въ Москвѣ отдѣльную часть города—«Нѣмецкую слободу». Петръ часто посѣщалъ жившихъ здѣсь иноземцевъ и любилъ слушать ихъ рассказы о заморскомъ житьѣ-бытьѣ, о тамошнихъ дѣлахъ и порядкахъ. Особенно полюбился Петру швейцарецъ Лефортъ. Это былъ очень умный человѣкъ, отъ котораго Петръ многому научился. Онъ-то помогъ Петру обучить его *потѣшныхъ*. Такъ прошло семь лѣтъ.

Видѣла Софья, что приходитъ конецъ ея власти, что Петру уже 17 лѣтъ, и задумала она извести его. Опять начала она волновать стрѣльцовъ. Но стрѣльцы на этотъ разъ ея не послушались. Кончилось тѣмъ, что Софья была заключена въ монастырь, а государствомъ сталъ править Петръ.

Пуцковичъ.

184. Дѣдушка русскаго флота.

Петръ Великій еще мальчикомъ съ горячею любознательностію все выспрашивалъ, высматривалъ; не могъ ни на минуту успокоиться.

Разъ въ селѣ Измайловѣ забрелъ онъ въ амбаръ, гдѣ свалены были старыя вещи, и видитъ какой-то особенный ботъ.

— Что это за ботъ? Какъ на немъ ѣздить?—спрашивалъ мальчикъ.

Иноземецъ, бывшій съ нимъ, растолковалъ, что на этомъ ботѣ можно лавировать: ѣздить и противъ вѣтра, на парусахъ.

— Какъ такъ? Сейчасъ надо узнать это на дѣлѣ. Кто бы показалъ, какъ это сдѣлать?—спрашивалъ ребенокъ.

Царю сказали, что въ Нѣмецкой слободѣ еще живетъ

старикъ Карстенъ Брандтъ, вызванный изъ Голландіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ для постройки судовъ. Брандтъ принялся за работу, и скоро юный царь съ наслажденіемъ катался по Яузѣ въ исправленномъ ботѣ.

Спускъ на воду перваго ботика.

Послѣ Петръ назвалъ этотъ ботикъ «Дѣдушкою русскаго флота».

185. Устройство флота и войска.

Первымъ дѣломъ молодого царя было устроить поскорѣе флотъ. Набралъ онъ мастеровъ-нѣмцевъ, захватилъ кое-кого изъ русскихъ и отправился съ ними къ Бѣлому морю. Быстро закипѣла тутъ работа. Самъ царь съ пилою и топоромъ въ рукахъ работалъ не хуже другихъ. Одинъ за другимъ спускались на море русскіе корабли, и не прошло трехъ лѣтъ, какъ въ Россіи явился уже не потѣшный, а настоящій флотъ.

Послѣ флота Петръ взялся за войско. Починъ тутъ ужъ былъ: всѣ потѣшные, съ которыми онъ устраивалъ военныя забавы, были хорошо обучены. Теперь число ихъ было пополнено, и изъ нихъ образовались первые полки: Преображенскій и Семеновскій.

Щуцковичъ.

186. Петръ Великій за границей.

Въ мартѣ 1697 года жители Москвы густыми рядами тѣснились на улицахъ, глядя на замѣчательное зрѣлище. Изъ Москвы выѣзжала длинная вереница саней, переполненныхъ сѣдоками. Москвичи, смотрѣвшіе на поѣздъ, узнавали среди сѣдоковъ видныхъ сановниковъ. Впереди ѣхалъ Францъ Лефортъ, первый другъ царя, молодой и веселый иностранецъ, пріохотившій Петра къ иноземнымъ обычаямъ и порядкамъ. Затѣмъ слѣдовалъ бояринъ Головинъ, а за нимъ—думный дякъ Возницынъ. То были послы, снаряженные къ иноземнымъ государямъ. За каждымъ посломъ ѣхала свита, человѣкъ по 30 и по 50. За послами и свитой двигался отрядъ молодыхъ воиновъ. Ихъ было 30 человѣкъ. Каждый десятокъ имѣлъ у себя во главѣ особаго десятника. Одинъ десятникъ былъ Гаврила Кобылинъ, другой—Федоръ Плещеевъ, третій—Петръ Михайловъ. Никто глазамъ не повѣрилъ, увидѣвъ третьяго десятника: то былъ самъ царь. Поѣздъ проѣхалъ, сани скрылись за снѣжными сугробами, и народъ сталъ расходиться въ глубокомъ недоумѣніи. Православный царь уѣхалъ въ басурманскую землю! Этого еще никогда не бывало, и поступокъ царя повергъ всѣхъ въ полное смущеніе. Правда, уже съ давняго времени на Москвѣ стало набираться много иностранцевъ: въ войскѣ среди офицеровъ, при дворцѣ въ качествѣ художниковъ, ремесленниковъ, актеровъ,—всюду попадались иноземцы. Подъ Москвой выросла цѣлая «Нѣмецкая слобода». Многіе бояре совсѣмъ прилѣпились къ иноземнымъ обычаямъ, да и самъ отецъ Петра Великаго, Алексѣй Михайловичъ, завелъ у себя во дворцѣ многія иноземныя новинки и, между прочимъ, театръ. Но все же, по понятіямъ русскихъ людей того времени, всякій иноземецъ считался существомъ нечистымъ, «сосудомъ дьявольскимъ». Не даромъ, когда царь московскій принималъ иностранныхъ пословъ въ торжественномъ пріемѣ, рядомъ съ трономъ ставилась огромная серебряная лохань, наполненная водою, и царь, допустивъ пословъ къ цѣлованію руки, тутъ же, на глазахъ самихъ пословъ и всѣхъ бояръ, мылъ въ лохани руки и начисто вытиралъ ихъ полотенцемъ: не подобало оставлять безъ омовенія мѣста, оскверненнаго прикосновеніемъ иностранца. Такъ ду-

мали тогда многіе русскіе люди, не просвѣщенные образованіемъ.

Петръ спѣшилъ увидѣть Саардамъ, о которомъ ему много наговорили работавшіе въ Москвѣ, Архангельскѣ и Воронежѣ саардамскіе плотники. Подъѣзжая къ Саардаму, Петръ вдругъ увидѣлъ стараго кузнеца Киста, нѣкогда работавшаго въ Москвѣ, а теперь мирно ловившаго съ лодочки угрей. Петръ окликнулъ Киста. Кистъ не повѣрилъ глазамъ, увидѣвъ московскаго царя въ одеждѣ голландскаго плотника—въ красной курткѣ, въ бѣлыхъ холстинныхъ шароварахъ, съ лакированной шляпой на головѣ. Кистъ думалъ, не грезить ли онъ? Но скоро онъ убѣдился, что передъ нимъ, дѣйствительно, царь московскій. Петръ сошелъ съ бота и сталъ просить Киста дать ему комнату въ своемъ домѣ.

Кистъ побѣждалъ къ женѣ устраивать все для пріема неожиданнаго гостя. Петръ дожидался на улицѣ и потомъ вмѣстѣ со своими спутниками вошелъ въ харчевню. Маленькій городокъ переполошился. Вѣсть о прибытіи какихъ-то невѣдомыхъ людей въ странныхъ одеждахъ (спутники Петра были одѣты порусски) быстро обѣжала городъ. У трактира собралась толпа.

— Что вы за люди, откуда вы?—слышалось со всѣхъ сторонъ.

— Мы—простые плотники, ищемъ работы,—отвѣчалъ Петръ.

Петръ строго-на-строго наказалъ Кисту скрывать отъ всѣхъ тайну своего дѣйствительнаго званія. Онъ рѣшилъ превратиться на время въ настоящаго голландскаго плотника. Къ вечеру онъ водворился въ домъ Киста. Этотъ знаменитый саардамскій домикъ, пріютившій въ своихъ стѣнахъ удивительнаго царя-плотника, до сихъ поръ показывается путешественникамъ: съ черепичной кровлей, весь деревянный, въ два окна, раздѣленный на двѣ небольшія комнаты, съ изразцовой печью, глухою каморкою для кровати и чуланчикомъ при входѣ.

Поселившись у Киста, Петръ со слѣдующаго утра началъ рабочую жизнь. Онъ записался плотникомъ на корабельной верфи и каждый день, лишь взойдетъ солнце, шелъ на работу. Но... не прошло и недѣли, какъ ему уже пришлось проститься съ надеждой остаться неузнаннымъ и на свободѣ предаться своимъ работамъ. Онъ самъ невольно выдавалъ свою тайну: властныя манеры, повели-

тельный голосъ,—все это внушало подозрѣніе саардамцамъ, что къ нимъ явился не простой плотникъ. Загадочному иностранцу до всего было дѣло. Его видали всюду, на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ, и вездѣ о немъ разсказывали удивительныя вещи. На бумажной фабрикѣ, на примѣръ, онъ попросилъ у мастера форму, живо зачерпнулъ ею изъ чана, наполненнаго массою, и выкинулъ передъ удивленными зрителями листъ безукоризненнаго совершенства. Лишь только онъ видѣлъ новый родъ работы, у него чесались руки: онъ схватывалъ инструменты и становился въ ряды рабочихъ.

Кизеветтеръ.

187. К т о о н ъ

На берегу Невы великой,
По тропиночкѣ лѣсной
Ѣхалъ всадникъ. Вкругъ все дико:
Ель, сосна да мохъ сѣдой.
Передъ нимъ рыбацья хата;
Подъ сосной, у синихъ волпъ,
Старый рыбарь бородатый
Колотилъ дырявый челнъ.
Всадникъ молвилъ: «Дѣдъ, здорово!
Богъ на помощь! Какъ живешь?
Много ль ловишь ты, и лова
Гдѣ добычу продаешь?»
Отвѣчалъ старикъ сердито:
«Рыбы мало ли въ рѣкѣ?
Только нѣтъ иного сбыта,
Какъ въ сосѣднемъ городкѣ.
Да теперь мнѣ что въ ловитвѣ?
Вишь, какая здѣсь возня!
Вы дрались, а бомбой въ битвѣ

Челнъ прошибло у меня».
Всадникъ прочь съ коня: без-
молвно
Взялъ топоръ и млатъ съ пилой,
Мигомъ сбиль борты у челна,
Руль привѣсилъ за кормой.
«Ну, старинушка, готово!
Смѣло въ воду челнъ содвинь,
И на счастье Петрово
Сбѣти на морѣ закинь!»
—«На Петрово? Эко слово
Молвилъ!» думаетъ рыбакъ:
«Съ топоромъ, гляди, какъ ло-
вокъ,
А по рѣчи... Какъ же такъ?..»
И развелъ старикъ руками,
Шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ,
Смотритъ долго въ ту сторону,
Гдѣ чудесный гость исчезъ.

Ап. Майковъ.

188. Война со шведами.

1700—1721 годъ.

Среди всѣхъ заботъ и трудовъ Петра, его ни на минуту не покидала одна завѣтная дума: какъ бы Россію придвинуть къ морю. Море, думалось Петру, облегчитъ русскимъ сношенія съ иностранцами, а отъ этого увеличится торговля Россіи съ заморскими странами, и народъ русскій быстрѣе перейметъ оттуда все хорошее и пригодное для жизни. Самое близкое и удобное для этого было море Балтійское. Но берегами его издавна овладѣли шведы и ни за что не хотѣли хотъ маленькимъ клочкомъ его подѣлиться съ Россіей. Воевать со шведами было не

легко: въ то время они были очень сильный народъ. Петръ однако рѣшился на войну, только началъ ее осторожно. Онъ заключилъ прежде союзъ съ королями польскимъ и датскимъ, и вмѣстѣ съ ними объявилъ войну Швеціи.

Королемъ шведскимъ былъ тогда молодой, но храбрый Карлъ XII. Онъ живо приготовился къ войнѣ, напалъ со своимъ отличнымъ войскомъ, подъ стѣнами Нарвы, на русскихъ и побилъ ихъ. Этой побѣдой Карлъ думалъ покончить съ Петромъ, поэтому оставилъ русскихъ въ покоѣ и двинулся съ войскомъ въ Польшу.

Оказалось, однако, что до окончательной расправы было еще далеко. Тѣмъ временемъ, когда Карлъ воевалъ съ Польшей, Петръ набралъ новыхъ солдатъ, обучилъ ихъ, нѣсколько разъ разбилъ шведскихъ генераловъ и мало-по-малу добрался до Финскаго залива. Не успѣли шведы опомниться, какъ подъ бокомъ у нихъ, немного поодаль залива, выглядывала уже сильная русская крѣпость, а вокругъ нея раскинулись шатры, палатки и домики—началъ строиться городъ. Мѣсто здѣсь было безлюдное, лѣсистое и болотистое. Городу, да еще большому, не быть тутъ, казалось, никогда. Но въ рукахъ Петра всякое дѣло спорилось. Почти что ни день выростали каменные зданія, прокладывались новыя улицы, рылись для осушки каналы. Городокъ разрастался быстро, и, на диво всѣмъ, сталъ скоро большимъ и красивымъ, какихъ немного. Царь назвалъ его городомъ Св. Петра (Санктъ-Петербургъ) и перенесъ въ него столицу.

Между тѣмъ Карлъ управился съ королемъ польскимъ и бросился опять на Россію. Только онъ не пошелъ прямо на Москву, а потянулся сперва въ Малороссію. Тамъ ожидалъ его измѣнникъ, гетманъ Мазепа, который обѣщалъ пристать къ шведамъ со всѣми казаками. Но казаки не захотѣли измѣнить Петру, лишь небольшая часть ихъ пошла за своимъ гетманомъ. Петръ повелъ войска русскія противъ Карла и встрѣтился съ нимъ у города Полтавы. Во время короткаго отдыха передъ началомъ битвы царь объѣхалъ ряды своего войска, ободрилъ молодыхъ солдатъ и велѣлъ прочитать передъ ними приказъ—за кого и какъ они должны сражаться. «Знайте», говорилъ Петръ, «что наступаетъ часъ рѣшить судьбу отечества. Не думайте, что вы сражаетесь за Петра, но за отечество, за православную вѣру и Церковь. А о Петрѣ вѣдайте, что ему

жизнь не дорога, жила бы только Россія во славѣ и благоденствіи!..» Вскорѣ затѣмъ началась знаменитая Полтавская битва, и послѣ упорнаго, жестокаго боя, шведы были совершенно разбиты. Самъ Карлъ, раненый въ ногу, едва спасся съ своимъ союзникомъ, Мазепой.

Война со Швеціей продолжалась еще нѣсколько лѣтъ. Шведы все-таки не соглашались уступить Россіи береговъ Балтійскаго моря. Наконецъ, уступили и помирились съ русскими.

Радъ былъ русскій народъ, что такъ прибыльно для него окончилась хотя славная, но долгая и трудная война. Радовался и Петръ, что dokonчилъ еще одно великое и славное дѣло. Онъ щедро наградилъ всѣхъ своихъ сподвижниковъ и объявилъ народу разныя милости. Только виновника этого, самого Петра, никто не могъ наградить по заслугамъ. Тогда важнѣйшія лица въ государствѣ, дабы сколько-нибудь отблагодарить его за славныя дѣла, за всѣ непрерывные и тяжелые труды на пользу Россіи, поднесли Петру отъ лица народа самыя высшіе титулы царей—*Императора* и *Великаго*.

Петрушевскій.

189. Полтавская битва.

(1709 г. 27 іюня).

Горитъ востокъ зарею новой;
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ,
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Клубами всходитъ къ небесамъ
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули,
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки;
Катятся ядра, свищутъ пули,
Нависли хладныя штыки...

Сыны любимые побѣды,
Сквозь огонь окоповъ рвутся шведы:

Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленіе крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно—счастье боевое
Служить ужъ начинается намъ.
Тѣснимъ мы шведовъ рать за
ратью:

Темнѣетъ слава ихъ знаменъ.
И Бога браней благодатью

Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тогда-то, свѣше вдохновенный,
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ; ликъ его ужасенъ;
Движенья быстры... Онъ прекра-
сенъ,—

Онъ весь—какъ Божія гроза.
Идетъ... Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь;
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водить,
И мчитъ въ прахъ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.

Ужъ близокъ полдень. Жаръ
пылаетъ.

Какъ пахарь, битва отдыхаетъ:
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки;
Равняясь, строятся полки,
Молчитъ музыка боевая;
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Первали свой голодный ревъ,

И се—равнину оглашая—

Далече грянуло «ура»:

Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ пол-
ками,

Могучъ и радостенъ, какъ бой;

Онъ поле пожиралъ очами...

За нимъ вослѣдъ неслись толпой

Сии птенцы гнѣзда Петрова—

Въ премѣнахъ жребія земного,

Въ трудахъ державства и войны

Его товарищи, сыны...

И счастья баловень безродный

Полудержавный властелинъ *).

И передъ синими рядами

Своихъ воинственныхъ дружинъ,

Несомый вѣрными слугами,

Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,

Страдая раной, Карлъ явился.

Вожди героя шли за нимъ.

Онъ въ думу тихо погрузился.—

Смущенный взоръ изобразилъ

Необычайное волненье:

Казалось, Карла приводилъ

Желанный бой въ недоумѣнье...

Вдругъ слабымъ маниемъ руки

На русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними царскія дружины

Сошлись въ дыму среди рав-
нины—

И грянулъ бой, Полтавскій бой!

Въ огнѣ, подъ градомъ раскален-
нымъ,

Стѣной живою отраженнымъ,

Надъ падшимъ строемъ свѣжій
строй

Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей

Отряды конницы летучей,

Браздами, саблями звуча,

Сшибаясь, рубятся съ плеча.

Бросая груды тѣлъ на груды,

Шары чугунные повсюду

Межъ ними прыгаютъ, разятъ,

Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.

Шведъ, русскій—колетъ, рубитъ,
рѣжетъ...

Бой барабанный, клики, скре-
жетъ...

Громъ пушекъ, топотъ, ржанье,
стонъ,

И смерть, и адъ со всѣхъ сто-
ронъ.

Среди тревоги и волненья,

На битву взоромъ вдохновенья

Вожди спокойные глядятъ,

Движенья ратныя слѣдятъ,

Предвидятъ гибель и побѣду,

И въ тишинѣ ведутъ бесѣду...

Но близокъ, близокъ мигъ по-
бѣды.

Ура! мы ломимъ: гнутся шведы.

О, славный часъ! о, славный видъ!

Еще напоръ—и врагъ бѣжитъ;

И слѣдомъ конница пустилась,

Убийствомъ тупятся мечи,

И падшими вся степь покрылась,

Какъ роемъ черной саранчи.

Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,

И славы полонъ взоръ его.

И царскій пиръ его прекрасенъ.

При кликахъ войска своего,

Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ

Своихъ вождей, вождей чужихъ

И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,

И за учителей своихъ

Заздравный кубокъ поднимаетъ.

А. Пушкинъ.

190. Умѣренность и бережливость Петра Великаго.

Въ частной жизни Петръ представлялъ во всемъ образецъ строжайшей умѣренности. Обыкновенная одежда его была самая простая: лѣтомъ черный бархатный картузъ или треугольная поярковая шляпа, французскій кафтанъ изъ толстаго сукна, сѣраго или темнаго цвѣта, тафтяные камзолы и нижнее платье, цвѣтные шерстяные

*) Меншиковъ.

чулки и башмаки на толстыхъ подошвахъ и высокихъ каблукахъ, съ мѣдными или стальными пряжками. Зимой тотъ же нарядъ, кромѣ того, что вмѣсто бархатнаго картуза носилъ онъ шапку изъ калмыцкихъ барашковъ, вмѣсто суконнаго кафтана надѣвалъ онъ другой, изъ красной матеріи, въ коемъ переднія полы подбиты были соболями, а спинка и рукава бѣличьимъ мѣхомъ, и, вмѣсто кожаныхъ башмаковъ, родъ сапоговъ изъ сѣвернаго оленя, мѣхомъ вверхъ.

Царь неохотно разставался съ такой простотой и даже не измѣнилъ ей въ 1717 году въ Парижѣ, гдѣ, въ молодость Людовика XV, пышность и частыя перемѣны въ одеждѣ составляли отличительную черту людей лучшаго общества. Приѣхавъ туда, онъ заказалъ себѣ новый парадный парикъ: ему принесли сдѣланный въ послѣднемъ вкусѣ, широкій, съ длинными кудрями. Государь обрѣзалъ его по мѣрѣ прежняго своего парика, такъ что онъ едва только прикрывалъ волосы. Нарядъ его, состоявшій изъ кафтана безъ галуновъ, изъ манишки и манжетъ, короткаго парика, шляпы безъ перьевъ и изъ черной кожаной портупей черезъ плечо, до того отличался отъ прочихъ, что, спустя нѣсколько времени послѣ отъѣзда его изъ Франціи, этотъ нарядъ вошелъ у парижанъ въ моду, подъ названіемъ «царской одежды».

Были однакожъ дни, въ которые и онъ любилъ наряжаться съ нѣкоторою пышностью. Такъ, напримѣръ, при спускахъ кораблей Петръ встрѣчалъ гостей, входившихъ на новое спущенное судно, въ богатомъ, шитомъ золотомъ адмиральскомъ мундирѣ и въ андреевской лентѣ черезъ плечо. Въ день коронаціи императрицы Екатерины имѣлъ онъ на себѣ голубой шелковый кафтанъ, шитый серебромъ самою государынею. Когда она поднесла его супругу, Петръ взялъ кафтанъ въ руки и, взглянувъ на шитье, потряхнулъ имъ, отъ чего нѣсколько канители осыпалось на полъ. (Этотъ кафтанъ теперь можно видѣть въ галлерей Петра Великаго въ Императорскомъ эрмитажѣ).

«Смотри, Катенька», сказалъ онъ ей, указывая на упавшія блестки, — «слуга смететъ это вмѣстѣ съ соромъ, а вѣдь здѣсь слишкомъ дневное жалованье солдата».

Щедрый въ награжденіи заслугъ, Петръ показывалъ чрезвычайную бережливость во всемъ, что касалось до него собственно. Въ первое путешествіе свое по чужимъ

краямъ, прибывъ вечеромъ инкогнито *) съ небольшою свитою въ Нимвегенъ, онъ остановился въ трактирѣ и потребовалъ ужинать. Ему дали двѣнадцать яицъ, сыру, масла и двѣ бутылки вина. Когда пришло время расплачиваться, трактирщикъ, вѣроятно, узналъ, кто былъ его гость, и запросилъ сто червонныхъ. Петръ велѣлъ гофмаршалу своему заплатить эти деньги, но долго не могъ забыть такихъ расходовъ и, угощая въ Петербургѣ прїѣзжихъ на судахъ Голландцевъ, почти всякій разъ съ упреками напоминалъ имъ о корыстолюбіи нимвегенскаго трактирщика. «Мнѣ мотать не изъ чего», говорилъ онъ въ другое время. «и жалованья заслуженнаго у меня не много, а съ государственными доходами надлежитъ поступать осторожно: я долженъ отдать въ нихъ отчетъ Богу»

Часто ходилъ онъ въ башмакахъ, имъ самимъ заплатанныхъ, и чулкахъ, штопанныхъ его супругою; носилъ по году и по два одно платье, и въ 1723 году давалъ персидскому послу отпускную аудіенцію въ томъ самомъ голубомъ кафтанѣ съ серебряными нашивками по борту, въ которомъ 1717 года явился въ первый разъ къ французскому королю Людовику XV.

Корниловъ.

191. Петръ Великій и лоцманъ Антипъ.

Мая 1-го выѣхалъ царь изъ Москвы, проплылъ, не останавливаясь, мимо Холмогоръ, и 18-го былъ въ Архангельскѣ. Сюда явился къ нему архіепископъ Аѳанасій и долженъ былъ отправиться вмѣстѣ съ царемъ въ Соловецкій монастырь, хотя и боялся морского пути.

Передъ отъѣздомъ служили молебень. Царь пѣлъ звучнымъ басомъ съ пѣвчими, и 29-го мая отплылъ съ Аѳанасіемъ и свитою на яхтѣ архіепископской, весьма неудобной и неловкой. Къ ужасу спутниковъ царя, едва выплыла яхта на средину Бѣлаго моря, поднялась страшная буря. Тщетно убѣждалъ, ободрялъ другихъ царь. Есѣ отъ страха потеряли голову, молились, плакали, прощались одни съ другими. Не унывалъ только Петръ. Душа его какъ будто радовалась борьбѣ съ раздраженною стихіею. По счастью, на яхтѣ нашелся опытный лоцманъ, служитель Соловецкаго монастыря, Антипъ Тимоѣевъ. Видя, что только Антипъ сохраняетъ присутствіе духа,

*) Тайно, секретно.

царь обратился къ нему и совѣтовался съ нимъ. Антипъ сказалъ, что осталось одно средство спастись отъ гибели—направить корабль къ ближайшей гавани—Унскіе Рога. Царь велѣлъ отдать ему руль и команду, но не вытерпѣлъ самъ и началъ вмѣшиваться въ распоряженія. «Поди прочь!» закричалъ разсерженный Антипъ: «я знаю, что дѣлать! Если ты мнѣ отдалъ руль, что же ты вмѣшиваешься въ мое дѣло?» Смиренно отошелъ отъ него царь. Антипъ искусно управилъ судно къ берегу и счастливо провелъ его среди опасныхъ камней, коими усѣянъ входъ въ Унскую гавань.

— «Помнишь ли, пріятель, какъ ты отпотчевалъ меня на морѣ?» смѣясь, спросилъ тогда царь у Антипа. Испуганный лоцманъ упалъ къ ногамъ его. «Нѣтъ, ты былъ правъ, а я виноватъ, вмѣшиваясь не въ свое дѣло», отвѣчалъ царь, поцѣловалъ Антипа и подарилъ ему на память свое мокрое платье.

Н. Полевой.

192. Пиръ Петра Великаго.

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ:
Въ царскомъ домѣ пиръ веселый,
Рѣчь гостей хмельна, шумна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пируетъ царь великій
Въ Петербургѣ-городкѣ?
Отчего пальба и клики,
И эскадра *) на рѣкѣ?—
Озаренъ ли честью новой
Русскій штыкъ иль русскій
флагъ?

Побѣжденъ ли шведъ суровый?
Мира ль просить грозный
врагъ?

Иль въ отъятый край у шведа
Прибыль Брантовъ утлый боть,**)
И пошелъ наветрѣчу дѣда
Всей семьей нашъ юный флотъ,
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ,
И раздался въ честь науки
Пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ?

Годовщину ли Полтавы
Торжествуетъ государь,—
День, какъ жизнь своей державы

Спасъ отъ Карла русскій царь?
Родила ль Екатерина?
Имянинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?—

Нѣтъ, онъ съ подданнымъ мирится;

Виноватому вину
Отпуская, веселится,
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну.
И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ;
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Оттого-то шумъ и клики
Въ Петербургѣ-городкѣ,
И пальба, и громъ музыки,
И эскадра на рѣкѣ;

Оттого-то въ часъ веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

А. Пушкинъ.

*) Отрядъ судовъ.

***) Челнъ, исправленный Брантомъ, дѣдушка русскаго флота, первый потѣшный ботикъ, на которомъ Петръ катался въ Москвѣ по рѣкѣ Яузѣ.

193. Смерть Петра Великаго.

28 января 1725 года.

Прошло четыре года послѣ окончанія войны. Великій царь не могъ успокоиться и работалъ выше силъ. Отъ чрезмѣрныхъ трудовъ его крѣпкое здоровье начало разстраиваться. Петръ все чаще и чаще сталъ хворать.

Полубольной, онъ ѣхалъ однажды, въ глубокую осень, по Финскому заливу. Здѣсь онъ увидѣлъ тонувшихъ солдатъ и сталъ ихъ спасать. При этомъ царь простудился и слегъ въ постель. Не успѣлъ онъ совершенно оправиться, какъ снова простудился на крещенскомъ водосвятіи, опять слегъ, и вскорѣ, въ январѣ 1725 г., его не стало.

Въ честь Петра Великаго поставлено нѣсколько памятниковъ. Самый лучший поставленъ въ Петербургѣ Императрицей Екатериною Великою.

194. Петръ Первый.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.
То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

А. Пушкинъ.

195. Екатерина Великая.

1762—1796 г.

Царствованіе императрицы Екатерины продолжалось слишкомъ тридцать лѣтъ, и все это время она неутомимо трудилась и заботилась о благѣ Россіи. Слѣдуя примѣру Петра Великаго, императрица Екатерина успѣшно продолжала начатыя имъ преобразованія.

Екатерина II была дочерью одного бѣднаго нѣмецкаго князя. Она четырнадцати лѣтъ пріѣхала въ Россію и сдѣлалась совершенно русскою. Когда она прибыла въ Петербургъ, въ Россіи царствовала Елисавета Петровна, дочь Петра Великаго. Императрица не была замужемъ и назначила наслѣдникомъ престола своего племянника Петра Ѳеодоровича. Его супругой была Екатерина. Когда императрица Елисавета Петровна скончалась, на престолъ вступилъ Петръ III Ѳеодоровичъ. Но онъ царствовалъ

всего нѣсколько мѣсяцевъ. Послѣ него въ 1762 году самодержавной русской императрицей стала Екатерина II.

Она обладала необыкновеннымъ умомъ и много заботилась о своемъ образованіи. Императрица весь свой досугъ употребляла на чтеніе: она изучала сочиненія замѣчательныхъ писателей, обогатила свой умъ разными полезными свѣдѣніями, и сама писала сочиненія. Едва ли тогда въ цѣлой Россіи была женщина образованнѣе ея.

Кромѣ того, Екатерина II искусно управляла русскимъ государствомъ и, подобно Петру Великому, умѣла выбирать себѣ умныхъ, способныхъ помощниковъ. Въ дѣлахъ своихъ она принимала за образецъ Петра Великаго, постоянно носила при себѣ его портретъ и въ каждомъ затруднительномъ или важномъ случаѣ спрашивала себя: «Какъ бы поступилъ въ этомъ случаѣ Петръ?»

Екатерина Великая царствовала 34 года. Въ теченіе всего этого времени въ Россіи шла непрерывная

работа: то заканчивалось что-либо, начатое Петромъ Великимъ, то выполнялось только задуманное имъ. Особенно заботилась государыня о томъ, чтобы никто не страдалъ отъ суда безвинно. Она говорила: «лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ осудить хоть одного невиннаго!»—И устроила новые лучшие суды. Для удобства управленія императрица раздѣлила Россію на 50 губерній, а каждую губернію—на уѣзды. Въ обѣихъ столицахъ она устроила воспитательные дома для бѣдныхъ покинутыхъ дѣтей. При ней во многихъ городахъ открыты были новыя училища, какъ мужскія, такъ и женскія.

Императрица Екатерина Великая.

Въ царствованіе Екатерины Великой Россія приобрѣла обширныя земли на югѣ и западѣ и получила берега Азовскаго и Чернаго морей. Въ это время русскимъ войскамъ пришлось воевать съ турками и поляками. Турки вели съ нами двѣ войны, и оба раза были побѣждены. Знаменитые полководцы Екатерины Великой одержали надъ турками нѣсколько замѣчательныхъ побѣдъ. Въ первую войну Румянцевъ разбилъ ихъ при рѣкѣ Кагулѣ, а наши моряки, подъ начальствомъ Орлова, сожгли и уничтожили турецкій флотъ при Чесмѣ. Во вторую войну Суворовъ взялъ съ бою неприступную турецкую крѣпость Измаилъ и уничтожилъ стотысячную армію турокъ при рѣкѣ Рымникѣ. При Екатеринѣ Великой воссоединены были съ Россіей западно-русскія области, и Польша была раздѣлена между Россіей, Пруссіей и Австріей.

Въ царствованіе Екатерины II въ восточныхъ губерніяхъ Россіи явился казакъ Пугачовъ, выдавшій себя за императора Петра III, который будто бы не умиралъ. Вокругъ Пугачова собралось много приверженцевъ изъ казаковъ и всякаго рода бѣглыхъ. Съ такимъ войскомъ онъ сталъ брать города, грабилъ и жегъ села, убивалъ жителей, которые ему не покорялись. Государыня выслала противъ бунтовщиковъ войско. Бунтовщики были разбиты и выдали Пугачова. Самозванца отвезли въ Москву и присудили къ смертной казни.

(Изъ кн. Сатарова.)

196. Суворовъ.

Суворовъ—великій русскій полководецъ. Своими многочисленными побѣдами въ Турціи, Италиі, Польшѣ онъ удивлялъ современниковъ. Слава его подвиговъ гремѣла по всему свѣту. Державинъ — современный Суворову поэтъ—изобразилъ его въ своихъ стихахъ сказочнымъ богатыремъ: «Ступить на горы—горы трещать... Града коснется—градъ упадетъ». Послѣ перехода Суворова чрезъ снѣжныя вершины Альпійскихъ горъ (1799 г.), императоръ Павелъ писалъ великому полководцу, что онъ «побѣдилъ самую природу»... Для Суворова не было преградъ. Такъ всѣ его современники думали и вѣрили. Когда высокій катафалкъ съ гробомъ Суворова приближался къ воротамъ Невскаго кладбища, кто-то выразилъ опасеніе, что катафалкъ, пожалуй, не пройдетъ.—«Пройдетъ! Суворовъ вездѣ проходилъ!»—слышны были возгласы въ толпѣ народа.

Александръ Васильевичъ Суворовъ родился въ 1729 г. въ селѣ Кончанскомъ, Новгородской губерніи, Боровичскаго уѣзда. Онъ росъ рѣзвымъ мальчикомъ; любилъ лазить на деревья, купаться въ холодной водѣ, ѣздить на бойкихъ лошадяхъ. Наклонность къ военной службѣ почувствовалъ рано и въ дѣтствѣ любилъ читать и слушать рассказы о древнихъ и новыхъ великихъ полководцахъ. На 18 году поступилъ въ Семёновскій полкъ рядовымъ. Самъ чистилъ аммуницію, ходилъ въ караулы, не чуждался общества солдатъ, хотя и былъ сынъ генерала. Исполняя свои прямыя обязанности, Суворовъ съ особенной любовью занимался военными науками. Отцу писалъ изъ полка краткія письма, вродѣ слѣдующаго: «Я здоровъ, служу и учусь. Суворовъ».

Предоставленный въ своемъ развитіи самому себѣ, Суворовъ всю жизнь отличался своеобразнымъ характеромъ, странными привычками, которыхъ не оставлялъ

нигдѣ и никогда. Приготовляясь въ сентябрѣ 1789 г. къ битвѣ съ турками, при рѣкѣ Рымникѣ, Суворовъ цѣлую ночь не спалъ: сидѣлъ на высокомъ деревѣ и обозрѣвалъ непріятельскій лагерь. Принцъ Кобургскій, союзникъ Суворова, озабочиваясь предстоящимъ сраженіемъ, послалъ просить русскаго полководца на военный совѣтъ. Вождь русскій велѣлъ доложить: «Суворовъ Богу молится!» Принцъ отправилъ другого посланнаго. — «Суворовъ ужинаетъ», сказалъ герой. Явился третій посолъ и услышалъ: «Суворовъ спитъ». Но Суворовъ не спалъ и не дремалъ: до

Суворовъ.

разсвѣта онъ изучалъ мѣстоположеніе. На разсвѣтѣ явился къ принцу и условился съ нимъ о нападеніи. Извѣстно, что турки при Рымникѣ были разбиты. За это сраженіе Суворовъ получилъ титулъ графа Рымникскаго.

Живя въ деревнѣ въ отставкѣ, онъ игралъ съ ребятишками, звонилъ на колокольнѣ, пѣлъ съ дьячкомъ на клиросѣ и читалъ апостолъ. Во время перехода черезъ Альпійскія горы, когда среди солдатъ, утомленныхъ похо-

Переходъ Суворова черезъ Альпы.

дами, въ виду горы Сенъ-Готардъ, съ снѣжною вершиною, теряющеюся въ облакахъ, съ грозными утесами и неприступными скалами, возникъ ропотъ,—Суворовъ приказалъ у подошвы горы рыть могилу. «Здѣсь похороните меня, вы болѣе не дѣти мнѣ,—мнѣ ничего не остается, кромѣ смерти», сказалъ онъ солдатамъ.—«Веди, веди насъ!»—закричали солдаты.

Стремительны и быстры были походы и нападенія Суворова; краткостію и силою отличалась его рѣчь.—«Глазомѣръ, быстрота, натискъ!» «Пуля-дура, штыкъ-молодецъ»,—вотъ его военное искусство. «Слава Богу, слава

намъ,—городъ взять и мы тамъ», вотъ его донесенія начальству. «Здѣсь лежитъ Суворовъ»—надгробная, составленная имъ самимъ надпись.

Суворову въ 1801 году сооруженъ памятникъ въ Петербургѣ. На памятникѣ онъ представленъ въ видѣ вооруженнаго витязя-воина. Въ правой рукѣ у него поднятый мечъ, а въ лѣвой—щитъ, заслоняющій папскую тиару и короны: Неаполитанскую и Сардинскую. На подножіи надпись: «Князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій 1801».

(Изъ кн. Радонежскаго.)

197. Суворовъ и сержантъ.

Суворовъ любилъ ходить часто между солдатъ, въ солдатской курткѣ или въ изодранной своей родительской шинели, и былъ всегда доволенъ, когда его не узнавали. Часто находили его спавшаго вмѣстѣ съ солдатами. Однажды присланный отъ какого-то генерала сержантъ съ бумагами закричалъ вслѣдъ бѣжавшему въ солдатской курткѣ фельдмаршалу:—«Эй, старикъ, стой! скажи, гдѣ присталъ Суворовъ?»—«Чортъ его знаетъ», отвѣчалъ онъ.—«Какъ!» вскрикнулъ сержантъ: «у меня отъ генерала къ нему бумаги».—«Не отдавай», былъ второй отвѣтъ: «онъ теперь или мертвецки пьянъ, или горланитъ пѣтухомъ». Тутъ посланный, поднявъ на него палку, вскрикнулъ: «Моли ты Бога, старичишка, за свою старость!.. Не хочу и рукъ марать. Ты, видно, не русскій, что такъ ругаешь нашего отца и благодѣтеля». Суворовъ—давай Богъ ноги. Черезъ часъ возвращается онъ домой. Сержантъ, узнавъ его, хочетъ броситься къ его ногамъ, но графъ, обнявъ его, сказалъ: «Ты доказалъ любовь ко мнѣ на дѣлѣ: хотѣлъ поколотить за меня», и изъ рукъ своихъ потчивалъ его водкой.

198. Императоръ Александръ Благословенный.

1801—1825 г.

Императрица Екатерина души не чаяла въ своемъ старшемъ внукѣ, Александрѣ, и окружила его самыми нѣжными заботами *).

Екатерина пріучила внука къ порядку, къ простотѣ въ жизни, къ постоянному труду. И Александръ Павло-

*) Внуки Екатерины: Александръ, Константинъ, Николай, Михаилъ Павловичи.

вичъ на всю жизнь сохранилъ эти привычки. Онъ вставалъ рано и каждый день много занимался. Домашняя обстановка его была простая: до сихъ поръ хранятся нѣкоторыя его вещи: соломенный матрацъ на желѣзной кровати, жесткая подушка и сапоги съ заплаткой.

Въ наставники къ Александру Екатерина выбрала лучшихъ людей и по уму, и по образованію. Екатерина очень заботилась, чтобы внуки были добрыми даже къ животнымъ. Воспитателямъ было строго наказано смотрѣть, чтобы великіе князья не мучили птицъ, бабочекъ, мухъ. Играть и забавляться своимъ внукамъ Екатерина не запрещала, но она умѣла такъ вести дѣло, что учебныя занятія для нихъ были наградой, — за шалости у дѣтей отбирала книги.

Александра Павловича природа щедро одарила и красотою, и умомъ, и добрымъ сердцемъ. Это былъ высокій, стройный юноша, съ голубыми глазами, вьющимися, свѣтлыми кудрями. Съ окружающими онъ былъ сдержанъ, немного застѣнчивъ, ласковъ. Съ бабушкой искрененъ, нѣжно къ ней привязанъ. На всю жизнь сохранилъ онъ сердечную привязанность и къ своему главному наставнику и часто говаривалъ, что всемъ ему обязанъ. Разъ, обнявъ своего наставника, великій князь запачкался пудрою съ его парика. «Ничего!» — замѣтилъ Александръ, — «никто не осудитъ меня за то, чѣмъ я позанимствуюсь отъ васъ». Въ другой разъ онъ, уже 17-лѣтній юноша, отправился къ наставнику на квартиру. Слуга не узналъ великаго князя и говоритъ ему, что баринъ занятъ. Александръ ждетъ. Наконецъ, дверь отворяется, и Александра просятъ войти. Наставникъ упрекаетъ Александра, что онъ не велѣлъ доложить о себѣ сейчасъ же. — «Я не хотѣлъ васъ отвлекать отъ занятій», — отвѣчаетъ Александръ.

Императоръ Александръ Благословенный.

Великій князь развивался очень быстро и много учился.

Отъ бабки своей онъ наслѣдовалъ рѣдкое умѣнье владѣть собою, умъ просвѣщенный, любовь къ добру и сердечную заботу о счастіи народа.

Александръ Павловичъ желалъ освободить крестьянъ отъ крѣпостной неволи и положилъ начало улучшенія ихъ быта. Пытки на судѣ при немъ уничтожены вовсе. Наука и просвѣщеніе находили покровителя въ Александрѣ I. При немъ основано было три университета; во многихъ городахъ открыты гимназіи, духовныя академіи, среднія и низшія школы. Писатели пользовались уваженіемъ и почетомъ (Крыловъ, Жуковский, Карамзинъ; тогда же началъ входить въ славу и Пушкинъ).

Александръ Павловичъ былъ человекъ религіозный; онъ уважалъ религіозность и во всякомъ другомъ, какой бы тотъ ни былъ вѣры. Александру Павловичу принадлежитъ мысль перевести Библію на русскій языкъ.

Императоръ Александръ I мечталъ о счастіи не только своихъ подданныхъ, но и о братствѣ всѣхъ народовъ, чтобы осуществить на всей землѣ святую правду.

Всѣ любили просвѣщеннаго и милостиваго монарха и называли его «Благословеннымъ».

Добрымъ намѣреніямъ государя много помѣшала война 1812 года.

(Изъ кн. Д. Тихомирова.)

199. Изъ Отечественной войны.

Лѣтомъ 1812 года французскій императоръ Наполеонъ I, собравъ подъ свои знамена болѣе полумилліона человекъ, переправился съ этимъ огромнымъ войскомъ черезъ Нѣманъ и вступилъ въ предѣлы Россіи.

Въ самый день вторженія непріятели, 12 іюня, императоръ Александръ I, находившійся въ то время въ городѣ Вильнѣ, былъ на балу въ загородномъ домѣ генерала Беннигсена. Балъ былъ въ полномъ разгарѣ, когда явился министръ полиціи Балашевъ и тихонько сообщилъ государю, что курьеръ привезъ важное извѣстіе: непріятель наводитъ мосты на Нѣманъ. Не желая нарушать общаго веселья, императоръ приказалъ Балашеву хранить эту вѣсть въ тайнѣ. Балъ длился еще около часа.

Большая часть ночи съ 12 на 13 іюня была проведена государемъ въ трудахъ и безъ сна. Былъ составленъ манифестъ, въ которомъ государь велѣлъ непременно упомянуть, что онъ не помирится съ врагами, пока хоть

одинъ непріятельскій воинъ останется въ Русской землѣ.

Русское войско, состоявшее изъ двухсотъ слишкомъ тысячъ человекъ, было очень слабо, чтобы сразиться съ французской арміей въ открытомъ полѣ. Поэтому, русскіе генералы рѣшили отступать внутрь страны, увлекая за собою непріятеля, чтобы растянуть его боевую линію и ослабить главную армію, при которой находился самъ Наполеонъ.

Данилевскій.

200. Наполеонъ подѣ Москву.

Вотъ окружень своей дубравой
Петровскій замокъ. Мрачно онъ
Недавно гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя

Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не приѣмный
даръ,
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою!
Отселъ, въ думу погружень,
Глядѣлъ на грозный пламень
онъ.

А. Пушкинъ.

201. Кутузовъ назначенъ главнокомандующимъ.

Русскіе солдаты были очень недовольны постояннымъ отступленіемъ и стали роптать противъ главнокомандующаго Барклая-де-Толли. Императоръ Александръ I не хотѣлъ оставить во главѣ арміи человека, который не пользовался довѣріемъ солдатъ и всей Россіи, и назначилъ главнокомандующимъ Кутузова. Кутузовъ былъ старый, сѣдой воинъ, сражавшійся еще подъ начальствомъ Суворова. Онъ приобрѣлъ себѣ славу во многихъ сраженіяхъ съ турками и поляками, и солдаты любили его. Войска были очень рады извѣстію о назначеніи Кутузова главнокомандующимъ и думали, что немедленно начнется наступленіе; вездѣ говорили: «Приѣдетъ Кутузовъ бить французовъ». Одно обстоятельство, само по себѣ не имѣю-

Кутузовъ.

щее никакого значенія, еще болѣе заставляло войско до-
вѣрять Кутузову: во время смотра надъ нимъ взвился
орелъ, и солдаты, сочтя эту птицу предвѣстницею побѣды,
огласили поле громкимъ «ура». Обходя ряды войска, Ку-
тузовъ громко сказалъ: «Ну, можно ли съ такими молод-
цами отступать!» Но все-таки продолжалъ подвигаться въ
глубь Россіи. Французы, преслѣдуя русскую армію, при-
ближались къ Москвѣ. Неподалеку отъ Москвы, при селѣ
Бородинѣ, Кутузовъ рѣшилъ попробовать счастья въ
битвѣ, и 26 августа 1812 года произошла знаменитая Бо-
родинская битва. Сраженіе тянулось до поздней ночи. Ни
русскіе, ни французы не отступали. Наступленіе темноты
прекратило безпощадный бой. Всѣ ожидали, что на слѣ-
дующій день битва возобновится, но Кутузовъ полагалъ,
что потери русскихъ слишкомъ велики, чтобы драться
на другой день, и приказалъ отступать, оставивъ Москву
непріятелю.

Павловичъ.

202. Бородино.

(26 авг. 1812 г.)

«Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,

Французу отдана?

Вѣдь были жъ схватки боевыя?

Да, говорятъ, еще какія!

Не даромъ помнитъ вся Россія

Про день Бородина!»

— Да, были люди въ наше время,

Не то, что нынѣшнее племя!

Богатыри — не вы!

Плохая имъ досталась доля!

Немногіе вернулись съ поля..

Не будь на то Господня воля,

Не отдали бъ Москвы!

Мы долго, молча, отступали.

Досадно было, боя ждали.

Ворчали старики:

«Что жъ мы? на зимнія квартиры?

Не смѣютъ, что ли, командиры

Чужіе изорвать мундиры

О русскіе штыки?»

И вотъ нашли большое поле:

Есть разгуляться гдѣ на волѣ!

Построили редутъ.

У нашихъ уши на макушкѣ!

Чуть утро освѣтило пушки

И лѣса синія верхушки,—

Французы тутъ, какъ тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,

И думалъ: угощу я друга!

Постой-ка, братъ, мусью!

Что тутъ хитрить, пожалуй къ
бою;

Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,

Ужъ постоимъ мы головою

За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.

Что толку въ этакій бездѣлкѣ?

Мы ждали третій день.

Повсюду стали слышны рѣчи:

«Пора добратся до картечи!»

И вотъ на поле грозной сѣчи

Ночная пала тѣнь.

Прилегъ вздремнуть я у лафета,

И слышно было до рассвѣта,

Какъ ликовалъ французъ.

Но тихъ былъ нашъ бивакъ от-
крытый:

Кто киверъ чистилъ, весь избитый,

Кто штыкъ точилъ, ворча сер-
дито,

Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось,

Все шумно вдругъ зашевелилось,

Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ
хватошь,
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ;
Онъ спитъ въ землѣ сырой.
И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Рѣбятъ! не Москва ли за нами?
Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.
Ну жъ, былъ денекъ! Сквозь
дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами,—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестящій,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колотъ устала,

И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не
мало,
Что значить русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!...
Земля тряслась, какъ наши
груды,
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...
Вотъ смерклось. Были все готовы
Завтра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны—
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.
Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногие вернулись съ поля...
Когда бъ на то не Божья воля,
Не отдали бъ Москвы!

М. Лермонтовъ.

203. Гибель Смоленска.

Я видѣлъ ужаснѣйшую картину, — я былъ свидѣтелемъ гибели Смоленска. 4-го числа *) непріятель устремился къ Смоленску и былъ встрѣченъ подѣ стѣнами его горстью неустрашимыхъ россіянъ. 5-го числа отъ ранней зари до поздняго вечера, двѣнадцать часовъ продолжалось сраженіе передъ стѣнами, на стѣнахъ и за стѣнами Смоленска. Русскіе не уступали ни на шагъ мѣста; дрались, какъ львы. Французы или, лучше сказать, поляки, въ бѣшенномъ изступленіи лѣзли на стѣны, ломились въ ворота, бросались на валы и въ безчисленныхъ рядахъ тѣснились около города по ту сторону Днѣпра. Наконецъ, утомленный ратоборствомъ нашимъ, Наполеонъ приказалъ жечь городъ, котораго никакъ не могъ взять грудью. Злодѣи тотчасъ исполнили приказъ изверга. Тучи бомбъ, гранатъ и чиненыхъ ядеръ полетѣли на дома, башни, магазины, церкви. И дома, церкви и башни обнялись пламенемъ, — и все, что можетъ горѣть, запылало. Опламененныя окре-

*) Т. е. августа.

стности, густой разноцвѣтный дымъ, трескъ лопающихся бомбъ, громъ пушекъ, кипящая ружейная пальба, стукъ барабановъ, вопль старцевъ, стоны женъ и дѣтей, цѣлый народъ упadaющій на колѣни съ воздѣтыми къ небу руками,—вотъ что представлялось нашимъ глазамъ, что поражало слухъ, что раздирало сердце... Толпы жителей бѣжали изъ огня, полки русскіе шли въ огонь; одни спасали жизнь, другіе несли ее на жертву. Длинный рядъ подводъ тянулся съ ранеными...

Въ глубокіе сумерки вынесли изъ города икону Смоленской Божіей Матери. Унылый звонъ колоколовъ, сливаясь съ трескомъ распадающихся зданій и громомъ сраженія, сопровождалъ печальное шествіе сіе. Блескъ пожаровъ освѣщалъ оное. Между тѣмъ черно-багровое облако дыму висѣло надъ городомъ, и ночь присоединила темноту ко мраку и ужасъ къ ужасу. Смятеніе людей было столь велико, что многіе выбѣгали полунагими, и матери теряли дѣтей своихъ. Казаки вывозили на сѣдлахъ младенцевъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ свирѣпствовалъ адъ. Наполеонъ отдалъ приказаніе, чтобы Смоленскъ былъ взятъ непременно 5-го числа; однакожъ, русскіе отстояли его грудью, и 5-го числа городъ не былъ взятъ. Но 6-го рано,—о, превратность судьбы!—то, что удерживали съ такимъ усиліемъ, отдали добровольно...

Главнокомандующій имѣлъ на то причины.

Ө. Глинка.

204. Смоленская икона Божіей Матери на Бородинскомъ полѣ.

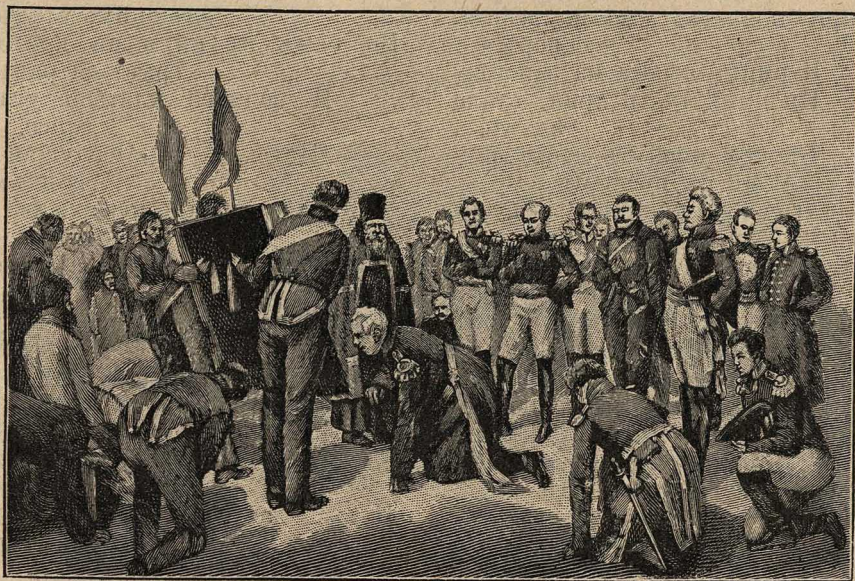
Было часовъ 11 утра. Солнце ярко свѣтило. Изъ-за горы Бородина поднималось церковное шествіе. Впереди по пыльной дорогѣ стройно шла пѣхота со снятыми киверами и ружьями, опущенными книзу. Позади пѣхоты слышалось церковное пѣніе.

Навстрѣчу идущимъ бѣжали безъ шапокъ солдаты и ополченцы. «Матушку несутъ! Заступницу! Смоленскую!»—повторяли они.

За батальономъ, шедшимъ по пыльной дорогѣ, шли въ ризахъ священники, за ними солдаты и офицеры, несли большую, съ чернымъ ликомъ, въ окладѣ, икону. Это была икона, вывезенная изъ Смоленска и съ того времени возимая за арміей. За иконой, кругомъ ея, впереди ея,

со всѣхъ сторонъ, шли, бѣжали и кланялись въ землю съ обнаженными головами толпы воиновъ.

На горѣ икона остановилась; державшіе ее на полотенцахъ люди перемѣнились. Начался молебенъ. Жаркіе лучи солнца били отвѣсно сверху; слабый, свѣжій вѣтерокъ игралъ волосами открытыхъ головъ и лентами, которыми была убрана икона; пѣніе не громко раздавалось подъ открытымъ небомъ. Огромная толпа офицеровъ, солдатъ и ополченцевъ окружала икону. Всѣ усердно молились, у многихъ наворачивались на глазахъ слезы.

На Бородинскомъ полѣ. Кутузовъ предъ иконою Смоленской Божіей Матери.

Вдругъ толпа разступилась. Кто-то, вѣроятно, очень важное лицо, подходилъ къ иконѣ. Это былъ Кутузовъ, объѣзжавшій позиціи. Кутузовъ вошелъ въ кругъ и остановился позади священника. Онъ перекрестился, поклонился и, тяжело вздохнувъ, опустилъ свою сѣдую голову.

Когда кончился молебенъ, Кутузовъ подошелъ къ иконѣ, тяжело опустился на колѣни и поклонился въ землю, потомъ съ трудомъ поднялся на ноги, приложился къ иконѣ и опять поклонился, коснувшись рукою до земли. Генералы послѣдовали его примѣру; потомъ офицеры, а за ними, давая другъ друга, съ взволнованными лицами, устремились къ иконѣ солдаты и ополченцы.

Л. Толстой.

205. Волкъ на псарнѣ.

Въ этой баснѣ писатель представляетъ положеніе Наполеона въ Москвѣ въ то время, когда онъ началъ переговоры о заключеніи мира, и когда Кутузовъ говорилъ, что война только начинается.

Волкъ, ночью думая залѣзть въ
овчарню,

Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный
дворъ.

Почуя сѣраго такъ близко забяку,
Псы залились въ хлѣвахъ и
рвутся вонъ на драку.

Псари кричатъ: «Ахти, ребята,
воръ!»

И вмигъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала
адамъ.

Бѣгутъ: иной съ дубемъ,
Иной съ ружьемъ.

— «Огня!» кричатъ: «огня!»
Пришли съ огнемъ.

Мой волкъ сидитъ, прижавшись
въ уголъ задомъ.

Зубами щелкая и ошетиная шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы
всѣхъ онъ съѣсть.

Но, видя то, что тутъ не передъ
стадомъ,

И что приходитъ, наконецъ,
Ему разсѣсться за овецъ, —

Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры,

И началъ такъ: «Друзья! къ чему
весь этотъ шумъ?

Я, вашъ старинный свать и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, со-
всѣмъ не ради ссоры;

Забудемъ прошлое, уставимъ об-
щій ладъ!

А я не только впредь не трону
здѣшнихъ стадъ,

Но самъ за нихъ съ другими
грызться радъ.

И волчьей клятвой утвер-
ждаю,

Что я...» — «Послушай-ка,
сосѣдъ»,

Тутъ ловчій перервалъ въ
отвѣтъ:

«Ты сѣрь, а я, пріятель,
сѣдъ,

И волчью вашу я давно натуру
знаю.

А потому обычай мой:

Съ волками иначе не дѣлать ми-
ровой,

Какъ снявши шкуру съ нихъ
долой».

И тутъ же выпустилъ на волка
гончихъ стаю.

И. Крыловъ.

206. Извѣстіе о бѣгствѣ французовъ изъ Москвы.

Ночь была темная, темная, осенняя. Шелъ дождикъ уже четвертый день. Два раза перемѣнивъ лошадей и въ полтора часа проскакавъ 30 верстъ по грязной, вязкой дорогѣ, Болховитиновъ *) во второмъ часу ночи былъ въ Леташовкѣ **).

Кутузовъ, какъ и всѣ старые люди, мало спалъ по ночамъ. Онъ днемъ часто неожиданно задремывалъ; но ночью онъ, не раздѣваясь, лежа на своей постели, большею частью не спалъ и думалъ. Такъ онъ лежалъ и теперь на

*) Курьеръ, посланный къ Кутузову.—**) Гдѣ находился Кутузовъ.

своей кровати, облокотивъ тяжелую, большую, изуродованную голову на пухлую руку, и думалъ, открытымъ однимъ глазомъ присматриваясь къ темнотѣ.

Неразрѣшимый вопросъ о томъ, смертельна или не смертельна была рана, нанесенная при Бородинѣ, уже цѣлый мѣсяцъ висѣлъ надъ головою Кутузова. Съ одной стороны, французы заняли Москву. Съ другой стороны, несомнѣнно всѣмъ существомъ своимъ Кутузовъ чувствовалъ, что тотъ страшный ударъ, въ которомъ онъ, вмѣстѣ со всѣми русскими людьми, напрягъ всѣ свои силы, долженъ былъ быть смертеленъ. Но во всякомъ случаѣ нужны были доказательства, и онъ ждалъ ихъ уже мѣсяцъ, и чѣмъ дальше проходило время, тѣмъ нетерпѣливѣе онъ становился.

Въ ночь 11-го октября онъ лежалъ, облокотившись на руку, и думалъ объ этомъ.

Въ сосѣдней комнатѣ зашевелилось, и слышались шаги Толя, Коновницына *) и Болховитинова.

— Эй, кто тамъ? Войдите, войди! Что новенькаго? — окликнулъ ихъ фельдмаршалъ.

Пока лакей зажигалъ свѣчку, Толь рассказывалъ содержаніе извѣстій.

— Кто привезъ? — спросилъ Кутузовъ съ лицомъ, поразившимъ Толя, когда загорѣлась свѣча, своею холодною строгостью.

— Не можетъ быть сомнѣнія, ваша свѣтлость.

— Позови, позови его сюда!

Кутузовъ сидѣлъ, спустивъ одну ногу съ кровати и навалившись большимъ животомъ на другую, согнутую ногу. Онъ шурилъ свой зрячій глазъ, чтобы лучше разсмотрѣть посланнаго, какъ будто въ его чертахъ онъ хотѣлъ прочесть то, что занимало его.

Въ 1812 году. Бѣгство французовъ.

*) Генералъ при Кутузовѣ.

— Скажи, скажи, дружокъ,—сказалъ онъ Болховитинову своимъ тихимъ, старческимъ голосомъ, закрывая распахнувшуюся на груди рубашку.—Подойди, подойди поближе. Какія ты привезъ мнѣ вѣсточки? А? Наполеонъ изъ Москвы ушелъ? Воистину такъ? А?

Болховитиновъ подробно доносилъ сначала все то, что ему приказано.

— Говори, говори скорѣе, не томи душу,—перебилъ его Кутузовъ.

Болховитиновъ рассказалъ все и замолчалъ, ожидая приказанія. Толь началъ было говорить что-то, но Кутузовъ перебилъ его. Онъ хотѣлъ сказать что-то, но вдругъ лицо его сощурилось, сморщилось; онъ махнулъ рукой на Толя, повернулся въ противную сторону, къ красному углу избы, чернѣвшему отъ образовъ.

— Господи, Создатель мой! Внялъ Ты молитвѣ нашей...—дрожащимъ голосомъ сказалъ онъ, сложивъ руки.—Спасена Россія. Благодарю Тебя, Господи!—И онъ заплакалъ *).

Л. Толстой.

207. Передъ гробницею Кутузова.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главою...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампы
Во мракѣ храма **) золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависпій рядъ.

Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,

Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ ***).

Въ твоємъ гробу восторгъ живетъ!

Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ — и
спасъ.

А. Пушкинъ.

208. Изъ обороны Севастополя.

(1854—1855 г.)

Въ 1854 г. неукрѣпленный Севастополь съ малочисленнымъ гарнизономъ осадили три сильныхъ царства ****). Къ севастопольскимъ берегамъ подошли сотни кораблей,

*) Было получено извѣстіе о бѣгствѣ французовъ изъ Москвы.

**) Разумѣется здѣсь Казанскій соборъ въ Петербургѣ.

***). Т. е. полководцевъ: Суворова, Потемкина, Румянцева и другихъ.

****) Англія, Франція и Турція.

на русскую землю сошли хорошо вооруженные враги и требовали сдачи. Но Севастополь не сдался. Сильный духомъ народнымъ, онъ триста сорокъ девять дней грудью отстаивалъ свою родную твердыню. Подвигамъ севастопольцевъ изумлялись всѣ, даже враги.

Лучшіе русскіе люди того времени оставляли домъ, семью и шли на тяжкіе труды, почти на вѣрную смерть въ осажденный городъ; шли на помощь старики, женщины, даже дѣти.

Знаменитый проповѣдникъ, преосвященный Иннокентій, посѣтивъ въ 1855 г. севастопольскій гарнизонъ, сказалъ: «Мы явились—учиться у васъ, славные защитники града, учиться, какъ исполнять заповѣди Христа Спасителя: «Оставь отца и мать твою и домъ твой, возьми крестъ и гряди по Мнѣ!» Впредь поучая паству свою, мнѣ не надо искать далеко примѣровъ добродѣтели; я скажу ей: иди въ градъ сей и поучись у перваго встрѣчнаго изъ братій твоихъ, защитниковъ вѣры и мѣстъ, откуда впервые разлилось православіе на родину нашу... пади тамъ ницъ, мѣсто бо сіе свято есть».

Нашъ великій писатель-севастополецъ, Л. Н. Толстой въ своихъ разсказахъ объ оборонѣ Севастополя говоритъ: «Изъ-за креста, изъ-за названія, изъ-за угрозы не могутъ люди принять эти ужасныя условія. Должна быть другая, высокая побудительная причина. И эта причина есть—любовь къ родинѣ».

Имена такихъ героевъ, какъ Корниловъ, Нахимовъ, Истоминъ, Хрулевъ, Тотлебенъ и многихъ другихъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, должны слиться въ одномъ общемъ славномъ имени—севастополецъ.

И каждый изъ горячо любящихъ свое отечество долженъ знать и гордиться этими именами и съ глубокимъ уваженіемъ и благодарностью преклоняться передъ подвигами севастопольцевъ.

Въ народѣ уже давно ходили зловѣщіе слухи о войнѣ. Время было тревожное. Очевидцы разсказывали и писали въ газетахъ, что турки притѣсняютъ и обижаютъ христіанъ, что не позволяютъ православнымъ совершать богослуженія у гроба Господня.

Императоръ Николай I заступился за вѣру православную и за христіанъ. За турокъ вступились французы и англичане.

К. Лукашевичъ.

209. Богатыри Севастопольскіе: Корниловъ, Нахимовъ, Тотлебенъ.—Затопленіе кораблей.

Когда непріятель подошелъ къ крымскимъ берегамъ, Севастополь совсѣмъ не былъ готовъ къ оборонѣ. Войска было тамъ мало; укрѣпленій почти совсѣмъ не было. Но крѣпокъ былъ духъ народа русскаго, сильна его любовь къ родинѣ.

Съ уходомъ войскъ на Альму въ городъ осталось всего четыре батальона и двѣ подвижныя морскія батареи. Никто не приходилъ въ уныніе. Главными защитниками города остались Корниловъ и Нахимовъ. Кромѣ того, городъ защищался славнымъ черноморскимъ флотомъ. Суда были поставлены такъ, что, защищая входъ въ бухту, они могли помогать и сухопутнымъ войскамъ.

Севастополь былъ объявленъ въ осадномъ положеніи. Сѣверную его сторону охранялъ адмиралъ Корниловъ, а южную Нахимовъ. Уже стало извѣстно, что сраженіе при Альмѣ проиграно, что непріятель двигается къ Севастополю. Опасность была близка. Не зная отдыха и сна, не раздѣваясь по ночамъ, забывая часто пообѣдать, не щадя своихъ силъ и здоровья, оба адмирала стали приводить городъ въ оборонительное положеніе. Ихъ можно было видѣть повсюду днемъ и ночью. Они сами работали и другихъ воодушевляли, ободряли. Вокругъ города совершенъ крестный ходъ. Войска были поставлены въ боевыя позиціи.

— Пусть прежде повѣдаютъ войскамъ слово Божіе, а потомъ я передамъ имъ слово царское,—сказалъ Корниловъ.

Духовенство съ образами, съ хоругвями и крестами совершило крестный ходъ по оборонительной линіи. На дистанціяхъ*) служили молебны и кропили солдатъ святою водою.

Адмиралъ Корниловъ, одѣтый въ парадную форму, окруженный свитой, обходилъ войска и говорилъ всѣмъ свою памятную рѣчь:

— Царь надѣется, что мы отстоимъ Севастополь! Да намъ и некуда отступать: позади насъ—море; впереди—непріятель! Помни же: не вѣрь отступленію! Пусть музыканты забудутъ играть ретираду!**) Тотъ измѣнникъ,

*) Свободное мѣсто между войскамъ.

**) Отступленіе.

кто протрубитъ ретираду! И если я самъ прикажу отступать—коли меня!

Съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, съ восторженными кликами привѣтствовали севастопольцы напутствіе любимаго начальника: «Ура! Ура! Умремъ за родную землю! Постоимъ за Севастополь! Не выдадимъ врагу!»

Въ Севастополѣ закипѣла необычно спѣшная дѣятельность. Старики, женщины, дѣти, музыканты, пѣвчіе, писаря, доктора, богатые и бѣдные—все бросились строить укрѣпленія, трудились въ потѣ лица, не покладая рукъ. У кого была лошадь, волъ, телѣга, тачка—все было отдано на бастіоны возить землю, снаряды, орудія.

Укрѣпленія насыпались по всей линіи, верстѣ на семь. Мужчины долбили каменистый грунтъ, а женщины издалека носили землю въ корзинкахъ, въ мѣшкахъ, въ подолахъ. У каждой на умѣ были близкіе: мужъ, отецъ, братъ, дѣти, домишко, нажитый тяжелыми трудами... И сжималось отъ страха сердце несчастныхъ, что непріятель можетъ отнять и разрушить все. Появилась въ Севастополѣ и такая батарея, которая была насыпана однѣми женщинами. Она называлась «дѣвичьей» и служила доказательствомъ горячей любви женщинъ къ родинѣ.

Когда среди работавшихъ появлялась сутуловатая фигура Нахимова со сдвинутой на затылокъ шапкой, то все моряки охорашивались, подтягивались; все радостно встрѣчали своего начальника и съ обожаніемъ смотрѣли на него. «Ребята, вонъ нашъ батька, нашъ родной Павелъ Степановичъ идетъ», говорили матросы другъ другу.

Не даромъ звали они его такъ. Нахимовъ, дѣйствительно, былъ для солдатъ отецъ родной. Онъ зналъ и любилъ своихъ матросовъ, обращался съ ними ласково и заботился о нихъ. Живя очень скромно и даже бѣдно, онъ все жалованье раздавалъ бѣднымъ: кому на свадьбу, кому на похороны, кому на крестины.

Достойный сподвижникъ и другъ Нахимова, Владимиръ Алексѣевичъ Корниловъ былъ такой же—любимый всеми адмиралъ. Довольно сказать объ одномъ: въ то время—крѣпостного права—жестоко наказывали солдатъ за всякія провинности. Корниловъ написалъ книжку о вредѣ тѣлесныхъ наказаній, у себя на корабляхъ запрещалъ бить матросовъ и предлагалъ офицерамъ дѣйствовать на нихъ нравственнымъ внушеніемъ.

Въ первые дни обороны, на ряду съ Корниловымъ и

Нахимовымъ, горячимъ и дѣятельнымъ ихъ помощникомъ былъ полковникъ Тотлебенъ. Въ Севастополѣ его называли «оберъ-кротъ». Подъ руководствомъ Тотлебена производились всѣ земляныя работы: воздвигались бастионы, батареи, велись траншеи и мины. Севастопольскими укрѣпленіями онъ пріобрѣлъ себѣ всемірную славу.

Время было тяжелое. Адмиралъ Корниловъ рѣшилъ собрать совѣтъ. Онъ обратился ко всѣмъ съ горячею рѣчью: «Господа, армія наша отступаетъ къ Севастополю. Непріятель можетъ овладѣть укрѣпленіями. Геройское сопротивление наше не спасетъ черноморскаго флота отъ гибели и позорнаго плѣна. Я предлагаю выйти въ море и атаковать врага! При счастіи мы можемъ разметать непріятельскую армаду. При неудачѣ—сцѣпимся на abordажъ, взорвемся съ непріятельскими судами и тѣмъ избѣгнемъ позорнаго плѣна».

Собраніе въ раздумьи молчало. Два-три голоса выразили согласіе. Большинство обдумывало другой смѣлый планъ. Флагманы шопотомъ сообщили о немъ другъ другу.

Всталъ капитанъ Заринъ и рѣшился заговорить: «Я осмѣливаюсь предложить другой способъ защиты: загородить рейдъ потопленіемъ нѣсколькихъ кораблей, выйти всѣмъ на берегъ и защищать съ оружіемъ въ рукахъ свое пепелище до послѣдней капли крови».

Молчали черноморцы. Тяжело имъ было произнести послѣднее слово. Многіе не могли скрыть слезъ. Корниловъ распустилъ совѣтъ и обо всемъ доложилъ князю Меншикову. Тотъ приказалъ затопить корабли. Сердце Корнилова дрогнуло. Онъ сталъ упрашивать князя отмѣнить приказаніе. Меншиковъ нахмурился и отвѣчалъ: «Мое приказаніе безповоротно». Корниловъ снова сталъ умолять. Тогда князь Меншиковъ, разсерженный, проговорилъ: «Ну, такъ уѣзжайте изъ Севастополя къ мѣсту своей службы!»

— Остановитесь, князь!—вскричалъ Корниловъ.—Это самоубійство, къ чему вы меня принуждаете!.. Но чтобы я оставилъ Севастополь, окруженный непріателемъ... Невозможно! Я повинуюсь вамъ!

Утромъ 10 сентября суда, назначенныя для потопленія, были поставлены на указанныя мѣста. Ихъ было семь. Толпы народа стояли на берегу. Моряки горько плакали.

Всю ночь съ кораблей спѣшно возили вещи, рубили

снасти, буравили дыры. Раздался глухой трескъ, громкое клокотаніе воды,—и шесть заслуженныхъ ветерановъ пошли ко дну. На поверхности плавали мачты и обломки. Одинъ синопскій герой, корабль «Три Святителя», долго не могъ потонуть. Адмиралъ Корниловъ приказалъ пароходу «Громоносоцу» пустить въ него нѣсколько бомбъ. «Три Святителя» все-таки качался на волнахъ.

— Не потопить имъ его! Съ врагами хочетъ помѣряться,—говорили на берегу сквозь слезы матросы.

Черезъ нѣсколько времени корабль все-таки пошелъ ко дну...

Корниловъ, смотрѣвшій на это потопленіе изъ Морской библіотеки, растроганнымъ голосомъ проговорилъ: «Вотъ горькое зрѣлище! Черноморскій флотъ погибъ! Не могу равнодушно смотрѣть»,—и, закрывъ лицо руками, вышелъ.

Мысль затопить корабли можно назвать геніальною, а ея исполненіе—однимъ изъ крупныхъ подвиговъ въ оборонѣ Севастополя. Узнавъ о затопленіи русскихъ кораблей, англійскій адмиралъ рвалъ на себѣ съ досады волосы. Теперь Севастополь пересталъ быть портомъ; его знаменитый рейдъ обратился въ озеро; городъ сдѣлался крѣпостію, а моряки—пѣхотинцами. Это крутое превращеніе совершилось, какъ въ сказкѣ, на глазахъ у многочисленнаго непріятеля.

Е. Лукашевичъ.

210. Помощь женщинъ и дѣтей въ Севастопольскую войну.

Участіе женщинъ, ихъ помощь въ тяжелые дни Севастополя занимаютъ въ его исторіи одну изъ самыхъ свѣтлыхъ ея страницъ и останутся памятны навѣки.

Когда разыгралось Алминское сраженіе, то въ лоцинѣ, близъ рѣки Алмы, около кустарника остановился мохнатый татарскій конь. Съ него спрыгнулъ молоденькій матросъ,—безусый, почти ребенокъ. Черезъ плечо у матроса была надѣта сумка, туго набитая, на сѣдлѣ болтался узелокъ.

Загрохотали пушки, засвистѣли пули, заработали штыки. Раздались крики, вопли и стоны. Въ лоцину стали приносить раненыхъ: у кого нѣтъ руки, у кого—ноги, разбита грудь, раздроблена голова. Кровь льется ручьемъ. Молоденькій матросъ, испуганный и взволнованный, раз-

вязалъ сумку, досталъ ножницы, тряпки, бинты и, какъ умѣлъ, своими слабыми дѣтскими руками сталъ перевязывать раны, утѣлять страданія, ободрять, успокаивать! А раненыхъ все несли и несли... Явился фельдшеръ, и въ лощинѣ образовался случайный перевязочный пунктъ.

Страдальцы-воины съ удивленіемъ и благодарностью смотрѣли на матросика. А онъ, не разгибая спины, все перевязывалъ и перевязывалъ раны. «Откуда ты, мальчончка?» спросилъ кто-то. — «Я... дѣвушка... Дарья... Изъ Корабельной слободки... Съ Сухой Балки», послышался тихій отвѣтъ.

Нѣкоторые изъ раненыхъ перекрестились... У другихъ по загорѣлымъ, грубымъ лицамъ скатилась горячая слеза. Молодая дѣвушка услышала шопотъ благодарности и благословенія за ея святой безкорыстный подвигъ.

Дарья была сирота. Мать ея умерла давно, а отцаматроса убили въ Синопскомъ сраженіи. Дѣвушка жила одна въ небольшомъ домикѣ, на Корабельной сторонѣ, и занималась рукодѣліями и поденщиной.

Когда 1 сентября 1854 года къ крымскимъ берегамъ подошелъ непріятельскій флотъ, когда заговорили о сраженіи, когда всѣ отъ велика до мала поднялись на защиту родного города, сиротка-Даша, не долго думая, продала свой скарбъ, остригла свою длинную косу, и, одѣвшись мальчикомъ, верхомъ на конѣ уѣхала на Алму за войскомъ.

Даша Севастопольская была первой сестрой милосердія на войнѣ. Всѣ 11 мѣсяцевъ осады молодая дѣвушка, которой было всего 16 лѣтъ, служила въ лазаретахъ, на перевязочныхъ пунктахъ, терпѣливо ухаживала за ранеными и стойко переносила всѣ ужасы войны. Раненые очень полюбили молоденькую сестрицу Дарью Александровну. Умирая, они часто завѣщали ей кто деньги, кто часы.

Когда кончилась война, то въ числѣ другихъ награжденныхъ была и Дарья Севастопольская. Государь пожаловалъ безстрашной дѣвушкѣ медаль, а государыня императрица прислала золотой крестъ съ надписью «Севастополь».

Вслѣдъ за Дашей на войну прибыли и другія сердобольныя женщины. Русскія женщины всегда чуткимъ, отзывчивымъ сердцемъ отзывались на бѣды родины и шли безкорыстно на помощь. Были тутъ и богатые, знатныя, образованныя, и бѣдныя, простыя, безграмотныя...

Дѣти, жившія въ окопахъ Севастополя въ 1854 году.

воспитались войной, сроднились съ опасностью, были вскормлены нуждой, взлелѣяны лишеніями. Севастополь сдѣлался разсадникомъ героевъ большихъ и маленькихъ. Были такіе герои 10—12 лѣтъ, что и въ пылу боя не захотѣли разставаться со своими отцами. На 5-мъ бастионѣ былъ всеобщій любимецъ Николай Пащенко, десятилѣтній сынъ артиллериста. Отецъ его былъ комендоромъ, т.-е. наводилъ пушки. Мальчикъ смѣло и лихо прислуживалъ ему. Прилетѣло ядро и убило комендора. Мальчикъ съ горькими слезами простился съ отцомъ и бросился къ пушкѣ. Онъ сталъ на мѣсто отца и мѣтко наводилъ пушки и мортиры. Онъ горѣлъ желаніемъ отомстить врагу за смерть отца. За подвиги Николай Пащенко былъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ.

Другой юный герой, 12-лѣтній сынъ матроса, Максимъ Рыбаченко, сначала собиралъ съ другими ребяташками непріятельскія ядра въ оврагахъ и на поляхъ, и подъ градомъ пуль приносилъ ихъ на бастионы. Офицеры и матросы всегда шутили съ веселымъ быстроглазымъ мальчуганомъ.

Мальчуганъ, являясь къ нимъ, настойчиво просился на бастионъ. И обрадовался же онъ, когда ему однажды позволили остаться.

Бывали дни, когда ядра и бомбы то и дѣло посѣщали бастионъ, разрывались, убивали храбрыхъ матросовъ, а Рыбаченко все безстрашно помогалъ «дядюшкамъ», возился около пушекъ и въ глаза смотрѣлъ, чтобъ услужить. Мальчикъ былъ раненъ въ грудь и отнесенъ на перевязочный пунктъ. Сдѣлавъ перевязку, докторъ велѣлъ ему идти и лечь въ лазаретъ. Но Николай опять убѣждалъ на свой бастионъ помогать морякамъ и ни за что не хотѣлъ лечь въ лазаретъ.

Дѣти въ то время въ Севастополѣ только и знали одну игру—въ войну. Много дѣтей осиротѣло въ эту войну, много было убито, ранено.

Е. Лукашевичъ.

211. Царь-Освободитель.

(1855—1881 г.).

Вступая на прародительскій престолъ, императоръ Александръ Николаевичъ думалъ не о расширеніи границъ своего государства путемъ завоеваній и не о блескѣ военныхъ подвиговъ. Его душу озабочивали другія высо-

кія думы: онъ думалъ о томъ, что для него было дороже военныхъ успѣховъ—о довольствѣ и счастіи своихъ подданныхъ, о мирномъ преуспѣяніи и спокойномъ развитіи своего государства.

Въ заключительныхъ словахъ Высочайшаго манифеста 19 марта 1856 года, возвѣстившаго объ окончаніи Крымской войны, начертана какъ бы цѣлая программа будущаго царствованія императора Александра II. «При помощи небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи», говорилось въ этомъ манифестѣ, «да утверждается и усовершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый, подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ». Незабвенныя для Россіи слова эти были какъ бы предначертаніемъ тѣхъ великихъ преобразованій, которыя совершены въ послѣдующія двадцать пять лѣтъ славнаго царствованія государя императора Александра II.

Императоръ Александръ II.

212. Освобожденіе крестьянъ.

День встаетъ багрянъ и пышенъ,—
Долгой ночи скрылась тѣнь;
Новой жизни трепеть слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотреть день!
Бодрой свѣжести полна,
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Вышла съ Богомъ на работу
Пробужденная страна.

И. Аксаковъ

213. Реформы императора Александра II.

Въ достопамятный день 19 февраля 1861 года совершилась самая славная реформа Александра II—освобо-

жденіе крестьянъ: пали съ 22-хъ миллионовъ людей цѣпи почти трехвѣковаго рабства.

До 19 февраля 1861 г. крестьяне были крѣпостными, т.-е. находились въ полной зависимости у помѣщиковъ. За землю, которую давалъ имъ въ пользованіе помѣщикъ, они обязаны были работать на него. Нѣкоторые крестьяне жили съ семьями своими при помѣщикѣ для исполненія всѣхъ домашнихъ работъ и назывались дворовыми. Помѣщикъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ могъ

Крестьяне подносятъ Императору Александру II хлѣбъ-соль.

продавать и покупать,—иногда продавалъ дѣтей отдѣльно отъ родителей,—чинилъ надъ ними судъ и расправу, могъ отдавать ихъ по своему произволу въ солдаты. Манифестомъ же 19 февраля 1861 г. крѣпостное право было уничтожено, и крѣпостные стали свободными. «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ,—сказано въ манифестѣ,—и призови Божіе благословеніе на твой свободный трудъ,—залогъ домашняго благополучія и блага общественнаго».—За освобожденіе крестьянъ Александръ II названъ Царемъ-Освободителемъ.

Въ 1864 году, при Александрѣ II, произведены двѣ

важныя реформы: судебная и земская. Первая изъ нихъ дала намъ новыя судебныя уставы, новый судъ гласный, устный, съ несмѣняемыми судьями, съ участіемъ присяжныхъ, т.-е. выборныхъ изъ народа. Этими уставами Александръ II желалъ ввести въ Россіи «судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ». Вторая реформа дала намъ земства. Они состоятъ изъ представителей отъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ,—и на нихъ возложена обязанность заботиться о хозяйствѣ уѣзда или губерніи, объ устройствѣ и содержаніи школъ и больницъ, объ исправности дорогъ, мостовъ и т. п.—Въ 1870 году было обнародовано городовое Положеніе, которымъ подобная обязанность возложена на представителей отъ городского населенія, на городскую думу и управу.

Въ 1874 году введена всеобщая воинская повинность. Прежде служили въ войскахъ рядовыми только крестьяне и мѣщане; солдатская служба была очень тяжела и продолжалась 25 лѣтъ. А съ 1874 г. военная служба признана священнымъ долгомъ всѣхъ и cadaго принимать участіе въ защитѣ отечества, и срокъ ея все болѣе и болѣе сокращается.

М. Успенскій.

214. Картинка.

(Послѣ Высочайшаго манифеста 19-го февраля 1861 года).

Посмотри: въ избѣ, мерцаѣ,	Даже съ печи не слѣзавшій
Свѣтитъ огонекъ;	Много, много лѣтъ,
Возлѣ дѣвочки-малютки	Свѣсилъ голову и смотритъ,
Собрался кружокъ;	Хоть не слышитъ, дѣдъ.
И съ трудомъ, отъ слова къ слову	И пришлось ей, младенцу,
Пальчикомъ вода,	Старикамъ прочесть
По печатному читаетъ	Про желанную свободу,
Мужичкамъ дитя.	Дорогую вѣсть.
Мужики къ глубокой думѣ	Самой вѣсти смыслъ покамѣсть
Слушаютъ молчатъ;	Темень имъ и ей,
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы	Но всѣ чуютъ надъ собою
Уняли ребятъ.	Зорю новыхъ дней...
Бабы суютъ дѣтямъ соску,	Вспыхнетъ, братья, эта зорька:
Чтобы ротъ заткнуть,	Тьма идетъ къ концу.
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха	Ваши дѣтки ужъ увидятъ
Слышать что-нибудь...	Свѣтъ лицомъ къ лицу.

А. Милюковъ.

215. 19 февраля 1861 года.

Солнце свѣтило ярко, когда я пошелъ поглядѣть на любопытную сцену объявленія воли. Весна наполняла все жизнью и радостью... Птицы пѣли о людскомъ счастіи...

Несмѣтныя толпы народа наполняли церковь, ея дворъ и улицу...

Въ церковь пробраться было нельзя... Я сталъ на улицѣ, за оградой, въ кучѣ столпившагося народа. Изъ открытыхъ церковныхъ дверей слышно было пѣніе и неслись клубы еиміама... Я видѣлъ, какъ шевелились головы, какъ открытыя уста толпы шептали молитву... Но вотъ ударилъ колоколъ... разъ, два... какой-то отрывокъ священнаго пѣнія донесся и пропалъ въ синемъ воздухѣ... Затѣмъ не то стонъ, не то крикъ... какое-то движеніе—и весь народъ, зарыдавъ, упалъ на колѣни.

«Божіею милостью, Мы, Александръ Второй...», донеслось изъ церкви, и толпа, какъ одинъ человѣкъ, грохнулась на-земь, растянувшись, рыдая, въ пыли...

— Воля! воля! воля!...

Вышелъ съ крестомъ съдой отецъ Паисій. Онъ дрожалъ и не могъ идти самъ, его велъ заплаканный дьячекъ Памфилъ. Сзади шелъ становой, держа въ рукахъ манифестъ и плача, какъ ребенокъ. Отецъ Паисій окропилъ народъ св. водою...

Народъ поднялся, но вдругъ грохнулся на колѣни.

— За царя... теперь за царя!...

Т. Пассекъ.

216. Императоръ Александръ III, Царь-Миротворецъ. (1881—1894 г.).

Императоръ Александръ III вступилъ на престолъ 2-го марта 1881-го года. Въ короткое время своего царствованія, онъ неусыпными трудами увеличилъ благосостояніе Россіи и возвысилъ ее среди другихъ державъ Европы.

Главной заботой императора Александра III-го было улучшить бытъ крестьянъ. Съ цѣлью облегченія выкупныхъ платежей и предоставленія крестьянамъ средствъ къ покупкѣ земли и улучшенію хозяйства, открытъ крестьянскій земельный банкъ, совершенно отмѣнена подушная подать съ безземельныхъ крестьянъ.

Для наблюденія за крестьянскимъ самоуправленіемъ, для охраненія порядка на мѣстѣ и для производства мирового суда учреждена должность земскихъ начальниковъ. Для болѣе успѣшнаго просвѣщенія народа, возрождены (въ 1884 г.) церковно-приходскія школы.

Въ царствованіе императора Александра III проведена

Закаспійская желѣзная дорога и приступлено къ постройкѣ великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути. Такимъ образомъ были соединены съ внутренней Россіей самыя отдаленныя окраины нашего государства и усилена торговля. По волѣ императора Александра III-го улучшена и увеличена русская армія, построено нѣсколько крѣпостей на нашей западной границѣ, и возобновленъ флотъ на Черномъ морѣ. Благоустроивъ государство внутри и усиливъ его въ военномъ отношеніи, государь императоръ возвеличилъ значеніе Россіи въ Европѣ, и во все время своего царствованія поддерживалъ и охранялъ миръ въ сосѣднихъ государствахъ; при немъ въ Европѣ совѣтъ не было войнъ. За то онъ и прозванъ Миротворцемъ.

Императоръ Александръ III.

Императоръ Александръ III-й мирно почилъ 20-го октября 1894-го года на 50-мъ году жизни.

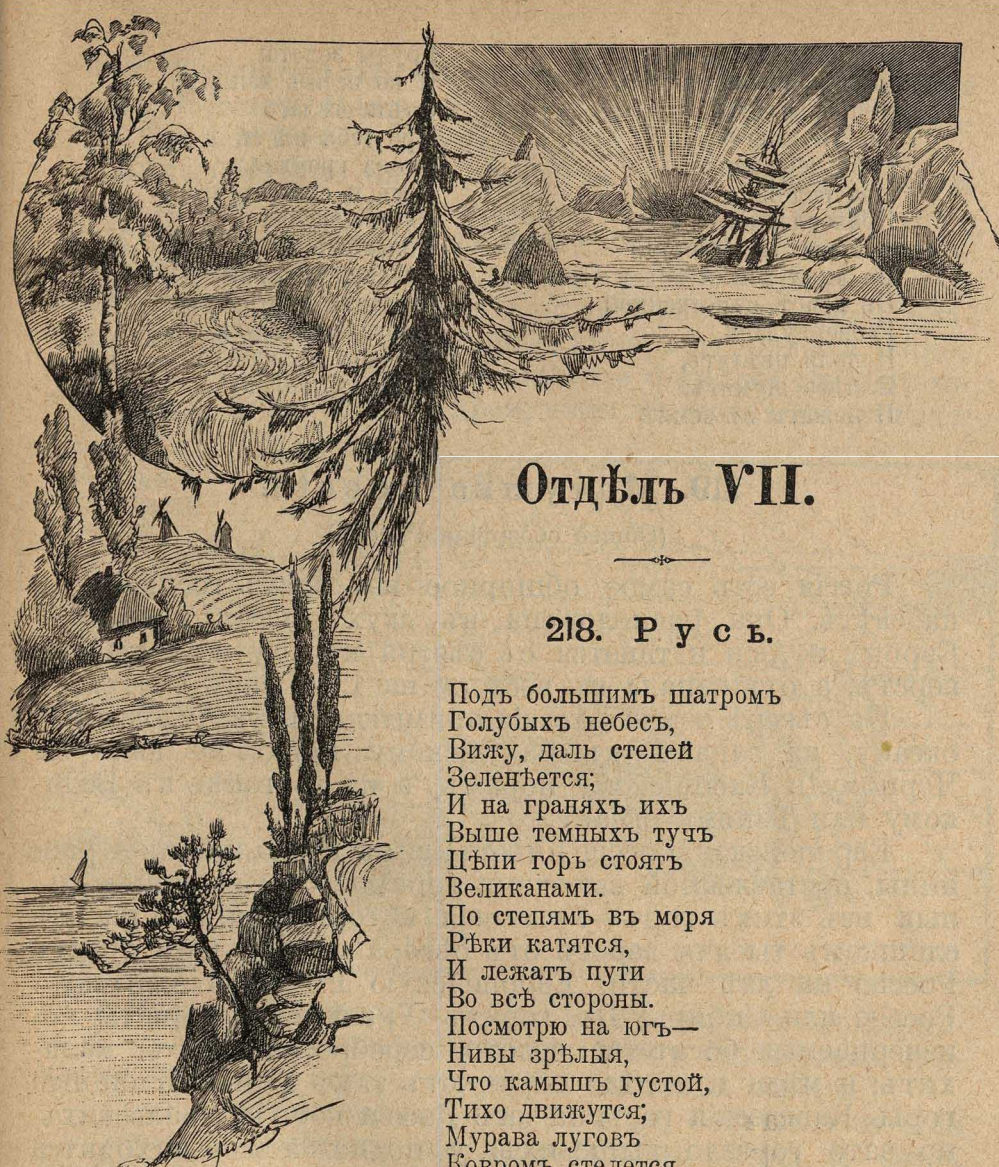
Послѣ его смерти на престолъ всероссійскій вступилъ нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ Николай II-й Александровичъ.

217. Любовь къ родинѣ.

Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечество, желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да цвѣтетъ Россія... по крайней мѣрѣ долго, долго,—если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!..

Н. Карамзинъ.

Отдѣлъ VII.

218. Р у с ь.

Подъ большимъ шатромъ
Голубыхъ небесъ,
Вижу, даль степей
Зеленѣется;
И на граняхъ ихъ
Выше темныхъ тучъ
Цѣпи горъ стоятъ
Великанами.
По степямъ въ моря
Рѣки катятся,
И лежатъ пути
Во всѣ стороны.
Посмотрю на югъ—
Нивы зрѣлыя,
Что камышъ густой,
Тихо движутся;
Мурава луговъ
Ковромъ стелется,
Виноградъ въ садахъ
Наливается.
Гляну къ сѣверу—
Тамъ, въ глуши пустынь,
Снѣгъ, что бѣлый пухъ,
Быстро кружится;
Подымастъ грудь
Море синее,
И горами ледъ
Ходить по морю;
И пожаръ небесъ

Яркимъ заревомъ
Освѣщаетъ мглу
Непроглядную..
Это ты, моя
Русь державная,
Моя родина
Православная!
Широко ты, Русь,
По лицу земли
Въ красѣ царственной
Развернулася.
И поля цвѣтутъ,
И лѣса шумятъ,
И лежатъ въ землѣ

Груды золота;
И во всѣхъ концахъ
Свѣта бѣлаго
Про тебя идетъ
Слава громкая.
Ужъ и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,
Стать за честь твою
Противъ недруга,
За тебя въ нуждѣ
Сложить голову!

И. Никитинъ.

219. Матюшка Россія.

(Общее обозрѣніе Россіи.)

Россія есть самое обширное изъ всѣхъ государствъ на свѣтѣ. Она расположена въ двухъ частяхъ свѣта—Европѣ и Азіи и тянется съ сѣвера къ югу на 5 тысячъ верстъ, а отъ запада къ востоку на 13 тысячъ верстъ.

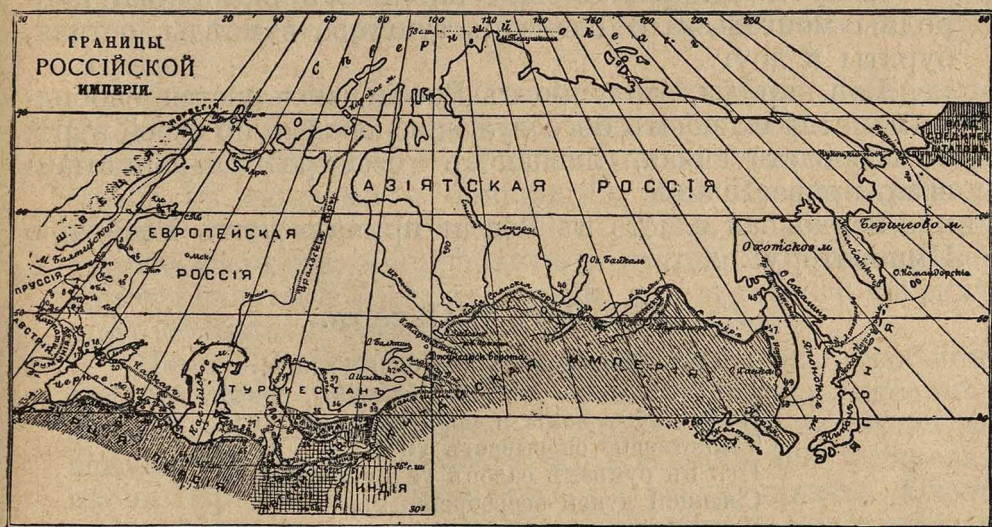
На сѣверѣ земли русскія примыкаютъ къ Ледовитому океану, на западѣ—къ Балтійскому морю, на югѣ—къ Черному и Каспійскому морямъ, а на востокѣ—къ Великому или Тихому океану.

Европейская Россія имѣетъ видъ громаднѣйшей равнины, обставленной высокими горами. Самыя значительныя изъ этихъ горъ—Уральскія, которыя тянутся на двѣ слишкомъ тысячи верстъ отъ сѣвера къ югу. Онѣ дѣлятъ Россію на двѣ части: Европейскую Россію и Азіатскую Россію или Сибирь. Въ горахъ Уральскихъ скрыты неисчерпаемыя богатства: золото, серебро, мраморъ, малахитъ; а мѣдь и желѣзо образуютъ тамъ цѣлыя сплошныя горы. Кавказскія горы на югѣ Россіи короче Уральскихъ, но зато гораздо выше ихъ; у подножія ихъ находится очень много цѣлебныхъ минеральныхъ источниковъ и нефти, изъ которой готовится керосинъ. На сѣверо-западѣ Россіи раскинуты небольшія Финляндскія горы, состоящія сплошь изъ гранита и мрамора, да невысокія Валдайскія горы, на которыхъ берутъ свое начало главнѣйшія русскія рѣки—напр. Волга, и другія.

Немало скопилось воды внутри Россіи: въ ней есть озера, которыя тянутся въ длину на сотни верстъ, а рѣки прорѣзываютъ ее по всѣмъ направленіямъ. Изъ рѣкъ осо-

бѣнно замѣчательны: Сѣверная Двина, Нѣва, Западная Двина, Нѣманъ, Висла, Днѣпръ, Донъ, Волга съ притоками Окой и Камой, и Уралъ.

Какъ обширно наше отечество, такъ разнообразна и его природа. На самомъ крайнемъ сѣверѣ почти весь годъ стоитъ суровая зима, а на югѣ въ иныхъ мѣстахъ и со-воѣмъ зимы не бываетъ. На сѣверѣ растетъ одинъ только мохъ да низкіе кустарники, а на югѣ растутъ самыя разнообразныя деревья, роскошныя кипарисы, пальмы, виноградъ, и вызрѣваютъ самыя нѣжныя фрукты. Въ однихъ мѣстахъ Россія покрыта дремучими лѣсами, а въ другихъ

не найдешь ни одного деревца. Въ Россіи есть плодородныя черноземныя мѣстности, но есть и безплодныя песчаныя пустыни, которыя тянутся на сотни верстъ.

Россія страна привольная, богатая; богатства ея еще во многихъ мѣстахъ не разработаны. Рѣки и озера Россіи кишатъ самой разнообразной рыбой. Въ лѣсахъ много пушныхъ звѣрей.

Главное занятіе народа въ Россіи хлѣбопашество.

Вся Россія раздѣлена на губерніи и области; губерніи на уѣзды, а уѣзды на волости. Въ каждой губерніи находится по нѣскольку городовъ, изъ которыхъ одинъ называется губернскимъ, а другіе уѣздными. Въ губернскомъ городѣ сосредоточено управленіе всей губерніей, а въ уѣздномъ — управленіе уѣздомъ. Городъ, въ которомъ жи-

ветъ Государь и гдѣ сосредоточено управленіе всѣмъ государствомъ, называется столицей. Въ Европейской Россіи двѣ столицы: Санктъ-Петербургъ и Москва. Много въ ней губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, а селамъ и деревнямъ счету нѣтъ.

Въ Россіи насчитывается до ста губерній и областей; въ ней живетъ болѣе ста миллионовъ людей. Главную массу населенія составляетъ народъ русскій, который раздѣляется по нарѣчію на великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ. Русскій народъ принадлежитъ къ славянскому племени.

Лѣса и тундры Сибири населяютъ различные инородцы монгольскаго племени: тунгусы, самоѣды, остяки, буряты и друг.

Все народы, живущіе въ Россіи, пользуются свободнымъ отправленіемъ богослуженія, каждый по своей вѣрѣ; но господствующая, главная въ Россіи религія—христіанская, православная.

Верховная власть въ Россіи принадлежитъ Государю Императору.

220. Югъ и Сѣверъ.

1. Есть сторона, гдѣ все благоухаетъ;
Гдѣ ночь, какъ день безоблачный, сіяетъ
Надъ зыбью водъ, и моря вѣчный шумъ
Таинственно оковываетъ умъ;
Гдѣ въ сумракѣ садовъ уединенныхъ,
Сіяющей луной осеребренныхъ,
Подъемлется алмазною дугой
Фонтана дождь надъ сочною травой;
Гдѣ на коврахъ долины живописной
Ложится тѣнь отъ рощи кипарисной,
Гдѣ все быстрый и зрѣетъ и цвѣтетъ,
Гдѣ жизнь безпечнѣ идетъ.

2. Но мнѣ милѣй роскошной жизни Юга
Сѣдой зимы полуночная вьюга,
Морозъ и вѣтръ, и грозный шумъ лѣсовъ,
Дремучій боръ по скату береговъ,
Просторъ степей и небо надъ степями
Съ громадой тучъ и яркими звѣздами.
Глядишь кругомъ,— все сердцу говорить:
И деревень однообразный видъ,
И городовъ обширныя картины,
И сѣжныя, безлюдныя равнины.
Глядишь вокругъ,—и на душѣ легко,
И зрѣетъ мысль такъ вольно, широко,
И сладко пѣснь въ честь родины поется,

И кровь кипить, и сердце гордо бьется,
И съ радостью внимаешь звукамъ словъ:
«Я—Руси сынъ! Здѣсь край моихъ отцовъ!»

И. Никитинъ.

221. Москва.

Около шестисотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Москва изъ маленькаго помѣстья московскихъ князей сдѣлалась столицей, т.-е. главнымъ городомъ русскаго государства. Когда Петръ Великій построилъ Петербургъ, русскіе государи стали жить тамъ, и Москва считается съ тѣхъ поръ второй столицей. Много разъ разоряли ее непріатели, часто горѣла она почти дотла, но не погибла, и послѣ cadaго разгрома расширялась, богатѣла и украшалась.

Самая древняя и замѣчательная часть Москвы—Кремль. Съ давнихъ поръ Кремль былъ обнесенъ деревянною стѣною. При великомъ князѣ Іоаннѣ Третьемъ были построены стѣны съ башнями и бойницами. Весь Кремль—громаднѣйшій историческій памятникъ: здѣсь жили встарину русскіе государи, митрополиты и патріархи, помѣщались царскія палаты и богатые церкви, изъ которыхъ до сихъ поръ сохранились три знаменитыхъ собора.

Первый—*Успенскій* соборъ, въ которомъ особенно замѣчательны: мѣстная икона Божіей Матери, писанная св. митрополитомъ Петромъ, и привезенные изъ Корсуна княземъ Владиміромъ, послѣ его крещенія, Іерусалимская икона Пресвятой Богородицы, и древніе кресты. Около царскихъ дверей, въ углубленіи, находится Владимірская икона Божіей Матери, которую преданіе приписываетъ кисти евангелиста Луки. Здѣсь же почиваютъ мощи святителей Петра, Іоны и Филиппа.

Въ Успенскомъ соборѣ, какъ въ первопрестольномъ нашемъ соборѣ, коронуются до сихъ поръ наши государи.

Второй древній соборъ—*Архангельскій*, построенный Іоанномъ Калитой, который назначилъ его усыпальницей себѣ и всему своему роду. Въ иконостасѣ Архангельскаго собора подлѣ царскихъ вратъ находится икона Божіей Матери, привезенная литовскою княжною Софіей Витовтовной; надъ южными дверями находится Тихвинская икона Божіей Матери, передъ которой царевичъ Дмитрій лепеталъ, вѣроятно, не разъ свою дѣтскую молитву, ибо этотъ образъ принадлежалъ молебнѣ его матери, царицы Маріи Нагой.

Здѣсь же находятся гробницы князей, царей и другихъ особъ царскаго рода до Петра Великаго.

У праваго клироса стоитъ гробница св. царевича Димитрія, убитаго въ Угличѣ; около него погребены первый царь изъ дома Романовыхъ Михаилъ Ѳеодоровичъ и сынъ его Алексѣй Михайловичъ. Въ этомъ же соборѣ покоятся два мученика временъ татарскихъ—князь Михаилъ Черниговскій и вѣрный бояринъ его Ѳеодоръ.

Успенскій соборъ.

Великіе князья и цари русскіе, выступая въ походъ, приходили сюда за благословеніемъ родителей. Русскіе монархи и теперь, послѣ священнаго коронованія въ Успенскомъ соборѣ, прежде всего идутъ въ Архангельскій соборъ поклониться своимъ предкамъ и испросить у нихъ благословеніе на благополучное царствованіе.

Къ Большому Кремлевскому дворцу примыкаетъ третій соборъ — *Благовѣщенскій*. Самыя замѣчательныя святыни собора: образъ Донской Божіей Матери, который

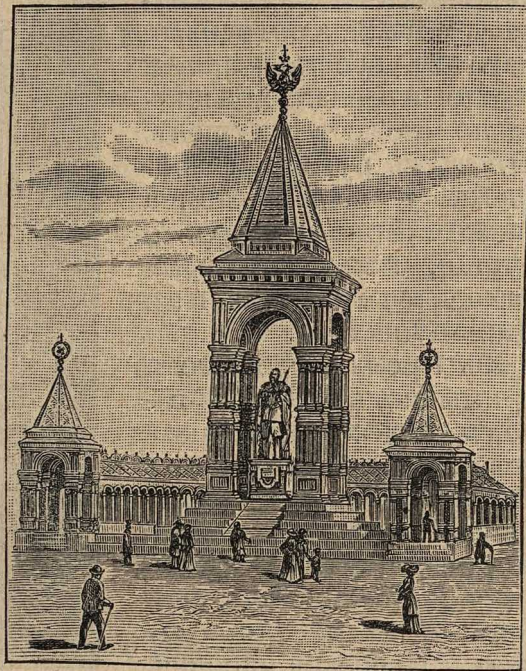
находился при войскѣ Димитрія на Куликовскомъ полѣ, и образъ Всемиловитиваго Спаса.

Благовѣщенскій соборъ былъ въ старые годы домо-вой церковью великихъ князей и царей. Здѣсь совершались надъ ними таинства крещенія и брака.

Близъ соборовъ кремлевскихъ находятся патріаршія палаты съ богатою ризницею. Въ этой ризницѣ хранится множество драгоценныхъ облаченій и другихъ предметовъ, принадлежавшихъ митрополитамъ и патріархамъ русскимъ.

Недалеко отъ патріаршихъ палатъ стоитъ Чудовъ монастырь. Онъ такъ названъ потому, что былъ сооруженъ митрополитомъ Алексіемъ во имя чуда Архистратига Михаила. Въ Чудовомъ монастырѣ почиваютъ мощи св. митрополита Алексія.

Около соборовъ, почти въ срединѣ Кремля, возвышается колокольня *Ивана Великаго* въ 46½ саж. вышины, построенная при Борисѣ Годуновѣ, во время бывшаго голода. У подножія ея стоитъ *Царь-колоколъ*, болѣе 12.000 пудовъ вѣсомъ, почти въ три сажени вышиною.

Памятникъ Императору Александру II.

Среди памятниковъ старины въ Кремлѣ красуются два дворца: одинъ, поражающій своимъ величіемъ, Большой Кремлевскій дворецъ, съ знаменитымъ Краснымъ крыльцомъ, по ступенямъ котораго шествуютъ наши государи при большихъ выходахъ въ соборы. Другой дворецъ—скромный, похожій скорѣе на частный домъ, но этотъ скромный домъ—особенно дорогъ для русскаго человѣка: въ немъ колыбель Царя-Освободителя.

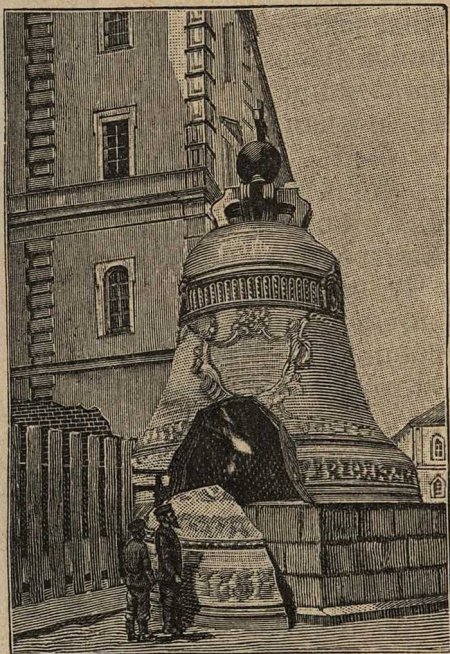
Недалеко отъ дворца на берегу рѣки Москвы возвышается чудный памятникъ Императору Александру II, который воздвигла ему «Благодарная Россія».

Съ Большимъ Кремлевскимъ дворцомъ соединяются терема прежнихъ царей нашихъ, Грановитая палата; въ ней цари принимали пословъ, и теперь тамъ стоитъ царскій тронъ подъ балдахиномъ. Кромѣ того, въ Кремлѣ замѣчательны Оружейная Палата и Арсеналъ. Въ Оружейной Палатѣ собраны разныя драгоценности, принадлежавшія русскимъ царямъ, а также оружіе, знамена и пр. Здѣсь же хранится государственный щитъ, государственный мечъ и государственное знамя. Въ Арсеналѣ находится громадный запасъ оружія, употребляемаго въ военное время. Около Арсенала разставлено множество пушекъ, отнятыхъ русскими войсками у непріятелей, а также старинныя русскія пушки, между которыми находится громадная Царь-пушка.

Къ Кремлю съ востока примыкаетъ Китай-городъ, обнесенный также стѣной, торговый центръ Москвы. Въ немъ замѣчательны: Красная площадь съ памятникомъ Минину и Пожарскому, церковь *Василія Блаженнаго* и Иверская часовня. Вокругъ Кремля и Китай-города раскинулся

Бѣлый и Земляной городъ. Въ Бѣломъ городѣ, на берегу Москвы-рѣки, недалеко отъ Кремля красуется величественнѣйшій и самый обширный въ столицѣ храмъ *Христа Спасителя*; онъ построенъ въ память избавленія Россіи отъ нашествія Наполеона въ 1812 году. Храмъ Христа Спасителя имѣетъ 48 $\frac{1}{2}$ саж. высоты и увѣнчанъ пятью вызолоченными главами.

Москва—старый городъ, и потому среди новыхъ, широкихъ и прямыхъ улицъ выются узкіе, кривые переулки, гдѣ въ подвалахъ и на чердакахъ большихъ богатыхъ домовъ живутъ бѣдняки. По всему городу, на всѣхъ ули-

Царь-колоколъ.

цахъ множество магазиновъ и лавокъ, гдѣ можно купить все, что надо, и нѣтъ такого товара, котораго нельзя было бы найти въ Москвѣ.

Со всѣхъ сторонъ къ Москвѣ подходятъ желѣзныя дороги, и день и ночь поѣзда подвозятъ въ нее и отправляютъ изъ нея разные товары. Тысячи рабочихъ, мужчинъ, женщинъ и подростковъ, зарабатываютъ себѣ на фабрикахъ и заводахъ тотъ хлѣбъ, что не даетъ имъ въ деревнѣ тощая земля.

На московскихъ фабрикахъ выдѣлываются всевозможныя матеріи, ситцы, кружева, ленты, изготовляется мебель, стеклянная посуда, бумага и многое другое. На заводахъ дѣлаютъ машины, гвозди, льютъ колокола, тянутъ проволоку, варятъ мыло и т. п.

Многому можно и поучиться въ Москвѣ. Есть и бесплатныя читальни, въ которыхъ можно прочесть газету и хорошую книгу. Въ музеяхъ собрано много интересныхъ вещей: въ одномъ показываютъ старинную одежду, оружіе, въ другомъ расскажутъ о полезныхъ и вредныхъ животныхъ и растеніяхъ, про то, какъ живутъ люди въ разныхъ странахъ. Въ картинныхъ галлерейхъ собраны картины и портреты знаменитыхъ людей.

Много въ Москвѣ и разныхъ учебныхъ заведеній. Московскій университетъ—самый старшій изъ русскихъ университетовъ. Каждый годъ сотни молодыхъ людей оканчиваютъ въ Москвѣ свое ученье, разѣзжаются по всей Россіи и несутъ свѣтъ и помощь во всѣ ея уголки.

Θ. Боровъ.

222. Вѣздъ въ Москву.

Но вотъ ужъ близко... Передъ	Петровскій замокъ. Мрачно онъ
Ужъ бѣлокаменной Москвы,	Недавнею гордится славой.
Какъ жаръ, крестами золотыми	Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Горятъ старинныя главы.	Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Ахъ, братцы! какъ я былъ дово-	Москвы колѣнопреклоненной
лень,	Съ ключами стараго Кремля:
Когда церквей и колоколенъ,	Нѣтъ, не пошла Москва моя
Садовъ, чертоговъ полукругъ	Къ нему съ повинною главою;
Открылся предо мною вдругъ!	Не праздникъ, не приѣмный даръ,—
Москва... какъ много въ этомъ	Она готовила пожаръ
звукъ	Нетерпѣливому герою!
Для сердца русскаго слилось,	Отселъ, въ думу погружень,
Какъ много въ немъ отозвалось!	Глядѣлъ на грозный пламень
Вотъ, окружень своей дубравой,	онъ.
	Прощай, свидѣтель нашей славы,

Петровский замокъ! Ну, не стой,
Пошелъ! Уже столпы заставы
Бѣлѣють; вотъ ужъ по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы.
Мелькаютъ мимо—будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,

Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротахъ
И стаи галокъ на крестахъ.

А. Пушкинъ.

Поговорка. *Кто въ Москвѣ не бывалъ, и красоты не видалъ.*

223. Пасхальная полночь въ Московскомъ Кремлѣ.

Ты понятія имѣть не можешь о той ночи, какую мы провели со страстной субботы на Свѣтлое Воскресеніе въ нашемъ Кремлѣ. «Воистину священная всепразднственная сія спасительная ночь и свѣтозарная, свѣтоноснаго дне возстанія провозвѣстница». Мнѣ кажется, что эта боговдохновенная пѣснь св. Іоанна Дамаскина ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ Іерусалима, не можетъ такъ сильно и благодатно дѣйствовать на всѣ чувства христіанина, какъ въ этой священной оградѣ нашего православія.

Мы пріѣхали въ двѣнадцатомъ часу, когда только начали освѣщать соборы, между тѣмъ какъ все безграничное Замоскворѣчье, съ его храмами и высокими колокольнями, уже горѣло безчисленными огнями, въ ожиданіи призыва съ высотъ священнаго Кремля къ началію благовѣста и затѣмъ божественной службы. Вскорѣ раздался первый призывный къ молитвословію ударъ огромнаго Ивановскаго колокола, и въ одну минуту загудѣла вся Москва. Я въ жизнь свою не забуду этой минуты! Послѣ получасоваго благовѣста внезапно начался общій оглушающій звонъ всѣхъ колоколовъ кремлевскихъ и цѣлаго города, и въ то же время изъ всѣхъ соборовъ потянулись древнія хоругви, златокованные иконы и кресты, духовенство въ праздничномъ облаченіи, съ дымящимися кадилами, а за ними тьма-тьмущая народу съ зажженными свѣчами, при громогласномъ и торжественномъ пѣніи божественной пѣсни: «Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небесѣхъ»... Признаюсь, я пришелъ въ какой-то духовный восторгъ, и со слезами повторилъ въ глубинѣ души моей: «И насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славить»— всегда и повсюду, какъ здѣсь, въ настоящую минуту!

С. Жидаревъ.

224. Основаніе Петербурга.

Петръ Великій, отнявъ у шведовъ побережье Балтійскаго моря, приступилъ къ постройкѣ города у самаго устья Невы. Въ 1703 году, въ день св. Троицы, на одномъ изъ острововъ, образуемыхъ Невой, онъ собственными руками срубилъ березу, сдѣлалъ крестъ, поставилъ его и сказалъ: «Здѣсь будетъ крѣпость и церковь во имя святыхъ апостоловъ Петра и Павла». Вслѣдъ затѣмъ торжественно былъ отслуженъ молебенъ съ водоосвященіемъ, избранная мѣстность была окроплена св. водою, царь взялъ лопату и первый сталъ копать основаніе для фундамента крѣ-

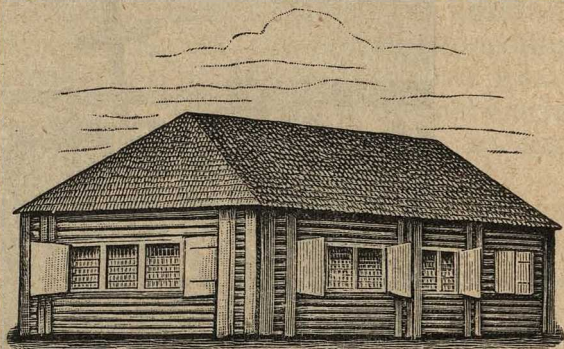

Петръ Великій закладываетъ церковь и крѣпость.

пости. Вырыли ровъ и, когда онъ достигъ двухъ аршинъ глубины, въ него опустили каменный ящикъ, въ который Петръ поставилъ золотой ковчегъ съ частицей св. мощей. Разсказываютъ, что когда Петръ взялся за заступъ, откуда-то съ высоты опустился орелъ и сталъ парить надъ царемъ, который принялъ это за благопріятное предзнаменованіе. Такъ какъ первая церковь, заложенная Петромъ, была посвящена св. апостолу Петру, то и городъ, основанный здѣсь же, сталъ называться Санктъ-Петербургомъ, т.-е. городомъ св. Петра.

Заложивъ крѣпость, государь повелѣлъ тутъ же, не-
вдалекъ, построить для себя небольшой деревянный до-
микъ, въ который онъ и переехалъ на жительство. Домикъ

этотъ цѣль и теперь. Одна комната въ немъ съ иконою Спасителя, предъ которой молился Петръ и дома, и въ путешествіяхъ, обратилась въ глубокочтимую часовню. Сюда приходятъ излить свою молитву и старъ и младъ, и бѣдный и богатый, и знатный и простолюдинъ. Рядомъ съ царскимъ домикомъ стали строить дома для солдатъ и начальниковъ. Надъ постройкой Петербурга трудились десятки тысячъ рабочихъ изъ внутреннихъ частей государства. Самъ Петръ часто работалъ здѣсь съ топоромъ въ рукахъ. Много трудностей приходилось преодолевать при этомъ и со стороны мѣстности, выбранной для города,—болотистой, низменной, подвергавшейся наводненіямъ, и со стороны шведовъ, часто нападавшихъ на русскихъ съ суши и съ моря. Но Петръ настойчиво преодолевалъ всѣ препятствія. Одержавъ первую побѣду надъ шведами, онъ заложилъ на берегу Невы верфи для постройки большихъ военныхъ кораблей. Затѣмъ онъ устроилъ гавань для прихода иноземныхъ торговыхъ кораблей и объявилъ, что выдастъ щедрыя награды первымъ тремъ кораблямъ, которые придутъ въ эту новую гавань. Съ того времени голландцы и англичане стали посылать свои торговые корабли не въ Архангельскъ, а въ Петербургъ.

Домикъ Петра Великаго въ первоначальномъ видѣ.

Петръ полюбилъ новый городъ и все рѣже да рѣже сталъ ѣздить въ Москву. Вслѣдъ за нимъ въ Петербургъ стали переселяться вельможи, купцы, ремесленники, а въ 1713 году сюда были перенесены изъ Москвы всѣ правительственныя учрежденія.

Чтобы еще болѣе возвысить новый городъ, Петръ Великій торжественно перевезъ въ Петербургъ изъ Владиміра мощи св. Александра Невскаго, перваго побѣдителя шведовъ на берегахъ Невы, и основалъ Александро-Невскую лавру.

225. Основаніе Петербурга.

На берегу пустынных волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдалъ глядѣль... Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.

По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,—
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ...

И думалъ онъ:

«Отсель грозить мы будемъ шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложень,
На зло надменному сосѣду.
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги будутъ въ гости къ намъ,—
И запируемъ на просторѣ».

А. Пушкинъ.

*Поговорка. Питеръ созданъ милліонами, Москва
создана вѣками.*

226. Петербургъ черезъ сто лѣтъ.

Прошло сто лѣтъ,—и юный градъ,
Полночныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво.
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ,
По оживленнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣнятся
Дворцовъ и башенъ; корабли

Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стре-
мятся.

Въ гранитъ одѣлася Нева,
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова.
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфиноносная вдова.

А. Пушкинъ.

227. Валаамъ.

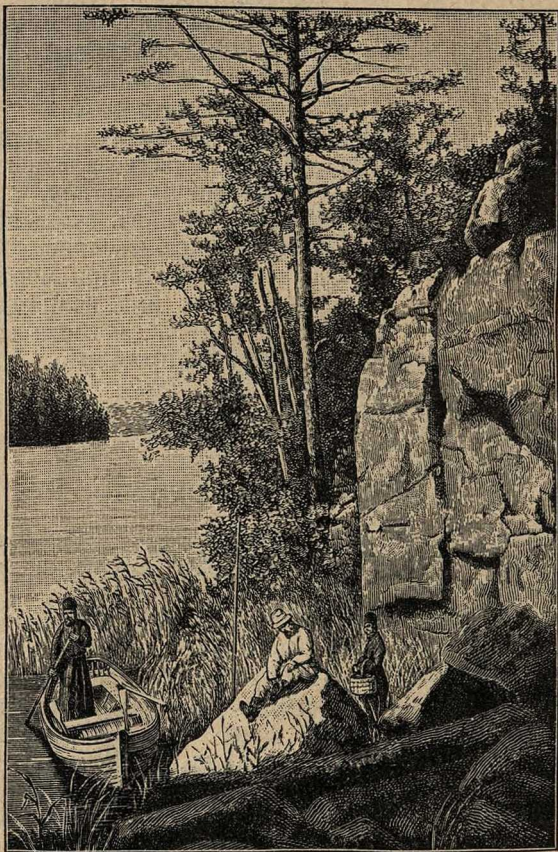
На Ладожскомъ озерѣ есть нѣсколько замѣчательныхъ острововъ.

На Валаамѣ, одномъ изъ самыхъ большихъ острововъ въ сѣверной части озера, находится Валаамскій Спасо-Преображенскій монастырь (въ Сердобольскомъ уѣздѣ, Выборгской губерніи), привлекающій къ себѣ постоянно тысячи богомольцевъ. На островѣ Валаамѣ нѣтъ

мірскихъ селеній. Кромѣ Валаама, монастырю принадлежатъ еще и другіе, меньшіе острова, числомъ около 40.

На берегу острова Валаама бѣлѣтся крестъ. Здѣсь, по преданію, любилъ молиться преподобный Германъ, валаамскій чудотворецъ. Вмѣстѣ съ преподобнымъ Сергіемъ онъ былъ основателемъ и устроителемъ монастыря, въ которомъ нынѣ покоятся мощи обоихъ подвижниковъ.

Валаамскій монастырь—одинъ изъ древнѣйшихъ на Руси — съ самаго своего основанія не переставалъ оказывать на окрестныхъ жителей просвѣтительное вліяніе, и не только христіанскою проповѣдью, но и хозяйственною своею дѣятельностью. Монастырь имѣетъ прекрасныя мастерскія, состоящія изъ литейной, столярной, токарной, кузнечной и проч. Отличная паровая машина доставляетъ монастырю воду — болѣе 20-ти сорокаведерныхъ бочекъ въ часъ. Та же машина, посредствомъ приводовъ въ особыхъ отдѣленіяхъ, пилитъ дѣсь на

Около Валаамскаго монастыря на Ладожскомъ озерѣ.

доски, мелетъ муку, приводитъ въ дѣйствіе токарныя станки, на которыхъ выдѣлываютъ разныя металлическія и деревянныя вещи. Около монастыря расположены разныя хозяйственныя постройки. Смолокуренный заводъ монастыря производитъ ежегодно до 1000 пудовъ смолы и до 200 пудовъ скипидара. На одномъ изъ острововъ

устроенъ превосходный скотный дворъ; молочные скопы сбываются въ Петербургъ. Монахи занимаются въ широкихъ размѣрахъ рыбною ловлей, необходимою для продовольствія братіи и большого числа богомольцевъ. Между монахами имѣются живописцы и отличные каменотесы.

При монастырѣ находится большой древесный питомникъ, въ которомъ разводятся прекрасныя деревья—лиственные и хвойныя. Садоводство въ монастырѣ, не смотря на суровый климатъ, находится въ блестящемъ состояніи. Въ монастырскихъ садахъ насчитывается до 400 яблонь, приносящихъ въ урожайные годы болѣе полуторы тысячи пудовъ яблоковъ (до 86 породъ). Замѣчательно, что Валаамскій монастырь стоитъ на голой скалѣ; поэтому монахи для разведенія садовъ почву создали искусственную. На поверхность обнаженныхъ скалъ они наносили мелкіе камни, прикрывали ихъ слоемъ перегнившаго лѣсного хворосту; на этомъ лѣсномъ черноземѣ, какъ здѣсь называютъ, наваливали слой почвы, происшедшей отъ разрушенія скалъ. Такимъ образомъ произошелъ искусственный наносъ толщиною отъ аршина до сажени, на которомъ растутъ теперь всякія растенія. Разсадникъ монастырскій содержитъ около 1300 молодыхъ плодовыхъ деревьевъ. Кромѣ того монастырь имѣетъ ботаническій садъ, гдѣ растутъ разныя аптекарскія травы, превосходный ягодный питомникъ и обширный огородъ. Всѣ иноки, отъ настоятеля и до послѣдняго послушника, лѣтомъ участвуютъ въ уборкѣ сѣна, въ насажденіи овощей, сборѣ плодовъ въ садахъ и огородахъ. Освобождаются отъ лѣтнихъ работъ только престарѣлые иноки, не имѣющіе силъ къ тѣлеснымъ трудамъ.

А. Н. Овсянниковъ.

228. Новгородъ. Памятникъ тысячелѣтія Россіи.

Новгородъ—колыбель русскаго государства. Этотъ городъ, болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ, избралъ своею столицею первый рускій князь Рюрикъ и сѣлъ тутъ княжить.

Новгородъ—одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ русскихъ. Онъ расположенъ въ красивой мѣстности по берегамъ рѣки Волхова. Рѣкой Волховомъ онъ дѣлится на двѣ части: Софійскую и Торговую. На Софійской сторонѣ находятся многіе памятники старины и величія прежняго Новгорода: Кремль съ древними стѣнами, Софійскій соборъ и другія старинныя церкви.

Прежде Новгородъ былъ очень богатый вольный городъ. Князьями русскими ему были даны разныя льготы. Новгородъ управлялся «вѣчемъ» или народнымъ собраніемъ. На Торговой площади стояла высокая башня, на которой висѣлъ вѣчевой колоколъ. Когда раздавался звонъ этого колокола, весь народъ спѣшилъ на площадь, и здѣсь новгородцы сообща рѣшали всѣ свои дѣла.

Мало-по-малу Новгородъ обѣднѣлъ, вѣче уничтожили, и онъ сталъ самымъ обыкновеннымъ русскимъ городомъ.

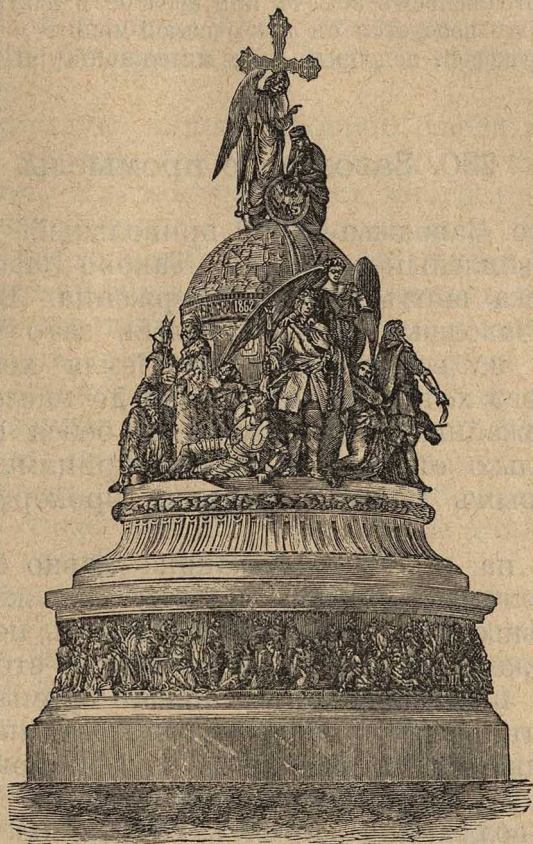
Новгородъ. Софійскій соборъ.

Въ новгородскомъ кремлѣ, противъ Софійскаго собора, въ память совершившагося тысячелѣтія Россіи, 8-го сентября 1862 года воздвигнутъ величайшій памятникъ. Онъ представляетъ громаднѣйшій шаръ, изображающій Россійскую державу. Наверху стоитъ ангелъ съ крестомъ, около него склонившаяся на колѣнахъ женщина—Россія. Кругомъ на подножіи 109 фигуръ важнѣйшихъ историческихъ дѣятелей. Всѣ фигуры вылиты изъ бронзы.

Первый князь Руси—Рюрикъ представленъ въ полномъ вооруженіи; правая рука его положена на щитъ, на которомъ вырѣзано число 862 (годъ, когда русскіе князья пришли управлять нашей землею).

На памятникѣ тысячелѣтія вылита изъ бронзы вся исторія Россіи въ лицахъ. Здѣсь изображены ея цари, полководцы, знаменитые проповѣдники, писатели, худож-

ники, композиторы. Съ одной стороны начертана слѣдующая надпись: «Совершившемуся тысячелѣтію Всероссійскаго Государства въ благословенное царствованіе императора Александра II, лѣта 1862».

Памятникъ тысячелѣтію Россіи въ Новгородѣ.

При взглядѣ на памятникъ невольно вспоминаются слова нашего великаго поэта Пушкина:

«Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу».

229. В о л г а.

Гой ты, русскихъ рѣкъ великая царица,
Наша крѣпкая надежда и приволье,
Моря Каспія красавица-сестрица,
Молодецкое широкое раздолье!

Гордой силы вѣковѣчная свобода,
Стародавней Руси славушка святая,
Неизмѣнная кормилица народа,
Гой ты, Волга, наша рѣченька родная!
Хороша ты яснымъ днемъ и темной ночью,
Съ отраженьемъ звѣздъ иль неба безъ лазури;
Кто жъ поборется съ твоею силой-мощью
Въ роковой, недобрый часъ мятежной бури?

Н. А. Павловъ.

230. Заволжскіе промыслы.

Верховое Заволжье—край привольный. Тамъ народъ досужій, смышленный и ловкій. Таково Заволжье сверху отъ Рыбинска внизъ до устья Керженца. Въ лѣсистомъ верховомъ Заволжьѣ деревни малыя, зато частыя, одна отъ другой на версту, на двѣ. Земля холодна, мало-плодна, своего хлѣба мужику развѣ до масленой хватить и то въ урожайный годъ. Какъ ни бейся на надѣльной полосѣ, сколько страды на ней ни принимай, — круглый годъ трудовымъ хлѣбомъ себя не прокормишь. Такова сторона!

Другой на мѣстѣ заволжанина давно бы съ голоду померъ, но онъ не лежебокъ, человѣкъ досужій. Чего земля не дала, умѣнемъ за дѣло взятыя беретъ; не побрелъ заволжскій мужикъ на заработки въ чужую сторону, и дома сумѣлъ онъ приняться за выгодный промыселъ. Вареги зачалъ вязать, поярокъ валять, шляпы да сапоги изъ него дѣлать, шапки шить, топоры да гвозди ковать, вѣсовыя коромысла чуть не на всю Русь мастерить.

Лѣса заволжанина кормятъ. Ложки, плошки, чашки, блюда заволжанинъ точить да красить, гребни, донца, веретена и другой щепной товаръ работаетъ; ведра, ушагы, кадки, лопаты; коробыя, весла, лейки, ковши,—все, что изъ лѣсу можно добыть, рукъ его не минуетъ.

Живетъ заволжанинъ хоть въ трудѣ, да въ достаткѣ. Изстари за Волгой мужики въ сапогахъ, бабы—въ ко-тахъ. Лаптей видомъ не видано, хоть слыхомъ про нихъ слыхано. Развѣ гдѣ такой дѣдушка есть, что съ печи уже лѣтъ пятокъ не слѣзаетъ, такъ онъ, скуки ради, лапотки иной разъ ковыряетъ нищей братьѣ подать, либо самому обуться, какъ стануть его въ гробъ обрядать. Таковъ обычай: лѣтомъ—въ сапогахъ, зимой—въ валенкахъ, на тотъ свѣтъ—въ лапоткахъ...

Заволжанинъ безъ горячаго спать не ложится, по воскреснымъ днямъ хлебаеть мясное; изба у него пятистѣнная, печь съ трубой: о черныхъ избахъ да соломенныхъ крышахъ онъ только слышалъ, что есть такія гдѣ-то на горахъ. А чистота какая въ заволжскихъ домахъ!

Волга рукой подать. Что мужикъ въ недѣлю нарабатываетъ, тотчасъ на пристань везетъ, а полѣнился—на со-сѣдній базаръ.

Посуду круглую: чашки, плошки, блюда въ Заволжьѣ на станкахъ точатъ; одинъ работникъ колесо вертитъ, другой—точить. Къ такому станку много рукъ надо, но смышленный заволжанинъ придумалъ, какъ дѣлу помочь. Его сторона—мѣсто ровное, болотное, рѣчекъ многое множество. Въ песчаныхъ ложахъ заволжскихъ рѣчекъ воды круглый годъ вдосталь; есть такія, что и зимой не мерзнутъ: лѣтомъ въ нихъ вода студеная, рука не терпитъ, зимой—паръ отъ нея. На такихъ-то рѣчкахъ и настроили заволжскіе мужички токаренъ: поставить у воды избенку вѣнцовъ въ пять-шесть, запрудить рѣчку, водоливное колесо приладить, приводъ веревочный пристегнуть, и вертитъ себѣ такая меленка три-четыре станка за-разъ. Работа не въ примѣръ спорѣ.

По лѣвому берегу Волги есть и безлѣсныя полосы верстъ на 20—25 шириной. И здѣсь въ старину былъ лѣсъ, но онъ давно или вырубленъ, или истребленъ пожарами и буреломами. Эта полоса зовется чищею. А занимаются по тѣмъ мѣстамъ дѣломъ валенымъ. Кто ѣзжалъ зимней порой по той сторонѣ, тотъ видалъ, что тамъ въ каждомъ дому по скатамъ тесовыхъ кровель, лицомъ къ сѣверу, рядами разложены сотни, тысячи бѣлыхъ валенокъ, а передъ домомъ стоитъ множество «суковатокъ», у каждой десятка по два рогулекъ, и на каждой рогулинѣ по валенку висить. Это мягкій товаръ промораживаютъ, чтобы бѣло да казисто на покупателя смотрѣлъ. Больше сотни деревень такимъ промысломъ кормятся.

П. Мельниковъ.

231. Нижній Новгородъ.

Нижній, по живописному своему положенію, едва ли не первый городъ въ Россіи и первый красавецъ на всей длинной Волгѣ. Больше версты въ ширину разлилась предъ нимъ рѣка красавица и кормилица, принявъ въ

себя подъ самыми стѣнами кремля многоводную рѣку Оку.

На крутомъ правомъ берегу ея разсыпался городъ. На противоположномъ берегу Оки, при впаденіи ея въ Волгу, на огромной, песчаной, низменной косѣ выстроено множество лавокъ, магазиновъ. Здѣсь два мѣсяца кряду ведется величайшій въ мірѣ торгъ, называемый Нижегородскою или Макарьевскою ярмаркою.

Чрезъ Оку на ярмарку выстроены мосты.

Красивы съ Волги древнія стѣны и башни нижегородскаго кремля. Здѣсь много совершилось замѣчательнаго въ жизни русскаго народа. Въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ стоитъ гробница нижегородскаго мясника Козьмы Минина. На гробницѣ надпись: «Избавитель Москвы, отечества любитель, издыхающей Россіи оживитель, отчизны красота, Поляковъ страхъ и мечь, Россіи похвала и вѣчно слава честь, се Миновичъ Козьма здѣ тѣломъ почиваетъ, всякъ, истинный кто Россѣ, да прахъ его лобзаетъ».

Посѣтивъ соборъ, Петръ Великій до земли поклонился гробницѣ Минина и сказалъ: «Здѣсь лежитъ избавитель Россіи». На площадь предъ соборомъ, какъ на алтарь, по призыву Минина, въ тяжкую годину междуцарствія, Нижегородцы сносили свое достояніе и клялись заложить женъ и дѣтей, но выкупить отечество... Съ кремлевской горы видъ на Волгу очарователенъ: не нагладишься на синюю даль, на этотъ голубой просторъ воды двухъ обнявшихся рѣкъ... А на нихъ бѣлые паруса судовъ, дымящіеся пароходы, снующіе взадъ и впередъ лодки и челноки.

232. Ф и н л я н д і я.

Суровый край! Его красамъ,
Пугаяся, дивятся взоры.
На горы каменные тамъ
Поверглись каменные горы;
Синѣя, всходятъ до небесъ
Ихъ своенравныя громады;
На нихъ шумить сосновый лѣсъ;
Съ нихъ бурно льются водопады.
Тамъ долъ очей не веселить:
Гранитной лавой онъ облить;
Главу одѣвши въ мохъ печальный,
Огромнымъ сторожемъ стоитъ
На немъ гранить пирамидальный.

По дряхлымъ скаламъ бродить взглядъ;
Пришлецъ исполненъ смутной думы:
Не міра ль давняго лежатъ
Предъ нимъ развалины угрюмы?

Е. Баратынскій.

233. Въ глуши Финляндіи.

1. Въ срединѣ августа я отправился по дѣламъ въ одинъ изъ самыхъ глухихъ уголковъ Финляндіи. Пробираясь пѣшкомъ, я подъ вечеръ наткнулся на ветхій крестьянскій дворъ.

Въ домикъ я засталъ слѣпого старика, старуху и ребятишекъ. Старики, очевидно, были дѣдушкой и бабушкой, и первый изъ нихъ пользовался самою горячею привязанностью внучатъ. Дѣти вскакивали къ нему на колѣни, цѣпляясь за его сѣдые волосы и бороду, гладили и цѣловали его морщинистое лицо.

Завязался разговоръ между мною и старикомъ.

— Ну, вамъ пришлось здѣсь довольно-таки поработать?

— Всего бывало... По трудамъ-то давно надо бы жить въ довольствѣ, если бы подъ бокомъ не было недобраго гостя,—мороза. Морозъ, нѣтъ-нѣтъ, да и заглянетъ не въ пору, тогда и прощай все. Бѣда въ томъ, что о бокъ болото...

«Лихой гость» сильно озабочиваетъ дѣда. Погода стояла холодная: весь этотъ день дула крѣпкая сиверка.

— А семья-то у васъ большая?

— Въ живыхъ четыре сына. Трое женаты, одинъ еще холостъ.

— Гдѣ же они?

— Новъ поднимаютъ, корчуютъ и жгутъ пни. Вчера съ утра всѣ ушли.

— А въ жизни-то, пожалуй, пришлось вамъ испытать не мало горя и нужды?

— Всего было вдоволь! Господь Богъ посылаетъ испытанія, но Онъ милосердъ и не дастъ погибнуть до конца, — сказалъ дѣдъ какимъ-то особеннымъ голосомъ.

Мнѣ показалось, что эти слова не его, и я спросилъ старика:

— Откуда вы взяли эти слова: изъ книги, или слышали гдѣ?

— Угадали... мой сынъ Матти выроетъ книгу изъ-подъ земли! Онъ-то и читаетъ мнѣ на досугѣ! О, въ Матти

вся моя радость! Много хорошихъ часовъ даетъ онъ мнѣ, особенно какъ примется за слово Божіе. Матти—мои глаза! Благословенъ же Господь, оставившій мнѣ слухъ!

— Внучата-то, кажется, васъ очень любятъ?

— Любятъ, крѣпко любятъ; да по правдѣ, вѣдь, и я ихъ люблю.

— Любовь была бы въ семьѣ, остальное—полгоря! Хороша семья, гдѣ миръ да любовь!—замѣчаю я.

— Да, вѣрно!.. Мы вотъ счастливы,—любимъ вмѣстѣ, горюемъ вмѣстѣ. Вотъ уже сколько лѣтъ у насъ сряду недородъ да недородъ. Съ году на годъ приходится ѣсть одну кору, а нынче, пожалуй, выйдетъ еще хуже. Недоимокъ накопилось. Ёрки Тинкель придетъ за долгомъ, на уплату придется понатужиться... Можетъ быть, и удастся. Богъ милостивъ, жатва обѣщаетъ добрый урожай... Только опять начинается свѣжѣть,—вѣтеръ съ полночи! Ну, какъ морозъ, сохрани Господи, заглянетъ по-старому, прощай все! Продадутъ скотинку, а скотинка—одно наше спасеніе въ тяжелую годину. Сведутъ ее со двора,—умирать надо.

2. Послышался шумъ въ сѣняхъ: возвращались отсутствующие.

Входятъ; каждый спѣшитъ поставить въ уголъ свою мотыгу, сѣкиру: народъ все молодой, веселый. Матти распозналъ я сразу. Рослый, свѣжій юноша, съ голубыми глазами, лѣтъ семнадцати, съ пріятною наружностью. Живо сбросилъ онъ съ себя кафтанъ и тотчасъ же подошелъ къ старику. Какъ-то оосбенно сердечно сталъ обнимать его, въ то же время поглаживая его сѣдые волосы.

— Что, соскучился, батюшка? Вѣдь, два дня, какъ мы пропадали! Жаль, что ты не можешь читать, все было бы повеселѣ!

Остальные члены семьи занялись всякій своимъ дѣломъ: одни снимали мокрое платье и развѣшивали его передъ огнемъ, другіе вытаскивали изъ своихъ кошельковъ соль, маслянки и ставили ихъ на столъ. Жены принялись кормить ребятишекъ.

— Ну, а какъ рожь?—спросилъ старикъ.

— Недѣльки черезъ двѣ можно и жать. Рожь сильная. Колосья такъ и гнутся. Если морозъ не убьетъ, такъ и недоимки заплатимъ, и съ Ёрки Тинкелемъ разочтемся, да и чистаго хлѣба будетъ вдосталь.

— И газету свою выпишемъ,—вмѣшался живо Матти, ласкаясь къ отцу и поглаживая его волосы и бороду.

— Двѣ выпьемъ, если одной мало!—отвѣчалъ старикъ, сисясь улыбнуться на слова своего любимца. Потомъ онъ опять потупился. Видно, что радостное чувство блеснуло и погасло.

— Ну, дѣтки, а какъ морозъ, что тогда будемъ дѣлать?

— Мы, батюшка, поспѣвшіе-то колосыя сняли, зерна хватить на цѣлый посѣвъ.—Хорошо ли мы сдѣлали?

— Ничего, хорошо... у меня изъ головы вонъ, — думалъ, время теплое. Слава Богу, хоть на посѣвъ зерна есть.

Подошло время ужина; пригласили и меня. Я не могъ отговориться. Поужинали. Семья расходилась по своимъ кроватямъ. Мнѣ постлали постель въ отдѣльной избѣ.

3. Я долго не могъ заснуть. Заботы моихъ хозяевъ стали словно моими заботами. Неужели морозъ побьетъ и жатву и всѣ надежды семьи? Голодъ поселится въ хатѣ; злой Орки Тинкель сведетъ послѣднюю корову. Будъ у нихъ знаніе, сумѣли бы кое-какъ справиться. Вотъ только вздумай осушить болото,—морозъ заглядывалъ бы рѣже; на мѣстѣ болота посѣяли бы кормовыя травы; можно бы побольше завести скота; перестали бы рассчитывать на одинъ зерновой хлѣбъ, то-и-дѣло побиваемый морозомъ. Съ тяжелыми мыслями я заснулъ. Но и во снѣ видѣлъ я горе и нужду, ожидавшія впереди моихъ хозяевъ.

Я проснулся очень рано, когда въ домѣ еще спали. Я весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Неужели мои предчувствія оправдались?

Поспѣшно одѣвшись, я вышелъ. Вокругъ все было покрыто морознымъ инеемъ. У меня потемнѣло въ глазахъ, и защемило сердце. Морозъ этой ночи былъ такъ силенъ, что могъ добратъся и до моего собственнаго поля; но въ эту минуту бѣда моихъ хозяевъ была какъ-то ближе моему сердцу.

Я пошелъ въ поле. Рожъ поникла колосыями; картофель безсильно опустилъ почернѣвшую листву; стебли такъ застыли, что ломались въ рукахъ, какъ стеклянные. Съ тяжелыми думами пошелъ я къ избѣ.

Приближаясь къ дому, вижу, сѣни отворены. Слѣпой дѣдъ вышелъ изъ дому и спустился на дворъ. Когда онъ дошелъ до середины двора, то опустился на колѣна и началъ ощупывать. Чуть только онъ успѣлъ дотронуться

до земли, какъ быстро поднялся и вскрикнулъ:—«О, Господи, все пропало!»

Шатаясь, старикъ вернулся къ крыльцу и, придерживаясь стѣны, нащупалъ дверь избы. Незамѣтно и я пошелъ за нимъ. Дойдя до середины хаты, слѣпой дѣдъ закричалъ раздирающимъ душу голосомъ:

— Дѣти, вставайте! что спите! Нашъ врагъ приходилъ въ эту ночь и разорилъ все! Все пошло прахомъ!..

Ударъ грома не могъ бы подѣйствовать сильнѣе этихъ словъ старика. Всѣ вскочили съ своихъ постелей и бросились одѣваться. Малыя дѣти и тѣ проснулись; но никто не шелъ смотрѣть на поле,—боялись посмотреѣть въ глаза другъ другу. Слова старика не нуждались въ провѣркѣ. Всѣ опустили по скамьямъ около стѣны въ какомъ-то безсиліи.

— Что будемъ теперь ѣсть? — проговорилъ старикъ прерывающимся голосомъ.

— Бѣда съ недоимками!—сказалъ старшій сынъ.

— Господь, видно, совсѣмъ оставилъ насъ!—прошепталъ дѣдъ.

— Господь посылаетъ намъ испытаніе, но Онъ милосердъ и не дастъ погибнуть до конца!—вдругъ раздался твердый голосъ Матти. — Вспомните слово Божіе. Не будемъ падать духомъ. Попробуемъ гнать смолу. Найдемъ себѣ и еще какое-нибудь дѣло. А для будущаго посѣва зерна уже готовы!

И всѣ лица немного просвѣтлѣли, какъ изъ тучи, блеснула своими лучами надежда.

Мнѣ мѣшкать было некогда; я приготовился въ путь. Благодаря за радушный пріемъ, при прощаньи я успѣлъ шепнуть Матти, что газету я ему вышлю. Матти не зналъ, что и дѣлать отъ радости, и вызвался провожать меня. Разстались мы съ нимъ, какъ старые друзья, и на прощаньи крѣпко обнялись.

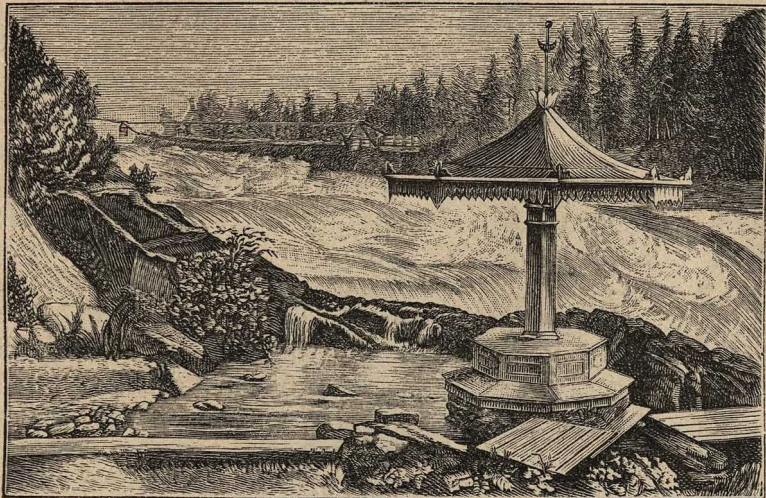
(Изъ кн. Некрасова).

234. Водопадъ Иматра.

Рѣка Вуокса течетъ прозрачная и широкая, посреди лѣсовъ и бѣдныхъ финскихъ селеній. Безпрестанно заграждаютъ ее пороги, и вдругъ каменные пласты заставили течъ рѣку на пространствѣ около $\frac{1}{4}$ версты по сильно наклоненной щели, шаговъ въ 50 шириной, стиснувъ ея свѣтлыя воды чудовищными черными глыбами

гранита. Рѣка съ бѣшенымъ ревомъ устремляется въ эту тѣснину, прыгаетъ и воетъ, какъ дикій звѣрь, высоко подбрасывая гребни волнъ и снопы брызгъ, вся бѣлая отъ пѣны, сверкая красками радуги, обладая дождемъ береговыя скалы. Какихъ только звуковъ не слышишь въ этой дикой музыкѣ: тутъ и громъ, и вой, и плачь, и шумъ лѣса, и стоны!

Такова Иматра. Это не водопадъ — это порогъ, но другого такого порога, конечно, нѣтъ на свѣтѣ. Сохрани Богъ попасть лодкѣ въ это теченіе, столь быстрое, что

Водопадъ Иматра.

голова кружится при его видѣ. Большая ель, брошенная въ Иматру, въ одинъ мигъ исчезаетъ въ ея кипящей пучинѣ.

Видъ на Иматру лучше съ другой стороны, противоположной гостинницѣ. Дѣйствительно, если сойти немного внизъ по рѣкѣ и стать на камни, то здѣсь водопадъ гораздо красивѣе. Главный напоръ и бѣшенство волнъ — здѣсь, у васъ подъ ногами. Въ двухъ шагахъ отъ васъ, изъ нѣдръ быстро несущейся рѣки вырываются блестящія массы крупныхъ брызгъ и взлетаютъ, блестя на солнцѣ; вы чувствуете, какъ мелкій дождь орошаетъ ваше лицо и руки. Здѣсь рѣка дѣлаетъ послѣднее усиліе, чтобы вырваться изъ тѣсины, и потомъ, поднимаясь огромными волнами, разливается по болѣе широкому и спокойному мѣсту.

235. Бѣловѣжская пуца.

Тамъ, гдѣ протекаетъ рѣка Нѣманъ и его притокъ Вилія, съ древнихъ временъ поселились литовцы. Нѣкогда здѣсь существовало самостоятельное литовское княжество. Теперь край этотъ уже давно сдѣлался русскимъ. Огромные лѣса покрывали прежде всю Литву, но теперь они сильно порѣдѣли. Отъ древнихъ литовскихъ лѣсовъ сохранился лишь одинъ драгоцѣнный остатокъ — Бѣловѣжская пуца, въ Гродненской губерніи. Это огромный казенный лѣсъ, занимающій пространство болѣе 100,000 десятинъ.

Въ Бѣловѣжской пуцѣ водится много всякихъ звѣрей: олени, дикія козы, медвѣди, кабаны, рыси. Кромѣ того, тутъ сохранилась вымирающая теперь порода дикихъ быковъ—зубровъ, которые когда-то водились во многихъ мѣстахъ Россіи, а теперь остались только въ Бѣловѣжской пуцѣ и на Кавказѣ. Ихъ строго запрещается убивать. Среди пуцы устроенъ особый огороженный звѣринецъ, гдѣ живутъ зубры, оберегаемые сторожами.

Мы получили разрѣшеніе на осмотръ звѣринца и отправились туда отыскивать зубровъ. Звѣринецъ представлялъ огороженный частоколомъ четырехугольникъ въ двѣ версты шириною и шесть верстъ длиною. Прекрасная широкая дорога прорѣзываетъ его по срединѣ; она ведетъ отъ охотничьяго дворца къ воротамъ, на деревню Буды. Черезъ послѣднія мы прошли въ звѣринецъ; мы очутились въ просторномъ, роскошномъ, старинномъ паркѣ. Тутъ попадались сосны, ели, пихты, необычайно крупныя, но преобладали дубы и вообще «черный», лиственный лѣсъ. Нигдѣ ни слѣда бурелома; все подобрано, сложено въ кучи, вездѣ растетъ высокая густая трава.

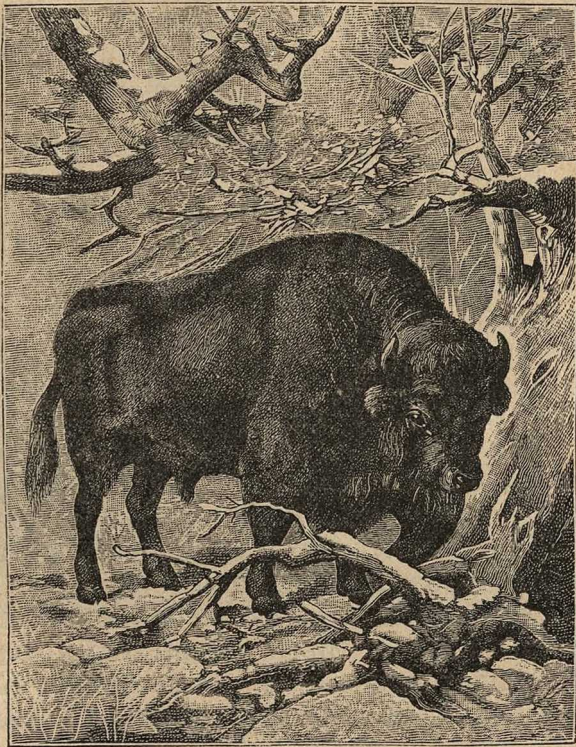
Въ ожиданіи полѣсовщика, который долженъ былъ намъ показать зубровъ, мы уѣли подъ сѣнью вѣковой сосны. Мы сидѣли тихо, не шевелились, и зубры сами вышли неожиданно на насъ. Было ихъ два старыхъ самца. Они съ шумомъ пробѣжали по лѣсу, опротивѣвъ бросились въ орѣшникъ, видимо стараясь освободиться отъ преслѣдующихъ ихъ оводовъ. Мы попробовали подойти къ нимъ поближе и сдѣлать фотографическіе снимки. Зубры подпустили насъ шаговъ на пятьдесятъ. Одинъ изъ нихъ съ взъерошенной гривой и длинной до колѣнъ бородой

терся нетерпѣливо лбомъ о повиснувшія вѣтви кустарника. Другой повернулся къ намъ передомъ, поднялъ гордо голову и глядѣлъ удивленно на блестящія стекла фотографическаго аппарата. Я быстро снялъ его и подвинулся еще ближе, чтобы получить изображеніе побольше; но звѣри испугались и бросились прочь крупными прыжками. Другой разъ и въ другомъ мѣстѣ я видѣлъ зубровъ еще ближе, шаговъ на двадцать. Они не показались мнѣ настолько безобразными, какъ объ этомъ рассказывали. Они красивѣе буйволовъ, съ которыми у нихъ много общаго. Масть зубровъ темнорыжая, движенія быстры и въ то же время величавы, голова большая и живописная; ее украшаютъ крѣпкіе, выгнутые въ полу-мѣсяцъ черные рога и густая грива, ниспадающая до колѣнъ.

Кромѣ зубровъ мы встрѣтили въ пущѣ козъ и оленей. Нѣкоторые изъ нихъ, не смотря на лѣтнюю пору, носили рога. Мнѣ говорили, что это какая-то особая, не здѣшняя порода. Обыкновенныхъ сернъ и оленей здѣсь очень много. Попадаются также частенько въ лѣсу и слѣды кабановъ.

— Ой, баринъ, и сколько ихъ!... и какъ они въ полѣ вредятъ!.. Не приведи, Господи!—жаловались мужики.

— Ну, эти звѣри, такъ прямо проклятые. Лѣтомъ еще туда-сюда, но зимою никакая городьба ихъ не удержитъ: все разнесутъ, разломаютъ своими бодалами... Сѣно съѣдятъ, да больше того истопчутъ, разбросаютъ. Былъ

Зубръ въ Бѣловѣжской пущѣ.

тутъ одинъ такой, который много зла причинилъ всей деревнѣ. Недалеко отсюда облюбовалъ онъ себѣ лужокъ; на этомъ лужкѣ ни проходу, ни проѣзду, бывало, нѣтъ въ то время. На дорогу выйдетъ и стоитъ. Кричи-не кричи, не поможетъ,—смотришь и фыркаешь. А сучками или чѣмъ-либо бросать — не смѣй: сейчасъ сердится. Зубръ, когда сердить, то прежде всего хвостомъ машетъ, затѣмъ уже облизывается, и тогда — берегись. И сколько намъ этотъ разбойникъ скота перепоролъ! Мужика съ возомъ и лошадыю на воздухъ бросилъ... Да пришелъ и ему предѣлъ!

В. Спрошевскій.

236. Самоѣды и ихъ богатство—сѣверные олени.

На сѣверѣ Россіи, въ холодныхъ странахъ живутъ самоѣды, эскимосы и разные другіе народы. Жизнь ихъ не похожа на нашу. На сѣверѣ нѣтъ ни луговъ, ни полей. Самоѣды не обрабатываютъ землю, не сѣютъ хлѣбъ. Земля тамъ покрыта огромными болотами. Болота эти называютъ тундрами. На тундрахъ растутъ только мхи да кустарники. Зимой болота замерзаютъ, лѣтомъ оттаиваютъ.

На этихъ тундрахъ живутъ самоѣды и занимаются только охотою и рыбной ловлей. Они строятъ себѣ юрты или переносныя хижины и кочуютъ съ мѣста на мѣсто.

Все богатство самоѣдовъ составляютъ стада оленей и собакъ. Олени неоцѣнимы для сѣверныхъ жителей. Они не требуютъ за собой никакого ухода. Они ѣдятъ мохъ и даже зимой сами находятъ себѣ пищу, откапывая мохъ изъ - подъ снѣгу. Когда олени поѣдятъ весь мохъ на одномъ мѣстѣ, то самоѣды складываютъ свои юрты и переѣзжаютъ съ оленями и собаками на другое мѣсто, гдѣ есть кормъ. Приѣдутъ они и сейчасъ же устраиваютъ свои жилища. Устройствомъ юртъ занимаются женщины. Онѣ воткнутъ въ землю нѣсколько кольевъ; наверху свяжутъ ихъ вмѣстѣ, кругомъ обложатъ оленьими шкурами. Одна шкура поднимается—это дверь. Наверху отверстіе—это труба для дыма. Въ серединѣ юрты, или чума, они раскладываютъ костеръ и готовятъ ѣду: варятъ рыбу и оленьё мясо, дѣлаютъ и водку изъ оленьяго молока.

Олень для нихъ главный помощникъ въ жизни, и плохо бы жилось сѣвернымъ жителямъ безъ выносливыхъ оленей.

Въ пищу самоѣды употребляютъ оленье мясо, оленье молоко. Одежду, обувь шьютъ изъ оленьихъ шкуръ; вмѣсто нитокъ имъ служатъ оленьи сухія жилы. Постели дѣлаютъ изъ оленьихъ шкуръ. Ѣздятъ на оленяхъ.

Большинство самоѣдовъ до сихъ поръ еще язычники. Они не знаютъ истиннаго Бога, а дѣлаютъ себѣ божковъ изъ дерева, изъ глины, и молятся имъ.

Самоѣды ведутъ жизнь тяжелую, полную борьбы съ суровой природой. Иногда къ самоѣдамъ ѣздятъ христіан-

Самоѣды и ихъ богатство—олени.

скіе проповѣдники, которые научаютъ ихъ вѣрѣ въ истиннаго Бога. Бѣдный народъ охотно слушаетъ ихъ и принимаетъ крещеніе. Но нерѣдко бываетъ, что самоѣды снова обращаются къ своимъ богамъ и носятъ ихъ съ собою въ своихъ одеждахъ.

237. Сѣверная пустыня.

Пустыня... Глушь...Кругомъ снѣга...
Повисло небо сѣрой тучей,
Порою стелется вьюга
И злится, словно звѣрь могучій
Въ желѣзной клѣткѣ на цѣпи...
Пройдетъ гроза,—въ нѣмой степи

До новой бури тишина
Нѣмого ужаса полна.
А ночь настанетъ,—издалека
Полнеба разомъ озаритъ
Во тьмѣ недремлющее око.
Сполохъ загадочный горитъ.

То кинетъ полымя высоко,
То ляжетъ яркою дугой,
То вдругъ короной огневою,
Пустыни мертвыя вѣнчая,
Виситъ, таинственно мерцающа,
Нѣмого полюса сосѣдь,—
Дикарь унылый, молчаливый,

Порою мчитъся самоѣдь
Съ своей подругою сонливой.
Къ спинѣ прижавъ свои рога,
Его полярные олени
Мелькнутъ, небросивъ даже тѣши
На озаренные снѣга...

Немировичъ.

238. Киты въ сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ.

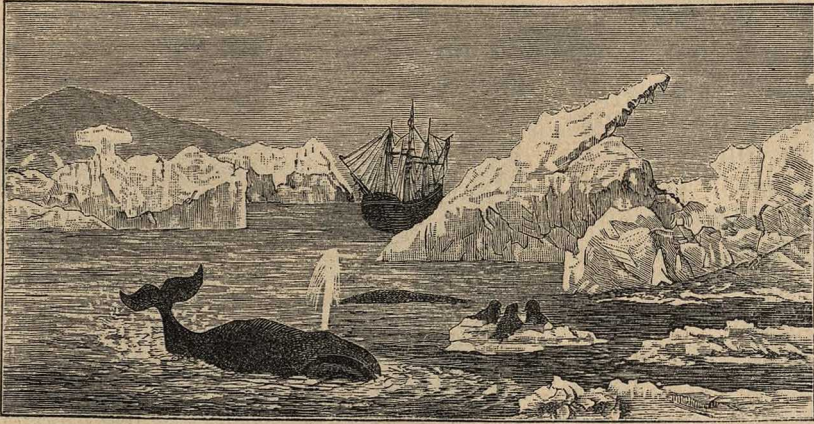
Мы ѣхали изъ Архангельска на Мурманскій берегъ и были въ проливѣ, соединяющемъ Бѣлое море съ Ледовитымъ океаномъ. Проливъ этотъ называется «горломъ» Бѣлаго моря; онъ настолько узокъ, что оба берега видны совершенно ясно. Мы держимся западнаго берега и плывемъ то очень быстро, то очень медленно, смотря по тому, куда направляется теченіе. Дѣло въ томъ, что во время прилива Ледовитый океанъ изливаетъ свою воду въ Бѣлое море, а съ наступленіемъ отлива вода эта снова возвращается въ Ледовитый океанъ.

Черезъ нѣсколько дней мы пересѣкли полярный кругъ и вступили въ Ледовитый океанъ. Тутъ сейчасъ же мы замѣтили бѣлые столбы пара, которые то тамъ, то здѣсь подымались надъ поверхностью воды; эти столбы выбрасывали киты изъ своего носового отверстія. Кругомъ насъ тернѣлись лоснящіяся спины и мелькали въ воздухѣ могучіе хвосты. Тутъ же надъ китами носились стаи бѣло-снѣжныхъ чаекъ. И птицы, и звѣри питались одной и той же пищей, именно мелкой рыбой и моллюсками, которыя въ несмѣтномъ множествѣ плавали на поверхности океана.

— Китъ у борта! — вдругъ крикнулъ капитанъ. И дѣйствительно, молодой китенокъ, сажени въ три длиной, плылъ совсѣмъ рядомъ съ нашимъ судномъ. Удивительно, какъ неосторожны эти великаны. Не только молодые, но и взрослые киты нисколько не боялись нашего судна. Выставивъ изъ воды свою чудовищную спину, они рѣзались около насъ на разстояніи выстрѣла изъ ружья. Будь у насъ китобойная пушка, мы могли бы застрѣлить не одного такого звѣря. Пушка эта заряжается ядромъ съ острымъ наконечникомъ, который вонзается въ кита и застреваетъ въ его тѣлѣ, а ядро привязано веревкой къ судну.

При помощи такихъ пушекъ охотятся на китовъ иностранные промышленники; русскіе же вообще мало

охотятся на китовъ; иногда лишь случается, что имъ попадаются въ морѣ мертвые киты. Такъ, когда мы пристали къ Мурманскому берегу, то рыбаки сказали намъ, что верстахъ въ 15 отъ нашей стоянки промышленники приволокли къ берегу мертваго кита. Мы сейчасъ же отправились туда и пріѣхали какъ разъ во время отлива, когда китъ лежалъ на сухомъ берегу. Вотъ ужъ поистинѣ—

Киты въ Бѣломъ морѣ.

чудо-юдо! одиннадцать саженой въ длину,—это значитъ на три сажени длиннѣе нашего судна. Хвостовой плавникъ, если поставить его ребромъ, равнялся высотѣ двухъ взрослыхъ человѣкъ. Китъ лежалъ на спинѣ; по полосатому животу его ходили ловцы и ножами на длинныхъ палкахъ отрѣзывали полосы кожи и жира; 500 пудовъ одного сала надѣялись получить съ этого кита. Сколько же онъ долженъ вѣсить весь цѣликомъ! Только океанъ можетъ носить такую громаду, и только онъ одинъ можетъ ее прокормить.

А. Никольскій.

239. Бѣлый медвѣдь.

У немногихъ хватитъ охоты забраться въ тѣ сказочныя страны, гдѣ обитаетъ бѣлый медвѣдь. Въ этихъ странахъ солнце не заходитъ цѣлые мѣсяцы, но зато и не показывается вовсе въ другую половину года. Тамъ холодъ одѣваетъ землю толстымъ слоемъ снѣга, который растаиваетъ на припекѣ на какихъ-нибудь два мѣсяца.

Въ іюнѣ, какъ рѣдкость, появляются кое-какія травы, цвѣтутъ, но такъ и застынутъ отъ мороза, не успѣвъ вырастить сѣмячки. Вмѣсто цвѣтковыхъ растений почву мѣстами покрываютъ оленій мохъ и другіе лишайники.

Эти-то страны, лежація у береговъ холоднаго Ледовитаго океана, и составляютъ царство ошкуя, какъ называютъ наши промышленники бѣлаго медвѣдя.

Бѣлый медвѣдь — самый громадный и могучій изъ всѣхъ нашихъ хищныхъ звѣрей, но вмѣстѣ съ тѣмъ самый неповоротливый и нерасторопный. Онъ ниже обыкновеннаго медвѣдя на ногахъ, но гораздо длиннѣе его. Плаваетъ и ныряетъ ошкуй превосходно. Зато на землѣ движенія его очень медленны, и человѣкъ, привыкшій хорошо ходить на лыжахъ, легко убѣгаетъ отъ него. Раненый ошкуй — страшное животное, но, благодаря своей неповоротливости, даетъ возможность легко увернуться отъ нападенія.

Бѣлый медвѣдь на сѣверѣ.

Живетъ онъ, смотря по времени года, частью на берегу, частью же на плавающихъ льдинахъ, смотря по тому, гдѣ больше пищи. Пища эта состоитъ исключительно изъ животныхъ. Ничего растительнаго ошкуй не ѣстъ, и достать ему негдѣ. Бродя по берегамъ океана, ошкуй собираетъ все, что выброситъ море: мертвую рыбу, мертвыхъ тюленей, моржей, китовъ; а нѣтъ этой пищи, онъ отправляется отыскивать гнѣзда морскихъ птицъ, поѣдая ихъ птенцовъ и яйца. Но не одна только мертвечина или безпомощные птенцы чаекъ и гагъ попадаютъ въ медвѣжій желудокъ. Онъ мастерски подкрадывается къ стадамъ сонныхъ тюленей, моржей и другихъ морскихъ звѣрей, и пируетъ тутъ въ случаѣ удачи до отвала.

Вообще бѣлый медвѣдь не упуститъ случая поѣсть всякую мертвечину, какая ему попадется. Самоѣдамъ и русскимъ промышленникамъ онъ часто досаждастъ тѣмъ,

что поѣдаетъ добытаго ими звѣря или рыбу. Какъ говорятъ, онъ и самъ мастеръ ловить рыбу, когда она стадами идетъ изъ океана въ рѣки метать икру.

Весной у медвѣдицы бываетъ одинъ, рѣдко два медвѣженка, къ которымъ она относится, какъ самая нѣжная мать, и защищаетъ до послѣдней крайности. Убитый бѣлый медвѣдь даетъ промышленнику нѣсколько пудовъ сала да шкуру, которая цѣнится очень дорого.

В. Спрошевскій.

240. Сѣверное сіяніе.

Въ холодныхъ странахъ бываетъ видно на небѣ замѣчательное сіяніе. Ночью на полуночной сторонѣ неба вдругъ показывается слабый свѣтъ. Онъ похожъ на начало разсвѣта. Появляется онъ выше облаковъ; облака темнѣютъ подъ нимъ.

Понемногу свѣтъ на небѣ становится все ярче и ярче. Онъ изогнуть огромною дугою. Дуга эта словно перекинута съ одного конца земли до другого. Она блеститъ и горитъ; свѣтъ ея дѣлается все сильнѣе и сильнѣе, хотя и не затемняетъ звѣздъ. Звѣзды мерцаютъ сквозь сіяющую дугу. Свѣтъ на небѣ сверкаетъ, переливается и колыхается, какъ пламя, задуваемое вѣтромъ. Иногда лучи, составляющіе дугу, выстраиваются столбами въ рядъ, свертываются и развертываются лентой. Часто надъ первою дугою появляется вторая, надъ нею третья и такъ далѣе.

Лентообразное сѣверное сіяніе.

Бываетъ, что такое сіяніе захватываетъ настолько большую часть неба, что его видно не только въ холодныхъ странахъ, но и въ Петербургѣ, Москвѣ, Воронежѣ, даже въ Парижѣ.

Блестящія дуги видны бываютъ на небѣ нѣкоторое время. Затѣмъ изъ нихъ начинаютъ вдругъ выходить красные, синіе, зеленые, желтые лучи. Лучи эти выходятъ пучками и сходятся на небѣ, какъ-разъ надъ головой зрителя. Сіяніе сверкаетъ разными цвѣтами и каждую минуту мѣняетъ свой видъ: блестящія дуги на небѣ волнуются и извиваются; концы дугъ, которые сначала какъ бы упираются въ землю, потомъ поднимаются вверхъ; снопы цвѣтныхъ лучей золотятъ верхи неба. Сіяніе то меркнетъ, то вспыхиваетъ съ новою силою. Лучи то становятся короче, то длиннѣе. Наконецъ, они ярко вспыхиваютъ и начинаютъ гаснуть. Они блѣднѣютъ все больше и больше. Небо темнѣетъ; блестящія дуги съ небеснаго свода исчезаютъ.

Черезъ нѣкоторое время сіянія какъ бы и не бывало на небѣ. Иногда сѣверныя сіянія продолжаются цѣлыми часами.

Въ Архангельской губерніи, на берегу Сѣвернаго Ледовитаго океана, къ такимъ сіяніямъ всѣ привыкли. Когда они бываютъ на небѣ, крестьяне говорятъ: «Сполохъ играетъ».

Н. Рубакинъ.

241. Соловецкій монастырь.

Соловецкая обитель, самая отдаленная наша русская святыня, лежитъ на островѣ, среди волнъ холоднаго Бѣлаго моря, на крайнемъ сѣверѣ, въ 350 верстахъ отъ города Архангельска. Основаніе Соловецкаго монастыря относится къ 1420 году, когда преподобный Савватій, инокъ Бѣлозерскаго Кириллова монастыря, поселился съ преподобнымъ Германомъ близъ Сѣкириной горы, отстоящей нынѣ отъ монастыря на 12 верстъ.

По смерти Савватія, Германъ вмѣстѣ съ прибывшимъ преподобнымъ Зосимою, испросивъ отъ новгородскаго архіепископа Іоны антимины и отъ новгородскаго начальства грамоту на исключительное владѣніе Соловецкими островами, построили здѣсь небольшую деревянную церковь во имя Преображенія Господня съ придѣломъ въ честь св. Николая.

Издали, съ моря, видъ Соловецкаго монастыря не представляетъ ничего особеннаго: онъ лежитъ на берегу острова, который вообще мало возвышенъ, пологъ и однообразенъ.

На возвышенныхъ переколадинахъ, внутри святыхъ воротъ, стоятъ двѣ модели тѣхъ кораблей, въ которыхъ прїѣзжалъ сюда Петръ Великій. Я стоялъ на обширномъ дворѣ; передо мною возвышались богатыя церкви съ колокольнями; вокругъ — каменные трехъ-этажныя зданія.

Соловецкій монастырь.

Дворъ весь заросъ травою, по которой въ разныя на-
правления протоптаны узкія песчаныя тропинки, и по
всему пространству двора ходили тысячи дикихъ чаекъ.
Однѣ сидѣли на яйцахъ, кормили сѣрыхъ, едва оперив-
шихся птенцовъ своихъ; другія кружились въ воздухѣ, и
всѣ оглашали дворъ пронзительными, отвратительными
криками! Это стонъ и плачъ младенцевъ, кудахтанье куръ,
карканье воронъ, блеяніе овецъ, кваканье, визгъ, крикъ и
гвалтъ! Эти дикія птицы съ незапамятныхъ временъ совер-
шенно овладѣли монастырскимъ дворомъ, распоряжаются
имъ, какъ неотъемлемымъ своимъ владѣніемъ. Онѣ при-

летають сюда съ весны на лѣто, преспокойно высиживаютъ дѣтей, и потомъ, на зиму, улетаютъ подъ теплое небо. Тогда замѣняютъ ихъ тучи воронъ, которыя, въ свою очередь, владѣютъ дворомъ всю зиму, пока не прилетятъ снова чайки и не выгонятъ ихъ въ лѣса.

Деревянные гостиницы для прїѣзжающихъ богомольцевъ стоятъ внѣ монастырскихъ стѣнъ, на берегу, передъ гаванью. Подлѣ нихъ есть домъ, гдѣ останавливался Петръ Великій, и рядомъ съ нимъ часовня, въ которой воздвигнутъ большой деревянный крестъ, въ память посѣщенія острова великимъ государемъ.

Ризница въ монастырѣ одна изъ богатѣйшихъ въ Россіи, какъ цѣнностью множества драгоценныхъ ризъ, шитыхъ камнями и жемчугами, такъ и достопамятными рѣдкостями. Въ ней хранятся богатыя евангелія, кресты, золотыя и серебряныя чаши, дарованныя монастырю великими князьями и царями русскими, и нѣсколько грамотъ, изъ которыхъ двѣ даны Марѳою Борецкою, посадницею великаго Новгорода.

Посреди всѣхъ драгоценностей, вы найдете простой, темнозеленаго сукна, съ черными снурками, кафтанъ доблестнаго святителя Филиппа. Вамъ покажутъ также въ коридорѣ небольшой уголокъ, гдѣ была его келья; теперь тамъ устроена часовня. Тутъ хранятся: сабля князя Димитрія Михайловича Пожарскаго и мечъ князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго. Мечъ юнаго Скопина и сабля Пожарскаго, блеснувшая въ рукѣ родного героя, навсегда священны для русскаго! Въ оружейной палатѣ лежитъ грудями старинное оружіе: сѣкиры, бердыши, кистени, пистолеты, ружья и прочее. Это оружіе запасено было монастыремъ для обороны отъ шведовъ, когда они покушались овладѣть островомъ.

По древнему обычаю, монастырь довольствуется каждаго богомольца три дня пищею безденежно, для чего необходимы большіе запасы сѣбстнаго, ибо въ лѣтнее время на поклоненіе святымъ мощамъ собирается до двухъ тысячъ человекъ изъ разныхъ странъ Россіи, и безпрестанно смѣняются одни другими. Но всѣ траты безъ сомнѣнія окупаются приношеніями посѣтителей и дарами неизвѣстныхъ лицъ.

На Соловецкомъ островѣ водятся многочисленныя стада лапландскихъ оленей, много лисицъ; но волковъ и другихъ хищныхъ звѣрей вовсе нѣтъ, равно какъ и никакихъ змѣй

и гадовъ. Олени разведены тамъ попечительною митрополита Филиппа, въ бытность его игуменомъ монастыря.

Почва Соловецкаго острова и всѣхъ его небольшихъ товарищей, большею частію, камениста, безплодна, и едва доставляетъ пищу не крупному сосновому и еловому лѣсу. Хлѣбъ не родится, а въ огородѣ, за которымъ много хлопотъ, едва созрѣваютъ неприхотливыя овощи: рѣдка, рѣпа, картофель и тому подобное.

Соловецкій островъ доступенъ только съ половины мая до половины сентября: въ остальные мѣсяцы года Бѣлое море бушуетъ безъ милосердія, бѣдой грозитъ заповоздальному плователю и разбиваетъ ревучіе валы объ огромныя глыбы льдовъ, гуляющихъ во мракѣ сѣверной зимы по разъяренной стихіи.

(По Мечу.)

242. Ночевка въ лѣсу.

Путники рѣшились заночевать въ лѣсу. Лошадей выпрягли, задали имъ овса. Утоптали вокругъ снѣгъ и сдѣлали приваль. Топоровъ оказалось два; работники зачали сучья да валежники рубить, костры складывать вокругъ привала, а когда стемнѣло, зажгли ихъ. Потапъ Максимычъ вытащилъ изъ саней большую кожаную кису, вынулъ изъ нея хлѣба, пироговъ, квашеной капусты и мѣдный кувшинъ съ квасомъ. Устроили постную трапезу; тюри съ лукомъ накрошили, капусты съ квасомъ, грибовъ соленыхъ. Хоть не вкусно, да здорово поужинали.

Ночь надвигалась. Красное зарево костровъ, освѣщая низину лѣса, усиливало мракъ въ его вершинахъ и по сторонамъ.

Съ трескомъ горѣвшихъ вѣтвей ельника и фырканьемъ лошадей смѣшались лѣсные голоса...

Ровно плачущій ребенокъ, запищалъ гдѣ-то сычъ, и потомъ вдаль послышался тоскливый крикъ, будто человекъ въ отчаянномъ бореньи со смертію зоветъ къ себѣ на помощь; то были крики пугача (филина)... Поближе завозила въ вершинѣ сосны векша, проснувшаяся отъ необычайнаго свѣта; едва слышно перепрыгнула она на другое дерево, потомъ на третье и такъ дальше и дальше отъ людей и пылавшихъ костровъ. Чуть стихло, и вотъ уже доносится издали легкій хрустъ валежника: то кроважидная куница осторожно пробирается изъ своего дупла къ дереву, гдѣ задремалъ глухой красноглазый тетеревъ.

Еще минута тишины, и въ вершинѣ раздался отрывистый, жалобный крикъ птицы, хлопанье крыльевъ, и затѣмъ все смолкло: это значить, что куница поймала свою добычу... Опять тишина, опять глубокое безмолвіе, и вдругъ слышится точно кошачье прысканье: это рысь, привлеченная изъ чащи чутьемъ, заслышавшимъ присутствіе лакомаго мяса въ видѣ лошадей Потапа Максимыча. Но огонь не допускалъ близко звѣря, и вотъ рысь сердится, мурлычетъ, прыскаетъ, съ досадой сверкая круглыми зелеными глазами, и прыдетъ кисточками на концахъ высокихъ прямыхъ ушей... Опять тишь; вдругъ либо заверещитъ бѣдный зайчишка, попавшійся въ зубы хищной лисѣ, либо завозится что-то въ вѣтвяхъ: это сова поймала спавшаго рябчика... Лѣсные обитатели живутъ не по нашему—обѣдаютъ по ночамъ...

Но вотъ вдали, за версту или больше, заслышался вой; ему откликнулся другой, третій, вой все ближе, ближе. Смолкъ, и послышалось пряденье звѣрей по снѣгу, ворчанье, стукъ зубовъ... Ни одинъ звукъ не пропадетъ въ лѣсной тишинѣ.

— Волки! — боязливо прошепталъ Потапъ Максимычъ, толкая въ бокъ задремавшаго Стуколова.

Дюковъ и работники давно уже спали крѣпкимъ сномъ.

— А? что?... — промычалъ, приходя въ себя, Стуковъ. — Что ты говоришь?

— Слышишь! Воютъ,—говорилъ ему смутившійся Потапъ Максимычъ.

— Да, воютъ...—равнодушно отвѣчалъ Стуковъ.— Эхъ! ихъ что тутъ!

— Бѣда! — шопотомъ промолвилъ Потапъ Максимычъ.

— Какая же бѣда? Никакой бѣды нѣтъ... А вотъ по больше огня надо... Эй вы, ребята! — крикнулъ онъ работникамъ.

— Проснись! Эка заспались!... Вали на костры, больше огня надо... Эй, вы ребята!

Работники встали неохотно и вмѣстѣ съ Стуковымъ и съ самимъ Потапомъ Максимычемъ навалили громадныя костры. Огонь сталъ было слабѣе; но вотъ заиграли пламенные языки по хвоѣ, и зарево разлилось по лѣсу пуще прежняго.

— Видимо-невидимо!... — говорилъ оторопѣвшій Потапъ Максимычъ, слыша со всѣхъ сторонъ волчьи голоса.

Звѣрей уже можно было видѣть. Освѣщенные заревомъ, они сидѣли кругомъ, пощелкивая своими острыми зубами.

— Ничего,—успокаивалъ Стуколовъ,—огонь бы только не переводился. То ли еще бываетъ въ сибирскихъ тайгахъ...

Въ самомъ дѣлѣ, волки никакъ не смѣли близко по-

Волки.

дойти къ огню, хотъ ихъ голодныхъ и сильно тянуло къ лошадямъ, а, пожалуй, и къ людямъ.

— Охъ, ружья-то нѣтъ: пугнулъ бы сѣрыхъ, — молвилъ Стуколовъ.

— Молчи ты, какое тутъ еще ружье! Того и гляди сожрутъ...—тревожно говорилъ Потапъ Максимычъ. — Глянь-ка, глянь-ка, со всѣхъ сторонъ навалило!... Ахъ ты, Господи, Господи!... Знать бы да вѣдать, ни за что бы не поѣхалъ...

А волки все близятся; было ихъ до пятидесяти, коли не больше. Смѣлость звѣрей росла съ каждой минутой: не дальше, какъ въ трехъ саженьяхъ сидѣли они вокругъ костровъ, щелкая зубами и завывая. Лошади давно покинули торбы съ лакомымъ овсомъ, жались въ кучу, и, прядя ушами, тревожно озирались. У Потапа Максимыча зубъ на зубъ не попадалъ; вездѣ и всегда безстрашный, онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Растолкали Дюкова, тотъ потянулся въ своей лисьей шубѣ, зѣвнулъ во всю сласть и, оглянувшись, промолвилъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ:

— Волки никакъ!

Безъ малаго часть времени прошелъ, а путники все еще сидѣли въ осадѣ. До свѣту оставаться въ такомъ положеніи было нельзя: тогда, пожалуй, и костры не помогутъ, да не хватить и заготовленнаго валежника и хвороста на поддержаніе огня. Но Стуколовъ—человѣкъ бывалый, не даромъ много ходилъ по бѣлу свѣту. Когда волки были уже настолько близко, что до любого изъ нихъ палкой можно было добросить, онъ разставилъ спутниковъ своихъ по мѣстамъ и велѣлъ, по его приказу, разомъ бросать въ волковъ изо всей силы горящія лапы *).

— Разъ... два... три!...—крикнулъ Стуколовъ, и горящія лапы полетѣли къ звѣрямъ.

Тѣ отскочили и сѣли подальше, щелкая зубами и огрызаясь.

— Разъ... два... три!...—крикнулъ онъ опять и, выступивъ за костры, путники еще пустили въ стадо по горящей лапѣ.

Завыли звѣри; но когда Стуколовъ, схвативъ чуть не саженную горящую лапу, бросился съ нею впередъ, волки порекнули вдаль, и черезъ нѣсколько минутъ ихъ не было слышно.

— Теперь не прибѣгутъ,—молвилъ Стуколовъ, надѣвая шубу и укладываясь въ сани.

— Дошлый ты человѣкъ, Якимъ Прохорычъ,—молвилъ Потапъ Максимычъ, когда опасность миновала. — Не будь тебя, сожрали бы насъ. — Стуколовъ не отвѣчалъ: завернувшись съ головой въ шубу, онъ заснулъ богатырскимъ сномъ.

Печерскій.

*) Горящія вѣтви хвойнаго лѣса.

243. К і е в ь.

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.
Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротеч-
ный,
Руси чистая купель!
Громко пѣсни раздалися,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ.
«Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?»
«Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса полей».
— «Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей!»
— «Край мой — теплый берегъ
Евксина!»
— «Край мой — берегъ тѣхъ даль-
нихъ странъ,

Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ».
— «Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ,—
Тамъ страна моя родная!»
— «Мнѣ отчизна старый Псковъ».
— «Я отъ Ладоги холодной».
— «Я отъ синихъ волнъ Невы».
— «Я отъ Камы многоводной».
— «Я отъ матушки Москвы».
Слава, Днѣпръ—сѣдя волны!
Слава, Кіевъ—чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолв-
ный
Краше царственныхъ палатъ.
Знаемъ мы: въ вѣка былие,
Въ древню ночь и мракъ глу-
бокъ,
Надъ тобой блеснула Россіи
Солнца вѣчнаго востокъ!
А. Хомяковъ.

244. К і е в ь.

Кіевъ—одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ Россіи. Здѣсь слишкомъ 900 лѣтъ тому назадъ (988 г.), при князѣ Владимірѣ, принялъ крещеніе русскій народъ. Когда татары завладѣли Россіей, Кіевъ былъ разоренъ и запустѣлъ. Но впослѣдствіи онъ снова отстроился. Лѣтъ сто Кіевомъ владѣли поляки. Только при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Малороссія, а съ ней и Кіевъ, опять присоединилась къ остальной Россіи.

Кіевъ живописно расположенъ на горѣ, у подошвы которой струится широкій и свѣтлый Днѣпръ. Только часть города лежитъ внизу, подъ горой, и называется Подоломъ. Съ горы открывается великолѣпный видъ на Подоль, Днѣпръ и обширное Заднѣпровье, съ его озерами, лугами и синѣющимъ вдали лѣсомъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то крестился народъ кіевскій, теперь построена часовня, а надъ ней высокая бѣлая колонна съ золотымъ крестомъ. Рѣчка Почайна, въ которой происходило крещеніе, впадала здѣсь въ Днѣпръ. Теперь она совершенно высохла. Противъ часовни, на высокой горѣ, надъ Днѣпромъ, стоитъ памятникъ князю Владиміру. Князь Влади-

міръ держитъ въ лѣвой рукѣ крестъ и молится, обращенный лицомъ къ мѣсту крещенія.

Въ Кіевѣ сохранилось много старинныхъ церквей и монастырей. Сюда приходитъ множество богомольцевъ изъ всѣхъ мѣстъ Россіи. Главная святыня Кіева—знаменитая Кіево-Печерская лавра. Она также расположена на высокомъ берегу Днѣпра и обнесена каменной стѣной. Внутри ея находится нѣсколько церквей, монашескія кельи, гостинница и высокая колокольня, съ верху которой можно

Богомольцы передъ Кіевомъ.

видѣть на много верстъ кругомъ. Около лавры находятся пещеры. Ихъ выкопали и въ нихъ жили первые отшельники, когда еще не были построены монастырскія зданія. Есть ближнія пещеры и дальнія. Дальнія пещеры отъ ближнихъ отдѣляются глубокимъ оврагомъ, въ которомъ разросся теперь густой фруктовый садъ. Черезъ оврагъ устроена крытая галлерей со ступеньками (250 ступеней), служащими входомъ въ самыя пещеры — изъ церкви. Здѣсь собираются богомольцы; каждый беретъ зажженную свѣчу. Впереди идетъ монахъ и указываетъ путь. Богомольцы, одинъ за другимъ, длинной вереницей, спускаются въ мрачное подземелье. Пещеры эти — извилистые подземные ходы, около 5 аршинъ вышиною и аршина

полтора шириною. По обѣимъ сторонамъ ихъ въ стѣнахъ находятся углубленія; въ нихъ стоятъ кипарисовыя гробы съ мощами святыхъ. Есть отдѣльныя кельи съ однимъ узкимъ отверстіемъ надъ наглухо заложеннымъ входомъ. Въ нихъ спасались затворники. По смерти ихъ отпѣвали и оставляли въ той самой пещерѣ, въ которой, какъ въ гробѣ, они хоронили себя заживо. Въ пещерахъ есть также нѣсколько подземныхъ церквей.

Кіевъ одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ въ Россіи. Въ немъ живетъ около 250.000 человѣкъ. Въ Кіевѣ есть старинная духовная академія и университетъ (Св. Владиміра).

Лвовъ.

245. Лѣто въ Малороссіи.

Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи! Какъ томительно-жарки тѣ часы, когда пол-

Малороссійская деревня.

день блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой неизмѣримый воздушный океанъ, кажется, заснулъ весь въ нѣгѣ. На немъ—ни облака, въ полѣ—ни рѣчи. Все какъ-будто умерло; вверху только, въ небесной глубинѣ, дрожитъ жаворонокъ, и серебряныя пѣсни летятъ по воздушнымъ

ступенямъ на землю, да изрѣдка крикъ чайки или звонкій голосъ перепела отдается въ степи. Спокойно стоятъ под-облачные дубы, и ослѣпительные солнечные лучи заки-гаютъ цѣлыя живописныя массы ихъ листьевъ, накиды-вая на другія темную, какъ ночь, тѣнь, по которой только при сильномъ вѣтрѣ прыщеть золото. Изумруды, топазы, яхонты мелкихъ насѣкомыхъ сыплются надъ пестрыми огородами, осѣняемыми статными подсолнечниками. Сѣ-рые скирды сѣна и золотые снопы хлѣба стройными ря-дами располагаются въ полѣ. Нагнувшіеся отъ тяжести плодовъ широкія вѣтви черешенъ, сливъ, яблонь, грушъ; небо, его чистое зеркало,—рѣка въ зеленыхъ, гордо подня-тыхъ рамахъ... Какъ полно нѣги малороссійское лѣто!

Н. Гоголь.

246. Украинская ночь.

Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь въ нее; съ середины неба глядитъ мѣсяцъ; необъятный небесный сводъ раздался, раздвинулся еще необъятнѣе, горитъ и дышитъ онъ; земля вся въ серебряномъ свѣтѣ; и чудный воздухъ и прохладно душень, и полонъ нѣги, и движетъ океанъ благоуханій. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недвижно, вдох-новенно стали лѣса, полные мрака, и кинули огромную тѣнь отъ себя. Тихи и покойны эти пруды; холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темнозеленыя стѣны. Дѣвственныя чащи черемухъ и черешенъ пугливо протя-нули свои корни въ ключевой холодъ, и изрѣдка лепе-чуть листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрас-ный вѣтренникъ, ночной вѣтеръ, подкравшись мгновенно, цѣлуетъ ихъ. Весь ландшафтъ спитъ. А сверху все ды-шитъ, все дивно, все торжественно. А на душѣ и необъятно чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно возникаютъ въ ея глубинѣ. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Вдругъ все ожило: и лѣса, и пруды, и степи. Сыплется величественный громъ украинскаго соловья, и чудится, что и мѣсяцъ заслушался его посреди неба... Какъ очаро-ванное дремлетъ на возвышеніи село. Еще болѣе, еще лучше блестятъ при мѣсяцѣ толпы хатъ; еще ослѣпитель-нѣе вырѣзываются изъ мрака низкія ихъ стѣны. Пѣсни умолкли. Все тихо. Благочестивые люди уже спятъ. Гдѣ-то только свѣтятся узенькія окна. Передъ порогами иныхъ только хатъ запоздалая семья совершаетъ свой поздній ужинъ.

Н. Гоголь.

247. Малороссія.

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышитъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонуть хутора,
Среди садовъ деревья гнутся долу,
И до земли виситъ ихъ плодъ тяжелый?
Шумя тростникъ надъ озеромъ трепещетъ,
И чистъ, и тихъ, и ясенъ сводъ небесъ;
Косарь поетъ, коса звенитъ и блещетъ;
Вдоль берега стоитъ кудрявый лѣсъ,
И къ облакамъ, клубясь надъ водою,
Бѣжитъ дымокъ, синѣющей струею?
Ты знаешь край, гдѣ нивы золотыя
Испещрены лазурью васильковъ,
Среди степей курганъ временъ Батыя,
Вдали стада пасущихся воловъ,
Обозовъ скрипъ, ковры цвѣтущей гречи,
И вы, чубы, остатки славной Сѣчи?
Ты знаешь край, гдѣ утромъ въ воскресенье,
Когда росой подсолнечникъ блеститъ,
Такъ звонко льется жаворонка пѣнье,
Стада блеютъ, а колоколъ гудитъ,
И въ Божій храмъ, увѣнчаны цвѣтами,
Идутъ казачки пестрыми толпами?

А. Толстой.

248. Лѣтнія занятія малороссовъ.

Какъ у великоросса, такъ и у малорусскаго крестьянина лѣто—самая страдная пора. Не успѣла еще совсѣмъ отойти косовица, какъ уже поспѣлъ хлѣбъ. Рожь, пшеница, овесъ, гречиха, ячмень, просо, ленъ—все это налилось полнымъ зерномъ и, переливаясь золотистыми волнами отъ легкаго вѣтерка, проситъ серпа или косы. А тамъ наступитъ и молотба; мѣрный стукъ цѣповъ раздается на току отъ зари до зари и наполняетъ душу добрымъ, радостнымъ чувствомъ. На баштанахъ тоже кипитъ дѣятельность. Огромные арбузы, золотистыя дыни и тыквы совсѣмъ налились, созрѣли и лежатъ на грядахъ, прося рабочихъ рукъ. Подсолнухи и усатая кукуруза выросли во всю свою вышину и далеко виднѣются своими верхушками. Старый, сѣдой сторожъ, охраняющій бахчи, съ напускною важною покрикиваетъ на деревенскихъ ребятишекъ, выгоняя ихъ оттуда; но маленькіе плутишки хорошо знаютъ, что дѣдка шутитъ, бѣгаютъ съ веселыми криками по баштану и преусердно набиваютъ свои карманы и рты подсолнухами и огурцами.

С. Мечъ.

249. Степь въ іюлѣ.

Мы ѣдемъ на тройкѣ по широкой равнинѣ, которая тянется до самаго горизонта и исчезаетъ въ лиловой дали. Вонъ, гдѣ небо сходится съ землею, виднѣется вѣтряная мельница; издали она похожа на маленькаго человѣчка, размахивающаго руками; но по мѣрѣ того, какъ мы подъѣжаемъ къ ней, она дѣлается все больше и больше, и за ней открывается новый горизонтъ. Кругомъ нѣтъ ни лѣсовъ, ни горъ. Небо, опрокинутое надъ степью, кажется страшно глубокимъ и прозрачнымъ; на огромной высотѣ парятъ орлы, плавно описывая большіе круги.

Солнце печетъ невыносимо. Трава давно уже поникла и пожелтѣла. Сжатая рожь, бурьянъ, молочай—все побурѣло отъ зноя. Въ травѣ перекликаются суслики; гдѣ-то далеко влѣво плачутъ чибисы. Стадо куропатокъ, испуганное нашей бричкой, вспорхнуло и со своимъ мягкимъ «тррр» полетѣло къ холмамъ. Кузнечики и сверчки тянули въ травѣ свою скрипучую музыку.

Какъ душно и уныло! Бричка бѣжитъ, а мы видимъ все одно и то же—небо, равнину, холмы... Нѣтъ ни вѣтра, ни облачка.

Но вотъ, наконецъ, когда солнце стало спускаться къ западу, изъ-за холмовъ неожиданно показалось пепельно-сѣрое кудрявое облако. Оно переглянулось со степью—я, моль, готово—и нахмурилось. Вдругъ сильно рванулъ вѣтеръ и съ шумомъ, со свистомъ закружился по степи. Трава и бурьянъ подняли ропотъ, на дорогѣ закружилась пыль; она понеслась по степи, увлекая за собой солому, стрекозъ и перья. Чернымъ вертящимся столбомъ поднялась пыль къ небу и затуманила солнце.

У самой дороги вспорхнулъ стрепетъ. Мелькая крыльями и хвостомъ, онъ поднялся сперва прямо вверхъ, но потомъ, должно быть, испугался вихря и понесся въ сторону. За холмами прогремѣлъ громъ; подуло свѣжестью. Нашъ кучеръ весело свистнулъ и стегнулъ по лошадямъ. Придерживая свои шляпы, мы устремили глаза на холмы... Хорошо, если бы брызнулъ дождь.

Но надежда наша была напрасна. Зной преодолѣлъ: облако разсѣялось по небу и какъ будто растаяло въ воздухѣ; вѣтеръ затихъ и попрежнему стало душно.

А. Чеховъ.

250. В ъ степи.

По всей степи—ковыль, по краямъ—все туманъ.
Далеко, далеко отъ кургана курганъ,
Облака въ синевѣ бѣлымъ стадомъ плывутъ,
Журавли въ облакахъ перекличку ведутъ.
Не видать ни души. Тонетъ въ золотѣ день,
Пробѣжать по травѣ вѣтру сонному лѣнь.
А цвѣты-то, цвѣты! Какъ живые стоять,
Улыбаются, глазки на солнце глядятъ,
Словно рѣчи ведутъ, какъ ихъ жизнь коротка,
Коротка да безъ слезъ, отъ заботъ далека.
Вотъ и рѣчка... Не вѣрь! То подъ жгучимъ лучомъ
Отливается тонкій ковыль серебромъ.
Высоко, высоко въ небѣ точка дрожить,
Колокольчикъ веселый надъ степью звенить,
Въ ковылѣ гудовень—и поютъ и жужжать,
Раздаются свистки, молоточки стучать;
Средь дорожки глухой пыль столбомъ поднялась,
Закружилась, въ широкую степь понеслась...
На всѣ стороны путь: ни лѣсочка, ни горъ!
Необъятная гладь, неоглядный просторъ!

Пикитинъ.

251. Скотоводство въ степяхъ.

Мы цѣлыхъ два мѣсяца провели въ уединенномъ хуторѣ, отъ котораго ближайшій сосѣдъ жилъ въ 120 верстахъ. Но ѣздить по гостямъ намъ и некогда было: мы или охотились за дрохвами и перепелами, или объѣзжали поля, но больше всего времени занимала повѣрка стадъ или осмотръ ихъ. Самое цѣнное богатство хутора состояло въ табунахъ лошадей, стадахъ рогатаго скота и овцахъ.

Не на одни только табуны лошадей смотрѣлъ я по цѣлымъ часамъ въ нѣмомъ восторгѣ: почти подобное же чувство пробуждали во мнѣ стада рогатаго скота. Во всей южной Россіи и зиму и лѣто на свободѣ живутъ стада черкасской породы, той самой, образцы которой мы видимъ въ Петербургѣ, когда ихъ пригоняютъ на бойню. Но на свободѣ они не такіе, какъ здѣсь, подъ палкой гуртовщика: тамъ у нихъ нѣтъ этого неподвижнаго, безсмысленнаго взгляда. Въ степи въ ихъ черныхъ блестящихъ глазахъ видны и умъ, и жизнь, и только по цвѣту и рогамъ въ нихъ можно узнать однокровныхъ братьевъ съ тѣми, которыхъ пригоняютъ въ Петербургъ.

Но самую большую выгоду получаютъ степные жители отъ овецъ.

Степное овцеводство подвержено многимъ опасностямъ; самая страшная изъ всѣхъ—зимніе бураны. Если овцеводъ незнакомъ съ метеорологическими примѣтами, то въ одинъ день можетъ потерять все свое стадо.

При первыхъ, самыхъ легкихъ признакахъ приближающагося бурана, опытный овчаръ загоняетъ стада въ хлѣва, а не то вихрь налетитъ въ одно мгновеніе съ сѣвера или съ сѣверо-востока, и овцы пропали. Весь воздухъ въ одну минуту наполняется слипшимися льдистыми снѣжинками, иногда порядочной величины; онѣ сыплются съ оглушительнымъ шумомъ, отъ котораго и у самаго отважнаго человѣка упадетъ сердце. Бѣдныхъ овецъ градины бьютъ нестерпимо больно; холодный, порывистый вѣтеръ рѣжетъ ихъ; клочья снѣгу падаютъ, слѣпляють имъ шерсть, которая смерзается сосульками и даже залѣпляетъ глаза. Мало-по-малу холодъ и боль доводятъ животныхъ до совершеннаго бѣшенства, и тутъ уже ничто не можетъ ни удержать, ни успокоить ихъ,—они не повинуются ни собакамъ, ни человѣку. Цѣлымъ стадомъ, тѣсно прижимаясь другъ къ другу, они бросаются бѣжать все прямо, прямо черезъ равнины, холмы, болота и рѣки. Случалось, несчастныя животныя забѣгали въ незамерзшія еще рѣки или лиманъ и гибли тысячами. Сколько разъ бывало, что въ безумномъ страхѣ забѣгутъ они въ Ингуль, тонуть, громоздятся рядъ на рядъ, гибнуть, и тѣлами своими запружаютъ рѣку до того, что вода выходитъ изъ береговъ.

При особенно счастливыхъ случаяхъ овцы набѣгаютъ на какое-нибудь строеніе, останавливаются, какъ ошеломленные или очарованные, и не шевелятся, низко наклонивъ головы; только дрожь пробѣгаетъ у нихъ по тѣлу, и онѣ тяжело и громко дышатъ. Овчары обыкновенно, выбиваясь изъ силъ, бѣгутъ за испуганнымъ стадомъ и по слѣдамъ, т.е. по овцамъ, здѣсь и тамъ павшимъ отъ усталости, добираются до него, находятъ несчастныхъ овецъ въ онѣмѣломъ состояніи, но ни голосомъ, ни палкой, ни собаками не могутъ согнать стадо съ мѣста. Если по близости находится какое-нибудь строеніе, пастухи на рукахъ перетаскиваютъ туда овецъ по-одиночкѣ и такимъ образомъ спасаютъ ихъ отъ смерти.

Лѣтомъ и зимою за овечьими стадами постоянно ходятъ волки и безпрестанно уносятъ то ту, то другую изъ отсталыхъ овецъ. Но никогда самый прожорливый волкъ не надѣлаетъ столько бѣдъ, сколько одна буря съ метелью.

В. Воскресенскій.

252. Кочевники-киргизы.

Живутъ киргизы не по-нашему: они *кочевники*, т.-е. не проводятъ круглый годъ на своей усадьбѣ, а бродятъ по степи съ мѣста на мѣсто со своими стадами. Избъ они не строятъ, а коротаютъ дни свои въ особенныхъ палаткахъ, которыя называются *кибитками*, или юртами. Для кочевого пастуха, не прикрѣпленнаго къ землѣ, лучшаго жилища и не надо. Юрта не тяжела, легко складывается и вновь разбирается, а потому вполне удобна для переноски съ мѣста на мѣсто. Внутри нея тепло, довольно просторно и уютно.

Киргизы-кочевники.

Кибитку, сложенную изъ деревянныхъ рѣшетокъ, обтягиваютъ плотнымъ войлокомъ. Богатые киргизы увѣшиваютъ ее внутри пестрыми коврами и занавѣсками изъ шелка, а снаружи обшиваютъ узорами изъ кусковъ разноцвѣтнаго сукна.

Киргизъ—скотоводъ; онъ держитъ цѣлыя табуны лошадей и стада мелкаго и крупнаго рогатаго скота; землю же обрабатываетъ неохотно, засѣвая лишь небольшіе клочки ея.

Лошади и бараны—главное богатство киргизовъ. У зажиточнаго киргиза найдется иной разъ нѣсколько тысячъ лошадей; киргизъ со среднимъ достаткомъ считаетъ

ихъ сотнями головъ, и даже бѣдняки имѣють ихъ въ достаточномъ количествѣ.

Лошади пасутся въ степяхъ на свободѣ и держатся небольшими табунами въ нѣсколько десятковъ головъ. Кромѣ лошадей и коровъ, киргизъ разводитъ стада овецъ и козъ. Овцы его довольно крупныя, хорошо сложены и надѣлены жирными хвостами (курдюками); козы красивы на видъ, съ густою шерстью и съ небольшими, закрученными назадъ, рогами.

Лѣтомъ, когда степь выгораетъ, киргизы поднимаются все выше и выше въ горы, гдѣ гораздо прохладнѣе и кормъ еще довольно сочный. Когда же начнутся холода, кочевники опять спускаются обратно съ горъ и располагаются на зиму въ долинахъ, гдѣ все же теплѣе, чѣмъ въ горахъ, и вѣтры буйствуютъ не слишкомъ сильно.

Такъ странствуетъ всю жизнь свою киргизъ, и только смерть кладетъ конецъ его вѣчнымъ скитаніямъ.

Работы у киргизовъ, въ особенности у женщинъ, много. Уходъ за рогатымъ скотомъ и лошадьми лежитъ всецѣло на мужчинахъ. Домашнимъ же хозяйствомъ заведуютъ женщины. Онѣ доятъ овецъ, коровъ и кобылицъ, стряпаютъ кушанья, приготавливаютъ творогъ, масло и кумысъ. Кумысъ — излюбленный напитокъ киргизовъ; онъ дѣлается изъ лошадиного молока и хранится въ большихъ кожаныхъ мѣхахъ (бурдюкахъ).

Киргизъ въ ѣдѣ не прихотливъ. Хлѣба онъ почти не употребляетъ, а пробавляется больше молочными продуктами, и только зимою позволяетъ себѣ лакомиться мясомъ, причемъ больше всего цѣнить конину и баранину.

Овцы, козы и верблюды даютъ киргизу отличную шерсть. Изъ овечьей шерсти онъ изготовляетъ войлокъ и грубое сукно; верблюжья шерсть идетъ на пряжу. Изъ овечьихъ и козьихъ шкуръ шьются на зиму теплыя шубы, а изъ кожи тѣхъ же животныхъ выдѣлывается различный кожевенный товаръ или же бурдюки, въ которыхъ хранятся различные съѣстные припасы.

Въ свободные отъ работы дни, въ дни праздниковъ или какого-нибудь семейнаго торжества, киргизъ не прочь и позабавиться. Больше всего онъ любитъ скачку на лошадяхъ и охоту. Скакать на перегонки, мчаться верхомъ по степи, хотя бы и на неосѣдланной лошади, выдѣлывать на всемъ скаку различные выкрутасы, щеголять передъ товарищами своимъ молодечествомъ — все это кир-

гизу правится такъ же, какъ и охота съ борзыми собаками и прирученнымъ орломъ.

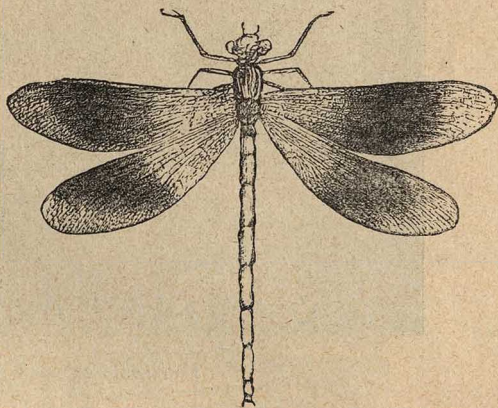
Иногда въ досужее время киргизъ не прочь позабавиться и иначе: онъ любитъ и поплясать, и попѣть, или же послушать разсказъ про старину, про подвиги и былую славу своихъ предковъ...

Изъ кн. для взрослыхъ, Алчевской.

253. Саранча.

Мы уже вставали изъ-за стола, какъ вдругъ до насъ долетѣли крики: «Саранча! саранча!» Хозяинъ мой поблѣднѣлъ, какъ человѣкъ, котораго извѣщаютъ о страшной бѣдѣ, и всѣ мы выбѣжали изъ комнаты.

Въ домѣ, въ которомъ за минуту царила полнѣйшая тишина, поднялась страшная суматоха; раздались торопливыя шаги, неясные голоса... Сбѣгались рабочіе. Не теряя времени, всѣ они принялись стучать палками, вилами, цѣпами и всѣми металлическими орудіями, какія только попадались подъ руку, — въ мѣдные тазы, котлы, кастрюли. А пастухи громко за-

С а р а н ч а.

трубили въ пастушьи рожки. Это производило страшный гвалтъ. Говорятъ, что часто бываетъ достаточно сильнаго шума для того, чтобы остановить саранчу и помѣшать ей опуститься.

Но гдѣ же были эти страшныя насѣкомыя? — Я смотрѣлъ и не видѣлъ въ жаркомъ небѣ ничего, кромѣ надвигающейся съ горизонта сплошной темной тучи, которая приближалась съ шумомъ, напоминающимъ шумъ лѣса во время бури. Это была саранча. Страшныя насѣкомыя, сбѣпившись и поддерживая другъ друга своими сухими вытянутыми крылышками, неслись сплошной массой и, не смотря на наши крики и стукотню, подвигались все ближе и ближе.

Туча остановилась, наконецъ, надъ нашими головами; на секунду по краямъ ея показались какъ бы отверстія; что-то заколебалось, оторвалось тамъ и, какъ первыя градины, отъ массы отдѣлилось нѣсколько гадкихъ красноватыхъ насѣкомыхъ, отчетливо видимыхъ въ воздухѣ. Потомъ вся туча прорвалась, и частый градъ насѣкомыхъ съ шумомъ упалъ на землю. Насколько глазъ могъ окинуть окрестное пространство, всѣ поля сплошь покрылись огромными толстыми кузнечиками, величиной съ человѣческій палецъ.

Нападеніе саранчи въ Индіи.

Тогда началось ихъ истребленіе. Рабочіе принялись бороздить и переворачивать эту живую копошащуюся почву боровами, плугами, лопатами. И чѣмъ больше давили насѣкомыхъ, тѣмъ ихъ казалось больше. Черезъ нѣсколько времени на помощь рабочимъ явились солдаты. Въмѣсто того, чтобы давить насѣкомыхъ, солдаты принялись опалять ихъ. Они шли рядами, оставляя за собой длинныя полосы пороху и поджигая его.

Саранча пробиралась и въ домъ—черезъ щели дверей и оконъ, черезъ печныя трубы. Насѣкомыя ползали по карнизамъ, копошились въ сѣдненныхъ ими занавѣскахъ, падали, летали, карабкались вверхъ по стѣнамъ. За обѣдомъ пришлось обойтись безъ воды. Водоемы, бассейны, колодцы,—все было заражено саранчой.

На разсвѣтъ слѣдующаго дня саранчи уже не было:

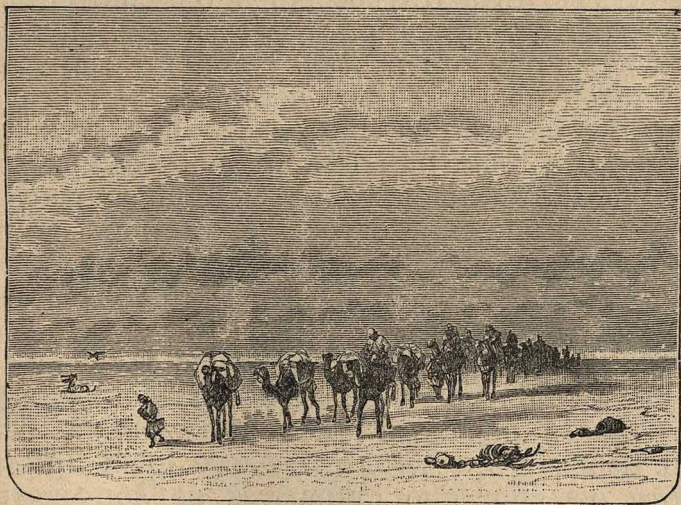
она улетѣла. Но какое страшное опустошеніе она оставила позади себя! Не было уже ни цвѣтка, ни травки: все было черно, съѣдено, выжжено!..

Землепашцы взрывали и разбивали землю, чтобы истребить яйца, положенныя насѣкомыми. Каждая глыба, каждый комъ земли были старательно разбиты, перевернуты, взрыхлены... Сердце сжималось при видѣ тысяч надорванныхъ бѣленькихъ, полныхъ сокомъ корешковъ, которые мелькали въ обломкахъ этой плодородной и воздѣланной земли.

(По Додэ).

254. Верблюдъ—корабль пустыни.

Верблюдъ—крупное жвачное животное. На видъ онъ некрасивый и нескладный. Въ особенности безобразна его

Караванъ въ пустынь.

голова—короткая, съ вытянутою и вздутою мордой. Шея у него длинная, но верблюдъ почти никогда не держитъ ее прямо, а загибаетъ дугой. На спинѣ верблюда поднимается горбъ, состоящій изъ жира. Въ теченіе года величина горба мѣняется. Чѣмъ лучше пища верблюда, тѣмъ выше поднимается его горбъ, и, наоборотъ, чѣмъ хуже онъ питается, тѣмъ больше спадаетъ его горбъ. Есть также верблюды двугорбые. Ноги у верблюда высокія и неуклюжія, покрытыя на суставахъ мозолями. Подошвы мозолистыя, похожія на подушки. На груди тоже нахо-

дится мозолистое возвышеніе, въ родѣ горба. Оно служитъ какъ бы подпорой, на которой покоится туловище верблюда, когда онъ ложится на землю.

Шерсть у верблюда мягкая, волнистая, чаще всего свѣтлаго, песочнаго цвѣта. Попадаются также сѣрые и бурые верблюды, и гораздо рѣже черные. Глаза у верблюда большіе, но безсмысленные и тупые, уши маленькія, но очень подвижныя. Верхняя губа посрединѣ немного раздвоена и выдается надъ нижнею; нижняя губа—отвислая, словно она свѣшивается отъ тяжести. При скоромъ движеніи верблюда его безобразныя губы постоянно трясутся.

Но это безобразное на видъ животное приноситъ большую пользу въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно водится. Верблюдъ любитъ самыя сухія и жаркія мѣстности. Поэтому онъ въ особенности драгоцененъ въ пустынѣ и въ степи.

На землѣ встрѣчаются совершенно безплодныя, обширныя пространства, называемыя пустынями. Почва въ пустынѣ песчаная или каменистая. Немногія растенія могутъ расти на такой почвѣ. Только немногія жесткія и колючія травы виднѣются кое-гдѣ среди сыпучихъ песковъ и камней. Въ пустынѣ нѣтъ ни воды, ни деревьевъ, подѣ тѣнью которыхъ можно было бы укрыться отъ палящаго солнца.

Среди пустыни, какъ острова среди моря, попадаются уголки плодородной земли, называемыя оазами. Здѣсь обыкновенно протекаетъ ручей, на берегу котораго зеленѣетъ трава и растутъ деревья.

Путешествовать въ пустынѣ можно только на верблюдахъ. Никакое другое животное не можетъ выносить долгаго и труднаго перехода чрезъ раскаленную безводную пустыню. Верблюдъ можетъ нѣсколько дней прожить безъ воды, хотя обыкновенно стараются не допускать, чтобы верблюды долго терпѣли жажду. Точно также верблюдъ очень неприхотливъ въ пищѣ. Онъ можетъ питаться самыми жесткими, сухими и даже колючими растеніями пустыни.

Безъ верблюда такъ же не пройти черезъ пустыню, какъ безъ корабля не проѣхать черезъ море. Поэтому уже давно верблюда прозвали «кораблемъ пустыни».

Обыкновенно верблюды идутъ одинъ за другимъ длиннымъ караваномъ. На однихъ верблюдахъ навьюченъ грузъ, на другихъ сидятъ сами путешественники, закутанные съ головой въ бѣлые бурнусы.

Все верблюды идутъ и бѣгутъ всегда иноходью, т.-е.

почти одновременно ступая обѣими ногами каждой стороны. Хорошій верховой верблюдъ можетъ бѣжать часовъ по 16 въ сутки и пробѣгаетъ за это время около 140 верстъ. Вьючные верблюды идутъ версты по три съ половиной или по четыре въ часъ, а въ день проходятъ около 40 верстъ.

Не слѣдуетъ думать, что верблюды кроткія, смиренныя и терпѣливыя животныя. Напротивъ, это глупыя, упрямыя и въ высшей степени злыя животныя. Верблюдъ не привязывается къ своему хозяину, какъ лошадь. Своею злостью и упрямствомъ онъ часто выводитъ изъ терпѣнія человѣка. Разозлившись, верблюдъ сбрасываетъ путника на землю, топчетъ его, кусаетъ или убѣгаетъ, оставивъ путника одного въ пустынѣ.

Но, не смотря на свой невзрачный видъ и нѣкоторыя дурныя качества, верблюдъ—незамѣнимое животное въ пустынѣ. Онъ перевозитъ на себѣ людей и разныя клади. Мясо, въ особенности молодыхъ верблюдовъ, употребляется въ пищу. Верблюжьими кожами покрываютъ шатры и выдѣлываютъ изъ нихъ различныя издѣлія, хотя кожа эта не особенно прочна. Шерсть верблюжья прядется и изъ нея дѣлаютъ сукно и другія матеріи. Молоко верблюда до того густо и жирно, что вкусъ его противенъ, и потому оно рѣдко употребляется въ пищу.

Большая часть верблюдовъ умираетъ отъ истощенія во время длинныхъ переходовъ черезъ пустыню.

Въ Россіи держатъ верблюдовъ въ жаркихъ степныхъ мѣстностяхъ; тамъ киргизы и калмыки употребляютъ ихъ для перевозки тяжестей черезъ степи. Много ихъ и въ Туркестанскомъ краѣ.

В. Ливовъ.

255. Въ соляной шахтѣ.

Мнѣ приходилось въ первый разъ опускаться въ шахту. Теперь я разглядѣлъ, что шахта была раздѣлена продольной перегородкой на двѣ части, и въ ней скользили двѣ клѣти: въ то время, какъ одна опускалась внизъ, другая поднималась вверхъ.

Штейгеръ предложилъ намъ войти въ клѣть. Мы вошли; и за нами затворили дверцы. Клѣть была грязная и сырая; сверху, со стѣнокъ ея капала вода. Мы взяли руками за желѣзную перекладину на верху клѣти. Раздался звонокъ; клѣть дрогнула и стала опускаться. Сдѣлалось совсѣмъ темно. Мы быстро падали въ какую-то глу-

бокую яму. Я крѣпко держался за желѣзную перекладину и, казалось,—оставь я ее, клѣтъ уйдетъ безъ меня. Но вдругъ клѣтъ какъ-то дрогнула, точно остановилась, и мнѣ показалось, что я несусь куда-то вверхъ съ такой ужасной скоростью, что духъ захватывало, и стала кружиться голова. Потомъ опять какъ бы остановка, и опять мы точно падаемъ внизъ. И все это въ полной темнотѣ.

Вотъ клѣтъ опять задрожала, точно ударила о что-то, и сразу остановилась. Вокругъ опять посвѣтлѣло, но свѣтъ какой-то слабый, не то что тамъ, наверху. Видны люди; они отворяютъ дверцы нашей клѣты и помогаютъ намъ выйти. Мы опустились на глубину 58 сажень. Это значитъ: 58 сажень, или 174 аршина, твердой земли поднимаются надъ нами и отдѣляютъ насъ отъ свѣта.

Я не знаю, куда ступить. Кругомъ сыро, мрачно. Я вижу только какой-то ходъ, идущій въ бокъ, но не могу разобрать, далеко ли онъ идетъ, широкий онъ или узкій, высокій или низкій. Мы прошли нѣсколько шаговъ и свернули въ сторону. Похоже на комнатку. Возлѣ одной изъ стѣнъ стоитъ письменный столъ. Но стѣны какія-то странныя, бѣлыя, точно изо льда. Я подхожу къ стѣнѣ и трогаю ее рукой: холодно и сыро. Я догадываюсь, что это соль.

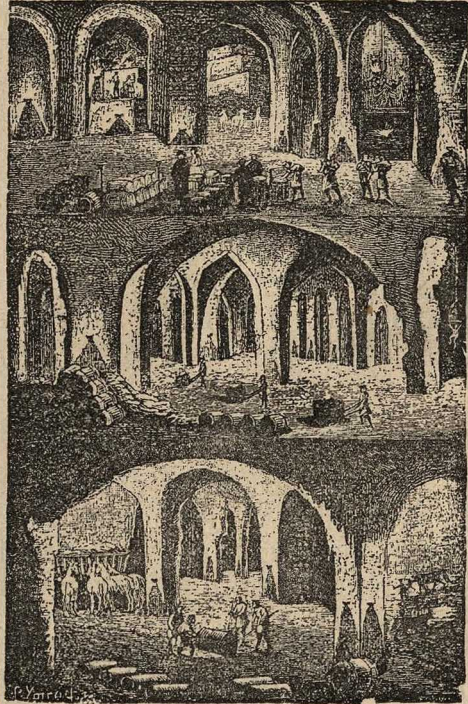
Между тѣмъ штейгеръ садится за столъ, вставляетъ свѣчи въ фонари и зажигаетъ ихъ. Я беру фонарь и приближаю его къ стѣнѣ. Теперь я ясно вижу бѣлыя стѣны, бѣлый потолокъ и грязно-бѣлый полъ, по которому проложены рельсы. Галлерей просторная, въ нѣсколько сажень шириной и вышиной. Когда-то тутъ все была каменная соль; теперь ее вынули и работаютъ дальше. Соль лежитъ слоями различной толщины. По стѣнамъ все время виднѣются бѣлыя полосы, которыя раздѣляются узенькими темными прослойками, то и дѣло изгибаются. Мы прошли немного галлереей и свернули въ другую, боковую. Тамъ виденъ свѣтъ и слышны удары. Мы подходимъ ближе. Передъ нами цѣлыя груды глыбъ соли. Нѣсколько рабочихъ разбиваютъ ихъ молотами на меньшіе куски. Я нагнулся и поднялъ кусокъ каменной соли, чтобы взять его съ собой. Идемъ дальше. Вскорѣ должны были взрывать соль, и штейгеръ послалъ впередъ рабочаго, чтобы подождали нашего прихода. Галлерей становилась все ниже; мѣстами приходилось нагибаться, чтобы не удариться головой о потолокъ. Наконецъ мы очутились въ небольшой

камерѣ, дальше которой уже не было ходу. Тутъ двое рабочихъ сверлили въ стѣнѣ узкія скважины. Въ скважины эти кладется порохъ, и къ нему проводится фитиль. Обыкновенно дѣлаютъ 16 скважинъ, половину наверху и половину внизу стѣны. Потомъ двое рабочихъ быстро зажигаютъ всѣ фитили и бѣгутъ отсюда.

Мы прошли въ другую камеру, гдѣ уже все было готово для взрыва. Штейгеръ отдалъ приказаніе зажигать фитили, а намъ велѣлъ идти скорѣе за нимъ. Мы свернули въ боковую галлерею съ низкимъ потолкомъ, откуда взрывъ не могъ быть виденъ. Но я не утерпѣлъ и на мгновеніе выглянулъ оттуда на то мѣсто, гдѣ мы сейчасъ были. Мнѣ было видно, какъ оба рабочіе быстро прикладывали къ стѣнѣ горячіе факелы, и нѣсколько уже зажженныхъ огоньковъ. Потомъ я поспѣшилъ за другими, и мы прошли нѣсколько дальше. Скоро къ намъ прибѣжали оба рабочіе съ факелами. Мы стояли еще съ минуту молча, и я волновался, ожидая взрыва.

Вдругъ раздался выстрѣлъ, за нимъ другой болѣе сильный, и гулъ прокатился по всей галлерей. Казалось, что твердыя стѣны, окружающія насъ, и потолокъ затряслись и вотъ вотъ сейчасъ обрушатся на насъ. Я вздрогнулъ и невольно подвинулся дальше. Новый выстрѣлъ... еще и еще... и гулъ, не умолкая, раскатывался по галлереймъ, и становилось жутко, хотя я уже зналъ, что потолокъ изъ твердой каменной соли не можетъ обрушиться такъ далеко отъ мѣста взрыва. Наконецъ все стихло. Въ воздухѣ чувствовался запахъ пороха.

Мы шли дальше. Дорога поднималась горкой, и гал-

Соляныя копи.

лерея опять становилась ниже и уже. Потомъ опять вышли на широкую галлерею и стали подниматься по лѣстницѣ. Пройдя ее, мы очутились на широкой площадкѣ, откуда начинался спускъ также по лѣстницѣ. Тутъ штейгеръ задержалъ насъ. Между тѣмъ насъ увидали снизу и по заранѣе сдѣланному распоряженію зажгли бенгальскій огонь. Все сразу освѣтилось розовымъ свѣтомъ, и сверху мы увидали передъ собой огромную камеру—высокую и широкую, точно цѣлый залъ, бѣлыя стѣны которой теперь казались розовыми. Мы стали спускаться по лѣстницѣ. Внизу ея, между двухъ огромныхъ соляныхъ колоннъ, подпиравшихъ своды камеры, стояла фисгармонія. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея стояла грубо сдѣланная статуя человѣка изъ глыбы каменной соли. Дальше было устроено что-то въ родѣ молельни, и висѣла икона.

Отсюда мы опять свернули въ одну изъ галлерей и, пройдя нѣкоторое разстояніе, вернулись снова къ устью шахты. Дождавшись, когда опустилась клѣтъ, мы помѣстились въ ней и въ какую-нибудь минуту быстро взлетѣли наверхъ—на свѣтъ.

Изъ Книги для взрослыхъ, Алчевской.

256. Землетрясеніе въ городѣ Вѣрномъ.

Городъ Вѣрный раскинулся на краю песчаной пустыни Туркестана, у подножія исполинскихъ горъ Тянь-Шаня, или Небесныхъ горъ. Гордо поднимаются онѣ надъ сосѣдней степью. Вершины ихъ теряются въ облакахъ, но склоны не имѣютъ дикаго и суроваго вида. Они спокойны и полны жизни. Внизу раскинулись пышные луга, а въ долинахъ пріютились роскошнѣйшіе сады. Здѣсь нѣтъ ни дикихъ ущелій, ни мрачныхъ скалъ. Природа широко раскрываетъ для человѣка свои богатства. Оттого-то онъ и стремится въ этотъ благодатный край, не смотря на то, что здѣсь чуть ли не ежегодно случаются страшныя землетрясенія...

Въ 1887 году, 28 мая случилось страшное землетрясеніе, разрушившее городъ Вѣрный. Бѣда разразилась внезапно надъ спящимъ городомъ.

Утромъ 28 мая, въ 35 минутъ пятого, раздался сильный подземный гулъ, и почувствовался рѣзкій толчокъ, разбудившій всѣхъ спавшихъ. Колебаніе земли продолжалось не болѣе секунды. Такъ какъ здѣсь землетрясенія довольно часты, то скоро всѣ успокоились. Но черезъ нѣсколько минутъ раздался второй гулъ: казалось, будто

звонило множество колоколовъ или бѣжали тяжелыя орудія. За этимъ гуломъ послѣдовали сильные удары. Тотчасъ начала сыпаться штукатурка, стали рушиться печи и стѣны и попадали потолки. Эти рѣзкіе колебанія и толчки продолжались пять минутъ. Шумъ и грохотъ отъ разрушавшагося города былъ ужасенъ, а поднимающаяся пыль наполнила улицы какъ бы туманомъ. Животныя сорвались съ привязей и бѣшено мчались въ разныя стороны съ дикимъ мычаніемъ и ржаніемъ. Въ первую минуту казалось, что города больше не существуетъ, что разрушены все зданія безъ исключенія. Однако нѣкоторые дома устояли, хотя въ стѣнахъ ихъ появились громадныя трещины. Уцѣлѣло большинство деревянныхъ домовъ, гдѣ развалились только печи и попадали трубы. Новыя массивныя постройки пострадали болѣе другихъ. Отъ колокольной соборной не осталось и слѣда; только на землѣ лежалъ желѣзный остовъ остроконечной верхушки ея съ однимъ небольшимъ колоколомъ. Стѣны самага собора отчасти растрескались, отчасти разрушились. Но всего ужаснѣе были послѣдствія землетрясенія въ горахъ: цѣлыя скалы обрушились тамъ въ ущелья и долины, запрудили рѣки и погубили много скота. Грохотъ и гулъ былъ оглушителенъ.

Среди населенія распространился безотчетный страхъ. Въ первую минуту почти никому не приходило въ голову, что надо спасаться и спасать другихъ. Все выскочили, кто въ чемъ былъ, на улицы, и тамъ, сидя и лежа, ожидали неминуемой гибели. Черезъ четверть часа послѣ землетрясенія все жители города стали равны по положенію. Почти все выбѣжали босыми; ни у кого не было ни гроша денегъ. Первою заботою всехъ было прикрыть свою наготу. Многіе, опомнившись отъ перваго испуга, не доискивались своихъ родныхъ и близкихъ. Матери бросились доставать изъ полуразрушенныхъ домовъ своихъ забытыхъ дѣтей; другіе спѣшили вынести, что было изъ одежды и болѣе цѣннаго имущества. Между тѣмъ подземные удары и сотрясенія продолжались въ теченіе цѣлаго дня. Поврежденные стѣны домовъ не выдерживали новыхъ толчковъ и обрушивались то здѣсь, то тамъ, погребая подъ развалинами неосторожныхъ.

Ужасно было положеніе горожанъ. Вѣрнаго въ это злополучное утро. По улицамъ медленно двигались телѣги, нагруженные ранеными и ушибленными. Убитыхъ было много. Многіе изъ нихъ были погребены безъ гробовъ

въ большихъ могилахъ, по нѣскольку человѣкъ въ каждой.

Болѣе 400 человѣкъ погибло въ городѣ и его окрестностяхъ.

А. Нечаевъ.

257. Письмо внучки изъ Крыма къ бабушкѣ.

Милая бабушка!

Я не сумѣю Вамъ описать, какъ очаровалъ меня Крымъ. Какъ прекрасно и величественно море, какъ красивы горы и хороши водопады, какъ живописны здѣсь долины. Воздухъ мягкій и теплый. Крупныя груши, абрикосы, персики, грецкіе и миндальные орѣхи растутъ въ изобиліи. Но болѣе всего мнѣ нравятся виноградники. Они раскинулись по всему Крыму. Какъ красиво сверкаютъ между невысокими кустами зеленыя и розовыя кисти винограда. Татары живутъ въ деревняхъ. Посреди татарской деревни, обыкновенно, возвышается мечеть: это—молитвенный домъ татаръ съ высокой узкой башней. Утромъ и вечеромъ на башню взбирается мулла и поетъ громкимъ голосомъ: онъ сзываетъ татаръ на молитву. Татары очень набожны. Они привѣтливые и честные люди; женщины у нихъ не показываются постороннимъ мужчинамъ и при встрѣчѣ закрываютъ лицо чадрую. Въ Крыму очень хорошо, но я все-таки скучаю по своей милой родинѣ. Мама и я крѣпко цѣлуемъ Васъ, дорогая бабушка, и часто вспоминаемъ.

Горячо любящая Васъ внучка

Вѣра Желѣзнова.

15 іюля 1905.

Г. Алушта.

258. К р ы м ъ.

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы

Оживлены дубровы и луга;

Гдѣ весело шумятъ и блещутъ воды,

И мирные ласкаютъ берега;

Гдѣ на холмы, подъ лавровые своды,

Не смѣютъ лечь угрюмые снѣга?

Я помню горъ прибрежныя стремнины,

Прозрачныхъ водъ веселыя струи,

И тѣнь, и шумъ, и красныя долины,

Гдѣ бѣдныя простыхъ татаръ семьи,

Среди заботъ и съ дружбою взаимной,
Подъ кровлею живутъ гостепріимной.
Вокругъ домовъ рѣшетки винограда,
Монастыри, селенья, города,
И моря шумъ, и говоръ водопада,
И средь валовъ бѣгущія суда,

Крымъ. Водопадъ Учанъ-Су. Недалеко отъ г. Ялты.

И яркіе лучи златого Феба,
И синій сводъ полуденнаго неба.
Скажите мнѣ, кто видѣлъ край прелестный,
Гдѣ я любилъ, изгнанникъ неизвѣстный?

А. Пушкинъ.

259. М о р е.

Такъ вотъ оно море! Горитъ бирюзой,
Жемчужною пѣной сверкаетъ!..
На влажную отмель волна за волной
Тревожно и тяжело взбѣгаетъ..
Взгляни, онъ живетъ, этотъ зыбкій хрусталь,
Онъ стонетъ, грозитъ, негодуетъ..

А даль-то какая! О, какъ эта даль
Усталые взоры чаруетъ!..
Сынъ края метелей, тумановъ и вьюгъ,
Сынъ хмурой и блѣдной природы,
Какъ пылко, какъ жадно я рвался на югъ,
Къ вамъ, мѣрно шумящія воды!..

Надсонъ.

260. Море.

Шумить, плещется и днемъ и ночью прекрасное неугомонное синее море; его прозрачныя, какъ самый чистый хрусталь, волны одна за другою накатываются на берегъ, усыпанный разноцвѣтною галькой. Все новыя и новыя волны бѣгутъ, спѣшатъ къ берегу, разливаются по нему струйками, ручейками, и, кажется, нѣтъ конца ихъ однообразной игрѣ, ихъ несмолкаемому плеску... Волны ровною полоскою выбрасываютъ изъ моря гальку, морскую траву и соръ. Чего только нѣтъ въ этомъ сорѣ! Со всѣхъ береговъ своихъ, со дна, съ кораблей, съ пароходовъ—обширное море собираетъ дань! Долго носится она по волнамъ, по волѣ сильнаго вѣтра, но прибѣтъ ее, наконецъ, къ какому-нибудь берегу и вынесетъ волною на берегъ. Тутъ есть и щепки разбитаго бурей погибшаго судна, и трава съ морского дна, и растенія, принесенныя съ другого далекаго берега, и мертвая высохшая рыба, и побѣлѣвшія отъ дождя и солнца кости, и цвѣтныя ракушки, и много-много диковинокъ, съ разныхъ мѣстъ принесенныхъ водою,—не перечесть всего... А вокругъ разноцвѣтная галька...

Нѣтъ такого неустоимаго шлифовщика, какъ море. Надъ каждымъ камешкомъ, надъ каждой песчинкой, попавшими на берегъ, оно трудится безъ конца: то покатитъ ихъ, то потретъ о сосѣдніе камни, то повертитъ ими—пополощетъ въ водѣ, то закопаетъ въ песокъ, то выброситъ на берегъ дальше, то снова снесетъ подъ свои волны. Всѣ-то уголки и зазубринки камня оно сравниваетъ, закруглитъ, и станетъ камень другимъ, станетъ круглою галькою.

Для моря—все равно какой камень, все равно какая вещь попадетъ ему въ береговую волну: кусокъ мрамора или гранита, кусокъ мѣла или кварца, уголекъ или тяжелая намокшая деревянная баклашка, черепокъ отъ посуды, бутылки, кусокъ коралла, старый гвоздь—все идетъ въ дѣло, до всего у него есть забота,—и трудится оно безъ отдыха, безъ устали...

Вмѣстѣ съ соромъ, порой выбрасываетъ волной и всякихъ морскихъ звѣрюшекъ; но еще больше приноситъ ихъ въ бурное время морскими приливами. Если во время прилива ударитъ бурный вѣтеръ, то какихъ только звѣрей, какихъ диковинокъ не остается послѣ прилива на берегу! Каждый заливчикъ, каждая ямка, наполненная водой, кишитъ теперь разною тварью,—а то, что не успѣло или не могло схорониться въ береговыхъ лужахъ, то осталось прямо на берегу: большія медузы-жгучки, какъ комки розоваго и голубого полупрозрачнаго студня, лежатъ безъ движенія тамъ и сямъ на бѣлѣющей галькѣ,—лишь изрѣдка дальше зашедшая волна качнетъ ихъ безформенныя тѣла; пригрѣетъ солнце, и распластаются и высохнутъ красивыя жгучки, останется отъ нихъ только легкій слѣдъ, да и тотъ смоеся новымъ приливомъ.—Лежатъ по берегу и прицѣпившіяся къ вырваннымъ и выброшеннымъ бурей растеніямъ красныя, пестрыя, какъ мраморъ, морскія звѣздочки—змѣевки; крѣпко запутались онѣ въ морской травѣ, напрасно онѣ изгибаются своими тонкими лучами, покрытыми, какъ щетиной, колючками: онѣ только больше запутываютъ въ цѣпкихъ водоросляхъ,—вода еще не скоро придетъ снова къ нимъ освободить ихъ, и горе имъ, если тучки не скроютъ отъ нихъ лучей горячаго солнца. Тамъ и сямъ на берегу остались и ракушки всѣхъ цвѣтовъ и узоровъ. Онѣ не такъ боятся солнца: однѣ закопались глубоко въ сырой песокъ, другія плотно закрылись; ихъ хозяева глубоко спрятались внутри ихъ, и прежде, чѣмъ доберется до нихъ солнце,—новый приливъ покроетъ ихъ свѣжею водою.

Юл. Вагнеръ.

261. Виноградъ.

Виноградъ—вьющееся растеніе съ крупными, вырѣзными листьями. Онъ цвѣтетъ кистями мелкихъ зеленоватыхъ цвѣтовъ. Плоды его представляютъ грозди сочныхъ ягодъ съ жесткими сѣменами внутри. Ягоды винограда круглыя или продолговатыя. Онѣ бываютъ различной величины и цвѣта. У однихъ сортовъ онѣ желтыя, розоватыя; у другихъ темно-синія, почти черныя. На гибкомъ стволѣ винограда противъ листьевъ сидятъ усы, какъ у гороха, только длиннѣе и гораздо крѣпче. Этими усами виноградъ цѣпляется за другіе предметы и поднимается по нимъ вверхъ. Стволъ стараго растенія бываетъ очень высокъ и можетъ достигнуть полуаршина въ обхватъ. Въ

лѣсахъ Кавказа, гдѣ виноградъ растеть въ дикомъ состояніи, онъ обвиваетъ деревья до самой вершины; оттуда онъ свѣшивается до земли свои гибкія вѣтви или перекидываетъ ихъ на другія деревья.

Виноградъ растеть въ странахъ, гдѣ лѣто жаркое, а зимой не бываетъ сильныхъ холодовъ. Онъ особенно боится позднихъ весеннихъ морозовъ, которые легко убиваютъ его цвѣтъ и молодые побѣги. Поэтому у насъ, въ Россіи, виноградъ разводятъ только на югѣ: главнымъ образомъ, на Кавказѣ, въ Крыму, Бессарабіи, въ землѣ Войска Донского и Туркестанѣ. Виноградъ попадаетъ и сѣвернѣе, напримѣръ, около Кіева и Харькова; но здѣсь онъ растеть плохо и его мало воздѣлываютъ.

Виноградъ любитъ расти по склонамъ горъ и холмовъ, на каменистой почвѣ. Его разводятъ черенками. Срѣзанныя вѣтки втыкаютъ въ глубоко вспаханную землю; онѣ выпускаютъ ростки; вырастаетъ молодая лоза, которая приноситъ плоды на четвертый или пятый годъ. Въ виноградникахъ растенія подрѣзываютъ ниже человѣческаго роста. Плоды поспѣваютъ поздно осенью.

Изъ собранныхъ ягодъ выжимаютъ сокъ особой машиной—прессомъ. Изъ сока дѣлаютъ вино, которое сохраняютъ въ особыхъ подвалахъ въ бочкахъ. Приготовление хорошаго вина требуетъ большого искусства. За-границей его дѣлаютъ лучше, чѣмъ у насъ. На Кавказѣ во многихъ мѣстахъ до сихъ поръ сокъ изъ ягодъ выжимаютъ голыми ногами. Вино тамъ сохраняютъ въ огромныхъ глиняныхъ кувшинахъ, врытыхъ въ землю, или въ большихъ кожаныхъ мѣшкахъ. Часто можно встрѣтить по дорогѣ пару буйволовъ, которые медленно везутъ такой мѣшокъ. Это цѣлая шкура буйвола вмѣстѣ съ ногами, торчащими вверхъ. Налитая виномъ, она вся колыхается и дрожитъ. Такой мѣшокъ называется бурдюкомъ. Вино принимаетъ въ немъ очень непріятный вкусъ, но кавказскіе жители къ нему привыкли.

Изъ Книги для взрослыхъ, Алчевской.

262. К а в к а з ъ .

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселъ я вижу потоковъ рожденіе
И первое грозныхъ обваловъ движеніе.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;

Сквозь нихъ, низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленныя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ берегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи;

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ бесполезной,
И лижетъ утесы голодной волной..
Вотще! нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснять его грозно нѣмая громады.

А. Пушкинъ.

263. Въ Кавказскихъ горахъ.

Чай былъ выпить. Давно запряженные кони продрогли на снѣгу. Мѣсяцъ блѣднѣлъ на западѣ и готовъ ужъ былъ погрузиться въ черныя тучи, висѣвшія на дальнихъ вершинахъ, какъ клочки разорваннаго занавѣса. Мы вышли изъ сакли. Погода прояснилась и обѣщала намъ тихое утро. Хороводы звѣздъ чудными узорами сплетались на далекомъ небосклонѣ и одна за другой гасли. Направо и налево чернѣли мрачныя, таинственныя пропасти; туманы, клубясь и извиваясь, какъ змѣи, сползали туда по морщинамъ сосѣднихъ скалъ, будто пугаясь приближенія дня.

Тихо все было на небѣ и на землѣ, какъ въ сердцѣ человека въ минуту утренней молитвы. Только изрѣдка набѣгалъ прохладный вѣтеръ съ востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеемъ. Мы тронулись въ путь. Съ трудомъ пять худыхъ клячъ тащили наши повозки по извилистой дорогѣ на Гуть-гору. Мы шли пѣшкомъ, сзади, подкладывая камни подъ колеса, когда лошади выбивались изъ силъ. Казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глазъ могъ разглядѣть, она все поднималась и, наконецъ, пропадала въ облакѣ. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами нашими. Воздухъ становился такъ рѣдокъ, что было больно дышать. Кровь поминутно прилиwała въ голову, но, со всѣмъ тѣмъ, какое-то отрадное чувство распространилось по всѣмъ моимъ жиламъ; мнѣ было какъ-то весело, что я такъ высоко надъ міромъ. Вотъ, наконецъ,

мы взобрались на Гуть-гору, остановились и оглянулись; на ней висѣло сѣрое облако, и его холодное дыханіе грозило близкой бурей.

— Посмотрите,—сказалъ капитанъ, указывая на востокъ:—что за край!

И точно, такой видъ врядъ ли гдѣ еще удастся мнѣ встрѣтить: подъ нами лежала долина, пересекаемая Арагвой и другой рѣчкой, какъ двумя серебряными нитями. Голубоватый туманъ скользилъ по ней, убѣгая въ сосѣднія тѣнины отъ теплыхъ лучей утра. Направо и налево гребни горъ, одинъ выше другого, пересекались, тянулись, покрытые снѣгами, кустарникомъ. Вдали тѣ же горы,—и все эти снѣга горѣли румянымъ блескомъ такъ весело, такъ ярко, что, кажется, тутъ бы и остаться жить навѣки. Солнце чуть показалось изъ-за темно-синей горы, которую только привычный глазъ могъ бы различить отъ грозовой тучи; но надъ солнцемъ была кровавая полоса, на которую мой товарищъ обратилъ особое вниманіе.

— Я говорилъ вамъ,—воскликнулъ онъ,—что нынче будетъ погода; надо торопиться, а то пожалуй она застанетъ насъ на Крестовой горѣ. Трогайтесь!—закричалъ онъ ямщикамъ.

Подложили цѣпи подъ колеса вмѣсто тормазовъ, чтобъ они не раскатывались; взяли лошадей подъ уздцы и начали спускаться. Направо былъ утесъ, налево пропасть такая, что цѣлая деревушка осетинъ, живущихъ на днѣ ея казалась гнѣздомъ ласточки. Я содрогнулся, подумавъ, что часто здѣсь, въ глухую ночь, по этой дорогѣ, гдѣ двѣ повозки не могутъ разъѣхаться, какой-нибудь курьеръ разъ десять въ годъ проѣзжаетъ, не вылѣзая изъ своего трясакаго экипажа. Одинъ изъ нашихъ извозчиковъ былъ русскій, ярославскій крестьянинъ, другой—осетинъ. Осетинъ велъ коренную подъ уздцы со всеми возможными предосторожностями,—а нашъ безпечный русакъ даже не слѣзъ съ облучка. Когда я ему замѣтилъ, что онъ могъ бы побезпокоиться въ пользу хотя моего чемодана, за которымъ я вовсе не желалъ лазить въ эту бездну, онъ отвѣчалъ мнѣ:

— И, баринъ! Богъ дастъ, не хуже ихъ доѣдемъ: вѣдь намъ не впервые.

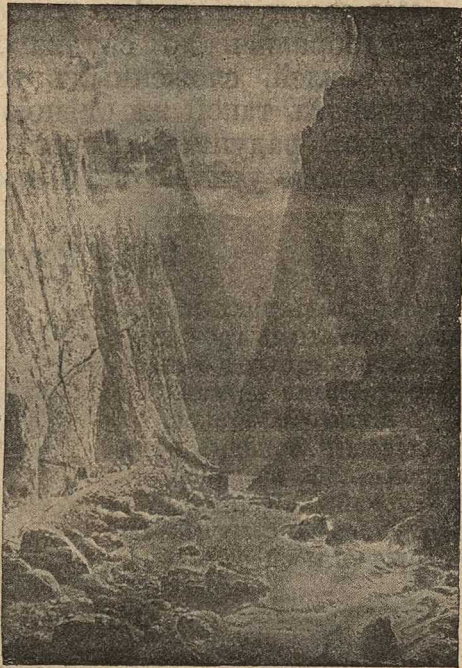
— Вотъ и Крестовая!—сказалъ мнѣ капитанъ, когда мы съѣхали въ долину, указывая на холмъ, покрытый пеленою снѣга.

На его вершинѣ чернѣлся каменный крестъ, и мимо него вела едва-едва замѣтная дорога, по которой проѣзжаютъ только тогда, когда боковая завалена снѣгомъ. При поворотѣ встрѣтили мы человѣкъ пять осетинъ; они предложили намъ свои услуги и, уцѣплясь за колеса, съ крикомъ принялись тащить и поддерживать нашу телѣжку. И точно, дорога опасная: направо висѣли надъ нашими головами груды снѣга, готовые, кажется, при первомъ порывѣ вѣтра оборваться въ ущелье. Узкая дорога частью

была покрыта снѣгомъ, который въ иныхъ мѣстахъ проваливался подъ ногами, въ другихъ превращался въ ледъ, такъ что съ трудомъ мы сами пробирались; лошади падали; налѣво зіяла глубокая разсѣлина, гдѣ катился потокъ, то скрываясь подъ ледяной корою, то съ пѣною прыгая по чернымъ камнямъ. Въ два часа едва могли мы обогнуть Крестовую гору, — двѣ версты въ два часа! Между тѣмъ тучи спустились, пошелъ градъ, снѣгъ; вѣтеръ, врываясь въ ущелья, ревѣлъ, свистѣлъ, и скоро каменный крестъ скрылся въ туманѣ. Намъ должно было опускаться еще верстѣ

пять по обледенѣвшимъ скаламъ и топкому снѣгу, чтобъ достигнуть станціи. Лошади измучились, мы продрогли. Метель гудѣла сильнѣе и сильнѣе, точно наша родимая, сѣверная; только ея дикіе напѣвы были печальнѣе, заунывнѣе. «И ты, изгнанница, думалъ я, плачешь о своихъ широкихъ раздольныхъ степяхъ. Тамъ есть гдѣ развернуть холодныя крылья, а здѣсь тебѣ душно и тѣсно, какъ орлу, который съ крикомъ бьется о рѣшетку желѣзной своей клѣтки!»

— Плохо! — говоритъ капитанъ. — Посмотрите, кругомъ

Въ горахъ Кавказа. Рѣка Терекъ.

ничего не видно, только туманъ и снѣгъ; того и гляди, что свалимся въ пропасть или засядемъ въ трущобу.

Извозчики съ крикомъ и бранью колотили лошадей, которыя фыркали, упирались и не хотѣли ни за что въ свѣтъ тронуться съ мѣста.

— Ваше благородіе,—сказалъ, наконецъ, нашъ проводникъ,—вѣдь мы нынче до Коби не доѣдемъ; не прикажете ли, покамѣстъ можно, своротить налѣво. Вонъ тамъ что-то на косогорѣ чернѣется—вѣрно сакля; тамъ всегда-съ проѣзжающіе останавливаются въ погоду.

Мы свернули налѣво и кое-какъ, послѣ многихъ хлопотъ, добрались до скуднаго пріюта, состоящаго изъ двухъ саклей, сложенныхъ изъ плитъ и булыжника и обведенныхъ такой же стѣною. Оборванные хозяева приняли насъ радушно... Черезъ часъ явилась возможность ѣхать; метель утихла; небо прояснилось, мы отправились.

М. Лермонтовъ.

264. Т е р е к ъ .

Терекъ воетъ дикъ и злобешъ,
Межъ утесистыхъ громадъ,
Бурѣ плачь его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ.
Но, по степи разбѣгаясь,
Онъ лукавый принялъ видъ
И, привѣтливо ласкаясь,
Морю Каспію журчить:
«Разступись, о, старецъ—море,
Дай пріютъ моей волнѣ!

Погулялъ я на просторѣ,
Отдохнуть пора бы мнѣ.
Я родился у Казбека,
Вскормленъ грудью облаковъ,
Съ чуждой властью человѣка
Вѣчно спорить былъ готовъ.
Я сынамъ твоимъ въ забаву
Разорилъ родной Дарьялъ
И валуновъ имъ, на славу,
Стадо цѣлое пригналъ».

М. Лермонтовъ.

265. О б в а л ъ .

Дорога шла черезъ обвалъ, обрушившійся въ концѣ іюня 1827 года. Огромная глыба, свалаясь, засыпала ущелье на цѣлую версту и запрудила Терекъ. Часовые, стоявшіе ниже, слышали ужасный грохотъ и увидѣли, что рѣка быстро мелѣла и въ четверть часа совсѣмъ утихла и истоцилась. Терекъ прорылся сквозь обвалъ не прежде, какъ черезъ два часа.

Мы круто поднимались выше и выше. Лошади наши вязли въ рыхломъ снѣгу, подъ которымъ шумѣли ручьи. Въ это время услышалъ я глухой грохотъ. «Это обвалъ», сказали мнѣ. Я оглянулся и увидѣлъ въ сторонѣ груды снѣга, которая осыпалась и медленно съѣзжала съ крутизны. Малые обвалы здѣсь не рѣдки. Въ прошломъ году

русскій извозчикъ ѣхалъ по Крестовой горѣ, обвалъ обрувался: страшная глыба свалилась на его повозку, поглотила телѣгу, лошадь и мужика, перевалилась черезъ дорогу и покатила въ пропасть съ своею добычею.

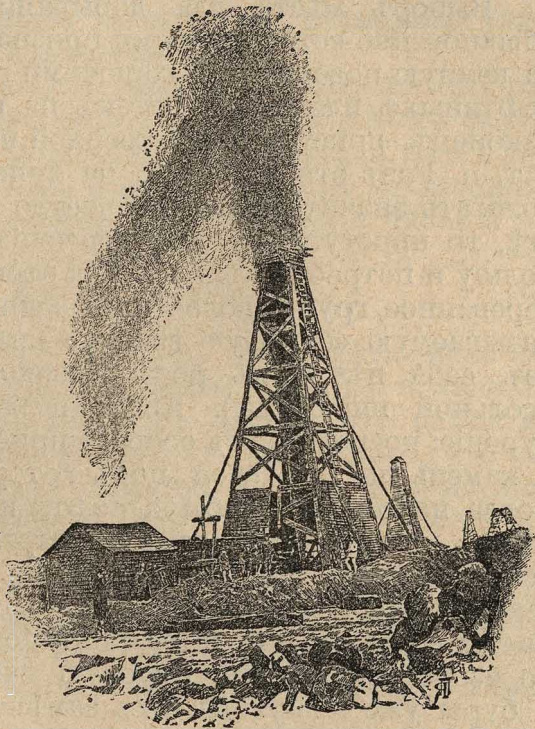
А. Пушкинъ.

266. Въ нефтяномъ царствѣ.

Въ юго-восточномъ углу Кавказа, на берегу Каспійскаго моря, стоитъ городъ *Баку*. Когда-то городъ этотъ былъ персидскимъ, и до сихъ поръ большая часть его жителей состоитъ изъ персовъ и татаръ. Окрестности Баку совсѣмъ пустыни и лишены какой-либо растительности и воды. Но бѣдная на видъ земля заключаетъ въ глубинѣ своей драгоценную жидкость — *нефть*, добычей которой тутъ занято болѣе 30.000 человекъ.

Утромъ 30 марта, въ 8 часовъ, съ духовымъ своимъ оркестромъ во главѣ, отправились мы къ железнодорожному вокзалу въ Баку. Здѣсь скоро намъ подали экстренный поѣздъ, и мы покатали вдоль берега моря къ станціи «Сабунчи».

Быстро пронеслись мы мимо «Чернаго городка», совсѣмъ потонувшаго въ дыму и копоти, и съ каждымъ мгновениемъ подходили все ближе и ближе къ цѣли. Каждый изъ насъ съ нетерпѣніемъ смотрѣлъ по сторонамъ, стремясь поскорѣ увидѣть эти замѣчательныя мѣста. Долго ждать не пришлось, и вотъ скоро нетерпѣливому взору представился цѣлый лѣсъ вышекъ, расположенныхъ по небольшому косогору. Совершенно голая,

Нефтяной фонтанъ.

обнаженная песчаная мѣстность, полное отсутствіе какой бы то ни было растительности,—ни цвѣтка, ни деревца; но зато цѣлыя озера нефти съ ея тяжелымъ, но здоровымъ для дыханія запахомъ. Нефть и нефть всюду—вотъ картины Балахано-Сабунчинскихъ промысловъ.

Наконецъ мы въ Сабунчахъ. Быстро выскочили всѣ изъ вагоновъ и построились въ двѣ шеренги. Послѣ нѣсколькихъ минутъ ходьбы отъ станціи, мы подошли къ вышкѣ, гдѣ насъ любезно встрѣтилъ инженеръ, производившій здѣсь работы.

Выборъ мѣста для добыванія нефти опредѣляется обыкновенно естественными признаками: или выходящими на земную поверхность горючими газами, или появленіемъ нефтяныхъ пленокъ и пятенъ на поверхности воды, или, наконецъ, присутствіемъ твердой нефти въ видѣ асфальта и т. п. Разъ эти признаки на лицо и даютъ поводъ предполагать значительное количество нефти въ данномъ мѣстѣ, то приступаютъ къ извлеченію ея на свѣтъ Божій на пользу и потребу человѣка. Для этого прежде всего строятъ деревянное, грубо сколоченное зданіе въ видѣ башни, такъ называемую «буровую вышку» (вышка эта представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ высокой усѣченной четырехугольной пирамиды). Когда вышка готова, начинается буреніе: посредствомъ особаго прибора пробиваютъ землю и камень до того слоя, подъ которымъ находится нефть. Тогда начинается добыча нефти изъ пробуренныхъ скважинъ, на мѣстномъ языкѣ—«тартаніе» нефти. Вотъ въ чемъ состоитъ эта работа. Когда достигли буромъ подземныхъ нефтехранилищъ, то нефть обыкновенно поднимается вверхъ или въ видѣ фонтановъ или наполняя только до извѣстной высоты буровую скважину. Теперь долота и буры уже не нужны, ихъ замѣняютъ длинныя металлическія ведерки съ клапаномъ на днѣ, открывающимся только вверхъ—«желонки». Желонка опускается на канатѣ въ скважину, зачерпываетъ тамъ нефть, затѣмъ вытягивается и опоражнивается въ близъ находящійся резервуаръ. Иногда при подобномъ тартаніи изъ скважинъ вдругъ начинаетъ бить порядочный фонтанъ. Фонтаны эти совсѣмъ не рѣдкость въ Баку. Обыкновенно появленіе фонтана предвѣщается извѣстными признаками. Тогда изъ буровой скважины начинаетъ выдѣляться въ сильной степени газъ, замѣчается нѣкоторый подземный гулъ, иногда даже слабое колебаніе почвы, и затѣмъ уже начи-

нается фонтанированіе. Но иногда фонтанъ появляется совершенно неожиданно, внезапно. Намъ рассказывалъ нашъ руководитель по Балаханамъ, что ему пришлось разъ быть свидѣтелемъ поразительнаго появленія фонтана. Рабочіе той скважины, гдѣ открылся фонтанъ, не подозревали возможности его образованія здѣсь и продолжали бурить, какъ вдругъ какая-то страшная, невѣроятная сила выбросила весь снарядъ изъ скважины вверхъ, пробила имъ верхушку буровой башни и подкинула его вертикально на ужасающую высоту. Снарядъ, во много сажень въ длину, оказался небольшимъ перышкомъ. Въ то же время нефть фонтаномъ хлынула изъ скважины, увлекая съ собою большое количество песку.

Мы осматривали работы шагъ за шагомъ въ строгой послѣдовательности и ознакомились съ добываніемъ сырой нефти. Однако, время подходило къ обѣду, и нашъ руководитель напомнилъ намъ о необходимости возвращенія на ферму, гдѣ мы условились собраться къ 4 часамъ.

267. Керосинъ.

Свѣчи стоятъ дорого и даютъ мало свѣта; мало-помалу люди вмѣсто свѣчей придумали лампы, а главное стекла къ нимъ. Всякій изъ насъ знаетъ, что пламя въ лампѣ безъ стекла желто и коптитъ: это оттого, что горючій матеріалъ въ лампѣ сгораетъ не весь, ему не хватаетъ воздуха, безъ котораго, какъ извѣстно, ничего горѣть не станетъ.

Ламповое стекло въ лампѣ то же, что труба въ печкѣ,—оно тянетъ воздухъ черезъ дырочки внизу. Попробуйте затопить печку и закрыть трубу,—дрова не будутъ горѣть; сдѣлайте то же самое со стекломъ, и лампа погаснетъ.

Въ лампы наливаютъ керосинъ.

Керосинъ выдѣлываютъ изъ нефти, а нефть эта въ разныхъ мѣстностяхъ вытекаетъ изъ земли. Особенно много нефти вытекаетъ изъ земли у насъ на Кавказѣ,—мѣстами здѣсь ея такъ много, что стоитъ только пробуровать землю, и нефть съ силой вырывается изъ земли и высокимъ столбомъ бьетъ вверхъ.

Нефть очень горюча и отличается сильнымъ и непріятнымъ запахомъ.

Изъ земли нефть добываютъ двумя способами: или

роютъ колодцы и черпаютъ ее оттуда мѣшками, сшитыми изъ кожи, или же только пробуравливаютъ землю и выкачиваютъ нефть насосами.

Нефть не наливаютъ въ лампы, а сначала перерабатываютъ ее на керосинъ и другія вещества; для этого нефть перегоняютъ, то-есть кипятятъ въ большомъ закрытомъ кубѣ, а пары собираютъ по трубамъ въ другой сосудъ, гдѣ гораздо холоднѣе; тутъ пары охлаждаются, обращаются въ капли и стекаютъ жидкостью на дно сосуда. Сначала идутъ самые легкіе пары; ихъ собираютъ и выдѣлываютъ изъ нихъ разные спирты. Потомъ идутъ пары потяжелѣе, изъ этихъ паровъ и образуется керосинъ.

Послѣ стока керосина въ кубѣ остаются такъ называемые нефтяные остатки. Эти нефтяные остатки тоже идутъ въ дѣло: изъ нихъ дѣлаютъ разные масла для смазки машинъ, ими топятъ большія печи на паровозахъ, на пароходахъ и въ заводахъ.

По Рейнботу.

268. Путешествіе чрезъ Уралъ по желѣзной дорогѣ.

Передъ Уфой мы окончательно простились съ ровной степью: вдали, на востокѣ, уже смотрѣли на насъ синюющія горы. Картина сразу рѣзко измѣняется, и не хочется уже отходить отъ раскрытаго окна. Въ окнахъ вагоновъ теперь уже масса любопытныхъ; все высунули головы, все слѣдятъ за каждымъ изгибомъ пути, который пробирается все выше и выше къ горамъ, заставляя тяжело работать машину. Мы лѣпимся по обрыву берега, поднимаемся въ гору, входимъ въ хвойные лѣса; еще немного, и—первое препятствіе преодолено: мы поднялись высоко и катимъ уже по равнинѣ, между разступившимися горами.

Поездъ перебѣгаетъ съ одного склона горы на склонъ другой, кружится, вьется между ними, перелетаетъ черезъ ручьи, рѣчки, прячется въ туннеляхъ, выемкахъ, летитъ надъ пропастью, преслѣдуетъ рѣчку, прячется отъ нея въ туннели, снова выбрасывается на ея берегъ и снова пересѣкаетъ ее. Вотъ склонъ горы; она вся поросла темнымъ хвойнымъ лѣсомъ, въ немъ почти темно; вотъ рѣка, маленькая горная рѣка съ изрытыми берегами; она собираетъ воды изъ боковыхъ извилистыхъ рѣчекъ, луговъ, которые спускаются къ ней темными падами съ вершинъ горъ; вотъ выглянула на минуту вершина пика, тамъ обрисовывается профиль скалы, и все это подернуто синевой,

той синевой, какой подернуты бываютъ горы. Это Уралъ. Въ немъ не видно селеній, въ немъ не замѣтно дорогъ, тропинокъ, и только кое-гдѣ въ долинахъ рѣки покажется синій дымокъ костра.

Наступаетъ вечеръ. Темный лѣсъ одѣвается сумракомъ ночи, рѣка закутывается въ туманъ. Еще немного пути,—и мы на станціи Златоустъ (городъ прекрасной стали и извѣстныхъ стальныхъ вещей). Еще остановка,—и мы пускаемся снова въ путь.

Мы въ самомъ хребтѣ горъ Урала; намъ нужно перевалить хребетъ, водораздѣлъ, подняться на высшую точку пути, чтобы потомъ тотчасъ же спуститься въ долину Сибири.

Ночь. Свѣтлая лѣтняя ночь, съ широкой свѣтлой зарей гдѣ-то за горой, на сѣверѣ.

При этомъ свѣтѣ какъ-то еще таинственнѣе выглядятъ хвойный лѣсъ пади, склоны горы, по которой мы теперь тихо, едва-едва движемся, поднимаясь все выше и выше. Станція, которую мы только что оставили, уже мерцаетъ своими огнями внизу; еще ниже въ сторонѣ видны разсѣянные огоньки города, спрятавшагося между двумя крутыми, высокими горами. Машина тяжело выбрасываетъ паръ, рѣдкіе звуки гудятъ, откликаются въ темномъ бору. Становится свѣжо, почти холодно.

Мы на вершинѣ перевала. Кругомъ камень, въ которомъ пробиты разрѣзы для пути; а дальше кругомъ обширный, потонувшій въ полумракѣ лѣтней ночи, горизонтъ. Дико, своеобразно. Паровозъ дышитъ свободнѣе и начинаетъ быстрѣе скользить вдоль голой вершины горы, дѣлая такіе непонятные зигзаги, что, кажется, мы вертимся на одномъ мѣстѣ. Мнѣ говорятъ, что это самый трудный путь по всей линіи, стоившій громадныхъ денегъ, гдѣ, однако, зимой бываетъ не всегда возможно пробраться сквозь заносы снѣга.

Вотъ и столбъ—граница Европы и Азіи. Съ востока потянуло утреннимъ свѣжимъ вѣтеркомъ; навстрѣчу ему быстрѣе и быстрѣе полетѣлъ поѣздъ. Мы несемъ теперь подъ гору, вдоль склона, дѣлаемъ зигзаги, тормозимъ, но поѣздъ летитъ еще быстрѣе. Мы скатываемся въ равнину Азіи и уже свободно несемъ вдаль, прямо къ востоку, оставляя за собою склоны хребта, горъ, отроговъ. Уралъ остался позади. Мы—въ Азіи, мы—почти въ предѣлахъ Сибири.

Когда я проснулся въ три часа утра и взглянулъ въ окно, то была уже знакомая картина западной Сибири: равнина, полустепь, чистенькіе сколки березоваго лѣса, обширныя степныя пастбища и дальній сѣрый дымокъ деревень.

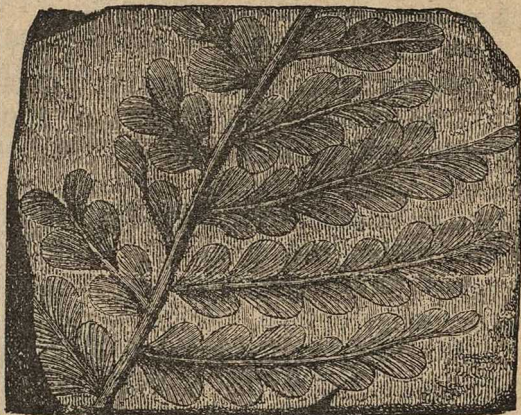
На восходѣ солнца мы, наконецъ, увидали и сѣренскія крыши Челябинска.

Носиловъ.

269. Каменный уголь.

Въ темномъ лѣсу, на глубокомъ черномъ болотѣ, стояло въ незапамятное время большое дерево, на немъ росли только вѣтки да листья, а цвѣтовъ и плодовъ вовсе не было.

Ни одна птичка не жила на этомъ деревѣ и не вила гнѣздышка; въ цѣломъ лѣсу, который росъ на этомъ болотѣ, не было ни одной бѣлки; только комары да мошки вились тамъ тучами въ сыромъ воздухѣ. Глухо и пусто было въ этомъ болотистомъ лѣсу.

Отпечатокъ листа на каменномъ углѣ.

Дерево мало-по-малу состарилось; корни его подгнили. Вотъ подулъ вѣтеръ и пошатнулъ стволъ; дерево упало и погрязло въ черномъ болотѣ. Черезъ него переползали большія ящерицы: его покрыла грязная тина; водою нанесло на него песку и глины, и съ каждымъ днемъ зарывался стволъ мертваго дерева все глубже и глубже. Зеленые листья почернѣли и сгнили, а стволъ послѣ многихъ лѣтъ былъ до того сдавленъ тяжелымъ слоемъ песку и глины, что дерево стало твердо, какъ камень.

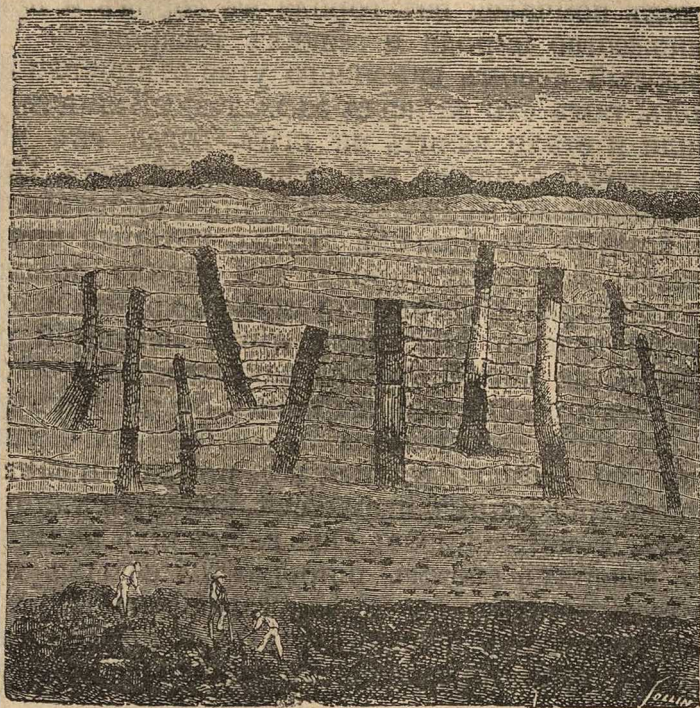
Та же самая исторія повторилась и со всѣми остальными деревьями, составлявшими лѣсъ на болотѣ.

Прошло нѣсколько сотъ лѣтъ. Болото высохло; на томъ мѣстѣ поселились люди, развели сады и поля, построили города и деревни. Никто изъ жителей и не зналъ, что здѣсь, глубоко-глубоко въ землѣ, зарытъ мертвый лѣсъ.

Деревья, лежа подъ страшной тяжестью верхнихъ пластовъ земли, подогрѣвались снизу подземнымъ огнемъ; отъ всего этого они стали тверды, какъ камень, и черны, какъ уголь.

Разъ, какъ-то, рудокопы вырыли глубокую шахту въ землѣ: они искали благородныхъ металловъ, а нашли черный окаменѣвшій лѣсъ.

— А! Каменный уголь!—вскричали они радостно:—въ добрый часъ!

Скоро мертвые деревья очутились на поверхности земли, подъ лучами краснаго солнышка. Но кто бы, глядя на то, что вытаскиваютъ рудокопы изъ-подъ земли, сказалъ, что это—бывшія деревья. Теперь это—просто огромные куски чего-то чернаго, блестящаго, тяжелаго, какъ камень, но горячаго, какъ самое лучшее смолистое дерево.

И вотъ эти куски, выйдя на свѣтъ Божій, снова начинаютъ жить, но, конечно, уже совсѣмъ иначе, чѣмъ жили прежде.

Одинъ кусокъ каменнаго угля попалъ на кухню го-

родского дома: его бросили въ печку и при его помощи сварили супъ, изжарили мясо и испекли пирожное.

Другой кусокъ окаменѣлаго дерева попалъ на стеклянный заводъ: тамъ раскалили имъ печи и расплавили песокъ, чтобы сдѣлать стекло.

Третій кусокъ попалъ на желѣзную дорогу, въ паровозъ: кочегаръ растопилъ печку, печка согрѣла воду, а изъ воды образовался паръ, который разошелся по трубкамъ внутри паровоза; дойдя до рычаговъ машины, паръ толкнулъ ихъ; рычаги задвигались и завертѣли колеса: поѣздъ помчался изъ города въ городъ и повезъ съ собою множество народа и всякихъ товаровъ.

Четвертый кусокъ каменнаго угля отправили на газовый заводъ; тамъ его заперли въ желѣзный ящикъ, плотно закупорили и стали калить на огнѣ. Тогда изъ угля отдѣлился горючій воздухъ, или свѣтильный газъ. По трубкамъ, вставленнымъ въ желѣзный ящикъ, пропустили этотъ горючій воздухъ въ большія трубы, которыя проложены подъ землею по всему городу; эти трубы доходятъ до уличныхъ фонарей. Свѣтильный газъ по трубкѣ входитъ въ фонарь, но дальше ему ходу нѣтъ: маленькій рожокъ, придѣланный на концѣ трубки, закрывается краномъ.

Вечеромъ приходитъ фонарщикъ, открываетъ кранъ, — свѣтильный газъ вырывается на свободу. А фонарщикъ зажигаетъ его у самаго выхода изъ рожка, — и свѣтильный газъ горитъ дрожащимъ пламенемъ, освѣщая улицу, толпу прохожихъ, дѣтей, экипажи. Онъ всѣмъ имъ подмигиваетъ и точно говоритъ своимъ широкимъ желтымъ языкомъ: «Торопитесь, торопитесь, но не толкайтесь! Не мѣшайте другъ другу: всякому должна быть свободна дорога, чтобъ онъ успѣлъ, куда торопится! Уступайте же дорогу другъ другу!»

Остался еще кусокъ каменнаго угля; онъ былъ особенно твердъ и блестящъ. Его купилъ токарь и сдѣлалъ красивыя черныя пуговицы для новаго пальто мальчика; онѣ блестятъ на солнцѣ, и дитя любитъся ими.

Только этотъ кусокъ и не сгорѣлъ, только онъ и остался живъ, а тѣ—погибли... Ты думаешь, что они въ самомъ дѣлѣ погибли? Напрасно! И тѣ живы, и тѣми мы любимъся, хотя и не узнаемъ ихъ: они приняли новый видъ.

Когда куски каменнаго угля сгораютъ, то дымъ и горячій воздухъ, отдѣлившись отъ нихъ, летятъ вверхъ, къ

облакамъ. Тамъ они достигаютъ до мельчайшихъ капелекъ воды и вмѣстѣ съ ними, подгоняемые вѣтромъ, путешествуютъ подъ небесами, пока облако не превратится въ тучу, которая прольется, наконецъ, надъ землею благодатнымъ дождемъ.

Дождевыя капли, освѣживъ цвѣты, траву и деревья,—просачиваются въ землю къ корешкамъ растений; а корешки жадно ловятъ капельки драгоцѣнной влаги,—и отъ этого растутъ деревья, зеленѣютъ, цвѣтутъ и приносятъ плоды и сѣмена. Вѣтеръ подхватываетъ сѣмена, разноситъ ихъ въ разныя стороны и сѣетъ повсюду, какъ самый заботливый садовникъ, потомъ прикроетъ еще эти сѣмена пылью и сухими листочками. Изъ этихъ сѣмянъ появляются молоденькія деревца, а лѣтъ черезъ двадцать они представляютъ уже почтенный лѣсъ.

Но этотъ лѣсъ гораздо лучше и красивѣе того, въ которомъ росло наше древнее дерево, превратившееся потомъ отъ дѣйствія воды, тяжелыхъ пластовъ земли и подземнаго огня въ каменный уголь: въ этомъ новомъ лѣсу растутъ душистые цвѣты, на вѣтвяхъ щебечутъ веселыя птички, а внизу дѣти рѣзвой толпой собираютъ грибы и ягоды.

По Ватеру.

270. Въ Тагильскомъ мѣдномъ рудникѣ.

«Ну, теперь въ наши кротовыя норы милости просимъ»,—пригласилъ меня смотритель мѣднаго рудника. Мы надѣли кожаныя пальто и куртки, высокіе бахилы, на головы надѣли кожаныя фуражки, прикрѣпили къ поясамъ нестерпимо дымившія лампочки.

Предъ нами какое-то отверстіе. Вотъ, передній сталъ надъ нимъ, и тотчасъ же черная дыра проглотила его. За нимъ была моя очередь. Я взглянулъ внизъ—глубокій колодезь, терявшійся во мракѣ; оттуда пахло на меня сыростью могилы. Болѣе чѣмъ на сто сажень онъ шелъ внизъ, такъ что, если сверху спустить камешекъ, то, упавъ на дно, на человѣка, онъ могъ бы убить его сразу, какъ пуля. Колодезь въ нѣсколькихъ мѣстахъ перегороженъ досчатыми заборками и на нихъ отъ одной къ другой опираются лѣсенки, изъ двухъ продольныхъ жердей, съ перекладами. Спустишься по такой лѣстницѣ и ищешь ногой доски. Невѣрный шагъ—и сквозь громадныя щели заборокъ можно полетѣть внизъ, разбиваясь головой о

доски другихъ платформъ, о перекладины лѣстницъ... И самыя лѣстницы были скользки. «Осторожнѣе», слышалось внизу... «Тише», кричали сверху, и по тревожнымъ голосамъ новичковъ, спускавшихся въ первый разъ въ подобную шахту, мы понимали, до какой степени имъ жутко... Черезъ нѣсколько секундъ послѣ того, какъ я спустился въ шахту, ея отверстіе уже казалось какимъ-то сѣрымъ пятномъ. Тамъ, за нимъ—яркое солнце, голубое небо, привольный воздухъ, напоенный ароматомъ сѣверныхъ цвѣтовъ... Тутъ внизу—зловѣщій мракъ могилы, сырость этого червиваго хода. Скоро сѣрое пятно точно распустилось во тьмѣ... Ни надъ нами, ни подъ нами—ни малѣйшаго просвѣта; видишь только небольшой клочекъ какого-то бревенчатаго сруба, на который падаетъ тусклый и блѣдный, словно тоже испугавшійся, лучъ твоей лампочки... Скоро подъ нами и бревенчатый срубъ пропалъ... Свѣтъ скользилъ уже по изломамъ и чернымъ прослойкамъ какой-то породы, казалось, покрывшейся потомъ. Тутъ сквозь тысячи незамѣтныхъ поръ уже сочилась вода. Черныя струйки ея уже сбѣгали по черной стѣнѣ. Скоро струйки слились въ ручьи, ручьи тысячами брызгъ стали обдавать наши лица.

Лѣстница кончается... Держась на рукахъ, нащупываете, гдѣ въ ней провалъ... Вонъ его черная зіяющая дыра. Подходишь къ ней. Съ усиліемъ различаешь въ отверстіи первую перекладину новой лѣстницы. Становишься на нее, и самъ чувствуешь, какъ у тебя дрожатъ руки и ноги... Различаешь, что доски этихъ платформъ уже далеко не надежны, что онѣ вотъ-вотъ рухнутъ... И все ниже и ниже подъ землю... Теперь миллиарды пудовъ ея висятъ надъ тобой. Чуть только сдвинутся имъ—и ты заживо похороненъ въ этой норѣ... Что-то движется рядомъ съ вами. Вамъ начинаютъ чудиться въ этомъ мракѣ какія-то безформенныя, но живыя существа... Вонъ изъ этой черной породы колодца точно протягивается къ вамъ и своими холодными скользкими щупальцами касается вашего лица какое-то чудовищное пресмыкающееся...

Наконецъ, точно испуганная этимъ подземнымъ царствомъ, лампочка тухнетъ; руки съ какой-то лихорадочною поспѣшностью схватываются за мокрыя перекладины, попадаютъ на влажную стѣну колодца, и студеной водой его безчисленныхъ ручьевъ заливается за рукавъ...

Наконецъ, вы на платформѣ... Осторожно останавливаетесь, не выпуская изъ рукъ лѣстницы.

— Чего это вы?—настаждаетъ на васъ слѣдующій за вами.

— Огня дайте... Лампу зажечь.

И вы чувствуете, что вашъ голосъ какъ-то хрипитъ, точно это не вы говорите.

— Огня, сейчасъ... Вотъ только дайте ногу поставить. Вотъ такъ. Огонь... Вотъ, огонь.—И у него тоже дрожитъ голосъ, и онъ охрипъ. И его рука какъ-то впивается въ перекладину лѣстницы, и онъ не хочетъ отойти отъ нея... Еще бы. Тутъ же зияетъ пропасть. Одна секунда—и вы внизу... тамъ вонъ, гдѣ ничего не видно, гдѣ только чудится семидесяти-саженная теперь глубина.

И опять все ниже и ниже... И опять считаешь перекладыны и съ какимъ-то напряженіемъ вглядываешься во мракъ... Спускались, спускались,—наконецъ, совсѣмъ стали похожи на мокрыхъ крысъ, что живутъ въ вѣчной тмѣ водосточныхъ трубъ...

— Теперь скоро... Тутъ смотрите въ оба.

— А что?—опасливо откликаются сверху.

— Тутъ лѣстница висячая... А подъ нею другая такая же.

Мы держимся на рукахъ. Висимъ надъ пропастью. Вотъ-вотъ сорвемся. Съ одной такой лѣстницы на другую... Наконецъ, внизу тускло блеснули огоньки, слышится плескъ воды, гроыханье какихъ-то рычаговъ, шорохъ цѣпей, стукъ водоподъемной машины, журчанье сбѣгающихъ ручьевъ, говоръ людей и гдѣ-то глухо-глухо замирающая пѣсня...

— Ну, теперь дома.

Нога по колѣно уходитъ въ воду... Вода на днѣ шахты... Какъ ни пытитъ, какъ ни надсаживается отливная машина, ничего не можетъ она подѣлать съ этой массой со всѣхъ сторонъ стремящейся сюда воды.

— А вѣдь, въ сто двадцать силъ...—замѣчаетъ смотритель.

Направо и налево черный корридоръ. Мракъ въ его концахъ. Спершійся воздухъ вздрагиваетъ отъ выстрѣловъ...

— Что это такое?

— А динамитомъ рвутъ руду... гдѣ твердо...—Жарко тутъ. Такъ и хочется сбросить съ себя все. Изъ одного корридора мы вступаемъ въ другой. Тутъ, напротивъ, почти сквознякъ. Вѣтеръ такъ и несется мимо, точно онъ

торопится догнать кого-то и, словно мимоходомъ, тушитъ наши лампочки. Изъ этой жилы въ другую, боковую, гдѣ опять застоялась жара. Направо и налево червивые ходы въ черныя ячейки. Отъ жары рабочіе сбросили все съ себя и возятся надъ громадами твердой, какъ камень, породы...

Трудъ здѣсь не прекращается ни на одну минуту—каждую галлерею обрабатываютъ три смѣнные артели. На каждую изъ нихъ приходится по восьми часовъ. Всего же въ рудникѣ въ подземныхъ жилахъ его и ячейкахъ гнѣздится лѣтомъ 300, а зимою 500 человѣкъ.

Направо ячейка—штольня. Сумрачный рабочій, голый, разумѣется, возится въ ней; рядомъ съ нимъ трехлѣтняя дѣвочка блѣдная, большеглазая.

— Ты какъ сюда попала?—попробоваль-было ее приласкать кто-то.

Она отшатнулась, какъ-то дико взглянувъ на насъ, и спряталась за отца.

— Сиротка она,—отвѣтилъ за нее рабочій.—Жена у меня померла—оставить ее не на кого; ну, я и беру ее съ собою, пока подрастетъ... Все она лопочетъ по-своему—мнѣ и повеселѣй. Точно бы и не въ могилѣ, а то совѣмъ пропадать надо... Мы-то вѣдь работаемъ каждый день по двѣнадцати часовъ, зимой да осенью, такъ свѣтъ и не видимъ. Какъ сходимъ сюда, темъ еще стоитъ, а выйдемъ—такъ ночь уже...

Мы двинулись по направленію къ выходящей наружу шахтѣ. Вотъ и она, наконецъ. Черный колодезь. Сверху журчитъ вода безчисленныхъ ручьевъ. Мы стали цѣпляться вверхъ по лѣстницамъ. Опять то же мученіе, та же опасность—не туда ступишь, не такъ схватишься за перекладину лѣстницы... Все выше и выше... тѣ же брызги въ лицо, то же скользкое дерево подъ руками, тотъ же тяжелый мракъ, тѣ же, поминутно тухнуція, лампочки. Вотъ, наконецъ, что-то посѣрѣло надъ вами, какое-то тусклое пятно опредѣлилось... Ярче и ярче... Дышать становится легче... Пятно это поголубѣло; еще нѣсколько усилий, и мы—наверху, подъ безоблачнымъ сводомъ неба, подъ теплымъ солнцемъ. Глаза жадно разбѣгаются по красивымъ далямъ, гдѣ едва-едва рисуются гряды уральскихъ горъ. Грудь дышитъ и надышаться не можетъ...

Изъ соч. Немiroвича-Данченко.

271. Сибирь.

За Уральскими горами лежитъ Сибирь, которая составляетъ болѣе половины всей Россійской имперіи. Мѣстность въ Сибири очень разнообразна. Вся сѣверная часть Сибири представляетъ пустынную *тундру*, которая оживляется только лѣтомъ, когда ее посѣщаютъ птицы, дикіе и пушные звѣри.

На югъ отъ тундры находятся дремучіе лѣса, состоящіе изъ хвойныхъ деревьевъ. Лѣса эти тянутся широкой полосой во всю длину Сибири и называются *тайгой*. Жизнь въ тайгѣ очень затруднительна и неудобна. Лѣтомъ здѣсь является такое множество комаровъ и мошекъ, что отъ нихъ нѣтъ покоя ни человѣку, ни животнымъ. Люди должны защищать себя сѣткою, а звѣри удаляются въ тундру. Зимой въ тайгѣ бываютъ страшные морозы и метели; метели эти бываютъ такъ сильны, что путники, застигнутые въ дорогѣ, по большей части погибаютъ. Несмотря на это, лѣтомъ въ тайгу является множество народа на работу; работа эта состоитъ въ добываніи золота изъ росыпей, которыми богата тайга. Въ зимнее время въ тайгѣ охотятся за пушными звѣрями; ежегодно отсюда отправляютъ внутрь Россіи большое количество мѣховъ.

Южнѣе тайги идутъ степи; онѣ тянутся далеко на югъ и соединяются со степями прикаспійскими. Почва сибирскихъ степей по большей части очень плодородна; поэтому она заселена довольно густо, и жители занимаются очень успѣшно земледѣліемъ. Но въ степяхъ есть такія мѣста, въ которыхъ развиваются болѣзни; такъ, наприкладъ, здѣсь получила начало *сибирская язва*.

По южной границѣ Сибири проходятъ горы. Сибирскія горы ниже Кавказскихъ, но зато очень богаты разными металлами и дорогими камнями; здѣсь добываютъ *золото, серебро, свинецъ, мѣдь, желѣзо*. Въ горахъ берутъ начало рѣки, изъ которыхъ большая часть течетъ на сѣверъ. Сибирскія рѣки обильны водою и чрезвычайно богаты рыбою.

Населеніе Сибири немногочисленно; оно состоитъ изъ русскихъ и инородцевъ (остяковъ, тунгузовъ, бурятъ, якутовъ, чукчей, гиляковъ и другихъ). Русскіе населяютъ самыя лучшія мѣста и занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ, горнымъ промысломъ. Въ тундрѣ и тайгѣ живутъ бродячіе инородцы, которые занимаются разведеніемъ оле-

ней, охотою на пушныхъ звѣрей и рыбною ловлею; въ степяхъ же живутъ кочевые инородцы, которые занимаются преимущественно скотоводствомъ. Зимой въ сѣверныхъ частяхъ Сибири ѣздятъ на собакахъ.

Фабрикъ и заводовъ очень мало въ Сибири. Всѣ товары привозятся изъ Европейской Россіи или изъ другихъ странъ,—часть сухимъ путемъ, а часть моремъ. Лучшая гавань у береговъ Японскаго моря—Владивостокъ. Это одна изъ самыхъ большихъ гаваней въ свѣтѣ, съ прекрасной глубокой бухтою, очень удобною для стоянки судовъ, гористые берега защищаютъ ее отъ сильныхъ вѣтровъ. Въ настоящее время черезъ всю Сибирь отъ Екатеринбурга до Владивостока проведена желѣзная дорога, которая имѣетъ огромное значеніе для всей Сибири, облегчаетъ путь переселенцамъ, усиливаетъ торговыя сношенія, соединяетъ страны далекаго Востока съ Европейской Россіей.

272. Охота на бѣлокъ въ Сибири.

1. На сѣверѣ Россіи и Сибири земля плохо родитъ хлѣбъ, и жители мало занимаются хлѣбопашествомъ. Они живутъ тѣмъ, что охотятся на пушныхъ звѣрей, особенно на бѣлку, и продаютъ ихъ шкурки. На вырученные деньги купятъ себѣ хлѣба, заплатятъ подати. Такъ и живутъ. А безъ охоты имъ совсѣмъ жить нечѣмъ. Поэтому бѣличій промыселъ и имѣетъ такое большое значеніе, и охота на бѣлку, или «бѣлковье», для сибиряка и вообще для жителя сѣвера то же самое, что для нашего крестьянина уборка хлѣба. Удачна была охота, будетъ на что прожить цѣлый годъ; а неудачна,—такъ хоть по-міру ступай.

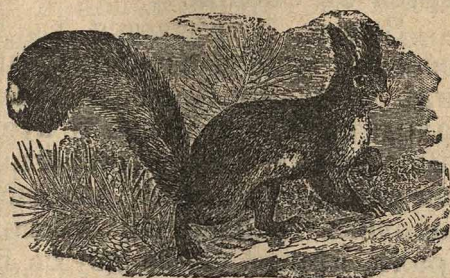
Оттого, когда наступаетъ бѣлковье, деревня пустѣетъ. Всѣ, кто только можетъ, идутъ на бѣлковье. Остаются только слабые старики, которые не могутъ идти, бабы да малыя дѣти. Бѣлковье—это нелегкая вещь. Идутъ не на день, не на два, а на два или на три мѣсяца, далеко отъ своего жилья, иной разъ веретъ за двѣсти, а то и больше, въ холодную, морозную погоду. Надо взять съ собою и теплую одежду и запасовъ, чтобы было чѣмъ кормиться два-три мѣсяца. Охотятся они больше на бѣлокъ, но бьютъ и другихъ пушныхъ звѣрей: и лисицъ, и волковъ, и соболей, и даже, случается, медвѣдя.

Охотники идутъ цѣлою компаніей. Если семья боль-

шая, то идутъ всѣ вмѣстѣ и постороннихъ не берутъ. А одинокіе люди собираются въ артель и сговариваются отправиться партіей человекъ въ пять, шесть или больше, условливаясь, сколько каждый *артельщикъ* долженъ взять съ собой сѣстныхъ припасовъ, сколько пороха, и дѣлятъ потомъ все, что будетъ добыто въ тайгѣ, поровну.

2. Но вотъ наступаетъ время бѣлковья. Лѣса обнажились... Рѣчки покрылись по окраинамъ тонкимъ, прозрачнымъ, какъ зеркало, льдомъ... По мягкой порошокъ обозначились малики (слѣды) зайцевъ, лисьи и волчьи слѣды... Медвѣдь, барсукъ и другіе звѣри залегли на зиму въ свои теплыя норы... Пора и бѣлковщикамъ отправляться въ тайгу.

Весело въ тайгѣ въ ясный зимній солнечный день. Солнечные лучи освѣтили лѣсную чащу и засверкали искрами по снѣжному покрову. Бѣлка только-что позавтракала. Весело ей и тепло на солнышкѣ. Вотъ она беззаботно прыгаетъ съ вѣтки на вѣтку и не чувствуетъ, что ей грозитъ бѣда.

Бѣлка или векша.

А Лайка ужъ тутъ какъ тутъ, остановилась, устоялась на бѣлку и принялась лаять, звать своего хозяина. Молодая бѣлка удивилась, даже разсердилась и стала урчать. Но вотъ изъ-за кустовъ показался Прокль съ ружьемъ. Еще больше удивилась неопытная бѣлка, заметалась на вѣткѣ изъ стороны въ сторону, а Прокль ужъ прицѣлился и выстрѣлилъ. Кувыркнулась наша бѣлка внизъ и упала на снѣгъ. Лайка кинулась на нее, такъ и вцѣпилась въ свою жертву, и, не успѣвъ во-время Прокль, совѣмъ бы истремила ее. Поднялъ Прокль бѣлку, осмотрѣлъ ее, хороша ли, вытеръ ей ранку снѣгомъ и повѣсилъ къ себѣ на спину на дощечку.

Вернулись и охотники съ дневного промысла; заварили себѣ въ походномъ котелкѣ чай, а сами сѣли въ кружокъ и стали снимать шкурки съ бѣлокъ. Быстро у нихъ идетъ дѣло. Не успѣлъ еще закипѣть котелокъ съ чаемъ, а иные уже снимали съ десятокъ шкурокъ, а то и больше. Шкурку съ бѣлки они снимаютъ какъ чудокъ, а мясо бросаютъ тутъ же своимъ собакамъ; а тѣ всѣ со-

брались здѣсь и ждутъ своей очереди. Знаютъ, что имъ богатая пожива будетъ. Сами охотники бѣличьяго мяса не ѣдятъ, а все отдаютъ собакамъ.

Носиловъ.

273. Золото.

Еще въ глубокой древности стали добывать золото. Во многихъ мѣстахъ Европы можно видѣть и теперь остатки отъ древнихъ промысловъ золота. У насъ, въ Россіи, добываніе золота началось только въ 1814 году на Уралѣ. Въ настоящее время на Уралѣ находятъ уже меньше золота, чѣмъ прежде. Теперь больше всего золота добывается въ Сибири.

Золото встрѣчается въ видѣ кристалловъ, но чаще всего въ видѣ пластинокъ, листочковъ, зеренъ и даже въ видѣ мельчайшей, едва замѣтной простымъ глазомъ, пыли; находятъ золото также и кусками; тогда они называются самородками. Самородки бываютъ различнаго вѣса, начиная отъ нѣсколькихъ золотниковъ и кончая пудами. Самородокъ, найденный нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Уралѣ, вѣситъ болѣе двухъ пудовъ. Совершенно чистаго золота въ природѣ не встрѣчается: оно почти всегда находится въ соединеніи съ другими металлами, какъ напр., съ серебромъ.

Не всякій золотосодержащій песокъ стоить промывать, такъ какъ въ иномъ слишкомъ мало золота. Чтобы убѣдиться, есть ли золото въ извѣстномъ мѣстѣ, прорѣзываютъ длинные глубокіе рвы. Если розсыпь очень длинна и широка, рвы не роютъ во всю длину, а копаютъ въ разныхъ мѣстахъ отдѣльные недлинные рвы. Найдя золотосодержащій песокъ, начинаютъ его вырабатывать. Для этого роютъ колодезь до тѣхъ поръ, пока не наткнутся на такой слой, гдѣ есть золотая руда; по этому колодезю спускаются копать руду ломомъ и лопатами; такіе колодези называются шахтами. Шахты иногда бываютъ очень глубоки и широки, и въ нихъ работаетъ очень много людей. Работа рудокоповъ настолько тяжела, что у насъ въ Россіи ссылаютъ на эту работу преступниковъ.

Золото никогда не ржавѣетъ и не чернѣетъ, даже въ сыромъ мѣстѣ; потому его называютъ благороднымъ металломъ. Золото почти въ три раза тяжелѣе желѣза. Цвѣтъ золота желтый. Въ расплавленномъ видѣ оно совершенно измѣняетъ свой цвѣтъ и видъ, дѣлаясь зеленымъ и жид-

кимъ; при еще болѣе сильномъ нагрѣваніи оно обращается въ паръ. Растворить золото можетъ только такъ называемая «царская водка». Очищенное отъ другихъ примѣсей, золото настолько мягко, что изъ кусочка, величиною съ булавочную головку, можно вытянуть проволоку, длиною въ пятьдесятъ сажень, а изъ одного червонца можно выковать такой тонкій листъ, что имъ можно покрыть лошадь и сидящаго на ней всадника. Изъ чистаго золота не дѣлаютъ никакихъ вещей, потому что онѣ легко гнулись бы; а для прочности къ золоту прибавляютъ какой-нибудь болѣе твердый металлъ, напр., серебро. Чѣмъ больше подмѣшано серебра, тѣмъ цвѣтъ золота блѣднѣе. На золотыхъ вещахъ выставляется проба для того, чтобы было извѣстно, сколько къ чистому золоту прибавлено другого металла. Чаще всего на золотѣ кладется пятьдесятъ шестая проба; это означаетъ, что въ одномъ золотникѣ сплава — пятьдесятъ шесть долей золота и сорокъ долей другого металла.

Въ настоящее время золото въ тридцать разъ дороже серебра, а раньше было въ пятнадцать и двадцать разъ дороже. Это произошло влѣдствіе того, что въ послѣдніе годы стали находить гораздо больше серебра, чѣмъ прежде.

Какъ извѣстно, изъ золота дѣлаютъ монеты, разныя украшенія; золотомъ покрываютъ другіе металлы, т.-е. позлачиваютъ ихъ. Монеты дѣлаютъ изъ золота потому, что оно очень цѣнно и не подвергается порчѣ. Золотая монета, величиною въ двугривенный, стоитъ около восьми рублей.

274. Амуръ и Уссурійскій край.

Привольнѣе и легче, чѣмъ въ сѣверной Сибири, живетъ на юго-востокѣ Сибири, по теченію рѣки Амура и его притоковъ. Амуръ беретъ начало въ горахъ, къ югу отъ озера Байкала, но течетъ не къ сѣверу, а къ востоку, и впадаетъ въ Великій океанъ. вмѣстѣ съ своимъ притокомъ Усури, Амуръ отдѣляетъ восточную Сибирь отъ Китая. Въ верхнемъ своемъ теченіи Амуръ пробивается въ гористой, дикой мѣстности и принимаетъ въ себя много быстрыхъ горныхъ рѣчекъ; потомъ горы отступаютъ, и Амуръ разливается по широкой луговой равнинѣ; высокая сочная трава покрываетъ берега на большое разстояніе. Большія многоводныя рѣки впадаютъ здѣсь въ Амуръ, и вся эта плодородная долина удобна для поселенія. У

восточнаго края этой степной полосы въ Амуръ съ правой стороны впадаетъ большая рѣка Уссури, тоже съ плодородными, удобными для хлѣбопашества берегами. Скоро послѣ впаденія Уссури, Амуръ вступаетъ въ горныя лѣсныя пространства и поворачиваетъ къ сѣверу. Дремучіе хвойныя лѣса обступаютъ его берега; климатъ становится, чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ суровѣе. Зимой свирѣпствуютъ холодныя сѣверныя вѣтры съ снѣжными пургами; лѣтомъ дуютъ южныя вѣтры съ океана, принося огромное количество дождей: и горы, и лѣса, и рѣки—все окутывается густымъ туманомъ. Дожди производятъ наводненія; Амуръ принимаетъ тогда видъ моря: острова покрываются водою, всѣ рукава сливаются въ одинъ потокъ; вырванныя съ корнемъ громадныя деревья плывутъ по рѣкѣ; цѣлыя селенія уносятся быстрымъ теченіемъ.

Какъ разъ противъ устья Амура лежитъ въ океанѣ островъ Сахалинъ, отдѣленный отъ материка узкимъ проливомъ. Подводныя мели и огромныя скопленія льда послѣ зимы очень затрудняютъ въ немъ плаваніе. Климатъ здѣсь суровый; всѣ бухты здѣсь замерзаютъ, образуется ледяной перешеекъ отъ материка къ Сахалину. Этотъ гористый островъ мѣстами покрытъ густыми хвойными лѣсами; на западномъ берегу острова есть залежи каменнаго угля. Разработка угля производится ссыльно-каторжными, которыхъ доставляютъ на Сахалинъ на морскихъ судахъ. Хлѣбопашествомъ можно заниматься только на югѣ острова, въ нѣкоторыхъ плодородныхъ долинахъ.

Непріютны низовья Амура и берега моря, вотъ почему поселенцы избѣгаютъ этихъ мѣстъ и охотнѣе занимаютъ привольныя земли въ средней степной полосѣ Амура или селятся по теченію рѣки Уссури, въ такъ называемомъ Уссурійскомъ краѣ.

Эта страна разнообразна и гориста, прорѣзывается множествомъ рѣкъ и рѣчекъ. Вершины горъ покрыты дремучими хвойными лѣсами, а по склонамъ и въ долинахъ примѣшивается кленъ, береза, ясень, вязъ, душистый тополь, липа и дубъ; встрѣчаются даже пробковыя деревья; по опушкамъ попадаютъ дикія яблони, груши, абрикосы, черешни и волошскіе орѣхи, акація, жасминъ, кизиль, сирень и многія другія растенія теплыхъ странъ. Все это увито и перепутано вьющеюся лозою винограда и образуетъ густую чащу; пробраться часто можно только по медвѣжьей тропѣ. Эту непроходимую трущобу насе-

ляетъ разнообразное звѣрье и птица и жаркаго и холоднаго пояса. Въ густой роскошной листвѣ притаились тысячи птицъ, начиная съ воробья и чернаго ворона и кончая кохинхинскою иволгой и бенгальскимъ зимородкомъ.

Въ высокой, сочной травѣ прячутся лоси, олени, изюбры и кабаны; барсъ, дикая кошка и рысь живутъ на гигантскихъ деревьяхъ и готовы кинуться на пробирающихся внизу антилопу, кабаргу или косулю; гималайская куница и соболь рыщутъ по пнямъ и колодамъ, и ловятъ лакомую для нихъ сибирскую бѣлку; трусливый медвѣдь зарылся отъ жары въ сырую листву и чутко прислушивается, готовый бѣжать при первой опасности.

Надъ всѣмъ этимъ животнымъ царствомъ господствуетъ бенгальскій тигръ—бичъ и гроза края; смѣлый, ловкій и сильный, онъ наноситъ крестьянамъ и казакамъ значительный вредъ, давая лошадей, коровъ, быковъ. Особенно не долюбливаютъ хищника охотники, у которыхъ онъ нерѣдко рѣжетъ собакъ, пущенныхъ за уходящимъ раненымъ звѣремъ. Особой охоты на тигровъ не существуетъ; каждому жизнь дорога—не рискуютъ ею жертвовать ради пріобрѣтенія шкуры; но, во всякомъ случаѣ, охотники бьютъ тигра часто, мстя за задавленныхъ собакъ, которыя здѣсь нерѣдко цѣнятся очень дорого.

Населеніе края весьма разнообразно. Въ нагорныя долины приходятъ зимовать тунгузы; по долинамъ рѣкъ поселились якуты; по берегамъ Амура и его притокамъ раскинулись русскія селенія, а ближе къ китайской границѣ живутъ дауры и манджуры; ихъ обычаи и жизнь сложились по китайскому образцу; они живутъ въ китайскихъ постройкахъ—фанзахъ. Фанзы строятся изъ дерева, стѣны вымазываются глиною, а крыша аккуратно кроется соломой. Въ широкія окна фанзы вставляются рамы, затянутыя тонкою китайской бумагой, пропускающей свѣтъ. Внутри фанзы устроенъ очагъ; полъ покрытъ циновками; на немъ сидятъ, ѣдятъ, работаютъ, спятъ. Около каждаго селенія непременно находится небольшая фанза, гдѣ хоронятъ умершихъ и ставятъ кумирни. Главное занятіе—земледѣіе. Съ утра до сумерекъ проводятъ жители въ полѣ; поля тщательно обработаны, сѣмена сѣются по грядкамъ; канавки между ними нѣсколько разъ въ лѣто прочищаются. Сѣютъ бобы, ячмень, пшеницу, овесъ, гречиху, разводятъ поля маку и много другихъ полезныхъ растений.

Русское населеніе тоже очень разнообразно: есть казачьи станицы, гдѣ живутъ переселенные казною забайкальскіе казаки; есть большія русскія села переселенцевъ изъ Воронежской, Тамбовской и другихъ великорусскихъ губерній; попадаются настоящіе малороссійскіе хутора съ бѣлыми хатками, высокими тополями и садами: это переселенцы изъ Кіевской, Черниговской, Полтавской, Харьковской и другихъ губерній Малороссіи. Селятся здѣсь и солдаты, захотѣвшіе по окончаніи службы остаться въ краѣ; а также ссыльно-поселенцы, то-есть каторжники, отбывшіе срокъ своего наказанія. Всѣ поселенцы занимаются хлѣбопашествомъ, охотой и лѣснымъ промысломъ, или идутъ въ извозъ и на золотые прииски. Золотые прииски находятся во многихъ мѣстахъ этого края; многія рѣки богаты золотоносными песками. Большая часть золота въ Россіи добывается теперь въ Сибири. Но разработка золота только-что начата, ведется неправильно; много золота теряется, пропадаетъ даромъ. Чтобы повести добываніе золота въ большихъ размѣрахъ, требуется много денегъ: надо доставлять за сотни верстъ, въ глухую бесплодную тайгу рабочихъ, продовольствіе на нихъ, машины и проч. Но зато золотое дѣло даетъ огромные доходы золото-промышленникамъ.

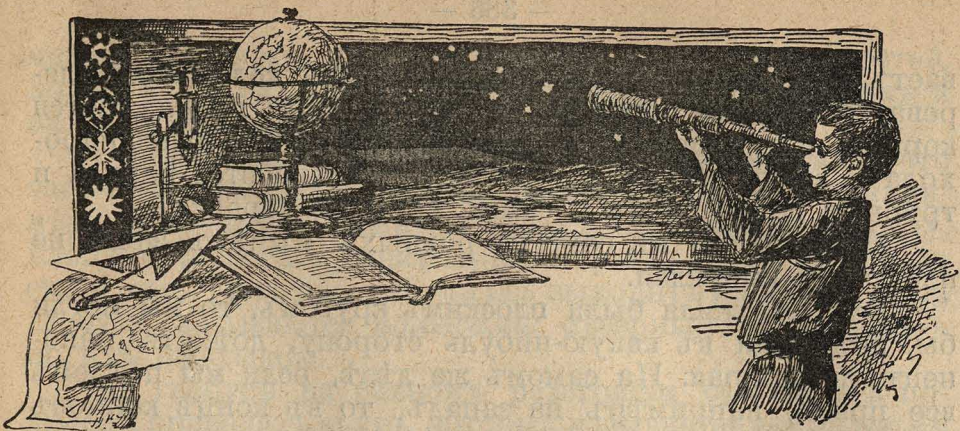
Работать на прииски идетъ обыкновенно бездомный людъ, поселенцы изъ ссыльно-каторжныхъ, нерѣдко бродяги, бѣжавшіе съ каторги. Народъ этотъ буйный, распущенный, разгульный; много вреда вноситъ онъ въ сибирскія деревни и села.

Изъ кн. Сатарова.

275. Привѣтъ родинѣ.

Дай тебѣ Боже, родная земля,
Дождичка, ведра въ поля,
И сохрани ихъ отъ града, отъ голода,
Жара сухого да позднего холода.
Богъ вамъ на помощь, Христовы работники!
Глубже вамъ вспахивать пашенку черную,
Шире косою размахнуться проворною,—
Дай Богъ большой урожай!

Ө. Б.

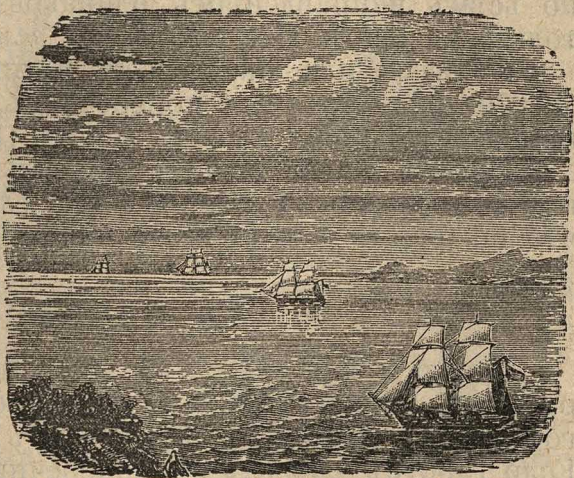

Отдѣлъ VIII.

276. Земля - шаръ.

Если мы находимся на ровномъ мѣстѣ, напримѣръ, стоимъ на полѣ или плывемъ по морю, то намъ представляется, что земля есть плоскій кругъ, за края котораго небо опускается въ видѣ свода или полушара. Та линія, гдѣ, какъ намъ кажется, небо сходится съ землею, называется *горизонтомъ*. Въ древности люди и думали поэтому, что земля есть плоскій кругъ.

Однако, замѣтили, что если мы ѣдемъ по открытой равнинѣ и приближаемся къ какому-нибудь селу съ церковью, то сначала мы видимъ крестъ на колокольнѣ, затѣмъ верхнюю часть ея и подъ конецъ всю колокольню. То же самое произойдетъ и съ любымъ высокимъ предметомъ—съ деревомъ, фабричною трубой. Это можно объяснить только тѣмъ, что земля не плоская, и выпуклость земли скры-

ваеѣ отъ нашего глаза нижнюю часть колокольни, дерева. Такимъ же образомъ въ морѣ: когда приближается корабль или пароходъ, то мы видимъ сперва дымъ парохода и верхушки мачтъ, затѣмъ показывается паруса и трубы и подъ конецъ и самый корпусъ корабля.

Итакъ, даже въ самыхъ ровныхъ мѣстахъ земля не плоская, а выпуклая.

Если бы земля была плоскимъ кругомъ, то мы могли бы, поѣхавши въ какую-нибудь сторону, доѣхать, наконецъ, до ея края. На самомъ же дѣлѣ, если мы поѣдемъ все прямо, напримѣръ на западъ, то въ концѣ концовъ возвратимся на то же самое мѣсто, только съ востока. Это показываетъ намъ, что у земли края нѣтъ, какъ напримѣръ нѣтъ края у арбуза или у апельсина, что землю можно объѣхать кругомъ.

Въ первый разъ это сдѣлалъ португальскій путешественникъ Магелланъ, около 400 лѣтъ тому назадъ. Такія путешествія вокругъ земли называются *кругосвѣтными* и совершаются теперь очень часто. При этомъ оказывается, что, въ какую бы сторону ни поѣхать вокругъ земли, пройденный путь будетъ всегда почти одинаковъ по своей длинѣ (разумѣется, если ѣхать все прямо по одному и тому же направленію); это значитъ, что обхватъ земли по всѣмъ направленіямъ одинаковъ, а это можетъ быть только на шарѣ. Слѣдовательно, *земля есть шаръ*.

Обхватъ, или окружность земли, около 37.800 верстъ (40.070 километровъ), а поперечникъ, или *діаметръ*, земли приблизительно 12 тысячъ верстъ (12.750 километровъ).

Однако земля не есть правильный шаръ: съ двухъ противоположныхъ сторонъ она слегка сплюснута, такъ что по формѣ скорѣе всего напоминаетъ апельсинъ.

Изъ кн. Чесфранова.

277. Глобусъ.

Землю изображаютъ въ видѣ шара, на которомъ нарисованы моря и суша, а на сушѣ обозначены низменности, горы, рѣки, озера и пр. Такой шаръ называется *глобусомъ*. Если глобусъ сдѣлать съ поперечникомъ въ два или три аршина, то самыя высокія горы будутъ приподниматься надъ поверхностью глобуса не болѣе, чѣмъ на булавочную головку; а такъ какъ обыкновенно глобусы дѣлаютъ гораздо меньшихъ размѣровъ, то изображать горы и низменности выпуклостями и углубленіями совсѣмъ невоз-

можно. Поэтому для изображенія горъ, низменностей, холмовъ и т. д. употребляютъ краски, такія же, какъ и на географическихъ картахъ.

Обыкновенно глобусъ надѣтъ на стержень такъ, что части земного шара, лежащія на сѣверъ отъ насъ, напримѣръ Сѣверный Ледовитый океанъ, приходятся наверху. Глобусъ можетъ вращаться на стержнѣ, какъ колесо на своей оси. Тѣ точки, гдѣ эта ось выходитъ на поверхность глобуса, называются *полюсами*: сѣвернымъ и южнымъ— по ихъ положенію.

На глобусѣ на равномъ разстояніи отъ обоихъ полюсовъ проводятъ кругъ, который называется *экваторомъ*. Экваторъ раздѣляетъ глобусъ на два полушарія—*сѣверное и южное*.

Такъ какъ глобусъ есть изображеніе земного шара, то чтобы объяснить, гдѣ находится какое-нибудь мѣсто (напримѣръ, Петербургъ) на земномъ шарѣ, намъ достаточно указать его положеніе на глобусѣ.

Чтобы указать положеніе какого-нибудь мѣста, надо указать его направленіе и его разстояніе отъ другого мѣста, положеніе котораго намъ извѣстно. Для этой цѣли на глобусѣ проводятъ 180 круговъ такъ, чтобы они проходили черезъ оба полюса и пересѣкали экваторъ на равномъ другъ отъ друга разстояніи. Половинки этихъ круговъ, т. е. *полукруги, проходящіе на глобусѣ отъ одного полюса до другого, называются меридіанами*.

Но чтобы точно обозначить положеніе мѣста, однихъ меридіановъ мало. Различныя страны могутъ лежать на одномъ и томъ же меридіанѣ, но совершенно въ разныхъ мѣстахъ, то ближе къ сѣверному полюсу, то къ южному, то къ экватору и т. д. Поэтому, чтобы болѣе точно обозначить положеніе мѣста на глобусѣ, проводятъ еще другіе круги; они проходятъ параллельно экватору, на равномъ разстояніи другъ отъ друга, и называются *параллелями*. Такимъ образомъ, если мы укажемъ, на какомъ меридіанѣ и на какой параллели находится какое-либо мѣсто, то этимъ мы совершенно точно опредѣлимъ его положеніе.

Примѣчаніе. На землѣ не отмѣчены ни меридіаны, ни экваторъ, ни параллели; земля не имѣетъ и стержня, на которомъ она могла бы вертѣться подобно глобусу. Но все же земля вертится подобно волчку, у котораго тоже вѣдь нѣтъ никакого отдѣльнаго стержня. Объ этомъ говорится въ этой книгѣ нѣсколько дальше. Ученые наблюдаютъ вращеніе земли и на этомъ основаніи могутъ точно опредѣлить, гдѣ находятся полюсы, экваторъ, меридіаны и параллели.

278. В о д а.

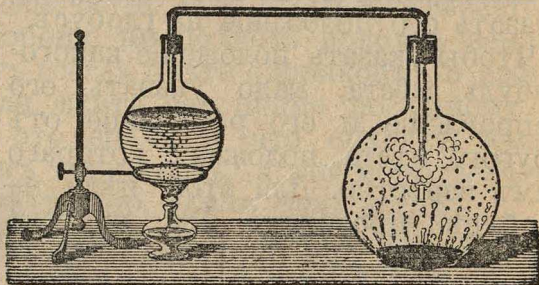
Вода бываетъ въ трехъ состояніяхъ: въ *жидкомъ*, въ *твердомъ* (ледъ) и *газообразномъ* (паръ).

При замерзаніи вода расширяется: *ледъ* занимаетъ больше мѣста, чѣмъ та вода, изъ которой онъ образовался; если налить въ бутылку до полна воды, плотно закупорить и заморозить ее, то бутылка лопнетъ; если въ трещину камня попадетъ вода и заморзнетъ, то она разломитъ камень.

При кипѣніи вода обращается въ *паръ*, который прозраченъ и невидимъ, какъ воздухъ. При охлажденіи паръ снова обращается въ жидкость (воду); мелкія капельки этой воды могутъ осаждаться въ видѣ *росы* (напр., въ комнатѣ — на окнахъ) или могутъ летать въ воздухѣ подобно пылинкамъ и образовать *туманъ*. Туманъ всегда можно видѣть надъ кипящимъ самоваромъ, только обыкновенно этотъ туманъ называется паромъ.

Чтобы ясно увидѣть, какъ вода обращается въ паръ, и какъ паръ обращается въ туманъ и росу, лучше всего продолжать опытъ перегонки воды изъ одного сосуда въ другой.

Въ сосудѣ I кипитъ вода; надъ ней собирается прозрачный и невидимый паръ. По трубкѣ паръ переходитъ въ сосудъ II; тамъ онъ обращается въ туманъ и росу; роса стекаетъ по стѣнкамъ, и на днѣ собирается слой воды. Если сосудъ II обложить кусками льда, а воду въ сосудѣ I продолжать кипятить, то можно всю воду пере-

Сос. I

Сос. II

гнать изъ одного сосуда въ другой. Но вода можетъ превращаться въ паръ не только при кипѣннн, но и тогда, когда она не кипитъ. Такъ, напримѣръ, если налить на блюдечко воды и поставить въ сухомъ мѣстѣ, то вода скоро *испарится*, т.-е. обратится въ паръ. Чѣмъ теплѣе и суше воздухъ надъ водой, тѣмъ она испаряется скорѣй. Теплая вода испаряется скорѣе холодной.

Если налить въ стаканъ воды и положить въ него немного поваренной соли, то соль *растворяется*; при этомъ вода останется совершенно прозрачной. При испареннн вода обращается въ паръ и разсѣивается въ воздухъ; соль же остается въ растворѣ, который становится все гуще и гуще. При дальнѣйшемъ испареннн изъ раствора осадутъ на днѣ и стѣнкахъ стакана твердыя частицы соли.

Г. Ивановъ.

279. Земля и вода.

Земля. Стою я крѣпко, не шатнусь, тверда, вѣрна всегда, и на хребтѣ своемъ ношу деревни, города. И мнѣ ввѣряетъ сѣмена довѣрчиво народъ: ращу я травы, хлѣбъ ращу, кормлю людей и скотъ. На мнѣ шумятъ, гудятъ лѣса: тутъ всеѣмъ звѣрямъ просторъ; желѣзо, мѣдь скрываю я внутри скалистыхъ горъ. А ты обманчивой струей бѣжишь, чтобъ разрушать; ты будто дочь моя, но вмигъ готова бросить мать. Въ деревья, въ воздухъ ты уйдешь; блуждая здѣсь и тамъ, бѣжишь къ невѣдомымъ морямъ, къ далекимъ облакамъ.

Вода. Да, ты питала мой родникъ въ сокрытой глубинѣ; была родная грудь и колыбелью мнѣ! Но все же воздухъ мой отецъ... Не ставь мнѣ, мать, въ укоръ, что я люблю движенъе, свѣтъ, шумъ бури и просторъ. Все знать хочу я: внутрь людей и травки заглянуть; въ земную глубь и въ небеса—вездѣ открыть мнѣ путь. И дружбу съ солнцемъ я веду: на зовъ его чутка, я паромъ въ воздухъ уношусь, скопляюсь въ облака. Тамъ съ громомъ, съ молннй лечу и падаю дождемъ, иль въ небѣ радугой блесну, какъ въ поясѣ цвѣтномъ! Пусть ты, опора всеѣмъ, стоишь незыблемой стопой; а я бѣгу, стремлюсь вездѣ разрушить твой покой. Но не разлейся всюду я изъ облаковъ, иль рѣкъ,—безплодной, голой степью ты осталась бы на вѣкъ.

В. Водовозовъ.

Пословицы: 1) *Вода и землю точитъ и камень долбитъ.* 2) *Жди горя съ моря, а бѣды отъ воды.*

280. Вращеніе земного шара.

Въ ясный безоблачный вечеръ все небо усеяно звѣздами. Вглядываясь внимательно, мы замѣчаемъ, что звѣзды не стоятъ неподвижно, а движутся всѣ вмѣстѣ. На восточной половинѣ неба звѣзды восходятъ, поднимаются, а на западной опускаются и заходятъ, точно весь сводъ небесный со всѣми звѣздами поворачивается вокругъ насъ съ востока на западъ.

Такъ прежде люди и думали. Они представляли себѣ, что наша земля стоитъ въ самой серединѣ, а солнце и всѣ звѣзды непрерывно ходятъ вокругъ нея.

Но не всегда можемъ мы довѣрять нашимъ глазамъ. Когда несетъ лодку по теченію, и смотришь съ лодки на берегъ, то кажется, что не лодка движется впередъ, а берегъ идетъ мимо насъ. То же самое, когда ѣдешь по желѣзной дорогѣ: дома, деревья, столбы, все такъ и летитъ мимо. Мы знаемъ, что и столбы, и деревья, и дома стоятъ неподвижно, а между тѣмъ такъ и кажется, что они бѣгутъ.

То же самое съ солнцемъ и звѣздами. Ученые доказали, что не солнце и звѣзды ходятъ вокругъ земли, а нашъ земной шаръ, какъ волчокъ, непрерывно кружится. Оттого намъ и представляется, что весь небесный сводъ со всѣми свѣтилами поворачивается вокругъ насъ.

Поставимъ на столъ лампу; пусть она изображаетъ солнце, а круглое яблоко замѣнитъ намъ земной шаръ. Проткнемъ яблоко черезъ самую серединку вязальною иглою и поставимъ иглу въ подушечку такъ, чтобы яблоко приходилось на одной высотѣ съ огнемъ лампы. Одна половина яблока освѣщена лампой, а другая темна: на одной половинѣ, значитъ, день, на другой ночь.

Если мы затѣмъ станемъ поворачивать иглу, то и яблоко будетъ кружиться.

Двѣ точки на яблокѣ, чрезъ которыя проходитъ игла, не перемѣняютъ своего мѣста. Эти точки называются *полюсами*,—одна сѣвернымъ, другая южнымъ. Прямая линія отъ одного полюса до другого, черезъ середину яблока, называется *осью*; у насъ эту линію представляетъ игла. Проведемъ на поверхности яблока, на его серединѣ, кругъ такъ, чтобы онъ повсюду находился на одинаковомъ удаленіи отъ того и другого полюса. Такой кругъ называется

экваторомъ. Онъ раздѣлитъ землю на двѣ половины или на два полушарія, *сѣверное и южное*.

Воткнемъ въ освѣщенную половину яблока, поближе къ экватору, булавочку по самую головку. Пусть эта головка изображаетъ человѣка на землѣ.

Станемъ теперь потихоньку вертѣть вязальную иглу. Мы замѣтимъ, что булавочная головка, которая была какъ разъ на серединѣ освѣщенной половины, подвигается къ тѣни. Когда мы повернемъ яблоко на четверть круга, головка будетъ на самомъ краю освѣщенной части. Повернемъ еще немножко, и уже свѣтъ лампы не достигаетъ булавочной головки: для нашего человѣка *лампа закатилась*. Повернемъ еще на четверть круга и булавочная головка будетъ на серединѣ темной стороны. Еще такой же поворотъ, булавочная головка опять вступаетъ въ ламповый свѣтъ: для нашего наблюдателя *лампа всходитъ*. Еще одинъ поворотъ въ четверть круга, яблоко сдѣлало теперь полный оборотъ на оси, и лампа опять свѣтитъ надъ самой булавочной головкой, какъ вначалѣ.

Итакъ, лампа какъ бы прошла надъ булавочной головкой, закатилась, взошла и снова пришла на прежнее мѣсто; все это произошло вслѣдствіе полного поворота яблока на оси.

Какъ вертится яблоко, такъ вертится и земля наша, и отъ этого движенія происходитъ на землѣ день и ночь. Повернется земля къ солнцу одной стороной—тутъ будетъ день, а на другой сторонѣ ночь; повернется другой стороной, и вмѣсто дня будетъ ночь, а гдѣ была ночь, будетъ день.

У земли, разумѣется, нѣтъ никакого отдѣльнаго стержня, на которомъ она могла бы вертѣться; она вертится безъ всякаго стержня,—вертится такъ, какъ вертится, наприкладъ, волчокъ; но, глядя на волчокъ, мы можемъ указать ту линію, вокругъ которой онъ вертится; точно такъ же мы можемъ мысленно представить себѣ линію, которая проходитъ черезъ самую середку земли и соединяетъ оба ея полюса, сѣверный и южный. Это и будетъ *земная ось*,—т.-е. та линія, около которой вертится земля. А. Гердъ.

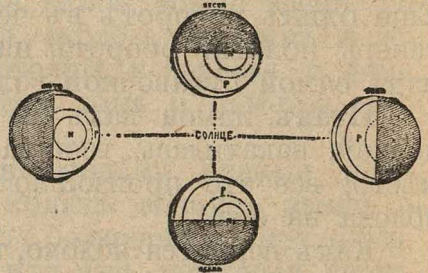
281. Движеніе земли вокругъ солнца.

Мы узнали, что земля наша шарообразна, и что она безостановочно кружится на своей оси. Если бы земля не вертѣлась, день не смѣнялся бы ночью: на одной половинѣ

земного шара былъ бы вѣчный день, а на другой половинѣ—вѣчная ночь.

Но земля не только кружится, какъ волчекъ: она, кромѣ того, безостановочно ходитъ вокругъ солнца и дѣлаетъ полный обходъ въ 365 дней или въ одинъ годъ.

При этомъ земная ось нѣсколько наклонена къ тому пути, по которому она ходитъ вокругъ солнца (см. рис.) и потому поворачивается къ солнцу больше то сѣвернымъ, то южнымъ полюсомъ. Отъ этого у насъ и смѣняются времена года: весна, лѣто, осень, зима. Въ іюнѣ, 9-го числа, сѣверный полюсъ земли всего больше наклоненъ къ солнцу, а южный всего больше отклоненъ. Россія наша находится въ сѣверномъ полушаріи, а потому въ это время у насъ начинается лѣто, а на южной половинѣ земли—зима. Въ декабрѣ, 9-го числа, земля находится какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ она была 9-го іюня. Въ это время къ солнцу всего больше наклоненъ южный полюсъ, а сѣверный всего больше отклоненъ отъ него. У насъ начинается зима, а на южномъ полушаріи лѣто.

8-го марта и 10-го сентября, ни тотъ, ни другой полюсъ ни мало не наклонены къ солнцу. Въ сѣверномъ полушаріи 8-го марта начинается весна, а въ южномъ—осень; 10-го сентября въ сѣверномъ полушаріи наступаетъ осень, а въ южномъ весна.

Въ эти дни, 8-го марта и 10-го сентября, на всей землѣ ночь равна съ днемъ. Чѣмъ больше наша (сѣверная) половина земли наклонена къ солнцу, тѣмъ и день у насъ длиннѣе, и, наоборотъ, чѣмъ больше сѣверная половина отклонена отъ солнца, тѣмъ короче у насъ день и тѣмъ длиннѣе ночь. Вотъ почему въ Петербургѣ зимою бываютъ такіе короткіе дни, что едва только часовъ пять можно работать безъ огня, а въ іюнѣ ночью совсѣмъ не бываетъ темно: заря съ зарею сходится.

Прослѣдимъ еще разъ путь земного шара и посмотримъ, какъ измѣняются времена года и длина дней на сѣверной половинѣ земли, гдѣ наша Россія.

8-го марта оба полюса, сѣверный и южный, находятся въ одинаковомъ положеніи относительно солнца. День равенъ ночи. У насъ наступаетъ весна.

Съ 8-го марта по 9-е іюня, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, земля, обходя вокругъ солнца, все больше и больше наклоняется къ нему сѣвернымъ полушаріемъ. У насъ дни постепенно увеличиваются, а ночи становятся короче.

9-го іюня. Наибольшій наклонъ сѣвернаго полушарія къ солнцу. Самый долгій день и самая короткая ночь. Начало лѣта.

Съ 9-го іюня по 10-е сентября, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, сѣверное полушаріе постепенно отклоняется отъ солнца. День становится короче, но все это время онъ еще длиннѣе ночи.

10-го сентября земля находится какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ она была 8-го марта. Оба полушарія, сѣверное и южное, одинаково наклонены къ солнцу. День во всѣхъ мѣстахъ земного шара равенъ ночи. У насъ начинается осень.

Съ 10-го сентября по 9-е декабря, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, сѣверная половина земли все больше и больше отклоняется отъ солнца. У насъ день укорачивается, а ночь становится длиннѣе.

9-е декабря. Земля приходится какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ она была 9-го іюня. Наибольшее отклоненіе сѣвернаго полушарія отъ солнца. Самый короткий день и самая длинная ночь.

Съ 9-го декабря по 8-е марта, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, южное полушаріе постепенно отклоняется отъ солнца. У насъ день удлинняется, но все это время остается короче ночи.

8-го марта опять день равенъ ночи, наступаетъ весна, и т. д.

Весь обходъ земля совершаетъ въ 12 мѣсяцевъ или, точнѣе, въ 365 дней и 6 часовъ.

А. Гердъ.

282. Солнце, планеты и кометы.

Луна обращается вокругъ земли и поэтому называется—*спутникомъ земли*.

И земля, и луна не имѣютъ своего свѣта, а заимствуютъ его отъ солнца; земля и луна сами по себѣ *тѣла темныя*. Темныя небесныя тѣла, непосредственно обращающіяся вокругъ солнца, называются *планетами*; небесныя тѣла, обращающіяся вокругъ планетъ, называются *спутниками планетъ*.

Кромѣ земли и луны въ безграничномъ небесномъ пространствѣ вокругъ солнца обращается много и другихъ планетъ. Нѣкоторыя изъ этихъ планетъ имѣютъ своихъ спутниковъ.

Кромѣ планетъ вокругъ нашего солнышка обращаются еще и *кометы*. Кометы отличаются отъ планетъ и своею формою, и своимъ составомъ (веществомъ). Кометы большею частію состоятъ изъ ядра и удлиненнаго хвоста, который имѣетъ разную форму. И черезъ ядро, и черезъ хвостъ кометы часто видны бываютъ звѣзды; слѣдовательно, комета есть тѣло газообразное, неплотное, прозрачное, легкое. Свой путь вокругъ солнца кометы совершаютъ десятки, сотни и тысячи лѣтъ.

Солнце имѣетъ свой собственный свѣтъ. Солнце по своей массѣ не только больше земли, но и больше всѣхъ обращающихся вокругъ него планетъ и кометъ,—взятыхъ вмѣстѣ. Солнце, какъ и земля, обращается вокругъ своей оси, но совершаетъ свой оборотъ не въ одни сутки, какъ земля, а почти въ 25 сутокъ.

283. Утренняя звѣзда.

Откуда, звѣздочка-краса?
Что рано такъ на небеса
Въ одеждѣ праздничной твоей,
Въ огнѣ блистающихъ кудрей,
Въ красѣ воздушно-голубой,
Умывшись утренней росой?
Ты скажешь: встала раньше насъ?
Анъ нѣтъ! мы жнемъ ужъ цѣлый

часъ;
Не счесть накиданныхъ сноповъ.
Кто всталъ до дня, тотъ днемъ

здоровъ;
Бодрѣй глядитъ на Божій свѣтъ;
Ему за трудъ вкуснѣй обѣдъ.

Другой привыкъ до полдня спать;
Зато и утра не видать.

А жнецъ съ восточною звѣздой
Всегда встаетъ передъ зарей.

Работа рано поутру—

Досугъ и пѣсня ввечеру.

А птички? Всѣ давно ужъ тутъ:

Играютъ, свищутъ и поютъ;

Съ куста на кустъ, изъ сѣни въ

сѣнь,
Кричатъ другъ дружкѣ: добрый

день.
И томно горлинки журчатъ;
Да чу! и къ утренѣ звонятъ.

Вездѣ молитва началась:

«Небесный Царь, услыши насъ!

Твое владычество приди;

Насъ въ искушенье не введи,

На путь спасенія наставь

И отъ лукаваго избавь».

В. Жуковский.

284. Вселенная.

Кромѣ солнца, планетъ и кометъ мы видимъ на небѣ многое множество *неподвижныхъ звѣздъ*.

Неподвижныя звѣзды—такія же солнца, какъ и наше солнце. Ученые думаютъ, что у каждой такой звѣзды есть свои планеты и кометы, которыя обращаются вокругъ этой звѣзды и заимствуютъ отъ нея свой свѣтъ.

Звѣзды-солнца удалены отъ насъ на такія огромныя разстоянія, что кажутся для нашего глаза лишь малыми точками.

По громадности разстояній мы не замѣчаемъ и того, что наше солнце со всѣми планетами и кометами, и другія солнца-звѣзды не остаются неподвижными, а обращаются вокругъ другихъ небесныхъ тѣлъ.

Всѣ планеты и кометы, солнце и звѣзды, и все то неизмѣримое небесное пространство, въ которомъ держатся Творцомъ небесныя тѣла, все это называется *вселенною*, или *міромъ*.

285. Звѣзды.

Въ часъ полночный, близъ потока,
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
Въ горнемъ мірѣ чудеса.
Ночи вѣчныя лампады
Невидимы въ блескѣ дня,
Стройно ходятъ тамъ громады
Негасимаго огня.
Но впивайся въ нихъ очами,
И увидишь, что вдали,
За ближайшими звѣздами,
Тьмами звѣзды въ ночь ушли.
Вновь взглядишь—и тьмы за тьмами
Утомятъ твой робкій взглядъ;
Всѣ звѣздами, всѣ огнями
Бездны синія горятъ.

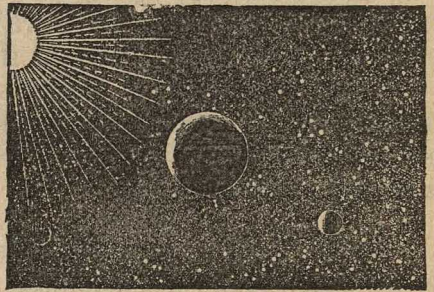
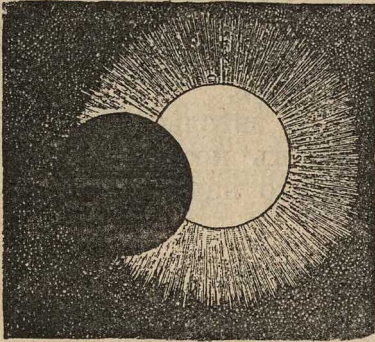
Въ часъ полночнаго молчанья,
Отогнавъ обманы сновъ,
Ты взглядишь душой въ писанья
Галилейскихъ рыбаковъ,—
И въ объемѣ книги тѣсной
Развернется предъ тобой
Безконечный сводъ небесный
Съ лучезарною красой.
Узришь—звѣзды мыслей водятъ
Тайный хоръ свой вкругъ земли;
Вновь взглядишь—другія всходятъ;
Вновь взглядишь, и тамъ, вдали,
Звѣзды мыслей, тьмы за тьмами,
Всходятъ, всходятъ безъ числа,
И зажжется ихъ огнями
Сердца дремлющая мгла.

А. Хомяковъ.

286. Солнечное затменіе.

Ученые такъ хорошо узнали движеніе солнца и луны, что могутъ хотъ за сто лѣтъ высчитывать, на примѣръ, то, въ какой часъ луна станетъ между нами и солнцемъ и закроетъ отъ насъ солнце на нѣсколько минутъ. Тогда солнышко спрячется отъ насъ. Его и днемъ при самомъ чистомъ небѣ не будетъ видно, какъ будто бы кто поста-

вилъ тарелку между нимъ и нашими глазами. Намъ скажутъ: какъ же маленькая луна можетъ закрыть все громадное солнце? Но тутъ все дѣло въ томъ, что луна къ намъ ближе, а солнце гораздо дальше. Я гляжу на огромную колокольню, но стоитъ мнѣ поднять свою руку къ глазамъ и маленькая рука заслонитъ собою всю колокольню. Это потому, что рука гораздо ближе къ моимъ глазамъ, чѣмъ колокольня. Такъ точно и въ солнечномъ затменіи. Луна меньше солнца, но зато луна къ намъ ближе, чѣмъ солнце. Вотъ почему она можетъ заслонить его собою.

Полное затменіе случается видѣть очень рѣдко. Луна рѣдко закрываетъ отъ насъ все солнце. Но когда это бываетъ, то среди яснаго солнечнаго дня вдругъ наступаетъ полутьма, какъ будто наступили сумерки. Обыкновенно слабый днемъ свѣтъ звѣздъ тонетъ въ яркомъ свѣтѣ солнца и мы не видимъ звѣздъ; но во время затменія онѣ снова показываются на небѣ. Во время затменія дѣлается темно и жутко, иногда порывами дуетъ вѣтеръ, домашнія животныя ревуть, въ страшномъ испугѣ бросаются бѣжать всѣмъ стадомъ и мечутся во всѣ стороны; птицы приходятъ въ смятеніе; пѣвчія пташки замолкаютъ и со страхомъ прячутся между листьями, насѣдки прикрываютъ крыльями своихъ птенцовъ. Появляются ночныя птицы и летучія мыши. Насѣкомыя прячутся подъ листья и притихаютъ. Становится жутко. Необразованные люди думаютъ, что насталь конецъ свѣту.

В. Вахтеровъ.

287. Воздухъ.

Весь земной шаръ окруженъ большимъ толстымъ слоемъ *воздуха*, который называется также *атмосферой*.

Воздухъ прозраченъ и въ тонкомъ слоѣ не имѣетъ цвѣта, поэтому мы его не можемъ видѣть; синій цвѣтъ неба, когда оно не закрыто облаками, происходитъ отъ освѣщенія солнечными лучами какъ всей толщи воздуха, такъ и водяныхъ паровъ и пыли, которые въ немъ находятся.

Точно также мы не чувствуемъ воздуха, если онъ не движется, а стоитъ тихо на одномъ мѣстѣ; если воздухъ движется, мы ощущаемъ его; движеніе воздуха называется *вѣтромъ*.

Вещества, подобныя воздуху, называются *газами*. Воздухъ есть смѣсь двухъ газовъ—кислорода и азота; изъ нихъ кислородъ необходимъ для дыханія и горѣнія. Кромѣ того, въ воздухѣ находится незначительная примѣсь углекислаго газа или углекислоты.

Воздухъ очень легокъ; намъ даже кажется, что онъ не имѣетъ вѣса. На самомъ дѣлѣ онъ имѣетъ вѣсъ. Воздухъ давитъ на землю и на всѣ находящіеся на землѣ предметы, въ томъ числѣ и на насъ, съ большой силой; только мы не замѣчаемъ этого. Не замѣчаемъ же мы вотъ почему: внутри нашего тѣла также находится воздухъ, который давитъ изнутри съ такой же силой.

Давленіе воздуха узнаютъ посредствомъ особаго прибора, называемаго барометромъ.

Если мы будемъ подниматься съ барометромъ на высокія горы, то увидимъ, что чѣмъ выше горы, тѣмъ воздухъ рѣже и давленіе его меньше; меньше же оно потому, что слой воздуха, который давитъ сверху, сталъ тоньше. На самыхъ высокихъ горахъ давленіе значительно меньше (почти вдвое), чѣмъ внизу на равнинахъ, и воздухъ гораздо рѣже. Въ такомъ рѣдкомъ воздухѣ дышать очень трудно, и большинство людей заболѣваетъ особою горною болѣзью.

А еще выше воздухъ настолько рѣдокъ, что люди совсѣмъ не могутъ въ немъ дышать и умираютъ. Нѣкоторые ученые пытались подняться на большую высоту на воздушномъ шарѣ; но на высотѣ болѣе 8 верстъ воздухъ былъ такъ рѣдокъ, что пребываніе въ немъ было опасно для жизни.

Чистый и рѣдкій воздухъ свободно пропускаетъ черезъ себя лучи солнца и потому почти не нагрѣвается ими; пыльный же и плотный воздухъ значительно нагрѣвается солнцемъ; кромѣ того воздухъ получаетъ теплоту

и отъ нагрѣтой поверхности земли; поэтому, чѣмъ ближе воздухъ къ землѣ, тѣмъ онъ теплѣе, чѣмъ дальше, тѣмъ холоднѣе. Чѣмъ выше мы будемъ подниматься на горы или на воздушномъ шарѣ, тѣмъ холоднѣе будетъ становиться; оттого-то на высокихъ горахъ и лежитъ вѣчный снѣгъ. Предполагаютъ, что высота воздушнаго слоя надъ землею достигаетъ 200—300 верстъ.

Воздухъ, какъ было уже сказано, бываетъ теплый или холодный. Теплый онъ или холодный, мы можемъ различить всегда, но насколько онъ тепелъ или холоденъ, или, какъ говорятъ, *температуру* воздуха мы можемъ опредѣлить только особымъ приборомъ, который называется *термометромъ*, или градусникомъ.

288. Барометръ.

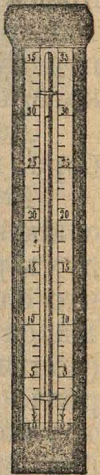
Возьмемъ стеклянную трубку, длиною болѣе аршина, съ одного конца запаянную, а съ другого—открытую. Нальемъ въ нее ртути до самаго верха и, закрывъ плотно пальцемъ, перевернемъ въ чашку съ ртутью же. Затѣмъ палецъ отнимемъ; мы увидимъ тогда, что ртуть въ трубкѣ хотя и опадетъ немного, но все же будетъ стоять высоко (дюймовъ на 30 выше, чѣмъ въ чашкѣ).

Почему же ртуть не выливается изъ трубки въ чашку? А потому, что въ трубкѣ надъ ртутью нѣтъ воздуха и, стало быть, тамъ на ртуть ничто не давитъ; на ртуть же въ чашкѣ давитъ воздухъ. Давленіе воздуха поддерживаетъ столбъ ртути въ трубкѣ.

Когда воздухъ давитъ сильнѣе, ртуть въ трубкѣ поднимается, а когда онъ давитъ слабѣе, то опускается.

Слѣдовательно, этимъ приборомъ можно измѣрять давленіе воздуха. Такой приборъ называется *барометромъ*.

Г. Ивановъ.

289. Вѣсъ и давленіе воздуха.

Хотя воздухъ и легокъ, но все же онъ имѣетъ вѣсъ. Возьмемъ большой стеклянный сосудъ, закрытый пробкой, и взвѣсимъ его вмѣстѣ съ воздухомъ, какой находится внутри его. Затѣмъ, открывъ пробку, нагрѣемъ хорошенько, чтобы выгнать изъ него часть воздуха, и закроемъ

опять пробкой, какъ можно плотнѣе. Когда сосудъ остынетъ, взвѣсимъ снова: окажется, что онъ вѣситъ меньше, чѣмъ прежде.

Итакъ, воздухъ имѣетъ вѣсъ, т.-е. притягивается къ землѣ. Верхніе слои воздуха давятъ на нижніе и сжимаютъ ихъ, а нижніе слои давятъ на землю и на всѣ предметы, какіе только есть на землѣ. Сжатый воздухъ давитъ не только внизъ, но и во всѣ стороны; такъ, напр., на крышку стола онъ давитъ не только сверху, но и снизу; иначе столъ не выдержалъ бы давленія воздуха и былъ бы раздавленъ.

Г. Ивановъ.

290. Вѣтеръ.

Давленіе воздуха бываетъ въ разныхъ мѣстахъ различно. Когда въ одномъ мѣстѣ воздухъ сжать, а въ другомъ разрѣженъ, то изъ перваго мѣста онъ устремляется ко второму—такъ происходитъ вѣтеръ. Чѣмъ больше разница въ давленіи воздуха между двумя сосѣдними мѣстами, тѣмъ сильнѣе вѣтеръ. Когда эта разница становится очень велика, то происходитъ буря. Наоборотъ, когда давленіе уравнивается, тогда и вѣтеръ затихаетъ.

291. Вихрь.

Осенью 1869 года въ Костромской губерніи прошелъ съ юга на сѣверъ сильный вихрь, съ градомъ и проливнымъ дождемъ. Вотъ что рассказываютъ объ этомъ очевидцы. Около деревни Кобылино, изъ черно-свинцовой тучи, появился въ видѣ вихря темновато-сѣрый столбъ, въ поперечникѣ около 100 сажень. Весь путь вихря былъ усеянъ поломанными деревьями. Въ двухъ деревняхъ онъ разнесъ стога сѣна, въ третьей деревнѣ опрокинулъ мельницу, а въ четвертой не осталось ни одного жилого строенія и разнесено до 175 овиновъ хлѣба; кромѣ того сорванъ до основанія овинокъ съ наложенными снопами и цѣликомъ переброшенъ на 150 саж. въ лѣсъ. Вихрь этотъ, проходя небольшою рѣчкой, осушилъ въ ней воду; далѣе вошелъ въ лѣсъ, гдѣ сдѣлалъ огромную просѣку до берега Волги; потомъ, раздвинувъ воду Волги до самаго дна, прошелъ въ деревню Воронику, которую уничтожилъ всю до основанія.

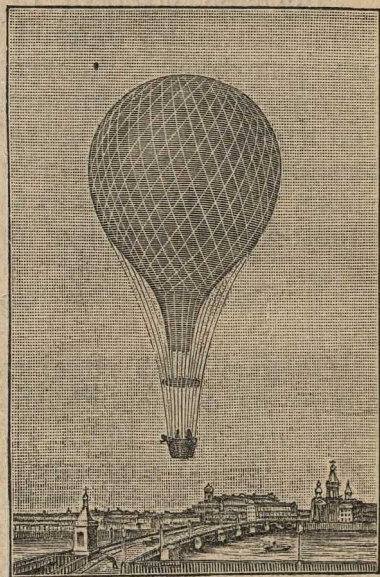
292. На воздушномъ шарѣ.

Воздушный шаръ дѣлается изъ шелковой матеріи, пропитанной лакомъ, чтобы сквозь матерію не проходилъ воздухъ. Шаръ наполняютъ газомъ, который легче воздуха, и оттого шаръ летитъ вверхъ. Его покрываютъ сѣткой изъ шнурковъ, а къ сѣткѣ привязываютъ корзину, гдѣ могутъ помѣститься нѣсколько человѣкъ. Вверху у шара есть отверстіе, закрытое заслонкой или клапаномъ. Если дернуть за шнурокъ, то клапанъ откроется, и легкій газъ будетъ выходить вверхъ, а вмѣсто него будетъ входить снизу, черезъ другое отверстіе, воздухъ.

Вотъ на такомъ-то шарѣ, въ августѣ 1862 г., поднялись на большую высоту англійскіе ученые Глешеръ и Коксвелъ. Шаръ полетѣлъ вверхъ очень быстро, и чѣмъ выше онъ поднимался, тѣмъ становилось холоднѣе. Черезъ 10 минутъ шаръ попалъ въ очень густой туманъ, черезъ который ничего нельзя было видѣть кругомъ; земля скрылась изъ глазъ. Въ это время шаръ проходилъ черезъ облака. Кончились облака, стало опять свѣтло. Показалось голубое небо и солнце. Облака казались сверху бѣлымъ волнистымъ полемъ, словно его покрылъ снѣгъ.

Черезъ разрывы облаковъ кое-гдѣ видѣлась земля. Выше облаковъ стало еще холоднѣе. На высотѣ около 4 верстъ замерзла вода. Дышать стало трудно, въ ушахъ зашумѣло, сердце забилося сильно, но ученые не хотѣли спускаться.

На высотѣ около 8 верстъ Глешеръ почувствовалъ сильную слабость, онъ хотѣлъ пошевелиться и не могъ. Еще немного, и онъ упалъ безъ памяти. А шаръ все поднимался. Обоимъ ученымъ угрожала смерть. Глешеръ весь посинѣлъ и лежалъ, какъ мертвецъ. Коксвелъ хотѣлъ поднять руку, чтобы потянуть шнурокъ отъ клапана, но рука

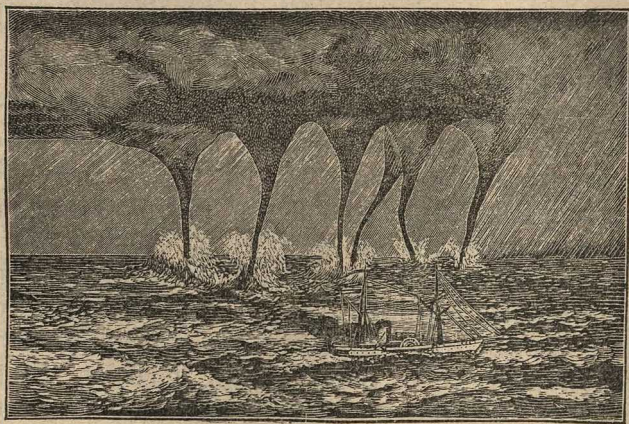
не дѣйствовала. Тогда онъ зубами схватилъ и потянулъ шнурокъ; клапанъ открылся, и шаръ началъ спускаться. Черезъ нѣсколько времени оба ученые оправились.

На высотѣ около 10 верстъ было 24 градуса мороза. А на землѣ въ это время деревья были покрыты зеленью и пестрѣли цвѣты.

С. Мечъ.

293. Смерть.

Однажды я, въ изнеможеніи, сѣлъ въ верхней каютѣ парохода, или корабля, на диванъ и нечаянно заснулъ. Слышу крикъ, просыпаюсь—свѣтло. Спрашиваю, который часъ. Шестой, говорятъ. «Зарядить пушку ядромъ!» кри-

читъ вахтенный. «Что это? кого тамъ?» подумалъ я. Въ это время пришли съ вахты сказать, что виденъ пароходъ не пароходъ, а Богъ знаетъ что. Я бросился навверхъ, вскочилъ на пушку, смотрю: близко, въ полуверстѣ, мчится крутящейся столбъ съ дымомъ, похожій, пожалуй, и на пароходъ; но съ неба, изъ облака, тянется къ нему какая-то темная, узкая полоса, будто рукавъ; все ближе, ближе. «Готова ли пушка?» закричалъ вахтенный. «Готова!» отвѣчали снизу. Но явленіе начало блѣднѣть, разлагаться и вскорѣ, саженьяхъ въ ста-пятидесяти отъ насъ, пропало безъ всякаго слѣда. Извѣстно, что смерчи, или водяные столпы разбиваютъ ядрами съ кораблей, иначе они, на-легѣвъ на судно, могутъ сломать мачту или изорвать паруса. Отъ ядра они разлетаются и разрѣшаются обильнымъ дождемъ.

Гончаровъ.

294. К л и м а т ъ.

Выходя изъ комнаты наружу, подъ открытое небо, мы обращаемъ вниманіе на погоду, т.-е. тепло ли на дворѣ или холодно, свѣтитъ ли солнце, или небо закрыто облаками и идетъ дождь, сыро или сухо, тихо или дуетъ вѣтеръ. Тепло, холодъ, вѣтеръ, сухость и сырость, вообще погода, мѣняется каждый день, а иногда и по нѣскольку разъ въ день. Кромѣ того, погода еще болѣе измѣняется, смотря по временамъ года. При этомъ, однако, измѣненія погоды повторяются каждый годъ довольно правильно. Напримѣръ, у насъ въ средней Россіи наибольшая жара бываетъ лѣтомъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, дожди чаще всего идутъ осенью, весна наступаетъ въ концѣ марта мѣсяца, и т. д.

Различныя состоянія погоды, одинаково повторяющіяся изъ года въ годъ, называются климатомъ.

Каждая страна имѣетъ свой климатъ.

Если мы, напримѣръ, изъ Москвы поѣдемъ къ сѣверу, на Бѣлое море, и потомъ дальше, къ Ледовитому океану, то чѣмъ дальше мы будемъ ѣхать, тѣмъ климатъ будетъ дѣлаться холоднѣе, т.-е. зима въ тѣхъ мѣстахъ будетъ гораздо продолжительнѣе и холоднѣе, чѣмъ у насъ, а лѣто короче и тоже холоднѣе нашего. Наоборотъ, если мы поѣдемъ на югъ, на Черное море, а потомъ дальше, черезъ Средиземное море въ Африку, то климатъ будетъ дѣлаться все теплѣе, т.-е. зима тамъ, гдѣ мы будемъ проѣзжать, будетъ короче и теплѣе нашей, а лѣто длиннѣе и жарче. Наконецъ, ближе къ экватору, въ Африкѣ, такой зимы, какая бываетъ у насъ, и совсѣмъ не будетъ; времена года будутъ отличаться по тому, больше или меньше идетъ дождя.

Если мы переѣдемъ черезъ экваторъ и будемъ продолжать наше путешествіе еще дальше къ югу, то лѣто и зима будутъ дѣлаться холоднѣе, а на югѣ, въ Южномъ Ледовитомъ океанѣ, будетъ такъ же холодно, какъ и на сѣверѣ.

Отъ чего же происходитъ такая разниа въ климатѣ различныхъ странъ?

На экваторѣ и вблизи экватора солнечные лучи падаютъ на землю почти отвѣсно и сильно нагрѣваютъ землю, поэтому тамъ самый теплый климатъ. У полюсовъ и вблизи полюсовъ солнечные лучи падаютъ очень наклонно и вслѣдствіе этого мало нагрѣваютъ землю, по-

этому тамъ очень холодный климатъ. Въ странахъ, расположенныхъ между полюсами и экваторомъ, климатъ переходитъ постепенно изъ холоднаго въ теплый: чѣмъ ближе къ экватору, тѣмъ теплѣе; чѣмъ дальше отъ экватора, тѣмъ холоднѣе.

Слѣдовательно, главной причиной, отчего климатъ бываетъ теплый или холодный, является *разстояніе страны отъ экватора*.

Хотя съ удаленіемъ отъ экватора къ полюсамъ климатъ мѣняется постепенно, тѣмъ не менѣе, весь земной шаръ по климату можно раздѣлить на 5 поясовъ: 1) По обѣ стороны экватора лежитъ *жаркій поясъ*. Зимы въ этомъ поясѣ не бываетъ вовсе. По обѣ стороны жаркаго лежатъ два *умѣренныхъ* пояса. Въ странахъ, лежащихъ въ этихъ поясахъ, бываютъ всѣ 4 времени года; но чѣмъ ближе страна лежитъ къ жаркому поясу, тѣмъ зима въ ней короче и мягче, а чѣмъ дальше отъ жаркаго пояса, тѣмъ зима въ ней холоднѣе и продолжительнѣе.

Россія почти вся лежитъ въ сѣверномъ умѣренномъ поясѣ, но разница въ климатѣ между ея сѣверными частями и южными очень значительна.

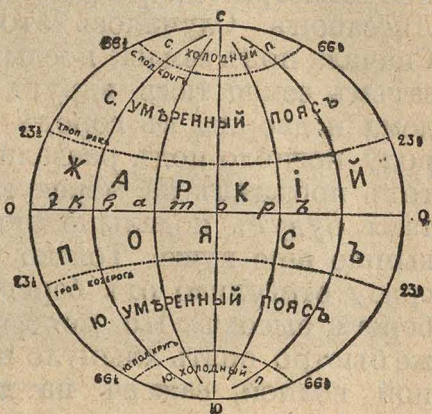
За умѣренными поясами слѣдуютъ два *холодныхъ* пояса. Они имѣютъ также 4 времени года, но лѣто, весна и осень продолжаются вмѣстѣ не больше 3—4 мѣсяцевъ, въ остальное время бываетъ зима.

Наибольшее пространство занимаютъ пояса съ умѣреннымъ климатомъ, потомъ жаркій, и меньше всего холодные.

Такъ какъ съ удаленіемъ отъ экватора климатъ дѣлается все холоднѣе, то снѣговая линія на горахъ тоже спускается все ниже.

Въ жаркихъ странахъ только самыя высокія горы покрыты вѣчными снѣгами. Въ странахъ же близъ полюсовъ льды иногда спускаются къ самому уровню моря.

О. Чефрановъ.

295. О землетрясеніяхъ.

Гдѣ есть огнедышашія горы, тамъ всегда бываютъ землетрясенія. Гдѣ происходятъ изверженія такихъ горъ, тамъ въ это время дрожитъ и трясется земля. Она то поднимается, то опускается, словно ее снизу что-то толкаетъ. При этомъ подъ землей слышны глухіе удары; иной разъ и изверженія нѣтъ, а подземные удары слышны, какъ будто подъ землей идетъ могучая борьба: одна сила—тяжесть земли—давитъ сверху, а снизу стремится вырваться другая сила—огонь.

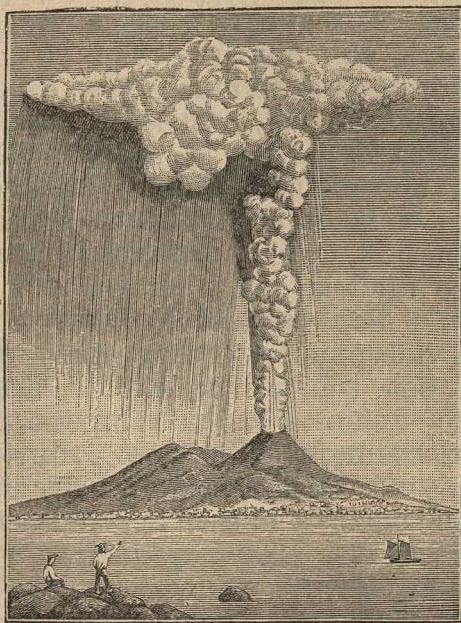
Бываютъ землетрясенія и въ такихъ странахъ, гдѣ огнедышашихъ горъ нѣтъ. Напримѣръ, въ 1755 году страшное землетрясеніе разрушило столицу Португаліи—городъ Лиссабонъ. Случилось это событіе осенью, 1-го ноября. Сначала подъ землей послышался какъ бы раскатъ грома, затѣмъ земля такъ вдругъ сильно дрогнула, что церкви, дома и дворцы въ городѣ сразу разсыпались. Много народу погибло подъ развалинами. Кто остался въ живыхъ, тотъ побѣжалъ на морскую набережную: всѣ думали, что тамъ будутъ подальше отъ разрушающихся домовъ. Но вышло еще хуже. Только что дрогнула земля, какъ море сразу отступило отъ береговъ; на нѣсколько сотъ сажень берегъ высохъ. Но море, какъ быстро отступило, такъ же быстро опять хлынуло на берегъ. Оно поднялось огромной волной, сажень на десять въ высоту. Вдругъ вся набережная провалилась въ воду. Народъ, какой на ней въ это время былъ, погибъ. Никто не спасся. Много кораблей сразу пошло ко дну. Окрестныя горы заколебались. Вершины иныхъ горъ разошлись и раскололись, а огромные обломки ихъ упали внизъ, въ долины, неся съ собою разрушеніе. При разрушеніи Лиссабона въ шесть минутъ погибло шестьдесятъ тысячъ человѣкъ. Лиссабонское землетрясеніе было слышно на громадныя разстоянія. За нѣсколько сотъ верстъ отъ Лиссабона, въ Марокко (въ Африкѣ), находилось цвѣтущее селеніе. Въ этомъ селеніи жило тысячъ восемь или десять народа. Въ тотъ же самый день, когда былъ разрушенъ Лиссабонъ, селеніе это провалилось въ землю, и земля надъ нимъ закрылась. Всѣ жители погибли.

Страшное землетрясеніе случилось еще въ 1692 году на островѣ Ямаикѣ (въ Америкѣ). Земля тогда вдругъ приподнялась и вздулась, и потомъ въ ней появилось мно-

жество трещинъ. Затѣмъ почва заколебалась, и въ это время трещины въ ней то раскрывались, то закрывались. Много народу провалилось въ эти трещины. Нѣкоторыхъ земля защемила до половины и такимъ образомъ задавила до смерти; другихъ защемила такъ, что надъ землей были однѣ головы. Иные же

провалились было въ землю, но были тотчасъ выброшены оттуда вмѣстѣ со множествомъ воды, которая туда натекла по трещинамъ. Всѣ дома были разрушены, а въ одномъ мѣстѣ почти всѣ зданія вдругъ погрузились въ воду, вмѣстѣ съ жильцами. Амбары, стоявшіе на пристани, провалились въ море. Долгое время были видны изъ-подъ воды печныя трубы домовъ, а рядомъ съ ними мачты затонувшихъ кораблей. Мѣстность вокругъ города, длиною почти въ одну версту, осѣла меньше, чѣмъ въ минуту, и ее затопило море. Одинъ большой корабль былъ перенесенъ волною черезъ крыши домовъ, да такъ и остался на одной крышѣ, которая подъ нимъ провалилась.

Въ 1887 году большое землетрясеніе произошло въ городѣ Вѣрномъ (у насъ въ Россіи). Большая часть зданій была тогда разрушена, еще больше зданій было повреждено. Народу въ это время погибло около тысячи чело-вѣкъ. Кромѣ того, многіе были изувѣчены. Землетрясеніе это принесло цѣлому краю столько несчастій, что онъ не поправился отъ него и до сего дня. А между тѣмъ, землетрясеніе въ городѣ Вѣрномъ было еще изъ слабыхъ.

Изверженіе горы Везувія (въ Италіи).

296. Отчего бываютъ землетрясенія?

Отчего бываютъ землетрясенія?

Одни землетрясенія бываютъ оттого, что глубоко подъ землею вода промываетъ себѣ ходы и дѣлаетъ большія

промоины. Въ такую промоину можетъ провалиться при случаѣ не только деревня, но и городъ. Въ инныя промоины или пещеры можно пробраться съ поверхности земли. Есть такія пещеры, которыя тянутся вглубь земли на десятки верстъ и бываютъ высокою болѣе 40 сажень. Подъ землею текутъ рѣки, размывающія толщу земли; подъ землею есть и озера. Вода роетъ ходы не только на землѣ, но и внутри земли. Эти ходы и промоины бываютъ иногда такими широкими и большими, что ихъ сводъ не можетъ сдержать тяжесть, лежащую надъ нимъ. Если обрушится потолокъ у такой подземной промоины, то здѣсь, на поверхности земли, слышно будетъ землетрясеніе. Но отъ такихъ обваловъ не бываетъ очень большихъ землетрясеній. Самыя страшныя землетрясенія бываютъ оттого, что глубоко подъ землею отъ времени до времени пласты земли передвигаются. Въ маленькомъ видѣ это бываетъ и на поверхности земли; напримѣръ, если глина намокнетъ, то она вспучится; если на глинѣ лежитъ слой песку, то, вспучившись, глина выпретъ, приподниметъ его, — словомъ передвинетъ. Подобно этому, глубоко подъ землей, то вспучиваются, то сжимаются отъ разныхъ причинъ огромныя пласты; они и передвигаютъ другіе пласты, лежащіе выше ихъ. При передвиженіи пластовъ земли и бываютъ землетрясенія.

Наконецъ, еще бываютъ землетрясенія оттого, что глубоко подъ нами борется вода съ подземнымъ жаромъ. По ходамъ и по трещинамъ пробирается она на такую глубину, гдѣ превращается въ паръ. А сила пара извѣстна всѣмъ. Немного пара въ паровозѣ, а онъ тащитъ цѣлый поѣздъ вагоновъ, везетъ тысячи пудовъ. А что будетъ, если въ глубину земли, къ расплавленной лавѣ проникнуть по трещинамъ цѣлыя рѣки и озера? Сколько изъ нихъ выйдетъ пара! И съ какою страшною силою будетъ паръ давить и на лаву, и на землю! Онъ и землю потрясти можетъ, онъ и лаву расплавленную выпретъ по трещинамъ земнымъ наверхъ, къ жерлу огнедышащей горы. А вмѣстѣ съ расплавленной лавой и самъ онъ изъ глубины земли выйдетъ на свѣтъ.

Вотъ потому-то при изверженіяхъ огнедышащихъ горъ всегда выходитъ изъ жерла не только лава, но и паръ водяной. Тяжелая лава не могла бы подниматься снизу вверхъ, если бы ее не выширалъ наверхъ паръ. Она поднимается изъ жерла столбомъ къ небу, проливается

внизъ дождемъ, течетъ цѣлыми рѣками и потоками, такъ что затопляетъ деревни и города. Значить, для того, чтобы произошло изверженіе огнедышащей горы, нужна бываетъ вода. Оттого же и огнедышащія горы находятся больше на островахъ да у береговъ, ближе къ водѣ.

Изъ кн. Гречушкина.

297. Какъ узнали люди, что такое громъ и молнія.

Сто пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ люди не знали, что такое громъ и молнія. Теперь они это знаютъ. Далось имъ такое знаніе очень нелегко; даже безъ смертей не обошлось. Что такое громъ и молнія, первый узналъ американецъ Франклинъ. Онъ ухитрился свести молнію съ облаковъ на землю.

Было это такъ.

Франклинъ сдѣлалъ большой змѣй, подобный тому, какой пускаютъ во время вѣтра ребята въ деревняхъ. Только ребята дѣлаютъ змѣй изъ бумаги, а Франклинъ, вмѣсто бумаги, натянулъ на крестъ изъ лучинокъ шелковый платокъ. Это онъ сдѣлалъ для того, чтобы змѣй не размокъ отъ дождя. Къ змѣю онъ привязалъ хвостъ, привязалъ веревку,—все, какъ слѣдуетъ; еще укрѣпилъ онъ къ переднему концу змѣя острую проволоку. Затѣмъ передъ началомъ грозы вышелъ Франклинъ на поле и пустил змѣй.

Змѣй быстро поднялся вверхъ, а Франклинъ взялъ конецъ веревки, привязалъ къ нему дверной ключъ, а къ ключу—небольшой кусокъ шелковаго шнурка, за который и сталъ держать въ рукѣ.

Разразилась гроза. Засверкала молнія, загремѣлъ громъ. Веревка, къ которой былъ привязанъ змѣй, скоро намокла.

Лишь только Франклинъ дотронулся пальцемъ до дверного ключа, вдругъ изъ него сверкнула маленькая искра, похожая на молнію, и раздался слабый трескъ. Это была маленькая молнія, а все-таки это была молнія настоящая: такъ же она блеснула синимъ свѣтомъ, такъ же она изогнулась. Маленькая молнія уколола палецъ Франклина; какъ она прошла по рукѣ, такъ руку словно что-то дернуло.

Сколько разъ ни дотрагивался Франклинъ до ключа, всегда изъ него сверкала искра-молнія, и при этомъ слышно было, какъ она слегка трещитъ.

Другой ученый, по фамиліи Ромасъ, сдѣлалъ огромный шелковый змѣй, а вмѣсто веревочки взял проволоку,

обмотанную шолкомъ. Во время грозы изъ этой проволоки стали выскакивать искры, больше сажени длиной. Искры эти сопровождались оглушительнымъ трескомъ.

Тогда все люди увидѣли, что искра, вылетающая изъ веревочки, и молнія—одно и то же. Только искра изъ веревки маленькая, а молнія изъ облаковъ большая. Искра изъ веревочки совсѣмъ не такая искра, какъ изъ печки. Искра изъ печки не что иное, какъ тлѣющій или горящій уголекъ, а когда выскакиваетъ искра изъ веревочки, ничего не горитъ.

Эта искра не огненная, а электрическая.

Огненные искры бываютъ тамъ, гдѣ есть огонь. Электрическія искры бываютъ тамъ, гдѣ есть электричество. Тамъ, гдѣ оно проходитъ, воздухъ иногда такъ сильно накаляется, что даже свѣтитъ. Это и есть молнія.

Когда бываетъ гроза, то въ облакахъ электричества очень много. Оттого оно и сверкаетъ изъ тучъ яркой молніей. Электричество есть и въ змѣѣ, и въ веревочкѣ, привязанной къ змѣю.

Электричество есть вездѣ, но въ одномъ мѣстѣ его больше, въ другомъ меньше.

Большая электрическая искра не только колетъ, но и жжетъ. Потому отъ молніи и можетъ произойти пожаръ.

Молнія—это огромная электрическая искра. Маленькую же электрическую искру можно сдѣлать и самому. На это есть много способовъ. Напримѣръ, вотъ какъ ухитрился сдѣлать это одинъ умный англичанинъ. Взялъ онъ большой кусокъ янтаря и сталъ его тереть шерстянымъ платкомъ. Не долго онъ его теръ, какъ вдругъ увидѣлъ въ темнотѣ, что изъ янтаря выскакиваютъ электрическія искры, совершенно такія же, какъ изъ веревочки, привязанной къ змѣю, только гораздо меньше. Отъ тренія появилось электричество въ янтарѣ.

Можно его добыть еще другими путями. Оно появляется, напримѣръ, когда кожей тереть стекло или когда смолу тереть мѣхомъ. Оно появляется и тогда, когда солнце очень печетъ и быстро усыхаетъ вода. Извѣстно, что въ жаркій день грозы бываютъ чаще. Оно появляется и у огнедышащихъ горъ, гдѣ много пара и пепла: надъ жерломъ такой горы всегда стоитъ во время изверженія туча, а изъ тучи гремитъ громъ и сверкаетъ молнія. Словомъ, электричество и электрическія искры появляются во многихъ случаяхъ и при разныхъ обстоятельствахъ. Люди

въ настоящее время отлично умѣютъ добывать электричество и дѣлаютъ съ нимъ, что хотятъ. Напримѣръ, они заставляютъ его бѣжать по телеграфнымъ проволокамъ; электрическимъ свѣтомъ освѣщены нѣкоторыя улицы Петербурга, Москвы и другихъ городовъ.

А что такое громъ? И это узнали люди. Они увидѣли, что и небольшія электрическія искры выскакиваютъ съ особеннымъ трескомъ. Чѣмъ больше эти искры, тѣмъ больше и трескъ отъ нихъ. Молнія—это огромная электрическая искра. Понятно, что такая электрическая искра произведетъ и сильный трескъ. Этотъ трескъ и называютъ люди громомъ.

И громъ и молнія бываютъ всегда вмѣстѣ и всегда одновременно. Грома безъ молніи не бываетъ. Но съ земли это кажется несовѣмъ-то такъ: иногда громъ слышно, а молніи въ облакахъ днемъ и не видно. Это бываетъ оттого, что видѣть молнію мѣшаютъ солнечный свѣтъ и облака. Впрочемъ, яркую молнію видно и днемъ. Иногда же и ночью случается обратно: молнію видно, а грома не слышно; это бываетъ тогда, когда гроза отъ насъ очень далеко. Какъ человѣческаго голоса на большомъ разстояніи не услышишь, такъ и громъ издали услышишь не всегда.

Если гроза отъ насъ близко, то лишь только блеснетъ молнія, сейчасъ же гремитъ и громъ. Если же гроза отъ насъ далеко, то сначала мы видимъ молнію, а громъ слышенъ немного погодя. Совершенно такъ же бываетъ, если смотрѣть издали, какъ стрѣляютъ изъ пушекъ: сначала дымокъ покажется, а немного погодя слышенъ выстрѣлъ, хотя и дымъ и выстрѣлъ происходятъ въ одно время. Вѣдь мы не говоримъ, что выстрѣлъ одна статья, а дымокъ другая статья, совѣмъ особая. Точно также нельзя отдѣлять молнію отъ грома: они всегда вмѣстѣ, и намъ только кажется, что громъ бываетъ самъ по себѣ, и молнія тоже сама по себѣ. Кажется же такъ потому, что свѣтъ молніи или выстрѣла виденъ издали въ ту же секунду, почти сразу, а звукъ отъ нихъ передается по воздуху отъ мѣста до мѣста не такъ-то скоро: чѣмъ дальше отъ грозы, тѣмъ позже послѣ молніи услышишь громъ.

Отчего же бываютъ раскаты грома? Оттого же, отчего гудитъ лѣсъ, если въ немъ кто крикнетъ погромче. Если въ лѣсу крикнуть, то голосъ словно такъ и покатится по лѣсу, и весь лѣсъ загудитъ раскатами. Это зовется эхомъ.

Точно такъ же, какъ эхо перекачивается по лѣсу, такъ оно перекачивается и въ облакахъ. Рассказываютъ люди, летавшіе на воздушныхъ шарахъ, что, поднявшись до облаковъ, тамъ они стрѣляли изъ ружья; они разъ выстрѣлятъ, а выстрѣлъ такъ и переливается раскатами по облакамъ. Оттого же бываютъ и раскаты грома.

Н. Рубакинъ.

298. Какъ Франклинъ устроилъ громоотводъ.

Франклинъ зналъ, что металлы хорошо проводятъ электричество, и думалъ: «если электричество бѣжитъ съ неба по мокрой бичевкѣ, то оно еще лучше побѣжитъ по желѣзному пруту. Поставлю я надъ домомъ желѣзный прутъ, а другой его конецъ я опущу въ землю. Тогда прутъ во время грозы будетъ ловить молнію, и будетъ проводить ее внизъ и прятать въ землю. Такой домъ уже не можетъ тронуть молнія: она стечетъ по желѣзному пруту въ землю и никого по дорогѣ не тронетъ. И стану я такимъ образомъ громъ отводить, буду я устраивать громоотводы». Сначала народу не нравилась эта выдумка. Извѣстно, что и теперь еще многіе думаютъ о громѣ и молніи такъ, какъ думали наши предки, молившіеся Перуну, богу грома и молніи. Впрочемъ, не одни только суевѣрные люди не хотѣли вѣрить Франклину. Даже не глупые люди и тѣ говорили: «Молнія не рыба, молнію не поймашь на удочку, молнію не сманишь съ неба на землю». Но потомъ поняли люди, что и молнію можно поймать, и молнію можно сманить и спрятать въ безопасное мѣсто—подъ землю.

В. Вахтеровъ.

299. Чудный работникъ.

Скрипъ машинъ неугомонный;
Веретень, колесъ миллионы:
Всѣ скрежешутъ и визжать,
И не люди ихъ вертятъ.
Какъ по щучьему велѣнью,
Паръ приводитъ все въ движенье:

Паръ молотить, паръ и ткеть,
Шерсть, бумагу, ленъ прядетъ,
И узоры вышиваетъ,
И монеты выбиваетъ,
Лѣсъ пилить, гранить, хрусталь,
Масло бьетъ, шлифуетъ сталь.

300. Пароходъ.

Теперь, гдѣ берегомъ рѣки
Тянули барки бурлаки
И проливали тяжкій потъ,
Громадный воляжскій пароходъ
Ихъ много тащить за собой,

Играя пѣнистой волной
И разсыная колесомъ
Струи, какъ жемчугъ съ серебромъ.

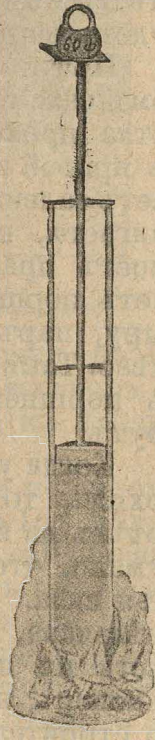
С. Дрожжинъ.

301. Паръ - богатырь.

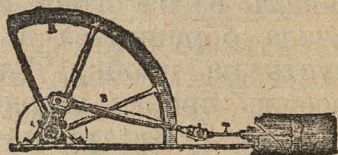
Съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, былъ паръ; да не знали о его силѣ люди, не умѣли его силою пользоваться. Чтобы узнать силу пара, одинъ ученый придумалъ такой опытъ. Онъ взялъ желѣзную трубку. Внизу у нея было дно, а вверху она была открыта. Ученый налилъ въ эту трубку немного воды и сверху крѣпко-накрѣпко закрылъ ее не крышкою, какъ закрываютъ чайникъ, а затычкою или пробкою, какъ закрываютъ бутылку. Потомъ онъ поставилъ ее на огонь. Когда вода въ трубкѣ нагрѣлась и начала обращаться въ паръ, то паръ сталъ напирать и давить на пробку. Вдругъ—трахъ-тарарахъ,—паръ выбросилъ пробку вверхъ съ большою силою. Почему это случилось? Въ трубкѣ было просторно водѣ, но когда вода перешла въ паръ, пару стало очень тѣсно въ этой трубкѣ, и онъ вырвался наружу. Еще бы пару не было тѣсно въ маленькой трубкѣ! Ему надо очень много мѣста! Мы знаемъ, какъ мало мѣста занимаетъ бутылка воды. Но если взять бутылку воды и обратить ее въ паръ, то пару образуется такъ много, что его нельзя будетъ помѣстить даже въ двухъ сорокаведерныхъ бочкахъ. Паръ занимаетъ въ 1700 разъ больше мѣста, чѣмъ вода. Если бы пробка въ нашей трубкѣ выдержала, то паръ разорвалъ бы и самую трубку.

Чтобы узнать силу пара, другой человекъ придумалъ опытъ еще лучше. Онъ взялъ такую же трубку съ водою, но затычку сдѣлалъ не пробковую, а желѣзную, да такъ, чтобы она скользила внутри трубки вверхъ и внизъ и плотно, безъ всякихъ щелей, прилежала къ стѣнкамъ трубки. Такая пробка называется поршнемъ. Къ этой желѣзной затычкѣ, т.е. къ поршню, онъ припаялъ ручку—желѣзный пруть, а на пруть положилъ гирию въ полтора пуда. Когда онъ поставилъ трубку на огонь и вода стала обращаться въ паръ, то паръ поднялъ вверхъ и поршень и полторапудовую гирию.

Теперь намъ не трудно понять и устройство паровой машины. Надо только, чтобы паръ толкалъ и поршень, и пруть то вправо,

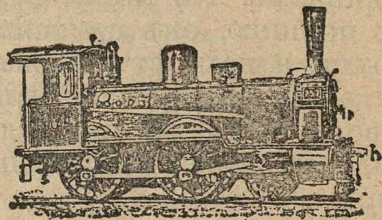

то влѣво. Тогда пруть будетъ ходить и вправо, и влѣво и станетъ вертѣть колесо. Можно ли устроить такъ, чтобы паръ толкалъ поршень то въ одну, то въ другую сторону попеременно? Можно ли устроить машину такъ, чтобы она впускала паръ попеременно, то съ правой стороны трубки, то съ лѣвой? Когда я далъ этотъ вопросъ одному смышленому ученику, онъ отвѣчалъ: «Можно. У меня въ носу двѣ ноздри; если я закрою пальцемъ правую, то я дышу лѣвою ноздрею; а если я закрою лѣвую ноздрю, я дышу правою». Такъ надо сдѣлать и въ трубкѣ. Надо сдѣлать въ ней двѣ дыры: одну съ правой стороны трубки, а другую съ лѣвой, и потомъ сдѣлать задвижку и ею закрывать попеременно то лѣвую дыру, то правую. Когда закроешь задвижкой правую дыру, то паръ пройдетъ въ лѣвую и толкнетъ поршень вправо, а когда закроешь задвижкой лѣвую дыру, то паръ пройдетъ вправо и толкнетъ поршень влѣво. Такъ онъ и будетъ двигать поршень, а вмѣстѣ съ нимъ и пруть то вправо, то влѣво, а пруть будетъ вертѣть колесо.

Почти такъ и устроена паровая машина. Подъ котломъ зажигаютъ огонь. Въ котлѣ кипитъ вода. Паръ изъ котла проходитъ въ трубку, а въ трубкѣ сдѣланы дыры въ правой и лѣвой сторонѣ. Эти дыры по очереди закрываетъ задвижка: то правую дыру, то лѣвую. Эту задвижку двигаетъ, какъ надо, сама машина. Когда задвижка закроетъ правую дыру, паръ проходитъ въ лѣвую и толкаетъ поршень вправо, а когда задвижка закроетъ лѣвую дыру, паръ идетъ въ правую дыру и толкаетъ поршень влѣво. Такъ поршень и ходитъ то туда, то сюда, а вмѣстѣ съ поршнемъ ходитъ то вправо, то влѣво и желѣзный пруть.

Когда устроили первый пароходъ, то сначала никто не хотѣлъ на немъ ѣздить. Многие думали, что его возитъ нечистая сила. Не нашлось такого смѣльчака, кто бы рѣшился сѣсть на пароходъ. И когда,

наконецъ, нашелся одинъ храбрецъ и сѣлъ на пароходъ, то строитель парохода прослезился отъ радости. Почти

то же повторилось и съ желѣзною дорогою. Темные люди говорили, что ихъ хоть золотомъ осыпъ, они не поѣдутъ по желѣзной дорогѣ, что это недобрые люди запрягли огненнаго змѣя, что это «нечистая сила» тащитъ чугунку. Но теперь почти всѣ уже понимаютъ пользу и паровозовъ, и желѣзныхъ дорогъ.

Отъ Петербурга до Москвы 600 верстъ, а по желѣзной дорогѣ можно доѣхать отъ одной нашей столицы до другой въ половину сутокъ. Войдешь въ Москвѣ вечеромъ въ вагонъ, захочешь спать, ляжешь на скамейкѣ, заснешь, а утромъ будить тебя кондукторъ и говорить: «Вста-

Передъ паровозомъ.

Съ карт. Прянишникова. Оригиналъ находится въ Музеѣ Императора Александра III.

вайте, къ Петербургу подъѣзжаемъ». Пробудешь въ Петербургѣ день, сдѣлаешь свои дѣла, сядешь вечеромъ въ вагонъ, выступишь тамъ, а черезъ 12 часовъ, къ слѣдующему утру, опять въ Москву возвратишься.

Совсѣмъ не то было раньше, когда еще не строили желѣзныхъ дорогъ. На поѣздку отъ Москвы до Петербурга надо было употребить полмѣсяца, а то и цѣлый мѣсяцъ. Если бы моему прадѣдушкѣ кто-нибудь сказалъ, что можно ѣздить по сотнѣ верстъ въ часъ, онъ счелъ бы это за насмѣшку, а теперь есть страны, гдѣ по желѣзной дорогѣ можно проѣхать болѣе 100 верстъ въ часъ. Чугунка, словно сказочный коверъ-самолетъ, бѣгаетъ быстрѣ птицы и бы-

стрѣ вѣтра. Чугунка не знаетъ устали. Словно сказочное чудовище съ огромными глазами мчится чугулка и день и ночь безъ передышки, реветъ, пыхтитъ, свиститъ, грохочетъ, потрясая землю.

Почти то же самое можно сказать и про пароходъ. Теперь можно то на чугулку, то на пароходъ объѣхать кругомъ цѣлаго свѣта всего только въ 60 дней. Еще важнѣе, что теперь ѣзда стала дешевле. Прежде за поѣздку отъ Москвы до Петербурга на лошадяхъ нужно было заплатить рублей 40, а то и больше, да на ѣду истратить рублей 15, а теперь билетъ отъ Москвы до Петербурга можно купить за 6 рублей. Теперь во многихъ мѣстахъ стало дешевле ѣхать по чугулку или на пароходъ, чѣмъ идти пѣшкомъ. Пѣшій на одну ѣду тратитъ больше, чѣмъ стоитъ билетъ. Я уже не говорю о томъ, сколько времени берегаетъ быстрая ѣзда. А вѣдь не даромъ говорятъ, что время—тѣ же деньги. Но чугулка и пароходы перевозятъ не однихъ людей, а и товары. Прежде любили пословицу: «За моремъ телушка—полушка, да рубль перевозу». Теперь эта пословица уже не вѣрна. Провозъ товаровъ стоитъ дешевле. Не всякій носильщикъ согласится перенести въ сосѣдній домъ пудъ муки за 15 коп., а на чугулку за этотъ пятнадцатый перевозъ пудъ муки за цѣлую тысячу верстъ. Бывало, на лошадяхъ перевозили грузъ такъ долго, что многіе товары успѣвали въ дорогѣ испортиться, а теперь за тысячи верстъ перевозятъ свѣжія яйца, свѣжее масло, свѣжіе плоды. Что вчера случилось въ Петербургѣ, сегодня мы уже узнаемъ изъ газетъ и писемъ въ Москвѣ. Не такъ было до проведенія желѣзной дороги. Бывало, письма и газеты шли изъ Петербурга до Москвы недѣлю или двѣ. Чѣмъ быстрѣе и дешевле становится ѣзда, тѣмъ больше охотниковъ ѣздить. И никогда прежде люди не ѣздили такъ много, какъ ѣздятъ теперь. Наши дѣды и прадѣды рѣдко выѣзжали изъ своей губерніи или даже уѣзда. Кто гдѣ родился, тотъ тамъ и жилъ почти весь свой вѣкъ безвыѣдно. А теперь и по торговымъ дѣламъ люди ѣздятъ изъ города въ городъ, изъ губерніи въ губернію, изъ страны въ страну. Въ Англіи высчитали, что на каждого человѣка приходится по 20 поѣздокъ въ годъ, а то и больше. А чѣмъ больше люди ѣздятъ, тѣмъ больше они видятъ, больше слышатъ, больше знакомятся другъ съ другомъ, больше перенимаютъ другъ у друга: и порядки, и обычаи, и изобрѣтенія, и науку, и мысли, и

дѣло. Кто больше путешествуетъ, тотъ больше и знаетъ. Но паровыя машины не только возятъ, онѣ исполняютъ и многія другія работы. Теперь во многихъ мѣстахъ паровая машина и землю пашетъ, и хлѣбъ молотитъ, и муку мелетъ, и бревна пилитъ, и пряжу прядетъ, и полотно ткетъ, и желѣзо куетъ, и книги и газеты печатаетъ. Благодаря паровымъ машинамъ товаръ сталъ значительно дешевле. То, что прежде покупали одни богатые люди, теперь можетъ купить и бѣднякъ. Силища въ паровой машинѣ великая. Иная машина можетъ замѣнить въ работѣ 30 тысячъ лошадей. Благодаря паровой машинѣ люди стали готовить разныхъ товаровъ въ десятки и сотни разъ больше, чѣмъ прежде. Въ одной странѣ паровая машина дѣлаетъ столько работы, сколько не могла бы сдѣлать сотня милліоновъ работниковъ. И эти работники изъ желѣза и стали слѣпо повинуются человѣку, исполняютъ за него самыя тяжелыя работы, а человѣкъ ими управляетъ. И когда подумаешь обо всемъ этомъ, то невольно скажешь спасибо и Уатту, и другимъ изобрѣтателямъ. Эти люди своими изобрѣтеніями перевернули весь свѣтъ. Не ихъ вина, что машина, кромѣ пользы, приноситъ иногда и вредъ человѣку.

В. Вагтеровъ.

302. Желѣзный конекъ.

Мчится, мчится желѣзный конекъ;
По желѣзу желѣзо гремитъ,
Паръ клубится, несется дымокъ.
Мчится, мчится желѣзный конекъ;
Подхватилъ, посадилъ да и мчитъ.
Вонъ, навстрѣчу несется лѣсокъ,
Черезъ балки грохочутъ мосты,
И цѣпляется паръ за кусты.
Мчится, мчится желѣзный конекъ,
И мелькаютъ, мелькаютъ мосты.

Вонъ и родина! Вонъ въ сторонѣ,
Тесомъ крытая кровля встаетъ,

Темный садикъ, скирды на гумнѣ,
Тамъ старушка одна, чай, по мнѣ
Изнываетъ, родимаго ждетъ.

Заглянулъ бы я къ ней въ уголокъ,
Отдохнулъ бы въ тѣни тѣхъ березъ,
Поболталъ бы съ старушкой ча-
сокъ...

Но не ждетъ, а все мчится ко-
некъ
И, свистя, катитъ сотни колесъ.

Я. Полонскій.

* * *

Для вѣчнаго мира, для вѣчнаго братства
Земля намъ дана.

Не силой, не славой, не блескомъ богатства,
Любовью святою одною полна
Да будетъ она!

И. Г.

О т д ѣ л ъ IX.

303. Человѣкъ.

Я и теперь еще не очень великъ и не очень силенъ, если сравнить меня съ большими взрослыми людьми; но прежде я былъ еще меньше и еще слабѣе, даже, какъ говорятъ, не могъ ходить и говорить, хотя я и не помню этого времени.

Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, я вырасту, сдѣлаюсь большимъ и сильнымъ, сдѣлаюсь *взрослымъ* человѣкомъ; пройдетъ еще десятка три лѣтъ, и я начну старѣться, силы станутъ упадать, лицо покроется морщинами, глаза ослабѣютъ, зубы выпадутъ, я сдѣлаюсь старикомъ. Потомъ придется мнѣ и умереть: тѣло потеряетъ способность чувствовать и двигаться, потомъ разрушится и превратится въ землю, изъ которой оно создано; но душа моя не умретъ никогда, потому что Богъ, давшій мнѣ смертное тѣло, далъ мнѣ бессмертную душу.

Но теперь тѣло мое живетъ, питается и растетъ, чувствуетъ и движется, потому что оно одарено *жизнью*.

Я понимаю, что мнѣ говорятъ, могу выражать свои мысли и желанія словами, такъ что меня понимаютъ другіе люди: это оттого, что у меня есть *даръ слова*.

Я могу выучить урокъ и потомъ вспомнить и рассказать то, что выучилъ; помню лица и имена знакомыхъ людей, помню названія множества различныхъ предметовъ: все это оттого, что у меня есть и *память*.

Я представляю себѣ очень живо, когда сижу въ школѣ, что дѣлается у меня дома; я представляю себѣ, какъ буду проводить будущее лѣто, какъ буду работать съ отцомъ въ полѣ, гулять, собирать грибы, ягоды, играть съ товарищами. Я также очень живо могу представить себѣ всегда лицо знакомаго человѣка, который межъ тѣмъ теперь далеко отъ меня. Ночью я иногда вижу сны и вижу во снѣ то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Все это оттого, что у меня есть *воображеніе*.

Я понимаю не все, что мнѣ говорятъ, и не все, что читаю въ книгѣ; но когда мнѣ объясняютъ хорошенько, мнѣ становится понятнымъ и то, чего я прежде не понималъ. Я теперь знаю немного, но прежде зналъ еще меньше; а чѣмъ больше буду учиться и думать, тѣмъ больше буду знать и понимать: все это оттого, что у меня есть *умъ*.

Когда я выучу свой урокъ, сдѣлаю все, что должно, когда за мною нѣтъ никакой шалости, когда я никого не обидѣлъ и не огорчилъ, тогда у меня на душѣ спокойно и легко; когда же я обижу кого-нибудь или солгу, полѣнюсь или напашлю, тогда душа моя беспокоится и недовольна моими поступками: все это оттого, что у меня есть *совѣсть*.

Мнѣ иногда не хочется учиться, но я могу принудить себя сѣсть за дѣло, зная, что надо трудиться и что лѣниться стыдно. Мнѣ хочется иногда сдѣлать что-нибудь такое, чего не должно бы дѣлать, но я могу заставить себя не дѣлать этого. Я могу всегда заставить себя сдѣлать то, что должно. Мнѣ иногда не хочется сдѣлать то, что мнѣ совѣтуютъ сдѣлать родители или учитель, или что мнѣ совѣтуютъ умные люди, но я могу принудить себя исполнить ихъ волю или совѣтъ, зная, что они желаютъ мнѣ добра. Я могу всегда заставить себя сдѣлать лучшее, потому что у меня есть *воля*.

Я бываю счастливъ, когда я добръ ко всѣмъ и дѣлаю другимъ добро, и несчастливъ, когда дѣлаю другимъ дурное,—это оттого, что во мнѣ, какъ и во всѣхъ людяхъ, есть *любовь*.

Я не видѣлъ и не могу видѣть Бога, потому что Онъ есть Духъ, но я вѣрю, что Богъ существуетъ, видитъ все, знаетъ все и всѣмъ управляетъ. Я вѣрю, что Богъ любитъ всѣхъ и хочетъ, чтобы всѣ люди любили другъ друга, потому что *Богъ есть любовь*.

Со мною бываетъ, что я иногда пошallo, иногда по-

лѣнюсь, иногда разсержусь, иногда сдѣлаю и скажу какую-нибудь глупость; случается, что скажу неправду или что-нибудь злое, обидное; только я всегда мучусь послѣ этого, потому что у меня есть желаніе быть разумнымъ, добрымъ, правдивымъ, и я вѣрю, что я могу сдѣлаться такимъ, если постараюсь всѣми силами: *у меня есть желаніе и возможность сдѣлаться лучше, умнѣе, добрѣе.*

Всѣ эти способности: даръ слова, память, воображеніе, умъ, совѣсть, воля, любовь, вѣра въ Бога, желаніе и возможность сдѣлаться лучше, называются *способностями душевными.*

Человѣкъ одаренъ прекрасно устроеннымъ тѣломъ, одаренъ жизнью, одаренъ душою свободною, разумною и безсмертною, желающею добра и вѣрующею въ Бога, Отца жизни, Отца всѣхъ людей.

(По К. Ушинскому).

304. Что нужно для нашей жизни.

Все время, пока мы живемъ, мы двигаемся, работаемъ. Для движенія и работы нужна сила. Эту силу даетъ намъ пища, которую мы ѣдимъ. Если мы не будемъ ѣсть, наше тѣло ослабѣетъ и мы не будемъ въ состояніи двигаться и работать.

Все время, пока мы живемъ, наше тѣло остается теплымъ. Мы теплы даже въ самый холодный зимній день, если только мы находимся въ движеніи и одѣты въ теплую одежду. Но не одежда грѣетъ насъ; одежда только удерживаетъ тепло, которое есть въ нашемъ тѣлѣ. Она не даетъ ему выйти изъ тѣла. Постель, въ которую мы ложимся на ночь, можетъ быть и холодною; а между тѣмъ она бываетъ теплою, когда мы оставляемъ ее утромъ. Значитъ, наше тѣло согрѣваетъ постель своимъ собственнымъ тепломъ.

Все время, пока мы живы, тѣло наше имѣетъ свое собственное тепло, и это тепло въ немъ образуется отъ пищи и отъ движенія. Если бы мы перестали ѣсть, тогда мы не могли бы двигаться, и наше тѣло охладѣло бы, и мы умерли бы.

Такимъ образомъ, пища необходима для насъ потому, что она даетъ намъ силу для работы и для всякаго движенія, и потому еще, что согрѣваетъ наше тѣло.

Чтобы мы могли жить, намъ необходимъ, кромѣ пищи, еще воздухъ. Безъ воздуха мы не можемъ жить. Когда че-

ловѣкъ умираетъ отъ задушенія, онъ умираетъ оттого, что сжато его дыхательное горло, и черезъ него не можетъ проходить воздухъ. Если человѣкъ запереть наглухо въ одной комнатѣ и не впускать туда свѣжаго воздуха, то онъ умретъ. Значитъ, чтобы мы могли жить, нуженъ не какой-нибудь воздухъ, а воздухъ свѣжій, чистый. Воздухъ, который уже побывалъ въ нашихъ легкихъ, становится не чистымъ и не годится больше для дыханія.

305. Скелетъ человѣка.

У всѣхъ людей тѣло одинаково устроено внутри.

Внутри нашего тѣла есть костяной остовъ или скелетъ; на немъ держится мясо и другія мягкія части тѣла. Кости тверды, ихъ можно прощупать пальцемъ сквозь кожу и мясо.

Вотъ какія отдѣльныя части есть въ скелетѣ: 1) Кости туловища: позвоночный столбъ, ребра, тазъ. 2) Кости головы—черепъ. 3) Кости конечностей, то-есть кости рукъ и ногъ.

Позвоночный столбъ составленъ изъ многихъ костей, стоящихъ одна надъ другой и называемыхъ позвонками. Каждый позвонокъ по виду похожъ на большой перстень. Всѣ позвонки въ позвоночномъ столбѣ составляютъ длинную трубу, внутри которой помѣщается спинной мозгъ. Позвонки можно прощупать сзади, по серединѣ спины, вдоль всего позвоночнаго столба. Ихъ заостренные задніе концы выступаютъ подъ кожей въ видѣ длиннаго ряда твердыхъ бугорковъ. Этотъ рядъ бугорковъ называется, обыкновенно, спиннымъ хребтомъ.

Къ каждому позвонку прикрѣплено по два ребра—одно справа, другое слѣва. Ребра огибаютъ грудь, сходятся спереди и прикрѣпляются хрящами къ грудной кости.

Двѣнадцать спинныхъ позвонковъ сзади, двѣнадцать реберъ справа, двѣнадцать реберъ слѣва, хрящи и грудная кость спереди—всѣ вмѣстѣ составляютъ грудную клѣтку. Грудная клѣтка вверху узка, а внизу широка.

На остальныхъ позвонкахъ, которые находятся въ позвоночномъ столбѣ выше спины—въ шеѣ и ниже спины въ поясницѣ, реберъ нѣтъ. Нижній конецъ позвоночнаго столба упирается въ широкую позвоночную кость, или тазъ. Ребра, грудную кость и тазовую кость легко нащупать у себя, посмотрѣвъ по рисунку, гдѣ онѣ должны быть.

Позвоночный столбъ, ребра, грудная кость и тазъ составляютъ остовъ туловища.

На верхнемъ концѣ позвоночнаго столба, на семи шейныхъ позвонкахъ укрѣпленъ черепъ.

Черепъ—это круглый костяной ящикъ; изнутри его есть проходъ въ позвоночную трубу. Внутри черепа помѣщается головной мозгъ.

Черепъ составленъ изъ многихъ костей. Снаружи, спереди въ немъ есть двѣ ямки, въ которыхъ помѣщаются глаза, —это глазныя впадины, подъ ними находятся носовыя впадины; еще ниже между двумя челюстями открывается ротъ. Въ каждую челюсть вставленъ рядъ мелкихъ косточекъ—зубовъ.

Верхняя челюсть крѣпко срослась съ остальными костями черепа и не можетъ двигаться отдѣльно отъ нихъ. Нижняя челюсть, напротивъ, прикрѣплена къ черепу только двумя своими концами около ушей. Она можетъ двигаться, сколько угодно, сама по себѣ можетъ прижиматься къ верхней челюсти и отходить отъ нея.

На черепѣ есть еще двѣ дырочки съ боковъ—одна справа, другая слѣва. Онѣ открываются въ ушахъ и уходятъ глубоко внутрь черепныхъ костей.

Черепъ составляетъ остовъ головы.

Въ рукѣ есть три большихъ кости: плечевая, двѣ локтевыхъ и еще множество мелкихъ косточекъ, которыя составляютъ кисть. Рука соединяется съ туловищемъ посредствомъ двухъ костей—лопатки и ключицы. Лопатка—плоская кость, она лежитъ свободно на спинѣ снаружи реберъ; на ней держится плечевая кость. Ключица—небольшая крѣпкая кость, похожая на кривую палочку; она прикрѣплена однимъ концомъ къ грудной кости, а на другомъ концѣ ея держится лопатка. Обѣ лопатки, правую и лѣвую, легко можно нащупать у себя на спинѣ, пониже плечъ, а обѣ ключицы прощупываются спереди тамъ, гдѣ шея сходится съ туловищемъ.

Въ ногѣ есть также три большихъ кости: бедреная и двѣ берцовыхъ, и еще множество мелкихъ косточекъ, составляющихъ ступню. Бедренныя кости у обѣихъ ногъ прикрѣплены къ тазу. Тазъ—кость очень большая, похожая на толстое блюдо съ выбитымъ дномъ; на тазѣ держится все туловище.

Поль Бержъ.

306. Сочлененія.

Однѣ кости крѣпко срослись одна съ другой и не могутъ двигаться каждая отдѣльно, какъ, напр., кости въ черепѣ. Другія кости свободно связаны одна съ другой концами и могутъ двигаться каждая отдѣльно, какъ, напр., кости въ колѣнѣ, въ логтѣ, въ плечѣ или въ бедрѣ. Тѣ мѣста, гдѣ кости свободно связаны одна съ другой называются суставами, или *сочлененіями*. Въ сочлененіяхъ кости скрѣплены одна съ другой связками, т.-е. ленточками изъ сухихъ жилъ.

Если въ какомъ-нибудь сочлененіи сильно растянуть или немного надорвать связки (что можетъ случиться, напр., когда оступишься), то произойдетъ вывихъ. Случается, при вывихѣ связки совсѣмъ разорвутся, и кости разойдутся. Это будетъ сложный вывихъ.

Простой вывихъ проходитъ самъ собою: нужно только не тревожить больного мѣста. При сложномъ вывихѣ надо поскорѣ вправить кости на старое мѣсто. Черезъ нѣсколько дней это уже будетъ трудно сдѣлать, а черезъ нѣсколько недѣль и совсѣмъ невозможно, и человѣкъ тогда ужъ на всю жизнь остается калѣкой.

Въ деревняхъ очень часто при вывихѣ обращаются къ знахарю: онъ-де слово знаетъ. И вотъ приходитъ знахарь, костоправъ или коноваль, и начинаетъ изо всей силы тянуть руку или ногу; потянетъ, потянетъ да что-то пошепчетъ себѣ подъ носъ. Конечно, разные слова и заговоры тутъ ни при чемъ, а отъ вытягиванія и дерганья кость и въ самомъ дѣлѣ можетъ встать на свое мѣсто. Но вотъ въ чемъ дѣло: иногда очень трудно отличить простой вывихъ отъ сложнаго вывиха или отъ перелома. А если костоправъ имѣетъ дѣло съ переломомъ или со сложнымъ вывихомъ, то его растиранье и дерганье принесутъ только вредъ, и люди, которые довѣряютъ ему,

подвергаютъ себя опасности остаться калѣками или даже умереть. Отъ неумѣлаго леченія переломъ можетъ срастись криво, а вывихнутый суставъ можетъ остаться навсегда неподвижнымъ. А еще хуже того, если отъ излишняго усердія костоправа въ больномъ мѣстѣ произойдетъ воспаление, появится опухоль, утолщеніе костей; тогда придется просить настоящаго врача отпилить больную руку или ногу, чтобы хоть самъ-то больной остался живъ, а иногда и это бываетъ уже поздно сдѣлать.

Нужно при вывихѣ поскорѣе обратиться прямо къ врачу, а не ходить къ костоправамъ и знахарямъ.

Поль Бэръ.

307. Мышцы.

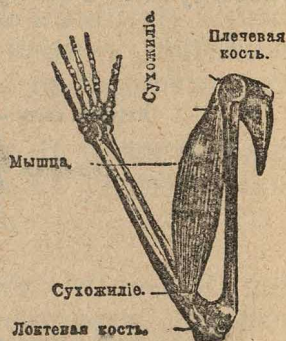
Кости не могутъ двигаться сами собою. Что же ихъ двигаетъ? Ихъ двигаютъ мышцы.

Возьмитесь правой рукой за лѣвую руку повыше локтя и согните лѣвую руку, какъ показано на рисункѣ. Вы почувствуете, какъ у васъ въ лѣвой рукѣ что-то вздулось и отвердѣло. Это и есть мышца, она-то и согнула вашу руку. Мышцы — это то самое, что вы обыкновенно называете мясомъ. Мышцы составлены изъ множества красныхъ волоконъ, лежащихъ толстымъ пучкомъ одно возлѣ другого. Почти у каждой мышцы на обоихъ концахъ есть бѣлые тяжи — сухожилья; они крѣпко приросли къ костямъ.

Въ мышцахъ всѣ волокна могутъ укорачиваться, отъ этого вся мышца сокращается, т.-е. дѣлается короче, ея концы приближаются одинъ къ другому и тянутъ за собою кости, къ которымъ онѣ прикрѣплены, такъ что и кости эти притягиваются одна къ другой.

Мышца вашей руки однимъ концомъ прикрѣплена къ плечевой кости вверху плеча, а другимъ концомъ она прикрѣпляется къ локтевой кости, пониже локтя. Когда мышца сокращается, она тянетъ за собой локтевую кость и сгибаетъ руку. Сокращаясь, мышца становится тверже и толще, это вы и чувствовали подъ ладонью, когда ощупывали мышцу.

Въ человѣческомъ тѣлѣ очень много мышцъ. Однѣ мышцы двигаютъ руки и ноги, сдвигаютъ и расправляютъ

пальцы, другія поворачиваютъ голову, сгибаютъ позвоночный столбъ, поднимаютъ ребра, и такъ далѣе.

Съ помощью мышцъ, костей и сочлененій мы можемъ сидѣть, стоять, ходить, бѣгать, прыгать.

П. Бэръ.

308. Нервы.

Всѣми движеніями мышцъ управляютъ *головной мозгъ*, находящійся въ черепѣ, и *спинной мозгъ*, который составляетъ продолженіе головного мозга и помѣщается въ позвоночной трубѣ.

Мозгъ—жилище *сознанія*. Не можетъ быть ни сознанія и ни воли, если боленъ мозгъ или сильно пораненъ.

Мозгъ приводитъ мышцы въ движеніе при посредствѣ нервовъ. Нервы—это бѣлыя нити, довольно толстыя и длинныя; онѣ выходятъ изъ головного и спинного мозга и расходятся по всему тѣлу. Нервовъ очень много. Къ каждой мышцѣ идетъ свой нервъ изъ мозга и передаетъ ей приказы мозга.

Тѣ нервы, которые приводятъ мышцы въ движеніе, называются двигательными нервами.

Есть еще нервы чувствующие. Эти нервы даютъ знать мозгу обо всемъ, что чувствуютъ разныя части нашего тѣла.

Вотъ, напр., троньте камень, ваша рука почувствуетъ холодъ, и чувствующие нервы тотчасъ дадутъ знать объ этомъ мозгу. Вотъ еще примѣръ: если вы возьмете въ ротъ соли, вашъ языкъ почувствуетъ соленый вкусъ, а чувствующие нервы тотчасъ же дадутъ знать объ этомъ мозгу. Все, что увидитъ вашъ глазъ, что почуветъ вашъ носъ, что услышитъ ваше ухо, обо всемъ этомъ чувствующие нервы дадутъ знать вашему мозгу.

Полъ Бэръ.

309. Кровообращеніе.

Кровь есть во всѣхъ частяхъ тѣла. Гдѣ вы ни уколете тѣло хоть самой тоненькой иглой, вездѣ изъ укола таго мѣста вытечетъ капелька крови.

Если собрать кровь въ посудину и дать ей постоять, кровь свернется, въ посудинѣ окажется красный сгустокъ, плавающій въ желтоватой жидкой сывороткѣ.

Кровь течетъ въ особыхъ трубкахъ и трубочкахъ, въ кровяныхъ жилахъ и жилочкахъ. Эти трубки, или жилки,

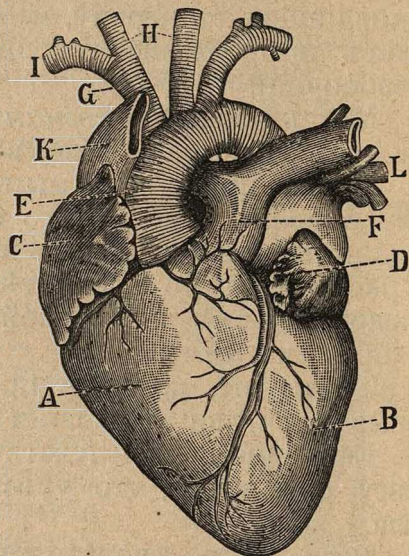
называются кровеносными сосудами, потому что кровь хранится въ нихъ, какъ въ сосудѣ или въ посудинѣ, и разносится по нимъ во всѣ части тѣла. Кровеносные сосуды пронизываютъ все тѣло и очень хитро перепутываются одинъ съ другимъ.

Въ груди, поближе къ лѣвому боку, находится сердце. Оно устроено въ видѣ толстаго мясистаго кошелька, величиною въ кулакъ. Сердце состоитъ изъ мышцъ и безпрестанно сокращается, то-есть сжимается и разжимается.

Если вы приложите руку къ лѣвой сторонѣ груди, вы почувствуете, какъ сердце бьется, то-есть сжимается и разжимается. Кровь постоянно набирается въ сердце, а оно, сжимаясь, выбрасываетъ изъ себя кровь и разгоняетъ ее по всему тѣлу.

Тѣ кровеносные сосуды, по которымъ кровь протекаетъ въ сердце, называются венами, а тѣ кровеносные сосуды, по которымъ кровь вытекаетъ изъ сердца, называются артеріями. Вены каждый можетъ видѣть у себя: это тѣ синія жилки, которыя просвѣчиваютъ сквозь кожу. Артеріи находятся глубоко подъ кожей и незамѣтны на глазъ, но пальцемъ кое-гдѣ можно прощупать, какъ онѣ бьются, то-есть наполняются кровью и вздуваются при каждомъ сокращеніи сердца. Такъ можно нащупать артеріи на рукѣ, надъ ладонью и на вискахъ.

Кровь вытекаетъ изъ сердца въ одну широкую и толстую артерію; отъ этой артеріи отходятъ другія артеріи потоньше, отъ тѣхъ идутъ артеріи еще тоньше и такъ далѣе. Чѣмъ дальше отъ сердца, тѣмъ больше становится артерій и тѣмъ онѣ становятся тоньше. Изъ самыхъ послѣднихъ, самыхъ тонкихъ артерій кровь разгоняется по тончайшимъ трубочкамъ, гораздо тоньше волосъ. Тру-

Сердце съ выходящими и входящими кровеносными сосудами.

A—правое нижнее отдѣленіе сердца; *B*—лѣвое; *C*—правое верхнее отдѣленіе; *D*—лѣвое; *E*—главный кровеносный сосудъ, по которому кровь течетъ изъ сердца (аорта); *K*—главный кровеносный сосудъ, по которому кровь стекаетъ назадъ въ сердце; *F*—кровеносные сосуды, которые несутъ кровь изъ сердца въ легкія.

бочки эти называются волосными сосудами; они пронизывают каждое мѣстечко нашего тѣла тончайшею запутанною сѣтью. Потомъ волосные сосуды становятся шире и толще; это ужъ не волосные сосуды, а тончайшія вены. Ихъ можно видѣть на глазахъ, на бѣлкѣ. Нѣсколько тонкихъ венъ соединяются въ одну вену потолще; много такихъ венъ собираются въ одну вену, еще толще. Всѣ толстыя вены со всего тѣла собираются въ двѣ самыхъ

Артерія, по ней кровь изъ сердца входитъ въ легкое (въ другое легкое идетъ такая же артерія).

Вена, по ней изъ легкаго кровь вливается въ сердце (отъ другого легкаго идетъ такая же вена).

Артеріи, по нимъ кровь изъ сердца расходится по всему тѣлу.

Вены, по нимъ кровь со всего тѣла течетъ въ сердце.

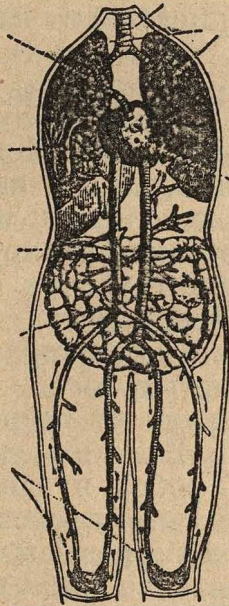
Волосные сосуды соединяютъ артеріи съ венами (они пронизываютъ все тѣло).

Дыхательное горло, черезъ него воздухъ входитъ въ легкія.

Легкія, въ нихъ кровь освѣжается и становится опять хорошей.

Сердце, кровь въ него вливается изъ венъ и выливается въ артеріи.

Тонкія кишки, въ нихъ пища становится настолько жидкой, что можетъ всасываться въ кровь.

Упрощенный рисунокъ, показывающій наглядно кровообращеніе.

толстыхъ вены; по этимъ-то венамъ кровь течетъ опять въ сердце.

Такое постоянное теченіе крови изъ сердца вокругъ всего тѣла и обратно въ сердце называется обращеніемъ крови, или кровообращеніемъ.

Такъ вотъ какъ происходитъ кровообращеніе: сердце сжимается и съ силой выгоняетъ изъ себя кровь въ артеріи; изъ артерій кровь растекается по волоснымъ сосудамъ, изъ волосныхъ сосудовъ собирается въ вены, а изъ всѣхъ венъ втекаетъ обратно въ сердце. Весь этотъ кругъ кровь протекаетъ въ полминуты.

То теченіе крови, о которомъ мы сейчасъ рассказали,

это большой кругъ кровообращенія. Есть еще малый кругъ кровообращенія. Тамъ кровь течетъ не по всему тѣлу, а только по однимъ легкимъ. Но суть тутъ та же самая.

Кровь вытекаетъ изъ сердца въ легочныя артеріи, растекается въ легкихъ по волоснымъ сосудамъ, потомъ втекаетъ въ легочныя вены и по нимъ возвращается обратно въ сердце.

Протекая по волоснымъ сосудамъ, которые пронизываютъ все наше тѣло, кровь освѣжаетъ всѣ частички тѣла, а сама портится. Протекая по волоснымъ сосудамъ въ легкихъ, кровь провѣтривается и опять становится годною.

Полъ Бэръ.

310. Дыханіе.

Когда мы вдыхаемъ въ себя воздухъ, онъ входитъ въ грудь, а именно въ легкія. У насъ въ груди есть два легкихъ: правое и лѣвое. Внутри каждое легкое все пронизано множествомъ вѣтвистыхъ трубочекъ, въ которыхъ находится воздухъ. Всѣ трубочки сходятся вмѣстѣ и открываются въ дыхательное горло.

Самое начало дыхательнаго горла называется гортанью. Изъ гортани идетъ нашъ голосъ.

Приложите одну руку къ ребрамъ, а другую къ животу и держите такъ. Если вы раньше не знали, такъ теперь замѣтите, какъ ребра и животъ у васъ то поднимаются, то опускаются; это происходитъ разъ 15 въ минуту. Это и есть вдыханіе и выдыханіе.

Когда вы втягиваете въ себя воздухъ, вы замѣчаете, какъ ребра у васъ приподнимаются, грудь становится шире, животъ вздувается и выступаетъ впередъ; вотъ въ это самое время воздухъ и входитъ внутрь, въ легкія: это вдыханіе. Когда вы выпускаете изъ себя воздухъ, ребра опускаются, животъ поджимается, грудь становится уже; въ это время воздухъ выходитъ вонъ изъ легкихъ черезъ ротъ и ноздри, словно изъ мѣховъ: это выдыханіе.

Воздухъ, побывавъ въ легкихъ, становится вреднымъ, имъ больше нельзя дышать. Если долго дышать все однимъ и тѣмъ же воздухомъ, на примѣръ, сидѣть въ тѣсной, плотно запертой избѣ и не напускать туда свѣжаго воздуха съ улицы, то можно совѣмъ задохнуться.

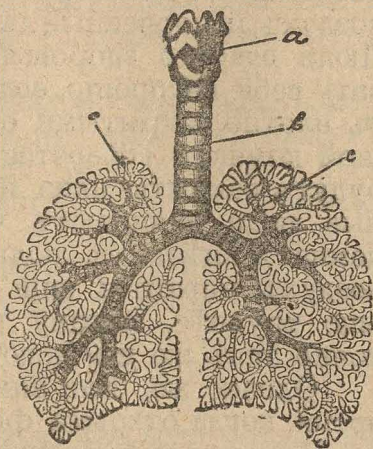
Легкія такъ же неразборчивы, какъ и желудокъ; они одинаково принимаютъ въ себя и необходимый намъ воздухъ и разные ядовитые пары и газы. Если вы закроете

печку съ синимъ огонькомъ, въ комнату наберется угарный газъ. Ваши легкія не почувствуютъ этого, и вы угорите, то-есть надышитесь газомъ, получившимся отъ сгорания угля въ закрытой печкѣ. Объ этомъ вы сами должны догадаться и принять предосторожности: не закрывать трубы, пока угли еще горятъ синимъ огонькомъ, а закрывать, когда они уже покроются налетомъ золы.

Былъ такой случай: сто лѣтъ тому назадъ, на войнѣ индѣйцы взяли въ плѣнъ 146 англичанъ; ихъ заперли въ подземную пещеру, куда не могъ проходить воздухъ. Плѣнные англичане, когда побыли тамъ нѣсколько часовъ, стали задыхаться, и подъ конецъ ночи изъ нихъ 123 умерло, а остальные вышли еле живые и больные. Сначала въ пещерѣ воздухъ былъ хорошъ; но когда плѣнные выдышали весь хорошій воздухъ, а новаго не приходило, сдѣлался дурной воздухъ, которымъ люди не могли уже дышать, и оттого они померли.

Отчего дѣлается дурной воздухъ изъ хорошаго, когда соберется много людей? Оттого что люди, когда дышатъ, то собираютъ въ себя хорошій воздухъ, а выдыхаютъ дурной.

По Полю Бэру и Льву Толстому.

Органы дыханія: *a*—гортань, *b*—дыхательное горло, *c*—бронхи и ихъ развѣтвленія въ легкихъ.

311. Что нужно для дыханія.

Для дыханія, точно такъ же, какъ и для горѣнія, постоянно необходимъ свѣжій воздухъ. Если какое-нибудь животное оставить въ банкѣ, плотно закупоренной, то—хотя бы тамъ и находились пища и питье, необходимыя для животнаго,—оно все-таки умретъ отъ недостатка свѣжаго воздуха. То же самое случится, разумѣется, и съ человекомъ, если его оставить въ какомъ-нибудь помѣщеніи, плотно закрытомъ со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько разъ бывали примѣры, что земля въ шахтахъ обваливалась и засыпала людей, работавшихъ тамъ, и несмотря на то, что въ шахтахъ оставалась еще пища и питье,—люди

черезъ нѣсколько времени все-таки задыхались и умирали отъ недостатка свѣжаго воздуха.

Вообще необходимо какъ можно чаще «освѣжать» комнаты, т.-е. отворять окна или двери для того, чтобы воздухъ, испорченный дыханіемъ, могъ замѣняться свѣжимъ. Люди слабаго здоровья очень скоро начинаютъ чувствовать себя нехорошо, если находятся въ маленькой комнатѣ съ плотно закрытыми окнами и дверями. Если въ небольшой комнатѣ соберется очень много людей, и при этомъ будутъ закрыты окна и двери, то даже здоровые и сильные люди начинаютъ чувствовать себя дурно. Если въ комнатѣ вмѣстѣ съ людьми находятся еще и животныя, то воздухъ портится еще скорѣе и дышать имъ становится еще труднѣе, потому что животныя своимъ дыханіемъ точно такъ же измѣняютъ воздухъ, какъ и люди.

Однако же, если зимою оставаться въ комнатѣ въ то время, когда открыта форточка, легко можно простудиться. Поэтому вмѣсто форточекъ весьма часто устраиваютъ *вентиляторы*, которые разбрасываютъ воздухъ во все стороны и такимъ образомъ ослабляютъ опасность простудиться; такіе вентиляторы прежде устанавливались обыкновенно въ окнѣ. Если открыть крышку, то холодный воздухъ начинаетъ входить черезъ трубку вентилятора въ комнату и своимъ движеніемъ приводитъ во вращеніе крылья мельницы; а вслѣдствіе этого вращенія воздухъ, входящій въ комнату, разбрасывается во все стороны, а не направляется одной непрерывной струей. Теперь такіе вентиляторы, только гораздо большихъ размѣровъ, устанавливаютъ чаще всего близъ потолка возлѣ печки, причемъ труба вентилятора сообщается съ трубой, которая идетъ до самой крыши рядомъ съ дымовымъ ходомъ печи; въ этомъ случаѣ комнатный воздухъ идетъ черезъ вентиляторъ наружу, а наружный воздухъ входитъ въ комнату черезъ щели въ окнахъ и дверяхъ; такіе вентиляторы еще лучше предохраняютъ отъ простуды.

Такъ какъ воздухъ почти одинаково измѣняется какъ отъ дыханія, такъ и отъ горѣнія, то поэтому становится понятнымъ, что вечеромъ воздухъ будетъ портиться въ комнатѣ скорѣе, чѣмъ днемъ, потому что вечеромъ, кромѣ дыханія, воздухъ портится еще и отъ горѣнія лампъ, свѣчей или лучинъ.

Что же касается топки печей, то она, напротивъ, служитъ для очищенія комнатнаго воздуха, потому что, во

время топки, комнатный воздухъ идетъ въ печь и потомъ уходитъ по трубѣ прочь изъ комнаты, а на его мѣсто въ комнату идетъ свѣжій наружный воздухъ. Топка печей освѣжаетъ комнаты еще лучше, чѣмъ открываніе оконъ и дверей, потому что смѣна воздуха вслѣдствіе тяги, какую производитъ печка, происходитъ быстрѣе, чѣмъ вслѣдствіе открыванія оконъ и дверей.

Такъ какъ свѣжій воздухъ одинаково необходимъ какъ для дыханія, такъ и для горѣнія, то поэтому тотъ воздухъ, въ которомъ свѣча горитъ тускло, уже не можетъ быть полезенъ для дыханія. Этой примѣтой пользуются иногда въ томъ случаѣ, когда бываетъ необходимо опуститься въ колодезь, относительно котораго еще неизвѣстно, какой тамъ находится воздухъ, вредный для дыханія или нѣтъ? Тогда опускаютъ туда фонарь съ горящей свѣчей: если свѣча гаснетъ, значить, этимъ воздухомъ уже навѣрно нельзя дышать.

Однако слѣдуетъ имѣть въ виду, что если свѣча продолжаетъ горѣть и въ колодезѣ, то это еще не всегда можетъ служить доказательствомъ чистоты воздуха: бываютъ иногда случаи, что въ воздухѣ, который находится въ колодезѣ, встрѣчаются нѣкоторыя ядовитыя примѣси, которыя ничуть не мѣшаютъ горѣнію, но зато весьма вредно дѣйствуютъ на здоровье людей.

А. Ковальскій.

312. Раздѣленіе людей по наружному виду.

По наружному виду людей можно раздѣлить на три *расы*: бѣлую, желтую и черную.

У людей *бѣлой* расы кожа имѣетъ бѣлый или смуглый цвѣтъ; она нѣжна и довольно прозрачна, такъ что черезъ нее просвѣчиваетъ кровь, особенно на лицѣ (румянецъ). Волосы у нихъ тонкіе, мягкіе, волнистые; растутъ обильно какъ на головѣ, такъ и на лицѣ. Черты лица правильныя. Къ бѣлой расѣ принадлежатъ почти все жители Европы (напр., русскіе, нѣмцы, французы), юго-западной Азіи (напр., индусы, арабы) и сѣв. Африки (арабы). Цвѣтъ кожи, волосъ и глазъ у сѣверныхъ народовъ бѣлой расы, напримѣръ, живущихъ на Скандинавіи, свѣтлѣе, чѣмъ у южныхъ (напр., у арабовъ). Народы Европы, кромѣ коренного мѣста своего обитанія, въ недавнее время расселились и по другимъ частямъ свѣта; въ Америкѣ и Австраліи они составляютъ теперь большинство народонаселенія.

Къ *желтой* расѣ принадлежатъ коренные жители материка и острововъ восточной Азіи (напр., китайцы, японцы), острововъ Тихаго Океана (полинезійцы) и всей Америки (индѣйцы). Цвѣтъ кожи у нихъ желтый съ оттѣнкомъ бурымъ или красноватымъ (у индѣйцевъ); кровь мало просвѣчиваетъ черезъ нее, а потому и румянецъ встрѣчается рѣдко. Волосы толстые, прямые и жесткіе; на головѣ длинные, на лицѣ скудные. Цвѣтъ волосъ и глазъ у большинства черный. Голова, если смотрѣть на нее сверху, кажется широкой, т.-е. длина ея мало превосходитъ ширину. Лицо широкое съ выдающимися скулами; носъ довольно широкій и плоскій. Глазныя щели узкія и расположены косо.

Къ *черной* расѣ принадлежатъ коренные обитатели тропической и южной Африки (негры) и Австраліи (австралійцы).

Кожа у нихъ черная и темно-бурая, волосы черные, на головѣ короткіе и курчавые или шерстистые, на лицѣ скудные (только у австралійцевъ волосы длинные и волнистые, какъ на лицѣ, такъ и на головѣ). Глаза каріе или черные. Голова длинная, какъ бы сплюснутая съ боковъ. Носъ очень широкій и плоскій. Скулы выдаются. Губы толстыя; передніе зубы поставлены косо, именно, выступаютъ впередъ.

Хотя люди и раздѣляются на расы по цвѣту кожи, по чертамъ лица и свойству волосъ, однако эти признаки нерѣдко бываютъ различны у людей одной и той же расы. Смотря на человѣка, не всегда можно сразу узнать, къ какой расѣ онъ принадлежитъ. Строеніе же тѣла, особенно внутреннихъ органовъ, на примѣръ, сердца, легкихъ, желудка и т. д., у всѣхъ людей одинаково, и вообще между людьми различныхъ расъ больше сродства, чѣмъ различій.

313. О занятіяхъ людей.

Человѣку, для поддержанія его жизни, нужны: пища, одежда, жилище. Всѣ предметы для удовлетворенія нашихъ насущныхъ потребностей производитъ природа.

Но въ природѣ нѣтъ готоваго хлѣба, сотканнаго платя и выросшей изъ земли избы: природа даетъ только матеріалъ, надъ которымъ человѣкъ долженъ немало потрудиться, чтобы получились тѣ предметы, которые необходимы намъ.

Этотъ матеріалъ, добываемый разными способами изъ

земли, обрабатывается затѣмъ или ручнымъ трудомъ или же машинами.

Всѣ занятія людей, которыя направлены только къ тому, чтобы добыть изъ земли различные матеріалы, называются добывающей промышленностію, напримѣръ. земледѣліе, горное дѣло, добываніе нефти, садоводство.

Тѣ же занятія людей, при помощи которыхъ «сырой» матеріаль перерабатывается въ разнообразныя предметы, годныя для употребленія людьми, называются обрабатывающей промышленностію.

Если обработка матеріаловъ ведется ручнымъ способомъ, то такое занятіе называется ремесломъ; если же матеріаль обрабатывается машинами на фабрикахъ, то это уже—фабричное дѣло.

Не во всѣхъ странахъ земли есть все необходимое для человѣка; такъ, напримѣръ, въ одной много хлѣба, а нѣтъ желѣза, а въ другой, наоборотъ, много желѣза, а нѣтъ хлѣба. Поэтому людямъ приходится излишекъ своихъ произведеній перевозить въ другую страну, гдѣ въ нихъ нуждаются, и тамъ обмѣнивать ихъ на то, чѣмъ богаты другіе люди; въ этомъ состоитъ торговля.

Для различныхъ занятій требуются разныя силы людей: въ одномъ дѣлѣ требуется только физическая сила, а также терпѣніе; въ другомъ—требуется уже знаніе, а иногда—большая ученость; въ нѣкоторыхъ дѣлахъ достаточно одной ловкости или сноровки, а въ другихъ дѣлахъ нужно большое искусство.

Чтобы приступить къ какому-нибудь труду, надо заранее развить въ себѣ тѣ силы, которыхъ онъ потребуетъ.

314. Раздѣленіе людей по языкамъ.

Люди, говорящіе на одномъ и томъ же языкѣ, составляютъ одинъ народъ. Въ Россіи насчитывается болѣе ста народовъ, а на всей землѣ гораздо больше. Между нѣкоторыми языками есть большое сходство. Такъ, сербъ, полякъ и чехъ могутъ нѣсколько понимать языкъ другъ друга. Народы, говорящіе на столь сходныхъ языкахъ, составляютъ одно *племя*; напр., мы, русскіе, принадлежимъ вмѣстѣ съ сербами, поляками и чехами къ славянскому племени; предки славянъ составляли въ давнее время одинъ народъ и говорили на одномъ языкѣ; нѣмцы, шведы, англичане принадлежатъ къ германскому племени.

315. Скворецъ.

У всякаго талантъ есть свой;
Но часто, на успѣхъ прельщаяся чужой,
Хватается за то иной,
Въ чемъ онъ совѣмъ не годенъ.
А мой совѣтъ такой:
Берись за то, къ чему ты сроденъ,
Коль хочешь, чтобъ въ дѣлахъ успѣшнѣй былъ конецъ.

Какой-то смолоду скворецъ
Такъ пѣть щегленкомъ научился,
Какъ будто бы щегленкомъ самъ родился.
Игривымъ голоскомъ весь лѣсъ онъ веселилъ,
И всякій скворушку хвалилъ.
Иной бы былъ такой доволенъ честью,
Но скворушка услышъ, что хвалятъ соловья,—
А скворушка завистливъ былъ, къ несчастью,—
И думаетъ: «Постойте же, друзья,
Спою не хуже я
И соловьинымъ ладомъ».
И подлинно запѣлъ,—
Да только лишь совѣмъ особымъ складомъ:
То онъ пицаль, то онъ хрипѣлъ,
То верещаль козленкомъ,
То не путемъ
Мяукалъ онъ котенкомъ;
И, словомъ, разогналъ всѣхъ птицъ своимъ пѣшемъ.
Мой милый скворушка, ну что за прибыль въ томъ?
Пой лучше хорошо щегленкомъ,
Чѣмъ дурно—соловьемъ.

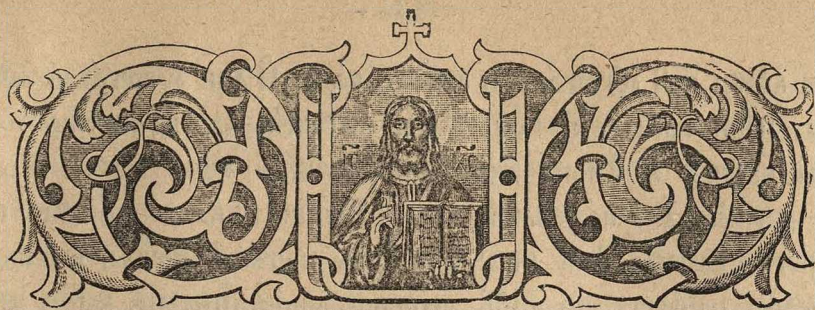
И. Крыловъ.

* * *

Молитесь всѣ, чтобъ Богъ послалъ
Намъ царствіе Его;
Чтобъ честный трудъ на свѣтѣ сталъ
Почетнѣе всего;
Чтобъ человѣку человѣкъ
Былъ братъ прежде всего.

(Изъ стих. Берса).

ДВѢНАДЦАТЬ ЕВАНГЕЛІЙ

СВЯТЫХЪ СТРАСТЕЙ

ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА.

Евангеліе первое, отъ Іоанна, зачала 46—58.

(Гл. 13, ст. 31—гл. 18, ст. 1.)

Исѣ гдѣ своимъ оученикомъ: нынѣ прослѣвися снѣ члвчѣскій, и бѣхъ прослѣвися ѿ немъ. Яще бѣхъ прослѣвися ѿ немъ, и бѣхъ прослѣвѣтъ єго въ себѣ, и явѣ прослѣвѣтъ єго. Чадца, єще съ вами малѡ єсмь. Взыщете мене, и ꙗкоже рѣхъ іудеомъ, ꙗкѡ яможе ѡзѣ нѣдѣ, вы не можете прѣити, и вамъ глаголю нынѣ. Заповѣдь новѣю даю вамъ, да любѣте дрѣгъ дрѣга: ꙗкоже возлюбѣхъ вы, да и вы любѣте себѣ. Ѿ семъ разѣмѣютъ вси, ꙗкѡ монѣ оученицы єстѣ, яще любовѣ имате междѣ собѣю. Глагола ємѣ сімѣмъ пѣтрѣ: гдѣ, кѣмѣ нѣдѣши; Ѿвѣща ємѣ іисъ: яможе ѡзѣ нѣдѣ, не можѣши нынѣ по мнѣ ити, послѣднѣ же по мнѣ нѣдѣши. Глагола ємѣ пѣтрѣ: гдѣ, почтѣ не могѣ нынѣ по тебѣ ити; нынѣ дѣшѣ мою за тѣ положѣ. Ѿвѣща ємѣ іисъ: дѣшѣ ли твоѣ за мѣ положѣши; аминь, аминь глаголю тебѣ: не возгласѣтъ алектѣоръ, дѣндеже ѡвѣржѣшиа мене трици. Да не смѣщѣетъ сѣрдце вѣше: вѣрѣйте въ бѣга, и въ мѣ вѣрѣйте. Въ домѣ оца моего ѡбѣтѣли многи єсть: яще ли же нѣ, рѣкла

вѣхъ вѣмъ: и́дѣ оу́гото́вати мѣсто вѣмъ. И́ а́ще оу́гото́ваю мѣсто
вѣмъ, па́ки прѣидѣ, и́ понмѣ въ кѣ себѣ, да, и́дѣ́же ѣсмь а́зъ,
и́ въ вѣдете. И́ а́може а́зъ и́дѣ, вѣ́сте, и́ пѣть вѣ́сте. Глаго́ла
ѣмѣ двѣмъ: гдѣ, не вѣ́мы, ка́мъ и́дѣши: и́ ка́къ мо́жемъ пѣть
вѣ́дѣти; Глаго́ла ѣмѣ и́и́схъ: а́зъ ѣсмь пѣть, и́ и́стина, и́ живѣ́тъ:
ни́кто́же прѣидѣтъ ко о́цѣ, то́кмъ мно́ю. А́ще ма́ вѣ́сте зна́н,
и́ о́ца моего́ зна́н вѣ́сте о́убо: и́ ѡ́сѣлѣ позна́ете е́го и́ вѣ́дѣ́те
е́го. Глаго́ла ѣмѣ фѣ́лппъ: гдѣ, покажи́ на́мъ о́ца, и́ дова́ѣтъ
на́мъ. Глаго́ла ѣмѣ и́и́схъ: то́лнко вре́мъ съ ва́ми ѣсмь, и́ не по-
зна́лъ е́си мене́, фѣ́лппе; вѣ́дѣ́вый мене́ вѣ́дѣ о́ца, и́ ка́къ ты
глаго́лѣши: покажи́ на́мъ о́ца; Не вѣ́рѣши ли, та́къ а́зъ во
о́цѣ, и́ о́цъ во мнѣ́ е́сть; Глаго́лы, та́же а́зъ глаго́лю ва́мъ, ѡ́
себѣ́ не глаго́лю: о́цъ же во мнѣ́ пре́вѣва́и, то́и твѣ́ри́тъ дѣ́ла.
вѣ́рѣ́йте мнѣ́, та́къ а́зъ во о́цѣ, и́ о́цъ во мнѣ́: а́ще ли же
ни́, за та́ дѣ́ла вѣ́рѣ́и́ми мнѣ́. а́ми́нь, а́ми́нь глаго́лю ва́мъ:
вѣ́рѣ́и́и въ ма́, дѣ́ла, та́же а́зъ твѣ́рю, и́ то́и сотвѣ́ри́тъ, и́
вѣ́льша сѣ́хъ сотвѣ́ри́тъ: та́къ а́зъ ко о́цѣ́ моему́ гдѣ́. И́ е́же
а́ще что́ про́сите ѡ́ о́ца ѡ́ и́мени мо́емъ, то́ сотвѣ́рю, да про-
сла́вится о́цъ въ сѣ́. И́ а́ще че́сѣ́ про́сите во и́мѣ́ моѣ́, а́зъ
сотвѣ́рю. А́ще лю́бите ма́, за́повѣ́ди моѣ́ со́блюди́те. И́ а́зъ
о́умолю́ о́ца, и́ и́ного оу́тѣ́шителя́ да́стъ ва́мъ, да вѣ́дѣ́тъ съ
ва́ми въ вѣ́къ, дѣ́хъ и́стины, е́гѡ́же ми́ръ не мо́жетъ прѣ́лти,
та́къ не вѣ́ди́тъ е́гѡ́, ни́же зна́етъ е́гѡ́: вѣ́ же зна́ете е́го́,
та́къ въ ва́съ пре́вѣва́етъ и́ въ ва́съ вѣ́дѣ́тъ. Не ѡ́ста́влю ва́съ
сѣ́ры, прѣидѣ́ къ ва́мъ. Е́ще ма́лѣ́, и́ ми́ръ кѣ́мъ не вѣ́ди́тъ
мене́: вѣ́ же вѣ́дите ма́, та́къ а́зъ живѣ́, и́ въ жи́ви вѣ́дете.
Въ то́и де́нь разѡ́мѣ́ете вѣ́, та́къ а́зъ во о́цѣ́ мо́емъ, и́ въ
во мнѣ́, и́ а́зъ въ ва́съ. И́мѣ́и́и за́повѣ́ди моѣ́ и́ со́блюди́и
и́хъ, то́и е́сть лю́би́и ма́: а́ лю́би́и ма́ возлю́бленъ вѣ́дѣ́тъ о́цѣ́мъ
мои́мъ: и́ а́зъ возлюблю́ е́го́ и́ я́влю́са ѣмѣ́ са́мъ. Глаго́ла ѣмѣ́
и́дѣ́, не и́скарѣ́ѣтскѣ́и: гдѣ́, и́ что́ вѣ́сть, та́къ на́мъ хо́щеши
я́вѣ́тиса, а́ не ми́рови; ѡ́вѣ́ща и́и́схъ и́ рече́ ѣмѣ́: а́ще кѣ́мъ лю́битъ
ма́, сло́во моѣ́ со́блюде́тъ: и́ о́цъ мо́и возлю́битъ е́го́, и́ къ

немѢ прїидема и ѡбнѣтель оу негѡ сотвориѡма. Не любай ма словеса моихъ не соблюдетъ: и слово, еже слышасте, нѣсть мое, но послѣвагѡ ма оца. Еѡ глаголахъ вамъ, въ васъ сын. Оутѣшитель же, дхъ стѣи, егѡже послетъ оцъ во нма моѣ, той въ наѡчнѣтхъ всемѢ и воспоминаетъ вамъ всѡ, ѡже рѣхъ вамъ. Миръ ѡставляю вамъ, миръ мой даю вамъ: не ѡкоже миръ даетъ, азъ даю вамъ. Да не смущаетъ сердце ваше, ни оустрашаетъ. Слышасте, ѡкѡ азъ рѣхъ вамъ: нѣд и прїидѣ къ вамъ. Яце выѣте любилн ма, возрадовалисѡ выѣте оубо, ѡкѡ рѣхъ: нѣд ко оцѢ: ѡкѡ оцъ мой болѣи менѣ естъ. И нынѣ рѣхъ вамъ, прежде даже не вѣдетъ: да, егда вѣдетъ, вѣрѡ имѣте. ВтомѢ не многѡ глаголю съ вами: градетъ во сего мѣра князь, и во мнѣ не имать ничесѡже. Но да раздѣлетъ миръ, ѡкѡ люблю оца, и ѡкоже заповѣда мнѣ оцъ, таѡкѡ творю. Востаните, идемъ ѡсѡдѡ. Азъ есмь лоза истиннаѡ, и оцъ мой дѣлатель естъ. Всякъ розгѡ ѡ мнѣ не творѡщю плодѡ, нзметъ ю: и всякъ творѡщю плодъ, ѡтревнѣтъ ю, да множайшій плодъ принесѣтъ. Оужѣ въ чѣсти естѣ за слово, еже глаголахъ вамъ. Бѣдите во мнѣ, и азъ въ васъ. Ѣкоже розгѡ не можѣтъ плодѡ сотворити ѡ севѣ, яце не вѣдетъ на лозѣ: таѡкѡ и въ, яце во мнѣ не превѣдете. Азъ есмь лоза, въ же рѡждѣе: и яже вѣдетъ во мнѣ, и азъ въ немъ, той сотворнѣтъ плодъ многъ: ѡкѡ безъ менѣ не можете творити ничесѡже. Яце кто во мнѣ не превѣдетъ, нзвержетъ вѡнъ, ѡкоже розгѡ, и нзсышетъ: и сожгѡтъ ю, и во огнь влагѡтъ, и сгарѣтъ. Яце превѣдете во мнѣ, и глаголы мои въ васъ превѣдѣтъ: еѡже яце хѡщете, просите, и вѣдетъ вамъ. Ѣ сѣмъ прославнѣсѡ оцъ мой, да плодъ многъ сотворнѣте, и вѣдете мой оученицы. Ѣкоже возлюбн ма оцъ, и азъ возлюбнхъ васъ: вѣдите въ любовь мою. Яце заповѣди моѡ соблюдетѣ, превѣдете въ любовь мою: ѡкоже азъ заповѣди оца моего соблюдохъ, и превѣваю въ егѡ любовь. Еѡ глаголахъ вамъ, да радость моѡ въ васъ вѣдетъ, и радость ваша исполнитъ. Еѡ естъ заповѣдь моѡ, да любите дрѡга дрѡга, ѡкоже

возлюбихъ вы. Больши сѣя любевѣ никтоже имать, да кто дѣшъ
своѣ положи́тъ за дрѣвн своѣ. Вы дрѣвн мои есте, аще творите,
ѣлика азъ заповѣдаю вамъ. Не ктомъ васъ глаголю равнѣ, ꙗко
равнѣ не вѣсть, что творитъ господь егѡ: васъ же рекѡхъ дрѣвн,
ꙗко всѣ, ꙗже слышахъ ѿ оца моего, сказахъ вамъ. Не вы
менѣ избравѣте, но азъ избравъ васъ, и положихъ, да вы идете,
и плодъ принесете, и плодъ вашъ превѣдетъ: да, егѡже аще
просите ѿ оца во имя мое, дастъ вамъ. Онъ заповѣдаю вамъ,
да любите дрѣвн дрѣвн. Аще миръ васъ ненавидитъ, вѣдите, ꙗко
менѣ прѣжде васъ возненавидѣ. Аще ѿ мира вы есте выи, миръ
оубо свое любилъ бы: ꙗкоже ѿ мира нѣ есте, но азъ избравъ вы
ѿ мира, сегѡ ради ненавидитъ васъ миръ. Поминайте слово, еже
азъ рѣхъ вамъ: нѣсть равнѣ воли гѡспода своего. Аще менѣ изгнаша,
и васъ изженѡтъ: аще слово мое соблюдоша, и ваше соблюдетъ.
Но сѣя всѣ творятъ вамъ за имя мое, ꙗко не вѣдаютъ послѣ-
шаго мѣ. Аще не выхъ пришелъ и глаголахъ имъ, грѣхъ не
выиша имѣли: нынѣ же виннѣ не имѡтъ ѡ грѣсѣ своемъ. Нена-
видѣи менѣ, и оца моего ненавидитъ. Аще дѣла не выхъ
сотворилъ въ нихъ, ихъже инъ никтоже сотвори, грѣхъ не выиша
имѣли: нынѣ же и видѣша, и возненавидѣша менѣ и оца
моего. Но да свѣдетъ слово, писанное въ законѣ ихъ, ꙗко
возненавидѣша мѣ чѡне. Егда же прїидетъ оутѣшитель, егѡже
азъ послѣ вамъ ѿ оца, дѣхъ истинны, иже ѿ оца исходитъ,
той свидѣтельствуеетъ ѡ мнѣ: и вы же свидѣствуете, ꙗко
искони со мною есте. Сѣя глаголахъ вамъ, да не соблазнитесь.
Ѿ сонницъ ижденѡтъ вы: но прїидетъ часъ, да всѣхъ, иже
оубѣтъ вы, мнитъ сѡбѡдъ приносѣти вѣсѣ. И сѣя сотворятъ,
ꙗко не познаша оца, ни менѣ. Но сѣя глаголахъ вамъ, да
егда прїидетъ часъ, поминайте сѣ, ꙗко азъ рѣхъ вамъ: сѣхъ же
вамъ испѣрва не рѣхъ, ꙗко съ вами вѣхъ. Нынѣ же идѡ къ
послѣшему мѣ, и никтоже ѿ васъ вопрошаетъ менѣ: камо
идеши; Но, ꙗко сѣя глаголахъ вамъ, скорѣи исполнихъ сердца
ваиша. Но азъ истиннъ вамъ глаголю: оубо есть вамъ, да азъ

и́дѣ: ѿще во не и́дѣ ѿзѣ, оутѣшитель не прійдетѣ къ вѣмѣ: ѿще ли же и́дѣ, послѣ е́гѡ къ вѣмѣ. И пришѣдѣ ѡнѣ, ѡбличитѣ мѣра ѡ грѣсѣ, и ѡ правдѣ, и ѡ сѣдѣ: ѡ грѣсѣ оубѡ, ѿкѡ не вѣрѣютѣ въ мѣ: ѡ правдѣ же, ѿкѡ ко ѡцѣ моемѣ и́дѣ, и ктомѣ не видѣте менѣ: ѡ сѣдѣ же, ѿкѡ князь мѣра сегѡ ѡсѣжденѣ выѣсть. Ёще многѡ имамѣ глаголати вѣмѣ, но не можете носити нынѣ. Ёгда же прійдетѣ ѡнѣ, дѣхѣ истинны, наставитѣ вы на всѣхѣ истинѣ: не ѡ себѣ во глаголати имѣть, но елика ѿще оуслышитѣ, глаголати имѣть, и граждѣмѣ возвѣстѣитѣ вѣмѣ. ѡнѣ мѣ прославѣтѣ, ѿкѡ ѡ моемѣ прійметѣ и возвѣстѣитѣ вѣмѣ. Всѣ, елика имѣть ѡцѣ, моѣ сѣтъ: сегѡ радѣ рѣхѣ, ѿкѡ ѡ моемѣ прійметѣ и возвѣстѣитѣ вѣмѣ. Вмѣлѣ, и ктомѣ не видѣте менѣ: и пакѣ вмѣлѣ, и оузрѣте мѣ: ѿкѡ и́дѣ ко ѡцѣ. Рѣша же ѡ оученикѣхѣ е́гѡ къ себѣ: что́ е́сть сѣ, е́же глаголетѣ намѣ: вмѣлѣ, и не видѣте менѣ: и пакѣ вмѣлѣ, и оузрѣте мѣ: и: ѿкѡ ѿзѣ и́дѣ ко ѡцѣ; глаголахѣ оубѡ: что́ сѣ е́сть, е́же глаголетѣ, вмѣлѣ; не вѣмѣ, что́ глаголетѣ. Разумѣ же и́нѣ, ѿкѡ хотѣхѣ е́гѡ вопрошѣти, и рече имѣ: ѡ сѣмѣ ли ставѣтѣся междѣ собоѡ, ѿкѡ рѣхѣ: вмѣлѣ, и не видѣте менѣ: и пакѣ вмѣлѣ, и оузрѣте мѣ; ѿмѣнѣ, ѿмѣнѣ глаголю вѣмѣ, ѿкѡ восплачѣтѣся и возрыдаѣте вы, а мѣрѣ возрадѣтѣся: вы же печальни бѣдетѣ, но печаль вѣша въ радость вѣдетѣ. Женѣ е́гда раждѣетѣ, скорѣ имѣть, ѿкѡ прійде годѣ е́лѣ: е́гда же родѣтѣ ѡтродѣ, ктомѣ не помѣнитѣ скорѣ за радость, ѿкѡ родѣсѣ человѣкѣхѣ въ мѣрѣ. И вы же печаль имѣте оубѡ нынѣ: пакѣ же оузрѣю вы, и возрадѣтѣся сѣраце вѣше, и радости вѣше. Никто́же вѣзѣметѣ ѡ вѣсѣ. И въ тоѣ дѣнь менѣ не вѣпросѣте ничесѡже. ѿмѣнѣ, ѿмѣнѣ глаголю вѣмѣ, ѿкѡ елика ѿще чѣсѡ просѣте ѡ цѣ во имѣ моѣ, дѣстѣ вѣмѣ. Досѣлѣ не просѣте ничесѡже во имѣ моѣ: просѣте, и пріймете, да радость вѣша исполнена бѣдетѣ. Всѣ въ прѣгѣхѣхѣ глаголахѣ вѣмѣ: но прійдетѣ чѣсѣ, е́гда ктомѣ въ прѣгѣхѣхѣ не глаголю вѣмѣ, но ѿвѣ ѡ ѡцѣ возвѣщѣ вѣмѣ. Въ тоѣ дѣнь во имѣ моѣ вѣпросѣте:

и не глаголю вамъ, ꙗко ѿзъ оумолю оца ѿ васъ: самъ во оцѣхъ живитъ вы, ꙗко вы менѣ возлюбисте, и вѣрываете, ꙗко ѿзъ ѿ вѣа ѿзыдохъ. ѿзыдохъ ѿ оца и прїидохъ въ міръ: и пакѣ ѿставлялю міръ и ѿѣхъ ко оцѣ. Глаголаша емоу оученицы егво: се нынѣ не ѿвиндася глаголеши, а прїтчи никоемуже не глаголеши: нынѣ вѣмы, ꙗко вѣси всѣ, и не трѣбдеша, да кто тѣ во. прошлетъ: ѿ сѣмъ вѣрдемъ, ꙗко ѿ вѣа ѿшлѣ еси. ѿвѣща ѿмъ іисъ: нынѣ ли вѣрдете; се градѣтъ часъ, и нынѣ прїиде, да разыдетсѣа кождо во своѣ, и менѣ единаго ѿставите: и нѣсмь единаго, ꙗко оцъ со мною есть. Сеѣ глаголахъ вамъ, да во мнѣ міръ ѿмате. Въ мірѣ скорбни вѣдете: но дерзайте, ꙗко ѿзъ побѣдихъ міръ. Сеѣ глагола іисъ, и возведѣ очѣ свои на небо, и рече: Оче, прїиде часъ: прослави сѣа твоего, да и сѣхъ твоѣхъ прославитъ тѣ: ꙗкоже дѣла еси емоу власть всѣмъ плоти, да всѣко еже дѣла еси емоу, дѣстъ ѿмъ животи вѣчный. Се же есть животи вѣчный, да знаютъ тебѣ единаго истиннаго вѣа, и егоче послалъ еси іисъ хрѣта. ѿзъ прослави тѣ на земли: дѣло совершихъ, еже дѣла еси мнѣ да сотворю. И нынѣ прослави мѣ тѣ, Оче, оу тебѣ самогво славою, ѿже имѣхъ оу тебѣ прѣжде міръ не вѣсть. Іивихъ ѿмъ твоѣ человекмъ, ѿхже дѣла еси мнѣ ѿ міра: твоѣ вѣша, и мнѣ ѿхъ дѣла еси, и слово твоѣ сохраниша. Нынѣ раздѣлѣша, ꙗко всѣ, елика дѣла еси мнѣ, ѿ тебѣ сѣтъ. ꙗко глаголы, ѿхже дѣла еси мнѣ, дѣхъ ѿмъ: и тѣи прїѣша, и раздѣлѣша воистинно, ꙗко ѿ тебѣ ѿзыдохъ, и вѣроваша, ꙗко ты мѣ посла. ѿзъ ѿ сѣхъ молю: не ѿ сѣмъ мірѣ молю, но ѿ тѣхъ, ѿхже дѣла еси мнѣ, ꙗко твоѣ сѣтъ. И моѣ всѣ твоѣ сѣтъ, и твоѣ моѣ: и прослави хъ въ нихъ. И ктомъ нѣсмь въ мірѣ, и сѣи въ мірѣ сѣтъ, и ѿзъ къ тебѣ градъ. Оче сѣый, совижди ѿхъ во ѿмъ твоѣ, ѿхже дѣла еси мнѣ, да вѣдѣтъ едино, ꙗкоже и мы. Вгда вѣхъ съ нами въ мірѣ, ѿзъ совиждѣхъ ѿхъ во ѿмъ твоѣ: ѿже дѣла еси мнѣ, сохранихъ, и никтоже ѿ нихъ погнѣе, токмоу сынъ погнѣельный, да свѣдетсѣа писанїе. Нынѣ же къ тебѣ градъ, и сѣѣ глаголю

вѣ мірѣ, да ѿмѣтъ радость мою ѿсполненѣ въ себѣ. Азъ дѣхъ ѿмѣ слово твоѣ, и міръ возненавидѣ ѿхъ, гакѣ не сѣтъ ѿ міра, гакѣже и азъ ѿ міра не сѣмъ. Не молю, да вѣзьмѣши ѿхъ ѿ міра, но да совладѣши ѿхъ ѿ непрѣзніи. ѿ міра не сѣтъ, гакѣже и азъ ѿ міра не сѣмъ. Свѣтѣ ѿхъ во истинѣ твоѣ: слово твоѣ истина сѣтъ. Гакѣже менѣ послалъ сѣи въ міръ, и азъ послалъ ѿхъ въ міръ: и за нѣхъ азъ свѣщѣ себѣ, да и тѣи вѣдѣтъ свѣщеніи во истинѣ. Не ѿ сѣхъ же молю тоѣмѣ, но и ѿ вѣрѣщихъ словесѣ ѿхъ радѣи въ мѣ: да всѣ едѣно сѣтъ: гакѣже ты, сѣ, во мнѣ, и азъ въ тебѣ, да и тѣи въ насѣ едѣно вѣдѣтъ: да и міръ вѣрѣ ѿметъ, гакѣ ты мѣ послалъ сѣи. И азъ слѣвѣ, ѿже далъ сѣи мнѣ, дѣхъ ѿмѣ: да вѣдѣтъ едѣно, гакѣже мѣ едѣно сѣмѣ. Азъ въ нѣхъ, и ты во мнѣ: да вѣдѣтъ свѣщеніи во едѣно, и да раздѣмѣтъ міръ, гакѣ ты мѣ послѣ, и возлюбилъ сѣи ѿхъ, гакѣже менѣ возлюбилъ сѣи. сѣ, ѿже далъ сѣи мнѣ, хоцѣ, да нѣдѣже сѣмъ азъ, и тѣи вѣдѣтъ со мноѣ: да вѣдѣтъ слѣвѣ мою, ѿже далъ сѣи мнѣ, гакѣ возлюбилъ мѣ сѣи прѣжде сложеніѣ міра. сѣ прѣный, и міръ тебѣ не позна: азъ же тѣ познахъ, и сѣи познаша, гакѣ ты мѣ послѣ. И сказѣхъ ѿмѣ ѿмѣ твоѣ, и скажѣ: да любѣ, сѣмѣ мѣ сѣи возлюбилъ, въ нѣхъ вѣдѣтъ, и азъ въ нѣхъ. И сѣмъ рѣкъ ѿнѣ, ѿзыде со оѣченикѣи своѣми на сѣмъ полѣ потоѣка кѣдрѣка, нѣдѣже вѣ вертоградѣ, вѣнѣже вѣнѣ сѣмъ и оѣченицѣи сѣмѣ.

Евангеліе второе, отъ Іоанна, зачала 58—59.

(Гл. 18, ст. 1—28.)

Во вѣмѣ сѣмѣ, ѿзыде ѿнѣ со оѣченикѣи своѣми на сѣмъ полѣ потоѣка кѣдрѣка, нѣдѣже вѣ вертоградѣ, вѣнѣже вѣнѣ сѣмъ и оѣченицѣи сѣмѣ. Вѣдѣше же ѿда предаѣи сѣмѣ мѣсто: гакѣ мноѣ жѣицѣи совѣрашѣсѣ ѿнѣ тѣ со оѣченикѣи своѣми. ѿда же прѣмѣ сѣмѣ, и ѿ архѣрѣи и фарѣсѣи сѣмѣ, прѣидѣ тѣмѣ со свѣтѣлыи и свѣщѣми и ѿрѣжѣи. ѿнѣ же вѣдѣи всѣ, градѣцѣмъ нѣмѣ,

ѿ жника свѣи, ѣмѣже пѣтрѣ оубрѣза оубо: не азъ ли тѣ видѣхъ
въ вертоградѣ съ нѣмъ; Пакѣ оубо пѣтрѣ ѡвѣржеся: и ѡвѣ пѣ-
телѣ возгласѣ. Вѣдоша же ииса ѡ каіафы въ претѡрѣ. Еѣ же
оутро: и тѣи не внидоша въ претѡрѣ, да не ѡсквернѣтелѣ, но
да гдѣтъ фѣсѣ.

Евангеліе третъе, отъ Матѣея, зачало 109.

(Гл. 26, ст. 57—75.)

В о время сѣно, конни емише ииса ведоша кз каіафѣ архіе-
реови, идѣже книжницы и старцы собрашася. Петр же
идѣше по немз издаля, до двора архіереова: и вшедъ внѣтръ,
сѣдѣше со слугами, видѣти кончинѣ. Архіерее же и старцы и
сонмъ весь искаху лже свидѣтельства на ииса, такъ да оубіютъ
его, и не оверѣтаху: и многимъ лже свидѣтелемъ пристѣпльшимъ,
не оверѣтоша. Послѣже же пристѣпиша двѣ лже свидѣтелѣ,
рѣста: сѣи рече: могѣ разорити церковь вѣю и тремъ дѣньми
создати ю. И воставъ архіерей рече емѣ: ничесѣ ли ѡбѣща-
вѣши, что сѣи на тѣ свидѣтельствуютъ; Иисъ же молчаше. И
ѡбѣщавъ архіерей рече емѣ: заклинаю тѣ вѣомъ живымъ, да
речеши намъ, аще ты еси христѣ, сѣи вѣи; Глагола емѣ иисъ:
ты рече: ѡбѣче глаголю вамъ: ѡсѣлѣ оузрите сѣа члѣвческаго
сѣдѣща о деснѣи сѣлы и грядѣща на ѡблацѣхъ небесныхъ. Тогда
архіерей растерзѣ ризы своѣ, глагола, такъ хвѣла глагола: что ещѣ
трѣбемъ свидѣтелей; сѣ нынѣ слышасте хвѣла емѣ: что сѣ вамъ
мниѣ; Сѣи же ѡбѣщавше рѣша: повиненъ еѣтъ смѣрти. Тогда
заплевѣша лицѣ емѣ, и пакости емѣ дѣлаху: ѡвѣи же за ла-
нитѣ оудариша, глаголюще: прорцы намъ, христѣ, кто еѣтъ оуда-
рей тѣ; Петр же внѣ сѣдѣше во дворѣ. И пристѣпи кз немѣ
едина рабыня, глаголющи: и ты вѣ со иисомъ галілейскимъ. Сѣи
же ѡвержеся предъ всѣми, глагола: не вѣмъ, что глаголеши. Из-
шедъ же емѣ ко вратѣмъ, оузрѣ емѣ дрѣва, и глагола имъ
тѣ: и сѣи вѣ со иисомъ назареомъ. И пакѣи ѡвержеся сѣи клѣтвомъ,

ѣкъ не зная члвѣка. Помалѣ же пристѣпѣвши стоѣщѣи, рѣша
петрѣви: воистиннѣ и ты ѿ нѣхъ еси, ѿбо вѣгда твоѣ ѣвѣ
та творѣтъ. Тогда начѣтъ рогѣтисѣ и клѣтисѣ, ѣкъ не зная
члвѣка. И ѣвѣ пѣтелѣ възгласѣ. И помани пѣтрѣ глагола ѿсовѣ,
речѣнный емѣ, ѣкъ прѣжде даже пѣтелѣ не възгласѣтъ, три-
крѣты ѿвержешисѣ мене. И ѿшѣдѣ вѣнѣ, плакаѣсѣ горыкъ.

Евангеліе четвертое, отъ Іоанна, зачала 59—60.

(Гл. 18, ст. 28—гл. 19, ст. 16.)

Во время оно, ведоша и҆са ѿ каіафы въ претѡрѣ. Бѣ же оутро: и҆ тѣмъ не видоша въ претѡрѣ, да не ѡсквернѣтсѣ, но да іадѣтсѣ фѣсѣ. Изыде же пѣлатѣ къ нимъ конѣ и҆ рече: кѡмъ рѣчь приносѣте на члѣвѣка сего; ѡбѣщаша и҆ рѣша ємѣ: а҆ще не вы былѣ сѣи слодѣи, не выхоумъ предади єго тебѣ. Рече же имъ пѣлатѣ: помнѣте єго вы, и҆ по законѣ вашему сдѣйте ємѣ. Рѣша же ємѣ іудеѣ: намъ не достѡнтѣ оубѣтити никогѡже: да слово и҆сѡво свѣдетсѣ, ѣже рече, назнаменѣа, кѡею смѣртїю хотѣше оумрѣти. Вниде же паки пѣлатѣ въ претѡрѣ, и҆ гласѣ и҆са, и҆ рече ємѣ: ты ли єси црѣ іудейскѣ; ѡбѣща ємѣ и҆сѣ: ѡ севѣ ли ты сѣ глаголеши, или нѣнѣ тебѣ рекѡша ѡ мнѣ; ѡбѣща пѣлатѣ: єда азъ жидовинъ єсмь; родъ твоѣ и҆ архіерее предаша тебѣ мнѣ: что єси сотворилѣ; ѡбѣща и҆сѣ: црѣтво моѣ нѣсть ѿ міра сего: а҆ще ѿ міра сего было вы црѣтво моѣ, слдгѣ мои оубѣ подвизѣлисѣ выша, да не предѣнѣ выхъ былѣ іудеѡмъ: нынѣ же црѣтво моѣ нѣсть ѡсѡдѣ. Рече же ємѣ пѣлатѣ: оубѣ црѣ ли єси ты; ѡбѣща и҆сѣ: ты глаголеши, іакѡ црѣ єсмь азъ. азъ на сѣе родихѣ и҆ на сѣе прѣидѡхъ въ міръ, да свидѣтельствѡю истинѣ: и҆ всѣхъ, и҆же єсть ѿ истины, послѣшаетѣ гласа моего. Глагола ємѣ пѣлатѣ: что єсть истина; и҆ сѣе рекѣ, паки изыде ко іудеѡмъ и҆ глагола имъ: азъ ни єдинѣмъ винѣ ѡверѣтѣлю въ нѣмъ. єсть же ѡвѣчѣи вамъ, да єдинаго вамъ ѡпѣщѣ на пасхѣ: хѡщете ли оубѣ, да ѡпѣщѣ вамъ црѣ іудейскѣ; возо-

піша же паки вси, глаголюще: не сего, но варава. Бѣ же варава разбойникъ. Тогда оубо пілатъ поятъ іиса, и вѣнчаго. И воины, сплетше вѣнча ѿ терніа, возложіша ємѹ на главо, и вѣ ризѹ вагранѹ ѡблекоша єго, и глаголахѹ: раддїеа, црѣ іудейскїй! И вѣяхѹ єго по ланїтома. Изыде же паки вонъ пілатъ, и глагола ѿмѹ: се извождѹ єго кама вонъ, да раздѣлите, ѡко вѣ немѹ ни єдиныа вины ѡвѣстїаю. Изыде же вонъ іиса, носѹ терновѣнъ вѣнча и вагранѹ ризѹ. И глагола ѿмѹ: се члвчскѹ. Вгда же видѣша єго архїерее и слугї, возопїша глаголюще: распїи, распїи єго. Глагола ѿмѹ пілатъ: помїте єго вы, и распїите: азъ во не ѡвѣстїаю вѣ немѹ вины. Ѣвѣщаа ємѹ іудее: мы законъ ѿмамы, и по законѹ нашему долженъ єсть оумрѣти, ѡко себѣ сїа вѣїа сотвори. Вгда же слыша пілатъ сїє слово, паче оубоа. И вїнде вѣ претѡрѹ паки, и глагола іисови: ѡкѹда єси ты? Іиса же ѡкѣта не даде ємѹ. Глагола же ємѹ пілатъ: мнѣ ли не глаголеши; не вѣси ли, ѡко власть ѿмамы распїати тѹ, и власть ѿмамы пѣстїти тѹ? Ѣвѣща іиса: не ѿмаши власти ни єдиныа на мнѣ, ѡце не вы тї данѹ свѣше: сего ради предавыи мѹ тебѣ волий грѣхѹ ѿмать. Ѣ сего ѿскаше пілатъ пѣстїти єго. Іудее же вопїяхѹ, глаголюще: ѡце сего пѣстїши, нѣси дрѹгѹ кесаревѹ: всѹхѹ, ѡже царѹ себѣ творїи, противїтєа кесарю. Пілатъ же, слышавѹ сїє слово, изведе вонъ іиса, и сѣде на єдїци, на мѣстѣ глаголемѣмѹ лїдоотрѡтѡнѹ, єврейски же гаввѹда. Бѣ же пѣтѡкѹ пѣсцѣ, часъ же ѡко шестїй. И глагола іудеѹмѹ: се црѣ вашиа. Сїи же вопїяхѹ: возьми, возьми, распїи єго. Глагола ѿмѹ пілатъ: црѣ ли кашого распїи; Ѣвѣщаа архїерее: не ѿмамы царѹ, токумѹ кесарѹ. Тогда же предаде єго ѿмѹ, да распїетєа.

Евангелїе пятое, отъ Матѡея, зачала III—II2.

(Гл. 27, ст. 3—32.)

Во время оно, видѣвѹ іуда, предавыи іиса, ѡко ѡсѣдїиша єго, расказавєа возвратїи тридєсать сребренїки архїереемѹ и

стѣрцемъ, глагола: согрѣшихъ, предавъ кровь неповиннѣю. Сѣни же рѣша: что ѣсть намъ; ты оузриши. И покѣргъ сребренники въ цѣркви, шѣде, и шѣдъ оудависа. Архїерее же, прїемше сребренники, рѣша: недостѣйно ѣсть вложити ихъ въ корванѣ: понѣже цѣнѣ крове ѣсть. Совѣтъ же сотворише, кѣпнѣша ѣмни селѣ скѣдѣльничѣ, въ погрѣванїе стѣраннымъ. Тѣмъ же наречѣса селѣ то, селѣ крове, до сегѣ дне. Тогда свѣстѣса речѣнное іеремїемъ прѣрокомъ, глаголющимъ: и прїѣша тридесѣть сребренникъ, цѣнѣ цѣненнагѣ, егѣже цѣнѣнѣша ѣ сыновѣхъ іилѣвѣхъ: и даша ѣ на селѣ скѣдѣльничѣ, ѣкоже сказа мнѣ гдѣ. Іисъ же стѣ прѣдъ игѣмѣномъ. И вопросѣ егѣ игѣмѣнѣ, глагола: ты ли еси црѣ іудѣйскїи; Іисъ же речѣ емѣ: ты глаголеши. И егдѣ нанѣ глаголахъ архїерее и стѣрцы, ничесѣже ѣвѣщаваше. Тогда глагола емѣ пїлатѣ: не слышиши ли, колїкѣ на тѣ свидѣтельствуютъ; И не ѣвѣща емѣ ни кѣ едїномѣ глагола, ѣкѣ дивїтисѣ игѣмѣнѣ сѣлѣ. На всѣхъ же прѣзденникѣ ѣвѣчай вѣ игѣмѣнѣ ѣвѣщѣти едїнагѣ народѣ свѣзна, егѣже хотѣхъ. Імѣхъ же тогда свѣзана нарѣчита, глаголемагѣ варѣвѣ. Сѣвѣраннымъ же ѣмъ, речѣ ѣмъ пїлатѣ: когѣ хочете ѣ сѣвоѣ ѣвѣщѣ вѣмъ, варѣвѣ ли, или іисѣ, глаголемагѣ хрїтѣ; вѣдѣше во, ѣкѣ завїести радѣ прѣдаша егѣ. Сѣдѣщѣ же емѣ на сѣдїци, посла кѣ немѣ женѣ егѣ, глаголюци: ничтѣже тебѣ и прѣвнникѣ томѣ: многѣ во пострадѣхъ днѣсѣ во снѣ егѣ радѣ. Архїерее же и стѣрцы навестїнѣша народѣ, да испросѣтъ варѣвѣ, іисѣ же погѣвѣтъ. ѣвѣщаѣхъ же игѣмѣнѣ, речѣ ѣмъ: когѣ хочете ѣ сѣвоѣ ѣвѣщѣ вѣмъ; Сѣни же рѣша: варѣвѣ. Глагола ѣмъ пїлатѣ: что оубѣ сотворю іисѣ, глаголемомѣ хрїтѣ; Глаголаша емѣ всѣ: да распѣтъ вѣдетъ. Игѣмѣнѣ же речѣ: коѣ оубѣ слѣ сотвори; Сѣни же ѣзлѣхѣ вопїѣхъ, глаголюще: де пропѣтъ вѣдетъ. вѣдѣвѣхъ же пїлатѣ, ѣкѣ ничтѣже оупѣвѣлетъ, но пѣче молѣ вѣвѣлетъ, прїемѣ водѣ, оумѣ рѣцѣ прѣдъ народомъ, глагола: неповиненъ есмѣ ѣ крове прѣвнагѣ сегѣ: вѣ оузрите. И ѣвѣщаѣше всѣ людѣ рѣша: кровь егѣ на насъ и на чѣдѣхъ насѣхъ. Тогда ѣвѣстѣ ѣмъ варѣвѣ: іисѣ же вѣвѣхъ прѣдадѣ ѣмъ, да егѣ про.

пнѣтъ. Тогда во́ини ѿгѣмѡнѡвы, пріѣмше іѣса на сѣдѣнціѣ, совра́ша на́нь всѣ мно́жество во́инъ. И совле́кше є́го, ѡдѣ́лаша є́го хла́мѡю червѣ́ною: и сплѣ́тше вѣ́нѣцъ ѿ тѣ́рнѣа, возложи́ша на гла́вѣ є́го, и трѡ́сть въ десни́цѣ є́го: и покло́нышася на колѣ́нѣ прѣ́д нимъ, рѣ́гашася є́мѣ, глаго́люще: ра́дѡйсѣ, цр҃ь іѡде́йскїй! И плю́нѡвше на́нь, пріѣ́ша трѡ́сть, и вѣ́хѣ по гла́вѣ є́го. И є́гда порѣ́гашася є́мѣ, совлеко́ша є́а негѡ багрѣ́ннѣцѣ, и ѡвлеко́ша є́го въ рѣ́зы є́го, и ве́доша є́го на пропѣ́тїѣ. Исхо́дѣ же ѡвѣ́рѣ́тоша чело́вѣ́ка кѡ́рннѣ́йска, ѿме́немъ сі́мѡна: и семѣ́ задѣ́ша по́нести крѣ́стъ є́го.

Евангеліе шестое, отъ Марка, зачала 67—68.

(Гл. 15, ст. 16—32.)

Во вре́мѣ сѡно, во́ини ве́доша іѣса внѣ́трѣ двора́, ѣ́же є́сть претѡ́ръ, и созва́ша всѣхъ спѣ́рѣ. И ѡвлеко́ша є́го въ пре́пѣ́дѣ, и возложи́ша на него́, сплѣ́тше, тѣ́рнѡвъ вѣ́нѣцъ: и нача́ша цѣ́ловати є́го и глаго́лати: ра́дѡйсѣ, цр҃ь іѡде́йскїй! И вѣ́хѣ є́го по гла́вѣ трѡ́стїю, и плю́вахѣ на него́, и прегнѣ́юще колѣ́на, покланѣ́хася є́мѣ. И є́гда порѣ́гашася є́мѣ, совлеко́ша є́а негѡ препѣ́дѣ и ѡвлеко́ша є́го въ рѣ́зы своѣ́: и ѿве́доша є́го, да про́пнѣтъ є́го. И задѣ́ша мимохо́дѣщѣхъ нѣ́коемѣ сі́мѡнѣ кѡ́рни́нѣю, гра́дѣщѣхъ є́а сѣла, ѡ́тцѣ а́лѣксѣ́ндрѡвѣ и рѣ́фовѣ, да вѡ́зьметъ крѣ́стъ є́го. И приве́доша є́го на голго́ѣ мѣ́сто, ѣ́же є́сть сказа́емо ло́бное мѣ́сто. И да́хѣ є́мѣ пѣ́ти є́смѣ́рнѣ́мено вѣ́но: сѡнъ же не пріѣ́тъ. И распѣ́шнѣ є́го раздѣ́лиша рѣ́зы є́го, ме́тающе жрѣ́вїи ѡ́ нихъ, кто́ что́ вѡ́зьметъ. Бѣ́ же ча́съ тре́тїй, и распѣ́ша є́го. И бѣ́ на́писанїѣ вѣ́нѣхъ є́го на́писано: цр҃ь іѡде́йскъ. И є́а нимъ распѣ́ша двѣ́ развѡ́йника: є́ди́наго ѡ́деснѡю и є́ди́наго ѡ́шнѡю є́го. И свѣ́стьсѣ на́писанїѣ, ѣ́же глаго́летъ: и со беззако́нными вѣ́нѣнѣсѣ. И мимохо́дѣщїи хѣ́лахѣ є́го, покнѣ́юще гла́вами своѣ́ми и глаго́люще: ѡ́уа́, разо́рѣ́лѣ цѣ́рковъ и тре́мѣ дѣ́ньми созида́лѣ! спѣ́сѣсѣ са́мъ и снѣ́дн со крѣ́ста. Та́коже и а́рхїе́рѣе рѣ́гашесѣ, дрѣ́гъ ко дрѣ́гѣхъ є́а кнї́жники глаго́лахѣ: ѿны

спасѣ, себѣ ли не мѡжетъ спасти; хрѣтосъ црѣ ѿлевахъ да снѣдетъ нынѣ со креста, да видѣмъ и вѣрѡ ѿмемъ ѣмѡ.

Евангеліе седьмое, отъ Матѡея, зачало 113.

(Гл. 27, ст. 33—54.)

Во время оно, пришедше воины на мѣсто, нарицаемое голгоѡда, ѣже есть крѣнѣво мѣсто, и даша ѿнѡ пѣти оцетъ съ желчію смѣшенъ: и вкушъ, не хотѣше пѣти. Распѣншій же ѡго раздѣлиша ризы ѡгѡ, вѣргше жрѣбїа: и сѣдѣще стрѣлахѡ ѡго тѡ. И возложиша верхѡ главы ѡгѡ вѣнѡ. ѡгѡ написанѡ: сѣй ѣсть ѿнѡ, црѣ ѿдѣйсїй. Тогда распѣша съ нѣмъ двѣ развѡйника: ѣдїнаго ѡдеснѡ и ѣдїнаго ѡшѡ. Шимоходѣщїи же хѡлахѡ ѡго, покрѣвѣюще главами своими и глаголюще: разорѣмъ цѣрковъ и тремѣ дѣньми созидѣмъ, спасѣмъ самъ: ѡще сѣхъ ѣсѣ вѣїи, снѣди со креста. Такожде же и архїерѣе рѡгающе, съ кнїжники и стѣрцы и фарїсеи глаголахѡ: нѣмъ спасѣ, себѣ ли не мѡжетъ спасти; ѡще црѣ ѿлевахъ ѣсть, да снѣдетъ нынѣ со креста, и вѣрѡмъ вѣ него. Оупѡвѣ на вѣа: да ѿзвѣвѣтъ нынѣ ѡго, ѡще хѡщѣтъ ѣмѡ. Речѣ во, ѿкѡ вѣїи ѣемъ сѣхъ. Тѡжде же и развѡйника распѣтаа съ нѣмъ поношѣста ѣмѡ. Ѣ шестѡгѡ же часа тѣмъ вѣстъ по всѣй землѣ до часа девѣтагѡ. Ѣ девѣтомъ же часѣ возопѣ ѿнѡ глаголюмъ вѣлѣмъ, глагола: ѿлѣ, ѿлѣ, ѿлѣ савахданѣ; ѣже ѣсть: вѣже мѡй, вѣже мѡй, вѣкѡ мѡ ѣсѣ ѡстѣвѣлъ; Нѣцыи же ѡ тѡ стоѡщїхъ слышавше, глаголахѡ, ѿкѡ ѿлѣ глашѣтъ сѣй. И ѡбїе тѣхъ ѣдїнъ ѡ нѣхъ, и прїемъ гѡвѡ, ѿполнѣхъ же оцѣта, и вѡззѣ на трѡстѣ, напѣлше ѡго. Прѡчїи же глаголахѡ: ѡстѣви, да видѣмъ, ѡще прїѣдетъ ѿлѣ спасти ѡго. ѿнѡ же, пѡкѣ возопѣхъ глаголюмъ вѣлѣмъ, ѿспѣсти дѡхъ. И сѣ завѣса цѣрковѣнаа раздрѣса на двѡе, съ вѣшнѡгѡ крѣа до нѣжнѡгѡ: и землѣ потрѣсѣса, и кѡменїе распадѣса: и грѡбѣ ѡверзѡшасѣ, и мнѡга тѣлесѡ оупѡшнѣхъ стѣїхъ востѣа: и ѿшѣдше ѿз грѡвѣхъ, по воскресѣнїи ѡгѡ, вѣнѡша во стѣїи градъ и ѿкѣнѣ.

шася мнѡзѣмъ. Сѡтникъ же ѿ ѿже съ нѣмъ стрѣдѣи іиса, видѣвъше трѣсѣ ѿ вывшаа, оубоажася зѣлѡ, глаголюще: во истиннѡ вѣи сѣх вѣ сѣи.

Евангеліе восьмое, отъ Луки, зачало III.

(Гл. 23, ст. 32—49).

Во время оно, ведѣхъ со іисомъ ѿ ѿна двѣ сладѣа, съ нѣмъ оубѣти. И егда прѣидѡша на мѣсто, нарицаемое лѡвное, тѣ распѣша егѡ ѿ сладѣа, ѡваго оубѡ ѡдеснѡю, а дрѡгаго ѡшѡню. Іисъ же глаголаше: ѡче, ѡпѡсти ѿмъ: не вѣдѣтъ во что тво- рѣтъ. Раздѣлающе же рѣзы егѡ, метѣхъ жрѣбѣа. И стоѣхъ людіе зрѣще. Рѡгахъ же ѿ кнѣзи съ нѣмъ, глаголюще: ѿныа спасѣ, да спасѣтъ ѿ себѣ, аще тоѡ естъ хрѣтѡсъ вѣи ѿзѡбранный. Рѡгахъ же еѡѡ ѿ коѡни, прѣстѡпающе ѿ ѡцетъ прѣдѣюще еѡѡ, ѿ глаголахъ: аще ты еси црѣ іѡдѣйскъ, спаси сѣа. Вѣ же ѿ написѣнїе написѣно на нѣмъ писменѡ еѡлинскимъ ѿ римскимъ ѿ еѡрейскимъ: сѣ естъ црѣ іѡдѣйскъ. Еѡнъ же ѡ ѡвѣ- шѣноу сладѣу хѡлаше егѡ, глагола: аще ты еси хрѣтѡсъ, спаси себѣ ѿ нѣу. ѡвѣщахъ же дрѡгѣи, прѣцаше еѡѡ, глагола: ни лѣ ты коѡшисѣ вѣа, ѿако въ тоѡже ѡсѡжденъ еси; И мѡ оубѡ въ прѡвѡѡ: достѡйнаа во по дѣлаѡмъ нѣу копрѣемлеѡа: сѣ же ни еѡнагѡ сла сотворѣ. И глаголаше іисѡви: помѡни мѡ, гѡѡ, егда прѣидѣши во црѣтѡи сѣ. И рече еѡѡ іисъ: аминѣ глаголю тебѣ, днѣсъ со мнѡю вѡдѣши въ раѡ. Вѣ же чѡсъ ѿако шѣстѡй, ѿ тѡмѡ вѡстъ по всѣй землѣ до часа девѣтагѡ. И помѣрче сѡлнце, ѿ завѣса церкѡвнаа раздрѣса посреѡѡ. И возглашѣ гла- сомъ вѣлѣмъ іисъ, рече: ѡче, въ рѡцѣ твоѡ предаѡ дѡхъ моѡ. И сѣа рече, ѿзѡше. Видѣвъ же сѡтникъ вѡвѣшее, просѡви вѣа, глагола: ко истиннѡ чѡвѣкъ сѣ прѡвѡденъ вѣ. И всѣ прѣшедѣи нароѡи на позѡръ сѣи, видѣще вѡвѡщаа, вѣюще пѣрсѣ своѡ, вѡзвращѣхъ. Етоахъ же всѣ знаѣмѣи егѡ ѿзѡлѣа, ѿ женѡ спѡслѣдѣствоѡвѡша еѡѡ ѡ гѡлѣен, зрѣще сѣхъ.

Евангеліе девятое, отъ Іоанна, зачало 61.

(Гл. 19, ст. 25—37.)

Во время оно, стоахъ при крестѣ іисовѣ мѣи егѡ, и сестра мѣре егѡ, маріа клеѡпова, и маріа магдаліна. Іисъ же видѣвъ мѣрѣ и оученика стоаща, егѡже любяще, глагола мѣри своей: жено, се сынъ твой. Потомъ же глагола оученикъ: се мѣи твоа. И ѿ того часа поахъ и оученикъ во своа си. Посемъ вѣдый іисъ, іакѡ вса оуже совершишася, да свѣдется писаніе, глагола: жаждѡ. Восахъ же стоаще полнъ оцта: онъ же исполнивше гвѡ оцта и на трѡсть вѡнзше, придѣша ко оустѡмъ егѡ. Егда же пріахъ оцетъ іисъ, рече: совершишася. И преклонъ главо, предаде дхъ. Іудеѣ же, понеже патѡкъ бѣ, да не ѡстанѡтъ на крестѣ тѣла въ свѣѡтъ, бѣ во великъ день тоа свѣѡты, молиша пїлатѡ, да преѡютъ голени нхъ и вѡзмѡтъ. Пріидѡша же вѡини, и пѣрвомъ оубѡ преѡиша голени, и дрѡгомъ распѡтомъ съ нѣмъ. На іисѡ же пришѣше, іакѡ видѣша егѡ оуже оумѣрша, не преѡиша емѡ голени: но едѣнъ ѿ вѡинъ копѣмъ рѣбра емѡ прокоде: и ѡвѣ нзыде кровъ и вода. И видѣвый свидѣтельствова, и истинно естъ свидѣтельство егѡ: и тоѡ вѣстъ, іакѡ истинѡ глаголетъ, да въ вѣрѡ имете. Быша во сѣѡ, да свѣдется писаніе: кость не сокрѡшѣтъ ѿ негѡ. И пакѡ дрѡгѡе писаніе глаголетъ: воззрѡтъ на нѡ, егѡже проводѡша.

Евангеліе десятое, отъ Марка, зачало 69.

(Гл. 15, ст. 43—47.)

Во время оно, пріиде іѡсифъ, иже ѿ арїмадѣѡ, благоѡбрѡженъ совѣтѣникъ, иже и тоѡ бѣ члѡ црѣвїѡ вѣїѡ, дерзѡвъ видѣ къ пїлатѡ и просѣ тѣло іисовѡ. Пїлатъ же дивѣсѡ, аще оуже оумре: и призѡвъ соѣтника, вопросѣ егѡ: аще оуже оумре; И оубѣдѣвъ ѿ соѣтника, даде тѣло іѡсифови. И кѡпѣвъ плащаницѡ, и снѣмъ егѡ, ѡѡѡтъ плащаницею: и положи егѡ во

гробѣ, ѿже бѣ изсѣченъ ѿ камене: и прикати камень надъ двѣри гроба. Маріа же магдали́на и маріа іосі́ева зрѣштѣ, гдѣ е́го̀ полага́ху.

Евангеліе одиннадцатое, отъ Іоанна, зачало 62.

(Гл. 19, ст. 38—42.)

Во время сѣно, молни пѣлата іосифъ, ѿже ѿ аримадеа, сынъ оученикъ іисовъ, потаенъ же страха ради іудейска, да возыметъ тѣло іисово: и повелѣ пѣлатъ. Пріиде же и взятъ тѣло іисово. Пріиде же и никодимъ, пришедый ко іисови ношью прежде, носивъ смѣшеніе смърнено и алоино, ѿкъ літръ сто. Пріѣста же тѣло іисово, и ѿвѣста е́ ризами со ариматы, ѿкоже ѿвѣчай е́сть іудеѣмъ погребати. Бѣ же на мѣстѣ, идѣже распя́тъ, вѣртъ, и въ вѣртѣ гробъ новъ, въ немъже николі́же никто́же положенъ бѣ. Тѣ оубо, пѣткѣ ради іудейска, ѿкъ близъ къше гробъ, положи́ста іи́а.

Евангеліе двѣнадцатое, отъ Маттея, зачало 114.

(Гл. 27, ст. 62—66.)

Во оутрѣи день, ѿже е́сть по пѣтцѣ, собрашася архіерее и фарі́сеѣ къ пѣлату, глаголюще: господи, помани́хомъ, ѿкъ льстѣцъ сѣхъ рече, е́ще сынъ живъ: по трѣхъ днѣхъ востанѣ. Повелѣ оубо оутверди́ти гробъ до третїаго днѣ, да не какъ пришѣдше оученицы е́го̀ ношью, оукра́дѣтъ е́го̀, и рекѣтъ людемъ: воста ѿ мѣртвыхъ: и вѣдетъ послѣднѣа лѣсть горша пѣрвыа. Рече же имъ пѣлатъ: имате кѣстѣдію: идѣте, оутверди́те, ѿкоже вѣ́сте. Сѣни же шѣдше оутверди́ша гробъ, знаменова́ше камень съ кѣстѣдію.

БЛАГОСТНАЯ ВѢСТЬ О ВОСКРЕСЕНИИ ХРИСТА.

Въ вечеръ съвѣщѣнный, свѣтающеи во єдинѣ ѿ съвѣщѣхъ, прїиде марїа магдалїна, и другѣа марїа, видѣти грѣбъ. И сѣ трѣхъ вѣсть вѣлїи: ѡгладъ во гдѣнь сшѣдъ съ нѣсѣ, прїстѣплѣ ѿвалѣи кѣмень ѿ двѣри грѣба, и сѣдѣше на немъ. Бѣ же зрѣкъ єгѡ ѡакѡ молиѣа, и ѡдѣѣніе єгѡ вѣло ѡакѡ снѣгъ. ѿ страха же єгѡ соотраѣсѣсѣ стрегѣщїи, и вѣша ѡакѡ мѣртви. ѿвѣщаѣхъ же ѡгладъ, рече женѣмъ: не бойтесѣ вѣ: вѣмъ во, ѡакѡ іиса распѣаго ищете. Нѣсть здѣ: воста во, ѡакѡже рече: прїидїте, видїте мѣсто, и дѣже лежѣа гдѣ. И скорѡ шѣдшѣ рцыте ѡученикѡмъ єгѡ, ѡакѡ воста ѿ мѣртвыхъ, и сѣ вѣдетъ вѣ въ галїлею: тамъ єгѡ ѡзрїте: сѣ рѣхъ вѣмъ. И ишѣдшѣ скорѡ ѿ грѣба со страхомъ и радѡстїю вѣлїю, текѡстѣ възвѣстїти ѡученикѡмъ єгѡ. Бгдѣ же и дѣстѣ възвѣстїти ѡученикѡмъ єгѡ, и сѣ іисъ срѣте ѡ, глагола: радѣйтесѣ. ѿнѣ же прїстѣплѣшѣ ѡстѣсѣа за нѡзѣ єгѡ, и поклонїстѣсѣа ємѣ. Тогда глагола ѡма іисъ: не бойтесѣ: и дїте, възвѣстїте вратїи моїи, да и дѣтъ въ галїлею, и тѣ ма видѣтъ. И дѣщема же ѡма, сѣ нѣцыи ѿ кѣстѡдїи прїшѣдше во градъ, възвѣстїша ѡрхїерѣѡмъ всѣа вѣвшаа. И совѣрѣшесѣа со стѣрцы, совѣтъ сотворїша, сѣвереники доволѣны дѣша воїновъ, глаголюще: рцыте, ѡакѡ ѡученицы єгѡ нѡщїю прїшѣдше ѡукрадоша єгѡ, нѣмъ спѣщымъ. И ѡще сѣ ѡслѣшѣано вѣдетъ ѡу и гѣмѡна, мы ѡутолїмъ єгѡ, и вѣсѣ безпѣальны сотворїмъ. ѿнї же прїемше сѣвереники, сотворїша, ѡакѡже на дѣни вѣша. И промчѣсѣа слѡво сѣе во іудѣехъ дѣже до сегѡ днѣ.

Єдинїи же на дѣсѣте ѡученицы и дѡша въ галїлею, въ горѣ, ѡможе повелѣ ѡмъ іисъ. И видѣвше єгѡ, поклонїшасѣа ємѣ: ѿви же ѡсѣдмѣшасѣа. И прїстѣплѣ іисъ, рече ѡмъ, глагола: дѣдѣсѣ мнѣ всѣа вѣасть на нѣсїи и на землїи. Шѣдше ѡуѡ на дѣчїте всѣа ѡзыки, крѣѣще ѡхъ во ѡма ѡца и сїа и стѣгѡ дѣа, ѡучѣще ѡхъ вѣстїи всѣа, єлїка заповѣдахъ вѣмъ: и сѣ ѡзѣ съ вѣми єсѣмъ во всѣа днї, до скончѣнїа вѣка. ѡмїнь. (Матѡеѣ, зач. 115 и 116.)

Толковый словарь малопонятных словъ *).

А.

Абажуръ, колпакъ, надѣваемый на лампу, для направленія свѣта внизъ.

Абрикосы, плоды абрикосоваго дерева (изъ породы сливъ), растущаго въ теплыхъ краяхъ.

Академія, высшее учебное заведеніе, напр., духовная академія, военномедицинская академія и т. д.

Актеръ, играющій въ театрѣ, артистъ; искусно притворяющійся человѣкъ, лицеѣръ.

Акула, громадная хищная рыба, живущая въ моряхъ.

Александрія, большой древній городъ въ Африкѣ, на берегу Средиземнаго моря.

Аллея, дорожка, обсаженная деревьями.

Алмазъ, драгоценный камень, — самый твердый изъ всѣхъ минераловъ.

Алтай, горная мѣстность въ восточной Сибири.

Алчность, ненасытность, жадность.

Альма, рѣка въ Крыму.

Аммуниція, вещи, относящіяся къ снабженію солдатъ.

Амфитеатръ, мѣста для зрителей или слушателей, расположенныя полукругомъ и постепенно возвышающимися рядами.

Андреевская лента, лента Андреевскаго ордена, который возлагается на членовъ Императорскаго Дома.

Антилопа, жвачное животное, похожее на оленя.

Антиминсъ, напрестольный шелковый платъ съ вложенной въ него частицей мощей и съ изображеніемъ Господа во гробѣ. Безъ него не совершается литургія.

Аппаратъ, приборъ, снарядъ, приспособленіе.

Арабъ, житель Аравіи, юг.-зап. полуострова Азіи.

Арагва, рѣка на Кавказѣ.

Арканъ, веревка съ петлей на концѣ, для ловли лошадей, быковъ и пр.

Армада, многочисленный флотъ.

Ароматъ, пріятный запахъ.

Архимандритъ, настоятель мужскаго монастыря.

Атаманъ, начальникъ, предводитель, главарь.

Аудіенція, приемъ посѣтителей, просителей, царемъ или сановникомъ.

Ауль, деревня кавказскихъ горцевъ.

Б.

Багряный, ярко-красный, кроваво-красный.

Балдахинъ, нарядный навѣсъ надъ чѣмъ-либо, напр., надъ престоломъ, сѣдалищемъ, кроватью.

Балканы, гористый полуостровъ на югѣ Европы.

Балъ, съѣздъ, вечернее собраніе людей для веселья.

Баракъ, деревянная временная постройка для размѣщенія войска, раненыхъ или рабочихъ.

*) Учитель долженъ научить учениковъ пользоваться этимъ словаремъ.

Барельефъ, выпуклое изображеніе на плоскости.

Баркасъ, большое гребное судно для перевозки лошадей и тяжестей.

Баскаки, сборщики дани на Руси во время монгольскаго ига.

Бастіонъ, выдающаяся часть крѣпостной ограды.

Басурманъ, невѣрный, нехристіанинъ, мусульманинъ, или вообще всякій иноземецъ или иновѣрецъ.

Батарея, нѣсколько боевыхъ орудій, пушекъ, расположенныхъ въ одномъ мѣстѣ для совмѣстнаго дѣйствія.

Бахилы, большіе, высокіе сапоги для хожденія по болотамъ и топкимъ, сырымъ мѣстамъ.

Баштанъ, или **бахча**, огородъ въ полѣ, гдѣ разводятся преимущественно арбузы, дыни, огурцы.

Бдительный, заботливый, внимательный.

Беззавѣтно, самоотверженно, безкорыстно.

Бенгалія, область въ Индіи, въ Азіи.

Бердышъ, старинное оружіе, представляющее продолговатый топоръ на длинномъ роговищѣ.

Библіотека, собраніе болѣе или менѣе значительнаго количества книгъ; мѣсто храненія книгъ.

Бивакъ, мѣсто расположенія войска подъ открытымъ небомъ для отдыха.

Бисеръ, мелкія стеклянныя или металлическія бусы, употребл. для украш. женск. нарядовъ; на церковномъ языкѣ—жемчугъ.

Біографія, описаніе жизни какого-нибудь человѣка.

Бойницы, прорѣзы въ башняхъ или крѣпостныхъ стѣнахъ для стрѣльбы изъ пушекъ и ружей.

Бортъ, край судна.

Боръ, густой хвойный лѣсъ.

Ботъ, небольшое одномачтовое судно.

Бремя, беремя, тяжесть, ноша.

Буекъ, поплавокъ надъ якоремъ.

Буйволъ, дикій быкъ.

Бухта, небольшой морской заливъ, удобный для стоянки кораблей.

Былина, рассказъ о томъ, что было въ старину, рассказъ о богатыряхъ.

В.

Ваія, пальмовая вѣтвь, верба.

Валунъ, твердый камень, округленный самой природой.

Варваръ, человѣкъ необразованный, грубый, жестокий.

Вареги, рукавицы.

Вахта, дежурство, караулъ на суднѣ.

Вахтенный, караульный на суднѣ.

Вдохновеніе, высшее духовное состояніе, настроеніе; необычайное проявленіе умственныхъ силъ.

Векша, бѣлка.

Венгрія, королевство, составная часть имперіи Австро-Венгрии; находится въ Европѣ, на западъ отъ Россіи.

Вереница, расположеніе чего-либо рядомъ, одного за другимъ, гуськомъ.

Вериги, желѣзныя цѣпи, оковы, носимыя подвижниками на голомъ тѣлѣ, для смиренія плоти.

Вертепъ, пещера; скрытый притонъ.

Вертикально, отвѣсно, сверху внизъ.

Верфъ, мѣсто для постройки и починки судовъ.

Ветеранъ, старый, заслуженный воинъ или общественный дѣятель.

Витязь, воинъ, герой, рыцарь.

Власяница, грубая одежда изъ волоса, которую носятъ подвижники.

Водопадъ, рѣка или потокъ, падающій съ крутизны.

Волочекъ, **Вышній Волочекъ**, уѣздн. гор. Тверской губ.

Вольга, имя одного русскаго богатыря.

Вотще, напрасно, бесполезно.

Впечатлѣніе, дѣйствіе, вліяніе, слѣдъ.

Врачевать, лечить, исцѣлять.

Врачъ, докторъ, лекаръ.

Втора, вторая скрипка.

Вуокса, рѣка въ Финляндіи, вытекаетъ изъ озера Сайма и образуется на своемъ пути водопадъ Иматру.

Вѣроломство, нарушеніе клятвы, данного слова; грубое злоупотребленіе довѣріемъ.

Вѣщій, кто вѣщаетъ, предсказываетъ будущее, прорицатель; мудрый, умный.

Г.

Гавань, мѣсто у берега моря, удобное для стоянки кораблей.

Галлерей, длинный узкій ходъ, корридоръ.

Гармонія, благозвучіе, стройное согласіе звуковъ въ пѣніи или музыкѣ.

Гарнизонъ, войско, находящееся въ городѣ для охраны въ мирное или военное время.

Гарцовать, ѣздить ловко, молодецки на конѣ.

Геніальный, необыкновенно одаренный отъ природы, самобытный.

Геній, безплотный духъ; необычайное природное дарованіе.

Герань, растеніе съ красными цвѣтами; раст. въ жарк. стр., у насъ развод. въ комнатахъ.

Гетманъ, войсковой атаманъ, начальникъ.

Гигантскій, огромный, громадный; величественный.

Гимнъ, торжественная пѣснь.

Гіена, хищное животное, величиною съ волка; живетъ въ жаркихъ странахъ Азіи и Африки.

Гласный судъ, нетайный, открытый для всѣхъ.

Горизонтъ, окраина земной поверхности, небосклонъ, кругозоръ.

Горній, небесный, вверху находящійся.

Гофмаршалъ, придворный сановникъ.

Граціозный, красивый, скромно-привлекательный, прелестный; съ красивыми движеніями.

Д.

Дагестанскій, отъ сл. Дагестанъ, Дагестанская область на Кавказѣ.

Дарьялъ, ущелье на Кавказѣ.

Дебри, трудно проходимое, заросшее мѣсто.

Деликатный, вѣжливый, негрубый, нѣжный.

Дельфинъ, хищное морское млекопитающее животное, изъ семейства рыбообразныхъ; достигаетъ 10 ф. длины.

Дефилей, тѣснины, узкій проходъ.

Динамитъ, взрывчатое вещество, болѣе сильное, чѣмъ порохъ.

Дискъ, плоскій, каменный или металлическій кружокъ.

Долу, внизъ.

До-пабѣдья, до обѣда, до полудня.

Дресва, крупный песокъ.

Дрохва, или дрофа, или дудакъ, большая птица, живущая въ степяхъ Россіи.

Дружина, отборное войско (древнихъ русскихъ князей или богатырей).

Е.

Енисей, рѣка въ Сибири, впадающая въ С.-Лед. океанъ.

Епархія, область или край, управляемый по дѣламъ духовнымъ архіереемъ.

Еретикъ, вѣроотступникъ, раскольникъ, неправильно вѣрующій.

Естественный законъ, законъ самой природы.

Ж.

Жамкать, сильно и быстро сжимать.

Жемчугъ, самородные драгоценные шарики, образующіеся въ раковинахъ морского животнаго—жемчужницы.

Жимолость, дерево или кустъ.

З.

Завѣтный, завѣщанный, преданный по завѣту; задушевный, тайный, свято-храпимый.

Заль, залo, зала, большая, лучшая комната въ домѣ; обширная комната для общественныхъ собраний.

Запорожцы, въ старину вольные малороссійск. казаки, жившіе въ Запорожской Сѣчи, за порогами Днѣпра; жили военными набѣгами.

Заправскій, настоящій, неподдѣльный.

Запруда, плотина.

Заросль, кустарникъ, молодые побѣги деревьевъ.

Застава, загражденіе на дорогахъ и въѣздахъ для временной задержки, опроса и т. д.

Застрѣха, нижній край крыши, навѣсъ крыши.

Застѣнчивый, стыдливый, несмѣлый.

Зигзаги, ломанная линія.

Зловѣщій, предсказывающій зло, предвѣщающій горе.

Знаменованье, обозначеніе, наложеніе знака, знаменовать—осѣнять себя крестомъ, креститься.

Зыбѣ, волненіе на водѣ, волны.

И.

Игуменъ, настоятель монастыря.

Ижорянинъ, живущій на рѣкѣ Ижорѣ, притокѣ Невы.

Извергъ, скверный человѣкъ, злодѣй.

Изступленіе, состояніе человѣка, вышедшаго изъ себя.

Изумрудъ, драгоценный камень зеленого цвѣта.

Иллюминація, освѣщеніе зданій разноцвѣтными огнями, по какому-либо торжественному случаю.

Индивидуальный, личный, частный, свой, особый.

Инокognito, тайно, секретно.

Интересный, занимательный, увлекающій, любопытный.

Интересъ, польза, выгода, прибыль, занимательность.

Исполнить, великанъ.

Истокъ, начало рѣки, мѣсто, откуда она истекаетъ.

К.

Кабанъ, дикая свинья; очень сильное животное съ громадными клыками.

Кабарга, или **Козуля**, дикое безрогое, жвачное животное.

Казбекъ, высочайшая гора на Кавказѣ.

Казань, губ. гор. на Волгѣ.

Калмыки, кочующій народъ монгольскаго племени, живущій въ Юго-Вост. Россіи, въ Прикаспійскихъ степяхъ.

Камзолъ, старинное платье, родъ кафтана, безъ рукавовъ.

Камилавка, головной уборъ, шапка, знакъ отличія духовенства.

Канитель, тончайшая золотая, серебряная или мѣдн. проволока, употребляемая для вышиванія; бесплодный, длинный и скучный разговоръ.

Караванъ, обозъ; верблюды съ кладью въ степи или въ пустынь.

Караковый, темно-гнѣдой, почти вороной.

Карнизъ, украшеніе въ стѣнѣ выступомъ, уступчатой полкой, подъ кровлею, подъ потолкомъ.

Картечь, особый артиллерійскій снарядъ, наполненный пулями; ружейныя пули.

Каспій, Каспійское море, на Юго-Вост. Россіи.

Катафалкъ, четырехъ-угольное возвышеніе, на которое ставится гробъ во время похоронъ.

Кашей-мужикъ, скряга, скупой, ростовщикъ.

Каюта, комнатка на суднѣ, на пароходѣ.

Квартетъ, музыка въ четыре голоса или четыре инструмента.

Келарь, монахъ, завѣдующій монастырскими съѣтными припасами.

Киверъ, высокій военный головной уборъ.

Кизиль, кустарникъ, раст. на Кавказѣ и въ Крыму; стволъ его идетъ на отдѣлку гнутой мебели; ягоды употребляются въ пищу.

Километръ, мѣра длины, равная 1000 метрамъ, или около версты.

Киса, мѣшокъ, сумка.

Клапанъ, крышка, открывающаяся въ одну сторону; напр., въ насосахъ.

Клиръ, собраніе священно и церковно-служителей; церковный причтъ.

Клобукъ, головной уборъ монаховъ, съ покрываломъ.

Кознь, злой, тайный умыселъ; злое дѣло.

Колонна, столбъ; подставка.

Колоссальный, чрезвычайно великій, громаднхъ размѣровъ.

Композиторъ, сочинитель музыкальных произведеній.

Концертъ, исполненіе музыкальных произведеній передъ публикой.

Коралль, или полипнякъ, роговой или известковый остовъ, на которомъ живутъ микроскопич. морскія жив.; краснаго цвѣта, употребл. на украшенія.

Корма, задній конецъ судна.

Корпѣтъ, надъ чѣмъ-нибудь усидчиво заниматься, долго и настойчиво работать, копать.

Корчевать, выворачивать деревья съ кореньями, очищать мѣсто изъ-подъ лѣса для пашни.

Крашенина, крашеный холстъ, обыкновенно синій.

Крутизна, обрывъ, утесъ.

Крымъ, полуостровъ на югѣ Россіи, у Чернаго моря.

Кудесникъ, волшебникъ, колдунъ, чародѣй.

Куница, небольшое хищное животное, съ пушистымъ хвостомъ, красивымъ мѣхомъ.

Кунсткамера, музей, собраніе рѣдкостей.

Куполь, круглый сводъ, крыша полушаромъ.

Курганъ, насыпанный холмъ, древняя могила.

Курьеръ, гонецъ.

Куца, палатка.

Л.

Лава, мостки, перекинутые чрезъ ручей; смѣсь расплавленныхъ горнокаменныхъ породъ, истекающихъ изъ огнедышащихъ горъ.

Лавировать, на парусныхъ судахъ идти противъ вѣтра, изгибами; мѣнять направленіе; уклоняться отъ прямого отвѣта или дѣйствія.

Лагерь, мѣсто стоянки войска.

Ладoga, городъ; Ладожское озеро, находящееся въ сѣверной Россіи, изъ котораго вытекаетъ р. Невы.

Лазаретъ, больница.

Ландшафтъ, или пейзажъ, видъ природы; картина, изображающая живописную мѣстность.

Лапландія, страна на сѣверѣ Европы, по берегу Сѣвернаго Ледовитаго океана.

Ларецъ, ларчикъ, ящичекъ, сундучекъ, шкатулка, обычно съ замкомъ для храненія денегъ или цѣнныхъ мелкихъ вещей.

Лафетъ, станокъ, на которомъ помещается пушка.

Легенда, чудесное сказаніе о чемъ-либо священномъ.

Лепта, древне-еврейская мелкая монета, денежка, или грошъ.

Лиманъ, широкое устье рѣки, впадающей въ море.

Лира, музыкальный инструментъ древнихъ грековъ.

Литва, прежде было отдѣльное княжество, а теперь сѣверо-западныя губерніи Россіи.

Литература, собраніе словесныхъ или письменныхъ произведеній какого-либо народа или отдѣльных писателей, или народныя сочиненія.

Личинка, низшая, слѣдующая за яйцомъ, ступень развитія насѣкомыхъ.

Ловчій, старшій охотникъ.
Ложа, отдѣльное мѣсто въ театрѣ для 4—8 зрителей.
Лотерея, игра въ счастье, гдѣ на извѣстное число билетовъ бываетъ опредѣленное количество выигрышей.
Лопманъ, проводникъ судовъ, знающій опасныя мѣста въ тѣхъ или иныхъ водахъ.
Лука, дуга, изгибъ, кривизна, заворотъ рѣки.
Лунь, хищная птица, свѣтло-сѣраго, почти бѣлаго цвѣта.
Ляхъ, полякъ.

М.

Малахитъ, камень, минераль темно-зеленаго цвѣта, въ составъ котораго входитъ мѣдь.
Мановеніе, знакъ рукой; приказаніе.
Мантия, широкая одежда, плащъ, безъ рукавовъ, постепенно расширяющаяся книзу и ниспадающая до земли.
Маслина, плодъ масличнаго дерева, изъ котораго добывается деревянное масло; растетъ въ М. Азіи.
Массивный, плотный, толстый, прочный.
Маститый, достигшій зрѣлаго возраста; почтенный, уважаемый.
Маховое колесо или маховикъ, тяжелое колесо, уравнивающее своимъ движеніемъ ходъ машины.
Мертвое море, озеро въ Палестинѣ, съ горько-соленой водой, въ которомъ отсутствуетъ животная жизнь.
Механика, искусство строить машины, примѣнять силу къ дѣлу; наука выгоднаго приспособленія силъ.
Механикъ, строитель машинъ; машинистъ.
Минералогія, наука о минералахъ, о камняхъ.
Минея, богослужебная книга, содержащая церковныя пѣснопѣнія.

Четья-миня, житія святыхъ.
Митрополитъ, архіерей столичнаго, или бывшаго столичнымъ, города.
Модель, воспроизведеніе предмета въ уменьшенномъ видѣ.
Моллюски, особый типъ мягкотѣлыхъ безпозвоночныхъ животныхъ.
Мордва, инородческое племя, живущее въ Нижегород., Пензенской, Саратов., Сибир. и Тамбов. губ.
Мортира, особая пушка.
Мрежи, сѣти.
Мусульманскій, отъ слова мусульманинъ—послѣдователь Магомета.

Н.

Надменный, гордый, кичливый, спесивый.
Наивный, простой, простодушный, по-дѣтски откровенный.
Накладъ, убытокъ.
Нары, досчатый широкой помостъ для спанья въ казармахъ и крестьянскихъ избахъ.
Настъ, отвердѣвшій снѣгъ, по которому можно ходить, не проваливаясь.
Недоброхотъ, недоброжелатель, врагъ.
Неограниченный, ничѣмъ не стѣсняемый, свободный; имѣющій полную власть.
Непосредственный, прямой, прямодушный.
Непривѣтливый, угрюмый, невеселый, неласковый.
Непритворный, искренній, правдивый.
Несовратный, твердый, котораго нельзя совратить съ намѣченнаго пути.
Неуклонный, неуклоняющійся отъ извѣстнаго пути, стойкій, твердый.
Низовый житель, живущій по нижнему теченію Волги.
Ниспадать, падать внизъ.

О.

Обагрять, дѣлать краснымъ; покрыть кровью.
Обжи, отглобли сохи.

Обрамлять, окружать рамой, каймой.

Огнедышащая гора, гора, которая по временамъ извергаетъ изъ нѣдръ земли пламя, дымъ, пепелъ, лаву и пр.

Окаймлять, окружать каймой.

Околотокъ, окрестность; часть города.

Олеандръ, растеніе съ узкими листьями и розовыми или бѣлыми цвѣтами; раст. въ жарк. стран. и развод. въ комнатахъ.

Олимпъ, гора въ Греціи; по понятіямъ древнихъ грековъ, Олимпъ—мѣсто пребыванія боговъ.

Опальный, подпавшій гнѣву, опалѣ.

Опричники, тѣлохранители царя Іоанна Грознаго, отличавшіеся жестокостью и произволомъ.

Опрометью, быстро, сломя голову.

Организмъ, всякое живое существо, животное и растительное.

Орда, кочующее племя, подъ управленіемъ хана. Толпа, арава, скопище народа.

Осанистый, стройный, величавый.

Осетины, одна изъ кавказскихъ народностей, живущая въ средней части Кавказа.

Остолбенѣть, отъ сильнаго удивленія или страха сдѣлаться неподвижнымъ, какъ столбъ.

Оторопѣть, сильно испугаться, отъ испуга потерять и не знать, что дѣлать.

Офеня-коробейникъ, странствующіе по деревнямъ и городамъ разносчики различнаго товара.

Очагъ, шестокъ; домашній очагъ—своя семья, своя изба.

II.

Падь, впадина, низкое мѣсто.

Палестинскій, отъ слова Палестина—Святая Земля, гдѣ родился, жилъ и страдалъ Іисусъ Христосъ.

Палица, дубина для обороны; палица, желѣзная лопаточка, которой очищаютъ прилипшую къ сошникамъ землю.

Паломникъ, богомолецъ, странникъ по святымъ мѣстамъ.

Палуба, полъ на корабляхъ и др. судахъ.

Паникадило, церковный свѣщникъ, подвѣсный свѣтильникъ со многими свѣчами.

Пансіонъ, учебно-воспитательное закрытое заведеніе.

Панъ, польскій помѣщикъ.

Парадъ, смотръ войскамъ; праздничный уборъ.

Параллельно, параллельныя линіи—линіи, идущія по одному направленію, никогда не встрѣчающіяся, какъ двѣ колесы одной и той же дороги.

Парижъ, главный городъ Франціи.

Парикъ, головной уборъ изъ волосъ; накладные волосы.

Парить, во время полета держаться въ воздухѣ на одной высотѣ.

Пасынокъ, неродной сынъ.

Патріархъ, праотецъ, родоначальникъ; высшій, верховный, въ санѣ епископа, начальникъ духовенства въ государствѣ или области.

Пеналъ, ящичекъ для карандашей и перьевъ.

Перевалъ, высшее мѣсто въ горной дорогѣ.

Перегонной, перегнанный навозъ.

Персикъ, плодъ особаго дерева, раст. въ теплыхъ странахъ.

Персона, человѣкъ, лицо.

Пестикъ, важнѣйшая часть цвѣтка, изъ которой развивается плодъ.

Пирамида, многогранникъ, нижняя часть котораго есть плоскій многоугольникъ, а всѣ прочія стороны суть треугольники, вершины которыхъ сходятся въ одной точкѣ; островерхое тѣло на широкой подосвѣ съ откосыми боками.

Питъ, поэтъ, стихотворецъ.

Пионъ, растеніе, съ красными или бѣлыми цвѣтами.

Пламенѣть, пылать, горѣть; имѣть сильное желаніе.

Платформа, помость; вагонъ безъ стѣнъ и крыши.

Плащъ, широкая одежда; безрукавая накидка.

Плѣнять, брать въ плѣнъ; прельщать, подчинять себѣ, не насилуя.

Подручный, помощникъ, младшій.

Позиція, мѣстность, занимаемая войскомъ.

Полонить, взять въ полонъ, взять въ плѣнъ.

Полонъ, плѣнъ.

Пороги, камни, возвышающіеся на днѣ рѣкъ, чрезъ которые вода стремительно течетъ или падаетъ, и которые мѣшаютъ судоходству.

Португалія, небольшое королевство въ Западной Европѣ, на берегу Атлантическаго океана.

Португеза, перевязь черезъ плечо, или поясъ для ношенія сабли или пашки.

Порфиноносная, носящая царскую порфиру, царица.

Посадникъ, въ древней Руси сановникъ, управляющій городомъ, выборный или по назначенію отъ князя.

Посадъ, большое поселеніе или городская слобода.

Потрясеніе, сильная душевная тревога; большое горе.

Потушить взоръ, опустить глаза внизъ.

Поэтичный, красивый, изящный.

Пращъ, или праща, древнее ручное орудіе для метанія небольшихъ камней.

Превозмочь, пересилить, побороть, побѣдить.

Преданіе, рассказъ о прошломъ, или повѣствованіе, передаваемое устно отъ предковъ потомкамъ.

Презрѣть, презирать, считать ничтожнымъ, подлымъ, недостойнымъ.

Преніе, споръ, обсужденіе спорнаго вопроса.

Прессъ, приборъ, приспособленіе для сдавливанія.

Признательный, благодарный, чувствующій благодарность, признающій заслугу.

Призракъ, привидѣніе.

Прима, первая скрипка, которая даетъ самыя высокія ноты.

Пристальный, внимательный.

Притулиться, прижаться, прилечь; спрятаться.

Пріязнь, любовь, расположеніе, дружба.

Проводникъ, провожатый.

Произволъ, самоволіе, беззаконіе.

Прологъ, введеніе, вступленіе, предисловіе къ сочиненію; церковная книга, содержащая краткія житія святыхъ и поученія на годичные праздники.

Простирать (руки), протягивать (руки); распространять, ширить, разстилать.

Профессоръ, преподаватель, учитель въ высшемъ учебномъ заведеніи.

Профиль, изображеніе или видъ сбоку.

Процессія, шествіе, торжественный ходъ, печальное шествіе.

Пруссія, королевство, составная часть Германской имперіи.

Пунцовый, красный.

Пурпуръ, пурпурный, темно-красный, багрово-красный.

Пытка, допросъ съ истязаніями, съ муками.

Пытливый, любознательный, склонный доискиваться всего, доходить до причинъ, знать и понимать все.

Р.

Раболѣпіе, рабское поклоненіе, униженіе, низкопоклонство.

Равнина, ровное мѣсто на землѣ, безъ горъ и холмовъ.

Радужный, гостепріимный, привѣтливый.

Разсѣлина, трещина, оврагъ, горный вертепъ.

Расколъ, отступленіе отъ ученія и правилъ православной церкви.

Ратовать, защищать, спасать.

Рать, войско.

Рдѣть, краснѣть; дѣлаться огненнымъ.

Ревностный, усердный.

Редутъ, небольшое отдѣльное укрѣпленіе.

Рейдъ, или портъ, гавань, мѣсто, защищенное отъ волненій и удобное для стоянки кораблей.

Рейсъ, путь, проходимый судномъ отъ одного порта до другого.

Религіозный, вѣрующій.

Римскій папа, глава, высшее духовное лицо въ римско-католической церкви.

Философъ, мудрецъ, любитель мудрости.

Розанель, растеніе герань.

Рохля, разиня, неповоротливый, лѣнивый, тупой, неряха.

Рубинъ, драгоценный камень ярко-краснаго цвѣта.

Руда, земляная, песчаная или каменная порода, изъ которой добывается какой-нибудь металлъ, напр., желѣзо, мѣдь.

Руина, развалина.

Руководить, управлять.

Руль, важнѣйшая принадлежность всякаго судна, служащая для управленія имъ.

Рысь, дикое, хищное животное, водится въ глухихъ лѣсахъ.

С.

Саванъ, бѣлое одѣяніе, въ которомъ хоронили раньше (иногда хоронятъ и теперь) умершихъ.

Сага, скандинавская повѣсть, сказаніе.

Сакля, хижина, избушка на Кавказѣ.

Самоѣды, кочевой народъ, жив. на сѣверѣ Россіи.

Санитаръ, помогающій врачу при уходѣ за больными и заботящійся объ ихъ чистотѣ и здоровьѣ.

Сафиръ, или сапфиръ, драгоценный камень.

Сбоина, выжимка, полученная при выжиманіи масла изъ масличныхъ сѣмянъ; жмыхи.

Сверстникъ, одноклассникъ, имѣющій столько же лѣтъ.

Свирѣль, народный духовой инструментъ изъ дерева или древесной коры.

Севастополь, городъ на южн. бер. Крымскаго полуострова. Извѣстенъ по Крымской войнѣ, когда онъ 11 мѣс. выдержалъ непріятельскую осаду.

Секретъ, тайна.

Сержантъ, прежнее названіе старшаго или взводнаго унтеръ-офицера.

Серна, млекопитающее горное животное; живетъ стадами.

Серьезный, важный, нужный; вдумчивый, умный.

Сигналъ, условный знакъ для передачи извѣстій или приказаній.

Сигнальщикъ, кто подаетъ сигналъ.

Синопъ, городъ въ М. Азіи, на южномъ берегу Чернаго моря, гдѣ былъ разбитъ въ 1853 г. турецкій флотъ.

Система, стройное расположеніе, извѣстный порядокъ, послѣдовательность.

Скандинавія, государства сѣверной Европы—Швеція и Норвегія.

Скорбный, отъ слова скорбь; печальный, страдающій; тяжелый.

Скульптура, или ваяніе, искусство дѣлать статуи, фигуры изъ камня, дерева, металла или глины.

Скуфейка, скуфья, остроконечная шапка, которою награждаются за служенные священники, для пошенія на головѣ.

Смерчъ, громадный вихрь на морѣ или въ пустынѣ, поднимающійся до облаковъ.

Смирна, торговый городъ въ Азіатской Турціи.

Смычекъ, деревянная палочка, съ натянутыми конскими волосами, употребляемая для игры на струнныхъ инструментахъ.

Снасти, веревки, употребляемыя на рѣчныхъ или морскихъ судахъ.

Соболь, хищное животное, съ пушистымъ хвостомъ, мягкимъ, очень дорогимъ мѣхомъ; водится въ Азіи.

Соловый, свѣтло-желтой масти.
Сплюснуть, сжать, сдавить.
Сположъ, сѣверное сіяніе.
Статный, стройный, красивый.
Стихія, сила природы; у древнихъ четыре стихіи: огонь, воздухъ, вода и земля.
Стремнина, обрывъ.
Студентъ, учащійся въ высшемъ учебномъ заведеніи.
Суевѣріе, вѣра въ то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ; напр., вѣра въ домовыхъ, вѣдьмъ, въ наговоры, въ примѣты и т. п.
Сумрачный, мрачный, невеселый.
Сусликъ, небольшое вредное жив., изъ породы грызуновъ.
Схима, особое монашеское одѣяніе, надѣваемое принимающими обѣтъ особо-строгой монашеской жизни.
Сцена, отдѣльное событіе, случай; часть театральной залы, на которой происходитъ исполненіе актерами пьесы.
Сѣчь, см. Запорожье.

Т.

Тагильскіе рудники—въ Пермской губерніи, на Уралѣ.
Тайга, глухіе лѣса Сибири.
Талантливый, даровитый.
Талантъ, особое природное дарованіе человѣка.
Тамариндъ, вѣчнозеленое дерево, которое разводится въ жаркихъ странахъ; плоды употребляются въ медицинѣ.
Тароватый, щедрый, нескупой.
Терекъ, горная р. на Кавказѣ.
Терзаніе, мученіе.
Тетеревъ, лѣсная, дикая птица.
Типографія, заведеніе для печатанія книгъ или газетъ.
Тисненіе, печатаніе буквъ, словъ или рисунковъ.
Тиара, головной уборъ древнихъ восточныхъ царей; папская тиара—тройная корона, особая митра, украшенная драгоценными камнями, которую носитъ римскій папа.

Томный, отъ слова **томить**, томный взглядъ, утомленный взглядъ; томящій.
Тонъ, музыкальный звукъ.
Топазъ, драгоценный камень.
Торба, холщевый мѣшокъ для овса, надѣваемый на голову лошади.
Траншея, ровъ при военныхъ укрѣпленіяхъ.
Трауръ, внѣшнее выраженіе печали по умершемъ; состоитъ въ носеніи траурной (черной) одежды.
Третьейскій судъ, судъ третьяго, судъ посредниковъ, избранныхъ самими тяжущимися сторонами.
Туземецъ, коренной житель той или другой земли.
Тунгузы, кочевое племя монгольской расы, обитающее въ восточной Сибири.
Тундры, промерзшія болотистыя мѣста, по побережью Сѣвернаго Ледов. океана.
Туннель, подземный проходъ или проѣздъ.
Тылъ, спина; задняя сторона войска.
Тычинка, важная часть цвѣтка, содержащая цвѣточную пыль, необходимую для образованія сѣмянъ и плода.
Тягло, подать, повинность.

У.

Удовлетворять, исполнять желаніе, выполнить требованіе.
Удручать, мучить, изнурять, доставлять страданіе; дѣлать печальнымъ.
Украина, Малороссія.
Университетъ, высшее учебное заведеніе.
Упоительный, весьма пріятный, доставляющій высокое наслажденіе.
Усобица, ссора, взаимная вражда.
Устье, мѣсто впаденія рѣки.
Усугубить, удвоить, усилить въ нѣсколько разъ.
Утлый, непрочный, хрупкій.
Ущелье, узкая долина между горами.

Ф.

Фебъ, или **Апполонъ**, у древнихъ грековъ богъ солнца.

Фельдмаршалъ, высшій военный чинъ въ арміи.

Ферма, сельскій домъ, съ образцовымъ хозяйствомъ.

Фиговое дерево, растеніе жаркихъ странъ. Одна изъ породъ фиг. дер.—смоковница.

Физика, наука о явленіяхъ природы.

Финнъ, коренной житель Финляндіи.

Финскій заливъ, заливъ въ Балтійскомъ морѣ, въ который впадаетъ р. Нева и близъ котораго находится Петербургъ.

Фисгармонія, духовой музыкальный инструментъ съ клавишами.

Флагманъ, начальникъ флота или эскадры, имѣющій право поднять на суднѣ свой флагъ.

Фонтанъ, приборъ или машина, выбрасывающая воду вверхъ.

Фонъ, задній планъ картины; чистое мѣсто, на которомъ что-нибудь вырисовывается.

Фундаментъ, основаніе зданія, или вообще какого-либо дѣла.

Футляръ, коробка, устроенная для храненія какого-нибудь предмета.

Х.

Хазары, дикій кочевой народъ, жившій въ древности въ нынѣшней южной Россіи.

Ханъ, предводитель, князь кочевниковъ.

Хартія, рукопись, грамота.

Химія, наука о составѣ тѣлъ.

Хлоръ, особый удушливый газъ, обладающій бѣлыми свойствами.

Хоругви, священныя, церковныя знамена.

Художникъ, занимающійся искусствомъ, искусствомъ; поэтъ, музыкантъ, живописецъ, пишущій картины.

Хуторъ, небольшая малороссійская деревня; выселокъ.

Ц.

Царьградъ или **Константинополь**, бывшая столица Греціи, а теперь столица Турціи.

Царская водка, смѣсь самыхъ сильныхъ кислотъ (азотной и соляной), растворяющая золото и платину.

Центръ, точка въ самой срединѣ круга или шара, или иного предмета.

Ч.

Чадра, верхняя одежда у восточныхъ женщинъ, напр., у татарокъ, имѣющая видъ покрывала, которой они закрываются съ головой.

Чарующій, привлекающій, необыкновенный, пріятный.

Челнъ, узкая и длинная лодка, выдолбленная изъ цѣльнаго дерева.

Черемисы, инородческое, финское племя, обитающее въ Вятской, Казанской, Уфимской, Пермской, Нижегородской и Костромской губ.

Чибишь, или **пигалица**, небольшая птица; водится въ болотистыхъ мѣстахъ.

Чумаки, такъ назывались малороссы, занимавшіеся извозомъ, доставкой рыбы и соли, на волахъ.

Ш.

Шакаль, хищное животное; питается падалью; на добычу выходитъ ночью.

Шахматы, особая игра на особой (шахматной) доскѣ, раздѣленной на 64 квадрата и уставленной 32 «фигурами».

Шахта, глубокіе колодцы, подземные ходы, въ которыхъ добываютъ руду, каменный уголь и т. п.

Ширинка, нарядное полотенце.

Шкивъ, колесо, приводящееся въ движеніе круглымъ ремнемъ.

Шлемъ, металлическій воинскій головной уборъ.

Шлифовать, дѣлать поверхность ровной и блестящей.

Шлыкъ, особый головной уборъ.

Шпиль, блокъ для подыманія паруса; вѣротъ на судахъ для вытаскиванія якоря.

Штейгеръ, мастеръ, завѣдующій работой въ рудникахъ.

Штольня, подземный ходъ, выходящій наружу.

Штурманъ, въ морской службѣ лицо, которое завѣдуетъ работой рулевыхъ, сигнальщиковъ и пр.

Ш.

Щепной товаръ, деревянные издѣлія, особенно посуда: чашки, ложки, игрушки и т. д.

Э.

Экземпляръ, образецъ; каждый отдѣльный, единичный предметъ, напр., одна книга, одно животное какого-либо вида или рода.

Электричество, особая сила, имѣющая очень важное значеніе въ природѣ, возникающая при треніи предметовъ и во многихъ другихъ случаяхъ.

Энергичный, много и быстро работающій; сильный и ловкій въ работѣ.

Энергія, сила; способность тѣла производить работу.

Эрмитажъ, зданіе, примыкающее къ Зимнему дворцу въ Петербургѣ, гдѣ помѣщается Императорскій музей.

Ю.

Ювелиръ, золотыхъ дѣлъ мастеръ; продавецъ золотыхъ вещей и драгоценныхъ камней.

Юрьевъ день, въ старину до царя Бориса Годунова въ этотъ день (осенью) крестьянамъ разрѣшалось переходить отъ одного помѣщика къ другому. Борисъ Годуновъ отмѣнилъ этотъ законъ и навсегда прикрѣпилъ крестьянъ къ землѣ.

Я.

Янтарь, отвердѣвшая смола древнихъ растений, красновато-желтого цвѣта; употребляется на украшеніе.

Янычары, особое турецкое войско.

Ярый, горячій, жаркій.

Яффа, укрѣпленный турецкій городъ на восточномъ берегу Средиземнаго моря.

Яхонтъ, названіе драгоценныхъ камней рубина и сапфира.

Яхта, небольшое судно, служащее для морскихъ прогулокъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

(Звѣздочкой * отмѣчены стихотворенія).

	Стр.		Стр.
*1. Молитва М. Лермонтовъ	1	*37. За книгой Ѳ. Газриловъ	51
2. Сила любви	1	38. Нашъ новый учитель Э. Амичисъ	51
*3. Ангелъ М. Лермонтовъ	4	39. Школьный походъ въ Нилову	
4. Лучшее утѣшеніе въ жизни.	4	пустынь С. Рачинскій	52
*5. Спаситель А. Толстой	4	*40. Школьные товарищи А. Плещеевъ	59
6. Вечернія размышленія Н. Гоголь	4	41. Больной учитель Э. Амичисъ	60
7. Рождество Христово Изъ книги		*42. Завтра А. Плещеевъ	62
«Праздники Господни»	5	43. Тенекъ и олени Носиловъ	63
*8. Свѣча предъ иконой А. Майковъ	7	*45. Квартетъ И. Крыловъ	65
9. Алей Ѳ. Достоевскій	7	46. Птички Введенскій	65
*10. Камень вмѣсто хлѣба М. Лермон-		*47. Оселъ и соловей И. Крыловъ	69
товъ	10	48. Письмо отца къ сыну	70
11. Изъ путешествія по святымъ мѣ-		49. Святая премудрая великомученица	
стамъ М. Соловьевъ	10	Екатерина По А. Бахметевой	71
*12. Сельская церковь Н. Некрасовъ	16	*50. Школьникъ Н. Некрасовъ	76
*13. Крестъ Козловъ	16	*51. Отрокъ А. Пушкинъ	76
*14. Надежда А. Майковъ	16	52. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ	76
15. Свѣтлая ночь Воскресенія. Изъ		*53. Наука М. Ломоносовъ	81
книги «Праздники Господни»	16	*54. Опять на родинѣ А. Пушкинъ	82
16. Человѣкъ за бортомъ К. Станю-		55. Посѣщеніе матери Ѳ. Достоевскій	83
ковичъ	18	*56. Мать Н. Некрасовъ	85
*17. Не унывай Архiep. Иннокентій	23	57. Любовь отца Л. Толстой	86
18. Флоръ Силинъ Н. Карамзинъ	24	*58. Отцовскій очагъ А. Плещеевъ	87
*19. Добрая память Н. Некрасовъ	25	59. Отецъ и сынъ К. Станюковичъ	87
20. Пѣсня птички Андерсенъ	25	60. Разсказъ мужика о томъ, за что	
21. Копеечка Ѳ. Достоевскій	27	онъ своего старшаго брата лю-	
22. Одинъ день на полѣ сраженія	28	бить Л. Толстой	88
*23. Высшій подвигъ А. Хомяковъ	32	61. Нагльство И. Никитинъ	89
*24. Подъ Краснымъ Крестомъ Я. По-		62. Груня А. Печерскій	89
лонскій	33	*63. Дѣтство веселое И. Никитинъ	93
25. Забытая пушка В. Немировичъ-		64. Пріемышъ Незвановъ	93
Данченко	34	65. Антонъ-Горемыка Д. Григоровичъ	95
*26. Свѣтлое будущее С. Фрувъ	36	*66. Дѣдъ и внучекъ А. Плещеевъ	100
27. Святые братья-просвѣтителѣ сла-		*67. Бѣдняки А. Барыкова	100
вяны—Кириллъ и Меводій (Изъ		*68. Миклушка Селяниновичъ	103
«Школьнаго листка»)	37	69. Посѣвъ В. Даль	106
*28. Священныя книги И. Никитинъ	40	*70. Слава труду В. Немировичъ-Дан-	
*29. Евангеліе	41	ченко	106
30. Какія были книги въ старину	41	71. Милостыня И. Тургеневъ	107
*31. Ларчикъ И. Крыловъ	43	*72. Нищія И. Никитинъ	107
32. Иоганнъ Гутенбергъ, изобрѣтатель		73. Крестьянскія дѣти А. Потъхинъ	108
книгопечатанія	44	*74. Крестьянскія дѣти Н. Некрасовъ	115
*33. Памятникъ А. Пушкинъ	47	75. Крестьянскій огорождъ и садъ	117
34. Иванъ Ѳедоровъ, первый русскій		*76. Пѣсня труженику И. Никитинъ	119
печатникъ	47	77. Черный день пахаря Д. Григоровичъ	119
*35. Сѣятель (Притча, стих. Жемчуж-		*78. Демьянова уха И. Крыловъ	120
никова).	49	79. Свой и чужой хлѣбъ Д. Григоров-	
36. Въ сельской школѣ Л. Н. Толстой	49	вичъ	121

	Стр.		Стр.
*80. Внезапное горе <i>И. Никитинъ</i> . . .	123	136. Летучія мыши	185
81. Переселенцы <i>Д. Григоровичъ</i> . . .	123	137. Сельдь	186
*82. Жена ямщика <i>И. Никитинъ</i> . . .	124	138. Какъ люди научились разводить рыбъ <i>Изъ книги Вахтерова</i> . . .	188
83. Ось и чека <i>Вл. Даль</i>	126	139. Червякъ-пахарь <i>Н. Рубакинъ</i> . . .	190
*84. Водкъ и котъ <i>И. Крыловъ</i> . . .	127	140. Микроскопъ	191
85. Бѣдность	128	141. Капля воды подъ микроскопомъ <i>Изъ книги Вахтерова</i>	192
*86. Власть <i>Н. Некрасовъ</i>	128	142. Изъ родной исторіи	195
87. На подмосковной фабрикѣ <i>Павловъ</i> . . .	130	143. Лѣтопись Нестора	196
*88. На заводѣ	132	*144. Лѣтописецъ (Пименъ) <i>А. Пушкинъ</i> . . .	197
89. Исторія доскутка бумаги <i>Изъ</i> <i>«Дѣтскаго Чтенія»</i>	132	145. Наши предки славяне	197
*90. Шука и Котъ <i>И. Крыловъ</i>	136	146. Какъ жили славяне	198
*91. Портной <i>И. Бьлюсовъ</i>	137	147. Вѣра у славянъ	199
92. Ванька <i>А. Чеховъ</i>	137	148. Вражда и мѣсть между славянами . . .	200
*93. Дядюшка Яковъ <i>Н. Некрасовъ</i> . . .	140	149. Призваніе варяговъ <i>Петрушевскій</i> . . .	200
*94. Ярмарка <i>И. Никитинъ</i>	141	150. Олегъ	202
95. Безпроигрышная лотерея	141	*151. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ <i>А. Пуш-</i> <i>кинъ</i>	202
*96. Купецъ <i>И. Крыловъ</i>	143	152. Великая княгиня Ольга <i>В. Сипов-</i> <i>скій</i>	205
97. Какъ правда теряется	143	153. Святой князь Владиміръ	206
*98. Любопытный <i>И. Крыловъ</i>	144	154. Крещеніе Руси <i>По Петрушевскому</i> . . .	207
99. Правда и Кривда	144	155. Владиміръ-христіанинъ <i>Изъ народ-</i> <i>ныхъ чтеній</i>	210
*100. Гимнъ природѣ <i>А. Толстой</i>	149	156. Ярославъ Мудрый <i>Изъ кн. Д. Ти-</i> <i>хомирова</i>	211
101. Божіе величіе <i>Митрополитъ Фи-</i> <i>ларетъ</i>	149	157. Владиміръ Мономахъ <i>Некрасовъ</i> . . .	212
102. Прогулка въ лѣсу <i>И. Тургеневъ</i> . . .	150	158. Основаніе монастырей	213
103. Обитатели лѣса	150	*159. Монастырь <i>А. Майковъ</i>	214
*104. Утро <i>И. Никитинъ</i>	151	160. Святые Антоній и Феодосій <i>Изъ</i> <i>христом. Воскресенскаго</i>	214
105. Емеля-охотникъ (<i>Изъ разсказа Ма-</i> <i>мина-Сибиряка</i>)	151	161. Нашествіе на Русь татаръ (<i>По</i> <i>Сиповскому</i>)	219
106. Утро на берегу озера <i>И. Никитинъ</i> . . .	154	162. Татарская неволя <i>Петрушевскій</i> . . .	222
107. Самозащита животныхъ <i>Н. Сковро-</i> <i>цовъ</i>	155	163. Александръ Невскій (<i>Изъ кн. Са-</i> <i>харова</i>)	222
*108. Водопадъ и ручей <i>И. Крыловъ</i> . . .	157	164. Возвышеніе Москвы. Иванъ Калита (<i>Изъ кн. Сахарова</i>)	225
109. Весеннее утро въ дорогѣ <i>И. Тур-</i> <i>геневъ</i>	158	165. Святитель Петръ и князь Іоаннъ Калита <i>Изъ кн. Д. Тихомирова</i> . . .	226
*110. Когда волнуется желтѣющая нива <i>М. Лермонтовъ</i>	159	166. Преподобный Сергій и Троице- Сергіевская лавра <i>В. Сиповскій</i> . . .	228
111. Черемуха <i>Л. Н. Толстой</i>	159	167. Куликовская битва <i>Н. Полевой</i> . . .	233
112. Какъ и чѣмъ кормится растеніе <i>В. Вахтеровъ</i>	160	168. Покореніе Казанскаго и Астраханскаго царствъ	235
*113. Рубка лѣса <i>Н. Некрасовъ</i>	162	169. Грозное время <i>Изъ кн. Д. Тихоми-</i> <i>рова</i>	236
114. Осина <i>И. Тургеневъ</i>	162	170. Св. митроп. Филиппъ <i>Карамзинъ</i> . . .	238
*115. Лѣсъ <i>А. Кошцовъ</i>	163	171. Послѣ татарскаго ига <i>Бунаковъ</i> . . .	240
116. Липа <i>Д. Кайгородовъ</i>	164	172. Смутное время на Руси <i>Бунаковъ</i> . . .	241
*117. Дерево <i>И. Крыловъ</i>	165	*173. Убіеніе Димитрія царевича <i>А.</i> <i>Пушкинъ</i>	244
118. Пальмы (<i>Изъ Кн. взрослыхъ</i>)	165	174. Козьма Мининъ на Нижегородской площади <i>Заюскинъ</i>	245
*119. Соловьи <i>Н. Некрасовъ</i>	167	175. Освобожденіе Москвы отъ поляковъ <i>Н. Костомаровъ</i>	247
120. Березка и дубъ <i>П. Засодимскій</i> . . .	169	176. Памятникъ Минину и Пожарскому въ Москвѣ (<i>Изъ кн. Радонежскаго</i>) . . .	248
121. Хинное дерево <i>К. Лукашевичъ</i> . . .	169	177. Избраніе Михаила Феодоровича на царство <i>В. Сиповскій</i>	249
*122. Свѣтлый праздникъ весны <i>А. Воро-</i> <i>ховъ</i>	170	*178. Смерть Сусанина <i>К. Рылѣевъ</i> . . .	251
123. Молебствіе о дождѣ	170	179. Присоединеніе Малороссіи <i>В. Си-</i> <i>повскій</i>	252
*124. Лѣтомъ <i>И. Никитинъ</i>	172		
125. Насѣкомыя и растенія <i>Ю. Вагнеръ</i> . . .	172		
*126. Нива <i>А. Майковъ</i>	174		
127. Хлѣбное дерево	174		
*128. Осень <i>А. Пушкинъ</i>	176		
129. Полетъ журавлей <i>И. Тургеневъ</i> . . .	176		
*130. Отлетъ птицъ <i>О. Лопатинъ</i>	177		
*131. Морозъ-воевода <i>Н. Некрасовъ</i> . . .	177		
132. Грызунъ (<i>По Купену</i>)	177		
133. Орелъ въ неволѣ <i>Ф. Достоевскій</i> . . .	179		
134. Страусъ	181		
135. Клябри	182		

Стр.		Стр.
180.	Патріархъ Никонъ <i>А. Острогорскій</i>	298
181.	Исправленіе богослужебныхъ книгъ. Начало раскола <i>А. Острогорскій</i>	299
182.	Просвѣщеніе	300
183.	Петръ Великій <i>Пуцковичъ</i>	301
184.	Дѣдушка русскаго флота	302
185.	Устройство флота и войска <i>Пуцковичъ</i>	303
186.	Петръ Великій за границей <i>Кизеветтеръ</i>	306
187.	Кто онъ <i>Ап. Майковъ</i>	307
188.	Война со шведами <i>Петрушевскій</i>	309
*189.	Подгавская битва <i>А. Пушкинъ</i>	309
190.	Умѣренность и бережливость Петра Великаго <i>Корниловичъ</i>	309
191.	Петръ Великій и лондонъ <i>Антанъ Н. Полевой</i>	309
*192.	Пиръ Петра Великаго <i>А. Пушкинъ</i>	311
193.	Смерть Петра Великаго	313
*194.	Петръ Первый <i>А. Пушкинъ</i>	314
195.	Екатерина Великая (<i>Изъ кн. Сатанова</i>)	315
196.	Суворовъ (<i>Изъ кн. Радонежскаго</i>)	316
197.	Суворовъ и сержантъ	317
198.	Императоръ Александръ Благословенный (<i>Изъ кн. Д. Тихомирова</i>)	320
199.	Изъ отечественной войны <i>Данилевскій</i>	322
*200.	Наполеонъ подъ Москвою <i>А. Пушкинъ</i>	324
201.	Кутузовъ назначень главнокомандующимъ <i>Павловичъ</i>	325
*202.	Бородино <i>М. Лермонтовъ</i>	326
203.	Гибель Смоленска <i>Ө. Глинка</i>	327
204.	Смоленская икона Божіей Матери на Бородинскомъ полѣ <i>Л. Толстой</i>	329
*205.	Волкъ на псарнѣ <i>И. Крыловъ</i>	330
206.	Извѣстіе о бѣствѣ французовъ изъ Москвы <i>Л. Толстой</i>	333
*207.	Передъ гробницею Кутузова <i>А. Пушкинъ</i>	337
208.	Изъ обороны Севастополя <i>К. Лукашевичъ</i>	337
209.	Богатыри Севастопольскіе: Корниловъ, Нахимовъ, Тотлебенъ.— Затопленіе кораблей <i>К. Лукашевичъ</i>	339
210.	Помощь женщинъ и дѣтей въ Севастопольскую войну <i>К. Лукашевичъ</i>	340
211.	Царь-Освободитель	341
*212.	Освобожденіе крестьянъ <i>И. Аксаковъ</i>	342
213.	Реформы императора Александра II <i>М. Успенскій</i>	343
*214.	Картина <i>А. Майковъ</i>	345
215.	19 февраля 1861 года <i>Т. Пассекъ</i>	347
216.	Императоръ Александръ III, Царь-Миротворецъ	349
217.	Любовь къ родинѣ <i>Н. Барамзинъ</i>	351
*218.	Русь <i>И. Никитинъ</i>	354
219.	Матушка Россія	356
*220.	Югъ и Сѣверъ <i>И. Никитинъ</i>	357
221.	Москва <i>Ө. Борисовъ</i>	358
*222.	Вѣздъ въ Москву <i>А. Пушкинъ</i>	359
223.	Пасхальная полночь въ Московскомъ Кремлѣ <i>С. Жихаревъ</i>	360
224.	Основаніе Петербурга	361
*225.	Основаніе Петербурга <i>А. Пушкинъ</i>	361
*226.	Петербургъ черезъ сто лѣтъ <i>А. Пушкинъ</i>	361
227.	Валаамъ <i>А. Н. Овсянниковъ</i>	361
228.	Новгородъ. Памятникъ тысячелѣтія Россіи	361
*229.	Волга <i>Н. А. Пановъ</i>	361
230.	Заволжскіе промыслы <i>П. Мельниковъ</i>	361
231.	Нижній Новгородъ	361
*232.	Финляндія <i>Е. Баратынскій</i>	361
233.	Въ глуши Финляндіи (<i>Изъ кн. Некрасова</i>)	361
234.	Водопадъ Иматра	361
235.	Бѣловѣжская пуща <i>В. Спрошевскій</i>	361
236.	Самоѣды и ихъ богатство—сѣверные олени	361
*237.	Сѣверная пустыня <i>Немировичъ</i>	361
238.	Киты въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ <i>А. Никольскій</i>	361
239.	Бѣлый медвѣдь <i>В. Стрешевскій</i>	361
240.	Сѣверное сіяніе <i>Н. Рубакинъ</i>	361
241.	Соловецкій монастырь (<i>По Мечу</i>)	361
242.	Почевка въ лѣсу <i>Печерскій</i>	361
*243.	Кіевъ <i>А. Хомяковъ</i>	361
244.	Кіевъ <i>Львовъ</i>	361
245.	Лѣто въ Малороссіи <i>Н. Гоголь</i>	361
246.	Украинская ночь <i>Н. Гоголь</i>	361
247.	Малороссія <i>А. Толстой</i>	361
248.	Лѣтнія занятія малороссовъ <i>С. Мечъ</i>	361
249.	Стень въ юлѣ <i>А. Чеховъ</i>	361
*250.	Въ степи <i>Никитинъ</i>	361
251.	Скотоводство въ степяхъ <i>В. Воскресенскій</i>	361
252.	Кочевники-киргизы <i>Изъ Кн. для взрослыхъ, Алчевской</i>	361
253.	Саранча (<i>По Додэ</i>)	361
254.	Верблюды—корабль пустыни <i>В. Львовъ</i>	361
255.	Въ соляной шахтѣ <i>Изъ Книги для взрослыхъ, Алчевской</i>	361
256.	Землетрясеніе въ городѣ <i>Вѣрномъ А. Нечаевъ</i>	361
257.	Письмо внучки изъ Крыма къ бабункѣ	361
*258.	Крымъ <i>А. Пушкинъ</i>	361
*259.	Море <i>Надсонъ</i>	361
260.	Море <i>Юл. Вагнеръ</i>	361
261.	Ваноградъ <i>Изъ Книги для взрослыхъ</i>	361
*262.	Кавказъ <i>А. Пушкинъ</i>	361
263.	Въ Кавказскихъ горахъ <i>М. Лермонтовъ</i>	361
*264.	Терекъ <i>М. Лермонтовъ</i>	361
265.	Обвалъ <i>А. Пушкинъ</i>	361
266.	Въ нефтяномъ царствѣ	361
267.	Керосинъ <i>По Рейнботу</i>	361

	Стр.		Стр.
268. Путешествіе чрезъ Уралъ по желѣзной дорогѣ <i>Носиловъ</i>	368	294. Климатъ <i>О. Чефрановъ</i>	402
269. Каменный уголь <i>По Вагнеру</i>	370	295. О землетрясеніяхъ	404
270. Въ Тагильскомъ мѣдномъ рудникѣ <i>Изъ соч. Немировича-Данченко</i>	373	296. Отчего бывають землетрясенія <i>Изъ кн. Гречушкина</i>	405
271. Сибирь	377	297. Какъ узнали люди, что такое громъ и молнія <i>Н. Рубакинъ</i>	407
272. Охота на бѣлокъ въ Сибири <i>Носиловъ</i>	378	298. Какъ Франклинъ устроилъ громотоволь <i>В. Вахтеровъ</i>	410
273. Золото	380	*299. Чудный работникъ	410
274. Амуръ и Уссурийскій край <i>Изъ кн. Сатарова</i>	381	300. Пароходъ <i>С. Дрожжинъ</i>	410
*275. Привѣтъ родинѣ <i>Ө. Б.</i>	384	301. Парь-богатырь <i>В. Вахтеровъ</i>	411
276. Земля-шаръ <i>Изъ кн. Чефранова</i>	385	*302. Желѣзный конекъ <i>Я. Полонскій</i>	415
277. Глобусъ	386	303. Человѣкъ	416
278. Вода <i>Г. Ивановъ</i>	388	304. Что нужно для нашей жизни	418
279. Земля и вода <i>В. Водовозовъ</i>	389	305. Скелетъ человѣка <i>Поль Бэръ</i>	419
280. Вращеніе земного шара <i>А. Гердъ</i>	390	306. Сочлененія <i>Поль Бэръ</i>	421
281. Движеніе земли вокругъ солнца <i>А. Гердъ</i>	391	307. Мышцы <i>Поль Бэръ</i>	422
282. Солнце, планеты и кометы	393	308. Первые <i>Поль Бэръ</i>	423
*283. Утренняя звѣзда <i>В. Жуковский</i>	394	309. Кровообращеніе <i>Поль Бэръ</i>	423
284. Вселенная	395	310. Дыханіе <i>По П. Бэру и Л. Толстому</i>	426
*285. Звѣзды и книги <i>А. Хомяковъ</i>	395	311. Что нужно для дыханія	427
286. Солнечное затменіе <i>В. Вахтеровъ</i>	395	312. Раздѣленіе людей по наружному виду	429
287. Воздухъ	396	313. О занятіяхъ людей	430
288. Барометръ <i>Г. Ивановъ</i>	398	314. Раздѣленіе людей по языкамъ	431
289. Вѣсъ и давленіе воздуха <i>Г. Ивановъ</i>	398	*315. Скворецъ	432
290. Вѣтеръ	399	316. Двѣнадцать Евангелій святыхъ страстей	433
291. Вихрь	399	317. Благостная вѣсть о воскресеніи Христа	450
292. На воздушномъ шарѣ <i>С. Мечъ</i>	400	318. Толковый словарь	451
293. Смерчъ <i>Гончаровъ</i>	401		

Примѣрное распредѣленіе статей третьей книги для чтенія К. Лукашевичъ СБЯТЕЛЬ на два года обученія.

Статьи для третьяго года обученія въ школъ.

Отдѣлъ I.

- Статьи: 1. Молитва. Стр. 1.
3. Ангель. Стр. 4.
4. Лучшее утѣшеніе въ жизни. Стр. 4.
7. Рождество Христово. Стр. 5.
10. Камень вмѣсто хлѣба. Стр. 10.
11. Изъ путешествія по святымъ мѣстамъ. Стр. 10.
12. Сельская церковъ. Стр. 16.
15. Свѣтлая ночь Воскресенія. Стр. 16.
18. Флоръ Сплинь. Стр. 24.
19. Добрая память. Стр. 25.
21. Копеечка. Стр. 27.
24. Подъ Краснымъ Крестомъ. Стр. 33.

Отдѣлъ II.

- Статьи: 27. Святые братья-просвѣтителі славянъ — Кирилль и Ме-
одій. Стр. 37.
31. Ларчикъ. Стр. 43.
33. Памятникъ. Стр. 47.
34. Иванъ Ѳедоровъ, первый русскій печатникъ. Стр. 47.
37. За книгой. Стр. 51.
38. Нашъ новый учитель. Стр. 51.
39. Школьный походъ въ Нилову пустынь. Стр. 52.
41. Больной учитель. Стр. 60.
42. Завтра. Стр. 62.
47. Осель и соловей. Стр. 69.
49. Святая великомученица Екатерина. Стр. 71.
53. Наука. Стр. 81.

Отдѣлъ III.

- Статьи: 55. Посѣщеніе матери. Стр. 83.
58. Отцовскій очагъ. Стр. 87.

- Статьи: 59. Отецъ и сынъ. Стр. 87.
 63. Дѣтство веселое. Стр. 93.
 64. Приемышъ. Стр. 93.
 66. Дѣдъ и внучекъ. Стр. 100.

Отдѣлъ IV.

- Статьи: 69. Посѣвъ. Стр. 106.
 70. Слава труду. Стр. 106.
 75. Крестьянскій огородъ и садъ. Стр. 117.
 76. Пѣсня труженику. Стр. 119.
 78. Демьянова уха. Стр. 120.
 81. Переселенцы. Стр. 123.
 82. Жена ямщика. Стр. 124.
 83. Ось и чека. Стр. 126.
 86. Власъ. Стр. 128.
 90. Щука и котъ. Стр. 136.
 92. Ванька. Стр. 137.
 93. Дядюшка Яковъ. Стр. 140.
 97. Какъ правда теряется. Стр. 143.
 98. Любопытный. Стр. 144.

Отдѣлъ V.

- Статьи: 101. Божіе величіе. Стр. 149.
 102. Прогулка въ лѣсу. Стр. 150.
 104. Утро. Стр. 151.
 106. Утро на берегу озера. Стр. 154.
 110. Когда волнуется желтѣющая нива. Стр. 159.
 111. Черемуха. Стр. 159.
 113. Рубка лѣса. Стр. 162.
 116. Липа. Стр. 164.
 117. Дерево. Стр. 165.
 120. Березка и дубъ. Стр. 169.
 122. Свѣтлый праздникъ весны. Стр. 170.
 123. Молебствіе о дождѣ. Стр. 170.
 128. Осень. Стр. 176.
 129. Полетъ журавлей. Стр. 176.
 133. Орелъ въ неволѣ. Стр. 179.
 136. Летучія мыши. Стр. 185.
 137. Сельдь. Стр. 186.
 139. Червякъ-пахарь. Стр. 190.

Отдѣлъ VI.

- Статьи: 142. Изъ родной исторіи. Стр. 195.
 145. Наши предки славяне. Стр. 197.
 146. Какъ жили славяне. Стр. 198.
 152. Великая княгиня Ольга. Стр. 205.
 153. Святой князь Владиміръ. Стр. 206.
 160. Святые Антоній и Θεодосій. Стр. 214.
 163. Александръ Невскій. Стр. 222.

- Статьи: 166. Преподобный Сергій и Троице-Сергіева лавра. Стр. 228.
 170. Святой митрополитъ Филиппъ. Стр. 238.
 173. Убіеніе Димитрія царевича. Стр. 244.
 177. Избраніе Михаила Ѳеодоровича на царство. Стр. 249.
 178. Смерть Сусанина. Стр. 251.
 184. Дѣдушка русскаго флота. Стр. 258.
 185. Устройство флота и войска. Стр. 259.
 186. Петръ Великій за границей. Стр. 260.
 187. Кто онъ? Стр. 262.
 191. Петръ Великій и лоцманъ Антипъ. Стр. 267.
 192. Пиръ Петра Великаго. Стр. 268.
 197. Суворовъ и сержантъ. Стр. 274.
 198. Императоръ Александръ Благословенный. Стр. 274.
 202. Бородино. Стр. 278.
 207. Передъ гробницею Кутузова. Стр. 284.
 210. Помощь женщинъ и дѣтей въ Севастопольскую войну.
 Стр. 289.
 214. Картинка. Стр. 294.
 216. Императоръ Александръ III, Царь-Миротворецъ. Стр. 295.

Отдѣлъ VII.

- Статьи: 219. Матушка Россія. Стр. 298.
 220. Югъ и сѣверъ. Стр. 300.
 223. Пасхальная полночь въ Московскомъ Кремлѣ. Стр. 306.
 224. Основаніе Петербурга. Стр. 307.
 230. Заволжскіе промыслы. Стр. 314.
 233. Въ глуши Финляндіи. Стр. 317.
 236. Самоѣды и ихъ богатство—сѣверные олени. Стр. 324.
 239. Бѣлый медвѣдь. Стр. 327.
 242. Ночевка въ лѣсу. Стр. 333.
 243. Кіевъ. Стр. 337.
 245. Лѣто въ Малороссіи. Стр. 339.
 248. Лѣтнія занятія малороссовъ. Стр. 341.
 253. Саранча. Стр. 347.
 256. Землетрясеніе въ городѣ Вѣрномъ. Стр. 354.
 257. Письмо внучки изъ Крыма къ бабушкѣ. Стр. 356.
 260. Море. Стр. 358.
 263. Въ Кавказскихъ горахъ. Стр. 361.
 267. Керосинъ. Стр. 367.
 270. Въ Тагильскомъ мѣдномъ рудникѣ. Стр. 373.
 271. Сибирь. Стр. 377.
 273. Золото. Стр. 380.
 275. Привѣтъ родинѣ. Стр. 384.

Отдѣлъ VIII.

- Статьи: 276. Земля шаръ. Стр. 385.
 279. Земля и вода. Стр. 389.
 285. Звѣзды. Стр. 395.
 286. Солнечное затменіе. Стр. 395.
 291. Вихрь. Стр. 399.

- Статьи: 292. На воздушномъ шарѣ. Стр. 400.
 293. Смерть. Стр. 401.
 295. О землетрясеніяхъ. Стр. 404.
 300. Пароходъ. Стр. 410.
 302. Желѣзный конекъ. Стр. 415.

Отдѣлъ IX.

- Статьи: 303. Человѣкъ. Стр. 416.
 304. Что нужно для нашей жизни. Стр. 418.
 310. Дыханіе. Стр. 426.
 312. Раздѣленіе людей по наружному виду. Стр. 429.
 313. О занятіяхъ людей. Стр. 430.
 315. Скворецъ. Стр. 432.

Славянское чтеніе.

Статьи для четвертаго года обученія въ школь.

Отдѣлъ I.

- Статьи: 2. Сила любви. Стр. 1.
 5. Спаситель. Стр. 4.
 6. Вечернія размышленія. Стр. 4.
 8. Свѣча предъ иконою. Стр. 7.
 9. Алей. Стр. 7.
 13. Крестъ. Стр. 16.
 14. Надежда. Стр. 16.
 16. Человѣкъ за бортомъ. Стр. 18.
 17. Не унывай. Стр. 23.
 20. Пѣсня птички. Стр. 25.
 22. Одинъ день на полѣ сраженія. Стр. 28.
 23. Высшій подвигъ. Стр. 32.
 25. Забытая пушка. Стр. 34.
 26. Свѣтлое будущее. Стр. 36.

Отдѣлъ II.

- Статьи: 28. Священные книги. Стр. 40.
 29. Евангеліе. Стр. 41.
 30. Какія книги были въ старину. Стр. 41.
 32. Иоганнъ Гутенбергъ, изобрѣтатель книгопечатанія. Стр. 44.
 35. Сѣятель. Стр. 49.
 36. Въ сельской школѣ. Стр. 49.
 40. Школьные товарищи. Стр. 59.
 43. Тенеко и олени. Стр. 63.
 45. Квартетъ. Стр. 65.
 46. Птичьи елки. Стр. 65.
 48. Письмо отца къ сыну. Стр. 70.
 50. Школьникъ. Стр. 76.
 51. Отрокъ. Стр. 76.
 52. Михайлъ Васильевичъ Ломоносовъ. Стр. 76.

Отдѣлъ III.

- Статьи: 54. Опять на родинѣ. Стр. 82.
 56. Мать. Стр. 85.
 57. Любовь отца. Стр. 86.
 60. Разсказъ мужика о томъ, за что онъ своего старшаго брата любить. Стр. 88.
 61. Наслѣдство. Стр. 89.
 62. Груня. Стр. 89.
 65. Антонъ-горемыка. Стр. 95.
 67. Бѣдняки. Стр. 100.

Отдѣлъ IV.

- Статьи: 68. Микулушка Селяниновичъ. Стр. 103.
 71. Милостыня. Стр. 107.
 72. Нищіе. Стр. 107.
 73. Крестьянскія дѣти. Стр. 108.
 74. Крестьянскія дѣти. Стр. 115.
 77. Черный день пахаря. Стр. 119.
 79. Свой и чужой хлѣбъ. Стр. 121.
 80. Внезапное горе. Стр. 123.
 84. Волкъ и котъ. Стр. 127.
 85. Бѣдность. Стр. 128.
 87. На подмосковной фабрикѣ. Стр. 130.
 88. На заводѣ. Стр. 132.
 89. Исторія лоскутка бумаги. Стр. 132.
 91. Портной. Стр. 137.
 94. Ярмарка. Стр. 141.
 95. Безпроигрышная лотерея. Стр. 141.
 96. Купецъ. Стр. 143.
 99. Правда и кривда. Стр. 144.

Отдѣлъ V.

- Статьи: 100. Гимнъ природѣ. Стр. 149.
 103. Обитатели лѣса. Стр. 150.
 105. Емеля-охотникъ. Стр. 151.
 107. Самозащита животныхъ. Стр. 155.
 108. Водопадъ и ручей. Стр. 157.
 109. Весеннее утро въ дорогѣ. Стр. 159.
 112. Какъ и чѣмъ кормится растеніе. Стр. 160.
 114. Осина. Стр. 162.
 115. Лѣсъ. Стр. 163.
 118. Пальмы. Стр. 165.
 119. Соловьи. Стр. 167.
 121. Хинное дерево. Стр. 169.
 124. Лѣтомъ. Стр. 172.
 125. Насѣкомыя и растенія. Стр. 172.
 126. Нива. Стр. 174.
 127. Хлѣбное дерево. Стр. 174.
 130. Отлетъ птицъ. Стр. 177.

- Статьи: 131. Морозъ-воевода. Стр. 177.
 132. Грызуны. Стр. 177.
 134. Страусъ. Стр. 181.
 135. Колибри. Стр. 182.
 138. Какъ люди научились разводить рыбъ. 188.
 140. Микроскопъ. Стр. 191.
 141. Капля воды подъ микроскопомъ. Стр. 192.

Отдѣлъ VI.

- Статьи: 143. Лѣтопись Нестора. Стр. 196.
 144. Лѣтописецъ. Стр. 197.
 147. Вѣра у славянъ. Стр. 199.
 148. Вражда и месть между славянами. Стр. 200.
 149. Призваніе варяговъ. Стр. 200.
 150. Олегъ. Стр. 202.
 151. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ. Стр. 202.
 154. Крещеніе Руси. Стр. 207.
 155. Владиміръ-христіанинъ. Стр. 210.
 156. Ярославъ Мудрый. Стр. 211.
 157. Владиміръ Мономахъ. Стр. 212.
 158. Монастырь. Стр. 214.
 161. Нашествіе на Русь татаръ. Стр. 219.
 162. Татарская неволя. Стр. 222.
 164. Возвышеніе Москвы. Ивана Калита. Стр. 225.
 165. Святитель Петръ и князь Іоаннъ Калита. Стр. 226.
 167. Куликовская битва. Стр. 233.
 168. Покореніе Казанскаго и Астраханскаго царствъ. Стр. 235.
 169. Грозное время. Стр. 236.
 171. Послѣ татарскаго ига. Стр. 240.
 172. Смутное время на Руси. Стр. 241.
 174. Козьма Мининъ на Нижегородской площади. Стр. 245.
 175. Освобожденіе Москвы отъ поляковъ. Стр. 247.
 176. Памятникъ Минину и Пожарскому въ Москвѣ. Стр. 248.
 179. Присоединеніе Малороссіи. Стр. 252.
 180. Патріархъ Никонъ. Стр. 254.
 181. Исправленіе богослужебныхъ книгъ. Начало раскола.
 Стр. 255.
 182. Просвѣщеніе. Стр. 256.
 183. Петръ Великій. Стр. 257.
 188. Война со шведами. Стр. 262.
 189. Полтавская битва. Стр. 264.
 190. Умѣренность и бережливость Петра Великаго. Стр. 265.
 193. Смерть Петра Великаго. Стр. 269.
 194. Петръ Первый. Стр. 269.
 195. Екатерина Великая. Стр. 269.
 196. Суворовъ. Стр. 271.
 199. Изъ отечественной войны. Стр. 276.
 200. Наполеонъ подъ Москвою. Стр. 277.
 201. Кутузовъ назначенъ главнокомандующимъ. Стр. 277.
 203. Гибель Смоленска. Стр. 279.
 204. Смоленская икона Божіей Матери на Бородинскомъ полѣ.
 Стр. 280.

205. Волкъ на псарнѣ. Стр. 282.
 206. Извѣстіе о бѣгствѣ французовъ изъ Москвы. Стр. 282.
 208. Изъ обороны Севастополя. Стр. 284.
 209. Богатыри Севастопольскіе. Корниловъ. Нахимовъ. Тотле-
 бенъ. Затопленіе кораблей. Стр. 286.
 211. Царь-освободитель. Стр. 291.
 212. Освобожденіе крестьянъ. Стр. 292.
 213. Реформы Императора Александра II. Стр. 292.
 215. 19 Февраля 1861 г. Стр. 294.
 217. Любовь къ родинѣ. Стр. 296.

Отдѣлъ VII.

- Статьи: 218. Русь. Стр. 296.
 221. Москва. Стр. 301.
 222. Въѣздъ въ Москву. Стр. 305.
 225. Основаніе Петербурга. Стр. 309.
 226. Петербургъ черезъ сто лѣтъ. Стр. 309.
 227. Валаамъ. Стр. 309.
 228. Новгородъ. Памятникъ тысячелѣтія Россіи. Стр. 311.
 229. Волга. Стр. 313.
 231. Нижній-Новгородъ. Стр. 315.
 232. Финляндія. Стр. 316.
 234. Водопадъ Иматра. Стр. 320.
 235. Вѣловѣжская пуша. Стр. 322.
 237. Сѣверная пустыня. Стр. 325.
 238. Киты въ сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ. Стр. 326.
 240. Сѣверное сіяніе. Стр. 329.
 241. Соловецкій монастырь. Стр. 330.
 244. Кіевъ. Стр. 337.
 246. Украинская ночь. Стр. 340.
 247. Малороссія. Стр. 341.
 249. Степь въ іюлѣ. Стр. 342.
 250. Въ степи. Стр. 343.
 251. Скотоводство въ степяхъ. Стр. 343.
 252. Кочевники-киргизы. Стр. 345.
 254. Верблюды—корабль пустыни. Стр. 349.
 255. Въ соляной шахтѣ. Стр. 351.
 258. Крымъ. Стр. 356.
 259. Море. Стр. 357.
 261. Виноградъ. Стр. 359.
 262. Кавказъ. Стр. 360.
 264. Терекъ. Стр. 364.
 265. Обвалъ. Стр. 364.
 266. Въ нефтяномъ царствѣ. Стр. 365.
 268. Путешествіе чрезъ Уралъ по желѣзной дорогѣ. Стр. 368.
 269. Каменный уголь. Стр. 370.
 272. Охота на бѣлокъ въ Сибири. Стр. 378.
 274. Амуръ и Уссурийскій край. Стр. 381.

Отдѣлъ VIII.

- Статьи: 277. Глобусъ. Стр. 386.
 278. Вода. Стр. 388.

- Статьи: 280. Вращеніе земного шара. Стр. 390.
 281. Движеніе земли вокругъ солнца. Стр. 391.
 282. Солнце, планеты и кометы. Стр. 393.
 283. Утренняя звѣзда. Стр. 394.
 284. Вселенная. Стр. 395.
 287. Воздухъ. Стр. 396.
 288. Барометръ. Стр. 398.
 289. Вѣсъ и давленіе воздуха. Стр. 398.
 290. Вѣтеръ. Стр. 399.
 294. Климатъ. Стр. 402.
 296. Отчего бываютъ землетрясенія. Стр. 405.
 297. Какъ узнали люди, что такое громъ и молнія. Стр. 407.
 298. Какъ Франклинъ устроилъ громоотводъ. Стр. 410.
 299. Чудный работникъ. Стр. 410.
 301. Паръ-богатырь. Стр. 411.

Отдѣлъ IX.

- Статьи: 305. Скелетъ человѣка. Стр. 419.
 306. Сочлененія. Стр. 421.
 307. Мышцы. Стр. 422.
 308. Нервы. Стр. 423.
 309. Кровообращеніе. Стр. 423.
 311. Что нужно для дыханія. Стр. 427.
 314. Раздѣленіе людей по языкамъ. Стр. 431.
 316. Молитесь всѣ... Стр. 432.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Клавдіи Лукашевичъ.

	Цѣна.
Азбука-Съятель	20 к.
«Съятель», первая книга для чтенія	30 к.
«Съятель» второй годъ обученія	35 к.
«Съятель» третій и четвертый годъ	50 к.
Свѣтлый лучъ. Хрестоматія для младшаго возраста. (Министер. Нар. Просв. удо- стоена преміи имени Д. С. С. Езерскаго 50 к.	

Для младшаго возраста сборники:

Любимые друзья	1 р.
Зернышки	1 р.
Гнѣздышко.	1 р.
Кузовокъ.	1 р. 25 к.
Сказки родной Украины	1 р.
Дѣтскіе годы.	50 к.
Новинка	1 р.
Одинъ изъ многихъ	50 к.
Тучки	50 к.

Для средняго возраста сборники:

Ясное солнышко.	1 р. 25 к.
На жизненномъ пути	1 р. 25 к.
Труженики	1 р.
Почитаешь—другимъ—скажешь.	1 р. 25 к.
Обо всемъ понемногу	60 к.
По-морю житейскому	1 р. 25 к.
Завѣтный путь	1 р. 25 к.
Родные уголки	90 к.
Товарищъ мой.	1 р. 35 к.
Оборона Севастополя и его защитники.	2 р.
Изъ жизни.	1 р. 25 к.
Чудный огонекъ жизни.	1 р. 25 к.
Изъ недавняго прошлаго	1 р.
Дѣтскіе праздники и какъ ихъ устраи- вать	1 р. 50 к.
Школьный праздникъ 19 февраля.	80 к.
Школьный праздникъ древонасажденія (съ хор. пѣніемъ)	80 к.
Школьный праздникъ «Елка» и ея устрой- ство	50 к.

Дешевыя изданія со многими рисунками.

Для младшаго возраста.

Кирюша-юродивый.	15 к.
Ванька-нянька.	15 к.
Медаль.	15 к.
Няня.	30 к.
Три корзиночки земляники	20 к.
Грачи прилетѣли	20 к.
Воришка	20 к.
Первые сапоги	15 к.
Журка	20 к.
Мишка	20 к.
Пастухъ Ваня	15 к.
Осиное гнѣздо	15 к.
Крапивнички	15 к.
Промелькнувшее счастье	20 к.
Чушка	75 к.
Что видить звѣздочка	20 к.
Федюнька-учитель	20 к.

Для средняго возраста.

Бѣднота. Разказъ	15 к.
Завѣтное окно	12 к.
Изъ жизни бѣдняковъ	20 к.
Старый Памфиличъ	15 к.

Тихонъ Михайловичъ.	20 к.
Даша-Севастопольская. Разказъ	25 к.
Дядюшка-флейтистъ. Разказъ	40 к.
Сиротская доля. Повѣсть, продолженіе «Дя- дюшки-флейтиста»	60 к.
Школьникъ-нищій	30 к.
Босоногая команда. Разказъ	40 к.
Изъ деревни (Акуля). Разказъ	30 к.
Баринъ и слуга	25 к.
Мироша-музыкантъ	30 к.
Исторія сиворушки	30 к.
Лѣсникъ жукъ	25 к.
Изъ предмѣстья	25 к.
Майскіе союзы	30 к.
Праздники древонасажденій	30 к.
Другъ несчастныхъ докторъ Гаазъ.	5 к.
Курскій астрономъ-самоучка Семеновъ.	5 к.
Какъ жилъ и что писалъ В. А. Жуковскій	5 к.
Одинъ изъ многихъ	3 к.
Къ свѣту. Повѣсть	8 к.
Старый камердинеръ	5 к.
Въ тихомъ углу	5 к.
Дядюшка Яковъ—Офеня	5 к.
Искра Божія. Разказъ	5 к.
Бѣдный родственникъ	5 к.
Отрывной дѣтскій календарь	50 к.

Въ складѣ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ (Спб. Кабинетск. ул. д. 13) имѣется книга **Леонида Соколова. Практическая методика объяснительнаго чтенія.** (Руководство къ разработкѣ матеріала по книгѣ Кл. Лукашевичъ «Съятель» года 1—4. Цѣна 1 р. 20 коп.).

ЦѢНА 50 КОП. ВЪ БУМАЖКѢ.

